

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

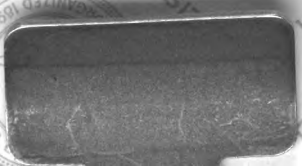
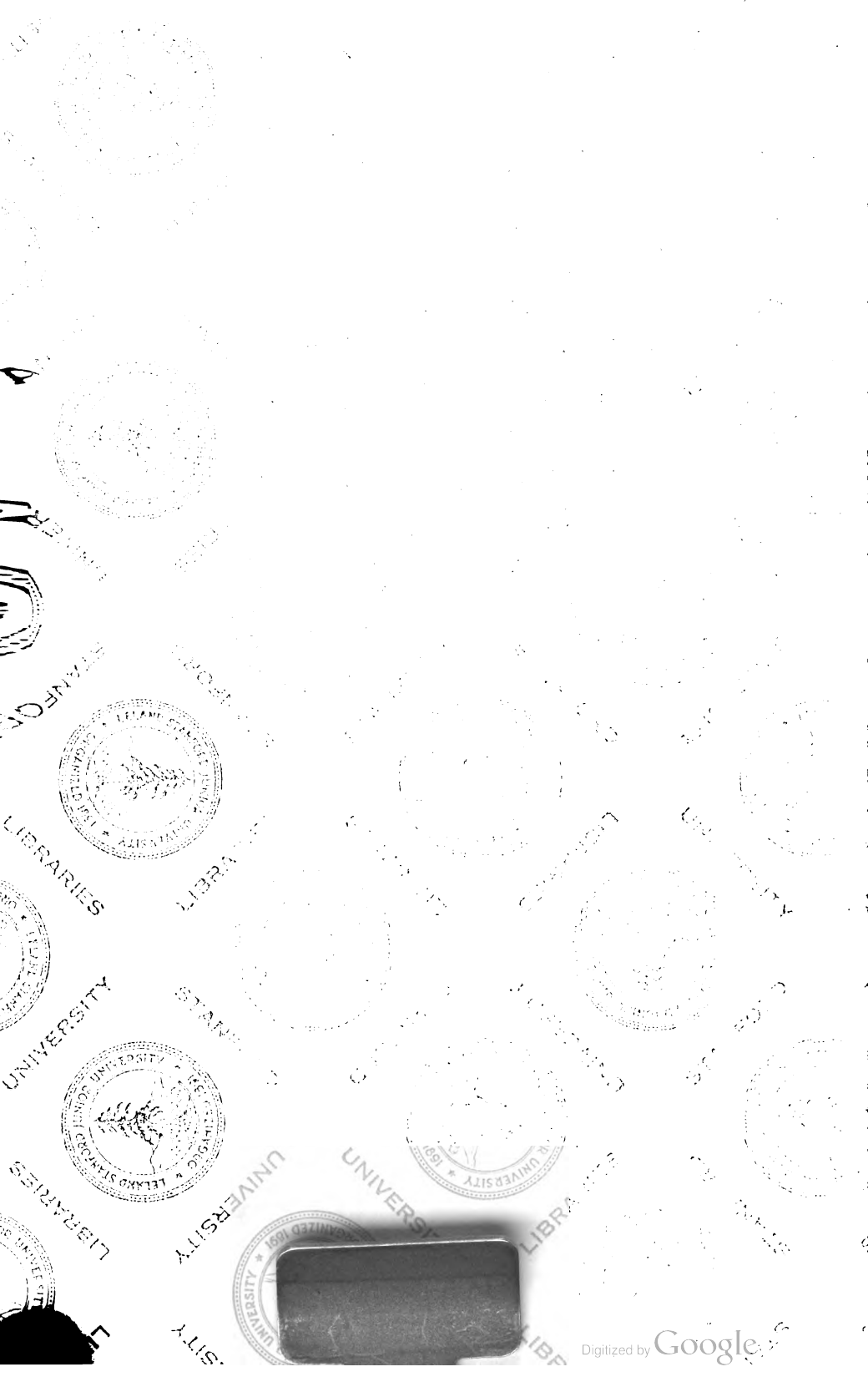
О программе Поиск книг Google

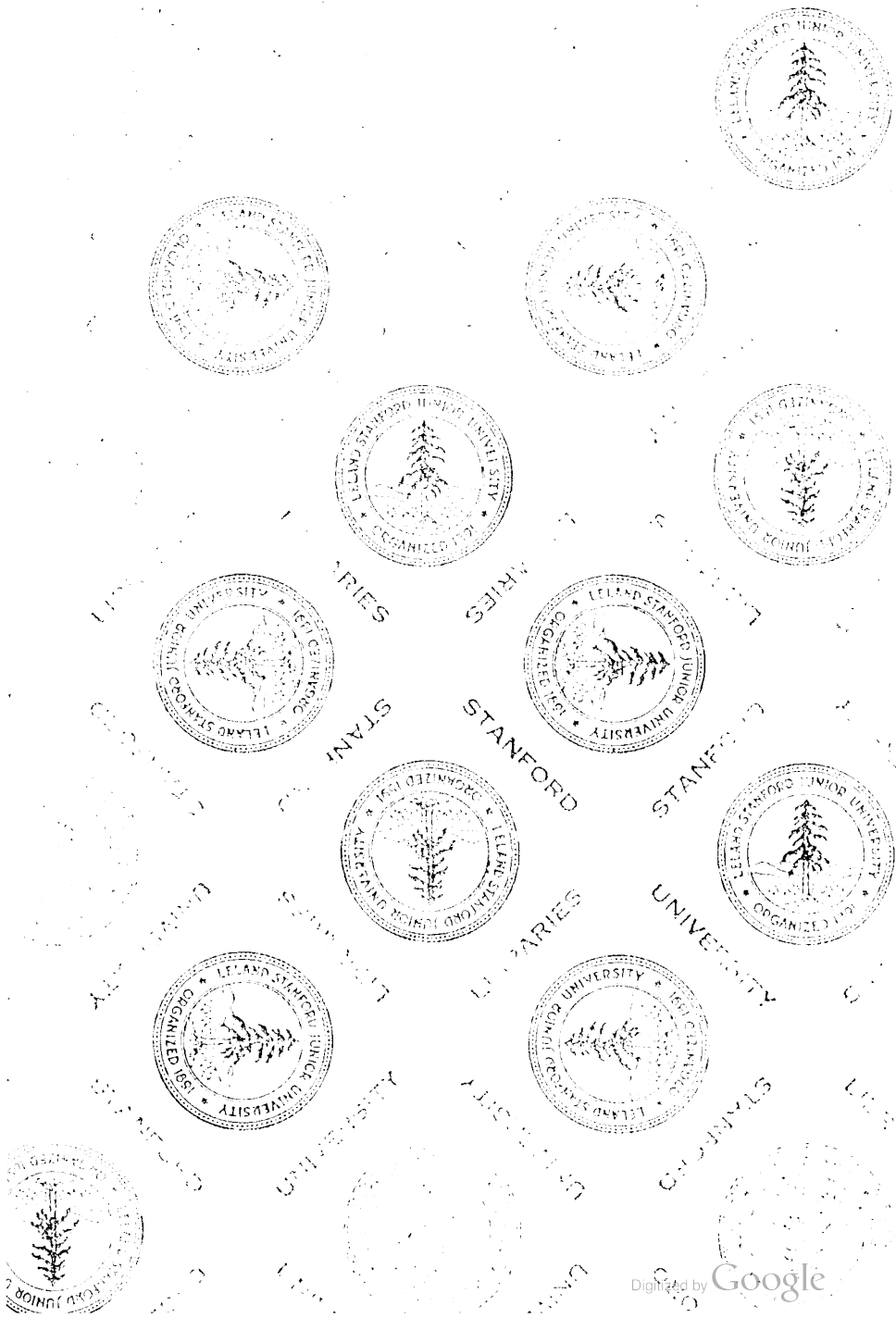
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 210 176 231

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XVIII. АВГУСТЪ. 1899 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Въ семьѣ Востоковыхъ. Романъ А. Мартынова.	7
II. Лѣтній вечеръ. Стихотвореніе Л. Афанасьева.	96
III. Очерки Средней Азіи. (Путевыя впечатлѣнія). Николая фонъ-Гуна.	97
IV. Сафо. (Изъ П. Верлена). Стихотвореніе Н. В. Иванова . .	126
V. По закону. (Изъ южно-русской жизни). Д. В. Ѳедорова .	127
VI. Пауперизмъ въ Парижѣ. (По изслѣдованіямъ д'Оссонвиля).	144
VII. Передъ разлукой. Стихотвореніе Г. Арищенки.	181
VIII. Одинъ изъ еврейскихъ «культурныхъ» обрядовъ. Н. Ш. .	182
IX. Подражаніе древнимъ. Стихотвореніе Д. Ратгауза	189
X. Разбитая жизнь. (Mater Dolorosa). Романъ Джероламо Роветты.	190
XI. Послѣдній пріютъ. Стихотвореніе В. Чуфарина	301
XII. Провинціальная жизнь. X.	302
XIII. Июньская ночь. Стихотвореніе гр. П. Д. Бутурлина . . .	333
XIV. А. П. Пятковскій. Къ сорокалѣтнюю литературную дѣятельности. (Съ портретомъ).	334

(См. на оборотѣ).

XV. Политическая хроника . . . . .

Опереточный король и его попытки заполучить права настоящего короля.—Подвиги Милана внутри и вѣдъ Сербіи.—Разореніе и развращеніе страны.—«Сочиненный» или «раздутый» заговор?—Министры и посланники, привлеченные къ шемякину суду.—Необходимость иностраннаго вмѣшательства.—Заигрываніе Германіи съ Франціей.—Что можетъ дать франко-германскій союзъ Франціи?—Подкопы подъ франко-русскій союзъ.—Двуличность новаго французскаго кабинета.—Галлифѣ, увольняющій генераловъ и заступающійся за армію.—Принцъ Монакскій, предлагающій убѣжище Дрейфусу.—Женскій конгрессъ въ Лондонѣ.—Сообщеніе А. А. Сабурова.—Мѣры, предложенныя имъ для прекращенія торговли новыми «невольницами».—Новозобрѣтенныя англійскія пули въ годину мирной конференціи.

XVI. Новыя книги: 1) *И. Н. Потапенко*. Свѣтлый лучъ. Повѣсти и рассказы, т. XII. СПб., 1899 г. 2) *Ив. Порошинъ*. Русалка. СПб., 1899 г. 3) *И. М.* Русская журнальная литература въ настоящее время. СПб., 1898 г. . . . .

21

XVII. Наши внутреннія дѣла . . . . .

27

Домовладѣльческіе аппетиты и мѣры къ ихъ обузданію.—Проектъ *нормального контракта*.—Нынѣшній «хозяйскій» контрактъ—ловушка для квартиронанимателя.—Безпомощность жильца предъ лицомъ домохозяина.—Ненаказуемое квартирное ростовщичество.—Проектъ объ участіи квартиронанимателей въ городскихъ выборахъ.—Полная несостоятельность нынѣшнихъ городскихъ якобы—самоуправленій.—Домовладѣльцы, какъ неумѣлые хозяева городовъ.—«Хозяйственный способъ» веденія городскихъ дѣлъ.—О чемъ заботятся наши «отцы города»?—Дикія попытки думы обложить повременныя изданія налогомъ, въ видѣ наказанія за грамотность.—Отповѣдь думскимъ аппетитамъ.—Что сдѣлала дума для печати и печатя для думы?—Необходимость переоцѣнки домовъ и возвышенія, сообразно съ новою цѣною, городскихъ налоговъ.—Обратный пріемъ студентовъ въ университетъ.—Зловѣщій «Кіевскій союзный совѣтъ»,—состоявшій на половину изъ жидовъ.—«Временныя правила» объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, исключенныхъ за учиненіе скопомъ безпорядковъ.—Законная репрессія противъ репрессіи подпольной.—Низшая университетская инспекція.—Что такое университетскій «педель»?—Заботы А. С. Ермолова объ улучшеніи кавказскихъ минеральныхъ водъ.

XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) По бѣлу свѣту.

(Замѣтки и наблюденія). Финансовый гигантъ, явившій къ подножію «Золотаго тельца».—Феерія г. фонъ-Дервиза и его послѣдніе счета съ конкурсною комиссіей.—Горькій напитокъ, поднесенный ему «управителемъ».—Самые крупныя кредиторы.—Кто сядетъ на мѣсто Дервиза?—С. Мамонтовъ, шествующій по его стопамъ.—Разясненіе и предостереженіе министерства финансовъ.—Невинный узникъ «Чортова острова», надѣвшій снова капитанскій мундиръ.—Долго ли онъ будетъ носить его?—Трогательная солидарность между нашими и парижскими дрейфусистами.—«Сколько ихъ? куда ихъ гонять? что такъ жалобно поютъ»?—Угрозы жидовъ и угрозы жидамъ.—*Quousque tandem?*.. Князя Tenerифскаго. . . . .

43

2) Стихотвореніе Невскаго Жителя . . . . .

51

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

1918 г.

ЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

15. АВГ. 1918

№ 116:143

[24x16]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Колокольной улицѣ, № д. 18—19
(уголь Николаевской).

1899.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS
FEB 20 1974

AP50
N33
V.18:8
1899

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ:

„УКАЗАТЕЛЬ“

статей, напечатанныхъ въ журналѣ
„Наблюдатель“ за 12 лѣтъ, съ 1882 по
1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ).

ЦѢНА: безъ пересылки **25** коп.; съ пере-
сылкой **30** коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1899 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

|| XVIII || „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ || XVIII ||

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступивъ въ 18-й годъ своего существованія, журналъ издается въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появившихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, приютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* ¹⁾. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 р. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редація нашла возможнымъ — *сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить къ журналу иллюстраціи*.

¹⁾ «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. На полгода. На три мѣс.

Съ доставкою въ С.-Петер- бургъ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годового экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ — разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ книгахъ журнала за прошлый годъ, къ тексту приложены портреты: *Н. В. Муравьева* (мин. юстиціи), *А. С. Ермолова* (мин. земледѣлія), *С. Ю. Витте* (мин. финансовъ), *П. С. Ванновскаго* (бывш. военного министра), графа *Н. П. Инатъева* (бывш. министра внутреннихъ дѣлъ) и *И. П. Корнилова* (почетнаго опекуна, бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа).

Подписка на текущій годъ продолжается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургъ — въ Главной Конторѣ Редакціи, Колокольная (на углу Николаевской) д. № 18—19), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ **Москвѣ** — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ** — въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ** — въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани** — въ книжн. магазинѣ Дубровиной. Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Адресъ для телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя».** Телефонъ № 2237.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимает собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросам общественной жизни, городского, земскаго и сельскаго самоуправления. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральны; обзоръ искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и стороннія сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библиографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ:

«Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

По обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависящимъ, *возобновленіе газеты отлагается*. (Эти обстоятельства выяснены въ январьской книгѣ «Наблюдателя», въ отдѣлѣ «Фонографа»). Право на возобновленіе газеты, по прежней программѣ, продолжено до 1-го мая 1900 г. Подписчики, не отвѣтившіе до 1-го апрѣля на запросъ Редакціи, получаютъ «НАБЛЮДАТЕЛЬ», *со скидкою 2 р. съ годовой цѣны*.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

ВЪ СЕМЬЪ ВОСТОКОВЫХЪ.

Романъ.

I.

Въ жаркій юньскій день, по дорогѣ, прилегавшей отъ села Кулагина къ губернскому городу Т., шла одинокая путница среднихъ лѣтъ, одѣтая въ черное ситцевое платье съ широкою, длинной кофтою и по монашески покрытая чернымъ платкомъ, надвинутымъ на лобъ вплоть до бровей. Въ одной рукѣ у нея былъ старенькій парусинный зонтикъ, слабо защищавшій отъ солнца, а въ другой—небольшой узелокъ. Ея загорѣлое, своеобразно-некрасивое лицо,—на которомъ отъ жары выступили крупныя капли пота,—отличалось смѣсью энергіи съ наивною, что именно и придавало оригинальность всей фizioноміи. Изъ-подъ черныхъ, густыхъ бровей, почти сросшихся у переносицы, съ дѣтскимъ простодушіемъ смотрѣли небольшіе свѣтло-сѣрые глазки; грубоватая рѣзкость профиля смягчалась ртомъ съ пухлыми губами, какъ будто бы готовившимися раздвинуться доброй, ласковой улыбкою.

Уныло-однообразная песчаная дорога, мѣстами поросшая мелкимъ кустарникомъ, разстилалась предъ глазами путницы, которую немилосердно жгло солнце, а вѣтеръ осыпалъ ее столбами пыли.

Но она, повидимому, не страдала ото всего этого, бодро шагая по песку, какъ человекъ, давно привыкшій къ путешествіямъ «по образу пѣшаго хожденія», во всякую погоду и по всякимъ дорогамъ.

Эта путница—была просвирня изъ села Кулагина; звали

ее Мариною Егоровной, по фамилии Борисоглѣбской, а шла она теперь въ городъ, находившійся въ семи верстахъ отъ Кулагина къ своему двоюродному дядѣ, соборному протоіерею о. Кириллу Востокову, собственно затѣмъ, чтобы поздравить его съ полученіемъ ордена Анны второй степени.

Ни къ кому на свѣтѣ не питала Марина Егоровна такого глубокаго уваженія и самой искренней преданности, какое чувствовала къ своему «дяденькѣ-протопопу», и къ его женѣ, «тетенькѣ Софѣ Платоновнѣ». Она считала «дяденьку» своимъ великимъ благодѣтелемъ, какъ бы вторымъ отцомъ, и теперь, дорогою, вспоминала въ тысячный разъ всѣ благодѣянія, которыя онъ оказывалъ ей. На двадцатомъ году своей жизни, Марина Егоровна осталась круглою сиротой, сперва похоронивъ мать, а черезъ мѣсяцъ послѣ того и отца, сельскаго дьякона. Въ это-то время дяденька оказалъ ей первое благодѣяніе: нашелъ жениха изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ, согласившагося взять некрасивую невѣсту, все приданое которой заключалось въ одномъ отцовскомъ мѣстѣ сельскаго дьякона да, вдобавокъ еще, въ очень бѣдномъ селѣ.

Положимъ, тотъ-же дяденька сдѣлалъ ей скромное, но приличное приданое и далъ деньгами двѣсти рублей, оказавъ такимъ образомъ уже второе благодѣяніе. Въ замужствѣ Марина Егоровна была очень счастлива, только счастье ея разбилось черезъ шесть лѣтъ послѣ свадьбы. Ея мужъ, человекъ добрый, тихій, искренно любившій свою жену, оказался плохъ здоровьемъ: постоянно прихварывалъ, таялъ, какъ свѣчка въ теченіе шести лѣтъ и, наконецъ, умеръ отъ порока сердца, приобрѣтеннаго имъ еще до женитьбы. Двадцати пяти лѣтъ Марина Егоровна осталась бѣдной вдовою съ единственною четырехлѣтней дочкою Катей. Тогда снова явился къ ней на помощь «дяденька-протопопъ» и выхлопоталъ для своей овдовѣвшей племянницы мѣсто просвирни въ Кулагинѣ, не смотря на то, что она, такая молодая, не смѣла даже и надѣяться получить просвирническое мѣсто.

Наконецъ, когда Катя подросла и настало время учить ее, дяденька опять позаботился объ этомъ. По его ходатайству, дѣвочка была принята интернаткой въ епархіальное училище на казенный счетъ. Теперь ей остается только одинъ годъ до окончанія курса, учится она очень хорошо и все это достав-

ляетъ ея матери большое удовольствіе. Всѣ мечты и пріятныя надежды Марины Егоровны сосредоточиваются на дочери,— на томъ, какъ черезъ годъ она съ ней заживетъ вмѣстѣ.

Надобно сказать, что Марина Егоровна безропотно переносила всѣ горести, выпадавшія на ея долю, никогда не жаловалась на судьбу, не унывала и всегда казалась счастливой и довольной. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ того дня, какъ она въ первый разъ въ жизни испекла просвиры, и въ продолженіе этихъ лѣтъ не только свыклась со своимъ дѣломъ, но будто бы сроднилась съ нимъ. Занимая должность просвирни, Марина Егоровна въ то же время сдѣлалась портнихой, самоучкою выучившись шить дамскіе наряды, рясы и подрясники, и за самую умѣренную плату обшивала сельское духовенство и крестьянъ. Правда, работала она топорно, зато прочно, что весьма цѣнилось ея небогатыми заказчиками. И когда кто нибудь спрашивалъ ее:—«Какъ поживаете, что «подѣлываете»? — она обыкновенно отвѣчала съ веселой улыбкой:—«Да просвиры пеку, одѣжу шью и Бога благодарю».

Воспоминанія о благодѣяніяхъ дяденьки-протопопа какъ будто бы сократили путь Маринѣ Егоровнѣ. Она даже удивилась, завидѣвъ издали главы городскихъ церквей, съ ярко блиставшими крестами, и подумала:—«Намедни, когда Игнатій Савельичъ мнѣ давалъ лошадь, словно бы на лошади-то не такъ скоро я до города доѣхала, какъ теперь пѣшкомъ добралась»... А чрезъ нѣсколько минутъ она ужъ зашагала по первой городской улицѣ; затѣмъ, пройдя еще двѣ улицы и три переулка, очутилась на Соборной площади, среди которой возвышался соборъ старинной архитектуры, обнесенный каменною оградой, кое-гдѣ поросшей мохомъ. По правую сторону отъ собора, въ сотнѣ шаговъ отъ него, были выстроены два церковныхъ дома для причта, оба каменные. Въ первомъ, двухэтажномъ, проживалъ весь соборный причтъ, за исключеніемъ о. протопопа, занимавшаго отдѣльный одноэтажный домъ съ подъездомъ на улицу. Каждый разъ, когда случалось Маринѣ Егоровнѣ подходить къ этому дому,—что случалось довольно часто,—въ головѣ у нея всегда появлялась одна и та же мысль:—«Настоящій барскій домъ, вовсе даже на церковный не похожъ! Да, поди, не всякій помѣщикъ такъ живетъ, на такую благородную ногу, какъ дяденька, спаси его

Господи!»!—Слѣдуетъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Марина Егоровна попала въ просвирни, она начала держать себя по монашески (неизвѣстно на какомъ основаніи) стала постоянно одѣваться во все черное, низко кланяться и чуть не къ каждому слову прибавлять: — «спаси Господи», — да: «истинно».

Въ особенное же восхищеніе приводила наивную просвирню, — мѣдная дощечка, прибитая къ двери дяденкина дома, на которой было выгравировано славянскими бузвами:

«Протоіерей Троицкаго собора, Кирилль Пименовичъ Востоковъ». Ни у кого изъ многочисленнаго городского духовенства не имѣлось подобныхъ дощечекъ на дверяхъ, даже у самого о. благочиннаго, а потому эта дощечка представлялась Маринѣ Егоровнѣ будто бы какимъ-то знакомъ отличія, выданнымъ дяденкѣ за его превосходство предъ прочими духовными лицами.

И теперь, по своему обыкновенію, Марина Егоровна не только полюбовалась дощечкой, но даже заботливо стерла съ нея пыль носовымъ платкомъ, а затѣмъ ужъ взялась за ручку звонка и тихонько позвонила, думая: — «Пожалуй, дяденка еще почиваетъ послѣ обѣда... истинно, не разбудить бы мнѣ его, помилуй Богъ»!

Однако, дверь скоро отворилась предъ нею, отпертая старой горничной Натальею, служившей у Востоковыхъ болѣе десяти лѣтъ.

Наталья была прежде дворовой у какой-то княгини; во всѣхъ ея манерахъ такъ и проглядывала бывшая крѣпостная, притомъ прекрасно выдрессированная. Высокая и худая, она держалась необыкновенно прямо, не смотря на свой почтенный возрастъ, ходила совсѣмъ неслышными шагами, ступая съ какой-то особенной осторожностью, точно по стеклянному полу, и говорила почти шопотомъ. Одѣвалась до щепетильности опрятно и прилично; платья носила всегда темныя съ бѣлыми фаргуками, воротничками и рукавчиками. Лицо у нея было удивительно-серьезное, никогда не улыбавшееся, съ умными глазами.

Наталья отлично знала, къ какимъ изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ благоволятъ ея хозяева и къ какимъ не благоволятъ.

Марину Егоровну любилъ не только о. протопопъ, но любила и сама матушка-протопопица, (къ слову сказать, не терпѣвшая, чтобъ ее называли «матушкой» и приказывавшая прислугѣ звать по имени-отчеству).

Поэтому, при видѣ просвирни, серьезное лицо горничной нѣсколько оживилось и она привѣтливо сказала:

— Ахъ, вотъ кого намъ Богъ принесъ! Здравствуйте, матушка Марина Егоровна, милости просимъ.

— Здравствуй, Натальюшка, спаси тебя Господи! еще привѣтливѣй отозвалась пришедшая, звонко чмокнувъ Наталью въ щеку, а затѣмъ продолжала:

— Я тебѣ просвирку принесла... вотъ тутъ она, въ узелочкѣ.

А чтó, дома ли дяденька съ тетенькой и братцы съ сестрицей?

— Благодарствуйте за просвирку, матушка! Просто удивленія достойно, какъ это вы всегда обо мнѣ помните, — съ чувствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько жеманно поблагодарила Наталья. — У насъ только что молодые господа, Леонидъ Кирилловичъ съ Лидією Кирилловной, уѣхавши, а то всѣ дома. Да и они къ вечеру, должно быть, вернутся; вчерашнимъ утромъ еще уѣхали въ имѣніе къ господамъ Зайчевскимъ, а нынче непременно обѣщались домой возвратиться... Отецъ протопопъ сейчасъ отдыхаютъ послѣ обѣда, а Софья Платоновна на террасѣ сидятъ... Аха, да чтó жъ это мы на крыльцѣ толкуемъ? — вдругъ спохватилась она. — Пожалуйте въ комнаты!

Однако, Марина Егоровна колебалась войти, нерѣшительно поглядывая на горничную.

— Да вотъ чтó, Натальюшка, — заговорила она послѣ минутнаго молчанія, — ты посмотри-ка на меня, какъ я запылилась-то; ужъ такой нынче вѣтеръ Господь послалъ, что по дорогѣ свѣту божьяго не видать отъ пыли... Вѣдь у меня, поди, теперь лицо-то на манеръ, какъ бы у трубочиста, а платье — изъ чернаго въ бѣлое превратилось. Возможно ли въ такомъ непристойномъ видѣ показаться тетенькѣ? Лучше я, Натальюшка, сейчасъ въ кухню пройду, умоюсь тамъ да пообчишусь...

— Ахъ, чтó вы? — прилично ужаснувшись, перебила ее

Наталья, — у насъ въ кухнѣ такое безобразіе: къ Улитѣ деревенскіе гости пришли и дѣтѣмъ отъ нихъ пахнетъ до невозможности! А вы пожалуйста прямо въ мою комнату и поправьте тамъ свой тувалетъ. — Послѣднее слово она произнесла съ особенной отчетливостью и съ нѣкоторой важностью, какъ имѣла обыкновеніе произносить только слова, признаваемые ей «мудреными» или «великатными».

«Тувалетъ» — она причисляла ко второму разряду, т. е. къ «великатнымъ».

Марина Егоровна, съ благодарностью принявъ любезное приглашеніе Натальи, послѣдовала за ней черезъ просторныя, свѣтлыя сѣни въ переднюю, отъ которой была отгорожена крошечная комнатка горничной. Но въ этой комнаткѣ, не смотря на тѣсноту, царствовалъ такой безукоризненный порядокъ и чистота, что, какъ говорится, «плюнуть некуда». — Войдя туда вслѣдъ за Натальей, Марина Егоровна немедленно принялась поправлять свой «тувалетъ», отказавшись отъ малѣйшей помощи горничной, желавшей ей услужить. Умывшись, причесавшись и вычистивъ щеткой свое платье, Марина Егоровна развязала узелокъ; въ которомъ оказались три проsvиры: двѣ большія и одна маленькая. Послѣднюю она вручила Натальѣ, а съ двумя остальными отправилась къ тетенькѣ Софьѣ Платоновнѣ.

II.

— Проходя чрезъ залу и гостинную, Марина Егоровна любовалась всѣмъ, что попадалось ей на глаза, съ такимъ видомъ будто бы въ первый разъ явилась сюда. Она любовалась, глядя на высокій потолокъ и на паркетный полъ, съ восхищеніемъ замѣчая по истинѣ необыкновенную чистоту въ комнатахъ. Можно было подумать, что пыль боится Восточныхъ и никогда ни одна пылинка не залетаетъ къ нимъ въ домъ.

Въ большой свѣтлой залѣ, оклеенной бѣлыми обоями подъ атласъ и обставленной темною вѣнской мебелью, Марина Егоровна полюбовалась дорогимъ роялемъ, а затѣмъ перенесла свое вниманіе на стройные фикусы и драцены, листья которыхъ блестѣли отъ чистоты, точно покрытые лакомъ.

«Ужъ такъ-то все барственно, благородно!»—въ послѣдній разъ окидывая взглядомъ залу и переходя въ гостинную, подумала Марина Егоровна. Въ гостинной тоже все казалось ей барственнымъ и благороднымъ: коричневые съ золотомъ обои, мягкая мебель подъ ослѣпительно-бѣлыми чехлами, простѣ-ночное зеркало въ орѣховой рамѣ и съ мраморнымъ подзеркальнымъ столиккомъ, пара гдѣхъ посредственныхъ картинъ, на которыхъ были изображены лиловые горы и ярко-зеленныя деревья—словомъ, все, что находилось въ этой комнатѣ, и сама комната. Стеклянная дверь изъ гостинной вела прямо на широкую террасу, выходящую въ садъ. На террасѣ сидѣла тетенька Софья Платоновна въ плетеномъ креслѣ, за дубовымъ столомъ, на которомъ раскладывала пасьянсъ, что составляло ея всегдашнее послѣобѣденное занятіе. Спать въ это время она не имѣла привычки.

Не смотря на то, что Софья Платоновна уже стукнуло пятьдесятъ, ее все еще можно было назвать очень красивой. Высокаго роста, величаво-статная, она могла бы служить превосходной моделью для художника, желающаго изобразить почтенную римскую матрону. Профиль у матушки-протопопицы былъ настоящій римскій и всѣ черты ея лица отличались правильностью античной камеи. Только на этомъ лицѣ, точно украденномъ у благородной древней римлянки, выгибались русскія соболиныя брови дугой надъ русскими же карими глазами съ поволокой. Въ густыхъ, темнорусыхъ волосахъ Софьи Платоновны, покрытыхъ черною кружевною косыночкой, какъ-то особенно красиво серебрилась сѣдина, словно блестящій иней на темномъ ельникѣ. Походка и движенія у нея были увѣренныя, горделиво-спокойныя. Наталья, послужившая на своемъ вѣку многимъ господамъ, прежде чѣмъ попасть въ домъ соборнаго протопопа, положительно благоговѣла предъ Софьею Платоновной, говоря объ ней почти съ умиленіемъ:

— Какъ есть настоящая госпожа, даже повѣрить нельзя, что изъ духовнаго званія. По всѣмъ манерамъ за генеральшу можно ихъ принять. Да, ужъ сейчасъ видно, что онѣ получили воспитаніе въ дворянскомъ домѣ!

Натальѣ была извѣстна біографія ея хозяйки, съ которой и мы скоро познакомимся.

Софья Платоновна любила и умѣла одѣваться хорошо,

со вкусомъ, даже не вынося небрежности въ одеждѣ другихъ.

И теперь, сидя одна дома, она была въ сѣромъ батистовомъ платьѣ, спитомъ просто, но изящно, и по модѣ.

— Здравствуйте, тетенька, спаси васъ Господи! — говорила Марина Егоровна, приближаясь къ ней и на ходу отвѣщая монашескіе низкіе поклоны.

— А! Это ты, Марина.. Ну, здравствуй! — благосклонно протянула величавая протопопица, не поднимаясь навстрѣчу гостѣ и кладя шестерку на туза. Впрочемъ, она подарила племянницу такимъ снисходительно-ласковымъ взглядомъ, какимъ дарятъ иногда большія собаки хорошей породы маленькихъ, смирныхъ дворняшекъ.

Софья Платоновна не долюбивала родни изъ духовнаго званія, какъ своей, такъ и мужниной, въ особенности же бѣдной. Только одна Марина Егоровна пользовалась ея искреннимъ расположеніемъ, которое она заслужила своею простодушной наивностью, преданностью ко всему семейству Вотсковыхъ и совершенной неспособностью къ попрошайничеству.

Послѣднее особенно цѣнилось протопопицей, не встрѣчавшею этого въ другихъ бѣдныхъ родныхъ, положительно одолевавшихъ о. Кирилла просьбами о помощи. О. Кириллъ, по своей добротѣ и слабости характера, совсѣмъ не могъ отказывать просящимъ, такъ что еслибъ не было у него жены, то навѣрное его окончательно одолѣли бы не только родные, но и чужіе бѣдняки-попрошайки. — А еще цѣнила Софья Платоновна въ Маринѣ Егоровнѣ необыкновенную для всякой женщины сдержанность языка; ей можно было смѣло повѣрять разныя семейныя тайны, безъ малѣйшаго опасенія за то, что она ихъ кому нибудь расскажетъ. Поэтому Софья Платоновна была такъ откровенна со своею племянницей, какъ ни съ кѣмъ.

Между тѣмъ, Марина Егоровна осторожно прикоснулась губами къ теткиной щекѣ и поставила на столъ передъ тетенькой обѣ просвиры, со словами:

— Одна за дяденькино здоровье вынута, а другая за ваше съ чадами. Поздравляю васъ, тетенька, съ царской милостью, съ орденомъ! Вѣрите ли, какъ узнала я вечеромъ объ этомъ

отъ нашего батюшки, о. Андрея, такъ просто руки-ноги за-
тряслись у меня отъ радости,—вотъ истинно!

— Спасибо, Марина. Только что жъ ты меня-то поздрав-
ляешь? Вѣдь орденъ прислали Кириллу Пименовичу, а не мнѣ,—
съ чуть замѣтной усмѣшкою сказала Софья Платоновна и при-
бавила:—Да садись же! Навѣрно ты пришла пѣшкомъ и устала.
Сейчасъ мы съ тобой будемъ пить чай; я ужъ приказала са-
моварь ставить.—Съ послѣдними словами она смѣшала карты
и отложила ихъ въ сторону.

— Такъ я пойдѣ, помогу Натальюшкѣ чайную посуду со-
брать,—всколыхнулась Марина Егоровна, но тетенька удержала
ея за руку, сказавъ повелительнымъ тономъ:

— Садись и сиди! Братъ твой соберутъ посуду. А мнѣ хо-
чется поговорить съ тобой.

Тогда Марина Егоровна покорно опустила на стулъ, ря-
домъ съ Софьею Платоновной.

Она знала, что ужъ если тетенькѣ захотѣлось поговорить
съ ней, такъ значить въ семействѣ Востоковыхъ произошло
что нибудь новое, важное, что еще держится подъ секретомъ
отъ постороннихъ людей. Но Софья Платоновна, усадивъ
гостью, замолчала и внезапно погрузилась въ задумчивость,
будто бы даже не собиралась заводить какой нибудь разговоръ.
Облокотившись на столъ и подперши голову рукой, она устре-
мила свой задумчивый взглядъ въ чашу стараго сада. Марина
Егоровна, поглядѣвъ на нее, тоже совсѣмъ неволью стала
смотреть въ садъ, гдѣ пестрѣли цвѣточныя клумбы, между
которыми пролегали дорожки, усыпанныя краснымъ пескомъ, и
тихо шелестили развѣсистыя старыя деревья своими листьями,
точно разговаривая шопотомъ.

III.

Довольно долго ждала Марина Егоровна, когда заговорить
тетенька, но, не дождавшись этого, заговорила съ ней сама:

— Здоровы ли братцы съ сестрицей?

— Да, ничего, здоровы...—медленно отвѣчала Софья Пла-
тоновна, точно пробуждаясь отъ задумчивости и перевода свой
взглядъ на собесѣдницу. — Лида съ Лёней вчера уѣхали въ
деревню къ Зайчевскимъ, а сегодня хотѣли вернуться. Я рада,

что они хоть немножко подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ. Лёня теперь, слава богу, нѣсколько отдохнулъ у насъ а изъ Москвы пріѣхалъ такой блѣдный, утомленный... Говорить, очень много у него дѣлъ и хлопотъ въ больницѣ. Главный докторъ ничего не дѣлаеть, а все сваливаетъ на Лёню. А вотъ Лида все еще не можетъ поправиться послѣ экзаменовъ. Такая она у меня худенькая, слабая, нервная...

Когда Софья Платоновна стала рассказывать о своихъ дѣтяхъ, въ ея голосѣ зазвучали какія-то особенныя, хватающія за сердце ноты, а ея горделиво-спокойное римское лицо вдругъ будто бы освѣтилось выраженіемъ трогательной любви и нѣжности.

— Ахъ, тетенька!—съ сочувственнымъ вздохомъ начала Марина Егоровна.—Вѣдь нелегкое дѣло эти самыя экзамены выдерживать да курсы кончать. Моя Катя тоже послѣ экзаменовъ на себя не похожа дѣлается, словно послѣ болѣзни. А вѣдь сестрицѣ-то Богъ привелъ курсъ кончить... страшно сказать даже гдѣ: въ кон... въ кон-сер-ваторіи!—съ большимъ трудомъ выговорила она послѣднее слово и послѣ того перевела духъ, точно поднявъ какую нибудь тяжесть. Но, помолчавъ не болѣе секунды, она опять продолжала съ возрастающимъ оживленіемъ:

— Истинно, утѣшаетъ васъ Господь дѣтьми, тетенька! Сестрица въ гимназіи курсъ кончила съ золотой медалью и теперь опять кончила... она ужъ не повторила, гдѣ именно, чтобъ не утруждать языкъ, — и опять съ золотой медалью! Да и какъ же ее не наградить, если она такъ на роялѣ играетъ, что всѣ только ахаютъ да дивятся, слушая. И братецъ Леонидъ Кирилловичъ тоже, вѣдь, какъ учился-то, спаси его Господи! А зато теперь московскимъ докторомъ сталъ,—чего ужъ лучше!

— Ну, а Платонъ еле кончилъ въ семинаріи по второму разряду,—съ горечью въ голосѣ и съ внезапно омрачившимся лицомъ перебила Софья Платоновна племянницу.—Ужъ если Господь утѣшаетъ насъ Лёней и Лидой, то тяжко наказываетъ младшимъ сыномъ! Мало того, что Платонъ непроходимо глупъ, онъ еще вдобавокъ неуклюжъ, какъ медвѣдь. Положимъ, почти всѣ семинаристы не отличаются ловкостью и хорошими манерами, но ужъ, кажется, нашъ Платонъ всю семинарію затмилъ

и превзошелъ своимъ неумѣньемъ держать себя по человѣчески!

Маринѣ Егоровнѣ очень нравился братецъ Платонъ Кирилловичъ, казался добрымъ и хорошимъ, — поэтому она горячо заступилась за него:

— Что жь, вѣдь братецъ Платонъ Кирилловичъ не отчаянный какойнибудь, спаси его Господи! Вотъ только наука ему не далась, да манеръ не имѣеть, а зато тихъ и смиренъ на рѣдкость. Въ смиренныхъ-то сердцахъ, говорятъ, Богъ почиваетъ. И къ вамъ съ дяденькой онъ очень почитителенъ...

— Перестань, пожалуйста, восхвалять его, — рѣзко и гнѣвно воскликнула Софья Платоновна и, поднявшись съ мѣста, прошла нѣсколько разъ по террасѣ взадъ и впередъ, въ замѣтномъ волненіи и продолжая говорить недовольнымъ тономъ:

— Платонъ вовсе не смирененъ, а тупъ и безхарактеренъ. Такіе люди способны на все дурное; ихъ надо постоянно поддерживать, чтобъ они не упали. Попадетъ такой человѣкъ въ общество пьяницъ или мошенниковъ, подчинится ихъ вліянію и самъ сдѣлается пьяницей или воромъ, или еще богъ знаетъ кѣмъ... Да, я боюсь, что Платонъ, вырвавшись теперь на волю изъ семинаріи, собьется съ пути, особенно если долго проживетъ въ праздности, безъ всякаго дѣла.

— Охъ, спаси его Господи! — со слезами въ голосъ промолвила Марина Егоровна, грустно поглядывая на разсердившуюся тетеньку. А, между тѣмъ, Софья Платоновна поуспокоилась, опять сѣла на прежнее мѣсто и заговорила гораздо мягче:

— Можетъ быть, ты слышала, что въ селѣ Вознесенскомъ умеръ дьяконъ. Такъ вотъ Кириллъ Пименовичъ хочетъ хлопотать объ этомъ дьяконскомъ мѣстѣ для Платона. Но пока мы еще никому насчетъ этого не говоримъ. Что жь, для Платона мѣсто сельскаго дьякона — благодать; вѣдь ничего лучшаго ему никогда не дождаться!

Въ эту минуту на террасѣ появилась Наталья съ подносомъ, уставленнымъ чайной посудой, а вслѣдъ за ней рябая, нескладная кухарка Улита съ самоваромъ. Увидѣвъ прислугу, Софья Платоновна замолчала. Когда же Наталья съ Улитой расставивъ на столѣ посуду, ушли съ террасы, она снова обратилась къ племянницѣ, заговоривъ съ ней совсѣмъ веселымъ тономъ:

— Знаешь, Марина, ты меня съ толку сбила! Совсѣмъ не про дьяконское мѣсто хотѣла я тебѣ рассказать, а очень интересную новость. А ты меня съ толку сбила, — повторила она уже со смѣхомъ, заваривая чай. Марина Егоровна искренно обрадовалась тому, что тетенька, слава богу, больше не гнѣвается и развеселилась. И, глядя на смѣющуюся Софью Платоновну, она сама отъ души разсмѣялась, обнаруживъ крупные, бѣлые зубы.

— Истинно, это не бѣда, тетенька, если я вмѣсто одной новости узнаю двѣ!—воскликнула она радостно. Веселое выраженіе на лицѣ Софьи Платоновны смѣнилось серьезнымъ до строгости, когда она сказала, понижая голосъ.

— Ну, такъ слушай... Да только, пожалуйста, никому не передавай, не для чего благовѣститъ прежде времени. Лѣня хочетъ жениться и нашель себѣ невѣсту въ Москвѣ.

— Да что вы! Ну, дай ему Богъ во святой часъ,—набожно перекрестилась, пріятно пораженная такой новостью просвирня. На комъ-же братецъ собирается жениться? Софья Платоновна, немножко помолчавъ,—очевидно для большаго эффекта,—не безъ торжественности объявила:

— На княжнѣ Староханской.

Марина Егоровна ахнула, всплеснувъ руками и вскочила со стула, будто ужаленная осой.

— На княжнѣ! Ахъ, спаси его Господи! — восторженно воскликнула она такимъ громкимъ голосомъ, что тетенька замѣтила:

— Да ты потише радуйся...

Но Марина Егоровна, какъ будто бы не слыхала этого замѣчанія и въ порывѣ восторга бросилась обнимать и цѣловать Софью Платоновну, приговаривая:

— Тетенька, голубушка, милая! Это ужъ истинно Господь посылаетъ по дяденькинымъ молитвамъ.

— Глупая, да ты меня задушишь!—отвѣчала ей въ тонъ тетенька, однако, не отворачиваясь отъ ея поцѣлуевъ, и съ довольной улыбкою.

Проявивъ такимъ образомъ свою радость, Марина Егоровна нѣсколько успокоилась, опять сѣла и начала спрашивать Софью Платоновну о возрастѣ, наружности и приданомъ братцевой знатной невѣсты. Но тетенька несовсѣмъ охотно и очень

сдержанно отвѣчала на разспросы племянницы относительно возраста и наружности, и только сказала, что, судя по фотографической карточкѣ, привезенной Леонидомъ, — «невѣста довольно интересна, хотя не первой молодости». — Насчетъ же приданого, она съ подавленнымъ вздохомъ выразила предположеніе, что у княжны его, пожалуй, совсѣмъ не будетъ, во всякомъ случаѣ на деньги рассчитывать нечего. Княжна — изъ стариннаго, хорошаго, но совершенно обѣднѣвшаго рода, круглая сирота и живетъ у своихъ тетокъ, тоже небогатыхъ.

— Лёня женится на ней по любви, а не изъ-за денегъ, — гордо прибавила Софья Платоновна. — У него теперь прекрасное мѣсто при больницѣ, порядочная практика... Да и у насъ, слава богу, есть чѣмъ подѣлиться съ дѣтьми, помочь имъ, когда это понадобится.

Марина Егоровна была крайне удивлена и опечалена. До сихъ поръ она воображала, что всѣ князья, графы и прочія титулованныя особы владѣютъ огромными капиталами, а теперь вдругъ узнала, что есть на свѣтѣ княжны не богаче какихъ нибудь дьяконскихъ или дьячковскихъ сиротъ. Это казалось простодушной просвириѣ чрезвычайно удивительнымъ и прискорбнымъ, и она отъ всего сердца пожалѣла бѣдную княжну, невѣсту Леонида.

IV.

— Вотъ какъ! Здѣсь чай пьютъ, а меня не зовутъ, — добродушно-шутливымъ тономъ сказалъ о. Кирилль, выходя изъ гостинной на террасу. Марина Егоровна устремила къ дяденькѣ и принялась усердно поздравлять его съ полученіемъ ордена. Однако, даже предъ нимъ она не заикнулась о томъ, что сейчасъ узнала отъ тетеньки.

— Да полно, мати-Марина, будетъ тебѣ поздравлять-то меня! — отмахиваясь отъ кланяющейся просвири, точно отъ назойливой мухи, воскликнулъ о. Кирилль. — Запоздравляла совсѣмъ! Мнѣ чайку хочется, а ты не пускаешь къ столу подойти.

— Простите, дяденька! Вѣдь истинно не пускаю, — переставъ кланяться и давая дорогу о. Кириллу, сказала Марина Егоровна.

О. Кирилль подошелъ къ столу, усѣлся въ плетеное кресло, напротивъ жены, и жестомъ пригласилъ Марину Егоровну тоже садиться.

— Налейте-ка, Софья Платоновна, намъ съ мати-Мариной по «чепарушечкѣ», какъ говаривалъ нашъ ректоръ, блаженной памяти о. Досиѣей,—обратился онъ къ женѣ, пододвигая къ ней большую чашку бѣлаго фарфора, изъ которой всегда пилъ чай.

Съ виду о. Кирилль больше походилъ на самого скромнаго и захудалаго сельскаго батюшку, чѣмъ на соборнаго протоіерея, недаромъ считавшагося первымъ богачемъ среди городского духовенства. Лѣтъ ему было пятьдесятъ семь, но онъ казался значительно старше своего возраста. Его бѣлокурые волосы, рѣденькіе и прямые, были уже тронуты сѣдиною, а небольшая и тоже рѣденькая бородка совершенно сѣда. Къ простому крестьянскому лицу о. Кирилла, некрасивому, но замѣчательно симпатичному, чрезвычайно не шли очки, которые онъ носилъ по своей крайней близорукости. Подрысникъ изъ небѣленаго полотна сидѣлъ мѣшкомъ на малорослой, худощавой и немного сутуловатой фигурѣ о. Кирилла. Говорилъ онъ слабымъ, нѣсколько дребезжащимъ, теноромъ и предъ своей величественною супругой смотрѣлъ жалкимъ, беспомощнымъ старичкомъ.

Принимая изъ рукъ Софьи Платоновны чашку съ чаемъ, о. Кирилль задалъ такой вопросъ,—вѣрнѣе, нѣсколько вопросовъ сразу:

— А гдѣ же греческій мудрецъ Платонъ? По какой причинѣ онъ не присутствуетъ между нами? Ужъ не уѣхалъ ли въ Грецію безъ моего благословенія?

О. Кирилль находился, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа, что всегда выражалось у него добродушной шутильностью въ старинно-семинарскомъ вкусѣ. Эта шутильность не нравилась Софьѣ Платоновнѣ не меньше анекдотовъ изъ семинарскаго и духовнаго быта, которые очень любилъ рассказывать ея мужъ. Но, при всемъ своемъ стараніи, она не могла отучить его отъ этого въ теченіе тридцати лѣтъ, прожитыхъ съ нимъ вмѣстѣ. О. Кирилль нѣжно любилъ и глубоко уважалъ свою жену, считая ее несравненно умнѣе себя и охотно подчиняясь ей,—однако же, при всемъ этомъ, никакъ

не могъ оставить навсегда семинарскую шутливость и не рассказывать болѣ анекдотовъ.

А потому Софья Платоновна теперь посмотрѣла съ неудовольствіемъ на улыбавагося мужа и сухо отвѣтила на его вопросы:

— Я не знаю, куда дѣвался Платонъ. Думаю, что ушелъ къ нашему дьякону; вѣдь онъ тамъ чаще бываетъ, чѣмъ дома.

У о. Кирилла съ женой не было ничего общаго въ характерахъ, вкусахъ и привычкахъ, однако же, это не помѣшало имъ прожить мирно цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Правда, съ перваго дня ихъ супружеской жизни, о. Кириллъ началъ во всемъ уступать женѣ и ухаживать за ней съ заботливостью доброй любящей няньки.—Теперь кстати будетъ рассказать біографію Софьи Платоновны, несовсѣмъ обыкновенную для женщины изъ духовнаго званія.

Софья Платоновна была дочь сельскаго священника, четвертая по счету и самая младшая. Ей только что минуло три года, когда у нея умерла мать, неблагополучно разрѣшившись отъ бремени пятой мертвою дѣвочкой. Смерть жены до того огорчила отца Софьи Платоновны, что онъ, никогда не бравшій въ ротъ вина, запилъ, какъ говорится, безъ просыну, со дня похоронъ. Четыре маленькія дѣвочки, изъ которыхъ самой старшей было только восемь лѣтъ, остались безъ всякаго ухода и присмотра, зачастую голодали, зато пользовались полнѣйшей свободой, что имъ очень нравилось, примиряя ихъ даже съ голодомъ. Грязныя, оборванныя и босоногія, онѣ съ утра до ночи бѣгали по улицѣ, полямъ и лѣсамъ, съ удовольствіемъ принимая разныя подачки отъ добрыхъ людей, жалѣвшихъ сиротъ.

— Охъ, сиротиночки вы несчастненькія! — со вздохами, нараспѣвъ, говорила какая нибудь деревенская баба, одѣлая ихъ ржаными лепешками. — Поди, плохо вамъ безъ мамки-то на бѣломъ свѣтѣ жить? Поди, вставаючи и ложась, горькими слезами обливааетесь, родименькія?

— Нѣтъ, безъ мамки-то веселѣй! Она, тетенька, насъ на улицу не пускала...—хоромъ отвѣчали «сиротиночки», беззаботно смѣясь и набивая рты поданными лепешками.

Однако, черезъ годъ послѣ смерти матери, изъ четырехъ дѣвочекъ остались въ живыхъ только двѣ: старшая, Варя и

младшая, Соня; двѣ же среднія умерли, — одна отъ простуды, а другая отъ укушенія бѣшеной собакою. Именно въ этомъ году пріѣхала на все лѣто въ деревню помѣщица, Анна Викторовна Стежнева, раньше пріѣзжавшая въ свое имѣніе очень рѣдко, на нѣсколько дней. Она была еще нестарая бездѣтная вдова, веселая, легкомысленно-добродушная и недалекая. Какъ то разъ, гуляя въ лѣсу, Стежнева встрѣтилась тамъ съ Варей и Соней, узнала отъ горничной, сопровождавшей ее, кто онѣ такія, и съ этого дня приняла въ нихъ горячее участіе. Отчасти по добротѣ своей, отчасти отъ деревенской скуки, она приручила къ себѣ «батушкиныхъ сиротокъ», и съ свойственнымъ ей неумѣреннымъ увлеченіемъ стала заботиться объ нихъ. Заботливость ея выражалась въ томъ, что она пичкала конфектами сиротокъ, накупала имъ множество игрушекъ и совершенно ненужныхъ для нихъ вещей, нашивала нарядовъ, каталась съ ними въ коляскѣ по деревнѣ и чувствовала себя благодѣтельною феей изъ волшебной сказки. Въ особенности баловала она Соню, очаровавшую ее своею красотой. Мало-по-малу, незамѣтно для самой себя, Стежнева такъ привязалась къ младшей «батушкиной сироткѣ», что безъ слезъ не могла подумать о разлукѣ съ нею. Между тѣмъ, лѣто ужъ приходило къ концу, и Стежнева намѣревалась скоро уѣхать въ Москву, гдѣ постоянно жила и по которой успѣла соскучиться, проведя три мѣсяца въ деревнѣ, чего никогда еще не случалось. Но привязанность къ Сонѣ удерживала ее, не позволяя уѣхать. Кончилось тѣмъ, что Стежнева рѣшила выпросить у батюшки Соню себѣ «въ дочки». Ей не пришлось долго упрашивать объ этомъ батюшку.

Выслушавъ ея просьбу, онъ заплакалъ, махнулъ рукой и сказалъ:

— Дай Богъ вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія, Анна Викторовна, за вашу заботливость о моихъ сиротахъ. Господь съ ними, берите себѣ хоть обѣихъ! Какой ужъ я отецъ? Я пропащій человѣкъ, сударыня, и чувствую, что не жилецъ на сѣмъ свѣтѣ!

Но Стежнева взяла одну Соню; некрасивая, грубоватая Варя ей не очень нравилась. А батюшка и въ самомъ дѣлѣ, какъ бы исполняя свое обѣщаніе, вскорѣ умеръ. Совсѣмъ осиротѣвшую Варю призрѣлъ дальній родственникъ, пономарь въ губернскомъ городѣ Т.

Между тѣмъ, Соня жила въ Москвѣ у Стежневой, какъ подобаеть жить настоящему барскому ребенку. Она очень скоро позабыла родную деревню, отца и сестру, да, впрочемъ, слишкомъ легко всякому четырехлѣтнему ребенку забывать прошлое! А Сонѣ было четыре года, когда ее взяла Стежнева.

Время шло; Соня росла и хорошѣла. Стежнева все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ своей названной дочкѣ, страшно баловала ее, но почти вовсе не заботилась дать ей образованіе, находя, что ученье вредно для здоровья Сонички.

Она даже слушать не хотѣла, когда кто нибудь совѣтовалъ ей помѣстить Соню въ институтъ, пансіонъ или гимназію.

Впрочемъ, Стежнева наняла для нея гувернантку, которую только и просила не утруждать дѣвочку занятіями. Соня была умна, обладала хорошими способностями и не лѣнилась бы учиться, но «мама» (какъ звала она Стежневу) именно это-то и запрещала ей. Едва успѣло минутъ Соничкѣ 16 лѣтъ, какъ мама начала ее вывозить, таская чуть не ежедневно по баламъ и театрамъ. Стежнева была въ восторгѣ, видя, что красота ея воспитанницы привлекаеть общее вниманіе и, кажется, съ этихъ поръ еще больше полюбила «свою ненаглядную красавицу».

Въ непродолжительномъ времени, у Сони завелось множество поклонниковъ, на перебой ухаживавшихъ за ней и кружившихъ голову молодой дѣвушкѣ своими комплиментами и восторженными отзывами объ ея красотѣ. Отъ природы гордая, много думавшая о себѣ, она скоро перестала удовлетворяться окружающимъ, находя его слишкомъ ничтожнымъ для ея ума и красоты.

Надо сказать, что Стежнева со своею воспитанницей вращались въ среднемъ кругу московскаго общества, видя представителей и представительницъ аристократіи только въ театрахъ да въ дворянскомъ собраніи. Соня смотрѣла на нихъ съ завистью, тоскуя о томъ, что не родилась княжной или графиней, и утѣшала себя мечтами о феерически-блестящемъ будущемъ. Недалекая и влюбленная въ Соню, Стежнева поддерживала въ ней эти мечты и сама мечтала, что вдругъ явится какой нибудь сказочный принцъ собственно для того,

чтобы предложить «ненаглядной красавицѣ» руку, сердце, миллионное состояніе и мѣсто грандъ-дамы въ самомъ высшемъ слоѣ общества. Однако же, сказочный принцъ не являлся съ своимъ предложеніемъ, хотъ Соня ужъ «выѣзжала» три года. Въ продолженіе этого времени, только двое простыхъ смертныхъ дерзнули присвататься къ гордой, избалованной красавицѣ. Одинъ изъ нихъ былъ пожилой статскій совѣтникъ, имѣвшій кругленькій капиталецъ, хроническій ревматизмъ въ правой ногѣ и двѣ крупныя бородавки на носу, напоминавшемъ по своей формѣ спѣлую грушу.

Другой же былъ замѣчательно красивый «неслужащій дворянинъ», лѣтъ тридцати, проживавшій неизвѣстно на какихъ средства, удивительно счастливый во всякой карточной игрѣ, незамѣнимый кавалеръ и первый танцоръ на всѣхъ балахъ московскаго средняго круга. Но Стежнева и Соня съ негодованіемъ отвергли предложенія обоихъ. Впрочемъ, онѣ поступили въ этомъ случаѣ хорошо, потому что статскій совѣтникъ въ скоромъ времени лишился разсудка (злые же языки утверждали, что именно тогда, когда вздумалъ сдѣлать предложеніе Соничкѣ), а неслужащій дворянинъ оказался шулеромъ и альфонсомъ, за что былъ изгнанъ съ позоромъ изъ московскаго средняго круга. Сонѣ уже исполнилось 19 лѣтъ, а сказочный принцъ все еще не являлся. И никто изъ ея многочисленныхъ поклонниковъ не сумѣлъ овладѣть ея сердцемъ.

V.

Въ одинъ зимній вечеръ, Стежнева съ Соней совѣмъ собрались ѣхать въ театръ и вышли въ переднюю, чтобъ надѣвать шубы. Только шубу удалось надѣть одной Сонѣ, а Стежнева, не успѣвъ еще этого сдѣлать, вдругъ поблѣднѣла, покачнулась и безъ крика, безъ стопа, упала на полъ, точно подкошенная.

Перепуганная, Соня и горничная бросились къ ней, всачески стараясь привести ее въ чувство; послали за докторомъ, но она продолжала лежать безъ признаковъ жизни, совѣмъ похолодѣвшая.

Пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ Стежневу и сказалъ, что она умерла отъ разрыва сердца.

Духовнаго завѣщанія постѣ нея не осталось да и завѣщать-то ей было нечего, развѣ только множество долговъ— крупныхъ и мелкихъ. Давно заложненное и перезаложненное имѣніе уже назначалось къ продажѣ съ аукціона, о чемъ узнала Стежнева за нѣсколько часовъ до своей смерти. Всего вѣроятнѣе, что именно отъ этого у нея и разорвалось сердце.

Похоронивъ такъ неожиданно скончавшуюся «маму», Соня осталась совершенно одинокой, безъ всякихъ средствъ и неспособной ни къ какому труду. Она умѣла только танцовать, бряцать на фортепiano легонькія салонныя пѣски, да кое-какъ болтать по французски. Заниматься рукодѣльемъ она не любила и не имѣла къ этому способностей, едва выучившись вышивать по канвѣ и вязать крючкомъ кружевца, притомъ такъ плохо, что сама смѣялась надъ своей работою, признавая ее никуда негодной.

Большинство знакомыхъ покойной Стежневой отнеслось къ бѣдственному положенію Сони совсѣмъ безучастно, въ особенности дамы и барышни, завидовавшія ея красотѣ. Правда, она сама давно ужъ оттолкнула отъ себя многихъ добрыхъ и хорошихъ людей своимъ высокомѣрнымъ обращеніемъ, своими претензіями на аристократизмъ, казавшимися неприятно-странными въ такой умной дѣвушкѣ, какъ Соня.

Давно ужъ знакомые, даже нѣкоторые изъ усердныхъ ухаживателей стали называть ее за глаза «заснавшейся деревенскою поповной» (Стежнева рассказывала всѣмъ встрѣчнымъ-поперечнымъ о томъ, какъ и гдѣ обрѣла Сонечку, находя этотъ рассказъ чрезвычайно трогательнымъ, тѣмъ болѣе, что она сама играла главную роль добродѣтельной героини, спасающей сироту). Но все таки нашлось между ними нѣсколько человѣкъ, пожалѣвшихъ молодую дѣвушку въ безвыходномъ положеніи и озаботившихся прискаты для нея какое нибудь занятіе, которое дало бы ей возможность существовать.

Только эта жалость уязвляла гордую, избалованную красавицу болѣе самаго безучастнаго равнодушія.

«Жалѣютъ меня, какъ нищую, собираются подать копѣчку на хлѣбъ», — думала она и невыносимо страдала отъ этой мысли. Изъ дома Стежневой Соня переѣхала въ меблированныя комнаты; хоть ее и приглашала къ себѣ одна знакомая,

барыня, но она отказалась, не желая, по своей гордости, ничѣмъ одолжаться». Продавъ нѣсколько платьевъ и золотыхъ вещей, какія у нея были, она заплатила за комнату и прожила цѣлый мѣсяць, обѣдая черезъ день. Но какъ ни трудно было Сонѣ жить въ грязноватомъ номерѣ впроголодь, отказывая себѣ во всемъ, она чувствовала, что ей было бы несравненно труднѣе проживать изъ милости въ чужой хорошей квартирѣ и сытно ѣсть за чужимъ столомъ.

Въ теченіе этого времени, люди, принявшіе участіе въ судьбѣ Сони, нашли для нея два мѣста: компаньонки у одинокой старухи на жалованье по двѣнадцати рублей въ мѣсяць, и продавщицы въ модномъ магазинѣ съ двадцатипятирублевымъ ежемѣсячнымъ жалованьемъ. Однако, нужда еще не успѣла сломить гордости въ недавней царицѣ баловъ, а потому оба эти мѣста показались ей совершенно неподходящими и съ нищенскимъ жалованьемъ. Она почувствовала себя обиженной людьми, осмѣлившимися предлагать ей такія унижительныя должности, отъ которыхъ наотрѣвъ и отказалась съ видомъ принцессы, вознегодовавшей противъ своихъ дерзкихъ подданныхъ. Этимъ она оттолкнула отъ себя и послѣднихъ добрыхъ знакомыхъ; одинъ изъ нихъ назвалъ ее въ глаза «принцессой на горошинѣ», и никто больше не сталъ хлопотать о присканіи мѣста для «зазнавшейся деревенской поповны». Всѣ оставили Соню, кромѣ одного изъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ, навѣщавшаго ее почти каждый день. Онъ не искалъ для нея мѣсть, говоря, что она создана не затѣмъ, чтобъ служить, а затѣмъ, чтобъ ей всѣ служили. Прежде, въ счастливое время, Соня не обращала вниманія на этого поклонника, находя его недалекимъ и пошловатымъ, но теперь, оставленная всѣми и проживающая послѣдніе гроши, начала относиться къ нему благосклонно, даже скучать, когда онъ не являлся нѣсколько дней, и радоваться, когда, наконецъ, опять являлся. Она не отказывалась принимать отъ него конфеты, духи и тому подобныя бездѣлушки, которыя онъ приносилъ ей нерѣдко. Сонѣ казалось, что онъ собирается сдѣлать ей предложеніе, но не можетъ рѣшиться, боясь получить отказъ и она стала раздумывать о томъ, осчастливить ли его согласіемъ, или огорчить отказомъ. Онъ былъ человѣкъ далеко не старый, довольно красивой наружности и съ поря-

дочнымъ состояніемъ. Кончилось тѣмъ, что Соня признала возможнымъ осчастливить ея согласіемъ, сознавая, что теперь нельзя надѣяться на лучшаго жениха и нужно какъ нибудь выпутаться изъ ужаснаго положенія, въ которомъ находилась. Она ужь продала почти всѣ свои платья и вещи, оставивъ только самыя необходимыя, а вырученныхъ за все это денегъ еле хватило на два мѣсяца болѣе чѣмъ скромной жизни, съ обѣдами черезъ два дня. Наконецъ, когда у нея въ кошелькѣ лежалъ послѣдній двугривенный, она пришла въ отчаяніе и откровенно заговорила со своимъ поклонникомъ о безвыходномъ положеніи, чего раньше не случалось. Онъ выслушалъ ее съ живѣйшимъ участіемъ, а потомъ дѣйствительно сдѣлалъ ей предложеніе, но не такое, какого она ожидала. Отъ его неожиданнаго и оскорбительнаго предложенія возмутилась вся гордость молодой дѣвушки, тотчасъ же выгнавшей вонъ недавняго друга и пріятнаго гостя. Соня почувствовала себя до такой степени оскорбленной, что чуть не сошла съ ума и рѣшила покончить съ собой, признавая невозможнымъ жить послѣ подобнаго оскорбленія. Да къ тому же, ей и жить-то было не на что!

И вдругъ, совершенно неожиданно, въ этотъ самый день, она получила письмо отъ своей старшей сестры, продолжавшей жить въ городѣ Т. и нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышедшей замужъ за дьячка. Сестры не видались съ тѣхъ поръ, какъ разстались, но старшая ежегодно присылала младшей безграмотныя письменныя поздравленія съ высокаторжественными праздниками Рождества и Воскресенія Христова, а также съ днемъ ангела. На эти посланія Соня отвѣчала коротенькими, суховато-вѣжливыми записочками, въ которыя Стежнева вкладывала нѣсколько рублей. Не болѣе недѣли назадъ, Соня въ грустныя минуты вспомнила о своей сестрѣ и послала ей запоздалое извѣстіе о смерти Стежневой, ничего не написавъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Она сочла лишнимъ сообщать объ этомъ бѣдной и не близкой ей сестрѣ, которую совсѣмъ позабыла. Соня даже и не ожидала отъ нея отвѣта. А, между тѣмъ, отвѣтъ явился и удержалъ Соню отъ самоубійства, что чаще случается въ бульварныхъ романахъ и мелодрамахъ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни. Прочитавъ письмо сестры, Соня заплакала облегчительными слезами, ка-

кими плачутъ мелодраматическія героини, чудеснымъ образомъ спасшіяся отъ невѣроятныхъ несчастій и смерти. Сестра приглашала ее къ себѣ «на жительство (какъ писала она) »ежели лутчево ничево не прѣдвидитца». Увы, ничего лучшаго не предвидѣла для себя Соня! А потому, немедленно заложивъ шубу (благо былъ уже мартъ на дворѣ), она отправилась въ городъ Т. Проѣхавъ менѣе сутокъ по желѣзной дорогѣ, «принцесса на горошинѣ» очутилась среди бѣдной дьячковской семьи, проживавшей въ «собственномъ» полуразвалившемся домишкѣ.

Варвара Платоновна показалаея ей вовсе не симпатичною, грубой и крайне неряшливой (да и въ самомъ дѣлѣ она была такою). Въ домѣ господствовалъ страшный беспорядокъ и невообразимая грязь. Мужъ Варвары Платоновны, дьячекъ Нилъ Никитичъ Аметистовъ, былъ въ трезвомъ видѣ человекъ смирный, тихій, точно пришибленный и боявшійся всѣхъ на свѣтѣ, начиная со своей жены. Но онъ имѣлъ несчастіе пить запоемъ и въ это время превращался въ самомнящаго гордеца и буяна.—Дикое, невѣжественное созданіе!—кричалъ онъ тогда на жену, становясь передъ ней въ горделивой позѣ.—Знаешь ли ты, что такое гамилетика? Какая-такая наука? Или, что такое: *вруцльмьто*? Ты даже этой пустяковины не знаешь! А я учился въ семинаріи, я дьячокъ, я все на свѣтѣ знаю и понимаю. Всѣ меня уважаютъ и почитаютъ, даже самъ о. благочинный... Ну, кланяйся мнѣ въ ноги, необразованная женщина, а не то я въ тебя подсвѣчникомъ запущу!—И Варвара Платоновна безпрекословно кланялась въ ноги мужу, боясь его пьянаго пуще огня. Потомъ Нилъ Никитичъ обращался съ грознымъ видомъ къ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ, которыхъ было трое:—Вы бессмысленные младенцы, а я, вашъ родитель, самый умнѣйшій человекъ на свѣтѣ, дьячокъ... Самъ о. благочинный дивится на меня. Такъ вы должны мнѣ въ ноги кланяться. Покоряйтесь мнѣ всѣ языци!—И какъ разъ Сонѣ пришлось попасть къ сестрѣ во время запоя Нила Никитича, что привело ее въ совершенный ужасъ. Но уѣхать отсюда было больше некуда и не на что; поэтому она, скрѣпя сердце, рѣшила примириться съ окружающимъ. Нужда успѣла придавить въ ней гордость и равныя барскія привычки.

Варвара Платоновна вздумала пригласить къ себѣ сестру,

вообразивъ, что она получила послѣ Стежневой большое наслѣдство. Когда же узнала истину, то съ огорченія начала пилить Соню съ утра до ночи, попрекая каждымъ кускомъ хлѣба:

— Навязалась на нашу шею барышня-бѣлоручка, дворянка съ полянки, лишній ротъ!—жаловалась она всѣмъ и каждому.— Намъ самимъ ѣсть нечего, а тутъ еще заботься ее кормить... привыкла къ разнымъ соусамъ да бламанжеямъ, чернаго хлѣба не кушаетъ.

Соня съ удивительнымъ мужествомъ переносила всѣ лишения и невзгоды, молча слушала брань и цопреки сестры, не возражая ей ни словомъ. Съ помощью Нила Никитича она нашла себѣ нѣсколько уроковъ и за грошовую плату принялась обучать французскому языку, музыкѣ и танцамъ дочерей небогатыхъ купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Нилъ Никитичъ относился къ Сонѣ съ уваженіемъ, даже въ пьяномъ видѣ не кричалъ на нее, а говорилъ ей восторженно:—Вы благовоспитанная дѣвица изъ дворянскаго дома, а я—дьячокъ! Стало быть, мы можемъ другъ друга понимать.

Соня жила надеждой накопить немного денегъ, чтобы уѣхать въ Москву и найти тамъ себѣ мѣсто бонны, компаньонки или продавщицы, не считая болѣе такихъ должностей ничтожными и унижительными для себя. И вдругъ явился, наконецъ, сказочный принцъ въ образѣ молодаго академиста, едва только кончившаго курсъ, Кирилла Пименовича Востокова. Правда, онъ совсѣмъ не походилъ на того сказочнаго принца, который нѣкогда рисовался въ воображеніи Сони, но теперь горе и нужда охладили ея воображеніе, вытравивъ изъ него прекрасный образъ, а потому некрасивый, неловкій академикъ былъ охотно принятъ ею за желаннаго сказочнаго принца. Отецъ Кирилла Пименовича священствовалъ въ той же церкви, гдѣ Нилъ Никитичъ служилъ дьячкомъ, и вмѣстѣ съ своею женой очень жалѣлъ Соню. Они часто приглашали ее къ себѣ и обращались съ ней, точно съ родною. Соня отдыхала душой въ обществѣ добраго, простаго о. Пимена и еще болѣе добродушной жены его, Марьи Васильевны. Кириллъ Пименовичъ былъ у нихъ единственный сынъ, въ которомъ они души не чаяли, постоянно рассказывая объ немъ Сонѣ,

пока, наконецъ, онъ самъ не пріѣхалъ домой изъ академіи. Познакомившись съ Соней, а еще раньше съ ея грустною исторіей, Кирилль Пименовичъ полюбилъ несчастную красавицу жалостливой и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной любовью. Она казалась ему какимъ-то особеннымъ высшимъ существомъ, какимъ-то собраніемъ всевозможныхъ добродѣтелей и достоинствъ. Онъ долго не могъ даже подумать объясниться ей въ любви, предложить свою руку и сердце. О. Пименъ съ Марьей Васильвной скоро замѣтили чувство своего сына къ Сонѣ и вовсе не были огорчены тѣмъ, что ему понравилась такая бѣдная дѣвушка. Имъ самимъ очень нравилась Соня, особенно восхищавшаяся добродушныхъ стариковъ своей благовоспитанностью и хорошими манерами, «настоящими дворянскими», по ихъ мнѣнію. Наконецъ, Кирилль Пименовичъ, съ благословенія родительскаго, рѣшился сдѣлать предложеніе Сонѣ, которое она приняла съ искренней благодарностью.

Она не влюбилась въ Кирилла Пименовича, но оцѣнила его доброту и мягкость нрава. Ихъ свадьба надѣлала много шума среди городского духовенства, дружно удивлявшагося такому чуду, какъ женитьба кандидата академіи на сиротѣ-безприданницѣ. Вѣдь подобные случаи очень рѣдки въ духовномъ быту. Кирилль Пименовичъ вышелъ во священники и молодые зажили въ довольствѣ. Года черезъ два послѣ ихъ бракосочетанія, умеръ о. Пименъ; Марья Васильвна такъ затосковала по «своемъ старикѣ», что заболѣла и вскорѣ послѣдовала за нимъ. О. Кирилль получилъ порядочное наслѣдство, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ досталось ему другое, гораздо большее, послѣ роднаго дяди, бывшаго архіереемъ въ одной изъ дальнихъ губерній. Между тѣмъ, къ Софьѣ Платоновнѣ стали возвращаться прежнія барскія привычки, на время подавленные нуждой, но не вырванные съ корнемъ. Теперь, когда ее баловалъ, какъ ребенка, добрый любящій мужъ, уступившій ей первенство въ домѣ, когда она могла располагать хорошими денежными средствами, въ ней снова проснулись странныя притензіи на аристократизмъ и, снисходительное презрѣніе къ людямъ духовнаго званія, хотя она сама принадлежала къ нимъ.

Софьѣ Платоновнѣ не пришлось испытать чувства любви; выдя замужъ безъ малѣйшаго признака этого чувства, она и

съ теченіемъ времени не полюбила своего мужа, а только привыкла къ нему. Отчасти, можетъ быть, поэтому она отда-лась всѣмъ сердцемъ старшему сыну Леониду и второй до-чери, Лидіи, когда они появились на свѣтъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась еще холоднѣе къ мужу. Но, должно быть, она израсходовала весь запасъ материнской любви на двоихъ дѣ-тей, такъ что для послѣдняго сына, Платона, у нея не оста-лось уже ни капельки.

Старшимъ дѣтямъ она рѣшила дать свѣтское образованіе, противъ чего о. Кирилль не возражалъ... да, впрочемъ, онъ никогда ей не возражалъ!—Леонидъ и Лидія были отданы въ гимназіи, а Платонъ—въ духовное училище, по желанію отца, противъ чего Софья Платоновна также не возражала. Ей было все равно, гдѣ бы ни воспитывался нелюбимый сынъ, вдобавокъ не обладавшій хорошими способностями и, при всемъ своемъ прилежаніи, учившійся очень плохо. Любимыя же дѣти превосходно учились, въ особенности Лидія. Кромѣ того, она еще отличалась выдающимися музыкальными спо-собностями и любовь къ музыкѣ проявилась у нея съ самаго ранняго дѣтства.

Лидіи было всего шесть лѣтъ, когда она сама захотѣла учиться играть на фортепіано, неотступно приставая съ просьбами объ этомъ къ отцу съ матерью, находившимъ ея желаніе преждевременнымъ. Но дѣвочка, съ замѣчательнымъ для своихъ лѣтъ упорствомъ, добилась того, чего хотѣла. Софья Платоновна, давно переставшая брянчать на форте-піано легенькія пьески, не отважилась сама заниматься му-зыкой съ дочкою и пригласила для нея хорошаго учителя,— главнымъ образомъ потому, что онъ слылъ въ городѣ добрѣй-шимъ старичкомъ. Добрѣйшій старичокъ началъ давать уроки Лидіи, и послѣ cadaго урока все болѣе и болѣе дивился не-обыкновеннымъ способностямъ своей маленькой ученицы. На-конецъ, онъ призналъ ее «истиннымъ талантомъ», предрекая ей блестящую будущность знаменитой піанистки и чуть не со слезами умоляя о. Кирилла съ Софьею Платоновной непре-мѣнно отправить дочь въ консерваторію. По окончаніи курса въ гимназіи, Лидія тоже пожелала этого и какъ ни трудно было разстаться Софьѣ Платоновнѣ съ любимою дочкою, она все таки не хотѣла губить ея талантъ, которымъ сама гор-

дилась, а потому отпустила ее въ московскую консерва-
торію.

VI.

Въ то время, когда о. Кирилль съ женою и Мариною Егоровной пилъ чай на террасѣ, младшій сынъ его Платонъ пилъ чай у соборнаго дьякона, о чемъ очень вѣрно догадалась Софья Платоновна.

Платонъ весьма походилъ на своего отца; у него было такое же простоватое деревенское лицо съ неправильными чертами, на которомъ могли назваться прекрасными только глаза: голубые, замѣчательно ясные, съ кротко-ласковымъ взглядомъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Ростомъ онъ былъ выше о. Кирилла, довольно плотенъ и широкоплечъ. Но также мѣшковато сидѣлъ на немъ пиджакъ изъ легкой клѣтчатоі матеріи, какъ на его отца подрясникъ. Этотъ пиджакъ придавалъ ему комическій видъ; къ Платону болѣе шла бы рубашка-косоворотка (излюбленный лѣтній костюмъ всѣхъ семинаристовъ), да Софья Платоновна считала такія рубашки неприличными. А Платонъ, подобно отцу, во всемъ покорялся ея волѣ.

Онъ чувствовалъ себя очень хорошо, сидя за столомъ, покрытымъ дешовенькой, пестрою скатертью, на которомъ шумно кипѣлъ пузатый мѣдный самоваръ, и глядя на дьяконову внучку Симочку, наливавшую чай. Рядомъ съ ней сидѣлъ, покачиваясь на стулѣ и куря толстѣйшую папиросу, ея братъ Петръ, воспитанникъ духовной академіи. Все семейство дьякона Василія Захаровича Невзорскаго состояло изъ него самого, давнишняго вдовца, да изъ этихъ двоихъ внучатъ, осиротѣвшихъ съ дѣтства и выросшихъ у дѣдушки. Никогда Платонъ не чувствовалъ себя такъ хорошо дома, какъ здѣсь, въ семьѣ дьякона, всѣхъ членовъ которой онъ любилъ вообще, а Симочку — въ особенности. Дома онъ робѣлъ и стѣснялся въ присутствіи матери, брата съ сестрой, даже Натальи; всѣ они казались ему образцами свѣтски-воспитанныхъ людей. Только передъ отцомъ онъ не робѣлъ и не стѣснялся. А въ домѣ дьякона онъ совсѣмъ терялъ свою робость и застѣнчивость, немножко конфузаясь передъ одною Симочкой. И скромная,

шаблонно-«духовная» обстановка небольшой дяконовой квартиры была ему милѣ своей «барственной». Здѣсь не имѣлось тропическихъ растений и картинъ въ золоченыхъ рамахъ; на окнахъ стояли только горшки съ китайскими розанами, цвѣтущей геранью да бальзаминами, а со стѣнъ строго смотрѣли портреты архіереевъ, потемнѣвшіе отъ времени. Неуклюжая старинная мебель, обитая клеенкой, не скрывалась подъ чехлами. Въмѣсто дорогаго рояля, въ спальнѣ у Василя Захаровича находились древнія гусли, играть на которыхъ старый дяконъ былъ большой охотникъ и мастеръ. Даже теперь онъ отсутствовалъ за чайнымъ столомъ именно потому, что слишкомъ увлекся игрой на своемъ любимомъ инструментѣ и внучата никакъ не могли вызвать дѣдушку изъ спальни для чаепитія.

— Какъ видно, дѣдушка рѣшилъ нынче сыграть весь свой репертуаръ! Ужъ лучше его не тревожить, благо онъ сыгралъ добрую половину, — смѣясь, сказалъ Петръ, высокій, худощавый брюнетъ съ выразительно-красивымъ, смуглымъ лицомъ нѣсколько цыганскаго типа. Курчавые черные волосы покрывали его голову, точно шапка. Въ большихъ темныхъ глазахъ, такъ и вспыхивала искорками насмѣшливость. Манеры у него были свободныя до рѣзкости, совсѣмъ несвойственныя воспитанникамъ духовныхъ училищъ, по большей части отличающимся застѣнчивостью и нѣкоторой вялостью. Говорилъ онъ громко и смѣялся неприятно-рѣзкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

Петръ былъ одѣтъ очень небрежно, въ ситцевой рубашкѣ-косовороткѣ, порядочно поношенной, въ старыхъ худыхъ сапогахъ, и словно рисовался этимъ. Симочка совсѣмъ не походила на своего брата. Она была маленькая, рыжеватенькая блондинка, казавшаяся только одному Платону хорошенькой и признаваемая всѣми «дурнушкою», какой даже и сама себя находила, что рѣдко встрѣчается между некрасивыми женщинами. Ея круглое, курносое личико особенно портили веснушки, въ изобиліи рассыпавшіяся отъ лба до подбородка, точно мелкій горошекъ.

Глаза у Симочки были сѣрые, небольшіе, тоже некрасивые, но зато добрые-предобрые. Эти глаза смотрѣли на всѣхъ и каждого, будто бы спрашивая: «Можетъ, у васъ есть какое-нибудь горе? не нужно ли васъ пожалѣть и утѣшить?»

И сама Симочка была добрая, хоть не очень далекая по уму, необразованная, не имѣвшая понятія о свѣтскихъ приличіяхъ, словомъ: «старомодная дѣвица изъ духовнаго званія», какъ шута называлъ ее братъ. Она любила и очень хорошо умѣла стряпать; могла стирать бѣлье и мыть полы, прекрасно завѣдуя всѣмъ хозяйствомъ у дѣдушки, не хуже любой опытной старой хозяйки, хоть имѣла только восемнадцать лѣтъ отъ роду. Кромѣ того, она охотно занималась рукодѣльемъ: вязала чулки, шарфы и кружева, шила сама себѣ платья и отлично вышивала по канвѣ пояса дѣдушкѣ.

— Ну, Платоша, хочу я съ тобой завести серьезный разговоръ о твоей будущности,—началъ Петръ, подсаживаясь къ Платону и дружески хлопая его по плечу;—и прежде всего спрошу: что тебѣ желательно, носить другъ мой: рясу или вотъ такую куцую одежду, какая сейчасъ на тебѣ надѣта?

Платонъ засмѣялся, а потомъ отвѣтилъ совершенно серьезно, даже со вздохомъ:

— Да по правдѣ сказать, мнѣ очень хотѣлось бы носить рясу. Вѣдь я, какъ только еще въ училище поступилъ, такъ мечтать объ этомъ началъ и до сихъ поръ не пересталъ! Конечно, въ городѣ мнѣ не дадутъ ни священническаго, ни дьяконскаго мѣста, потому что кончилъ по второму разряду... да я и не жалѣю объ этомъ! Меня больше тянетъ въ деревню; тамъ жизнь и народъ проще. А я самъ простой, нескладный, совершенный «дубецъ», какъ недаромъ въ семинаріи-то меня прозвали... Нѣтъ, для города я не гожусь!.. А ужъ для свѣтской службы и подавно!—заклучилъ онъ, махнувъ рукой.

— Однако, товарищи дали тебѣ лестное прозвище,—тоже серьезно сказалъ Петръ, пристально посмотрѣвъ на Платона.

— Это «дубца-то»? Ужъ нечего сказать, очень лестное!—воскликнулъ Платонъ удивленно и руками развелъ.

— Да, именно очень лестное! Вѣдь дубъ цѣнится дороже другихъ деревьевъ. Дубъ—дерево прочное, полезное, вѣковое... чѣмъ старше онъ, тѣмъ лучше и дороже дѣлается. Только досадно, зачѣмъ онъ питаетъ свиней желудями! Ты, смотри у меня, Платоша, не вздумай тоже питать свиней; а отъ твоей доброты можно этого ждать!

— Что жь, Петя, по твоему выходить, что нужно свиней голодомъ морить?—живо вмѣшалась Симочка, не понявшая аллегоріи брата.—Вотъ про дубъ ты хорошо сказалъ, а про свиней богъ знаетъ что! Правда, онѣ противныя, я сама ихъ не люблю, а стала бы кормить, еслибъ у насъ были...

Ея слова вызвали неудержимый хохотъ у Петра, а Платонъ только чуть замѣтно улыбнулся и ласково взглянулъ на покровительницу свиней.

— Умолкни, старомодная дѣвица изъ духовнаго званія, иначе я помру со смѣху! — воскликнулъ Петръ, на котораго Симочка смотрѣла во всѣ глаза, не постигая причины его внезапной веселости, и спрашивала:—Да развѣ я сказала что нибудь смѣшное?

— Нѣтъ, чрезвычайно серьезное! — съ комической важностью обратился къ ней Петръ.—А потому совѣтую тебѣ немедленно отправиться на базаръ, купить тамъ свиней и кормить ихъ все время, пока мы съ Платошей будемъ разговаривать. По крайней мѣрѣ, ты займешься и не станешь насъ перебивать остроумными замѣчаніями.

Теперь ужъ Симочка залилась звонкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, съвозъ который еле проговорила:

— Вотъ ужъ смѣшно-то! Представилось мнѣ, какъ бы я ихъ повела по городу, свиней-то... Сама въ шляпкѣ, подъ зонтикомъ, а онѣ хрюкаютъ вкругъ меня... ха-ха-ха!—снова залилась она, но быстро сдержала смѣхъ и прибавила:—Право, сейчасъ замолчу, Петя, не стану мѣшать вашему разговору. — И въ самомъ дѣлѣ замолчала, усердно принявшись пить чай. Тогда ея братъ опять заговорилъ съ Платономъ.

— Да, такъ значить ты будешь въ деревнѣ жить и рясю носить. И я тоже думаю, что это для тебя самое подходящее. Ну, а мѣсто-то имѣется въ виду?

— Да нѣтъ еще... Я даже не знаю, сбудется ли мое желаніе,—смущенно, запинаясь, отвѣтилъ Платонъ.—Еще можетъ быть...

— Можетъ быть, твоя «маманъ», то бишь, ея неудавшееся превосходительство Софья Платоновна не изволятъ пожелать, чтобъ ты промѣнялъ свою куцую одежду на рясю. Такъ что ли?—рѣзко, съ досадой, спросилъ Петръ, перебивъ Платона, и

продолжалъ, не дождавшись его отвѣта, все съ возрастающимъ раздраженіемъ:

— Какъ же! одинъ сынъ—столичный докторъ съ бонтонными манерами; другая дочь—будущая европейская знаменитость, которая говоритъ о своей предстоящей славѣ, точно о платьѣ, заказанномъ портнихѣ и уже почти спитомъ... И вдругъ третій сынъ—деревенскій попъ или дьяконъ, по мужицкимъ избамъ мѣдяки собираетъ и самъ съ мужиками въ полѣ работаетъ! Вѣдь это многимъ покажется наглядной несообразностью, а ея неудавшемуся превосходительству—просто «фи-донкъ» и больше ничего! Да и послѣдовательница Башкирцевой, великолѣпная Лидія Кирилловна, этого не переживетъ!—Послѣдняя фраза вырвалась у него съ какой-то неестественною злобой, причемъ по мгновенно поблѣднѣвшему лицу Петра змѣйкой пробѣжала нервная судорога. Онъ всталъ, шумно двинулъ стуломъ, и заходилъ быстрыми, неровными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Платонъ сидѣлъ смущенный, низко нагнувъ голову и безъ всякой надобности мѣшкая ложечкой въ своемъ стаканѣ, гдѣ оставалось чаю только на доньшкѣ.

— Ужъ вы, Платонъ Кирилловичъ, пожалуйста, не обижайтесь на Петю, что онъ такъ насмѣшничаетъ надъ вашею мамашей и сестрицей,—тихо сказала Симочка, обращаясь къ Платону и въ то же время робко оглядываясь на расходившагося брата.—Мнѣ самой это ужасно не нравится. А онъ у насъ ужъ такой насмѣшникъ, ничего съ нимъ не подѣлаешь!

Но какъ ни тихо говорила она, Петръ разслышалъ ея слова и отозвался на нихъ съ восклицаніемъ, продолжая шагать изъ угла въ уголъ:

— Смѣяться вовсе не грѣшно, надъ тѣмъ, что кажется смѣшно!

— Ахъ, Господи, хоть бы онъ успокоился поскорѣй!—тоскливо прошептала Симочка и умолила опять, тяжело вздохнувъ и жалобно посмотрѣвъ на Платона. Между, тѣмъ Петръ, круто повернувшись на каблукахъ, остановился передъ Платономъ:

— Прости меня за то, что я нахожу твою мать и сестру истинно смѣшными, —началъ онъ, замѣтно стараясь подавить

свое раздраженіе, что плохо удавалось ему. — Да, вот моя сестра — старомодная дѣвица изъ духовнаго званія, а ужъ твоя — самая новомодная... можно сказать: «поповна конца вѣка». Знаешь, на всѣхъ женщинахъ изъ нашего званія, даже на развитыхъ и образованныхъ, есть «особый отпечатокъ», благодаря которому ихъ болѣе или менѣе легко отличить отъ женщинъ всякаго другаго сословія. Да вотъ ужъ, кажется, твоя мать съ виду настоящая генеральша и богатѣйшая помѣщица, а если взглянуть въ нее попристальнѣй, такъ заметишь, что крошечки кутьи и къ ней прилипли, выражаясь фигурально. Самыя крошечныя крошечки, положимъ, а все таки есть! Ну, а Лидія Кирилловна совершенно лишена духовнаго отпечатка; ни единой порошинки кутьи не пристало къ ней. Если она скажетъ кому нибудь незнающему объ ея происхожденіи, что у нея отецъ — священникъ, да еще провинціальныи и такой, каковъ о. Кирилль, — никто этому не повѣритъ. И я, когда вижу твою сестру, невольно думаю, что началось вырожденіе нашего добраго духовнаго званія, которому, казалось, и вѣку не будетъ!

— Ужъ будто бы всѣ люди изъ духовнаго званія добрые! — не стерпѣла Симочка. — Да ты, напримѣръ, развѣ добрый? Передъ Платономъ Кирилловичемъ его родную мамашу съ сестрой всячески осуждаешь, насмѣливаешься надъ ними, — какая же тутъ доброта? Я думаю, у Платона Кирилловича надрывается сердце, слушая тебя!

И въ самомъ дѣлѣ, Платону было непріятно слушать Петра; онъ искренно любилъ свою мать и сестру, и его крайне огорчало непріязненное отношеніе къ нимъ дьяконова внука, особенно къ Лидіи. Объ этой послѣдней Петръ положительно не могъ говорить равнодушно, выходя изъ себя при одномъ ея имени. Платонъ и Симочка были увѣрены въ его ненависти къ ней, что ихъ обоихъ удивляло и печалило. Лидія представлялась Симочкѣ верхомъ совершенства, предъ которымъ всѣ должны преклоняться, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто бы и не нравилась. Она не могла уяснить себѣ, что именно ей не нравится въ Лидіи, и нерѣдко задумывалась надъ этимъ.

— Я не добръ, потому что я современный человекъ изъ духовнаго званія... — задумчиво, точно самому себѣ, сказалъ Петръ, опускаясь на стулъ.

— Пожалуй, на мнѣ тоже есть слѣды вырожденія,—на минуту онъ замолчалъ, очевидно, задумавшись о чемъ-то серьезномъ, и вдругъ, хлопнувъ себя ладонью по лбу, радостно воскликнулъ:

— Ба, да знаете ли, господа, кто я такой? Впрочемъ, до сей минуты даже я самъ этого не зналъ и меня вдругъ осѣнило. Я — вырождающійся типъ умнаго, даровитаго семинариста...

— Батюшки, какъ тебѣ не стыдно, Петя, такъ хвалить самого себя!—ахнула Симочка, всплеснувъ руками и укоризненно качая головой.

— Ну, не очень-то я себя похвалилъ, дурочка,—съ улыбкой замѣтилъ онъ.—Я похожъ на старую, хорошую картину, съ которой время стерло краски, покрывъ ее копотью и пылью. Нѣтъ, даже вѣрнѣе: на самый плохой ученическій снимокъ съ картины какого нибудь великаго художника. Досадно и больно смотрѣть на подобные жалкіе снимки, годные только для украшенія чердаковъ. Точно также досадно и больно смотрѣть на меня!

— Да, вѣдь, только тогда, Петя, когда ты богъ знаетъ за что злишься на Софью Платоновну съ Лидією Кирилловной,—ласково сказала Симочка, не сводя съ брата своихъ добрыхъ глазъ, пока онъ говорилъ, и вздрогнула при этомъ. Ей почему-то стало очень жаль Петю, хотя она почти ничего не поняла изъ того, что онъ говорилъ, но съ восторгомъ подумала: «Правда, какой онъ умный! Такъ хорошо говорить, что ничего не поймешь»!—Разжалобили ее грустныя ноты, звучащія въ голосѣ Петра. Платонъ тоже про себя восхищался своимъ другомъ, но не могъ выразить этого восхищенія словами и только несмѣло замѣтилъ, когда Петръ умолкъ:

— Ну, это какъ будто бы совсѣмъ невѣрное сравненіе... ужъ что-то слишкомъ тово...—и замолчалъ, не находя больше словъ. Вообще, онъ не отличался краснорѣчіемъ.

Помолчавъ немного, Платонъ тоже не очень смѣло обратился къ Петру:

— Вотъ ты не долюбливаешь Лиду, а вѣдь она о тебѣ прекрасно отзывается... Вчера говорила со мной про тебя и очень хвалила. И еще сказала:—ты бы, Платонъ, къ намъ въ гости его пригласилъ...

Петръ весь вспыхнулъ и, рѣзче обыкновеннаго разсмѣявшись, со странной поспѣшностью вытащилъ изъ своего портсигара папиросу.

— Боже, какое счастье! — сказалъ онъ, поднимая глаза къ потолку и прикладывая замѣтно — дрожавшую руку къ сердцу, — мадмуазель Востокова изволила милостиво бесѣдовать обо мнѣ со своимъ маленькимъ, смиреннымъ братцемъ! Изволила вспомнить, что я не имѣлъ чести видѣть ихъ съ маманъ цѣлыхъ двѣ недѣли, и пригласила... на журфиксъ, что ли, Платоша? А, можетъ, на тѣ дансанъ?

Прекрасно зная французскій языкъ, онъ не отличался хорошимъ произношеніемъ и даже находилъ особенное удовольствіе произносить гораздо хуже, чѣмъ могъ.

— Ахъ, Петька противный, опять занасмѣшничалъ! — уже сердито вскрикнула Симочка, отъ досады даже привскочивъ со стула.

— Петръ, не озорничай! — подобно органу, прозвучало basso profundo стараго соборнаго дьякона, какъ разъ въ эту минуту показавшагося на порогѣ комнаты.

VII.

Дьяконъ Василій Захаровичъ Невзорскій, весьма походилъ на старыи портретъ, ожившій и вышедшій изъ своей рамы. Высокаго роста, худощаваго, но сильнаго сложенія, онъ держался прямо, не смотря на то, что ему было ужъ подъ семьдесятъ. Лицо онъ имѣлъ худое, длинное, съ темноватою кожей, съ длиннымъ же прямымъ носомъ и высокимъ лбомъ, на которомъ нависли густѣйшія сѣдые брови надъ темносѣрыми строгими глазами, отличавшимися неподвижностью взгляда, устремленнаго въ одну точку. Длинные сѣдые волосы и такая же борода, были расчесаны и приглажены съ какой-то особенной тщательностью. Походка и движенія его отличались крайней медлительностью и размѣренностью. Еслибъ старыи портреты могли ходить и дѣлать разные жесты, то навѣрное именно такъ, какъ двигался Василій Захаровичъ. Говорилъ онъ короткими, отрывистыми фразами, звучащими необыкновенно музыкально, благодаря его великолѣпному голосу и

слуху, чудесно сохранившимися до такого преклоннаго возраста.

Все городское купечество неумоимо восторгалось этимъ голосомъ, только сожалѣя о томъ, что соборный дьяконъ никакого вина не пьетъ и угощать его можно однимъ чаемъ. Зато чай онъ пилъ запоемъ, откровенно рассказывая своимъ поклонникамъ-купцамъ.

— Пилъ я вино... смолоду это было. До двадцати семи годовъ пилъ. И безмѣрно много! А Богъ вразумилъ меня дать зарокъ; ну, и пересталъ. Съ той поры привязался къ чаю. Да, вотъ потребляю теперъ чай. И тоже безмѣрно много!

При своей суровой, даже нѣсколько страшноватой наружности, Василий Захаровичъ обладалъ самымъ спокойнымъ и покладливымъ характеромъ; съ внучатами обращался по товарищески, ничѣмъ не стѣсня ихъ свободы. Большую часть времени онъ проводилъ сидя дома, въ своей спальнѣ у окна, въ неподвижной задумчивости. Одному Богу извѣстно, о чемъ такъ глубоко задумывался старый дьяконъ, иногда по цѣлымъ часамъ не сходя съ своего излюбленнаго мѣста. Впрочемъ, онъ съ неменьшею усидчивостью занимался игрою на гусяхъ. А на сонъ грядущій имѣлъ обыкновеніе читать «Епархіальныя Вѣдомости» или календарь. Таковъ былъ соборный дьяконъ Василий Захаровичъ Невзорскій.

— Не озорничай! — еще разъ повторилъ онъ по адресу Петра, медленно вступивъ въ комнату и еще медленнѣе усаживаясь на диванъ къ чайному столу.

— Да, уймите его, дѣдушка — просительно сказала Симочка, въ то же время поспѣшно заваривая свѣжій чай для Василя Захаровича.—Знаете, онъ все издѣвается надъ Лидіею Кирилловной...

— Надъ Лидіею Кирилловной? — грозно сдвинувъ брови и вперяя во внука строгій взглядъ, выпустилъ дьяконъ такую октавою, что посуда на столѣ зазвенѣла.

— Ухъ, какъ страшно, дѣдушка! А все таки не боюсь,—засмѣялся Петръ, поддразнивая дѣда.

— Нѣтъ, издѣваться надъ нею ты не смѣй!—продолжалъ Василий Захаровичъ глуше, голосомъ, напоминавшимъ отдаленный рокоть грома,—Лидія Кирилловна—дочь о. протоіерея и дивная дѣвица. Одною своей игрою на фортопянѣ она мо-

жетъ всякаго до слезъ довести. Меня не однажды доводила. Вотъ напередъ играла она при мнѣ пѣснь, называемую сонатой. Сочинилъ эту самую сонату нѣмецъ, по фамиліи Бетховень (съ особенной отчетливостью произнесъ онъ эту фамилію). Такъ я слушалъ и плакалъ. А душа во мнѣ словно бы ликовала. Да, Лидія Кирилловна—дивная дѣвица! И не тебѣ, пустосмѣху, судить объ ней да издѣваться.

— А знаете, о. дьяконъ, вѣдь Лида васъ очень уважаетъ—обратился Платонъ къ Василию Захаровичу, съ удовольствіемъ выслушавъ его хвалебный отзывъ о Лидіи. — Она говоритъ, что у васъ замѣчательный слухъ и какъ бишь еще... — онъ примолкъ на секунду, стараясь вспомнить забытое слово, а, вспомнивъ, торопливо выговорилъ, точно урокъ, — и тонкое пониманіе музыки.

Петръ какъ-то вдругъ приунылъ, слушая дѣда молча, и не возразилъ ему ни однимъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ.

Только послѣ словъ Платона, онъ заговорилъ съ неестественной веселостью:

— Дѣдушка, вѣдь, тоже могъ сдѣлаться европейской знаменитостью, только не захотѣлъ! Рыбакъ рыбака видитъ издалека, поэтому Лидія Кирилловна и оказываетъ дѣдушкѣ столь благосклонную внимательность.

— Вздоръ мелешь, Петръ!—съ недовольнымъ видомъ отозвался дьяконъ.

— Да вѣдь вы же рассказывали мнѣ, какъ одинъ баринъ уговаривалъ васъ выйти изъ духовнаго званія и поступить на сцену, въ качествѣ опернаго пѣвца. Предсказывалъ вамъ великую славу на этомъ поприщѣ... Да вотъ чтò, дѣдушка, расскажите-ка Платошѣ эту любопытную исторію; и я прослушаю ее еще разъ съ удовольствіемъ.

— Что жъ, можно!—промолвилъ Василій Захаровичъ, допивая второй стаканъ крѣпчайшаго чаю. Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ откашлялся, вздохнулъ и началъ:

— Да, было такое искушеніе... Въ тѣ поры мнѣ шель двадцать седьмой годъ и я діаконовалъ во храмѣ Покрова Богородицы. Приходь бѣднѣйшій! И пилъ я тогда безмѣрно много. Но іерей нашъ, о. Адріанъ, любилъ меня, пьяницу, царство ему небесное! Давно ужъ онъ померъ. И въ тѣ поры уже былъ древнимъ старцемъ. Убѣждаетъ меня, бывало:—брось

поганую эту водку; не доведетъ она тебя до добра!—Да таково кротко, съ любовью скажетъ... А я слушалъ его да пилъ.

— Ну, хорошо... И вотъ переѣхалъ въ приходъ нашъ нѣкій баринъ, по фамиліи Скалицевъ. Насупротивъ самой церкви домъ купилъ и переѣхалъ.

— Важный, богатѣйшій баринъ! Но мы съ о. Адрианомъ не возвеселились по этому случаю. Всему городу было извѣстно, что господинъ Скалицевъ — безбожникъ и ненавистникъ духовенства. Въ церковь никогда не ходитъ, даже иконъ у себя въ домѣ не имѣетъ. Ну, хорошо...

И, неожиданно для слушателей оборвавъ свой рассказъ, Василий Захаровичъ подаль Симочкѣ пустой стаканъ, со словами:—Налей-ка мнѣ третій, Серафима!

Только получивъ отъ внучки полный стаканъ и отпивъ изъ него половину, Василий Захаровичъ сталъ продолжать рассказъ:

— И вдругъ, въ будній день, видимъ въ нашемъ храмѣ господина Скалицева. А онъ еще и недѣли не прожилъ у насъ въ приходѣ. Глядимъ да дивимся! До начала ранней обѣдни пришелъ и сталъ на видномъ мѣстѣ. Изъ себя невзраченъ: махонькаго роста, лысый, носастый... А глаза черные и такіе-то пронзительные. Ну, вотъ, прекрасно... Мы съ о. Адрианомъ радуемся, взирая на него. О. Адрианъ не стерпѣлъ, до обѣдни подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ: «Сколько я счастливъ—говоритъ — лицедрѣтъ васъ, сударь, въ нашемъ храмѣ». Весьма пристойно выразился! А господинъ Скалицевъ какъ крикнетъ на него визглявымъ голосомъ: «Лучше начинали бы обѣдню, чѣмъ разговаривать-то! Я пришелъ слушать дьяконовъ голосъ, а не ваши рацеи». О. Адрианъ до слезъ смутился и отошелъ прочь. Хорошо... Кончилась обѣдня, я разоблачился, выхожу изъ алтаря... И вдругъ господинъ Скалицевъ ко мнѣ бросается, словно безумный. Кричитъ: «Дьяконъ, ты чудо природы! Во всемъ мірѣ нѣтъ такого голоса, какъ у тебя». Думаю себѣ: рехнулся господинъ! — И опять Василий Захаровичъ прервалъ свой рассказъ тѣмъ же самымъ обращеніемъ къ Симочкѣ: «Налей-ка мнѣ четвертый Серафима»! Но, уже не дожидаясь, когда она это сдѣлаетъ, онъ сталъ рассказывать далѣе:

— Потомъ принялся меня въ гости къ себѣ зазывать, господинъ Скалицевъ-то. Я благодарю. Ну, что жь, думаю, пойду себѣ! И пошелъ.

— Домъ—аки бы дворець. Стѣны мраморныя; мебель съ позолотой; лакеи важные. А въ клѣткѣ попугай сидитъ и неподобными словами ругается. Ну, ничего... Началь меня господинъ Скалицевъ угощать шенпанскимъ, котораго я еще, отродясь, не пиваль. Не понравилось мнѣ это шенпанское,—весьма приторный напитокъ! Выпилъ бокаль и говорю: «мнѣ бы теперь водочки съ лучкомъ. Разсмѣялся господинъ Скалицевъ. Однако, велѣлъ лакею сейчасъ же подать водки и луку. Я радъ; пью, закусываю. Такъ-то хорошо.. И вотъ тутъ поразилъ меня господинъ Скалицевъ! Говоритъ: «разстригись и переѣзжай ко мнѣ. Я никакихъ денегъ не пожалѣю и сдѣлаю изъ тебя великаго пѣвца»... И пошелъ, и пошелъ... Ужь всего не припомню! Прельстительно говорилъ. Но я не соблазнился. Отвѣчаю ему:—я хочу Богу служить, не хочу бѣса тѣшить. Ну, онъ и отсталъ, даже разсердился на меня. Думаю: слава богу! Хорошо... Но что же? въ скорости онъ спять ко мнѣ привязался, и даже неотступно! Самъ ко мнѣ сталъ ходить чуть не ежедневно. Ходитъ, виномъ поить и прельщаетъ. А я не сдаюсь. Однако, вино пью. Все ничего, прекрасно... Какъ вдругъ меня осѣтило! Помнится, выпилъ на сей разъ болѣе четверти. Выпилъ и возопилъ:—Согласенъ всякія оперы пѣть; завтра же разстригусь! — Господинъ Скалицевъ до изступленія возрадовался. Обнимаетъ меня, цѣлуетъ. А самъ спрашиваетъ: «Вправду ли согласенъ, голубчикъ»? Я посмотрѣлъ на икону Спасителя и перекрестился: вотъ, молю, повѣрьте! И въ тотъ мигъ почудилось мнѣ, что икона задрожала. Сіяніе же вокругъ лика словно бы вспыхнуло огнемъ. Я устрасился. Думаю: скажу господину Скалицеву, пускай онъ посмотритъ. Да какъ обернулся къ нему, такъ и обмеръ. Вижу: на лысинѣ-то у него рожки торчатъ! А изъ-подъ сюртука хвостъ мотается... Вотъ какъ бы кошачій, только малость подлиннѣе... черный такой!

— Глаза же, будто угли раскаленные, сверкають. Въззрился на меня, зубы оскалилъ и ну твердить: «Вотъ каковъ я Скалицевъ, вотъ каковъ я Скалицевъ!» Хочу перекреститься, а рука-то у меня онѣмѣла, поднять не могу... Дрожу со страху,

аки листъ древесный! Не знаю, долго ли я стоялъ недвижимъ,—а показалось мнѣ, что до безконечности долго. Потомъ, будто бы кто-то прошепталъ — «спой: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» — Я и грянулъ, да такъ, что самъ своего голоса ужаснулся. Стекло въ окошкѣ треснуло; съ потолка штукатурка посыпалась... А вся посуда на столѣ зазвенѣла, какъ бубенцы у лихой тройки. Скалицевъ же взвизгнулъ, уши себѣ зажалъ и вихремъ вылетѣлъ изъ дому. Шубу и шапку забылъ, въ одномъ скюртучкѣ умчался. А дѣлота было передъ Срѣтеньемъ; морозъ лютой! И съ того самаго вечера я его болѣе не видалъ, Скалицева-то господина. На другой день онъ захворалъ и здѣшніе доктора послали его въ Москву лѣчиться. Только въ Москвѣ онъ не вылѣчился, а въ скорости померъ; тамъ его и похоронили.

— А я тоже безъ памяти въ горячкѣ пролежалъ шесть недѣль, послѣ своего послѣдняго свиданія съ господиномъ Скалицевымъ. Когда же опомнился, такъ тутъ-то и далъ зарокъ вина не пить. Да, вотъ и все!.. Ну, Серафима, налей мнѣ пятый—ужь больше не спрошу.

Дьяконъ замолчалъ и тяжело перевелъ духъ. Онъ не привыкъ много говорить, а въ особенности разсказывать. Только этотъ единственный разсказъ онъ повторялъ многократно въ своей жизни, и всегда съ несвойственнымъ ему оживленіемъ, даже нѣсколько измѣняя обычной манерѣ говорить кратко и отрывисто. А послѣ того всегда впадалъ въ задумчивость, что случилось съ нимъ и теперь.

Молодежь также молчала, выслушавъ разсказъ старика и также, повидимому, о чемъ-то раздумывала. Симочка воображала господина Скалицева съ рожками и хвостикомъ, и у нея по кожѣ пробѣгали мурашки. Платонъ думалъ, что служителю церкви ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ переходить на сцену.

А Петръ, глядя на Василя Захаровича, мысленно спрашивалъ самого себя: хорошо или худо поступилъ дѣдъ, не соблазнившись славой и богатствомъ, зарывъ свой талантъ въ землю? А, можетъ быть, онъ всю жизнь сожалѣлъ о томъ, что вино заставило его увидѣть Скалицева въ бѣсовскомъ образѣ, да только онъ не высказывалъ ни передъ кѣмъ своихъ сожалѣній? Можетъ быть, именно отъ этого и вино ему опостылѣло.

— Дѣдушка, — началъ Петръ, не сводя глазъ со стараго дьякона, — вѣдь не думаете же вы, конечно, что господинъ Скалицевъ въ самомъ дѣлѣ былъ изъ бѣсовской породы. Вы слишкомъ умны, для того чтобы вѣрить въ такой сказочный вздоръ, который померещился вамъ потому, что выпили болѣе четверти вина.

Дьяконъ не скоро отвѣтилъ, занявшись своими думами и пятымъ стаканомъ чаю. Но зато онъ отвѣтилъ серьезнымъ, торжественнымъ тономъ:

— Да, я знаю, что это отъ вина померещилось. Но вижу въ семь персть Божій: этимъ виннымъ видѣніемъ Господь удержалъ меня у престола своего и отъ пьянства избавилъ навсегда.

— Пожалуй, вы видите персть Божій и въ смерти Скалицева? — насмѣшливо спросилъ Петръ, на что дѣдъ ему отвѣчалъ съ тою же торжественностью:

— Вижу. Господь его смертью покаралъ за то, что онъ прельщалъ мірскою славой церковнослужителя. — Съ послѣдними словами Василій Захаровичъ поднялся съ мѣста и направился въ свою спальню, чтобы тамъ совершенно погрузиться въ свои думы. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ отъ продолжительнаго разговора и разсказа. Но Петръ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Да неужели же вы ни разу въ жизни не пожалѣли о своей погибшей мірской славѣ?

— Нѣтъ! — лаконически отозвался Василій Захаровичъ скрываясь за дверью.

VIII.

Поздней ночью вернулись домой отъ Зайчевскихъ Леонидъ съ Лидіей, такъ что Софья Платоновна успѣла измучиться въ ожиданіи своихъ любимыхъ дѣтей. Она не могла спать, даже не ложилась въ постель, а сидѣла въ столовой, у окна, выходящаго на улицу, всматриваясь въ каждый проѣзжавшій мимо экипажъ, но желая увидѣть только одинъ, — Зайчевскихъ.

Ночь была лунная, очень свѣтлая и вполнѣ удобная для такихъ наблюденій.

Всѣ уже спали въ домѣ соборнаго протопопа, за исключеніемъ одной Софьи Платоновны, которая даже досадовала на своихъ спящихъ домочадцевъ. Успѣвъ придумать, что съ Леонидомъ и Лидіей случилось дорѣгой какое нибудь несчастье, она увѣровала въ это безъ малѣйшаго сомнѣнія. «Да, вотъ съ Лёней и съ Лидой богъ знаетъ что случилось, а Кирилль Пименовичъ спитъ, всѣ спятъ... Никому до этого и дѣла нѣтъ»... думала она, беспокоясь все сильнѣе и сильнѣе. Софья Платоновнѣ очень хотѣлось угадать, какое именно несчастье произошло съ ея дѣтьми, а потому она мысленно перебирала всевозможныя.

Рѣшивъ, что ихъ непременно понесли лошади, экипажъ опрокинулся и придавилъ до смерти обоихъ, она тотчасъ же перерѣшала, что Лидія съ Леонидомъ вздумали гѣшкомъ пройти по мосту черезъ рѣку, какъ вдругъ мостъ провалился вмѣстѣ съ ними въ воду, и они утонули. Да, впрочемъ, невозможно и описать всѣхъ несчастій, какія выдумывала она для своихъ дѣтей, невыразимо страдая при этомъ. Странно, что Софья Платоновна несравненно менѣе беспокоилась о Леонидѣ съ Лидіей, когда они жили въ Москвѣ. Но лишь только они пріѣзжали въ родительскій домъ, какъ она начинала тревожиться объ нихъ, зачастую безъ всякой къ тому причины. То Лидочка покажется ей необыкновенно блѣдной и она вообразитъ дочь смертельно больной; то Леонидъ представится печальнымъ и она вообразитъ, что у него есть какое нибудь тайное горе. Словомъ, Софья Платоновна превращалась въ добровольную мученицу, когда любимыя дѣти находились при ней.

Младшій сынъ никогда не доставлялъ ей такихъ сердечныхъ тревогъ, былъ ли онъ дома, или отсутствовалъ.

Леонидъ терпѣливо переносилъ неумѣренную материнскую заботливость, которая возмущала и раздражала Лидію. — Наконецъ, Софья Платоновна увидала на улицѣ желанный экипажъ, причемъ радостно ахнула и набожно перекрестилась. Затѣмъ, не дожидаясь звонка, сама вышла въ сѣни и отперла дверь своимъ милымъ дѣтямъ, что разсердило Лидію, воскликнувшую при видѣ матери:

— Развѣ у насъ нѣтъ прислуги и некому отпереть дверь, кромѣ васъ?—Въ ея голосѣ слышалась нервная раздражитель-

ность.—И почему вы не спите, мама? Вѣроятно, потому что въ ожиданіи насъ сочиняли страшную драму, въ которой вывели главными героями меня съ Леонидомъ. Безъ сомнѣнія, въ вашей драмѣ мы оба съ нимъ умираемъ какими нибудь ужаснѣйшими смертями! Ну, скажите, что вы съ нами сдѣлали: — утопили, отдали на съѣденіе волкамъ, или еще что нибудь пострашнѣй для насъ придумали?!

— Полно, Лидочка, не сердись...—виноватымъ заискивающимъ тономъ говорила Софья Платоновна, слѣдуя за дочерью по снѣгамъ и входя въ переднюю.—Ничего я не сочиняла, не придумывала... просто мнѣ спать не хотѣлось...

Важная, величаява протопопица преображалась передъ своей дочерью въ какую-то смиренную, безотвѣтную приживалку. Только выраженіе, появлявшееся въ это время на лицѣ Софьи Платоновны, было такъ привлекательно и трогательно, что мѣшало казаться смѣшной этой матери-рабѣ. Правда, она благоговѣла и унижалась только передъ Лидіей, не выказывая ничего подобнаго по отношенію къ Леониду, хоть любила старшаго сына не меньше, чѣмъ дочь. А, между тѣмъ, Леонидъ несравненно мягче и ласковѣ своей сестры обращался съ отцомъ и матерью. Его можно было назвать почтительнымъ сыномъ, а Лидію—совсѣмъ непочтительною дочерью. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца мягкость нрава и слабость воли, только во всемъ этомъ проглядывало что-то безцвѣтное, дряблѣе, будто бы даже фальшивое, чего не было замѣтно у о. Кирилла. Дьяконовъ внукъ Петръ говорилъ, что сердце у Леонида не настоящее, а спитое изъ дешевенькаго линючаго манчестера, претендующаго казаться бархатнымъ, и на ватной подкладкѣ.—Въ такое сердце какія угодно булавки втыкай—ничего не почувствуетъ!—прибавлялъ Петръ.—Поэтому оно можетъ служить подушечкой для булавокъ, а больше ни на что не годится.

Но Софья Платоновна восторженно называла сердце своего любимаго сына—золотымъ.

Леонидъ былъ двадцативосьмилѣтній блондинъ довольно красивой наружности, съ нѣжнымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, съ мелкими, тонкими чертами и голубыми глазами, очень походившими цвѣтомъ и формой на глаза Платона, но не выраженіемъ. У Леонида они почти постоянно и до при-

торности сладко улыбались, слегка прищуриваясь. Къ его лицу очень шла небольшая, щегольски-подстриженная, борода. При среднемъ ростѣ, онъ обладалъ прекраснымъ сложеніемъ и платьѣ сидѣло на немъ какъ-то даже слишкомъ ловко, точно не на живомъ человѣкѣ, а на манкенѣ. Леонидъ былъ доволенъ и занятъ своей наружностью, одѣвался франтовски и въ то же время бозукоризненно-прилично, избѣгая всего пестраго и яркаго; держалъ себя нѣсколько чопорно, несовсѣмъ естественно, будто бы копируя кого-то. Выдающимся умомъ онъ не блисталъ, но всѣ находили его «очень неглупымъ», а многіе еще вдобавокъ и «симпатичнымъ». Леонидъ особенно нравился дамамъ да пожилымъ, почтеннымъ людямъ, очаровывая первыхъ своимъ нѣжно-деликатнымъ обхожденіемъ, а послѣднихъ — своей благонамѣренностью и уваженіемъ къ старшимъ.

Софья Платоновна искренно огорчалась тѣмъ, что любимыя дѣти не имѣютъ съ ней ни малѣйшаго наружнаго сходства, хотя считала Леонида почти красавцемъ, а Лидію—совершенною красавицей (какою никто не признавалъ ея, кромѣ матери).

Правда, ничто не напоминало о статной, сильно сложенной Софьѣ Платоновнѣ въ небольшой, худенькой фигурѣ Лидіи, съ узкими плечами, слабо развитой грудью и тонкой, гибкою таліей. Ничего общаго съ матерью не замѣчалось и въ ея до прозрачности блѣдномъ, нервно-подвижномъ лицѣ съ такими же мелкими, тонкими чертами, какъ у Леонида. Особенно выдѣлялись на этомъ лицѣ только глаза: большіе, продолговатые, напоминавшіе сталь своимъ цвѣтомъ и ровнымъ, холоднымъ блескомъ; въ ихъ надменномъ взглядѣ выражалось пренебреженіе ко всему окружающему и упорная воля. Волосы у Лидіи были темнорусые, но гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у ея матери, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ и не густые.

Ни красавицей, ни симпатичной Лидію нельзя было назвать: къ ней болѣе всего подходило опошлившееся отъ частаго употребленія названіе «интересной». Впрочемъ, у нея, какъ у большинства нервныхъ людей, наружность зависѣла отъ настроенія. Иногда она внезапно хорошѣла, иногда казалась совсѣмъ дурною. Теперь, послѣ недальняго путешествія, она очень похорошѣла и будто бы помолодѣла на нѣ-

Сколько лѣтъ. Деревенскій воздухъ покрылъ легкимъ загаромъ и подрумянилъ ея блѣдное лицо; глаза блестѣли ярче обыкновеннаго; въ движеніяхъ появилась живость ранней молодости. Въ свѣтломъ палевомъ платьѣ и въ простенькой соломенной шляпкѣ съ васильками, Лидія смотрѣла семнадцатилѣтней дѣвушкой, хотя въ дѣйствительности ей уже минуло двадцать три. Софья Платоновна залюбовалась дочерью до того, что не выдержала и хотѣла поцѣловать ея «въ щечку», какъ приличествуетъ настоящей приживалкѣ цѣловать свою госпожу. Но Лидія очень ловко увернулась отъ этого, замѣтивъ недовольнымъ тономъ.

— Терпѣть не могу поцѣлуевъ! И вы это знаете, мама.

— Ахъ, извини, Лидочка, что я объ этомъ забыла!—совсѣмъ не шутя спохватилась мать-раба, умиленно взглядывая на свою строгую повелительницу.

Лидія тоже посмотрѣла на мать и громко размѣялась:

— Боже мой, какъ смѣшно вы на меня поглядываете! Точно какой нибудь коллежскій регистраторъ на своего начальника, важнаго генерала!

Обрадованная неожиданною веселостью дочери, Софья Платоновна сама отъ души засмѣялась, воскликнувъ:—и какъ ты всегда остроумно пошутить, просто прелесть!—Въ самомъ дѣлѣ, Лидія на этотъ разъ остроумно пошутила надъ матерью, надо отдать ей справедливость. Однако, веселость ея быстро исчезла. Снявъ шляпку и небрежно бросивъ ее на первый попавшійся столъ въ залѣ, Лидія сказала уже тономъ капризнаго, избалованнаго ребенка: — Я страшно устала и хочу спать! Пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чемъ... я ужъ вижу по вашимъ глазамъ, что собираетесь спросить: какъ поживаютъ Зайчевскіе? Пусть Леонидъ вамъ на это отвѣтитъ, а я отказываюсь! И не вѣдумайте насъ кормить: мы уѣхали послѣ ужина.

Послѣднее заявленіе дочери огорчило Софью Платоновну, дѣйствительно собиравшуюся угостить дѣтей разными закусками и пирожнымъ, собственно для нихъ купленнымъ въ булочной. Не посмѣвъ предложить это угощеніе Лидіи, она принялась настойчиво убѣждать сына съѣсть хоть кусочекъ чего нибудь, хоть одинъ бисквитъ. — Вѣдь ты любишь сладенькое, Лёня! Ну, вотъ и скушай пирожнаго.— Съ Леони-

домъ она говорила, точно съ маленькимъ мальчикомъ, очень ласково и смѣло, не раболѣпствуя передъ нимъ, какъ передъ дочерью. Да Леонидъ и самъ держалъ себя съ матерью милымъ мальчикомъ, оставивъ свои напускныя, чопорныя манеры. Онъ не заставилъ мать долго упрашивать его и послѣдовалъ за ней въ столовую, гдѣ помогъ ей достать изъ буфета закуски и съѣлъ отъ каждой понемногу, а пирожного нѣсколько штукъ, чѣмъ порадовалъ Софью Платоновну. Лидія тоже вошла въ столовую и съ неудовольствіемъ посмотрѣла на всю эту снѣдь. Однако, взяла бисквита, отъ котораго откусила крошечный кусочекъ и поморщилась.

— Удивляюсь, какъ ты можешь ѣсть такую гадость!— замѣтила она брату, бросая откушенный бисквитъ на пустую тарелку. А затѣмъ, обратившись къ матери, прибавила:— Ну, покойнаго утра, мама! вѣдь ужъ разсвѣтаетъ... Пора бы перестать и вамъ съ Леонидомъ изображать живую картину: «Добрая мать, угощающая милаго сына, послѣ полуторадневной разлуки съ нимъ».

— Да, въ самомъ дѣлѣ, мамочка, вамъ давно пора спать!— подтвердилъ и Леонидъ, торопливо проглатывая кусочекъ сыру, точно пилюлю, и быстро поднимаясь съ мѣста. Съ такой же поспѣшностью онъ открылъ свои карманные часы и, взглянувъ на нихъ, сказалъ матери настоящимъ докторскимъ тономъ:

— Извольте сейчасъ же ложиться въ постель; вѣдь теперь тридцать семь минутъ втораго. Я не разъ говорилъ, мама, что вы приносите страшный вредъ своему здоровью, ложась позже полуночи. Это и для всѣхъ вообще вредно, а для васъ въ особенности!

Заботливость сына доставила огромное удовольствіе Софьѣ Платоновнѣ. По ея римскому лицу разлилась блаженно-счастливая улыбка, отъ которой лицо ея сразу *обрустло*, если можно такъ выразиться.

И сама Софья Платоновна будто бы потеряла въ эти минуты свою барственную осанку, ставъ похожею на простую, добродушную матушку, особенно же, когда промолвила, любовно глядя на сына:

— Охъ, ужъ эти мнѣ доктора: все то имъ кажется вреднымъ! Ну, видно дѣлать нечего, надо послушаться своего доктора и ложиться спать.

Прощаясь съ матерью, Леонидъ сначала почтительно приложился къ ея рукѣ, а потомъ съ нѣжной осторожностью поцѣловалъ въ губы, точно цѣлуя тяжело-больнаго или новорожденнаго младенца. Во время этой сцены, Лидія, ни съ кѣмъ не простившись, молча ушла изъ столовой въ свою комнату.

IX.

Лидіи нравилась комната, которую она занимала, больше всѣхъ, какія были въ домѣ Востоковыхъ. Иногда она по цѣлымъ днямъ просиживала въ этой небольшой, уютной комнатѣ, выходявшей двумя окнами въ садъ и обставленной старою мягкою мебелью, обитой новымъ пестрымъ ситцемъ, между которой выдѣлялась узенькая кровать, покрытая бѣлымъ одѣяломъ.

Здѣсь нельзя было замѣтить никакихъ претензій на кокетливое убранство: ни туалетнаго столика, уставленнаго бездѣлушками, ни картинъ на стѣнахъ, — ничего подобнаго. Даже не было необыкновенной чистоты и порядка, бросавшихся въ глаза на каждомъ шагѣ въ этомъ домѣ.

Такая чистота и порядокъ не нравились Лидіи, говорившей, что это напоминаетъ ей о больницахъ, пріютахъ и тому подобнахъ казенныхъ мѣстахъ. А возню съ уборкой комнатъ она не могла видѣть безъ раздраженія, что болѣе свойственно мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ. По этому поводу Наталья ежедневно огорчалась.

— Не дозволяютъ мнѣ барышня убирать ихнюю комнату, какъ слѣдуетъ; ужъ такое это право горю! Не успѣешь дотронуться щеткой до полу, а онѣ кричатъ: «будетъ; довольно, ты меня измучила!» — съ сокрушеннымъ видомъ жаловалась она Софьѣ Платоновнѣ, отвѣчавшей ей также невесело, со вздохомъ: — Да, не перешла нѣ Лидочкѣ моя страсть къ чистотѣ въ комнатахъ! Что жъ дѣлать?.. Ужъ ты не безпокой ея, Наталья! Какъ она скажетъ тебѣ: «будетъ, довольно», — такъ сейчасъ же все оставляй и уходи онѣ нея.

Странно, что Лидія, сама любившая наряжаться больше матери и старшаго брата, не любила наряжать свою комнату, украшать ее чѣмъ бы то ни было, за исключеніемъ живыхъ цвѣтовъ.

И теперь, когда Лидія «вернулась домой изъ столовой» (по ея собственному выраженію), такъ прежде всего рассердилась на себя за то, что позабыла привезти отъ Зайчевскихъ огромный букетъ фіалокъ, поднесенный ей любезными хозяевами. Досада ея по этому случаю была такъ велика, что совсѣмъ прогнала сонъ, хотя продолжалась не болѣе десяти минутъ. Затѣмъ досада прошла, но желаніе спать не возвращалось. Переодѣвшись изъ платья въ блузу, Лидія не легла, а сѣла на кровать. Ей даже лежать не хотѣлось.

Оживленіе вмѣстѣ съ легкимъ румянцемъ сбѣжало съ ея лица, отчего она вдругъ подурнѣла и перестала казаться молоденькою дѣвочкой. Бѣлая блуза, надѣтая безъ корсета, еще рѣзче выставяла ея худобу и болѣзненную блѣдность. Всякій, кто увидѣлъ бы въ это время Лидію, навѣрное подумалъ бы, что она несовсѣмъ здорова, и не ошибся бы. Успѣхи въ наукахъ и въ музыкѣ достались ей недаромъ; ея здоровье и нервы, отъ природы не крѣпкіе, совершенно распались, благодаря усиленнымъ занятіямъ. У нея развилось малокровіе, да, кромѣ того, Леонидъ, вздумавшій недавно «выслушивать» сестру, нашелъ ея легкія очень слабыми и непрочными. Однако же, онъ не сказалъ объ этомъ ни ей самой, ни отцу съ матерью, боясь ихъ встревожить. — Теряя здоровье, Лидія зато приводила въ восторгъ сначала гимназическихъ преподавателей, потомъ профессоровъ консерваторіи, осыпавшихъ похвалами способную и прилежную ученицу. Впрочемъ, ко всѣмъ этимъ похваламъ она относилась равнодушно, пресытившись ими съ дѣтства.

Дьяконовъ внукъ неправильно назвалъ Лидію послѣдовательницей Башкирцевой: онѣ походили другъ на друга только тѣмъ, что обѣ не обладали хорошимъ здоровьемъ и были избалованы окружающими. Башкирцева была влюблена въ славу, стремилась къ ней, точно птица, рвущаяся на свободу изъ клѣтки, не разбирая, изъ какой дверки выпорхнуть. А Лидія любила музыку, сознавала свой талантъ, но не мечтала о славѣ, хотя была твердо увѣрена въ томъ, что достигнетъ ея, если станетъ давать концерты.

Любовь къ музыкѣ заполонила все сердце Лидіи, не оставивъ въ немъ даже самага маленькаго свободнаго мѣстечка для какой бы то ни было другой любви. Проживъ на свѣтѣ

двадцать три года, Лидія ни разу еще не влюбилась, не увлеклась, хотя за ней многіе ухаживали, что она находила очень глупымъ и смѣшнымъ. Это ухаживанье иногда смѣшило ее, но гораздо чаще сердило.

Она не любила ни отца съ матерью, ни братьевъ; всѣ они казались ей чужими людьми, съ которыми у нея нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Правда, она признавала своего отца и младшаго брата добрыми и симпатичными, но очень недалекими, чувствуя къ нимъ обоимъ что-то въ родѣ жалости съ легкой примѣсью пренебреженія. Къ матери,—безумно и униженно любившей ее,—она ровно ничего не чувствовала; Леонидъ же былъ ей противенъ со всѣми своими сладкими улыбками, ласковыми словами и неестественными манерами. Учась въ московской консерваторіи, Лидія жила у Леонида, имѣвшаго хорошую казенную квартиру при больницѣ, гдѣ онъ былъ докторомъ. И надо отдать ему справедливость: онъ былъ примѣрнымъ братомъ, нѣжно ухаживалъ за сестрой, терпѣливо переносилъ ея капризы и почти дерзкое обращеніе съ нимъ, заботился не меньше матери объ ея спокойствіи и здоровьѣ. Но всѣмъ этимъ онъ не могъ заслужить расположенія Лидіи, котораго замѣтно добивался, а, напротивъ, еще дальше оттолкнулъ ее отъ себя.

Леонидъ мысленно величалъ сестру: «безддушнымъ каменнымъ идиломъ», въ то же время продолжая усердно ухаживать за ней. И въ самомъ дѣлѣ, душа Лидіи, должно быть, перешла въ рояль, на которомъ она играла, вызывая восторгъ и слезы у слушателей. Многимъ казалось удивительнымъ, что такая холодная и съ виду болѣзненно слабая дѣвушка проявляетъ въ своей игрѣ захватывающую страсть и мужскую силу. А между тѣмъ, сидя за роялемъ, Лидія будто бы совсѣмъ застывала; даже нервная подвижность лица быстро измѣнявшаго выраженіе, исчезала у нея въ это время. Играла она съ неподвижно-спокойнымъ лицомъ, изрѣдка взглядывая на восхищенныхъ слушателей своими стальными, холодно-блестящими глазами, не выразившими ничего, кромѣ снисходительнаго пренебреженія.

Кончивъ консерваторію, Лидія не сочла своего музыкальнаго образованія вполне законченнымъ и рѣшила ѣхать за границу, чтобы тамъ еще поучиться у лучшихъ профессоровъ,

прежде чѣмъ выступить на эстраду, въ качествѣ концертной пианистки. И, вообще, ее почему-то тянуло въ чужіе края, хотя она не могла дать себѣ отчета, почему именно. Но, твердо рѣшивъ уѣхать въ Парижъ не позже августа, она до сихъ поръ не говорила объ этомъ никому, даже отцу съ матерью. Лидія не боялась, что родители воспрепятствуютъ ея намѣренію и не дадутъ денегъ на дорогу, но не хотѣла огорчать ихъ раньше времени.

О. Кириллъ съ Софьею Платоновной воображали, что дочь останется жить у нихъ, только будетъ иногда уѣзжать въ Москву и давать тамъ концерты; можетъ быть, поѣдетъ когда нибудь съ этой же цѣлью въ Петербургъ, но почему-то имъ думалось, что даже послѣднее случится не скоро. Дальше Петербурга они не знали, куда еще отправить дочь въ своемъ воображеніи; «заграница» имъ и въ голову не приходила.

Теперь, безсонной ночью, Лидія серьезно задумалась о томъ: какъ поѣдетъ въ Парижъ, къ какому профессору тамъ обратится, сколько понадобится денегъ на дорогу и что нужно взять съ собой изъ платьевъ и вещей. Ничего похожего на мечты не было въ ея спокойныхъ, чисто дѣловыхъ размышленіяхъ. Она не замѣтила, какъ короткая лѣтняя ночь смѣнилась яснымъ утромъ. Первые солнечные лучи проникли въ комнату, обливъ розоватымъ свѣтомъ блѣдное лицо Лидіи, осунувшееся послѣ безсонной ночи. На соборной колокольнѣ ударили къ заутренѣ. При первомъ звукѣ колокола, Лидія очнулась отъ своей дѣловой задумчивости, медленно поднялась съ кровати, слегка потянувшись и зѣвнувъ, и подошла къ окну, чтобы лучше слышать благовѣсть, который она находила музыкальнымъ и называла соборнаго звонаря истиннымъ артистомъ. Она открыла окно и сѣла на подоконникъ. Вмѣстѣ съ торжественными звуками благовѣста, въ комнату ворвался свѣжій утренній воздухъ, заставившій Лидію вздрогнуть отъ холода. Она какъ-то жалко съежилась, точно озябшая птичка, однако, не отошла отъ окна и не закрыла его.

Ей нравился запахъ зелени и цвѣтовъ, которымъ былъ пропитанъ утренній воздухъ; нравился видъ стараго сада, открывавшійся предъ ея глазами; нравился музыкальный благовѣсть, до того, что не хотѣлось разстаться со всѣмъ этимъ. Безотчетная, тихая радость охватила Лидію вмѣстѣ съ страннымъ

желаніемъ просидѣть всю жизнь, какъ сидѣла сейчасъ, любуясь лѣтнимъ утромъ, слушая музыкальные переливы колоколовъ...

И въ эти минуты она, безъ всякой видимой причины, вспомнила о дьяконовомъ внукѣ, подумавъ, что онъ ужъ давно не былъ у нихъ. Петръ и Лидія знали другъ другъ съ дѣтства, но ихъ знакомство ограничивалось до нынѣшняго года только поклонами, которыми они обмѣнивались, встрѣчаясь въ церкви или на улицѣ. Лидія не бывала въ гостяхъ у дьякона, а Петръ у Востоковыхъ. Василій Захаровичъ пользовался расположеніемъ Лидіи, восхищавшейся его голосомъ и слухомъ не меньше господина Скалицева и жалѣвшей въ немъ погибшаго знаменитаго пѣвца. Но только въ нынѣшнемъ году, когда Лидія пріѣзжала домой на рождественскіе праздники, ею овладѣло капризное желаніе (одно изъ тѣхъ, какія зачастую овладѣвали ею ни съ того, ни съ сего) послушать игру стараго дьякона на гусяхъ. Недолго думая, она тотчасъ же отправилась къ Василю Захаровичу, котораго несказанно удивила и обрадовала своимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, и попросила его сыграть чтонибудь на гусяхъ. Старикъ оробѣлъ при мысли о томъ, что ему придется являть свое скромное искусство предъ настоящей музыкантшею. Однако, подавивъ робость, онъ сѣлъ за свой любимый инструментъ и заигралъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ»... Лидія внимательно слушала эту музыку, любуясь старымъ дьякономъ,— который съ торжественно-серьезнымъ видомъ игралъ на гусяхъ,—точно какойнибудь прекрасною картиною. По окончаніи этого домашняго концерта, она искренно похвалила Василя Захаровича, доставивъ ему своей похвалою необычайное удовольствіе. Въ это время, Лидія и познакомилась съ Петромъ (тоже пріѣхавшимъ на праздники къ дѣдушкѣ) разговаривала съ нимъ въ первый разъ въ жизни, а, уходя, пригласила къ себѣ въ гости. Ей понравилась въ Петрѣ его оригинальная манера говорить и полнѣйшее отсутствіе семинарской застѣнчивости. Когда Лидія ушла, Петръ «насмѣшничалъ» надъ ней, какъ выражалась Симочка, но на другой же день явился къ Востоковымъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ изрѣдка бывать у нихъ, но все рѣже и рѣже за послѣднее время. Лидію очень забавляло его обращеніе съ ней, рѣзкое до дерзости и возмущавшее до глубины души Софью Платоновну. Но Лидіи такъ надоѣло общее ухаживанье за ней,

любезные разговоры и комплименты всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, что дерзости академиста являлись для нея интересной новостью. Впрочемъ, она отвѣчала ему тѣмъ же, ради шутки, безъ малѣйшей досады на него. Но все таки это неожиданное воспоминаніе о Петрѣ, раннимъ утромъ, подъ звонъ колоколовъ, показалось самой Лидіи такимъ смѣшнымъ, что она невольно расхохоталась и подумала:

«А я начинаю вести себя, какъ подобаешь настоящей «баюшкиной дочкѣ»: сижу подъ окошечкомъ и объ академистѣ вспоминаю. Пожалуй, скоро примусь гадать на трефоваго короля да справляться о вакантныхъ священническихъ мѣстахъ. Или попрошу папу сдать мнѣ свое мѣсто».

Съ такими веселыми мыслями Лидія, наконецъ, легла и тотчасъ же заснула.

X.

Лидія проспала до полудня, проснувшись съ легкой головою болью и съ неприятымъ ощущеніемъ разбитости во всемъ тѣлѣ. Она неохотно поднялась съ постели и позвала Наталью, скоро явившуюся на зовъ. Старая горничная знала, что она понадобилась «барышнѣ» собственно затѣмъ, чтобы подать умыться, но все таки, по своему обыкновенію, задала Лидіи вопросъ, повторяемый каждое утро: «Что прикажете»? Этотъ вопросъ представлялся Натальѣ чѣмъ-то такимъ, безъ чего обойтись было невозможно и неприлично.

— Ну, конечно, умыться!— рѣзко отвѣтила Лидія.— Кажется, пора бы тебѣ перестать меня спрашивать изо дня въ день объ одномъ и томъ же.

«Не въ духѣ встали!» рѣшила про себя Наталья, поглядывая на пасмурное лицо барышни и вслушиваясь въ тонъ ея голоса.

Она молча подала умыться Лидіи, тоже не заговаривавшей съ ней и продолжавшей хмуриться.

Умывшись холодной водою, Лидія почувствовала себя освѣженной; и головная боль у нея утихла, и лицо прояснилось. Наталья, замѣтившая послѣднее, осмѣлилась заговорить съ ней.

— А у насъ ужъ гости, барышня— сообщила она съ едва уловимымъ отгѣнкомъ насмѣшливости въ голосѣ.— Кузина о.

протопопа, матушка Анфиса Яковлевна со своей старшею барышней, съ Ольгою Аристарховной. Съ утреннимъ визитомъ пожаловали, прямо изъ собора, отъ поздней обѣдни.

Лидію чрезвычайно забавляли «мудренныя» и «великатныя» выраженія Натальи, но на этотъ разъ ее вовсе не насмѣшилъ утренній визитъ кузины о. протопопа, а, напротивъ, снова привелъ въ раздражительно-недовольное настроеніе, изъ котораго она только что вышла. Она, подобно Софьѣ Платоновнѣ, не любила своей родни изъ духовнаго званія, казавшейся ей карикатурной и вульгарной. И вотъ теперь, съ утра, ей предстояло неудовольствіе сидѣть и разговаривать съ «матушкой отъ Спаса надъ оврагомъ» (такъ именовалась горожанами церковь, настоятелемъ которой былъ мужъ Анфисы Яковлевны). При одной мысли объ этомъ, у Лидіи возобновилась головная боль сильнѣе прежняго.

— Какое же платье прикажете достать изъ гардероба?— спросила Наталья, на что Лидія съ досадою воскликнула, махнувъ рукой:

— Ахъ, да все равно, какое нибудь!

Горничной очень хотѣлось, чтобы Лидія была одѣта наряднѣе гостей, а потому она достала блѣдно-зеленое фуляровое, которое ей самой нравилось больше другихъ, но вовсе не шло къ Лидіи. Въ этомъ платьѣ, придававшемъ зеленоватый оттѣнокъ ея блѣдности, она смотрѣла совсѣмъ больной и гораздо старше своихъ лѣтъ.

Хмурая и недовольная вышла Лидія на террасу, гдѣ вокругъ стола, за самоваромъ, сидѣли хозяева и гости.

Матушка Анфиса Яковлевна Великолѣпова была приземистая, плотная особа лѣтъ сорока пяти, съ круглымъ, какъ мячъ, лицомъ, на которомъ пылалъ здоровый, грубоватый румянецъ и выражалась самая искренняя веселость. Шляпка, украшавшая голову матушки, придавала ея лицу особенный комизмъ, не смотря на то, что была степеннаго фасона, черная кружевная, съ пышною вѣткой лиловой сирени, дрожавшей при малѣйшемъ движеніи Анфисы Яковлевны. И одѣта была матушка также степенно, хоть вмѣстѣ съ тѣмъ довольно нарядно: въ платьѣ изъ старинной шолковой матеріи вишневаго цвѣта съ одинаковой пелериною, еще болѣе округлявшей и безъ того круглую фигуру.

Матушкина дочь, Оленька, тоже была очень полна для своего возраста, ей только что минуло 18 лѣтъ, и мѣсяць тому назадъ она кончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ, но успѣла ужъ сдѣлаться невѣстой городскаго псаломщика. Впрочемъ, благодаря туго-затянутому корсету, она казалась довольно стройной. Лицо у нея было очень красиво: бѣлое, съ нѣжнымъ румянцемъ, съ безукоризненно-правильными чертами; глаза синіе, съ длиннѣйшими темными рѣсницами.

Выраженіе какой-то покорной скромности будто бы застыло на лицѣ Оленьки, не сходя съ него никогда. Даже бѣлокурая чолка, пышно взбитая на лбу и имѣющая свойство придавать всѣмъ лицамъ вообще что-то вызывающее, почти нахальное, не измѣняла этого покорно-скромнаго выраженія. Оленька была разодѣта, точно явилась на званнй вечеръ: въ розовомъ платьѣ, не очень складно, зато очень нарядно спитомъ дешевою портнихой, постаравшейся насажать на немъ какъ можно больше бантовъ изъ лентъ и нацѣпить кружевъ. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ родственницы Востоковыхъ имѣли обыкновеніе облекаться въ самыя нарядныя платья, отправляясь въ гости къ соборному протопопу, чтобы, какъ говорится «лицомъ не ударить въ грязь» передъ Софьею Платоновной и Лидіей, которыхъ онѣ называли «настоящими аристократками».

Едва только Лидія показалась на террасѣ, какъ обѣ гостыи вскочили со своихъ мѣстъ и устремились къ ней съ распростертыми объятіями. Первой подбѣжала матушка Анфиса Яковлевна и, обхвативъ обѣими руками тонкую талію Лидіи, громко воскликнула:

— Здравствуй, Лидуша, голубка моя! А вотъ мы съ Оленькой къ вамъ пораньше собрались, прямо отъ обѣдни... (всѣ эти слова перемежались звонкими поцѣлуйми, которыми она осыпала Лидію, чмокая ее то въ губы, то въ обѣ щеки). Да что жъ это, милая моя, ты не поправляешься-то въ родительскомъ домѣ? Худенькая да блѣдненькая, словно восковая куклка... Такъ и думается, глядя на тебя: батюшки! какъ бы она сейчасъ не растаяла!

Затѣмъ, она уступила Лидію своей дочери, которая тоже обхватила ее за талію и поцѣловала нѣсколько разъ, но далеко не съ такимъ усердіемъ и жаромъ, какъ мать. Наконецъ, къ удовольствію Лидіи, гости оставили ее въ покоѣ и опять

услѣлись на свои мѣста. Вся семья Востоковыхъ была теперь въ полномъ сборѣ; даже Платонъ присутствовалъ на террасѣ, еще не успѣвъ уйти къ дьякону.

Софья Платоновна, не менѣе дочери недовольная «утреннимъ визитомъ» кузины, держала себя горделивѣе обыкновеннаго, разговаривая слишкомъ мало и неохотно для любезной хозяйки.

Зато Анфиса Яковлевна говорила безъ умолку, точно горохъ изъ мѣшка сыпала. Ея громкій и звонкій голосъ разносился по всему саду, заглушая чириканье воробьевъ. Слушали же словоохотливую матушку только о. Кирилль да Марина Егоровна, заночевавшая у Востоковыхъ и теперь тоже присутствовавшая на террасѣ. Последняя слушала съ особеннымъ вниманіемъ и съ явнымъ сочувствіемъ, то радостно улыбаясь, то вздыхая, качая головой и вставляя изрѣдка какое нибудь свое замѣчаніе.

ХІ.

— Ужь позвольте, братецъ, какъ нибудь привести нашего жениха къ вамъ напоказъ. Надо же вамъ на него посмотреть,—говорила Анфиса Яковлевна, обращаясь къ о. Кириллу, и, весело подмигнувъ ему на Оленьку, съ чувствомъ прибавила:

— Ужь больно хорошъ женишокъ-то!

Оленька слегка покраснѣла и потупилась. А матушка еще оживленнѣе продолжала:

— Онъ хоть псаломщикъ, а любому академисту не уступить въ манерахъ. Вѣдь онъ изъ перворазрядныхъ; можетъ скоро дьяконское мѣсто получить. У него двоюродный дядя-то въ консисторіи за самымъ первымъ столомъ пятнадцать лѣтъ сидеть... А дѣдушка (тоже двоюродный; родные-то всѣ умерли)—петербургскій протопопъ, ужь всѣ три «Анны» давно получилъ и сейчасъ ему еще какая-то награда назначена. Вотъ забыла, какая! Только помню, что очень хорошая. Да, братецъ, вы подумайте: какова родня-то!

Въ эту минуту Лидія тихо спросила Оленьку, сидѣвшую рядомъ съ ней:

— А тебѣ-то, Оля, нравится ли женихъ?

— Да ничего, нравится,—безъ всякаго выраженія, какимъ-то деревяннымъ тономъ, отвѣтила невѣста, поправляя бантъ на платьѣ.

— Вѣдь, кажется, вы съ нимъ недавно познакомились?—опять задала ей вопросъ Лидія.

— Нѣтъ, ужъ довольно давно,—также деревянно отвѣчала Оленька и, немножко подумавъ, прибавила:—три недѣли тому назадъ.

Лидія не могла удержаться отъ смѣха при ея послѣднихъ словахъ, чѣмъ замѣтно удивила невозмутимо-равнодушную невѣсту, въ свою очередь спросившую:—Чему ты смѣешься?

— Да тому, что сейчасъ отъ тебя услышала... Развѣ же не смѣшно, что ты находишь давнишнимъ знакомство, завязавшееся всего три недѣли тому назадъ? И неужели тебѣ не страшно выходить замужъ за человѣка, котораго такъ мало знаешь? Вѣдь не могла же ты хорошо узнать своего жениха въ такой короткій срокъ.

— Свадьба еще не скоро будетъ, не раньше, какъ черезъ мѣсяць, — спокойно сказала Оленька, откусывая сухарь. А знаешь: Люба Знаменская всего за два дня до свадьбы со своимъ женихомъ познакомилась... онъ вѣдь на мѣсто ея отца поступилъ; изъ-за мѣста и женился, потому что приходъ хорошій. Ну, вотъ и спѣшили обвѣнчаться. На пятый день послѣ похоронъ отца, Люба вышла замужъ; я пировала у нея на свадьбѣ... И что жъ? Вѣдь она очень счастлива. А какъ наряжается, еслибъ ты видѣла! Мужъ смиренный, приходъ богатый,—такъ можно ей рядиться въ шелки да въ бархаты. И какое хорошее хозяйство завели; теперь у нихъ три коровы, куры, утки, даже индюшекъ собираются заводить. Словомъ, Люба очень счастлива. Вотъ видишь, а вѣдь всего за два дня до свадьбы съ женихомъ познакомилась!

Разсказывая о Любиномъ счастьѣ, Оленька вдругъ оживилась, щоки у нея еще ярче порозовѣли, синіе глаза заблестѣли, точно звѣздочки; деревянные ноты въ голосѣ замѣнились звенящими, чуть-чуть визгливыми, но покорная скромность не исчезла съ ея лица. Въ то время, когда молодыя дѣвушки вели вполголоса этотъ разговоръ, Анфиса Яковлевна безъ устали продолжала повѣствовать о женихѣ, объ его роднѣ и о приданомъ своей дочери, выкрикивая все это тономъ ба-

зарной торговки, навязчиво предлагающей товаръ всѣмъ и каждому. Въ ухахъ ея слушателей такъ и звенѣли фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— Бѣлокурый, кудреватый, съ усами!— Два брата священствуютъ, а третій дьяконъ...— Четыре полковыхъ платья, пять шерстяныхъ, да всякаго бѣлья по дюжиямъ...

Наконецъ, о. Кириллъ перебилъ ее, сказавъ съ добродушной усмѣшкой:

— Да что ты все толкуешь о наружности жениха, сестрица, а его внутреннія качества какъ будто бы тебѣ совершенно неизвѣстны и даже нисколько не интересуютъ. А послушай-ка, чтѣ гласить одно старинное стихотвореніе:

Не красота лица
И не прелестный видъ,
Но доброта души
Счастливыми творить!—

продекламировалъ онъ съ большимъ чувствомъ.

— Ахъ, братецъ, ужъ вотъ хороши стихи! ужъ какъ вѣрны! Должно быть умнѣйшій сочинитель ихъ сочинилъ — восхитилась Анфиса Яковлевна.

— А только объ Алексѣѣ Тимофеевичѣ, объ женихѣ-то нашемъ, всѣ говорятъ, что онъ добрѣйшій человекъ. Вѣдь мы тоже разузнавали про него у людей; вѣдь не кошку какуюнибудь собираемся ему отдать, а дочь родную,—такъ нельзя же не разузнать! И еслибъ вы слышали, братецъ, какъ его хвалила наша просвирня, да еще дьячокъ отъ «Сорока Мучениковъ»... А они его отлично знаютъ, потому что тоже сродни ему приходятся.

Софья Платоновна молча наливала чай, — который объ гости очень любили и пили его «безмѣрно много» подобно соборному дьякону,—и тревожно поглядывала на болѣзненное лицо дочери, отъ души желая поскорѣй выпроводить надобвшихъ гостей. Платонъ тоже пребывалъ въ молчаніи и томился невозможностью уйти къ дьякону, куда ужъ давно его тянуло. Но онъ не уходилъ, боясь, что мать найдетъ это неприличнымъ, да и самому казалось несовсѣмъ ловкимъ удалиться отъ гостей. Леонидъ подсѣлъ поближе къ Оленькѣ и принялся занимать ее разказами о московскихъ увеселеніяхъ, чѣмъ и оживилъ скромную невѣсту. Она весело смѣялась, слушая его

тихую, плавную рѣчь. Анфиса Яковлевна какъ-то вдругъ, неожиданно для всѣхъ, умолкла на нѣсколько минутъ, серьезно занявшись чаемъ. Но, допивъ свою чашку, по счету седьмую, опять заговорила, уже обращаясь къ Софѣ Платоновнѣ:

— Пожалуй, Богъ дастъ, и вамъ, сестрица, скоро придется готовить приданое. Теперь Лидуша вездѣ курсы кончила: невѣста вполне образованная, а притомъ протопопская дочка, съ приданымъ... вѣдь это для жениховъ очень лестно! Ужъ, конечно, какіе нибудь псаломщики не посмѣютъ свататься да и не годятся они для Лидуши. Я думаю, она не пожелаетъ выходить замужъ за духовнаго, при своемъ свѣтскомъ воспитаніи. Ну, сравнить ли съ Лидушей, хоть, напримеръ, дьяконову дочь Настю Доброгласову, чтѣ еле-еле до четвертаго класса гимназіи дотянула? А за духовнаго замужъ не пошла. Наотрѣвъ отказала двумъ хорошимъ женихамъ изъ перворазрядныхъ. Говорить: «я получила свѣтское образованіе, а потому не желаю быть попадѣй или дьяконицей».

А на дняхъ я слышала, что она въ Москву замужъ выходитъ, за тамошняго околодочнаго.

Софья Платоновна, презрительно улыбнувшись и пожавъ плечами, хотѣла что-то сказать, но Лидія предупредила ее шутливымъ восклицаніемъ, обращеннымъ къ Анфисѣ Яковлевнѣ:

— Увы, я не могу еще выйти замужъ не только за околодочнаго, но даже за городского, потому что не считаю своего свѣтскаго образованія занонченнымъ и хочу продолжать учиться... Нѣтъ, не скоро придется вамъ попировать на моей свадьбѣ, очень не скоро!

— Господи, да чему жъ еще ты собралась учиться, Лидуша?— съ искреннимъ изумленіемъ, всплеснувъ руками, отозвалась матушка.— Да, кажется, и наукъ такихъ не осталось, какихъ бы ты не знала!

— Напротивъ, такъ много осталось наукъ, которыхъ я не изучала, что меня страшитъ бездна невѣдомой премудрости и нисколько не привлекаетъ. Я не намѣрена заниматься никакими науками, а только однимъ искусствомъ. Я хочу еще поучиться музыкѣ у заграничныхъ профессоровъ. И въ началѣ этой осени буду далеко-далеко отъ васъ, въ Парижѣ!

Лидія, совершенно неожиданно для самой себя, высказала

то, что скрывала такъ долго ото всѣхъ, даже отъ отца съ матерью, съ которыми намѣревалась переговорить не раньше, какъ черезъ мѣсяць.

Софья Платоновна поблѣднѣла, пристально посмотрѣвъ на дочь и стараясь увѣрить себя, что Лидія шутитъ. Но, встрѣтившись глазами съ упорнымъ, холоднымъ взглядомъ дочери, она почувала не шутку, а серьезное, твердое рѣшеніе, и сердце у нея замерло отъ страха и тоски.

Она еле могла вымолвить, съ напраснымъ усиліемъ улыбнуться (вмѣсто улыбки—вышла судорожная гримаса):

— А мы съ папой не отпустимъ тебя такъ далеко!..

Анфиса Яковлевна, послѣ словъ Лидіи, будто бы онѣмѣла на нѣсколько секундъ отъ удивленія и только тогда, когда заговорила Софья Платоновна, она быстро поднялась съ мѣста, подбѣжала къ ней и зачатила скороговоркой, сильно жестикулируя:

— И не пускайте, не пускайте, сестрица-голубушка! Да можно ли отпустить дѣвицу въ эдакую даль? Вѣдь Лидуша, по слабости своего здововья, даже не доѣдетъ живой до заграницы-то! Я слыхала отъ вѣрныхъ людей, что туда ѣхать очень страшно... Вездѣ горы, вездѣ буераки, а по нимъ рельсы проложены и машина летитъ, словно птица... Просто, говорить, духъ захватываетъ отъ такой непомѣрно-скорой ѣзды! А потомъ еще подъ землей желѣзная дорога проведена; вотъ ужъ до чего умудрились иностранцы-то! Ну, сами посудите, сестрица, останется ли въ живыхъ слабый человекъ послѣ такого путешествія? Какъ поѣдетъ подъ землей, такъ и задохнется!

Марина Егоровна съ ужасомъ вслушивалась въ рассказъ Анфисы Яковлевны о заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ, крестилась и шептала: — «Ахъ, спаси Господи! Истинно, подъ землей-то задохнешься, не вытерпишь!»

О. Кирилль тоже замѣтно встревожился, молча, но съ безпокойствомъ взглядывая то на жену, то на дочь. Леонидъ какъ-то растерялся и будто бы сконфузился; ему очень хотѣлось спросить сестру: вправду ли она собирается уѣхать, или вздумала подшутить надъ Анфисою Яковлевной и Мариною Егоровной, чтобы привести ихъ въ столь комическій ужась. Платону стало нестерпимо жаль отца и мать, безпокойство

которыхъ было очевидно, хотя оба они старались подавить это чувство. Одна Оленька оставалась равнодушно-спокойной среди взволнованнаго общества. Лидю не размѣшили комическій ужасъ карикатурныхъ родственницъ, а только раздосадоваль. Она мысленно бранила себя за то, что не сдержала своего языка, высказалась передъ матушкой отъ «Спаса надъ оврагомъ» и передъ деревенскою просвирней, какъ будто бы только за тѣмъ, чтобы ихъ удивить. Ей захотѣлось бѣжать отъ переполоха, который произошелъ по ея милости.

Обратившись къ Анфисѣ Яковлевнѣ, она прервала ее замѣчаніемъ:

— Вы на меня нагнали такой страхъ вашимъ рассказомъ о заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ, что я не могу больше здѣсь оставаться и слушать. Пожалуй, задохнусь прежде времени отъ страха! — Все это Лидія проговорила веселымъ тономъ, сдержавъ свою досаду и неудовольствіе; потомъ подошла къ Оленькѣ и предложила ей пройтись по саду, на что та безпрекословно согласилась. Леонидъ поспѣшно выразилъ свое желаніе сопровождать ихъ, явившееся у него по другой причинѣ: онъ хотѣлъ спросить сестру, серьезно ли она говорила насчетъ «заграницы», или же ради шутки?

«Если въ самомъ дѣлѣ Лидя вздумала туда ѣхать,—такъ это не дешево обойдется папѣ; уже и безъ того на нее потрачено много денегъ, а когда-то еще она сама будетъ зарабатывать!»—думалъ онъ, сходя вслѣдъ за дѣвушками со ступенекъ террасы въ садъ.— А мнѣ теперь тоже необходимо нужны деньги... Тысячи три, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ я занять у папы, а тутъ вдругъ Лидѣ понадобятся»...

Платону показалось, что и для него, наконецъ, настала удобная минута удалиться съ террасы и уйти къ дякону. Онъ всталъ, направился къ двери, ведущей въ гостиную, и навѣрное ушелъ бы благополучно, еслибъ не опрокинулъ, по своей неловкости, стулъ, стоявшій у самой двери. Софья Платоновна, сидѣвшая задомъ къ двери и въ своемъ безпокойствѣ даже позабывшая о присутствіи младшаго сына, вздрогнула отъ стука, произведеннаго паденіемъ стула на полъ и оглянулась. Увидѣвъ Платона, остановившагося въ неловкой позѣ, съ испуганно-смущеннымъ лицомъ предъ опрокинутымъ стуломъ, она гнѣвно воскликнула:

— Ты медвѣдь, а не человѣкъ, Платонъ! И куда это ты собрался уходить? Всѣ пошли въ садъ; ну, а ты куда?

— Никуда,—совсѣмъ оробѣвъ, со вздохомъ отвѣтилъ Платонъ и, поднявъ стулъ, опустился на него въ совершенномъ уныніи.

XII.

Вечеромъ того же дня, Петръ Невзорскій вышелъ изъ своего дома съ цѣлью прогуляться, но еще не успѣвъ рѣшить, куда именно направиться. Гулять по городу, въ особенности лѣтомъ, онъ терпѣть не могъ, а для того, чтобы идти куда нибудь за городъ—было ужъ поздно: восьмой часъ на исходѣ. Дѣдушка Василій Захаровичъ имѣлъ старинную привычку ужинать въ девять часовъ и любилъ, чтобы внучата ужинали съ нимъ вмѣстѣ. Петръ старался доставлять старику такое удовольствіе; зато, послѣ ужина, иногда уходилъ гулять на всю ночь, что дѣдомъ не воспрещалось.

Утромъ же Василій Захаровичъ, заводилъ со внукомъ приблизительно слѣдующій разговоръ по поводу его ночной прогулки:

— Чтѣ, гуляка, гдѣ побывалъ? Я къ утрени изъ воротъ, а ты домой въ ворота.

— Да на Башиловской мельницѣ побывалъ, вотъ гдѣ,—спокойно отвѣчалъ внукъ, а дѣдъ взглядывалъ на него широко открывшимися отъ изумленія глазами, восклицая:—Ну, конекъ! Вѣдь отселъ и дотолъ верстъ двадцать пять будетъ.

— Двадцать семь съ половиной—также невозмутимо поправлялъ его Петръ. — Чему же вы, дѣдушка, удивляетесь? Третьяго дня я за сорокъ ходилъ, въ Гущино-то. Положимъ, тогда вышелъ изъ дому утромъ, а вернулся домой тоже на разсвѣтѣ... другаго дня.

— Диковинно мнѣ: какое удовольствіе ночью по лѣсамъ и полямъ одному вскуе шататься? — глубокомысленно вопрошалъ Василій Захаровичъ внука, отвѣчавшаго на это:

— Да несравненно большее, чѣмъ шататься по трактирамъ и тому подобнымъ развеселымъ мѣстамъ съ пьяною компаніей.

— Ужъ отъ сего шатанія да избавить тебя Творецъ Не-

бесный! — съ тяжкимъ вздохомъ замѣчалъ старый дьяконъ и умолкалъ послѣ этого, погружаясь въ задумчивость.

И теперь, шагая по соборной площади, Петръ думалъ о томъ, что лучше бы ему просидѣть дома до ужина, но вечеръ былъ такъ хорошъ, что хотѣлось поскорѣй вырваться изъ душныхъ комнатъ на вольный воздухъ.

— Пойду-ка я въ городской садъ! — внезапно рѣшилъ Петръ. — День будничныи, музыка не играетъ, стало быть чистая публика тамъ теперь отсутствуетъ и я не оскорблю взоры здѣшнихъ франтихъ своимъ мовежанровымъ костюмомъ. — Онъ былъ въ кумачной косовороткѣ, подпоясанной старымъ, порыжѣвшимъ отъ времени, ремнемъ, въ бѣлой фуражкѣ, посѣрѣвшей отъ пыли и въ болотныхъ сапогахъ, глядя на которые можно было убѣдиться, что въ нихъ ходилъ Петръ на Башиловскую мельницу, въ Гущино и въ другія мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Слишкомъ сильно запечатлѣлись на этихъ «почтенныхъ сапогахъ» (какъ величалъ ихъ Петръ), воспоминанія о дальнихъ трудныхъ походахъ, въ видѣ неотчищаемой ничѣмъ грязи, стоптанныхъ каблуконъ и кое-гдѣ прорванной кожи. Городской садъ находился недалеко отъ соборной площади, такъ что Петръ, намѣреваясь туда отправиться, не рисковалъ опоздать къ ужину, еслибы даже прогулялъ тамъ цѣлый часъ, на что и не рассчитывалъ. — «Если увижу въ саду хоть одну расфранченную особу женскаго пола, такъ сію же минуту — маршъ назадъ! Лучше дома сидѣть, въ духотѣ, чѣмъ созерцать этихъ модницъ, изъ которыхъ каждая притворяется красавицей, какъ бы ни была безобразна». Мысленно рассуждая такимъ образомъ, Петръ шель скорымъ, твердымъ шагомъ, точно спѣша по дѣлу, а не на гулянье. Имѣя привычку смотрѣть себѣ подъ ноги во время ходьбы, онъ не обращалъ вниманія на встрѣчныхъ прохожихъ.

Ему оставалось пройти только одинъ узенькій, немощеный переулочекъ, чтобы достигнуть городского сада, когда онъ почти столкнулся лицомъ къ лицу съ Лидіей, шедшей ему навстрѣчу. Но все таки онъ прошелъ бы, не замѣтивъ ея, еслибы она его не окликнула:

— Здравствуйте, Петръ Александровичъ! Куда это вы такъ спѣшите? Надѣюсь, что не на пожаръ: набата не слышно, а потому попрошу васъ остановиться.

Но онъ ужь остановился при первомъ звукѣ ея голоса, заставившемъ его слегка вздрогнуть. Оба они стояли другъ противъ друга: Петръ въ своемъ «мовежанровомъ» костюмѣ и Лидія въ изящномъ платьѣ для гулянья какого-то неопредѣленнаго измѣнчиваго цвѣта, который былъ ей гораздо болѣе къ лицу, чѣмъ блѣдно-зеленый цвѣтъ того платья, въ какое одѣла ее утромъ Наталья.

Большая нарядная шляпка изъ свѣтлой соломы, украшенная газомъ и чайными розами, также придавала особенную эффектность маленькому подвижному лицу Лидіи, на которомъ глаза блестѣли почти лихорадочно, а на щекахъ выступали розовыя пятна, что было у нея всегда явнымъ признакомъ внутренняго волненія. Вообще она находилась въ нервно-возбужденномъ настроеніи, проявлявшемся въ нѣсколько порывистой живости движеній, въ смѣхѣ и даже въ голосѣ, неровномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе громкомъ, чѣмъ обыкновенно. Подавая Петру, молча смотрѣвшему на нее, свою узенькую руку съ длинными, тонкими и замѣчательно гибкими пальцами, обтянутую желтоватою шолковой перчаткою, она сказала со смѣхомъ:

— Вы такъ давно не видались со мной, что, кажется, не узнаете и не хотите поздороваться.

Слабо пожавъ руку Лидіи, Петръ отвѣчалъ совершенно серьезно:

— Здравствуйте и прощайте, Лидія Кирилловна! Я шель было въ городской садъ и дорогой рѣшилъ, что если встрѣчусь тамъ хоть съ одною франтихой, такъ немедленно возвращусь домой. Но, встрѣтившись съ вами, считаю лишнимъ заходить въ садъ и сейчасъ же поворачиваю на соборную площадь.

— Погодите немного—удержала его Лидія, закусывая губу, чтобы не разсмѣяться. А я отправилась было въ гости къ одной гимназической подругѣ, но не застала ея дома, и рѣшила, что если встрѣчусь дорогой съ какимъ нибудь плохо одѣтымъ чело-вѣкомъ въ худыхъ сапогахъ, то непременно предложу ему пойти со мной въ садъ.— Шутка Лидіи произвела какое-то странное дѣйствіе на Петра. Онъ будто бы оскорбился; мгновенно вспыхнувшее лицо судорожно передѣрнулось, а, между тѣмъ въ глазахъ засвѣтилась радость. Заговорилъ же онъ рѣзко, сухимъ тономъ, глядя въ сторону:

— Позвольте вамъ откомендовать такого человѣка, Лидія

Кирилловна. Какъ разъ напротивъ сада, на углу этого переулка, имѣеть обыкновеніе стоять хромой старикъ-нищій. Вѣроятно, онъ и теперь на своемъ обычномъ посту. Одѣвается онъ въ лохмотья, а сапоги у него такіе худые, что еле на ногахъ держатся. Я даже знаю, какъ его зовутъ: Осипомъ Прокофьевичемъ и могу васъ ему представить. Надѣюсь, вы признаете Осипа Прокофьевича вполне подходящимъ субъектомъ для прогулки съ вами по саду. Болѣе плохо одѣтаго человѣка трудно найти.

— Зачѣмъ же напрасно беспокоить вашего хорошаго знакомаго—живо возразила ему Лидія, внимательно и безъ малѣйшей улыбки выслушивая все, что онъ говорилъ. — Бѣдному хромому старику навѣрное не до гулянья! Да я нахожу, что вы, напримѣръ, достаточно плохо одѣты для того, чтобы гулять со мной. Хуже мнѣ не надо! И вдобавокъ, вы сказали, что идете въ садъ... Такъ пойдите вмѣстѣ.

Петръ, слушая ее, хмурилъ брови и мѣнялся въ лицѣ. Только отъ этого еще замѣтнѣе была радость, сіявшая, точно лучъ весенняго солнца, въ его глазахъ, лишившихся обычнаго насмѣшливаго выраженія. Когда Лидія умолкла, онъ нерѣшительно процѣдилъ сквозь зубы:—Да вѣдь я хотѣлъ вернуться домой послѣ встрѣчи съ вами...

— А теперь ужъ не хотите? Ну, вотъ и прекрасно! Поидемте-же. Неловко такъ долго стоять на улицѣ и разговаривать.

— «Мовежанръ»!—съ комической напыщенностью произнесъ Петръ и пошелъ рядомъ съ Лидіей. На него вдругъ напала какая-то школьническая дурашливость и необыкновенная веселость. Онъ болталъ безъ умолку, сознательно и даже съ удовольствиемъ говоря глупости, строилъ забавныя гримасы, напугалъ кошку, мирно сидѣвшую на скамеечкѣ у воротъ одного изъ домовъ, мимо которыхъ проходилъ съ Лидією; поклонился какой-то незнакомой старушкѣ, вѣзрившейся на него съ удивленіемъ.

Онъ заразилъ своей веселостью и Лидію, которую забавляли его школьническія выходки. Однако, смѣясь, она оставливила Петра.

— Пожалуйста, не пугайте больше кошекъ и не кланяйтесь всѣмъ встрѣчнымъ старухамъ...

— Хорошо, согласенъ! — перебивалъ её Петръ. Теперь я буду пугать собакъ и кланяться самымъ молоденькимъ дѣвочкамъ.

— Да что съ вами сегодня, Петръ Александровичъ? Я никогда еще не видала васъ въ такомъ необыкновенно-веселомъ настроеніи. Право, можно подумать, что вы нынче выпили, и немало — замѣтила Лидія, когда они уже входили въ садъ. Петръ пристально посмотрѣлъ на нее и отвѣчалъ совершенно серьезно, даже съ легкимъ оттѣнкомъ грусти, появившимся въ эту минуту на его выразительномъ лицѣ:

— Да, правда, я пьянъ, хоть ничего не выпилъ... Случается, что люди пьянѣютъ безъ вина, вотъ и со мной случилось такое чудо. Только теперь я понялъ пьяницъ и глубоко сочувствую имъ, самъ находясь въ глупо-блаженномъ хмѣльномъ расположеніи дука. Можетъ быть, черезъ какихъ нибудь нѣсколько минутъ я протрезвлюсь... каково-то почувствую себя съ похмѣлья? Впрочемъ, заранѣ увѣренъ, что прескверно!

Онъ говорилъ все это, идя рядомъ съ Лидіей по первой аллеѣ сада.

Лидія слушала его разсѣянно, какъ будто бы думая о чемъ-то другомъ, гораздо болѣе важномъ, что пришло ей въ голову только сейчасъ.

ХІІІ.

Городской садъ можно было назвать: «дистанціей огромнаго размѣра», пересѣкаемой вдоль и поперекъ длинными, широкими аллеями, обсаженными старыми развѣсистыми березами, липами и тополями, благодаря которымъ здѣсь было темновато и прохладно даже въ самые ясные и жаркіе лѣтніе дни. Въ центрѣ этого сада, болѣе похожаго на рощу, среди большой расчищенной площадки (величаемой горожанами «кругомъ»), возвышался павильонъ, бросавшійся въ глаза своею затѣйливой, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, нелѣпою архитектурой и ярко-оранжевою окраской. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ оранжевомъ павильонѣ игралъ военный оркестръ; тамъ же нерѣдко устраивались танцевальные вечера и любительскіе спектакли. Гуляющая публика почему-то знать не хотѣла никакихъ иныхъ мѣстъ въ саду, кромѣ этого круга да четырехъ

аллей, ведущихъ къ нему, гдѣ и толпилась постоянно. Въ «музыкальные» дни, отъ множества людей, гулявшихъ по такому сравнительно небольшому пространству, дѣлалась невообразимая тѣснота и давка на кругу. Бдльшая же и лучшая часть огромнаго сада оставалась пустынной и совсѣмъ заглохла; няньки пугали дѣтей, увѣряя ихъ, что именно тамъ живетъ страшный «тютюка», который можетъ съѣсть всѣхъ и все на свѣтѣ. Не боялись «тютюки», удаляясь въ его резиденцію отъ милаго круга, только влюбленные парочки, дряхлые старики, являвшіеся въ садъ единственно ради того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, да какіе нибудь бѣдняки въ «мовежанровыхъ» костюмахъ, находившіе неловкимъ показаться среди нарядной публики. И надо полагать, что «тютюка» былъ вовсе не такъ безпощадно-жестокъ, какъ рассказываютъ объ немъ няньки, потому что не съѣлъ ни одной влюбленной пары, ни одного старичка или бѣдняка изъ всѣхъ, какіе перебивали у него въ гостяхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ.

— Куда же мы съ вами направимся, Лидія Кирилловна?— снова повеселѣвшимъ тономъ спросилъ Петръ, когда они дошли до конца первой аллеи.

— Вѣроятноѣ всего, примкнемъ къ числу «круговой» публики и будемъ любоваться рыжимъ павильономъ при закатѣ солнца. Искренно сожалѣю, что я не художникъ! Мнѣ было бы весьма пріятно изобразить на полотнѣ восхитительный видъ этого павильона и приподнести его вашей маманъ для украшенія гостиной.

Лидія пожала плечами, сказавъ почти съ досадой:

— Оставьте въ покоѣ маму и, кстати, французскій языкъ! Мнѣ очень не нравится ваша привычка безпрестанно вставлять въ разговоръ французскія слова, коверкая ихъ и стараясь произносить какъ можно хуже... Это придаетъ что-то балаганное всякому, даже самому серьезному, разговору. А на кругъ мы съ вами не пойдемъ; я терпѣть не могу этого мѣста, также какъ и рыжій павильонъ.—Послѣднюю фразу она сказала гораздо мягче. Петръ вспыхнулъ, недовѣрчиво посмотрѣвъ на Лидію, и заговорилъ раздражительно-обиженнымъ тономъ:

— Да-съ, конечно, неловко и даже въ высшей степени

неприлично для барышни, будто бы сорвавшейся съ модной картинки, показаться «круговой» аристократіи съ такимъ кавалеромъ, какъ я...

Но Лидія перебила его, со смѣхомъ воскликнувъ:

— Ахъ, самолюбецъ изъ духовнаго званія! Помните, вы недавно говорили мнѣ, что почти у всѣхъ людей изъ этого званія—непомѣрное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нелѣпное самолюбіе, рѣзко отличающееся отъ обыкновеннаго человѣческаго, и такая же оригинальная гордость. А сейчасъ вы мнѣ это доказали своей вспышкой. Я и не воображала, что могу оскорбить вашу «духовную» гордость и самолюбіе моимъ нежеланіемъ идти на кругъ, гдѣ и вамъ тоже не нравится. Я тамъ никогда не прогуливаюсь даже со своимъ братцемъ, Леонидомъ, котораго вы называете бонтоннымъ кавалеромъ и столичнымъ франтомъ. И съ нимъ я гуляю только по самымъ заглушимъ мѣстамъ этого сада. Ну, теперь скажите: повторится ли ваша вспышка, если я поведу васъ въ такую глушь, о какой «круговая» аристократія врядъ ли даже слыхала?

«Самолюбецъ изъ духовнаго званія», очевидно успокоившійся, поспѣшилъ успокоить и Лидію, сказавъ, что другой вспышки не будетъ, по крайней мѣрѣ, по этому поводу. Къ нему опять вернулась ребяческая веселость или, какъ онъ вѣрнѣе выразился, «хмѣльное» расположеніе духа. Пробираясь въ глушь, Петръ съ Лидіей волею-неволей должны были пройти по одной изъ любимыхъ горожанами аллей, гдѣ и теперь встрѣтили много гуляющихъ. И всѣ эти гуляющіе обратили на нихъ особенное вниманіе; нѣкоторые даже останавливались при видѣ молодой пары, провожая ее удивленнымъ взглядомъ. Слишкомъ рѣзкій, невольно бросавшійся въ глаза, контрастъ представляли костюмы Петра и Лидіи, чтó главнымъ образомъ и заставляло всѣхъ встрѣчныхъ обращать на нихъ вниманіе, граничившее съ любопытствомъ. Да, притомъ, необыкновенная веселость Петра, громко говорившаго и хохотавшаго, также показалась гуляющей публикѣ достойной удивленія и осужденія.

Какая-то купчиха, посмотрѣвъ на интересную парочку, сказала своей знакомой, вмѣстѣ съ которой прогуливалась:

— Даже страшно становится, Пелагея Ивановна, когда поглядишь, до какой отчаянности нынче барышни доходятъ!

Вотъ вѣдь, по видимости, изъ хорошаго семейства барышня, — ужь по всему замѣтно, что не изъ какихъ нибудь шляющихся, — и вдругъ съ фабричнымъ парнемъ гуляетъ! И еще съ такимъ рванымъ да пьянымъ... Ишь, какъ онъ грохочетъ-то, прости Господи, на весь садъ... Безъ виница такъ-то не загрохочешь: духу не хватитъ.

На это Пелагея Ивановна (продолжавшая съ любопытствомъ глядѣть вслѣдъ удалявшейся парочкѣ) объявила съ довольной улыбкою:

— А какъ будто бы это дочка соборнаго протопопа... да вѣрно, что она самая! Видѣла я ее въ соборѣ мелькомъ, и всего раза два, а запомнила. Говорятъ, что родители положили ей на приданое одними деньгами 50 тысячъ; вѣдь о. протопопъ богатый-пребогатый. Слышно, послѣ трехъ архіереевъ наслѣдства получалъ. Не можетъ быть, Марья Семеновна, чтобъ его дочь съ фабричнымъ гуляла! Про нее только говорятъ, будто бы она ужь очень образована, а ничего худаго не болтаютъ. А молодецъ, поди, тоже изъ семинаристовъ; всѣ они, лѣтнимъ дѣломъ, въ такихъ рубахахъ щеголяютъ. Можетъ, бѣдный родственникъ какой нибудь... Словно бы я и его гдѣ-то видала.

— Ужь придумаете вы тоже, Богъ въ вами! — съ неудовольствіемъ возразила Марья Семеновна. — Семинаристъ! Да у него лицо-то совсѣмъ не духовное, а въ родѣ цыганскаго... Слава богу, не меньше вашего на свѣтѣ прожила и не стану называть фабричнаго парня семинаристомъ!

Мало-по-малу, пріятельницы совсѣмъ повздорили, и Марія Семеновна раскричалась громче Петра, запальчиво повторяя: — Семинаристъ! Семинаристъ! Да кто его засеминаристилъ-то? Вѣдь только вы одна!

Петръ и Лидія замѣчали, какое впечатлѣніе они производятъ на гуляющую публику; перваго это забавляло, подзадоривая дурачиться, а послѣднюю смущало. Ей сдѣлалось какъ-то особенно неприятно и неловко; она шла скорыми, торопливыми шагами, точно убѣгая отъ кого-то, гнавшагося по пятамъ, и еле отвѣчала на шутки Петра, безъ смѣха и безъ улыбки. Наконецъ, къ ея облегченію, почувялась близость глуши. Гуляющіе стали все рѣже и рѣже встрѣчаться съ ними по дорогѣ; усыпанныя пескомъ дорожки поросли травой, а

новыя скамейки замѣнились старыми и поломанными. Лидія ожила, какъ только вступила въ настоящую глухую аллею, гдѣ вѣковыя раскидистыя деревья переплелись между собой вѣтвями, образуя сплошную зеленую стѣну. Корни этихъ деревьевъ, узловатые и крѣпкіе, вылѣзли изъ земли, растянувшись по ней, точно толстая сѣть изъ морскихъ канатовъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца, золотили верхушки высокихъ дубовъ и липъ, не проникая сквозь листовенную чащу въ аллею, въ которой было темно и сыровато будто бы послѣ дождя. Пахло грибами, точно въ лѣсу.

— Ну, вотъ мы и въ глуши!—радостно воскликнула Лидія, садясь на полусгнившую и поросшую мелкимъ мохомъ скамью, единственную въ этой аллеѣ, безъ малѣйшаго опасенія запачкать свое нарядное платье, и съ жадностью вдыхая свѣжій, влажный воздухъ. Не правда ли, какъ здѣсь хорошо, Петръ Александровичъ?

— Да, ничего себѣ... только сыро да темновато...—какъ-то нехотя, сквозь зубы, процѣдилъ Петръ. Лидія оживилась въ глуши, почувствовавъ себя легко и свободно, а на него, напротивъ, вдругъ напала неловкость и даже робость (что было ему совсѣмъ несвойственно) въ этой пустынной заглохшей аллеѣ. Онъ не садился, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамьи, и почти съ неудовольствіемъ глядѣлъ на сплошную стѣну зелени.—Какъ-то здѣсь слишкомъ ужъ таинственно...—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія...—Описаніемъ этой аллеи можно украсить какой нибудь страшный рассказъ съ привидѣніями, чтобы читатели побольше дрожали отъ ужаса.

— А мнѣ нравится эта таинственность и отсутствіе всякой пошлости въ видѣ рыжихъ павильоновъ, аляповатыхъ статуй, усыпанныхъ желтымъ песочкомъ дорожекъ и тому подобнаго... Да что жъ вы стоите, какъ вкопанный? Ужъ не въ ожиданіи ли привидѣнія? Я не могу спокойно сидѣть, если передо мной кто нибудь стоитъ. Садитесь же!—капризно и нетерпѣливо пригласила Лидія своего спутника, слегка постучавъ ручкой зонтика по скамьѣ, будто приглашала подойти не человѣка, а непослушную собаку, не желающую смиренно усѣсться возлѣ нея.

И, не смотря на то, что ея жестъ показался оскорбительнымъ Петру, съ его стороны, однако, не послѣдовало ни ма-

лѣйшей вспышки, никакого рѣзкаго замѣчанія. Онъ, не говоря ни слова, хоть въ видимой неохотою, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ его отъ Лидіи и сѣлъ на скамью, рядомъ съ ней; словомъ, прекрасно исполнилъ роль собаки, рѣшившейся послушаться при первомъ строгомъ окрикѣ своей хозяйки. Едва успѣвъ сѣсть, Петръ вытащилъ изъ кармана потертый кожаный портсигаръ, набитый толстыми папиросами и коробочку со спичками, собираясь закурить. Но Лидія, поморщившись прежде времени, съ неудовольствіемъ замѣтила:

— Какъ вы много курите и какой крѣпкій табакъ у васъ!..

— Ахъ, извините-съ! Имѣю несчастіе безпрестанно позабывать о томъ, что нахожусь въ обществѣ свѣтской барышни,— насмѣшливо отвѣчала Петръ, пряча портсигаръ и спички въ карманъ. Лидія улыбулась и сказала:

— Я не свѣтская барышня, Петръ Александровичъ, а духовная. Но что жь дѣлать, если мнѣ не нравится запахъ всякаго табака вообще, а вашего въ особенности.

— Да полноте, Лидія Кирилловна! какая вы тамъ духовная барышня?— съ досадою возразилъ Петръ, махнувъ рукой.— Ничего духовнаго въ васъ нѣтъ и отъ рожденія не было. И даже «во всѣхъ смыслахъ» ничего духовнаго въ васъ не замѣчается, а можно предположить, что и душа-то отсутствует!— Онъ даже задохнулся отъ досадливаго волненія, и позабывшись, опять опустилъ было руку въ карманъ, желая достать портсигаръ, но въ-время опомнился. Лидія тихо смѣялась, глядя на него, и онъ какъ будто бы не замѣчалъ этого въ своемъ раздраженіи, или, по крайней мѣрѣ, не обращалъ вниманія.

— Желала бы я знать, гдѣ находится моя отсутствующая душа?—переставая смѣяться, сказала она. — И вернется ли когда нибудь домой?

— Въ роялѣ сидить! — крикнулъ Петръ такъ рѣзко, съ такимъ ожесточеніемъ, что Лидія перестала смѣяться и невольно отшатнулась отъ него.

— И я думаю, что она никогда оттуда не выдетъ, не возвратится на свое казенное мѣсто, — продолжалъ онъ нѣсколько спокойнѣе, начиная впадать въ обычный насмѣшливый тонъ.

— А, пожалуй, вы и правы,—немного помолчавъ, загово-

рила Лидія.— Ну, и пусть она тамъ остается навсегда; я объ этомъ не пожалѣю. Мнѣ думается, что несравненно тяжелѣе жить на свѣтѣ тѣмъ людямъ, у которыхъ душа на казенномъ мѣстѣ, какъ вы сейчасъ выразились. Въ большинствѣ случаевъ, такъ называемые «душевные» люди бываютъ несчастливы.

— А вы чувствуете себя совершенно счастливою и довольною, заточивъ свою душу въ рояль?

— По крайней мѣрѣ, не чувствую себя несчастной. Впрочемъ, сегодня я готова признать себя счастливою, потому что добилаь того, чего давно желала. Мнѣ хотѣлось бы завершить свое музыкальное образование за границей и сегодня я объявила объ этомъ папѣ съ мамой, чѣмъ привела ихъ въ ужасъ. Съ мамой даже истерика сдѣлалась... Но все таки, въ концѣ концовъ, хоть и не безъ труда, я получила родительское благословеніе на отъѣздъ за границу; именно въ Парижъ, куда и отправлюсь въ половинѣ августа. Поздравьте же меня, Петръ Александровичъ, «съ исполненіемъ желанія», какъ имѣютъ обыкновеніе поздравлять здѣшнія купчихи.

Петръ съ замѣтнымъ безпокойствомъ слушалъ Лидію; съ его лица сбѣжало веселое выраженіе, быстро смѣнившись тревожнымъ; онъ даже поблѣднѣлъ и не спѣшилъ поздравлять Лидію, когда та замолчала. Наконецъ, чрезъ нѣсколько минутъ, онъ заговорилъ неровнымъ срывающимся голосомъ:

— Да, вотъ и видно, что вы бездушное существо! Скажите: неужели же вамъ совсѣмъ не жаль отца съ матерью, которые любятъ васъ до безумія? А вы говорите такимъ ледянымъ тономъ объ ихъ печали по поводу вашего намѣренія уѣхать за границу? что, право, морозъ по кожѣ подираетъ отъ этого тона! Я никакъ ужъ не могу назваться чувствительнымъ, ненавижу всякіе сантименты, но даже мнѣ непріятно васъ слушать.

— Вотъ этого я отъ васъ не ожидала! — съ искреннимъ удивленіемъ воскликнула Лидія.— Такъ, по вашему мнѣнію, я должна безвыѣздно проживать въ родительскомъ домѣ, въ этомъ скучномъ, глухомъ городѣ, а заниматься музыкой только для увеселенія своихъ родныхъ и знакомыхъ?

— Ничего подобнаго я не говорилъ— перебилъ ее Петръ.— Вы съ дѣтства начали готовиться въ знаменитости, ну, и го-

товьтесъ себѣ, Богъ съ вами. Вамъ не къ лицу жить при папашѣ съ мамашей въ провинціи... Но, все таки, можно было бы помягче разговаривать съ ними и объ нихъ.

— Какъ все это странно и не похоже на васъ, Петръ Александровичъ, что вы теперъ говорите!—пожавъ плечами, замѣтила Лидія.—Вѣдь вы не присутствовали во время моего разговора съ папой и мамой, поэтому не можете знать, мягко или жестоко я съ ними объяснялась. И объ нихъ я никогда не отзываюсь дурно; это вы отлично знаете! Даже васъ удерживаю отъ насмѣшекъ надъ мамой. Что жъ дѣлать, если мнѣ по неволѣ пришлось ихъ огорчить? Впрочемъ, я увѣрена, что они скоро успокоятся послѣ моего отъѣзда, особенно мама. Знаете ли, она гораздо менѣе обо мнѣ беспокоится, когда я не живу съ ней. Притомъ, они ужъ привыкли жить въ разлукѣ со мной. Да, вѣдь, мнѣ тоже нелегко было сегодня смотрѣть домашнюю драму, которую сама устроила. Я ушла изъ дому съ цѣлью отдохнуть и освѣжиться послѣ всего этого.

Петръ сидѣлъ молча, понутивъ голову и глядя въ землю. Лидія посмотрѣла на него и разсмѣялась:

— Что это, какой у васъ мрачный видъ! Право, теперъ васъ можно принять за несчастнаго влюбленнаго.

— За влюбленнаго?—рѣзко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто бы испуганно воскликнулъ онъ, поднимаясь со скамьи. Богъ знаетъ, что вамъ представляется, Лидія Кирилловна! Лучше пойдемте-ка ко дворамъ; и такъ ужъ я загулялся. Теперъ дѣдъ навѣрное успѣлъ поужинать и улечься спать.

— Нѣтъ, положительно вы сегодня на себя не похожи!—покачавъ головой, замѣтила Лидія и тоже встала.—Мѣняетесь, какъ хамелеонъ, безъ всякой видимой причины. Сначала вы были необыкновенно веселы, потомъ впали въ сентиментальность, а затѣмъ въ мрачную задумчивость. Наконецъ, пришли въ ужасъ отъ моей шутки, точно я серьезно уличила васъ въ какомъ нибудь тяжкомъ преступленіи. Да, ужъ лучше пойдемте «ко дворамъ», а то, богъ знаетъ еще, въ какое настроеніе вы впадете,—можетъ быть, въ свирѣпое. Я начинаю васъ бояться.

Дорогой они совсѣмъ не разговаривали; только ужъ на соборной плацади Лидія обратилась къ Петру:

— А все таки я довольна сегодняшней прогулкой и мнѣ хотѣлось бы ее повторить. Но, можетъ быть, вамъ не понра-

вилось сидѣть со мной въ глуши и въ другой разъ вы этого не пожелаете?

— Нѣтъ, отчего же...—какъ то смущенно пробормоталъ онъ и вдругъ, точно спохватившись, прибавилъ почти грубо:—Отъ нечего дѣлать все понравится, чтò только помогаетъ убивать время.

XIV.

— Въ то время, когда Лидія гуляла съ Петромъ въ городскомъ саду, Леонидъ сидѣлъ у постели матери, совершенно обезсилѣвшей послѣ истерики. Софья Платоновна лежала блѣдная, съ осунувшимся лицомъ и опухшими отъ слезъ глазами. О. Кирилл и Платону входъ въ ея спальню былъ строго воспрещенъ Леонидомъ, замѣчавшимъ, что ихъ присутствіе раздражаетъ еще не успокоившіеся нервы матери.

Леонидъ ухаживалъ за Софьею Платоновной съ усердіемъ и ловкостью самой добросовѣстной сестры милосердія, а въ то же время про себя злился на Лидію. Всего сильнѣе возмутила его скрытность Лидіи по отношенію къ нему. Онъ былъ убѣжденъ, что она давно задумала ѣхать за границу и даже никогда не заикнулась объ этомъ передъ нимъ, такимъ нѣжнымъ, заботливымъ братомъ, искренно желавшимъ ей самой громкой славы. Надо сказать, чтò Леонидъ былъ въ своемъ родѣ мечтатель. Но мечты у него всегда являлись только честолюбивыя. За послѣднее время, онъ чаще всего воображалъ, какъ сдѣлается самымъ моднымъ московскимъ докторомъ, женится на княжнѣ, а сестра его будетъ европейской знаменитостью. И вотъ, гдѣ нибудь на гуляньѣ или въ театрѣ, онъ нечаянно услышитъ такой разговоръ, который заведетъ непременно пріѣзжій изъ провинціи съ кореннымъ москвичемъ:

— Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы: кто такой этотъ симпатичный блондинъ съ изящными манерами? — спросить провинціалъ, съ удовольствіемъ глядя на Леонида.

— Ахъ, помилуйте, да кто же его не знаетъ? — воскликнетъ москвичъ. — Это нашъ извѣстнѣйшій модный докторъ Востоковъ, братъ знаменитой піанистки, о которой и вы навѣрное слышали. А женатъ онъ на княжнѣ Иринѣ Дмитріевнѣ Страханской.

Или вдругъ ктонибудь изъ его пациентовъ обратится къ нему съ вопросомъ: «Не приходится ли вамъ сродни пианистка Востокова, о которой теперь такъ много пишутъ и говорятъ?»

— Да, она моя родная сестра!—отвѣтитъ онъ на это, для бѣльшаго эффекта, небрежно-равнодушнымъ тономъ.

Леонидъ положительно обожалъ титулы и громкія имена. Никому, даже самой Софьѣ Платоновнѣ, такъ не хотѣлось видѣть Лидію въ блестящемъ ореолѣ славы, какъ хотѣлось этого Леониду.

Правда, онъ находилъ совершенно лишнимъ для сестры продолжать музыкальное образованіе, благо профессора консерваторіи единогласно рѣшили, что Лидія можетъ и безъ этого концерттировать. А еще онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что она вздумала ѣхать за границу именно теперь, когда ему также придется взять денегъ у отца. Предстоящая свадьба грозила ему большими расходами. Его бѣдная, хотя и сіятельная, невѣста тоже выражала желаніе отправиться вмѣстѣ съ нимъ послѣ свадьбы въ чужіе края, въ которыхъ никогда еще не бывала, къ своему глубочайшему огорченію и даже стыду. Да, кромѣ того, Леонидъ обѣщалъ тетушкамъ своей невѣсты уплатить ихъ долги, довольно мелкіе, но зато безчисленные. Положимъ, онъ почти не сомнѣвался, что отецъ съ матерью дадутъ денегъ на все это, однако же досадовалъ, что они навѣрное отпустятъ Лидію на дорогу не меньшую сумму, чѣмъ ему. Онъ самъ не понималъ, отчего это его такъ злитъ и возмущаетъ противъ сестры, но не могъ подавить своихъ безотчетныхъ чувствъ. Притомъ Леонидъ находилъ, что Лидія совсѣмъ ужъ неласково, даже рѣзко объяснялась сегодня съ отцомъ и матерью. «Она поступила бы гораздо благоразумнѣе, еслибы поручила мнѣ переговорить съ ними объ этомъ. Я увѣренъ, что тогда съ мамой не сдѣлалось бы истерики!»—думалъ онъ, и еще сильнѣе поднималась въ немъ досада на сестру.

Лучше всякихъ противонервныхъ лѣкарствъ дѣйствовало на Софью Платоновну нѣжное ухаживанье за ней сына.

— Милый, хорошій мой Лёня!—заговорила она ослабѣвшимъ голосомъ, грустно и ласково глядя на Леонида, присѣвшаго на край ея постели.—Теперь ты одинъ останешься мнѣ на утѣшеніе! Лида скоро уѣдетъ...—при этихъ словахъ голосъ

у нея задрожалъ, а углы рта нервно передернулись.— А Платонъ способенъ только огорчать и раздражать меня...

— Бога ради, не волнуйтесь, мама; умоляю васъ! — съ легкимъ вздохомъ перебилъ ее Леонидъ и, взявъ горячую руку матери въ свою, поднесъ къ губамъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Софья Платоновна улыбулась сквозь слезы, нахвнувшіяся на ея глазахъ, и погладила по головѣ сына, точно маленькаго ребенка, промолвивъ при этомъ:

— Ну, хорошо; ну, не буду больше волноваться, голубчикъ!

Потомъ, помолчавъ немножко, она опять погладила по головѣ Леонида и начала жалобно-просительнымъ тономъ:

— Ты собираешься послѣ завтра уѣхать въ Москву... Пожалуйста, прошу тебя, Лёня, останься у насъ еще хоть дня на два или на три, пока я нѣсколько успокоюсь... Ты понимаешь, какъ мнѣ теперь тяжело, милый, а безъ тебя будетъ вдвое тяжелѣе... Скажи: пожалѣешь ты меня, останешься ли?

Но Леонидъ замѣтно смутился и медлилъ отвѣтомъ. Наконецъ, заговорилъ какъ-то особенно мягко:

— Вы знаете, мама, что я съ радостью остался бы у васъ на все лѣто, еслибы могъ. Но вы также знаете, что я насилу добился отпуска изъ больницы на двѣ недѣли. Я долженъ бы сегодня уѣхать въ Москву, но рѣшилъ продлить свой отпускъ и прожить съ вами еще два дня. Нашъ главный докторъ— черствый формалистъ и навѣрное сдѣлаетъ мнѣ выговоръ даже изъ-за этихъ двухъ лишнихъ дней. Если же я пробуду здѣсь почти цѣлую лишнюю недѣлю, такъ очень можетъ быть, что совсѣмъ потеряю мѣсто въ больницѣ...

— Ахъ, сохрани Богъ!— встревожилась Софья Платоновна.— Вѣдь, ты не говорилъ мнѣ до сихъ поръ ничего подобнаго. Развѣ стала бы я удерживать тебя, зная, что отъ этого можетъ произойти такая неприятность?

Леонидъ, наклонившись къ матери, поцѣловалъ ее въ щеку и сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, пусть себѣ гнѣвается на меня главный докторъ, пусть я потеряю мѣсто, а все таки останусь у васъ еще на недѣлю, даже на полторы!.. Я чувствую, что не въ силахъ буду оставить васъ, мамочка, такую разстроенную и огорченную.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не дѣлай этого, Лѣня, прошу тебя!—быстро, испуганно перебила его Софья Платоновна.— Непремѣнно уѣзжай послѣ завтра... Да ужь не ѣхать ли тебѣ даже завтра? Пожалуй, изъ-за одного лишняго дня получишь неприятность отъ главнаго доктора, если онъ у васъ такой строгій.

— Ну, изъ-за одного-то дня врядъ ли получу. Только я не могу уѣхать отъ васъ, мама, пока вы не успокоитесь хоть немного. Чтò бы тамъ ни было, а я остаюсь еще на недѣлю!

Онъ припалъ головой къ плечу матери, съ видомъ ласкающагося ребенка, чѣмъ умилилъ Софью Платоновну, которая заговорила такимъ тономъ, какимъ говорятъ только съ маленькими дѣтьми, когда они скажутъ дѣтски-милую глупость.

— Ахъ, глупенькій мой сыночекъ! И ты воображаешь, что я могу успокоиться въ ожиданіи разныхъ неприятностей, которыя тебѣ придется получить за то, чтò прогостишь у насъ лишнюю недѣлю? Да знаешь ли, я сойду съ ума отъ беспокойства, если ты не уѣдешь послѣ завтра въ Москву. Я измучусь душой и совсѣмъ расхвораюсь. Нѣтъ, ужь ради бога уѣзжай, если въ самомъ дѣлѣ любишь и жалѣешь меня!

— Хорошо, я васъ послушаюсь, уѣду, — покорно сказалъ Леонидъ, предварительно вздохнувъ.—Только, пожалуйста, пишите мнѣ почаще! Да поскорѣй сама пріѣзжайте въ Москву, хоть на нѣсколько дней. Перемѣна мѣста—лучше всего успокоиваетъ разстроенные нервы. Притомъ, надо же вамъ познакомиться съ Ириною Дмитриевной и съ ея тетями.

Разговаривая съ Леонидомъ, Софья Платоновна позабыла о Лидіи. А Леонидъ, глядя на ободрившуюся мать, думалъ съ самодовольствомъ:

«Да, я умѣю обращаться, какъ слѣдуетъ, со всѣми людьми вообще, а съ мамой въ особенности, — не то, чтò Лидя, хотя она, очевидно, считаетъ себя умнѣй меня».

А о. Кириллъ сидѣлъ въ это время одинъ въ своемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ. Онъ хотѣлъ заглушить свою печаль писаньемъ проповѣди, къ чему имѣлъ обыкновеніе прибѣгать въ тяжелыя минуты, какъ къ вѣрному успокоительному средству. Да и вообще онъ чрезвычайно любилъ писать проповѣди, занимаясь этимъ дѣломъ съ великимъ усердіемъ, вкладывая въ него всю душу. Но, не смотря на это, всѣ его про-

повѣди выходили безцвѣтными, растянутыми и томительно-скучными, что замѣчалось даже имъ самимъ, не только другими.

— Вотъ призваніе-то у меня есть, а дарованія Богъ не далъ!—говариваль о. Кирилль, сокрушенно вздыхая. — Какъ сравнишь свои жалкія писанія съ дивными твореніями нашихъ извѣстѣйшихъ проповѣдниковъ, такъ все равно, какъ бы сравнилъ воробьиное чириканье съ соловьинымъ пѣніемъ или битыя стекла—съ драгоценными камнями. Проповѣди Филарета поражаютъ силой и блескомъ великаго ума. Иннокентій Кіевскій умиляетъ своей душевною теплотой, а вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ въ восторгъ оригинальными оборотами и меткостью сравненій. Проповѣди Іоанна Кронштадтскаго дышатъ истинной простотою и ясностью, доступны для всякаго ума и сердца. Мои же—словно засохшія безплодныя смоковницы; думается, что не могутъ онѣ возбудить въ слушателяхъ ни единой благой мысли, никакого чувства, кромѣ утомленія. И все таки влечетъ меня къ проповѣдничеству тайная сила, именуемая призваніемъ!

Однако, на этотъ разъ «тайная сила», привлекая о. Кирилла къ письменному столу, помогла ему написать только одно воззваніе:—«Слушатели-христіане!» послѣ чего и покинула... Вмѣсто того чтобы придумывать поучительныя фразы для слушателей-христіанъ, о. Кирилль, съ перомъ въ рукѣ, задумался о скоромъ отъѣздѣ дочери на дальнюю невѣдомую чужбину, объ ея будущей артистической карьерѣ, казавшейся ему неподходящей для дѣвицы изъ духовнаго званія,—даже «зѣло» неприличной. Онъ вспомнилъ давно слышанный разговоръ (можетъ быть, сочиненный тѣмъ, кто передавалъ его о. Кириллу) о томъ, какъ возмущился митрополитъ Филаретъ, когда сынъ одного московскаго священника поступилъ на сцену и, призвавъ къ себѣ этого священника, началъ уговаривать его «извлечь сына изъ ада». Потомъ еще припомнилось о. Кириллу, что недавно городской благочинный сдѣлалъ строгій выговоръ одному дьякону за то, что этотъ послѣдній позволялъ двумъ своимъ дочерямъ принимать участіе въ любительскихъ спектакляхъ.

«Положимъ, Лидія вѣдь не поступитъ на сцену, а будетъ концерты давать,—старался онъ утѣшить себя. — Заниматься

музыкою не воспрещается даже духовнымъ особамъ. Самъ Давидъ-псалмопѣвецъ занимался игрою на гусяхъ въ то время, когда слагалъ свои божественные псалмы. Вотъ Василій Захаровичъ, діаконъ и почтенный старецъ, тоже все на гусяхъ играетъ»...

Но какъ ни старался утѣшить себя о. Кириллъ такими мыслями, сердце его продолжало мучительно ныть, отказываясь примириться съ артистической будущностью Лиди и съ ея отъѣздомъ за границу.

Онъ безъ страха не могъ подумать о томъ, какъ она станетъ жить одна-одинешенька въ Парижѣ, который, вѣрно, недаромъ же называется современнымъ Вавилономъ. Богъ знаетъ, чтò можетъ случиться съ одинокою, беззащитной молодою дѣвушкой въ городѣ, заслужившемъ такое страшное названіе.

Наконецъ, тоска, смѣшанная съ ужасомъ, такъ больно сдавила сердце о. Кирилла, что, бросивъ перо на столъ, онъ всталъ и подошелъ къ кіоту, наполненному образами, предъ которыми теплилась неугасимая лампада, освѣщая темные, строгіе лики святыхъ и блестящія позолотой ризы. О. Кириллъ опустился на колѣни; глаза его подернулись слезами и, съ выраженіемъ отчаянной мольбы, обратились къ иконамъ:

— О, Иисусе Сладчайшій со Пресвятою Владычицей нашею, Богородицей и со всѣми святыми, спаси, сохрани, защити отъ всякихъ бѣдъ и напастей дѣвицу Лидію! — прерывисто шепталъ онъ, а слезы медленно катились по его морщинистымъ щекамъ.

И, какъ разъ въ эти минуты, Софья Платоновна говорила Леониду:

— Знаешь, я завидую Кириллу Пименовичу. Счастливый у него характеръ! Онъ неспособенъ сильно взволноваться, надолго опечалиться, чѣмъ бы то ни было. Вотъ, навѣрное, ужъ теперь сидитъ въ своемъ кабинетѣ, преспокойно пишетъ длиннѣйшую проповѣдь и забылъ даже о существованіи Лиды. Право, мнѣ кажется, еслибъ сейчасъ мы всѣ умерли, такъ онъ и тогда не сдвинулся бы съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не написалъ бы: *аминь*. А мнѣ кажется, что скучнѣе его проповѣдей и не можетъ быть ничего на свѣтѣ!

На что Леонидъ замѣтилъ, чуть-чуть усмѣхнувшись:

— Да что жь дѣлать? у каждаго человѣка есть свои слабости... По крайней мѣрѣ, у папы только одна: къ проповѣдничеству...

— Нѣтъ, ошибаешься: двѣ!—живо возразила ему мать.— И другая, по моему, еще несноснѣе: къ рассказыванью анекдотовъ изъ духовнаго быта да изъ своей семинарской жизни. У меня уши болятъ отъ его рассказовъ; каждый изъ нихъ мнѣ пришлось выслушать богъ знаетъ сколько разъ!

Леонидъ замѣтнѣе усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, мама, этой второю слабостью обладаетъ все духовенство стараго закала! И я нахожу, что папа рассказываетъ интереснѣе и меньше многихъ другихъ...—Но, увидѣвъ недовольное выраженіе на лицѣ матери, поспѣшно прибавилъ:— Правда, онъ часто повторяется... Да, притомъ, всѣ эти рассказы крайне однообразны...

— На другой день, Софья Платоновна поднялась съ постели безъ малѣйшаго ощущенія физической слабости, но бродила, точно въ воду опущенная, и не могла безъ слезъ смотрѣть на дочь, къ неудовольствію послѣдней. Когда же Леонидъ уѣхалъ въ Москву, то въ домѣ Востоковыхъ воцарилось гнетущее уныніе, а Софья Платоновна сдѣлалась необыкновенно раздражительной, изливая всю свою раздражительность на мужа и младшаго сына, благо они переносили это терпѣливо и безропотно. О. Кириллъ еще больше прісмирѣлъ, пересталъ рассказывать анекдоты изъ духовнаго быта и не могъ придумать ни одной темы для проповѣди, да, впрочемъ, и не старался придумывать ихъ. Зато онъ сталъ совершать всѣ богослуженія съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, трогавшимъ сердца богомольцевъ. Не менѣе трогательно и усердно молился онъ дома, запершись въ своемъ кабинетѣ. Нерѣдко о. Кириллъ по нѣскольку часовъ простаивалъ на колѣняхъ предъ кіотомъ, прося у Бога милости и защиты для своей дочери. У Платона тоже болѣло сердце отъ жалости къ отцу съ матерью, которыхъ онъ очень любилъ, только не умѣлъ выразить ничѣмъ этой любви, утѣшить ихъ ласковыми словами, какъ утѣшалъ Леонидъ. Онъ, напротивъ, сдѣлался еще молчаливѣе обыкновеннаго. Даже Наталья ходила съ вытянутымъ лицомъ, ступая ужь совсѣмъ неслышно и поминутно взды-

хала. Питая искреннюю преданность къ своимъ хозяевамъ, она отъ всей души сочувствовала ихъ горю.

«И зачѣмъ бы, кажется, нашей барышнѣ еще учиться на фортопянахъ?»—разсуждала она сама съ собой, сидя въ своей каморкѣ. «Ужъ до того онѣ прекрасно играютъ, что даже, по моему, лучше самой покойницы графини Нехлюдовой, хоть графиня тоже была рѣдкостная музыкантша, царство ей небесное! И вовсе нѣ для чего нашей барышнѣ концерты давать при ихнемъ состояніи. Развѣ только для благотворенія, въ пользу бѣдныхъ, какъ давали, бывало, дочери генерала Зауралова. Одна изъ разныхъ оперъ романсы французскіе пѣла, а другая—на фортопянахъ ей подыгрывала компаниментъ. И такъ это у нихъ выходило чувствительно да благородно! Собою-то обѣ красавицы, одѣнутыя для концерта въ бѣлыя платья съ розовыми кушаками; ну, просто поглядѣть мило. Вотъ бы и нашей барышнѣ такъ-то!»

Казалось, самый воздухъ въ домѣ Востоковыхъ пропитался уныніемъ, точно тяжелымъ запахомъ какого нибудь лѣкарства.

Все это, вмѣстѣ взятое, разстраивало нервы Лидіи и выводило ее изъ себя.—«Можно вообразить, что меня отпустили въ Парижъ на смертную казнь и ужъ заранѣе готовятся къ моимъ похоронамъ», думала она, созерцая свое пріунывшее семейство. Она тоже не умѣла, подобно Платону, утѣшать и ободрять, а вмѣсто того старалась какъ можно чаще уходить изъ дому. Больше всего ей нравилось гулять съ дяконовымъ внукомъ въ городскомъ саду, и такія прогулки стали повторяться почти ежедневно.

XV.

Петръ давно ужъ сожалѣлъ, что любитъ Лидію, хотя не понималъ, какъ могъ полюбить ее, когда все въ ней не нравилось ему, начиная съ наружности. Особенно же непріятнымъ казался Петру надменный взглядъ ея стальныхъ глазъ и презрительная усмѣшка, такъ часто появлявшаяся на ея тонкихъ, блѣдныхъ губахъ.

И любовь его была какая-то странная, тяжелая, точно

кошмаръ, и смѣшанная съ ненавистью. Закралась она въ сердце Петра чуть не съ дѣтства, когда онъ былъ еще воспитанникомъ духовнаго училища, а Лидія—гимназисткой, и все знакомство ихъ ограничивалось только поклонами при случайныхъ встрѣчахъ. Тогда онъ не сознавалъ еще своего чувства, удивляясь, почему послѣ встрѣчи съ «гордячкой» (какъ прозвалъ Лидію) ему дѣлается грустно и весело въ одно и то же время, и ни объ чемъ не хочется думать, — только объ этой гордой, избалованной дѣвочкѣ, съ которой никогда не приходилось даже разговаривать.

Положимъ, онъ думалъ объ ней съ досадой, изобрѣтая для нея разныя клички и насмѣшливыя прозвища. Сколько разъ ему хотѣлось, встрѣтившись съ Лидіей, назвать ее въ глаза «гордячкой» «куклой на пружинахъ», вообще, какимъ нибудь изъ множества прозвищъ, выдуманныхъ имъ. Однако, что-то удерживало его отъ этого, — только не робость, которой онъ вовсе не отличался. И теперь, сознавъ свое чувство къ Лидіи, стараясь изгнать его изъ своего сердца, Петръ еще съ большимъ ожесточеніемъ «насмѣшничалъ» (какъ выражалась Симочка), надъ любимую дѣвушкой, обзывая ее за глаза «графинею Кутейниковой» «музыкальнымъ автоматомъ», а иногда, по старой памяти, и «гордячкою». Но если кто нибудь, въ присутствіи Петра, отзывался несовсѣмъ хорошо объ Лидіи, хотя бы и справедливо, ему было до крайности непріятно слушать такіе отзывы.

Онъ признавалъ свою любовь нелѣпой, безумной, и злился самъ на себя за то, что никакъ не могъ побѣдить ее. Эта любовь еще сильнѣе возбуждала въ немъ недовольство жизнью, которымъ онъ страдалъ тоже чуть не съ дѣтства. Петръ принадлежалъ къ числу нервныхъ, безпокойныхъ натуръ. Многіе считали его за человѣка съ сильнымъ характеромъ, но въ дѣйствительности у него почти не было никакого, также какъ не было опредѣленной цѣли въ жизни. Излишняя нервность, главнымъ образомъ, и способствовала развитію недовольства жизнью, всѣмъ окружающимъ и самимъ собой, куда-то тянула Петра, не давая ему опомниться и подумать серьезно, куда именно она тянетъ его, къ какому берегу. Онъ, будто бы, плылъ по теченію въ ненадежномъ, хрупкомъ челнокѣ, по волѣ вѣтра носившемся изъ стороны въ сторону.

Петръ учился хорошо, обладая блестящими способностями, благодаря которымъ наука давалась ему необыкновенно легко.

Когда онъ еще былъ въ училищѣ, то, какъ говорится, «спалъ и видѣлъ» поскорѣй попасть въ семинарію, а, попавъ туда, началъ стремиться въ академію. Надо замѣтить, что какъ въ училищѣ, такъ и въ семинаріи Петръ былъ недоволенъ тамошними порядками, начальствомъ и преподавателями.

Наконецъ, кончивъ семинарію однимъ изъ первыхъ учениковъ, онъ поступилъ въ академію, но тамъ почувствовалъ себя еще болѣе недовольнымъ всѣмъ окружающимъ и рѣшилъ со втораго курса перейти въ университетъ. Однако, Василій Захаровичъ удержалъ его отъ этого замѣчаніемъ:

— А ты доучись-ка лучше въ академіи. Ну, а потомъ поступай, куда хочешь. Чего спѣшить-то? Вѣдь все едино: нигдѣ и ничѣмъ не будешь доволенъ. Я полагаю, ежели посадить тебя въ рай, такъ тебѣ, поди, и тамъ не понравится; скажешь: вотъ словно и хорошо, да все какъ-то не по моему...

Петръ нашелъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ и тутъ же сказалъ дѣдушкѣ, что будетъ «претерпѣвать до конца курса въ академіи». Въ описываемое время, ему оставалось до этого менѣе года.

Петръ, послѣ первой нечаянной прогулки съ Лидіей, вернулся домой мрачнѣе самой темной осенней ночи. Онъ злился на себя за то, что такъ поддался своему чувству къ Лидіи, такъ проявлялъ его, какъ еще никогда до сихъ поръ не случалось. Вспоминая свое поведеніе во время прогулки, онъ чуть не плакалъ отъ досады. «Я велъ себя, точно пятнадцатилѣтній влюбленный школьникъ передъ этой бездушною куклой!—думалъ онъ, все сильнѣе и сильнѣе ожесточаясь противъ самого себя, а, между тѣмъ, образъ «бездушной куклы» съ поразительной отчетливостью возникалъ въ его воображеніи и будто поддразнивалъ Петра своей презрительной усмѣшкой и холоднымъ, надменнымъ взглядомъ.

Но когда, на другой же день, Лидія сама пришла къ Василію Захаровичу собственно для того, чтобы пригласить Петра идти съ ней опять въ городской садъ, — его мрачное озлѣб-

ленное настроеніе мгновенно разсѣялось, смѣнившись радостнымъ. Онъ даже не подумалъ отказываться и принялъ ея приглашеніе безпрекословно. А потомъ, возвратившись домой изъ сада, уже не сердился на себя и былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Съ этого дня онъ какъ будто бы началъ перерождаться, къ удивленію своихъ домашнихъ, въ особенности Симочки. Всего болѣе удивляло ее, что Петръ вдругъ пересталъ «насмѣшничать» надъ Лидіей и даже иногда отзывался объ ней одобрительно. Да и вообще насмѣшливость его со всѣмъ исчезла; онъ ни надъ кѣмъ больше не подсмѣивался, хотя почти постоянно находился въ возбужденно-веселомъ настроеніи. Кромѣ того, Петръ сдѣлался крайне разсѣяннымъ, часто отвѣчалъ невпопадъ и казалось, что, разговаривая, думалъ о чемъ-то другомъ, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ, о чемъ шла рѣчь. Наконецъ, онъ сталъ заниматься собой и своимъ туалетомъ: купилъ новую фуражку и щегольскіе сапоги, заказалъ Симочкѣ вышить ему нѣсколько рубашекъ, причеиъ просилъ, чтобы она вышивала какъ можно скорѣе.

Симочка съ утра до ночи сидѣла за этою работой, стараясь угодить любимому брату. Когда первая рубашка была готова и Петръ нарядился въ нее, собираясь на прогулку съ Лидіей, Василій Захаровичъ, внимательно осмотрѣвъ внука съ головы до ногъ, сказалъ своимъ обычнымъ, невозмутимо-спокойнымъ тономъ:

— Купи ты лодеколону.

— Зачѣмъ онъ вамъ, дѣдушка, понадобился?—смѣясь, спросилъ Петръ.

— Мнѣ-то онъ не нуженъ; ты для себя купи, — также серьезно отвѣтилъ дѣдъ. — Будешь носовые платки душиить лодеколономъ: отъ него духъ пріятный и дѣвицамъ нравится.

— Вотъ ужъ не ожидалъ отъ васъ такого совѣта!—воскликнулъ Петръ, причеиъ какъ будто бы сконфузился. — И сказали это вы такимъ тономъ, что можно подумать: сами душиили когда нибудь платки и доставляли этимъ удовольствіе дѣвицамъ.

— Не отрекаюсь, — душилъ. Въ тѣ поры, когда былъ женихомъ... Какъ соберусь, бывало, къ невѣстѣ моей Анисѣ Павловнѣ, такъ безпремѣнно платокъ надушу. Иной разъ ло-

деколономъ, а иной—розовымъ масломъ. Приду это, сяду рядомъ съ нею, да вотъ эдакъ и махну платочкомъ-то. А она улыбнется и произнесетъ:—Ахъ, какой духъ пріятный!

Во время этого разсказа, портретно-неподвижное лицо стараго дьякона оживилось и точно помолодѣло; строгій взглядъ смягчился, а голосъ звучалъ музыкальнѣе обыкновеннаго.

— Да, было все это и былѣмъ поросло!—вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ вырвалась у него заключительная фраза, послѣ чего онъ умолкъ, а лицо его снова застыло въ неподвижности. Старый портретъ, ожившій на нѣсколько мгновений, опять ушелъ въ свою раму.

Но чѣмъ веселѣе становился Петръ, тѣмъ грустнѣе дѣлалась Симочка, догадавшаяся, наконецъ, о чувствахъ брата къ Лидіи. Догадался объ этомъ даже дѣтски-простоватый Платонъ и также пріунылъ пуще прежняго, и почти совсѣмъ пересталъ ходить къ дьякону, а если появлялся тамъ изрѣдка на самое короткое время, то замѣтно сторонился отъ Симочки. Это выходило у него до крайности комично, такъ что невольно бросалось въ глаза и было скоро замѣчено Петромъ, хотя онъ теперь, казалось, не видалъ ничего окружающаго. Надо сказать, что Петру давно ужъ была извѣстна сердечная тайна Платона, заключавшаяся въ его любви къ Симочкѣ и въ намѣреніи жениться на ней. Все это высказалъ Платонъ только одному Петру и никакъ не могъ рѣшиться заговорить объ этомъ съ предметомъ своей любви, отложивъ такой разговоръ до счастливаго дня, когда онъ получитъ какое нибудь мѣсто. Притомъ Платонъ не помышлялъ объясняться въ любви и дѣлать предложеніе безъ родительскаго согласія на это. При всей своей робости, при всемъ почтительномъ страхѣ передъ матерью, Платонъ рѣшилъ, что если она не дастъ ему благословенія на бракъ съ Симочкой, такъ онъ не отступится и будетъ вымалывать у нея это благословеніе до тѣхъ поръ, пока не получитъ. Препятствій со стороны отца онъ не ожидалъ, зная его необыкновенную доброту и жалостливость не только къ своимъ дѣтямъ, но и ко всѣмъ чужимъ людямъ. Въ согласіи Симочки онъ тоже не сомнѣвался, успокоенный на ея счетъ Петромъ, увѣрявшимъ, что она навѣрное согласится. Симочка же была еще скромнѣе Платона и никому, даже брату, не разсказывала о томъ, что творится въ ея сердцѣ.

Петра забавляла робкая, молчаливая любовь Симочки и Платона, которые казались ему созданными другъ для друга. Онъ былъ увѣренъ, что, соединившись брачными узами, они заживутъ мирно и счастливо. Оба не требовали многого отъ жизни и не страдали отъ недовольства ей. Ихъ мечты и желанія были также просты и ограничены, какъ ихъ умы.

Замѣтивъ рѣзкую перемѣну въ обращеніи Платона съ Симочкой, Петръ не могъ понять, отчего это произошло, не находя никакой видимой причины для такой перемѣны. Наконецъ, онъ какъ-то спросилъ Платона, оставшись съ нимъ вдвоемъ:

— Чтò съ тобой, Платоша, скажи-ка мнѣ? Ты за послѣднее время сдѣлался на себя не похожъ, странный какой-то... Къ намъ почти пересталъ ходить, а если зайдешь, такъ торопишься поскорѣй уйти... Съ Симочкой держишь себя совсѣмъ необыкновенно: не говоришь съ ней ничего, кромѣ «здравствуйте» да «прощайте», даже смотрѣть на нее избѣгаешь и презабавно, хотя невѣжливо, отворачиваешься точно отъ чего-то страшнаго. Можетъ быть, ты переговорилъ съ своими родителями о томъ, чтò желаешь жениться на Симочкѣ и они тебѣ запретили это?

— Нѣтъ, я съ ними не говорилъ...—запинаясь, началъ Платонъ, повидимому, сильно смущенный допросомъ Петра.— Да знаешь ли, у меня теперь совсѣмъ другія мысли относительно будущаго... Впрочемъ, кажется, я несовсѣмъ вѣрно выразился... — И онъ замолчалъ, жалобно посмотрѣвъ на Петра, будто умоляя его больше не спрашивать.

Однако, Петръ, не обративъ вниманія на этотъ умоляющій взглядъ, продолжалъ допросъ съ еще бôльшей настойчивостью:

— Какія же такія у тебя явились новыя мысли или планы, что ли, насчетъ будущаго? Неужели и мнѣ нельзя ихъ сообщить?

— Нѣтъ, отчего же?.. Видишь ли, я задумалъ въ монастырь поступить, въ какойнибудь дальній. Мнѣ хотѣлось бы на Аеонъ...

— Въ монастырь? На Аеонъ?—перебилъ Петръ, съ изумленіемъ глядя на Платона, сидѣвшаго, понурия голову.— А сестренку-то мою на кого покинешь? Вѣдь она серьезно лю-

бить тебя, хоть никому объ этомъ не рассказываетъ. Да уж ты не сказалъ ли ей, что въ Афонскій монастырь собираешься? Можетъ быть, оттого она совсѣмъ перестала смѣяться, и кажется, плакать начала. По крайней мѣрѣ, сегодня я замѣтилъ, что глаза у нея красные и опухли, точно отъ слезъ... Да какъ же это вдругъ ты разлюбилъ ее, разочаровался въ мирской жизни и вздумалъ аеонскимъ монахомъ сдѣлаться? Все это слишкомъ странно и непонятно! Не потрудишься ли объяснить?

Когда Платонъ услышалъ о глазахъ Симочки, опухшихъ отъ слезъ, на его собственныхъ тоже навернулись слезы. Онъ такъ тяжело вздохнулъ, какъ будто бы поднялъ нѣсколько пудовъ, и сказалъ тихимъ дрожащимъ голосомъ:

— Прости, не могу я этого объяснить... никакъ не могу! А Серафимъ Александровнѣ, дѣйствительно, сообщилъ о своемъ намѣреніи. Она ничего противъ этого не имѣетъ, даже одобряетъ...

И Платонъ опять вздохнулъ еще тяжелѣе.

— Ну, теперь я рѣшительно отказываюсь понимать васъ съ моею сестрицей!—воскликнулъ Петръ, разводя руками.— Но сильно подозреваю, что вы съ ней оба не въ здравомъ разсудкѣ и не въ твердой памяти. вмѣсто Аеонскаго монастыря, тобѣ слѣдовало бы поступить въ психіатрическую лѣчебницу, да и Симочку взять туда же съ собой.

Но Платонъ очевидно не обидѣлся за такой совѣтъ. Онъ ласково смотрѣлъ на Петра своими нѣжными, грустными глазами, думая про себя:—«Дай Богъ, чтобъ онъ женился на Лидѣ: она тогда ужъ не уѣдетъ за границу и папа съ мамой успокоятся. Серафима Александровна забудетъ меня, выдетъ замужъ за другого... А я поступлю въ монастырь и буду за нихъ всѣхъ молиться».

Между тѣмъ, сердце у него мучительно ныло, а грудь тѣснили сдерживаемыя рыданія.

XVI.

Софья Платоновна уѣхала въ Москву, съ цѣлью успокоить свои нервы и познакомиться съ невѣстою сына. Проживъ тамъ

недѣли полторы, она возвратилась домой не повеселѣвшею, а какъ будто бы еще болѣе опечаленной.

Впрочемъ, на разпросы о Кириллѣ о княжнѣ Иринѣ Дмитріевнѣ и ея теткахъ, она отвѣчала, что княжна—очень умная, благовоспитанная и любезная барышня, а тетки, по видимому, добродушныя, простыя старушки. Затѣмъ рассказала, какъ была у нихъ на дачѣ, въ Сокольникахъ, и какъ всѣ онѣ радушно приняли ее.

— Правда, занимаютъ онѣ совсѣмъ не княжескую маленькую дачку и обстановка у нихъ простая, бѣдная,—говорила она,—но что жь дѣлать, если средствъ нѣтъ? онѣ этого и не скрываютъ.

Однако, рассказывала она какъ-то вяло и будто бы чего-то не договаривая, причемъ избѣгала смотрѣть на мужа.

Не договаривала же Софья Платоновна о томъ, что княжна ей вовсе не понравилась. Увидѣвъ ее, Софья Платоновна даже удивилась: чѣмъ та могла понравиться Леониду. Положимъ, судя по фотографической карточкѣ Ирины Дмитріевны, она не надѣялась увидѣть юную красавицу, но все таки не ожидала, что въ дѣйствительности невѣста сына окажется типичною «старой дѣвою»,—тощей, некрасивою, съ лицомъ, напоминавшемъ высохшій лимонъ. На карточкѣ княжна была гораздо интереснѣе и моложе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ снималась шесть лѣтъ тому назадъ, когда ей только минуло 28, да, вдобавокъ, фотографъ съ успѣхомъ постарался ее «подкрасить».

А теперъ княжнѣ стукнуло уже 34 года, хотя тетки ея и она сама говорили всѣмъ, что 25. Но никто этому не вѣрилъ, потому что Ирина Дмитріевна, благодаря своей неприглядной наружности, казалась даже старше своихъ настоящихъ лѣтъ. Бесспорно она была очень неглупая барышня, обладавшая «хорошими манерами» и умѣньемъ «держатъ себя въ обществѣ», а при всемъ томъ и любезная до крайности. Она выказала эту любезность въ полномъ блескѣ предъ своею будущей свекровью, неустанно занимая ее разговорами на всевозможныя темы, игрой на фортепіано и пѣніемъ, осыпая самыми тонкими комплиментами. Говорила княжна обо всемъ неглупо, бойко, съ блестящими остроуміями; играла и пѣла такъ, что ее «безъ скуки слушать было можно», но не могла ничѣмъ

этимъ плѣнить сердца Софьи Платоновны, которая только чувствовала себя утомленной любезностью княжны и упорно думала: «и какъ это Лѣня могъ въ нее влюбиться?»

А, между тѣмъ, Леонидъ таялъ предъ своею невѣстой и въ то же время какъ будто бы побаивался ее, что не ускользнуло отъ вниманія Софьи Платоновны, рѣшившей про себя, что Ирина Дмитриевна, не успѣвъ еще выйти замужъ, успѣла забрать въ руки своего жениха. Но нельзя было также не замѣтить, что княжна болѣе чѣмъ равнодушна къ своему жениху, не смотря на то, что обращается съ нимъ менѣе любезно, чѣмъ со всѣми. Когда она смотрѣла на него, въ ея узкихъ, безцвѣтныхъ глазкахъ вспыхивали огоньки, а некрасивое лицо оживлялось счастливой улыбкою, отъ которой даже молодѣло и хорошѣло на нѣсколько минутъ.

Тетки княжны тоже не понравились Софьѣ Платовнѣ. Она нашла ихъ обѣихъ глупыми и карикатурно-смѣшными, — какими онѣ и были въ дѣйствительности.

Старшая, семидесятипятилѣтняя, тетя Леля совсѣмъ выжила изъ ума, каковымъ и смолоду не отличалась, а теперь ужъ давно стала «заговариваться», путать имена и принимать видѣнное во снѣ за случившееся наяву. Какъ только представилъ ей Леонидъ свою мать, она тотчасъ же назвала ее Надеждою Петровной, а еще чрезъ нѣсколько минутъ Евдокію Михайловной, спросивъ: — «Какъ поживаетъ вашъ мужъ? вернулся ли онъ изъ Вѣны? Ахъ, да, кажется, онъ уѣхалъ въ орловское имѣніе... Знаете, мы его называемъ по прежнему: *notre cher Anatole*... Княжна выручила Софью Платоновну изъ затрудненія, очень ловко прервавъ какой-то шуткою разспросы тети Лели.

Младшая тетя, Нина, была лѣтъ на восемь моложе своей сестры, еще не заговаривалась и считала сама себя замѣчательною умницей. Самыя пустѣйшія фразы она произносила съ такимъ многозначительнымъ, важнымъ видомъ, какъ будто бы премудрыя изреченія. Это-то именно и дѣлало ее смѣшной. Обѣ онѣ были дѣвицы; тетя Нина, величавшая себя «*esprit original*», говорила, что не вышла замужъ потому что это слишкомъ ординарно. А тетя Леля уже не помнила, по какой причинѣ осталась въ дѣвицахъ, но любила повѣствовать о томъ, какъ отказала французскому посланнику, предложившему

ей руку и сердце, хоть въ самомъ дѣлѣ ничего подобнаго съ ней не случилось и французскій посланникъ никогда къ ней не присватывался не только наяву, но даже въ сонныхъ видѣнiяхъ.

Поразила Софью Платоновну и слишкомъ явная бѣдность этой захудалой аристократической семьи. Зная, что невѣста сына бѣдна, Софья Платоновна все таки не знала, до какой степени простиралась эта бѣдность; Леонидъ не любилъ распространяться на эту тему, не рассказывалъ отцу съ матерью, какъ бѣдствуетъ княжна со своими тетями, только сказалъ, что за ней не дадутъ приданаго и что у ея тетокъ много мелкихъ долговъ.

Лидiя, давно успѣвшая познакомиться съ Ириною Дмитрiевной, совѣмъ ничего объ ней не говорила и когда Софья Платоновна вздумала было разспрашивать ее о княжнѣ, она отвѣтила:

— Вѣдь вы сами скоро увидите ее и узнаете. Я плохая рассказчица, да и вообще трудно составить вѣрное понятiе о людяхъ по рассказамъ объ нихъ.

Ничего больше нельзя было добиться отъ Лидiи, которой тоже не нравилась невѣста брата, хоть она и находила, что лучшей онъ не стѣитъ. Такимъ образомъ, Софья Платоновна даже не воображала, что княжна живетъ на дачѣ, сколоченой изъ барочнаго теса, болѣе похожей на просторный курятникъ, чѣмъ на человѣческое жилище, и скудно обставленной сбродною убогою мебелью. Эта дача показалась ей нисколько не лучше, чѣмъ домъ дьячка Нила Никитича Аметистова и живо напомнила ея собственное печальное прошлое. Однако, жалкая дачка со всею своею обстановкою, поразивъ Софью Платоновну, смягчила впечатлѣнiе, произведенное ея обитательницами.

Еслибъ Софьѣ Платоновнѣ пришлось увидѣть княжну съ тетями въ лучшемъ помѣщенiи, онъ не понравились бы ей еще больше. Ихъ очевидная бѣдность пробудила въ ней давно заснувшiя воспоминанiя о своей собственной, и она почувствовала жалость къ захудалымъ аристократкамъ. Но все таки, искренно жалѣя бѣдную княжну, она не могла отвязаться отъ навойливой мысли, словно шептавшей ей на ухо: «И какъ это Лѣня могъ въ нее влюбиться?»

Тетя Нина, занимая гостью умными, по ея мнѣнію, разговорами, между прочимъ, изрекла со свойственнымъ ей важнымъ, многозначительнымъ видомъ:

— Да, видите, какъ мы живемъ: очень плохо!.. У насъ даже дача безъ террасы; это большое неудобство. Притомъ, крыша худая и когда идетъ дождь, такъ мы сидимъ дома подъ зонтами и въ калошахъ. На полу разливаются рѣчки и ручьи... (при этомъ она тонко улыбнулась, воображая, что сказала блестящую острогу).—А потомъ у Лёли всегда бываетъ насморкъ, а у меня флюсъ. Но мы не можемъ нанять лучшей дачи... У насъ ничего нѣтъ, кромѣ маленькой пенсіи. Знаете, всѣ стараются скрывать свою бѣдность, но мы этого не дѣлаемъ... это ужъ слишкомъ обыкновенно. Мы не скрываемъ, говоримъ всѣмъ... *C'est bien plus original!* А я обожаю все оригинальное.

Затѣмъ она, помолчавъ немного, еще важнѣе заговорила о предполагаемомъ бракѣ племянницы съ Леонидомъ, который также признавала оригинальнымъ, а потому именно и пріятнымъ ей.

— Равные браки теперь не въ модѣ и это мнѣ нравится. Я держусь, какъ говорится, «свободныхъ мыслей». Я даже люблю читать русскіе рассказы про крестьянъ съ вульгарными выраженіями въ родѣ: «чаво, ничаво, ишь-ты»—эти три слова она проговорила дѣланно-грубымъ голосомъ, вытаращивъ глаза на Софью Платоновну, съ трудомъ удержавшуюся отъ смѣха: такой до нелѣпости карикатурной показалась ей тетя Нина въ эту минуту.

— Но еслибъ, напримѣръ, Игѣне вышла замужъ за купца или даже за богатаго крестьянина, это было бы обыкновеннѣе, чѣмъ за вашего сына. Теперь безпрестанно дѣвицы хорошихъ фамилій выходятъ за купцовъ: почти каждый день слышишь о такихъ свадьбахъ. А вашъ сынъ изъ духовенства; *c'est tout-a-fait original!* Да притомъ онъ докторъ и очень милый молодой человѣкъ. Очень, очень милый человѣкъ. Вы счастливая мать; я вамъ это прямо говорю!

Но если тетя Нина съ тетей Лелей не понравились Софьѣ Платоновнѣ, зато она имъ очень понравилась. Когда она уѣхала отъ нихъ вмѣстѣ съ Леонидомъ, тетя Нина торжественно объявила, обращаясь къ сестрѣ:

— Мать лучше сына. У нея l'air d'une grande dame и античный профиль. А съ какимъ вкусомъ одѣта! Право, даже не вѣрится, что она попадѣя.

— Ахъ, ma chère, вѣдь она не простая попадѣя, а протопопадѣя!—отозвалась тетя Леля, съ трудомъ выговоривъ послѣднее слово, и потомъ прибавила со вздохомъ:

— Какъ мы веселились съ ней, съ этой милой Софьей Борисовною на балу у графини Иды!

— Давно ли это тебѣ, матушка, во снѣ приснилось?—сердито спросила ее тетя Нина.—И какую это ты графиню Иду придумала? Пари держу, что ты нашла себѣ такую знакомую во французскомъ романѣ, который мы читали на дняхъ... Тамъ описанъ балъ у графини Иды, парижской красавицы прошлаго столѣтiя. Нѣтъ, скоро съ тобой нельзя будетъ умнаго слова сказать. Tu va perdre l'esprit, Леля!

Княжна скромно промолчала о впечатлѣнiи, произведенномъ на нее Софьей Платоновной. Она чувствовала, что не понравилась своей будущей свекрови, была этимъ очень недовольна, и Софья Платоновна вовсе не показалась ей такою милою, какъ теткамъ. Ей было бы несравненно прiятнѣе, еслибъ мать Леонида оказалась настоящей «матушкою», въ родѣ Анфисы Яковлевны Великолѣповой,—добродушною и недалекой попадѣей. Княжна, глядя на величавую протопопицу, на ея гордое римское лицо, рѣшила, что она должна обладать сильнымъ, властолюбивымъ характеромъ, навѣрное держать въ рукахъ всю свою семью и, пожалуй, не захочетъ выпустить изъ рукъ Леонида и тогда, когда онъ женится. Все, что рассказывалъ Леонидъ княжнѣ о добротѣ своей матери, объ ея нѣжной любви къ нему, теперь представилось ей неправдоподобнымъ. Наружность, конечно, бываетъ обманчива, но Софья Платоновна съ виду вовсе не походила на мать-рабу, подчинявшуюся даже слабому волей Леониду.

А: Мартыновъ.

(Продолженiе будетъ).

Лѣтній вечеръ.

Въ небесахъ, какъ жемчужная пѣна,
Пролетаютъ градѣй облака;
Тянеть запахомъ свѣжаго сѣна,
Шевелятся кусты лозняка...

Близость вечера—близость покоя
И въ природѣ, и въ сердцѣ моемъ;
Въ море злата свѣтило дневное
Опускается яремъ щитомъ.

Все въ румяномъ вечернемъ сянѣ:
Лѣсъ и поле, и гребни холмовъ,
Какъ душа, какъ мечты и желанья,—
Все—во власти чарующихъ сновъ!

Л. Афанасьевъ.

ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Путевыя впечатлѣнія).

I.

... Начинаю свои очерки съ описанія Самарканда, — города, имѣющаго большое значеніе для Средней Азіи, благодаря своему положенію на Закаспійской желѣзной дорогѣ, которой онъ такъ долго служилъ исходнымъ пунктомъ.

Городъ Самаркандъ находится подъ 39° 39' сѣверной широты и 84° 39' восточной долготы, въ семи верстахъ отъ рѣки Заравшана. На югъ отъ Самарканда тянется горная цѣпь, вершины которой покрыты вѣчными снѣгами; въ этихъ-то горахъ и беретъ свое начало рѣка Заравшанъ, орошающая длинную полосу земли, на которой находится и Самаркандъ. Заравшанъ проходитъ до Бухары, но тамъ онъ уже значительно меньше, а между Бухарой и рѣкою Аму-Дарьей, Заравшанъ и совсѣмъ теряется въ пескахъ пустыни.

Въ настоящее время Самаркандъ — главный городъ области того же названія, управляемой военнымъ губернаторомъ. Жителей въ Самаркандѣ болѣе 30 тысячъ, включая сюда и туземцевъ; русскихъ же здѣсь не больше десяти тысячъ, считая въ томъ числѣ и войска.

Самаркандъ рѣзко раздѣляется на двѣ, ничего между собою похожаго не имѣющія, части:—русскую, занимающую площадь около одной квадратной версты, и туземную, разъ въ восемь болѣшую. Русская часть города со всѣхъ сторонъ, какъ кольцомъ, охвачена туземными селеніями; частью городомъ, частью *кишлаками*, какъ здѣсь называются туземныя селенія. Такимъ образомъ, русскій Самаркандъ занимаетъ незначительную площадку среди громадной площади земли, населенной туземцами. Здѣсь кишлакъ отъ кишлака не отдѣляются такъ, какъ у насъ въ Россіи отдѣляются одна отъ другой деревни болѣе или менѣе значительными разстояніями или

естественными границами, въ видѣ рѣкъ, лѣсовъ и овраговъ. Тутъ одинъ кишлакъ непосредственно прилегаеть къ другому, сливаясь такимъ образомъ и между собою, и съ городомъ. Видимой границы не существуетъ, а существуютъ границы административныя, какія въ нашихъ городахъ раздѣляютъ одинъ участокъ отъ другаго.

Русская часть города, — какъ я уже сказалъ, — занимаетъ небольшую площадь, но и это маленькое пространство застроено очень не густо; есть кварталы въ три, четыре дома — и только. Возлѣ каждаго такого дома есть довольно большіе садики. На двухъ главныхъ улицахъ — Ката-Курганскомъ и Кауфмановскомъ проспектахъ — дома не такъ рѣдки и построены одинъ возлѣ другаго, но ни размѣрами, ни архитектурой не отличаются отъ домовъ другихъ улицъ. Всѣ дома здѣсь небольшіе, одноэтажные, и во всемъ городѣ имѣется только одинъ двухъэтажный домъ изъ красного кирпича; обыкновенно же дома построены изъ сырыхъ не обожженныхъ кирпичей и снаружи выбѣлены. Крыши — частью желѣзныя, частью плоскія, земляныя или же войлочные. Во всемъ городѣ *нѣтъ ни одного деревяннаго дома* или стѣны, благодаря полному отсутствію лѣсовъ. Сосновыя доски для разнаго употребленія и столбы для телеграфа привозятся изъ Россіи и продаются здѣсь по очень высокой цѣнѣ. Говорятъ, что прежде вмѣсто сосновыхъ столбовъ для телеграфа употреблялись кипарисовые, такъ какъ кипариса здѣсь достаточно въ горахъ, но ихъ почему-то нашли неудобными.

Ни одна изъ улицъ Самарканда не напоминаетъ европейскаго города, а больше всего напоминаетъ дачное мѣсто. Всѣ улицы усажены тополями въ четыре ряда, — два съ одной стороны улицы и два съ другой. Тополи эти достигаютъ здѣсь невѣроятной высоты и служатъ прекраснымъ средствомъ защиты отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, бросая сплошную тѣнь и на тратуары, и на мостовую, которая лѣтомъ обильно, два раза въ день, поливается изъ *арыковъ*, т. е. канавокъ съ проточной водой, проведенныхъ между тополями съ обѣихъ сторонъ каждой улицы. Безъ этихъ арыковъ жизнь растений была бы здѣсь немислима. Насаженныя на улицахъ деревья образуютъ собою непрерывныя аллеи, и такимъ образомъ дома виднѣются только черезъ двойной рядъ этихъ деревьевъ и совершенно исчезаютъ въ ихъ густой зелени: во-первыхъ, благодаря громадному росту деревьевъ съ одной стороны и незначительной высотѣ домовъ съ другой; а, во-вторыхъ, потому что дома окружены садами, зелень которыхъ охватываетъ ихъ съ боковъ и виднѣется черезъ невысокія крыши. На Кауфмановскомъ и Ката-Курганскомъ проспектахъ сосредоточена вся торговля. Здѣсь

находятся магазины, мастерскія портныхъ, часовщиковъ и т. д. Много вывѣсокъ прибито вмѣсто стѣнъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются магазины, къ тополямъ, чтобы были виднѣе. Хотя улицы города и уложены мелкимъ камнемъ, но зимою и осенью на нихъ очень много грязи, такъ какъ ихъ никогда не метутъ, благодаря чему камней никогда и не видно изъ-подъ слоя земли, всегда ихъ покрывающей и превращающей въ грязь, кромѣ дождливаго времени, и при поливкѣ улицъ лѣтомъ. На нѣкоторыхъ улицахъ есть и тротуары, вымощенные кирпичемъ.

Камнемъ выложена и дорога, идущая къ вокзалу, который по какимъ-то непонятнымъ причинамъ находится въ пятиверстномъ разстояннн отъ города и представляетъ собою небольшое, одноэтажное, некрасивое зданіе, — прямая противоположность прелестному вокзалу въ Красноводскѣ, сдѣланному въ арабскомъ стилѣ, просторному и свѣтлому, эффектно выдѣляющемуся своей бѣлизной на темномъ фонѣ прибрежныхъ скалъ. Прежде Закаспійская желѣзная дорога начиналась отъ Узунъ-Ада, теперь же этотъ портъ признанъ неудобнымъ, и дорога беретъ свое начало у Красноводска, большаго городка, расположеннаго возлѣ бухты, прекрасно защищенной скалами и представляющей поэтому значительныя преимущества передъ бухтою Узунъ-Ада. До этого года желѣзная дорога не шла дальше Самарканда, теперь же идутъ поѣзда въ Кокандъ. Дорога отъ вокзала до города пролегаетъ среди кишлаковъ и, также какъ городскія улицы, обсажена серебристыми тополями.

II.

Для прїѣзжающихъ, въ Самаркандѣ есть около пяти гостинницъ, изъ которыхъ въ одной имѣется даже лѣтній садъ съ открытой сценой. Изъ всѣхъ благъ «европейской культуры» кафе-шантанъ проникъ сюда прежде всего. Гостинницы—это тоже небольшіе домики въ три, четыре окна на улицу, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется не больше подлужины комнатъ; эти комнаты помѣщаются частью въ главномъ зданнн, частью—во флигелькахъ. Цѣны на комнаты въ гостинницахъ довольно высоки: плохо меблированная комната во дворѣ, съ кирпичнымъ поломъ, полутемная, стоитъ 2 р. 50 к. въ сутки. Впрочемъ, это и не удивительно:—почти всѣ гостинницы содержатся жидами.

Въ городѣ есть одна церковь, если не считать тюремную, за городомъ; церковь построена въ углу большой квадратной площади, плохенькая, низенькая и очень маленькая. Противъ церкви выстроенъ военный клубъ, прекрасное большое зданіе, а неда-

леко отъ него—гражданскій клубъ, тоже большой. Невольно возникаетъ сравненіе съ этими обширными зданіями клубовъ и жалкимъ зданіемъ церкви. Говорятъ, большую церковь строить опасно,—можетъ разрушиться отъ землетрясенія. Удивительно, какъ это наши, высоко о себѣ мнящіе; инженеры не могутъ построить церкви, которую не разрушило бы землетрясеніемъ, когда живымъ доказательствомъ возможности большихъ и высокихъ зданій, служатъ: мечеть Тамерлана, медреса (по мѣстному выговору: «мадраса») и другія древнія мечети, которыя уже простояли вѣка, а построены не учеными архитекторами или инженерами, а полудикарями прошлыхъ вѣковъ. Маленькая русская церковь даетъ только поводъ туземцамъ говорить, что русскіе *не въ состояніи сдѣлать что либо подобное ихъ мечетямъ...*

Говорятъ, что въ здѣшнемъ краѣ и теперь еще есть развалины церкви пророка Іліи,—церкви, существовавшей въ глубокой древности, еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Какъ говоритъ извѣстный путешественникъ Марко Поло, въ этомъ краѣ христіанство было такъ распространено, что Самаркандъ составлялъ самостоятельную метрополию, въ которой было около 800 церквей!..

Военный клубъ, также какъ и церковь, находится въ углу, но не площади, а парка. Паркъ этотъ, не большой, но тѣнистый, служить мѣстомъ гулянья самаркандской публики, которая собирается здѣсь часовъ съ шести и расходится къ девяти, но это только лѣтомъ. Зимой самаркандцы нигдѣ не гуляютъ; лѣтомъ же — два раза въ недѣлю въ паркѣ, отъ шести до восьми часовъ, играетъ оркестръ военной музыки, и тогда число гуляющихъ увеличивается. Въ этомъ паркѣ есть и театръ, который по виѣшнему виду легко можетъ быть принятъ за какой нибудь складъ. Въ театрѣ, время отъ времени, даются спектакли или мѣстными любителями, подчасъ очень своеобразно понимающими характеры воспроизводимыхъ ими героевъ, или же изрѣдка заглядывающими сюда гастролерами.

Кромѣ описаннаго парка, есть еще другой, гораздо большій размѣрами и болѣе красивый по мѣсту положенія и разнообразію деревьевъ, но почему то онъ не посѣщается публикой и музыки въ немъ не бываетъ. Въ этомъ паркѣ есть сходъ подъ гору, состоящій изъ широкой лѣстницы, раздѣленной посредию площадкой. Ступени лѣстницы до площадки мраморныя, а ниже площадки—кирпичныя, но эта лѣстница, какъ и все здѣсь вообще, содержится крайне небрежно: плиты частью разбиты, частью совсѣмъ сняты. Хотя г. Красновъ, въ своей статьѣ: «У азіатовъ», очень удивляется образцовой чистотѣ самаркандскихъ улицъ и парковъ,

но это удивленіе вызвано, вѣроятно, контрастомъ съ туземнымъ и городами, а никакъ ужъ не сравненіемъ съ городами европейской Россіи, какъ увѣряетъ г. Красновъ. Какъ парки, такъ и бульваръ содержатся очень плохо и почти не имѣютъ скамеекъ для сидѣнья, за исключеніемъ парка у клуба, въ которомъ есть съ подюжины скамеекъ. Впрочемъ, для точности я долженъ сказать, что въ большомъ паркѣ тоже есть *три* скамьи и *пять* на бульварѣ (excusez du peu!).

Бульваръ этотъ замѣчательно красивъ. Совершенно ровный, онъ имѣетъ въ длину около версты; очень широкій, онъ усаженъ въ шестнадцать рядовъ деревьями и образуетъ семь аллей—двѣ для ѣзды и пять для ходьбы. На этотъ бульваръ выходитъ домъ военнаго губернатора, очень эффектно утопающій въ принадлежащемъ къ нему большомъ саду, единственномъ въ Самаркандѣ, обнесенномъ стѣною; оба же парка и бульваръ не имѣютъ вокругъ ни стѣнъ, ни рѣшетокъ и открыты со всѣхъ сторонъ, что еще больше способствуетъ ихъ загрязненію. А жаль!—здѣсь такая чудная, роскошная растительность, настолько пышная и колоритная, что у насъ о ней даже составить себѣ представленіе довольно трудно.

Недалеко отъ церкви, на той же площади, въ крохотномъ домикѣ помѣщается музей. Это — небольшая квадратная комната, аршинъ десять въ длину и ширину, наполненная разнообразною смѣсью. Какой это именно «музей»—сказать невозможно. Это ни этнографическій, ни сельскохозяйственный, ни нумизматическій, ни геологическій, ни какой либо другой музей. Тутъ есть и образцы матерій мѣстнаго производства, съ указаніемъ ихъ цѣны, но нѣтъ образцовъ туземныхъ одеждъ; есть образцы хлѣбныхъ сѣмянъ разныхъ русскихъ губерній; разные монеты, какъ добытыя случайными раскопками, такъ и теперь находящіяся въ Азій, и даже какіе-то жетоны, не имѣющіе ничего общаго ни съ Азіей вообще, ни съ мѣстнымъ краемъ въ частности и т. д. Словомъ, собрано и сложено все, что попадало подъ руку. Называется этотъ винигретъ не музеемъ, а «музеумомъ»; такъ оно, вѣроятно, увѣситѣе, а, слѣдовательно, солиднѣе и внушительнѣе...

Библіотеки въ Самаркандѣ нѣтъ ни одной, а потому привозящимъ сюда остается или привозить съ собою книги, или покупать въ имѣющемся здѣсь книжномъ магазинѣ, который держитъ ихъ въ очень ограниченномъ количествѣ, и то преимущественно произведенія изящной литературы да учебники, за каковыя книги беретъ плату, далеко превышающую ихъ дѣйствительную стоимость.

Впрочемъ, въ Самаркандѣ все, что не производится здѣсь, а привозится, продается очень дорого, значительно дороже стоимо-

сти этихъ вещей въ Россіи съ причисленіемъ расхода по доставкѣ ихъ сюда. Даже въ единственномъ, имѣющемся здѣсь, аптекарскомъ магазинѣ, меня поразили, спросивъ за одинъ унцъ анисоваго масла вмѣсто *пятидесяти* копѣекъ, какъ продается оно въ Россіи, — *одинъ рубль семьдесятъ* копѣекъ, и *сорокъ* копѣекъ за два скрупула перувианскаго бальзама, когда въ Россіи цѣлый унцъ, т. е. двадцать четыре скрупула, стоятъ *сорокъ пять* копѣекъ!..

III.

Если обратить вниманіе на торговлю въ русскомъ Самаркандѣ, то становится замѣтнымъ, что подавляющее большинство торговцевъ — жидаы, сарты и другія народности, а ужъ незначительное меньшинство — русскіе. Есть здѣсь и заводы: нѣсколько хлопкоочистительныхъ, принадлежащихъ частью русскимъ, частью туземцамъ; три или четыре виноградно-водочныхъ, на которыхъ приготавливаютъ спиртъ и водку изъ винограднаго сока. Удивительно, что здѣсь до сихъ поръ нѣтъ сахарнаго завода, не смотря на то, что лѣтомъ 1897 года было время, когда въ магазинахъ покупателямъ не давали сахару больше, какъ по одному фунту, такъ какъ во всемъ Самаркандѣ его было едва нѣсколько пудовъ, а въ отдѣльныхъ магазинахъ имѣлось лишь по нѣсколькѣ фунтовъ. Понятно, что цѣна на сахаръ въ это время возвысилась, а произошло это, благодаря застою въ подвозѣ, что вовсе не представляетъ собою исключительнаго случая. Это съ одной стороны, а съ другой — подъ рукою есть масса матеріала для выдѣлки сахара: по всѣмъ дорогамъ, пустырямъ и вездѣ, гдѣ только можно, растутъ роскошныя тутовья деревья, покрывающіяся въ маѣ массою ягодъ, достигающихъ $\frac{3}{4}$ вершка длины. Ягоды эти замѣчательно нѣжны, ароматичны и сладки до невѣроятія. Сарты дѣлаютъ изъ ихъ сока густой медъ, получаемый простымъ кипяченіемъ. Туловыхъ ягодъ такъ много, что по дорогамъ, на которыя онѣ, созрѣвъ, падаютъ, отъ сока ихъ образуется грязь, прилипающая къ ногамъ. Теперь эти ягоды никакой цѣны не имѣютъ, такъ какъ, благодаря ихъ обилію, онѣ не собираются для продажи, да и покупателей не нашлось бы: всякій, кому нужно, можетъ самъ подобрать сколько ему угодно. Вотъ эти плоды туловыхъ деревьевъ и могли бы служить дешевымъ и обильнымъ матеріаломъ для выдѣлки сахара. Кромѣ того, сахаръ можно было бы добывать и изъ винограда, который здѣсь очень сладокъ, и цѣна на который бываетъ обыкновенно около сорока или пятидесяти копѣекъ пудъ. Въ Самаркандѣ есть еще около пятнадцати мелкихъ кожевенныхъ заводовъ. Въ общей

сложности, на всѣхъ этихъ заводахъ въ годъ выдѣлывается отъ сорока до пятидесяти тысячъ кожъ рогатаго скота, которыя и расходятся въ Туркестанскомъ краѣ, лошадиныя же кожи въ сыромъ видѣ отправляются въ Россію, преимущественно въ Варшаву, для выдѣлки сапожнаго товара. Если не считать завода для обработки кишекъ, то этимъ и ограничивается вся фабрично-заводская дѣятельность Самарканда. Я, конечно, не причисляю сюда массу туземныхъ маслобоекъ, изготовляющихъ въ сутки фунтовъ по двадцати масла изъ сѣмянъ хлопка, кунжута, орѣховъ и т. д., а также ручную обработку шолка и выдѣлку изъ него матерій, чѣмъ занимаются исключительно туземцы-сарты.

Шолкъ, шолковыя матеріи употребляются сартами на удовлетвореніе своихъ нуждъ, а также идутъ въ Россію, куда отправляются и всѣ шолковыя очески. Въ Россію также вывозятъ отсюда рисъ, хлопокъ, сушеный виноградъ, абрикосы и другіе фрукты, массу фисташекъ, миндаль. Продають все это здѣсь на мѣстѣ сарты, а покупкою и отправкою въ Россію занимаются преимущественно персіяне и, частью, армяне. Въ Самаркандѣ же привозятъ изъ Россіи товары галантерейные, мануфактурные; издѣлія изъ стекла и металла; косметику и другія издѣлія.

Въ русской части города базара нѣтъ, не смотря на сильное и естественное желаніе обывателей имѣть его, такъ какъ за всѣми продуктами приходится отправляться въ туземный городъ, или же высматривать, когда на улицѣ появится сартъ, разносящій или развозящій на ишакѣ то птицу, то картофель, то что либо другое.

Относительно учебныхъ заведеній, Самаркандъ тоже похвастаться не можетъ: въ немъ *нѣтъ ни одного средняго учебнаго заведенія*, ни мужскаго, ни женскаго.

Христіанское кладбище Самарканда находится сейчасъ же возлѣ города; оно довольно значительно и по объему, и по количеству могилъ. Посрединѣ кладбища, на круглой, обставленной кипарисами, площадкѣ возвышается небольшая часовня. Среди памятниковъ много и мраморныхъ, но большинство ихъ — изъ мѣстнаго мрамора пепельнаго цвѣта и неуклюжей туземной работы. Въ модѣ памятники, сдѣланные на подобіе ножки роля. Есть памятникъ и уроженкѣ далекаго Парижа, занесшей свои кости въ среднюю Азію; есть, какъ и вездѣ, съ курьезно-безграмотными или комичными надписями.

Кладбище содержится также неопратно, какъ и парки: возлѣ входныхъ воротъ имѣется сторожевой домикъ, постоянно украшенный грязными лоханками, ведрами, корытами, рогожами и бѣльемъ,

развѣшаннымъ на веревкахъ въ живописной пестротѣ. Впрочемъ это послѣднее украшеніе можно иногда видѣть и въ одномъ изъ парковъ, возлѣ самаго театра.

Индифферентное отношеніе самаркандскихъ обывателей къ порядкамъ или безпорядкамъ въ общественныхъ мѣстахъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что они предпочитаютъ развлечения домашняго характера: выпивки и игру въ карты. Значитъ, семейныя добродѣтели здѣсь торжествуютъ. Кстати, о семейныхъ добродѣтеляхъ; самаркандцы, дѣйствительно, могутъ ими похвалиться: если какойнибудь Z гдѣ либо служить здѣсь, то тутъ же гдѣ либо служить его братъ или другой родственникъ, жена, дочь. У насъ въ Россіи привыкли думать и говорить, будто желающихъ служить на окраинахъ находится не много. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ желающихъ служить недостатка нѣтъ, но всѣ мѣста уже заняты; правда, во многихъ случаяхъ одно и то же лицо занимаетъ нѣсколько должностей, но все же эти должности заняты. Одинъ чиновникъ говорилъ мнѣ, что они не любятъ чужихъ; если же начинаютъ дѣйствовать несогласно съ установленными традиціями, такого выскочку выживаютъ. «У насъ все свои, по семейному», говорилъ онъ. Такъ вотъ какъ крѣпки здѣсь семейныя добродѣтели! Выходитъ, однако, что-то похожее на монополию. Вѣроятно, по этой причинѣ чиновники здѣсь и держатъ себя съ какимъ-то олимпійскимъ величіемъ. Мнѣ приходилось слышать на почтѣ, какъ какойнибудь продавецъ марокъ, флегматично покуривая, буквально крикливо на публику, что его тревожатъ изъ-за какого-то бланка.

Странное впечатлѣніе производитъ самаркандская полиція, т. е., собственно говоря, нижніе чины полиціи—городовые; всѣ они почему-то набираются изъ туземцевъ, «умѣющихъ говорить по русски», но вся бѣда въ томъ, что это умѣнье говорить по русски, въ большинствѣ случаевъ, неидетъ дальше знанія нѣсколькихъ русскихъ фразъ, произносимыхъ на образовавшемся здѣсь сарто-русскомъ жаргонѣ. Всѣ эти полицейскіе чины одѣты въ длинные, каштановаго цвѣта, кафтаны, очень напоминающіе подрясники нашего духовенства, а на головѣ у нихъ, зимою и лѣтомъ, барашковая шапка, изъ-подъ которой выглядываетъ край пестраго колпака. Очень и очень нерѣдко этихъ городскихъ можно видѣть и безъ бараньей шапки, въ одномъ колпакѣ, засѣдающими гдѣ либо въ тѣни навѣса или деревьевъ, и куращими кальянъ или распивающими чай, вмѣсто того чтобы стоять на своемъ посту.

Для передвиженія въ городѣ, есть извозчики съ европейскими извозничьими парными колясками, правда, не первой свѣжести.

Между извозчиками есть русские, киргизы и таджики. Два слова о таджикахъ. Въ географіи Смирнова почему-то сказано, что многіе смѣшиваютъ таджиковъ съ сартами, тогда какъ въ дѣйствительности это два различныхъ народа, и сартъ ненавидитъ таджика, такъ какъ сартъ—суннитъ, а таджикъ—шиитъ. Это замѣчаніе почтеннаго географа положительно невѣрно: всѣ сарты называютъ себя таджиками и всѣ они—сунниты, такъ что сартъ и таджикъ—одно и то же.

Вся прислуга русскаго города, въ большинствѣ, сарты; они—кучера, повара, сторожа и т. д. Сарты же разносятъ по городу фрукты, масло, которое они научились у русскихъ дѣлать изъ сливокъ и сметаны, молоко, пирожки и хлѣбъ.

Перевозкой тяжестей въ русской части города занимаются, такъ называемые, арбакеши на своихъ двухколесныхъ арбахъ. Арбы имѣютъ видъ большихъ носилокъ съ длинными концами на одной сторонѣ; въ эти концы, служащія оглоблями, впрягается лошадь. Носилки утверждены на двухъ огромныхъ колесахъ, имѣющихъ въ діаметрѣ около трехъ аршинъ. Иногда арбы бываютъ крытыя, на подобіе будокъ или повозокъ Краснаго креста. Самъ арбакешъ сидитъ не въ арбѣ, а верхомъ на лошади.

Воду для питья въ русскомъ городѣ берутъ изъ родника, находящагося въ туземной части города, но туземцы этой воды не пьютъ.

IV.

Къ русскому городу, — какъ уже сказано выше, — прилегаеть туземный, рѣзко отличающійся отъ перваго. Средоточіе жизни туземнаго города составляетъ длинная улица, прорѣзывающая городъ отъ начала до конца. Улица эта—такой же ширины, какъ и улицы нашихъ городовъ, но, вмѣсто домовъ, по обѣимъ ея сторонамъ тянутся низенькія одноэтажныя зданія изъ сѣрой глины, въ которыхъ помѣщаются различныя лавки. Но это не тѣ лавки, которыя мы привыкли видѣть въ своихъ городахъ. Эти лавки не имѣютъ ни оконъ, ни дверей, а просто—передняя стѣна, сдѣланная изъ досокъ, разбирается. Въ лавкахъ нѣтъ ни шкафовъ, ни прилавковъ, ни вообще какихъ либо признаковъ лавочной мебели; покупатель не входитъ въ лавку, а покупаетъ нужное ему, стоя на тротуарѣ, тогда какъ продавецъ сидитъ на коврикѣ среди своихъ товаровъ. Войти въ туземныя лавки не представляется возможнымъ, такъ какъ большинство ихъ занимаютъ площадь не болѣе одной квадратной сажени, товары же расположены на полкахъ, а—

главное—на полу, такъ что входъ совершенно забаррикадированъ ими. Необходимо также принять во вниманіе, что входъ въ лавку не находится на уровнѣ тротуара, а возвышается надъ нимъ аршина на полтора. На этой же улицѣ, въ такихъ же лавкахъ, кузнецы, сапожники, токари, мѣдники и разные другіе мастеровые производятъ свои работы. Парикмахеры устраиваются прямо на улицѣ, а лѣтомъ и зимою тутъ же, подъ открытымъ небомъ, брѣютъ свои мусульманскія головы. Въ среду и воскресенье — базарные дни — на этой улицѣ, и на прилегающей къ ней въ среднѣй площади, происходитъ невообразимая толкотня. Массы сартовъ, узбековъ, киргизовъ и афганцевъ, въ халатахъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, заполняютъ улицу и пѣшкомъ, и верхомъ на лошадяхъ и ишакахъ (ослахъ). Верхомъ же они вѣзжаютъ прямо на тротуары, чтобы, не слѣзая, купить чего либо въ лавкѣ; верхомъ же вѣзжаютъ они и въ караванъ-сераи, нѣчто въ родѣ пассажа,—производя этимъ для непривычныхъ европейцевъ затрудненія и неудобства, что, однако, нисколько не смущаетъ ни туземную публику, ни туземцевъ городскихъ, равнодушно взирающихъ на это, какъ на явленіе самое обыкновенное. На площади, тамъ и сямъ, плотныя группы халатниковъ окружаютъ рассказчиковъ, кривляющихся на разные лады, при громкихъ крикахъ одобренія и восторга, или толпятся около *дивона* (юродивый), произносящаго свои проповѣди и прорицанія съ невѣроятной жестикуляціей и сильнымъ возбужденіемъ, которое, передаваясь слушателямъ, выражается какими-то протяжными полустонами и полувздохами. Вся эта толкотня и суетня напоминаетъ масляничныя гулянья на Царицыномъ лугу въ Петербургѣ, только тутъ больше пестроты, шума, а—главное—безпорядка. И все это повторяется регулярно каждые среду и воскресенье. Сюда собираются туземцы не за однимъ только дѣломъ и покупками, но и для *томаша*, т. е. удовольствія и развлечения, которые заключаются въ блужданіи съ мѣста на мѣсто и въ питьѣ чая. Чай пьютъ въ многочисленныхъ чай-хане, представляющихъ изъ себя такое же помѣщеніе, какъ и лавки, но бѣльшихъ размѣровъ; посѣтители размѣщаются на полу, устланномъ войлоками или коврами; имъ подаютъ на маленькомъ кругломъ мѣдномъ подносѣ: чайникъ завареннаго зеленого чая (туземцы пьютъ только зеленый чай) безъ сахара, но съ хлѣбомъ, имѣющимъ видъ толстаго блина и чашку. Если пьютъ нѣсколько человекъ вмѣстѣ, то имъ нужна все таки одна чашка, а не по числу пьющихъ; чашка эта послѣ каждаго глотка переходитъ къ другому и т. д. Чашки имѣютъ особую форму въ видѣ воронки, на узкомъ концѣ которой находится дно, а изъ верхняго, широ-

каго, пьютъ чай. Блюдечекъ къ чашкамъ не подается. Чашки эти, главнымъ образомъ, привозныя изъ Россіи, частью же китайской работы. Иногда къ чаю подается сушеный виноградъ. Чай заваривается изъ громадныхъ самоваровъ тульской работы. Лѣтомъ чай пьютъ не только въ самомъ чай-хане, но и возлѣ, располагаясь на войлокахъ, разстилаемыхъ для этой цѣли по тротуару и даже за тротуаромъ. Безъ чаю сартъ немислимъ, онъ пьетъ его много разъ въ день при всякомъ случаѣ, а потому и чай-хане такая масса. На базарѣ же, — такъ называется вся торговая улица, — жарятъ пирожки, варятъ пильмени, дѣлаютъ пилавъ и другія сартскія кушанья, которыя и съѣдаются, смотря по желанію потребителей, или въ помещеніи, гдѣ варятъ ихъ, или же прямо на улицѣ. На половинѣ улицы, — какъ я уже сказалъ выше, примыкаетъ къ ней съ одной стороны квадратная площадь, ограниченная улицею, а съ остальныхъ трехъ — зданія *медресе* (мусульманское высшее училище). Зданія эти имѣютъ со стороны площади девяносто семь футовъ высоты, со стороны же улицы только тридцать восемь футовъ. Со стороны улицы, дверей они не имѣютъ, но то тамъ, то здѣсь, безъ всякаго порядка и симметріи, виднѣются маленькія оконца безъ рамъ и стеколъ, изъ которыхъ иногда выглядываютъ головы мусульманскихъ студентовъ. Оконца эти, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Двери, ведущія въ каждое изъ этихъ трехъ зданій, находятся подъ громадными, достигающими самаго верха зданій, арками, выходящими на площадь (*реистанъ*). По угламъ, выходящимъ на площадь, возлѣ зданій, возвышаются *мунары*, т. е. башни, напоминающія своею формою фабричныя трубы; высота каждой башни—девяносто семь футовъ и тринадцать въ діаметрѣ. На вершину башенъ ведутъ, продѣланные внутри ихъ, узкіе проходы. Видъ съ башенъ открывается очаровательный. На востокъ и югъ виднѣются исполинскія горы въ сверкающихъ серебромъ снѣжныхъ покровахъ; на сѣверъ—холмистая горная возвышенность, освѣщенная солнечными лучами, кажется волнующимся моремъ огня. Подъ самыми же ногами раскинулся городъ, слившійся съ кишлаками, которые утопаютъ въ обильной растительности и уходятъ въ безпредѣльную даль, сивѣющую на горизонтѣ...

Однако, башни эти служили не для того, чтобы съ нихъ любоваться природою, а, до покоренія Самарканда русскими, съ нихъ сбрасывали преступниковъ, завязавъ ихъ предварительно въ мѣшокъ, а на площади такихъ же преступниковъ рѣзали большими ножами по горлу, какъ барановъ.

Самыя зданія *медресе* представляютъ собою громадныя четы-

рехугольники, стѣны которыхъ сдѣланы изъ кирпича, а съ наружной стороны, какъ и стѣны башенъ, выложены съ низу до верху мозаикою; внутри же они образуютъ вымощенные кирпичемъ дворы, очень напоминающіе собою театральныя залы тѣмъ, что имѣютъ по стѣнамъ въ нѣсколько ярусовъ ряды ложъ, съ дверью въ каждой. За этими дверями находятся комнатки преподавателей и воспитанниковъ, войти въ которыя можно внутренними коридорами. Крыша медресе плоская и сдѣлана изъ кирпича, самые же дворы не закрыты крышей. Ширина и длина каждаго изъ трехъ зданій равняется ста семидесяти пяти футамъ, а внутреннихъ дворовъ—девяносто восьми футамъ. Медресе господствуетъ надъ всѣми другими постройками, слявающимися одна съ другой своими кровлями. Впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ города есть еще нѣсколько, если не такихъ же обширныхъ, то не менѣе высокихъ зданій, и изъ нихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, мечеть Биби-ханымъ,—гдѣ похоронена жена Тамерлана, — частью уже разрушены, благодаря своей древности, а, главное, тому, что туземцы ровно ничего не дѣлали, чтобы предохранить ихъ отъ разрушающаго дѣйствія времени. Особеннымъ почетомъ мусульманъ пользуется мечеть *Тимура*. Мечеть эта, какъ и большинство древнихъ сооружений, выстроена Тимуромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Тамерлана, который изъ земледѣльца, благодаря своему уму и энергіи, при эмирѣ Гуссейнѣ, достигъ высокихъ государственныхъ должностей, а послѣ смерти послѣдняго, въ 1370 году, сдѣлался эмиромъ. Самъ Тимуръ, его учитель и нѣсколько лицъ изъ его семейства погребены въ этой мечети и памятники ихъ стоятъ посреди ея за общей оградой, сдѣланной изъ мрамора. Подъ мечетью находится нѣчто въ родѣ подвала, въ которомъ и вырыты могилы похороненныхъ, и надъ каждой изъ нихъ положена надгробная доска съ вырѣзанными на ней изреченіями изъ корана. Подваль этотъ, или пещера, имѣетъ кирпичныя стѣны полъ и потолокъ и освѣщается нѣсколькими салными свѣчами, вставленными въ большой деревянный подсвѣчникъ. Памятники погребеннымъ, находящіеся въ мечети, имѣютъ форму гробницъ; нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы изъ мрамора, одинъ изъ яшмы, а памятникъ самого Тимура сдѣланъ изъ двухъ кусковъ нефрита. Говорятъ, что прежде онъ состоялъ изъ цѣльнаго куска, но былъ разбитъ при похищеніи его ворами, которые, боясь погони за ними, бросили его. Похищали его уже не разъ, и увозили то въ Персію, то въ Китай, но все неудачно. Надъ могилой этого грознаго завоевателя развѣвается на длинномъ шестѣ съ мѣднымъ шаромъ конскій хвостъ — это его боевое знамя. Описываемая мечеть имѣетъ форму креста и увѣн-

чена куполомъ, а по угламъ ея фасада возвышаются двѣ такія же башни, какія и у медресе; одна изъ этихъ башенъ уже развалилась почти до половины. Внѣшняя мозаичная облицовка стѣнъ мечети мѣстами уже высыпалась, внутри же мечеть довольно грязна отъ паутины, пыли и летающихъ тамъ птицъ, свободно проникающихъ въ рѣшетчатыя, безъ стеколъ, окна. Нижняя облицовка стѣнъ, сдѣланная изъ сердолика, хотя и очень испарана, но почти вся сохранилась. Вообще въ Самаркандѣ, который считается «колыбелью среднеазиатскаго мусульманства», святыхъ довольно много. Къ наиболѣе почитаемымъ мечетямъ надо также причислить мечеть, называемую *Шай-Зинда*. Мечеть эта, по сартскимъ преданіямъ, выстроена на могилѣ святаго Шай-Зинда, жившаго когда-то давно и живымъ ушедшаго въ землю при взятіи Самарканда какимъ-то народомъ. По вѣрованію мусульманъ, этотъ Шай-Зинда живъ и теперь, и каждую пятницу выходитъ изъ земли черезъ имѣющееся въ ней отверстіе, на которое положенъ камень. И хотя въ этотъ день онъ разъѣзжаетъ по всему городу, однако, его никто не видитъ. Одинъ только разъ какому-то сарту удалось его увидѣть, но Шай-Зинда запретилъ ему говорить объ этомъ. Не смотря на запрещеніе, сартъ не могъ, однако, удержаться отъ того, чтобы не сообщить видѣннаго, и въ тотъ же моментъ онъ самъ, его домашніе и всѣ родственники ослѣпли, а теперь, по увѣренію рассказчиковъ, потомки его живутъ гдѣ-то въ Самаркандѣ и все также слѣпы; но, конечно, ни одинъ изъ рассказчиковъ не видалъ этихъ слѣпыхъ потомковъ. Такихъ святыхъ и рассказовъ о нихъ у мусульманъ очень много, и то тамъ, то здѣсь, можно встрѣтить шести съ привязанными къ нимъ клинообразными кусками какой нибудь матеріи, которые указываютъ, что здѣсь могила святаго, и сартъ, проходя или проѣзжая мимо такого мѣста, непременно проведетъ ладонями рукъ по лицу и бородѣ, что означаетъ поклоненіе и почтеніе.

Сарты говорятъ, что съ приходомъ сюда русскихъ, всѣ святые вышли изъ своихъ могилъ и скрылись въ горы, но возвратятся обратно тогда, когда христіане опять будутъ изгнаны, что должно произойти, по ихъ мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ Самаркандъ подпалъ подъ владычество христіанъ на опредѣленный срокъ. Легенды о прежде жившихъ и теперь живущихъ святыхъ здѣсь цѣлая масса, и притомъ самыхъ невѣроятныхъ.

Верстахъ въ двухъ за туземнымъ городомъ, на сѣверѣ, виднѣются остатки древняго города. Здѣсь есть пещеры и подземные ходы, къ которымъ туземцы питаютъ суевѣрный страхъ, увѣряя, что тамъ дьяволы сторожатъ громадныя богатства, спрятанныя ка-

кимъ-то древнимъ завоевателемъ Самарканда—Афросіабомъ. Впрочемъ, на поверхности почвы нѣкоторые промышляютъ собираніемъ бирюзы, гранатъ, а подчасъ и алмазовъ и, говорятъ, настолько удачно, что это составляетъ ихъ постоянную профессію.

Ни одна изъ современныхъ мечетей, которыхъ здѣсь около сотни, не представляетъ чего либо интереснаго ни въ архитектурномъ, ни въ археологическомъ отношеніяхъ. Это небольшія четырехугольныя зданія съ плоскими крышами, иногда съ маленькимъ минаретомъ, чаще же безъ него; съ широкими террасами съ двухъ сторонъ или только съ одной. Навѣс надъ террасами поддерживается деревянными столбами съ примитивными рѣзными украшеніями. Иногда столбы, карнизы и потолокъ террасъ раскрашены разными яркими красками безъ всякаго стиля, но пестро, въ противоположность мозаичнымъ рисункамъ на древнихъ сооруженіяхъ. Мечети имѣютъ довольно большія окна, въ которыхъ вставлены рамы съ очень мелкими рѣшетками, но вмѣсто стеколъ, въ нихъ наклеена промасленная бумага. Возлѣ каждой мечети имѣется небольшая площадка, саженой въ шесть длины и столько же ширины. Площадки эти всегда усажены тутомъ, а посрединѣ площадки вырыта квадратная яма около сажени глубиною, и сажени четыре въ діаметрѣ. Яма эта постоянно наполнена водою изъ арыковъ и служитъ водоемомъ, изъ котораго всѣ прихожане мечети берутъ воду для домашняго употребленія. Вода эта мягче воды, употребляемой населеніемъ русской части города, но зато она изобилуетъ множествомъ мелкихъ водяныхъ животныхъ и микроорганизмовъ, которые бывають иногда причиною болѣзни, называемой *ришта*, которая заключается въ томъ, что на тѣлѣ появляется гнойная рана, изъ которой высовывается очень тонкій червячекъ, который вынимается постепенно накатываніемъ на палочку, но такъ какъ червячки длинны и тонки, то операція вытягиванія длится нѣсколько дней.

При мечетяхъ же имѣются небольшія школы для мальчиковъ, въ которыхъ ученики учатся, также какъ и у насъ, только зимою. Школа—это домикъ въ одну комнату, аршинъ двѣнадцать длины и пять ширины, безъ оконъ, которыя замѣняетъ рѣшетчатая дверь. Никакихъ признаковъ мебели въ школѣ не имѣется. Учитель и ученики садятся прямо на полу. Крики учащихся разносятся далеко за предѣлы школьнаго помещенія. Всѣ читаютъ размѣренно; слегка на распѣвъ, и раскачиваясь въ тактъ. Подчасъ это ритмическое чтеніе нарушается неистовыми воплями кого либо изъ провинившихся учениковъ, надъ которымъ педагогъ совершаетъ экзекуцію толстой нагайкой безъ всякаго милосердія. Кромѣ чтенія, учитель читаетъ своей аудиторіи и лекціи, напримѣръ, изъ космографіи,

въ которыхъ онъ сообщаетъ самыя точныя свѣдѣнія о семи земляхъ, о семи небесахъ, о большомъ быкѣ, поддерживающемъ всѣ семь земель и въ свою очередь покоящемся на громадной рыбѣ. Приводитъ подробности о размѣрахъ земли, имѣющей форму квадрата и тому подобныя, строго научныя, данныя... Г. Смирновъ говоритъ въ своей географіи, что почти всѣ сарты грамотны, что мальчики обязательно посѣщаютъ школы, а дѣвочки учатся у жонгъ муллы. Ничего подобнаго нѣтъ. Никакого обязательнаго ученя у сартовъ не существуетъ, и громадное большинство ихъ неграмотны; что же касается грамотныхъ женщинъ, то онѣ составляютъ очень рѣдкое исключеніе. Грамотнаго сарта можно сейчасъ же узнать по чалмѣ, конецъ которой онъ закладываетъ на верхъ, тогда какъ неграмотный этой привилегіи не имѣетъ, за исключеніемъ *хаджи*, т. е., такого, который побывалъ въ Меккѣ. У неграмотнаго конецъ чалмы спускается съ боку на грудь. Кромѣ того, грамотный сартъ имѣетъ титулъ «*мулла*» прибавляемый къ его имени, напримѣръ—мулла-Гасанъ, мулла - Керимъ. Мулла — это есть титулъ всякаго грамотнаго, а не названіе духовнаго лица, какъ нѣкоторые думаютъ; духовное же лицо, совершающее всѣ требы и состоящее при всякой мечети, называется *имамомъ*, а находящіеся при мечетяхъ Тимура и другихъ носятъ названіе *хатиба*, который есть высшее духовное лицо и никакихъ требъ не исполняетъ, а совершаетъ лишь общественныя богослуженія въ пятницы и праздники.

Туземный *городъ* ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, что мы привыкли понимать подъ этимъ названіемъ. Здѣсь нѣтъ ни тротуаровъ и мостовыхъ, ни большихъ домовъ и магазиновъ, ни фонарей, хотя бы для самаго скуднаго освѣщенія. Улицы не представляютъ собою болѣе или менѣе правильныхъ линій, а узкими коридорами извиваются на подобіе какой нибудь маленькой рѣчки,—такъ что по прямому направленію нельзя сдѣлать и полусотни шаговъ,—развѣтвляются, перекрещиваются, сливаются вмѣстѣ и вдругъ прекращаются такъ неожиданно, что непривычному человѣку нетрудно заблудиться въ этомъ лабиринтѣ. Улицы до того узки, что только по нѣкоторымъ можно проѣхать въ экипажѣ, но разѣхаться при встрѣчахъ уже невозможно, а по всѣмъ другимъ можно только ходить или ѣздить верхомъ. Однако, для туземцевъ это никакого неудобства не причиваетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ экипажей, а ѣздятъ они всегда только верхомъ на лошади или ослѣ; также ѣздятъ женщины и дѣти. Нерѣдко можно видѣть по два, даже по три человѣка, сидящими верхомъ на одной лошади. Если перевозится какая либо кладь, то она навьючивается на осла или верблюда. Такіе же

предметы, какъ напримѣръ, бревна, привязываются концами къ сѣдлу, по одному съ каждой стороны лошади, и такъ перевозятся.

Домъ не выходитъ на улицы, а образуются они изъ непрерывнаго ряда глиняныхъ стѣнъ, аршинъ въ пять вышиною; однообразіе нарушается только попадающимися иногда лавочками, мечетями, или старыми кладбищами, которыхъ немало. Въ стѣнахъ имѣются низенькія двери, ведущія во дворъ, который всегда раздѣленъ на двѣ половины; въ первой обыкновенно устроены навѣсы для лошадей и складыванія кормовыхъ запасовъ для животныхъ. Въ этой же половинѣ двора находится комната, служащая для приѣма гостей-мужчинъ. Во второй, болѣе чистой, половинѣ двора находятся кладовыя и такая же комната, какъ и въ первой половинѣ;—эта комната назначается для жилья; у нѣкоторыхъ бываетъ выстроено по двѣ, а иногда и по три такихъ комнаты, стоящихъ или рядомъ, или въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ же дворѣ принимаются гости-женщины, и тогда хозяинъ и вообще мужчины должны уйти съ этой половины двора; постороннимъ же мужчинамъ входъ въ эту половину двора безусловно возбраняется. Хотя женщины и ходятъ въ гости къ своимъ знакомымъ, но дѣлаютъ это однако рѣдко, такъ какъ выходить изъ дому считается неприличнымъ, а молодыя женщины и совсѣмъ никуда не ходятъ, развѣ только очень рѣдко къ своимъ родителямъ. Комнаты, какъ для жилья, такъ и для приѣма гостей, дѣлаются почти у всѣхъ одной мѣры; аршина четыре ширины и аршинъ восьми длины, безъ оконъ, съ двумя дверями въ одной изъ двухъ длинныхъ стѣнъ. Въ срединѣ, между дверей, имѣется ниша; три такихъ же ниши дѣлаются въ одной изъ короткихъ стѣнъ и служатъ помѣщеніемъ для посуды, которая заключается въ мѣдныхъ котелкахъ, подносахъ, кувшинахъ и самоварахъ туземной работы. Сартскій самоваръ сдѣланъ на подобіе кувшина съ очень узкимъ горлышкомъ, а вмѣсто крана къ нему придѣланъ длинный носикъ, какъ у чайника.

Стѣны комнатъ у богатыхъ или зажиточныхъ людей оштукатурены и на нихъ бываютъ нарисованы уродливые чайники, какія-то фантастическія деревья и цвѣты. Полъ устилается тростниковыми циновками, застланными войлокомъ, сверхъ котораго разостланы ковры и стеганья одѣяла. Недалеко отъ одного изъ угловъ сдѣлано маленькое квадратное углубленіе, въ которое зимою насыпаютъ горячихъ углей для согрѣванія, такъ какъ печей въ комнатахъ нѣтъ. Надъ углубленіемъ поставленъ маленькій столикъ въ половину аршина высоты и въ аршинъ длины и ширины; столикъ этотъ, называемый *сандали*, покрывается одѣяломъ; обитатели комнаты въ

холодное время садятся вокруг столика и прикрываются опускающимися съ него концами одеяла, подъ которымъ скопляется тепло отъ горячихъ углей; двери же комнаты, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, остаются открытыми. Спать на полу также около этого столика, расходясь отъ него лучеобразно во всѣ стороны. Какъ хане, т. е. жилища, такъ и всѣ постройки дѣлаются изъ сырой глины, набиваемой въ остовъ изъ тонкихъ жердей; потолокъ состоитъ изъ ряда балокъ, на которыхъ, вмѣсто досокъ, положены выструганныя палочки, прикрытыя сверху циновкой, на которую насыпана земля служащая крышей; для прочности крыша смазывается жидкой грязью. Такой плоской крышей обнесень весь дворъ; къ нему непосредственно примыкаетъ сосѣдній и т. д., а поэтому часто можно видѣть идущихъ по крышамъ дѣтей и женщинъ, но мужчинамъ ходить по нимъ нельзя, чтобы они не могли увидать чужой женщины безъ покрывала въ какомъ нибудь дворѣ.

IV.

Сартъ очень рѣдко бываетъ дома; онъ или идетъ торговать, работать, или просто бродить безъ дѣла по базарной улицѣ, или сидеть гдѣ либо у лавочки. День у сартовъ начинается рано—часовъ съ пяти, когда они отправляются по зову муэдзина въ мечеть. Возвратясь изъ мечети, куда ходятъ только одни мужчины, семья пьетъ чай съ блиновидными хлѣбами; ѣсть, смотря по сезону, или свѣжіе фрукты, или сухой виноградъ. Зимой утренній чай заваривается не изъ самовара, а варится въ котелкѣ съ молокомъ и солью. Обыкновенно сарты, выпивъ чайный настой, съѣдаютъ и самые листья, которые имъ кажутся очень вкусными. Послѣ чая всѣ мужчины расходятся по своимъ дѣламъ, а женщины или шьютъ одежду, или занимаются какими либо другими женскими работами. Часовъ около двѣнадцати снова чай, хлѣбъ и фрукты. Только часовъ въ восемь начинаютъ обѣдать. Обѣдъ варится на дворѣ; для этой цѣли имѣется небольшой глиняный очагъ, въ верхнее отверстіе котораго ставится котелъ. Обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ одного кушанья,—или пильменей, или *шурты*—супа изъ фруктовъ и овощей, или, въ большинствѣ случаевъ, изъ любимаго національнаго кушанья—*пилава*. Пилавъ дѣлается изъ риса, который предварительно распаривается и затѣмъ жарится въ бараньемъ жиру, съ небольшимъ количествомъ бараньяго же мяса, морковью, перцемъ и маленькими кислыми ягодами, называемыми *каракотъ*. Это кушанье довольно вкусно. Послѣ обѣда слѣдуетъ чай, а часовъ въ девять всѣ ложатся спать. Сарты любятъ одѣваться очень пестро.

На головѣ они носятъ расшитый или парчевый колпакъ, а поверхъ его чалму, которая бываетъ всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, но всего красивѣе чалма бѣлая. Обувь состоитъ или изъ сапогъ съ высокими остроконечными каблуками, или, въ большинствѣ, изъ *ичиковъ*, т. е. сапогъ, сдѣланныхъ изъ мягкой кожи съ мягкими же подошвами — нѣчто въ родѣ кожаныхъ чулокъ; съ верху ичиковъ одѣваются кожаныя же калоши съ высокими каблуками. При входѣ въ мечеть, въ комнату, или же на разостланный по землѣ для чаепитія войлокъ, калоши снимаются; входить въ калошахъ или въ той же обуви, въ которой ходили по землѣ, считается грѣхомъ. Поверхъ рубахи сарты носятъ халаты, которыхъ они надѣваютъ по два, по три. Халаты не растягиваются; только, надѣтый подъ верхнимъ подвязывается поясомъ, т. е. просто кускомъ матеріи, или кисеи, всегда семи аршинъ длиною; этотъ поясъ служитъ съ тѣмъ вмѣстѣ и карманомъ; сартъ все закладываетъ въ его складки, — и деньги, и тыквенный флаконъ съ табакомъ, и многое другое. У богатыхъ или щеголей, вмѣсто такого пояса, употребляется широкой, вышитый шолкомъ и весь усаженный серебряными бляхами, достигающими размѣровъ небольшого чайнаго блюдечка и очень часто усаженными бирюзой. Халаты шьютъ изъ свѣтло-синяго сукна, больше же изъ пестрыхъ шолковыхъ матерій и ситцевъ. Въ противоположность мужской одеждѣ, верхняя одежда женщинъ разнообразіемъ цвѣтовъ не отличается. Дома женщины носятъ длинную рубаху, иногда бѣлую, иногда же цвѣтную, и такіе же шаровары изъ ситца, а у зажиточныхъ изъ шолковой матеріи; на ногахъ — башмаки съ высокими каблуками, а на головѣ повязку, похожую на высокій цвѣточный горшокъ, перевернутый вверхъ дномъ. Волосы заплетаются въ массу косъ, висащихъ сзади и по бокамъ. На улицѣ женщины надѣваютъ одежду, похожую на халатъ, но не имѣющую рукавовъ. Халатъ этотъ надѣваютъ не на плечи, а на голову, и изъ-подъ него выступаетъ только лицо, но оно закрыто густой сѣткой, оплетенной изъ черныхъ волосъ конскаго хвоста. Цвѣтъ женскаго халата всегда одинъ и тотъ же — сѣровато-синій. Дѣвочки лѣтъ до десяти ходятъ, не закрывая лица сѣткой. Какъ мужчины, такъ и женщины очень любятъ смотрѣться въ зеркало и питаютъ особенное пристрастіе къ духамъ; кромѣ того, женщины чернятъ себѣ рѣсницы, зубы и брови, проводя черту отъ одного виска до другаго безъ всякаго перерыва, и нисколько не заботятся о томъ, чтобы она совпала съ естественными бровями; этѣ ихъ очень безобразить. Ногти на рукахъ, а иногда и на ногахъ, окрашиваютъ въ ярко-красную краску. Черты лица сартовъ правильны и не имѣютъ ничего общаго ни съ монгольскимъ, ни съ персидскимъ типами, а

напоминаютъ европейскіе народы. Головы, т. е. строеніе черепа, у многихъ изъ нихъ имѣетъ антропологическій интересъ, представляя уклоненія отъ нормы; можно встрѣтить черепъ, до того сжатые съ боковъ, что они имѣютъ видъ кукурузнаго зерна; у другихъ затылокъ представляетъ ровную площадку съ наклономъ отъ темени къ заду.

Женщины, также какъ и мужчины, иногда курятъ *чилимы*, т. е. кальянь; другаго способа куренья табаку у сартовъ нѣтъ. Курятъ, впрочемъ, не всё; много сартовъ жуютъ мелкій чернѣй или зеленѣй табакъ, называемый *носъ*. Любятъ также жевать *сакмычъ*,—какую-то желтую смолу безъ всякаго вкуса и запаха. Попадаются и субъекты, курящіе опій.

Дѣтямъ,—какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ,—голова брѣютъ, но у дѣвочекъ на вискахъ и затылкѣ волосы остаются нетронутыми и заплетаются въ нѣсколько мелкихъ косъ; у мальчиковъ же часто оставляется на затылкѣ влокъ волосъ, который, какъ у китайцевъ, заплетается въ одну косу.

Себя и дѣтей сарты любятъ обвѣшивать амулетами, которые состоятъ изъ длинной, узкой полоски бумаги, плотно скатанной въ трубку и вложенной въ кожаный или металлическій футляръ, прикрѣпленный къ одеждѣ. Бумажки изготовляются имамами и продаются желающимъ по 1—2 рубля. Назначеніе амулетовъ различно: отъ бессонницы, для отогнанія злыхъ духовъ, для защиты отъ разбойниковъ и т. д.

Своихъ дѣтей сарты обрѣзаютъ; и этотъ день составляетъ торжество: рѣжутъ барана, варятъ нѣсколько пудовъ пилава (полова) и сзываютъ гостей. Отрѣзываніе косы у мальчиковъ сопровождается также торжествомъ. Особенно большое празднество составляетъ свадьба. Сарты женятся лѣтъ пятнадцати, но это далеко не составляетъ общаго правила, и многіе женятся довольно поздно. Прежде всего отыскиваютъ подходящую невѣсту, которую смотрятъ мать жениха и его родственницы. Послѣ этого, между отцомъ жениха и отцомъ невѣсты слѣдуетъ торгъ о *калымѣ*, т. е. выкупѣ, который долженъ быть данъ за невѣсту. Калымъ бываетъ отъ пятидесяти рублей и больше, смотря по состоянію. Когда торгъ оконченъ, отдается половина калыма и назначается день свадьбы, по приближеніи котораго отецъ жениха покупаетъ четырехъ барановъ, корову и одну козу. За два дня передъ свадьбой, два барана, корова и коза отсылаются въ домъ невѣсты, туда же отправляютъ рисъ, морковъ и дрова для варки пилава; посылаются даже одѣяла, на которыхъ будутъ сидѣть гости. Черезъ день послѣ этого, вечеромъ, женихъ со своими родными и знакомыми отправляется за невѣстой.

Здѣсь слѣдуетъ угощеніе: каждыя три человѣка получаютъ блюдо пилава и по одному хлѣбу. Приглашенный имамъ читаетъ положенныя молитвы, что составляетъ обрядъ вѣнчанія, но невѣста лица не открываетъ. Жениху дарятъ хорошій халатъ, сапоги и даже бѣлье, которое онъ тутъ же и надѣваетъ. Часа черезъ два всѣ отправляются въ домъ жениха; невѣста ѣдетъ верхомъ на лошади вмѣстѣ со своимъ братомъ или, за неимѣніемъ его, съ другимъ родственникомъ, покрытая сверхъ головы особымъ вышитымъ покрываломъ, которое совершенно скрываетъ всю ея фигуру. Впереди идутъ мальчики съ горящими факелами, сдѣланными изъ тряпокъ, привязанныхъ къ палкѣ и пропитанныхъ масломъ. По прибытіи процессіи къ жениху, на первомъ дворѣ невѣста встрѣчается отцомъ жениха. Среди двора зажигается костеръ, вокругъ котораго обводится невѣста, сидящая на лошади, послѣ чего она, вмѣстѣ съ другими женщинами, удаляется во второй дворъ; здѣсь ее проводятъ въ комнату, приготовленную для новобрачныхъ, которая украшается присланнымъ передъ этимъ приданымъ, заключающимся въ кускахъ вышитой матеріи (преимущественно кисея, коленкоръ и красный ситецъ), одѣяль, которыхъ у сартовъ всегда много, и мѣдныхъ кувшиновъ. Въ этой комнатѣ, вмѣстѣ съ молодыми, остаются ночевать и прибывшія женщины, но новобрачные помѣщаются за шолковой занавѣсью. Мужчины частію расходятся по своимъ домамъ, частію остаются ночевать и спать въ комнатѣ для гостей. Въ этотъ день никакихъ угощеній, кромѣ чая и жидкой рисовой каши, не бываетъ. Съ утра слѣдующаго дня начинаются приготовленія къ приему гостей; рѣжется одинъ изъ двухъ оставшихся барановъ, приносится громадный чугунный котелъ изъ мечети (въ каждой мечети имѣются, для надобностей прихожанъ, большіе котлы), въ которомъ приглашенный для этого специалистъ готовитъ очень вкусный пилавъ пудовъ изъ двѣнадцати, или больше, рису. Оставшіеся ночевать гости помогаютъ, то разводя огонь, то очищая морковь и т. д. Наконецъ, часамъ къ двѣнадцати, пилавъ готовъ. Начинаютъ являться гости, въ числѣ которыхъ бываютъ не только знакомые, но и всѣ сосѣди, всѣ прихожане мечети. На каждыхъ трехъ человѣкъ даютъ блюдо пилава и три хлѣбца, получивъ которые, гости усаживаются или на дворѣ, или на крышѣ, смотря по желанію; съѣдаютъ свой пилавъ, выпиваютъ чайникъ и тотчасъ же уходятъ, унося каждый свой хлѣбецъ, — и такъ продолжается непрерывно: одни приходятъ, другіе уходятъ. Пилавъ, какъ и всегда, ѣдятъ прямо руками, безъ помощи вилокъ или ложекъ (жидкія кушанья сарты ѣдятъ ложкой особеннаго устройства, причѣмъ ложка бываетъ одна, не смотря на число обѣдающихъ и передается поочередно

отъ одного другому). Обязанности хозяина заключаются въ томъ, что онъ стоитъ у воротъ и, когда всякій выходящій, приложивъ къ груди руку, говоритъ ему, кланаясь, привѣтствіе, онъ съ такимъ же поклономъ отвѣчаетъ. Имамы получаютъ вмѣсто одного — два хлѣбца, а почетные гости, кромѣ того, по горсти туземныхъ лакомствъ; самымъ же почетнымъ даютъ ящичекъ съ сахаромъ — фунта два, а иногда и маленькія головки сахару. Женщины угощаются во второмъ дворѣ. Во время этого пиршества бываетъ и музыка, т. е. барабанъ и очень пискливая дудка, визжащая всегда на одинъ и тотъ же монотонный мотивъ; съ музыкантами приходятъ *бачи*, т. е. мальчики, которые улаждаютъ зрителей пляской и кувырканьемъ. Впрочемъ, музыканты остаются очень недолго и скоро уходятъ. Часа черезъ три все громадное количество сдѣланнаго пилава съѣдается, и если появляются запоздавшіе гости, то сейчасъ же уходятъ, видя, что блюда уже моются.

Черезъ два дня послѣ описаннаго пиршества, то же самое происходитъ въ домѣ отца невесты, въ которому наканунѣ отсылается послѣдній изъ четырехъ куленныхъ барановъ. На свадьбу гости приходятъ въ праздничной одеждѣ, хозяинъ же и всѣ его домашніе остаются въ старой. Отъ отца невесты новобрачный получаетъ халатъ, и его родственникамъ тоже дарятъ по халату. Тѣмъ свадьба и кончается; жизнь входитъ въ обычную колею; только новобрачная освобождается на одинъ мѣсяць отъ всякой работы и ровно ничего не дѣлаетъ; первые же три дня она и въ своей комнатѣ все время стоитъ у дверей съ лицомъ, закрытымъ кисеей, да въ теченіе шести мѣсяцевъ молодой мужъ не имѣетъ права бить свою жену. Хотя сарты, какъ мусульмане, имѣютъ право держать по нѣскольку жонъ, однако, большинство держитъ только по одной женѣ, а двоеженцевъ можно встрѣтить очень рѣдко, и обычаемъ это не одобряется. Гораздо чаще бываютъ разводы, для которыхъ со стороны мужа достаточно сказать женѣ *«айда талакумъ»*, т. е. иди, я развожусь; а со стороны жены — предъявить судѣ сдѣланный ей мужемъ на тѣлѣ синякъ. Кромѣ свадьбы, важнымъ событіемъ въ семьѣ бываетъ смерть кого либо изъ ея членовъ. Какъ только кто либо умеръ, женщины сейчасъ же поднимаютъ вой, на который со всѣхъ сторонъ начинаютъ сходиться женщины сосѣднихъ домовъ, присоединяя свой голосъ къ общему концерту, звуки котораго далеко разносятся, привлекая все новыхъ и новыхъ посѣтителей. Дворъ наполняется народомъ, и всѣ прилегающія крыши заполнены женщинами. Общій вой прекращается, и теперь одна женщина дѣлаетъ на распѣвъ громкій выкрикъ, а хоръ остальныхъ подхватываетъ припѣвъ: «и—й!» ко-

торый чередуется съ другимъ, отрывистымъ—«га!» вырывающимся изъ всёхъ грудей, какъ по командѣ. Между тѣмъ, покойника вымываютъ, укладываютъ на очень узкія носилки, надъ которыми устанавливаютъ какое-то подобіе балдахина изъ яркой шелковой матеріи, несутъ въ мечеть, а оттуда на кладбище, гдѣ зарываютъ въ могилѣ, безъ гроба, въ одномъ бѣльѣ. Женщины въ похоронной процессіи не участвуютъ, а сидятъ дома и испускаютъ вопли. Вопли эти повторяются по нѣскольку разъ въ день, иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

V.

Праздниковъ у сартовъ очень немного: *Новый годъ, Рамазанъ* и *Курбанъ*. Празднику «Рамазанъ» предшествуетъ тридцатидневный постъ, называемый *Руза*. Постъ этотъ очень своеобразенъ: весь день, до захода солнца, сарты ничего не ѣдятъ, не пьютъ и даже не курятъ, но тотчасъ же послѣ солнечнаго захода начинаютъ ѣсть, пить чай и курить, и ѣдятъ тогда больше, чѣмъ въ обыкновенное время. Поѣвъ вечеромъ, часовъ около двухъ ночи они встаютъ, снова ѣдятъ и опять укладываются спать. Въ Рузу, днемъ, стараются спать, а ночью, когда можно ѣсть, бодрствуютъ. Я сказалъ, что въ Рузу ѣдятъ больше, чѣмъ когда либо, и къ обычнымъ блюдамъ прибавляются варенье и всевозможныя туземныя лакомства, которыми въ дни этого поста все наводнено; но главный предметъ потребленія составляетъ *нишалла*, которую ежедневно покупаютъ даже самые бѣдные сарты. Нишалла—это яичные бѣлки, взбитые съ сахаромъ или съ винограднымъ медомъ (*шинни*) и приправленные имбиремъ. По виду это напоминаетъ наше сладкое—зефиръ. Въ самый день праздника Рамазана, сарты отправляются въ *Намазга*. Намазга—это большое зданіе изъ кирпича, съ куполообразной крышей, съ одной стороны открытое. Зданіе это окружено большимъ паркомъ изъ тутовыхъ деревьевъ. Послѣ молитвы, въ паркѣ начинаются всевозможныя развлечения въ туземномъ вкусѣ: питье чая, сласти, качанье на качеляхъ и музыка. Женщины, конечно, не бываютъ въ Намазгѣ, а развлекаются посѣщеніемъ другъ друга. Намазга оживляется только въ день Рамазана, во все же остальное время года, она никѣмъ не посѣщается, а въ паркѣ ходятъ чьи либо лошади, или мальчишки лазать по деревьямъ.

Курбанъ празднуется три дня въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраамомъ своего сына Исаака. Въ этотъ праздникъ зажи-

точные сарты рѣжутъ барановъ, дѣлають пилавъ и приглашаютъ сосѣдей и знакомыхъ.

Въ Новый годъ устраивается игра, называемая *кубкарн*, которая состоитъ въ томъ, что покупается въ складчину коза. Желающіе принять участіе въ игрѣ собираются верхами на площадкѣ. Одинъ изъ числа играющихъ беретъ къ себѣ на сѣдло зарѣзанную козу и вывѣзжаетъ на средину площадки; по данному знаку всѣ играющіе ѣдутъ за нимъ и стараются его поймать, причемъ схватываютъ руками козу за ухо, за ногу и т. д., и продолжаютъ эту игру до тѣхъ поръ, пока вся коза не будетъ истерзана на куски. Впрочемъ, Новый годъ вообще мало празднуется.

Свой недѣльный праздникъ — пятницу — сарты не выдѣляютъ изъ остальныхъ дней недѣли, и за исключеніемъ *уста* и *мардекоровъ*, — т. е. мастеровыхъ и рабочихъ по профессіи, — всѣ работаютъ.

Нищихъ у сартовъ довольно много; иные ходятъ по домамъ и громогласно выкрикиваютъ, другіе стоятъ на базарѣ; но, кромѣ этихъ обыкновенныхъ нищихъ, существуетъ особая корпорація — *календарей*. «Календари» живутъ въ особомъ зданіи, называемомъ *календарь-хана* и, какъ особый знакъ своего званія, носятъ высокую остроконечную шапку, вышитую пестрымъ рисункомъ и опущенную кругомъ короткой бахромой. «Календари» ходятъ по базару толпой, распѣвая священныя пѣсни, а двое изъ нихъ идутъ по противоположнымъ сторонамъ улицы, подходя къ каждой лавкѣ, изъ которой имъ подають какую либо мелкую монету, преимущественно *чоку*. Говоря о чохѣ, необходимо замѣтить, что въ Самаркандѣ находятся въ обращеніи, — кромѣ русскихъ денегъ, — еще бухарскія: танги, чохи и тиллы. *Танга* — серебряная монета величиною въ наши десять копѣекъ, но толще, и имѣетъ цѣнность шестнадцати копѣекъ. Эта монета служитъ единицею счета. Кромѣ серебряной танги, есть мѣдная, которая называется черной; это очень тонкій неровный кружокъ цѣнностью въ четыре копѣйки. Чохи — мѣдные гладкіе кружки величиною въ серебряную тангу и цѣною въ четверть копѣйки. *Тиллою* называется золотая монета, содержащая въ себѣ сорокъ тангъ, но тиллы не такъ часты, чохи же и танги есть въ каждой лавкѣ и у каждого сарта; въ кишлакахъ же, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ города, русскую монету не всегда можно сдать: тамъ ее не знаютъ и будутъ требовать туземныхъ денегъ, которыми для такихъ случаевъ и слѣдуетъ запасаться.

Впрочемъ, кромѣ денегъ, для туземцевъ сохранено и народное управленіе. Самаркандская область раздѣляется на уѣзды, началь-

никами которых состоятъ русскіе. Уѣздъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на волости, управляемыя волостными правителями изъ туземцевъ. Волостнымъ правителямъ подчинены старшины, а этимъ послѣднимъ—старосты.

Въ судебномъ отношеніи уѣздъ раздѣляется на нѣсколько участковъ, подвѣдомственныхъ *казы*, т. е. народному судѣ, избираемому туземнымъ населеніемъ изъ своей среды. Казы разбираетъ всѣ гражданскія дѣла, возникающія между сартами, независимо отъ суммы иска, дѣла гражданскія и тѣ изъ уголовныхъ, которыя не подлежатъ разсмотрѣнію областного суда. Апелляціонная жалоба на рѣшеніе казы приносится въ *салъзъ*, т. е. сѣздъ народныхъ судей. Какъ ни странно это на первый взглядъ, но сарты всячески стараются избѣжать суда у своего казы, а предпочитаютъ судъ русскій, хотя это имъ не всегда удается ¹⁾. Явленіе это объясняется тѣмъ, что казы далеко не всегда свободны отъ пристрастія—и богатство или общественное положеніе тяжущихся оказываютъ немалое вліяніе на рѣшеніе разсматриваемаго дѣла; при судопроизводствѣ, казы руководствуются не русскими законами, а мусульманскимъ шаріатомъ. Въ общемъ судопроизводство, — какъ сознаютъ и сами туземцы, — поставлено у нихъ очень не рационально и какъ процессуальная, такъ и догматическая стороны имѣютъ массу крупныхъ недостатковъ, входитъ въ подробное обсужденіе которыхъ не мѣсто въ бѣгломъ очеркѣ.

Кромѣ выше описанныхъ должностныхъ лицъ, существуютъ еще разные *аксакалы*: для наблюденія за ирригаціей (*ариезъ-аксакалы*), торговые и т. д. Вся эта туземная бюрократія пользуется у своихъ соплеменниковъ очень большимъ внѣшнимъ почетомъ.

Такимъ образомъ, туземное населеніе пользуется здѣсь бѣльшими правами и преимуществами сравнительно съ русскимъ, у котораго выборныхъ должностей нѣтъ, и даже должность городского головы вездѣ соединена въ одномъ лицѣ съ должностью уѣзднаго начальника.

Угнетенные до прихода русскихъ прежними суровыми порядками, сарты, боявшіеся громко разговаривать или собираться на улицахъ, теперь «развернулись», и не въ рѣдкость видѣть пьяную компанію сартовъ, вѣдущихъ, развалиясь, на извозникахъ и громко горланящихъ свои пѣсни или издающихъ пронзительные крики,— и это не въ туземномъ только городѣ, какъ не въ туземномъ же, а въ русскомъ городѣ можно видѣть лошадей, поставленныхъ прямо

¹⁾ Любопытно отмѣтить, что мы сами *навязываемъ* инородцамъ тѣ учрежденія, которыми они тяготеяся и охотно промѣняли бы ихъ на общерусскія, государственныя.

на тротуарѣ и мѣшающихъ проходу, приче́мъ сартъ сидитъ гдѣ либо тутъ же и спокойно наблюдаетъ, какъ вы стараетесь обойти его лошадей, для чего иногда приходится залѣзать въ грязь.—Лѣтомъ можно часто услышать пѣніе трезвыхъ сартовъ — очень похожее на заунывный вой—подъ дребезжащія звуки *сантура* (трех-струнный инструментъ) или громкое рѣжущее слухъ оравіе. Словомъ пѣніе это таково, что лучше его, не слышать...

VI.

Сартъ, житель города, совершенно освоился съ европейской культурой, но онъ понялъ ее по своему и пользуется ею очень односторонне, т. е. постольку, поскольку она можетъ дать ему личныя матеріальныя выгоды. Дѣйствіе цивилизаціи отразилось не на улучшеніи жизненныхъ удобствъ или общественнаго благополучія, а проявилось, напримѣръ, въ умѣннѣ взять изъ Москвы товаръ «въ кредитъ» и потомъ, объявивъ себя несостоятельнымъ, не заплатить за него; въ ростовщичествѣ и писаніи векселей на сумму, превышающую долгъ и т. д.

Сартъ очень хитеръ и лживъ, и полагаются на всѣ его слова, увѣренія и обѣщанія — значить дать себя обмануть. При продажѣ своего товара, онъ всячески старается обмѣрить, обвѣсить, сорвать лишнія деньги, и все это самымъ безцеремоннымъ образомъ, а сартъ-полицейскій вмѣсто того, чтобы смотрѣть за продѣлками торговца, сидитъ около чайника или, полулежа, раскуриваетъ кальянъ. Впрочемъ, этическія воззрѣнія сарта-полицейскаго — тѣ же самыя, что и сарта-торговца, и въ образѣ своихъ дѣйствій онъ ничего предосудительнаго не видитъ. Сартъ по натурѣ торгошъ, и какъ у кавказскихъ горцевъ уваженіемъ пользуются отчаянные головорѣзы, такъ у сарта въ почетѣ ловкій спекулянтъ; а потому всѣ приемы торговли, считающіеся у европейцевъ предосудительными, здѣсь идутъ за признаки ума и сметливости. Торговля у сарта—настолько почетное занятіе, что если одинъ сартъ желаетъ высказать свое уваженіе другому сарту, то онъ къ его имени прибавляетъ слово «бай» т. е. не просто Сеидъ, а Сеидъ-бай (*бай*, на туземномъ языкѣ, значить купецъ). Если сартъ хочетъ отозваться съ хорошей стороны о комъ либо, то онъ скажетъ: *«улъ якши, файда кубъ ясай»* (т. е. онъ хорошій человекъ; прибыли имѣеть много).

Воинственныхъ наклонностей, какъ напримѣръ, у туркменовъ и текинцевъ, сарты не имѣютъ; хотя у многихъ изъ нихъ, вопреки запрещенію, имѣются револьверы, но служатъ они не для напа-

денія, а для защиты въ дорогѣ, также для охраненія виноградниковъ. Лѣтомъ сартовъ остается очень мало въ городѣ; они переселяются за городъ въ свои виноградники, гдѣ живутъ съ апрѣля по октябрь. Въ это время начинаютъ бродить шайки вооруженныхъ воровъ, которые забираются во дворы и выбираютъ изъ нихъ все имущество, иногда связывая хозяевъ, чтобы не мѣшали, а то и убивая ихъ. Эти воры очень дерзки и если глиняная стѣна облюбованнаго ими дома очень высока,—какъ это бываетъ больше въ виноградникахъ,—и перелѣзть черезъ нее нѣтъ средствъ, то они не задумываются подрыться подъ нее. Противъ этихъ-то нежеланныхъ посѣтителей и держать огнестрѣльное оружіе.

Сартъ прекрасно сознаетъ всѣ выгоды и удобства, получаемыя имъ въ русскомъ подданствѣ, но все еще продолжаетъ искренно ненавидѣть эмира Бухарскаго за то, что онъ и самъ ѣздилъ въ Россію, и сынъ его получилъ въ ней образованіе. Климатъ Самарканда жаркій, но зима въ немъ не особенно теплая. Я знаю только одну зиму 1997—1898 года и потому буду говорить о ней. Перваго декабря было еще очень тепло, тепло настолько, что на открытомъ воздухѣ продолжали цвѣсти фіалки, маргаритки, циніи и другіе цвѣты; цвѣли даже розы; но уже 15-го декабря, послѣ дождя, выпалъ снѣгъ, а за нимъ начались морозы, которые около двухъ недѣль держались постоянно, доходя градусовъ до четырехъ. Послѣ этого морозы прекратились, и снѣгъ растаялъ, но снова выпалъ 6 января и продержался до 20-го числа, послѣ чего быстро растаялъ, и къ концу января температура на солнцѣ была уже $+29^{\circ}$ R. Послѣ этого были легкіе морозы 8, 9 и 10-го февраля, но уже 11-го зацвѣли маргаритки и фіалки. 13-го пошелъ дождь, перешедшій въ снѣгъ, который выпалъ на четверть аршина и пролежалъ до 20-хъ чиселъ при постоянныхъ морозахъ, дошедшихъ до 10° R. Не замерзавшіе всю зиму арки покрылись льдомъ, и только въ 20-хъ числахъ морозы прекратились, а снѣгъ растаялъ. Въ первыхъ числахъ марта снова появились цвѣты, прилетѣли ласточки, журавли и даже гуси. 12-го марта температура на солнцѣ была уже $+40^{\circ}$ R, а въ тѣни $+18^{\circ}$ R. Это мои личныя наблюденія; по словамъ же мѣстныхъ жителей, эта зима была необыкновенно сурова и напоминаетъ зиму, бывшую 15-ть лѣтъ назадъ, но и та была все же легче этой. Обыкновенно, какъ говорятъ, почки на деревьяхъ къ концу февраля уже распускаются. Теперь же туземцы боятся, что многіе изъ ихъ деревьевъ пропадутъ.

Весною и осенью выпадаютъ дожди, но съ апрѣля и до октября ихъ совершенно не бываетъ, и небо во все лѣто остается совершенно безоблачнымъ, солнце раскаляетъ атмосферу и почву до

того, что температура доходит на солнцѣ до 55 градусовъ, а въ тѣни до 37 градусовъ по Реомюру, и такая высокая температура бываетъ уже въ первой половинѣ мая. Небо бываетъ то блестящимъ темносинимъ, то мутно-сѣрымъ, отъ носящихся въ воздухѣ мелкихъ частицъ песку, поднимаемаго вѣтромъ въ безконечныхъ среднеазиатскихъ степяхъ. Сарты начинаютъ ходить полуголыми и принимаютъ темно-бронзовый оттѣнокъ; впрочемъ, это дѣлаетъ рабочій классъ, маленькія же дѣти туземцевъ нерѣдко разгуливаютъ прямо *au naturel*. Металлическіе предметы, лежащіе подъ лучами солнца, дѣлаются до того горячи, что ихъ нельзя взять въ руки. Ночью жаръ смѣняется духотою, а къ тому же, послѣ заката солнца, начинаютъ свои нападенія крошечныя мошки, укусы которыхъ настолько чувствительны, что искусанныя мѣста покрываются красными пятнами, причиняющими нестерпимый зудъ. Тѣ, кто уже пожилъ въ Самаркандѣ, становится индифферентнымъ къ укусамъ этихъ мошекъ и они не производятъ тѣхъ страданій, которыя испытываютъ новоприбывшіе. Кромѣ мошекъ, неприятными животными являются фаланги и скорпионы, которыхъ здѣсь очень много, но ужаленія скорпионовъ, къ счастью, очень рѣдки; фаланги же въ дома не заползаютъ, а водятся только въ садахъ, тогда какъ скорпионы любятъ селиться въ стѣнахъ и крышахъ.

Не смотря на сильныя жары и полное бездождіе, растительность въ Самаркандѣ очень богата; деревья покрыты сочной блестящей зеленью, растутъ замѣчательно быстро и достигаютъ громадныхъ размѣровъ; клеверъ, который здѣсь замѣняетъ сѣно, достигаетъ высоты нашей ржи, срѣзывается серпами и черезъ двѣ недѣли вновь вырастаетъ на томъ же мѣстѣ до прежней высоты, что даетъ возможность снимать его много разъ въ теченіе лѣта. Рись, требующій мокрой почвы, растетъ прекрасно и все это—благодаря орошенію почвы посредствомъ арыковъ, безъ которыхъ все вымерло бы и обратилось въ пустыню.

Особенно поражаетъ обиліе фруктовъ. Прежде всего, въ концѣ мая, появляется *алу-балу*—особый родъ вишни, очень крупный и сочный. Въ началѣ мая бываетъ клубника, но такъ какъ выращиваніемъ ея занимаются мало, то она довольно дорога—около 20 копѣекъ фунтъ. За алу-балу слѣдуютъ арбузы, дыни, достигающія двѣнадцати вершковъ длины и необыкновенно вкусныя и ароматичныя,—такія, какихъ у насъ въ Россіи и найти нигдѣ нельзя; персики въ множествѣ сортовъ, очень крупныя величиною, съ большое крымское яблоко и цѣною около двухъ копѣекъ десятокъ; фиги, айва, гранаты, груши, яблоки, сливы, миндаль, фисташки и всевозможныхъ сортовъ виноградъ, начиная съ маленькаго чернаго

и желтаго, и кончая длиннымъ, почти въ вершокъ, бѣловатымъ сортомъ. Вездѣ фрукты, фрукты и фрукты—цѣлое море фруктовъ и притомъ замѣчательно дешевыхъ. Дыни и арбузы долго еще продаются послѣ конца лѣта, особенно дыни, которыя есть на базарѣ и въ мартѣ, причѣмъ цѣна ихъ повышается до 15—20-ти копѣекъ за штуку. Во множествѣ растутъ маслины и каперсы, послѣдніе даже по стѣнамъ и крышамъ, но туземцы ни того, ни другаго готовить не умѣютъ, а русскіе, вѣроятно, не желаютъ,—такъ они и пропадаютъ втунѣ.

Не смотря на теплый климатъ, богатство растительности, обиліе фруктовъ и красоту снѣговыхъ горъ, окружающихъ Самаркандъ, долго жить въ немъ невозможно:—является тоска и тянетъ назадъ въ Европу. Здѣсь чувствуешь себя совсѣмъ отрѣзаннымъ отъ міра: газеты приходятъ позже чѣмъ черезъ недѣлю, а столичныя почти черезъ полмѣсяца; въ городѣ нѣтъ ни одной публичной библіотеки, ни одного періодическаго изданія, не говоря уже о полнѣйшемъ отсутствіи выставокъ картинъ или другихъ художественныхъ произведеній, съ которыми европеецъ такъ сжился и отсутствіе которыхъ является немалымъ лишеніемъ. Литература имѣетъ хоть кое-какихъ своихъ представителей въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ книгъ крошечнаго книжнаго магазина; но какія это книги?—учебники, дѣтскія книжки да разный беллетристическій хламъ, и лишь нѣсколько произведеній беллетристовъ, пользующихся заслуженною извѣстностью. Книгу, положимъ, можно выписать, но чѣмъ и какъ удовлетворить стремленіе къ художествамъ?

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ежедневно, съ неизсякаемымъ удовольствіемъ, созерцать древнія сооруженія и горы, горы и древнія сооруженія... И по неволѣ начинаешь искать «кушакъ и шапку», чтобы сбѣжать изъ этого заснуваго угла, атрофирующаго въ человѣкѣ всѣ интеллектуальныя способности.

VII.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о землетрясеніи, бывшемъ въ Самаркандѣ 5-го сентября 1897 года и свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть. Было восемь часовъ вечера; я проходилъ около фруктовыхъ лавочекъ въ концѣ бульвара. Солнце уже сѣло и былъ теплый южный вечеръ, густую темноту котораго нарушали ярко-сверкавшія звѣзды да рѣдкіе фонари улицъ; вдругъ, совершенно неожиданно, раздался шумъ, похожій на движеніе массы экипажей, ѣдущихъ по каменной мостовой, чтò въ первый моментъ не произвело на меня особаго впе-

чатлѣнія; въ то же мгновеніе сарты выбѣжали изъ своихъ лавочекъ, и не успѣлъ я спросить въ чемъ дѣло, какъ раздались трескъ и скрипѣніе лавокъ; деревья, фонари—все начало качаться подъ акомпанементъ подземнаго грохота; почва подъ ногами заколебалась, какъ пароходъ въ легкую качку и, въ довершеніе впечатлѣнія, голова начала кружиться. Подземный гулъ начался съ сѣвера и направился на югъ, откуда все еще слышался, когда колебанія почвы уже прекратились, и только раскачавшіяся деревья продолжали вздрагивать и шумѣть своими вершинами. Придя домой, я увидѣлъ много вещей, попадавшихъ на полъ. Ночью, въ 11-ть часовъ, я былъ разбуженъ грохотомъ и качкой—земля снова колебалась. Не желая быть раздавленнымъ,—еслибы упала крыша,—я сейчасъ же выбѣжалъ на середину двора; но столбы, за которые я старался удержаться отъ качки, выскальзывали изъ рукъ, увлекаемые колебаніемъ. Послѣ оказалось, что почти во всѣхъ домахъ стѣны дали трещины и отскочили куски штукатурки; кое-гдѣ разбились стекла въ окнахъ: съ полокъ падала и разбивалась посуда. Одна мечеть треснула сверху донизу; кое-гдѣ упали старыя туземныя жилища. Я слышалъ, что упавшимъ потолкомъ раздавило двухъ сартовъ, но самъ этого не видалъ и за достовѣрность не ручаюсь.

Впечатлѣніе, производимое землетрясеніемъ, какое-то особенное, новое; прежде всего поражаетъ необычность явленія, а потомъ чувство полнѣйшей беспомощности:—стоишь, видишь колеблющуюся подъ ногами почву, и никуда не можешь уйти!

Послѣ описаннаго случая, землетрясенія повторились еще 7-го сентября въ десять часовъ вечера и ночью 5-го октября, но они были уже значительно слабѣе, особенно послѣднее.

Николай фонъ-Гукъ.

Г. Самаркандъ.

С а ф о.

(Изъ П. Верлена).

Дрожа отъ ярости, какъ лютая волчица,
По берегу пустынному она
Зловѣщимъ призракомъ въ безумномъ бѣгѣ мчится.

Фаонъ ее отвергъ!—Желанія полна,
Она горитъ въ своей тоскѣ влюбленной,
Терзая пряди косъ рукою изступленной.

Свою любовь, обиды горькой срамъ—
Она клянетъ: давно-ль, не зная страсти пѣна,
Она, подруга дѣвъ, бряцала въ честь Гимена
На весь Парнасъ по золотымъ струнамъ?..

Последній шагъ! Она исчезла тамъ,
Куда ее звала влокачущая пѣна;
И вспыхнулъ сумракъ водъ, въ вѣнцѣ блестить Селена,
Угодная карающимъ богамъ.

Конст. Ивановъ.

ПО ЗАКОНУ.

(Изъ южно-русской жизни).

«Блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ»

I.

Июль былъ на исходѣ. На дворѣ стояла сорокаградусная жара, сопровождаемая обычной въ эту пору новороссійской засухой. Солнце безжалостно выжигало послѣдніе кустики растительности не только на выгонахъ и лугахъ, но даже по низинамъ, на которыхъ еще не такъ давно стояли обширныя озера, образовавшіяся во время майскихъ ливней; глазъ не встрѣчалъ ни одного зеленого стебелька... Бродившія то тамъ, то сямъ стада рогатаго скота, лошадей и тонкорунныхъ овецъ поднимали за собой густыя облака пыли, разносимой легкимъ вѣтеркомъ далеко, далеко по широкому степному раздолью. По временамъ изъ полупрозрачной дымки, окутывавшей всю степь поднимался вдругъ предвѣстникъ еще болѣшей засухи—вихрь, который медленно двигался по вѣтру, шурша засохшими травами и цвѣтами. Сначала онъ, словно играя, вздымалъ на воздухъ лишь самую тонкую пыль, сѣмена одуванчика и легкіе листочки засохшихъ растений; но затѣмъ, превратившись постепенно въ гигантскій столбъ пыли, онъ въ своемъ поступательномъ движеніи поднималъ уже чуть не до облаковъ огромные кусты перекати-поля, довольно крупныя комья земли и разметывалъ по дорогѣ «копы» только что сложеннаго хлѣба... Издали такой вихрь казался большимъ степнымъ пожаромъ, жертвою котораго сдѣлался цѣлый «гарманъ» (гумно) или, по меньшей мѣрѣ, добрый стогъ сѣна. Кромѣ тощихъ изнуренныхъ стадъ, унылое однообразіе бурожелтой степи нарушалось лишь высокими кустами чертополоха, низкорослымъ молочайникомъ да широколистой чапочью, какъ бы гордящейся тѣмъ, что ее не трогаетъ ни одно животное... Кое-гдѣ, въ тѣни этихъ полусохшихъ растений мирно

дремали меланхолическіе орлы и коршуны, отдыхая послѣ сытнаго обѣда. Отсутствіе густой растительности давало этимъ хищникамъ возможность легко и скоро доставать себѣ добычу, которой рѣшительно негдѣ было спрятаться во время такой засухи отъ зоркихъ глазъ степнаго орла. На почтительномъ разстояніи отъ разбойниковъ пернатого царства шныряють проворные, но голодные суслики, собирая жалкіе остатки сухой весенней травы. Рѣзкій, протяжный свистъ этихъ звѣрковъ наводитъ еще большую тоску на путника, напоминая ему о тѣхъ невзгодахъ, какія обыкновенно ожидаютъ мѣстнаго крестьянина-хлѣборода послѣ подобной засухи... По мѣрѣ повышенія солнца къ зениту наступаетъ полнѣйшій штиль, а на равнинахъ, подобно поверхности серебристаго озера, дрожить и переливается раскаленный воздухъ, отражая въ себѣ, словно въ зеркалѣ и безоблачное небо, и находящіяся въ степи предметы. Попавшіе въ область такого «марева» кусты чертополоха или посѣдѣвшаго ковыля кажутся огромными вѣковыми деревьями; стада воловъ, овецъ, козъ и другихъ животныхъ превращаются въ живописные города съ башнями и колокольнями, а карликообразные пастушки и чабаны напоминають собою сказочныхъ великановъ съ гигантскими палицами въ рукахъ...

Тяжело и безотрадно чувствуетъ себя въ такую пору южнорусскій мужичокъ-хозяинъ, но еще тяжелѣе и печальнѣе оказывается положеніе его домашней скотины во время продолжительной лѣтней засухи. Послѣ длиннаго знойнаго дня, она возвращается домой такъ сильно проголодавшейся, что съ жадностью набрасывается на старую почернѣвшую солому, лежащую въ небольшихъ стожкахъ или торчащую изъ ветхихъ крышъ крестьянскихъ лагучь... Болѣе же всего приходится претерпѣвать въ это время тому скоту, который отдается крестьянами на выпасъ къ мѣстнымъ нѣмцамъ-арендаторамъ или землевладѣльцамъ-кулакамъ, старающимся, по мѣрѣ силъ своихъ, эксплуатировать окрестное деревенское населеніе. Такой скотъ, стоя ночью «на тырлѣ», не можетъ утолить своего голода даже и полугнилой соломой и, проревѣвъ до утра, снова отправляется бродить по обнаженной степи и питаться одною пылью да водой... если только она окажется въ колодцахъ.

II.

Чуднымъ оазисомъ являлась въ такую засуху каждая барская усадьба, выдѣляясь яркимъ темнозеленымъ пятномъ на общемъ фонѣ выжженныхъ полей. Къ числу подобныхъ уголковъ, пріятно ласкавшихъ утомленный взоръ путешественника, принадлежала и

роскопная резиденція крупнаго южно-русскаго землевладѣльца, барона Якова Семеновича Штремберга, принадлежавшаго къ тѣмъ капиталистамъ, отдаленные предки которыхъ, для достиженія богатства и виднаго положенія въ обществѣ, не останавливались ни передъ какими средствами. Самъ баронъ, владѣя почти двѣнадцатью тысячами десятинъ превосходной земли, пробовалъ было сначала вести на ней «собственное хозяйство»; но, въ виду настуившаго въ послѣднее время экономическаго кризиса въ сельской промышленности, онъ счелъ болѣе благоразумнымъ сдать часть имѣнія въ аренду сосѣднимъ нѣмцамъ, а на остальной землѣ завелъ исполное хлѣбопашество и занялся приемкою на лѣтніе выпасы крестьянскаго скота. Въ послѣднемъ случаѣ администрація имѣнія да и самъ владѣлецъ заботились только о томъ, чтобы какъ можно больше принять животныхъ на экономическій выгошь, отнюдь, конечно, не соображаясь съ качествомъ и размѣрами отведеннаго для этой цѣли участка земли.

Весьма понятно, что такое отношеніе землевладѣльцевъ или арендаторовъ къ чужому скоту вызывало неоднократно со стороны крестьянъ ропотъ и нежеланіе вносить условленную за лѣтній выпасъ плату; однако, подобныя вспышки оканчивались въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ, такъ какъ засуха являлась не по винѣ экономической администраціи, а помѣщики, основываясь на этомъ обстоятельстве, выдавали скотъ на руки лишь тѣмъ мужикамъ, которые вносили за выпасъ всю плату, опредѣленную при приемкѣ животныхъ еще съ весны... На слѣдующій же годъ, страдающіе отъ малоземелья крестьяне и мѣщане снова обращались къ тому же владѣльцу съ просьбой принять ихъ скотъ на лѣтній выпасъ.

Усадьба барона Штремберга представляла собою группу красивыхъ зданій, почти утопавшихъ въ свѣжей зелени вѣковыхъ акацій, липъ и дикихъ каштановъ. Въ центрѣ этихъ сооруженій возвышался огромный двухъэтажный барекій домъ, отличавшійся рѣдкимъ изяществомъ и тонкостью архитектурной отдѣлки. Съ правой стороны дома, по берегу длиннаго каменнаго пруда, тянулся обширный полузаброшенный паркъ, погруженный въ то поэтическое безмолвіе, которое какъ-то невольно наводитъ васъ на мысли о давноинувшихъ временахъ, когда жизнь русскихъ помѣщиковъ отличалась болѣею простотою, а крѣпостному мужику и не снилась та эксплуатація, какой подвергается современный «свободный» крестьянинъ со стороны землевладѣльцевъ и хищниковъ-арендаторовъ... Позади дома былъ расположенъ прекрасный цвѣтникъ, окруженный густою стѣной желтой акаціи и состоящій изъ прелестнѣйшихъ клумбъ, наполненныхъ самыми рѣдкими расте-

ніями. Благодаря почти непрерывному орошенію и присутствію нѣсколькихъ фонтановъ, въ цвѣтникѣ, не смотря на продолжительную засуху и феноменальный зной, царила прохлада лѣтняго утра, даже въ полдень. Всѣмъ этимъ цвѣтникъ былъ обязанъ громадному водопроводу, сооруженному барономъ вблизи пруда и потребовавшему отъ владѣльца затраты въ нѣсколько тысячъ рублей.

Было около двухъ часовъ пополудни. Въ тѣни развѣсистаго стараго каштана тихо покачивался въ гамакѣ самъ владѣлецъ имѣнія, мужчина лѣтъ сорока съ черными, какъ смоль, волосами и такого же цвѣта глазами, отличавшимися суровымъ и сухимъ выраженіемъ. Одѣтъ онъ былъ въ легкую чечунчовую пару и широкополю соломенную шляпу, сдвинутую немного на затылокъ. Судя по находившейся въ лѣвой рукѣ барона французской книгѣ, можно было заключить, что онъ только что прекратилъ чтеніе и теперь, покуривая душистую гаванскую сигару, наслаждался прелестнымъ видомъ цвѣтника, средину котораго занималъ большой фонтанъ съ артистически изваянною на вершинѣ его головою Медузы. Въ водяной пыли, поднимаемой безчисленными каплями, падающими на огромныя гранитныя глыбы, сіяла красивая радуга...

Убажываемый монотонными всплесками фонтана и щебетаніемъ ласточекъ, сидѣвшихъ на кровлѣ дома, въ тѣни акацій, Яковъ Семеновичъ уже сталъ поклевывать носомъ, готовясь всецѣло отдаться въ объятія Морфея, какъ вдругъ отворилась дверь балкона, выходящаго въ цвѣтникъ, и на порогѣ ея появился франтовато одѣтый лакей. Осмотрѣвши прищуренными глазами цвѣтникъ, онъ тотчасъ же направился къ гамаку, громко стуча своими туфлями по мраморнымъ ступенямъ балкона.

— А что тебѣ надо, Василій? — обратился къ нему полусоннымъ голосомъ баронъ, поднося ко рту лѣнивымъ движеніемъ руки погасшую сигару.

— Къ вамъ, баринъ, управитель пришелъ... Говорить: по очень важному дѣлу. Прикажете принять?

— Какія тамъ у него «важныя дѣла» могли оказаться въ такую пору... Не могъ онъ обождать вечера?—произнесъ съ досадою баронъ.

— Не могу знать, баринъ, а только управитель сказалъ, чтобы я непременно сейчасъ же доложилъ о немъ вашей милости.

— Ну, ладно, пусть идетъ сюда,—сказалъ Штрембергъ, откладывая въ сторону книгу и устремляя свой апатичный взглядъ на поднимавшіяся изъ глубины парка, лежащаго за цвѣтникомъ, пирамидальныя верхушки тополей.

Черезъ нѣсколько минутъ, на дорожкѣ, идущей съ правой сто-

роны дома, между двумя рядами чудныхъ штамбовыхъ розъ, показался среднихъ лѣтъ высокій блондинъ въ парусинной тужуркѣ, ботфортахъ и малороссійскомъ «капелюхѣ» на головѣ; въ рукахъ у него былъ небольшой хлыстикъ. Поровнявшись съ гамакомъ, онъ почтительно поклонился барону, снявъ шляпу, и проговорилъ:

— Добрый день Яковъ Семеновичъ!

— Здравствуйте, здравствуйте, Генрихъ Карловичъ,—привѣтствовалъ его въ свою очередь Штрембергъ, опираясь щекой на руку.—Что это у васъ за экстренныя дѣла въ такую несносную жарыщу?.. Навѣрное опять что нибудь на счетъ скопщины... Просто бѣда съ этимъ проклятымъ мужичьѣмъ: вѣчно они норовятъ устроить пакость нашему брату-помѣщику!..

— На этотъ разъ, Яковъ Семеновичъ, дѣло совсѣмъ иного рода,—замѣтилъ управляющій, выждавъ окончанія рѣчи своего принципала.

— Что же такое?—встревоженнымъ голосомъ спросилъ баронъ, совсѣмъ приподнявшись въ гамакѣ.

— Да вотъ пришли наши Залужанскіе мужики въ контору и просятъ, чтобы мы выдали имъ сейчасъ же на руки скотъ, принятый весной на выпасъ въ экономію...

— Это почему же?

— Жалуются, что у насъ на выпасахъ ужъ совсѣмъ нѣтъ подножнаго корму...

— Ну, это старая исторія!—воскликнулъ, разсмѣявшись, Штрембергъ.—Залужанцы уже привыкли къ тому, чтобы воспользоваться весенней травой, а потомъ давай клянчить у барина разныхъ уступокъ, опираясь на засуху... Нѣтъ, на этомъ они ужъ не проведутъ меня!.. Впрочемъ, отчего же и не отдать мужикамъ скота, если они уплатятъ мнѣ полностью деньги за весь лѣтній выпасъ?..

— Да я ужъ говорилъ имъ объ этомъ...

— Что же они отвѣтили?

— И слушать даже не хотятъ: мы, говорятъ, согласны заплатить за половину лѣта, а на остальныя деньги найдемъ выпасъ для своего скота гдѣ нибудь получше...

— Вотъ какъ! Ну, въ такомъ случаѣ передайте имъ, Генрихъ Карловичъ, что я не уступлю имъ ни копѣйки; хотятъ забирать скотъ, — пусть дадутъ полностью всѣ деньги за выпасъ... Кстати, вы объявляли имъ весной, что въ случаѣ засухи экономія не отвѣчаетъ за недостатокъ подножнаго корма на выгонахъ?

— Конечно, объявлялъ и даже, какъ вамъ извѣстно, заставилъ ихъ расписаться касательно этого предмета на особомъ условіи...

— А марки вы не забыли наклеить на документъ?

— О, нѣтъ!—марки своевременно наклеены...

— Ну, тогда всё законныя права на нашей сторонѣ, — произнесъ совершенно успокоенный землевладелецъ.—Вамъ, Генрихъ Карловичъ, остается, слѣдовательно, только напомнить мужикамъ о томъ, что если они еще дольше будутъ шумѣть у меня во дворѣ, то я немедленно приглашу становаго пристава и составлю протоколъ. Можете идти къ этимъ красавцамъ.

— Слушаю, — отвѣтилъ лаконически управляющій, приподнявъ шляпу и граціозно раскланиваясь съ барономъ.

III.

Подлѣ крыльца конторы, занимавшей небольшое зданіе при самомъ входѣ во дворъ экономіи, находилось около полусотни крестьянъ, которыя, расположившись въ разныхъ позахъ прямо на землѣ въ тѣни высокаго каменнаго забора, терпѣливо ожидали появленія управляющаго, отправившагося для переговоровъ съ баринкомъ. Кое-кто изъ мужиковъ дремалъ; прочіе же внимательно осматривали внутренности господскаго двора, изрѣдка перекидываясь краткими, но меткими замѣчаніями по поводу того или другаго диковиннаго предмета, попадавшагося имъ на глаза.

— Растолкуй мнѣ, кумъ Степанъ, что это за каланча стоитъ вонъ тамъ, пониже барскаго дома? — обратился сухощавый молодой мужикъ къ лежавшему подлѣ него старику-крестьянину.

— Какая каланча? — спросилъ тотъ, лѣниво поворачивая голову къ своему сосѣду.

— А вонъ та, гдѣ на верхушкѣ стотъ не то чанъ, не то большій котель..

— Развѣ ты не знаешь, что это—водопроводъ?..

— Водопроводъ! А для чего же онъ понадобился господамъ?

— Извѣстно для чего,—цвѣты да деревья поливать, чтобы они лучше росли...

— Вотъ какъ!.. Значить для барина и засуха не страшна?..

— Вѣстимо, не страшна здѣсь, около дома, а въ степи для всѣхъ она—наказаніе Божье...

— Сказываютъ, что есть гдѣ-то такія земли, что и хлѣбъ на поляхъ поливаютъ... правда ли это?—вмѣшался въ разговоръ еще одинъ мужичокъ...

— Совершенная правда,—отвѣчалъ авторитетнымъ тономъ Степанъ,—мнѣ объ этомъ до тонкости рассказывалъ Федоръ Зеленюкъ, чтб недавно вернулся изъ-за Каспійскаго моря...

— Можеть, оно и такъ; только мнѣ сдается, что всё эти водопроводы и поливка хлѣба не угодное Богу дѣло,—замѣтилъ одинъ сѣднѣй старичокъ.—Должно быть и дождей такъ часто не бываетъ у насъ, что люди хотять своимъ умомъ до всего дойти, безъ воли Божіей.

— Э, перестаньте, «дѣду», рассказывать богъ знаетъ, что!—прервалъ старика молодой крестьянинъ съ энергичными чертами лица, одѣтый почище другихъ. — Лучше послушайте нашего матроса Игнашку; онъ два раза вокругъ свѣта обошелъ, — такъ онъ вамъ расскажетъ, что и во многихъ другихъ земляхъ люди поливають хлѣбъ, а все таки меньше нашего бѣдуютъ...

— Да, да вы со своимъ Игнашкой ужъ больно разумны, а небось, гдѣ ни лазили по бѣлу свѣту, а въ концѣ концовъ опять въ нашу деревню вернулись на житѣ, — проворчалъ старикъ, не глядя на собесѣдника... Разговоръ общалъ перейти на личную почву, но въ эту минуту изъ-за рѣшетки, отдѣляющей дверь отъ парка, появился управляющій... Увидѣвъ его, мужики поспѣшно поднялись съ земли и, снявъ шапки, приняли просительно-выжидательныя позы. Задніе напирали на стоявшихъ впереди, чтобы лучше слышать сущность барскаго ультиматума. Обведа внимательнымъ взглядомъ толпу крестьянъ; управляющій произнесъ громкимъ голосомъ:

— Яковъ Семеновичъ велѣлъ мнѣ передать вамъ, что скотъ вы можете получить на руки лишь въ томъ случаѣ, когда внесете въ контору полностью плату за все лѣто!..

Услышавъ это, крестьяне разомъ загадѣли и еще тѣснѣе обступили Генриха Карловича... Изъ общаго шума выдѣлялись по временамъ фразы:—Да это чистый грабежъ?.. Развѣ можно требовать съ насъ деньги за то время, когда нашей скотины не будетъ на его выгонѣ?.. Она и такъ, бѣдная, погибаетъ безъ корму и безъ воды! Если баринъ не отдастъ намъ сегодня же нашей скотины, такъ мы и сами возьмемъ ее съ поля!—кричалъ очутившійся впереди всѣхъ молодой мужикъ, братъ матроса Игнашки.

— Этого вы не имѣете права дѣлать, — проговорилъ громко управляющій,—иначе будете отвѣчать *по закону!*

— Ну, и пусть!—орали мужики.—Пусть насъ, какъ хотять, такъ и наказываютъ, а мы не можемъ дать погибнуть животамъ, что помогаютъ намъ хлѣбъ зарабатывать!.. Что онъ насъ хочеть нищими сдѣлать?.. Нѣтъ, какъ ему угодно, а скотъ мы все таки заберемъ!..

Когда взрывъ крестьянскаго негодованія немного улегся, управляющій спросилъ мужиковъ:

— Такъ вы не согласны, значить, платить барину за все гѣто?

— Не согласны, не согласны!—дружно отвѣтила толпа.

— Тогда мнѣ не о чемъ больше и разсуждать съ вами, такъ какъ рѣшеніе Якова Семеновича не будетъ измѣнено.—Произнеся эти слова, Генрихъ Карловичъ ушелъ въ контору, а народъ еще долго шумѣлъ во дворѣ экономіи, не зная, что предпринять дальше. Наконецъ, упомянутый выше Степанъ и братъ Игнашки матроса, носившій фамилію Соколюка, предложили своимъ товарищамъ обратиться по этому предмету за совѣтомъ къ учителю земской школы.

— Ладно, — порѣшили болѣе осторожные мужики, — идемъ къ учителю: онъ ужъ навѣрное растолкуетъ, какъ намъ разобраться въ этой исторіи...

— Окромя того, — замѣтилъ Соколюкъ, — учитель вхожъ къ барину, а потому, можетъ и передъ нимъ замолвить за насъ доброе слово. Вѣрно я говорю или нѣтъ?

— Вѣрно, вѣрно!—согласились съ нимъ все прочіе крестьяне, выходя гурьбой изъ барской усадьбы и направляясь въ село Залужанку, до котораго отъ экономіи было версты двѣ.

IV.

Народный учитель Иванъ Андреевичъ Подорожниковъ только, что окончилъ свой скромный обѣдъ и вышелъ въ школьный садикъ, гдѣ усердно занялся окулировкой молодыхъ яблонь и грушъ, посаженныхъ имъ года два тому назадъ, тотчасъ же по возвращеніи съ курсовъ садоводства и огородничества, которые были устроены тогда въ О. Хотя Подорожниковъ въ душѣ не особенно сочувствовалъ всеѣмъ этимъ моднымъ и слишкомъ кратковременнымъ курсамъ, имѣвшимъ цѣлю превратить сельскаго учителя въ какого-то энциклопедиста конца XIX вѣка, однако, онъ серьезно таки занялся изученіемъ плодоводства, видя въ немъ несомнѣнную пользу не только для себя, но и для своихъ, въ конецъ обѣднѣвшихъ, крестьянъ. Благодаря его разумной и энергичной пропагандѣ, покупаемой личнымъ примѣромъ учителя, Залужанка обѣщала въ недалекомъ будущемъ покрыться отличными садами, зачатей которыхъ можно было уже найти у многихъ мужиковъ.

Положивъ на маленькомъ столикѣ подлѣ себя принадлежности окулировки, Иванъ Андреевичъ сталъ вытирать носовымъ платкомъ свой лобъ, сильно покрытый крупными каплями пота. Въ эту минуту его вниманіе было привлечено громкими голосами мужиковъ, двигавшихся толпою по дорогѣ отъ усадьбы барона Штремберга къ зданію народной школы. Учитель оставилъ работу и по-

дошелъ поближе къ плетню, окружавшему садикъ... Толпа приближалась прямо къ нему.

— Здравствуйте, Иванъ Андреевичъ! — привѣтствовали крестьяне учителя, очутившись подлѣ школьнаго забора.

— Здравствуйте, братцы! — отвѣчалъ радушно Подорожниковъ, крайне заинтересованный появленіемъ предъ нимъ такой толпы мужиковъ. — Что это привело васъ ко мнѣ въ такую горячую пору?

— Нужда, Иванъ Андреевичъ, заставила насъ терять рабочий день... За совѣтомъ пришли къ вашей милости! — загадѣли крестьяне.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ учитель.

— Да вотъ въ чемъ, — заговорилъ выступившій впередъ Соколюкъ, — отдали мы, Иванъ Андреевичъ, весной свой скотъ на выпасъ къ Штрембергу, а теперь скотинка-то погибаетъ на экономическомъ выгонѣ безъ воды и корму...

— А почему же вы не возьмете его обратно?

— Мы затѣмъ и приходили къ помѣщику, но онъ требуетъ съ насъ плату за все лѣто, а безъ того не желаетъ выдавать намъ скотину...

— Да вы бы попросили его хорошенько, — тогда онъ, быть можетъ, и смягчился бы, — замѣтилъ учитель, нахмуривъ брови.

— Мы, Иванъ Андреевичъ, упрашивали его чрезъ вѣмца, да ничего не помогаетъ: баринъ стоитъ на своемъ: — подавай всѣ деньги и тогда забирай скотъ...

— Можетъ быть, вы, братцы, преувеличиваете свое горе? Можетъ быть, выпасы, гдѣ находится вашъ скотъ, вовсе ужъ не такъ плохи, какъ вамъ кажется? — спросилъ учитель.

— Истинное слово — плохи... Вотъ вамъ крестъ, Иванъ Андреевичъ: святую правду говоримъ, — зашумѣли разомъ мужики... Мы сегодня утромъ были на выгонѣ и собственными глазами видѣли, какъ тамъ страдаетъ наша животино... Инда слеза прошибаетъ, когда глядишь на эти муки!.. Сдѣлайте милость, научите насъ, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, чтобы все было по чести да по совѣсти...

— Эхъ, братцы, ничѣмъ я не сжумѣю помочь вамъ въ этой исторіи: баронъ Штрембергъ дѣйствуетъ вполне на законномъ основаніи! — произнесъ безнадежно учитель.

— А вы, Иванъ Андреевичъ, поѣзжайте сейчасъ съ нами въ поле и посмотрите на выпасъ, гдѣ кормится теперь нашъ скотъ, а потомъ похлопочете за насъ у барина; авось онъ скорѣе по-

слушаетъ васъ... Можетъ, хоть что нибудь уважить намъ, — прибавилъ отъ себя старый Степанъ.

— Врядъ ли намъ удастся добиться отъ Штремберга какой бы то ни было уступки, — произнесъ Подорожниковъ, который хотя и пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ барона, однако, зная экономическую политику и феноменальную скупость этого человѣка, не желалъ обнадеживать Залужанскихъ мужиковъ.

— Пожалуйста, Иванъ Андреевичъ, не откажите намъ!.. Будьте ласковы, повѣжайте съ нами въ степь и посмотрите, что тамъ дѣлается! — восклицали хоромъ крестьяне, низко кланяясь учителю.

Крѣпко не хотѣлось Подорожникову впугиваться въ эту «соціально-экономическую» исторію, однако, вспомнивъ прошлогоднюю голодовку и новый недородъ хлѣба, грозившій серьезнымъ бѣдствіемъ обывателямъ Залужанки, онъ въ концѣ концовъ склонился на просьбу мужиковъ и чрезъ четверть часа уже ѣхалъ съ ними въ поле, гдѣ бродилъ скотъ, принятый барономъ на выпасъ...

Солнце склонялось уже къ западу, когда покрытые толстымъ слоемъ пыли и обливающіеся пѣтомъ крестьяне, съ педагогомъ во главѣ, подѣхали къ огромному стаду, заключавшему въ себѣ по меньшей мѣрѣ около пятисотъ штукъ крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Всѣ эти животныя, при первомъ взглядѣ на нихъ, производили на зрителя крайне тяжелое впечатлѣніе, напоминая собою обтѣянные кожей скелеты... Нѣсколько особенно тощихъ и голодныхъ коровъ бродили вокругъ пастушьяго шалаша, лакомясь покрывавшимъ его бурьяномъ и ключьями пересохшей на солнцѣ соломы... Кругомъ, насколько хватывалъ глазъ, видѣлся лишь тотъ же чертополохъ да чапалочъ, между кустами которыхъ лежала толстымъ слоемъ пыль... Нигдѣ не было замѣтно ни стебелька съѣдобной растительности, и голодное стадо, охраняемое двумя пастухами, находилось въ постоянномъ движеніи оглашая воздухъ безпокойнымъ ревомъ...

— А сколько у тебя тутъ всего скота? — спросилъ Подорожниковъ «гайдаю», вылѣзши изъ фургона и подойдя къ стаду.

— Да сдастся мнѣ, что почти пять съ половиною сотенъ подберется, — отвѣчалъ угрюмый пастухъ, поглядывая изподлобья на учителя и окружавшихъ его мужиковъ...

— Сколько же земли отведено подъ выпасъ этого скота? — продолжалъ Подорожниковъ.

— Сколько? — переспросилъ «гайдаю», почесывая затылокъ и, послѣ нѣкотораго раздумья, добавилъ: — А, должно быть, десятинь полтора ста будетъ, если не меньше...

— Вот видите, Иванъ Андреевичъ, какой обманъ!—воскликнуть кто-то изъ крестьянъ. — Вѣдь намъ весною было объявлено, что на одну десятину выгона принимается не болѣе двухъ штукъ, а тутъ чуть ли не по четыре головы приходится...

— Да при такой тѣснотѣ и въ хорошій годъ скотинѣ трудно было бы прокормиться на этомъ выгонѣ,—замѣтилъ учитель.

— Надѣюсь, однако, что вы по письменному договору намете свой скотъ у барона Штремберга?

— Вѣстимо, по письменному!—отвѣчали мужики.

— А въ этомъ условіи сказано, сколько штукъ скота помѣщикъ можетъ ставить на одной десятинѣ выпаса?

— Да развѣ это еще надо записывать? — слышались голоса среди крестьянъ.—На то, вѣдь, у каждого человѣка есть душа и совѣсть...

— Такъ-то оно такъ, братцы,—произнесъ Подорожниковъ,—да только не всякій изъ насъ поступаетъ по совѣсти...

— Это вы вѣрно говорите, Иванъ Андреевичъ,—замѣтилъ Соколюкъ:—какая ужъ тутъ у человѣка совѣсть, коли ему не жаль, что божье созданіе погибаетъ на нашихъ глазахъ отъ голода и жажды...

— Что же, поѣдемъ еще къ колодцу! предложилъ кто-то изъ крестьянъ.

— Поѣдемъ, поѣдемъ,—произнесъ безнадежнымъ голосомъ учитель.

Очутившись чрезъ нѣсколько минутъ подлѣ жалкаго полузаброшеннаго колодца, Подорожниковъ и его спутники были поражены видомъ еще болѣе безотрадной картины... Въ находившемся здѣсь корытѣ, вмѣсто воды, оказалось самое незначительное количество какой-то грязной жидкости темнубураго цвѣта, а на самомъ днѣ довольно глубокаго колодца блестяла лишь небольшая лужица...

— Часто ли вы гоняете скотъ на водопой?—спросилъ учитель стоявшаго около корыта подпаска.

— Що таке?—задалъ въ свою очередь вопросъ подпасокъ, опираясь на палочку и крайне флегматично глядя на Подорожникова.

— Я тебя спрашиваю, сколько разъ вы поите скотъ?

— Скільки?.. А хіба не бачите по воді?.. Якъ приженемъ въ півдня чѣреду, та до вечера як станемо черпать по кружці, то де яка дужча скотына може й напѣнца, а то більше такъ собі перемогаецця бідна...

— Почему же такъ мало воды въ колодцѣ?—прервалъ подпаска учитель.

— Эге, може въ нему и була бь вода,—продолжалъ разошедшійся хохоль,—якъ бы хто на дурныцю крыныці почиствив пану,

а якъ вѣй не хоче тратыть грошей на цѣ діло, то вони й стоять у него нечищаны й замуляны гбдавъ, мабуть, уже бѣльше якъ дувадцять...

Слушая пастуха, Подорожниковъ невольню вспомнилъ о томъ, въ какой роскоши живетъ самъ владѣлецъ имѣнія, пользующійся не только прекраснѣйшимъ водопроводомъ, но и всѣми благами современной цивилизаціи, — вспомнилъ и ото всего сердца пожелалъ, чтобы душа Штремберга, послѣ его смерти, переселилась когда нибудь въ одного изъ тѣхъ быковъ, которымъ суждено было здѣсь страдать отъ недостатка воды и корму.

— Что же намъ теперъ дѣлать?—обратился къ учителю кто-то изъ мужиковъ.

— А вотъ что, братцы,—отвѣчалъ послѣ нѣкотораго раздумья Подорожниковъ, — скота вы самовольно не берите съ выгона, — я вечеромъ побываю у барона и, быть можетъ, мнѣ удастся убѣдить его въ необходимости уступить вамъ хоть третью часть выпасной пасты...

— Добре, Иванъ Андреевичъ, добре,—отвѣчали крестьяне,—мы послушаемъ васъ, а тамъ что Богъ дастъ,—не пропадать же тутъ нашей скотинѣ голодною смертю...

V.

Въ тотъ же день, около десяти часовъ вечера, Подорожниковъ явился въ домъ Штремберга, съ которымъ учитель находился пока въ довольно пріятельскихъ отношеніяхъ. Зависѣло это, во-первыхъ, отъ того, что молодому педагогу не были еще хорошо извѣстны всѣ эксплуататорскія наклонности барона, а, во-вторыхъ, Ивану Андреевичу очень и очень было жаль расстаться съ богатѣйшей библиотекой, принадлежавшей помѣщику и составлявшей огромное собраніе книгъ на нѣсколькихъ языкахъ чуть ли не за все истекающее столѣтіе. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе усиливающихся въ послѣднее время со стороны народа жалобъ на неимовѣрныя притѣсненія, чинимыя барономъ, учитель сталъ замѣтно рѣже посѣщать барскую усадьбу, проводя почти все свободное время въ своемъ школьномъ садикѣ...

— А, милѣйшій поборникъ свѣта, здравствуйте, здравствуйте!—привѣтствовалъ Подорожникова, въ роскошно обставленной и ярко освѣщенной гостиной, немного уже скучавшій помѣщикъ.—Что это васъ такъ долго не было видно? Или опять на какіе нибудь «курсы» ѣздили, а?

— Нѣтъ, Яковъ Семеновичъ, я все время былъ дома, — отвѣчалъ учитель, пожимая протянутую ему борономъ руку.

— Что же вы дѣлали въ такую жаркую пору?

— Копался на своей пасѣбкѣ, возился съ шелковичными червями и занимался окулировкой деревьѣвъ...

— Вотъ какъ! Изъ этого я могу вывести заключеніе, что нынѣшніе курсы для народныхъ учителей приносятъ таки пользу вашему брату...

— Ну, не каждому, — прервалъ барона Подорожниковъ, — у кого нѣтъ желанія учиться, тому никакіе курсы не помогутъ, и онъ только послѣдніе гроши истратитъ на городскую жизнь; а при энергій и охотѣ къ наукѣ мало-мальски образованный человѣкъ можетъ и безъ курсовъ научиться многому, сидя у себя дома...

— Да, вы отчасти правы. Однако, что же это мы, стоя, разговариваемъ? — замѣтилъ Штрембергъ, — пожалуйста, садитесь, Иванъ Андреевичъ, да покалякаемъ кое о чемъ, а я велю подать намъ сюда чайку...—Учитель сѣлъ въ предложенное ему кресло, а баронъ, расположившись тутъ же на оттоманкѣ, продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, эти курсы значительно расширяютъ миссію народныхъ учителей, давая имъ возможность «снять разумное, доброе, вѣчное» не только въ отношеніи поднятія духовной жизни русскаго крестьянина, но также и въ смыслѣ улучшенія его матеріальнаго благосостоянія... Знаете, Иванъ Андреевичъ, одной грамоты далеко недостаточно для образованія нашего крестьянина; ему нужна школа, могущая, такъ сказать, служить и народному хозяйству, способствуя улучшенію земледѣльческой культуры, развитію по деревнямъ рациональнаго скотоводства, необходимыхъ въ сельскомъ быту ремеслъ и т. д.

— Вы совершенно правы, Яковъ Семеновичъ, — заговорилъ учитель нѣсколько дрожащимъ голосомъ: — школа, дѣйствительно, должна быть такою, какъ вы ее только что обрисовали; но, къ сожалѣнію, при существующемъ порядкѣ вещей, сообщаемыя ею свѣдѣнія останутся безъ всякаго приложенія на практикѣ...

— Это почему же? — спросилъ удивленный Штрембергъ.

— А потому, что веденіе рациональнаго хозяйства потребуеътъ отъ крестьянина затраты капитала и — главное — земли, которыми онъ въ большинствѣ случаевъ не обладаетъ...

— О, повѣрьте мнѣ, Иванъ Андреевичъ, нашъ мужикъ еще вовсе не такъ бѣденъ, какъ вамъ кажется, и всегда можетъ имѣть сколько угодно земли для занятія хлѣбопашествомъ.

— Гдѣ же эта земля?

— А хоть бы у меня или у кого либо изъ монхъ сосѣдей помѣщиковъ.

— Но вы забываете, Яковъ Семеновичъ, что на этой землѣ мужикъ не можетъ работать такъ, какъ бы ему хотѣлось, и, кромѣ того, онъ всецѣло зависитъ отъ воли и каприза ея хозяина; а при такихъ условіяхъ ему нечего и думать о правильномъ сѣвооборотѣ, представляющемъ краеугольный камень мало-мальски разумаго хозяйства...

— Кто же мѣшаетъ мужикамъ придерживаться правильного сѣвооборота—у меня, напримѣръ?

— Это при исполщичѣ?

— Да хотя бы и при ней...

— Ну, подобная система полеводства уже потому чужда всякой рациональности, что при ней крестьянину приходится вдвое больше работать, стараясь, помимо своей нивы, убрать еще вдвое время и помѣщичью часть. Тутъ уже о тщательности вспашки и посѣва не можетъ быть и рѣчи, а все дѣлается «на авось»... Мало того, исполщики и потому не могутъ вполне добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ, что у нихъ и рабочій скотъ мельчаетъ съ каждымъ годомъ, не имѣя возможности пользоваться, въ теченіе лѣта, сколько нибудь сносными выгонами... Возьмемъ для примѣра хоть вашихъ же Залужанцевъ; вотъ по поводу ихъ скота я и пришелъ сегодня къ вамъ... Вы, конечно, позволите мнѣ, Яковъ Семеновичъ, высказаться здѣсь откровенно насчетъ затронутого нами вопроса?..

— О, сдѣлайте ваше одолженіе!—отвѣтилъ съ дѣланной улыбкой баронъ.

— Вотъ и отлично! — произнесъ уже вполне спокойнымъ и твердымъ голосомъ Подорожниковъ, закуривая предложенную ему Штрембергомъ папиросу. — Вы, Яковъ Семеновичъ, да и прочіе землевладѣльцы, ведущіе исполное хозяйство, требуете отъ мужика глубокой и тщательной вспашки полей, а вѣдомо ли вамъ, въ какихъ условіяхъ находится, во время лѣтней и весенней засухи, принимаемый вами на выпасъ крестьянскій скотъ?..

— Да, конечно, мнѣ отчасти извѣстно, что въ настоящее время не только Залужанскій, но и мой скотъ страдаютъ отъ недостатка подножнаго корма; однако, я же не виноватъ въ этомъ...

— Правда,—прервалъ Штремберга учитель,—вы, Яковъ Семеновичъ, дѣйствительно, не отвѣчаете за стихійное бѣдствіе; но по чьей же винѣ у васъ на полтораста десятинахъ выгона помѣщается болѣе пятисотъ штукъ скота, между тѣмъ, какъ ваши соб-

ственные быки и волю пользуются выпасомъ на несокошенномъ лугу, имѣя, кромѣ того, возможность пить вдоволь воды изъ отличнаго пруда; Залужанское же стадо въ довершеніе бѣды погибаетъ еще и отъ жажды.

— Ужь не находите ли вы необходимымъ поставить и крестьянскій скотъ на томъ же выгонѣ, гдѣ пасутся мои волю?—спросилъ баронъ съ нескрываемою ироніей.

— Нѣтъ, я объ этомъ и не думаю, но хочу лишь сказать, что если вы вмѣсто двухъ штукъ принимаете на одну десятину выгона 4—5 головъ рабочаго крестьянскаго скота, то врядь ли эти животныя будутъ вполнѣ хорошо обрабатывать вашу же землю...

— А кто же мѣшаетъ мужикамъ разобрать свой скотъ по домамъ, разъ у меня не оказывается для него ни травы, ни воды,— рѣзко остановилъ Подорожниковъ, начавшій терять самообладаніе, помѣщикъ.

— Какъ?—удивился учитель.—Вы же сами тормозите это дѣло, требуя съ крестьянъ выпасную плату не за половину, а за все лѣто...

— Да, это такъ; но, вѣдь, согласитесь, что подобное требованіе съ моей стороны является вполнѣ законнымъ, будучи основано на заключенномъ съ Залужанцами письменномъ условіи...

— Совершенно соглашаюсь съ вами, Яковъ Семеновичъ, но тѣмъ не менѣе нахожу, что уступка въ данномъ случаѣ необходима въ виду вашихъ же интересовъ, такъ какъ всякій мужикъ, взявъ теперь своихъ быковъ или воловъ домой, постарается всѣми способами поддержать ихъ силы; оставаясь же на вашемъ, въ конецъ выжженномъ выгонѣ, эти животныя до того отощаютъ, что вамъ же нечѣмъ будетъ свезти съ полей хлѣбъ, посѣянный исполщиками... Наступило неловкое молчаніе... Наконецъ, Штрембергъ произнесъ:

— Да вы, Иванъ Андреевичъ, не очень-то вѣрьте этому мужичью: они вамъ нивѣсть что могутъ наговорить про мои выгоны и про свой скотъ...

— Я и не повѣрилъ имъ на слово, Яковъ Семеновичъ, но постарался собственными глазами убѣдиться въ совершенно безвыходномъ положеніи крестьянскаго скота, пасущагося на вашей землѣ...

— Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло! — протянулъ баронъ, смотря уже съ явнымъ недоброежелательствомъ на учителя. — Вы, слѣдовательно, являетесь ко мнѣ въ качествѣ депутата отъ бывшихъ здѣсь сегодня утромъ Залужанцевъ?..

— Положимъ, что вы правы,—отвѣтилъ Подорожниковъ.

— Ну, тогда я отлично понимаю вашу горячую защиту крестьянъ-испольщиковъ,—продолжалъ Штрембергъ насмѣшливымъ тономъ.

— И вы, слѣдовательно, ничего не хотите уступить мужикамъ?

— Безусловно ни одного гроша, да они относительно этого вопроса были предупреждены еще весной; кромѣ того, малѣйшая уступка съ моей стороны могла бы послужить въ данномъ случаѣ дурнымъ примѣромъ на будущее время для прочихъ крестьянъ.

— Однако, вы, Яковъ Семеновичъ, забываете, что мужикамъ было обѣщано ставить на десятинахъ выгона не болѣе двухъ штукъ скота; а разъ съ вашей стороны уже было допущено довольно значительное отступленіе отъ указанной нормы, то, мнѣ кажется, было бы вполне справедливо сдѣлать хоть небольшую уступку и крестьянамъ...

— О подобной нормѣ въ контрактѣ ничего не говорится, а на словахъ мало ли чего ни наобѣщаль мой управитель владѣльцамъ скота?..

— Жаль, очень жаль!—со вздохомъ произнесъ Подорожниковъ, приподнимаясь съ кресла.—Послѣ этого мнѣ остается только просить у васъ, Яковъ Семеновичъ, извиненія за причиненное беспокойство и убраться восвояси.

— Отчего же, отчего же? — засуетился вдругъ баронъ, снова усаживая учителя на мѣсто,—вы лучше пообедайте немножко, а я прикажу сейчасъ подать намъ сюда чайку...

— Нѣтъ, благодарствуйте; я уже пилъ чай, отправляясь къ вамъ...—Съ этими словами Подорожниковъ пожалъ руку помѣщику и поспѣшилъ выйти изъ его дома.

Когда на слѣдующій день Залужанцы узнали о результатѣ свиданія учителя съ барономъ, то, не взирая на сугубыя увѣщанія Подорожникова, немедленно поѣхали въ поле и, вручивъ пастуху половину слѣдуемой за выпасъ скота платы, разобрали своихъ животныхъ по домамъ. Нечего и говорить, что ближайшимъ слѣдствіемъ этого поступка было возбужденіе Штрембергомъ иска противъ крестьянъ, осмѣлившихся взять самоуправно скотъ съ экономическаго выгона. Недѣли чрезъ двѣ, наши мужички были вызваны въ камеру земскаго начальника, который, будучи самъ землевладѣльцемъ, отнесся къ своеволю Залужанцевъ со всею строгостью закона, оставляя, разумѣется, безъ вниманія такія сантиментальныя заявленія: «Помилуйте, ваше в—дѣе, я-ж' свѣго бычка з'пальца выгодував', якъ ту малу дытну,—де ж' таки міні було не пожалить ёго»... Или: «як'-же намъ було не забирать, г. земскій

началныя, свої худобы, колы вона сердешна аж' рвіла з'пудьги,— хіба-ж' мы її на погибель отдавали въ икономію»... Слушая подобныя оправданія, земскій начальникъ былъ, конечно, весьма далеко отъ какого бы то ни было снисхожденія и, опираясь на извѣстныя статьи закона, трактующія о нарушеніи права собственности, приговорилъ взыскать съ виновныхъ остальную часть выпасной платы и подвергнуть каждого изъ нихъ мѣсячному аресту... Впрочемъ, инаго рѣшенія трудно было и ждать, такъ какъ въ законѣ, дѣйствительно, ничего не сказано о томъ, имѣетъ ли чловѣкъ право спасти своего быка или телку отъ голодной смерти, руководясь лишь тѣмъ, что онъ этихъ животныхъ «з' пальца выгодувавъ».

Осенью того же года, Подорожниковъ былъ переведенъ на другое мѣсто, получивъ предварительно изрядную головомойку отъ инспектора за вмѣшательство въ постороннее дѣло.

Д. Федоровъ.

ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

(По изслѣдованіямъ д'Оссонвиля).

III.

Перечисленное нами нуждающееся населеніе, разумѣется, распределено весьма неравномѣрно въ различныхъ округахъ Парижа. Такая, сама по себѣ неизбѣжная, неравномѣрность все болѣе или болѣе разроастается и доставляетъ съ каждымъ днемъ все болѣе затрудненій при распредѣленіи пособій, такъ какъ самыми обремененными оказываются именно тѣ округа, въ распоряженіи которыхъ находится наименѣе ресурсовъ для дѣла благотворительности. Если въ этомъ случаѣ ограничиться лишь одними голыми цифрами, то XI-й округъ, мѣрія котораго находится на улицѣ «Вольтеръ» представляется самымъ бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ округовъ Парижа и занимаетъ пространство отъ улицы Тампль до улицы Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Число бѣдныхъ въ этомъ кварталѣ, по сдѣланной ревизіи, доходить до 14,491. Затѣмъ округа идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: XX-й округъ, т. е. Шаронъ, Вельвиль и Менильмонтанъ, гдѣ находится 12,089 бѣдныхъ; XIX-й, т. е. Ла-Вильетъ, съ 10,810 бѣдныхъ; XIII-й, т. е. Гобелены, съ 10,745 бѣдныхъ и V-й, т. е. Пантеонъ, гдѣ находится 7,170 бѣдныхъ. Но если принять въ соображеніе все количество бѣдныхъ относительно населенія этихъ округовъ, то положеніе уже нѣсколько измѣняется и тогда самымъ бѣднѣйшимъ округомъ окажется XIII-й, такъ какъ въ немъ приходится по 1 бѣдному на 6,71 жителей; затѣмъ слѣдуетъ XX-й округъ, съ 1 бѣднымъ на 7,79 жителей; XIX-й съ 1 бѣднымъ на 9,09 жителей; XV-й округъ (Вожираръ) съ 1 бѣднымъ на 11,43 жителей; XIV-й округъ (де-л'Обсерватуаръ) съ 1 бѣднымъ на 12,29 жителей. Такимъ образомъ, выходитъ, что XI-й округъ, поставленный въ началѣ въ первомъ разрядѣ, переходитъ уже въ шестой; V-й округъ въ девятый разрядъ. Что же касается округа, въ которомъ оказывается наименьшее число бѣдныхъ, то никого, конечно, не удивить, если я назову округъ де l'Орега, гдѣ приходится 1 бѣдный на 49,08 жителей.

Всякому, кто знакомъ съ топографіей Парижа, всѣ, сообщенныя мною вкратцѣ, свѣдѣнія тотчасъ же должны броситься въ глаза, служа явнымъ доказательствомъ, что нищета все болѣе и

болѣе стремится прочь отъ центра Парижа къ его окраинамъ. Старый Парижъ, въ составъ котораго входили только двѣнадцать округовъ, въ настоящее время какъ бы окруженъ цѣлымъ поясомъ нищеты, занимающимъ все пространство между старинными, находившимися за чертою города, бульварами и укрѣпленіями. Было бы весьма несправедливо приписывать такое перемѣщеніе бѣднаго люда единственно ломкѣ и проложенію новыхъ улицъ, что было предпринято, въ періодъ второй Имперіи, въ густо населенныхъ старыхъ кварталахъ. Такое стремленіе нищеты удалиться отъ центра города на его окраины, представляющее собою постоянное явленіе, объясняется фактомъ неизбежнаго возвышенія наемной платы за квартиры въ торговыхъ и роскошныхъ кварталахъ. Но все таки нельзя не сознаться въ томъ, что вся эта ломка ускорила такое перемѣщеніе и увеличила его размѣры въ такой степени, которая въ сущности была наименѣе желательна, и что польза, принесенная проложеніемъ новыхъ улицъ, съ другой стороны принесла не менѣе вреда. Конечно, никто не будетъ спорить противъ того, что для всякаго трудолюбиваго и пользующагося нѣкоторымъ достаткомъ рабочаго, окончившаго свой трудовой день, будетъ очень пріятно и полезно для здоровья имѣть вблизи отъ маленькой улицы, въ которой онъ живетъ, или хорошо освѣщенный бульваръ, гдѣ онъ можетъ съ удовольствіемъ погулять, или засаженный деревьями скверъ, гдѣ, сидя на скамейкѣ со своей женой, онъ можетъ любоваться играми своихъ дѣтей, которая такимъ образомъ всегда будутъ находиться подъ его надзоромъ. Но для того, кому сбавка 50 франковъ съ цѣны нанимаемой квартиры составляетъ большой расчетъ и кто ради этой причины перебирается изъ центра города, гдѣ онъ привыкъ работать, въ отдаленныя окраины, — какъ на примѣръ, на Менильмонтанскія высоты или на Гренэльскія низовья, — для того это несомнѣнное благо преобразованія Парижа пропадаетъ безплодно. Если квартира обходится ему дешевле и онъ живетъ въ мѣстности, которая представляетъ собою больше благоприятныхъ гигиеническихъ условій, — взамѣнъ того, весьма часто, разстояніе, которое онъ долженъ проходить, отправляясь къ мѣсту своей работы, заставляеть его дѣлать лишнія издержки и больше утомляться. Такимъ образомъ, прошло много времени до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, догадались предоставить въ его распоряженіе болѣе быстрый и болѣе экономическій способъ передвиженія, проложивъ всѣ тѣ линіи конно-железныхъ дорогъ, на которыя обыкновенно такъ негодуютъ люди, привыкшіе ѣздить въ своихъ собственныхъ экипажахъ, но пожертвовать которыми, ради удобства этихъ господъ, было бы несправедливо. И, такъ, если этотъ новаго рода эмигрантъ-работникъ впадетъ въ бѣдность, съ которою ему приходится сталкиваться безпрестанно, то въ новыхъ округахъ онъ можетъ рѣже рассчитывать на общественныя пособія, которыя тамъ распределяются скупо. Пособія частной благотворительности, обыкновенно почти всегда исходящія изъ центра города, доходятъ до такого рабочаго медленнѣе и съ большими затрудненіями. Оздоровлявая бѣдные кварталы стараго Парижа, императорское правительство не уничтожило нищеты (чего,

впрочемъ, никогда и не имѣлось въ виду) все равно какъ оно не уничтожило каторжныхъ работъ, перемѣстивъ ссыльныхъ изъ Тулона на островъ Ну. Ихъ только удалили съ глазъ долой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, удалили отъ насъ мысль насчетъ облегченія ихъ участи.

Такое вытѣсненіе нищеты изъ центра Парижа проявляется въ видѣ центробѣжной силы, движеніе которой было только ускорено, но не создано перестройкой Парижа, и доказательствомъ быстроты этой силы служитъ фактъ все продолжающейся эмиграціи такого рода, выходящей даже за предѣлы укрѣпленія. Этотъ первый поясъ нищеты, окружающій старый Парижъ, скоро самъ будетъ охваченъ другимъ поясомъ, который обойметъ собою всѣ пригородныя части, примыкающія къ заставамъ. Частная благотворительность, никогда не остающаяся въ бездѣйствіи, основала, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, также для предмѣстій, бюро для пособія неимущимъ, оказавшее большія услуги въ то время,—пока еще деревни, гдѣ они производились, не вошли въ черту города Парижа,—и продолжающее оказывать ихъ до сихъ поръ. Въ скоромъ времени необходимо будетъ распространить это дѣло благотворительности и на пригородныя мѣста, что, конечно, представитъ гораздо болѣе трудностей, преодолѣніе которыхъ получить еще большую цѣну. Нищета, дѣйствительно, растетъ быстро въ пригородныхъ мѣстахъ, расплавляясь, какъ масляное пятно. Она прежде всего засѣла въ низовьяхъ Сенъ-Дени, этой ужасной, зараженной миазмами трущобѣ, которая такъ любя описаніямъ «натуралистовъ», со своими, заваленными всякимъ мусоромъ, дорогами, гдѣ валяются осколки разбитыхъ бутылокъ; со своими огородами, гдѣ посѣянные овощи поливаются помоями, со своими кучами навоза и грязнымъ носильнымъ тряпьемъ, развѣшаннымъ на веревкахъ. Съ одной стороны, она оттягиваетъ у мелкихъ рантье деревни Клиши и Левалуа, часть которыхъ уже теперь занята поселившимися въ ней отребьемъ населенія, внушающаго страхъ и опасенія. Съ другой стороны, она совсѣмъ наводнила собою деревушки, съ именами которыхъ народное воображеніе связало поэтическія и веселыя картины, именно: Роменвиль, Лили и Пре-Сенъ-Жервѣ. Она уже давно захватила въ свое распоряженіе неприглядныя мѣстности лѣваго берега рѣки, называемыя Жантиль, Монружъ, Малаховъ, Калифорнія, оставивъ еще пока неприкосновенными хорошенькія деревушки, расположенныя по берегамъ Марны и Сены, куда парижскіе буржуа приходятъ съ такимъ наслажденіемъ поудить рыбу и потомъ полакомиться ею тутъ же на мѣстѣ, изжаривъ ее въ маслѣ. Въ этотъ районъ перевели всѣ вредно-отзывающіяся на здоровьѣ заведенія, а съ ними вмѣстѣ и кандидатовъ на поселеніе въ Новой Каледоніи. Уже поговариваютъ теперь о томъ, чтобы закрыть первыя, причемъ будетъ гораздо труднѣе избавиться отъ послѣднихъ, которые одержали тамъ когда-то свою первую побѣду. Если, чего Боже избави, въ Парижѣ опять наступитъ новая эпопея, въ родѣ коммуна, то населеніе этихъ пригородныхъ мѣстъ навѣрное будетъ оспаривать у Вельвиля и Монмартра честь играть въ такой эпопей первенствующую роль, подобно тому какъ Вельвиль и

Монмартръ вырвали скипетръ революціи изъ рукъ квартала Сентъ-Мерри и Сентъ-Антуанскаго предмѣстія, послѣ чего обѣ эти мѣстности приняли уже почти буржуазный характеръ. Не утверждая положительнымъ образомъ, что такое мрачное предсказаніе случится, тѣмъ не менѣе можно смѣло сказать, что существованіе этого бродячаго нищаго и ожесточеннаго населенія, которое постоянно увеличивается всѣмъ отребьемъ, — всѣми общественными подонками Парижа, — представляетъ собою предметъ постояннаго опасенія для общественныхъ властей, отъ надвора которыхъ это населеніе постоянно ускользаетъ и эти опасенія должны будутъ неизбѣжно вызвать относительно его заботливость благотворительности.

Обзоръ этихъ царствъ нищеты, куда я хотѣлъ пригласить вмѣстѣ съ собою моихъ читателей, не будетъ слишкомъ продолжителенъ и не заведетъ насъ слишкомъ далеко. Пространство, которое намъ придется обозрѣть, уже само по себѣ довольно обширно, такъ что я даже не осмѣлюсь вести ихъ за собою во всѣ двадцать округовъ, гдѣ картины бѣдности, разумѣется, почти всѣ похожи одна на другую, слѣдовательно, имѣютъ въ себѣ много общаго. Впрочемъ, со времени преобразованій, совершенныхъ вышеупомянутой ломкой парижскихъ улицъ, въ условіяхъ жизни немущаго населенія въ Парижѣ, въ настоящее время, существуетъ какъ бы два рода нищеты, старая и новая: старая, которая прячется и жметъ въ шеститажныхъ домахъ городского центра и новая, которая разрастается и кишитъ въ кварталахъ, гдѣ живетъ всякій сбродъ. Эти два рода нищеты имѣютъ каждая не только свой особенный видъ, но даже свои особенные нравы, и мнѣ хотѣлось бы изучить вблизи какъ ту, такъ и другую. Для изученія давнишней нищеты мы выберемъ кварталы стараго Парижа, расположенные по правому берегу Сены, въ мѣстности гдѣ находились палаты Филиппа-Августа, и которая, будучи театромъ разныхъ средневѣковыхъ драмъ и преступленій, сдѣлалась потомъ свидѣтельницею роскоши XVII-го вѣка и разврата XVIII-го столѣтія: кварталы Куръ де-Миранль, Портъ Барбетъ, близъ которой былъ убитъ герцогъ Орлеанскій, улицу де-Лионъ-Сентъ-Поль, гдѣ жила мадамъ де-Севиньи, улицу Кинкампуа, гдѣ Лоу открылъ свои банковыя операціи. Въ періодъ первой имперіи и реставраціи, эти кварталы сдѣлались резиденціей того міра крупныхъ торговцевъ, которыхъ такъ живо описывалъ Бальзакъ, каковы его Биротѣ, Митифа, Кревель, Попинѣ и прочіе обитатели улицы Бурдонэ и Куръ-Батавъ. Теперь же, хотя въ этихъ кварталахъ преимущественно живетъ полупростонародный людъ, — маленькіе лавочники и мастеровые, берущіе себѣ работу на домъ, — тутъ пріютилась также и нищета. Тамъ есть множество маленькихъ улицъ, изъ которыхъ одна (самая узкая изъ всѣхъ парижскихъ улицъ) называется Рю-де-Венизь; потомъ есть улица Мобюэ, переулокъ Берто, по которому даже нѣтъ никакого проѣзда, улица Гренъе сюръ-л'О, жалкій видъ которой представляетъ собою поразительный контрастъ съ внѣшностью нѣкоторыхъ, еще уцѣлѣвшихъ, старинныхъ барскихъ отелей, какъ напримѣръ: Отель де-Субизъ, превращенный

впослѣдствіи въ зданіе государственныхъ архивовъ и отель де-Люксембургъ, величественныя ворота котораго выходятъ на маленькую улицу Жофруа Ланье. Впрочемъ, мы лучше займемся другимъ, еще болѣе древнимъ парижскимъ замкомъ, который былъ въ одно и то же время первымъ увеселительнымъ мѣстомъ нашихъ древнихъ королей и первой колыбелью науки: я собственно подразумѣваю ту мѣстность, которая идетъ вдоль лѣваго берега Сены до площадки находящейся на самой верхушкѣ горы Сентъ-Женевьевъ и которая на административномъ языкѣ называется V-мъ округомъ, или округомъ Пантеона.

Границы этого округа образуются набережными, большой прямой линіей бульвара Сентъ-Мишель, до перекрестка Обсерваторіи, бульвары Поръ-Рояль, Сентъ-Марсель и де-л'Опиталь, вплоть до Jardin des Plantes. Въ административномъ отношеніи, онъ, подобно всѣмъ прочимъ округамъ, раздѣленъ на четыре квартала.

Но я измѣню такое раздѣленіе по своему и тѣмъ способомъ, который болѣе соответствуетъ предмету нашего изученія, сдѣлавъ это слѣдующимъ образомъ и обозначивъ его тремя кварталами: монастырскимъ, школьнымъ и нищенскимъ. Монастыри и школы занимаютъ собою всю площадку на верхушкѣ горы Сентъ-Женевьевъ и всѣ отлогости послѣдней, спускающіяся къ Сенѣ. На площадкѣ преобладаютъ монастырскія зданія. Въ эти-то самые монастыри, пріобрѣвшіе такую извѣстность, какъ напримѣръ, монастырь Поръ-Рояль де-Пари, обитель кармелитокъ въ улицѣ Сентъ-Жакъ, бывшая послѣднимъ убѣжищемъ мадемуазель де-Лавальеръ, куда кающіяся женщины или дамы, утомленные шумомъ свѣта, удалялись, два вѣка тому назадъ, искать душевнаго спасенія и спокойствія. Нѣкоторые изъ этихъ пріютовъ существуютъ еще даже до сихъ поръ съ тою только разницею, что они укрываютъ въ своихъ стѣнахъ другаго рода обитательницъ, какъ напримѣръ, прежній монастырь визитантинокъ, гдѣ благочестивыя сестры обители Сентъ-Мишель даютъ убѣжище молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ имъ поручаетъ префектура полиціи. Отъ другихъ монастырей не осталось даже и слѣда, кромѣ воспоминанія объ ихъ названіи, какъ напримѣръ, обитель урсулинокъ, къ старинному саду который примыкаетъ тихая, безмолвная улица, и монастырь фельянтинокъ, зеленые сады котораго воспѣлъ Викторъ Гюго, — главнымъ образомъ ту широкую аллею, гдѣ поэтъ игривалъ, еще будучи ребенкомъ, и которую теперь замѣнила вновь проложенная широкая дорога. Другія обители были выстроены вслѣдствіе безотчетныхъ мистическихъ стремленій, развивающихся, даже въ наше время, въ душахъ нѣкоторыхъ людей потребность выказать свой протестъ противъ узости рамокъ того кругозора, въ который научныя теоріи естественно-историческаго направленія сіяются втиснуть человѣчскій духъ. Неподалеку отъ музея находится Ульмскій монастырь, гдѣ благочестивыя монахини, днемъ и ночью распространяя ницъ предъ алтаремъ, молятъ Бога объ отпущеніи чужихъ грѣховъ и беззаконій. Что же касается всякихъ учебныхъ заведеній и коллегій, то онѣ, со времени основанія школы св. Женевьевовой, — гдѣ происходили словесныя поединки между Абеларомъ и Гильомомъ де-Шам-

по,—постоянно захватываютъ собою всю мѣстность, начиная съ вершины и спускаясь по отлогостямъ горы. Видъ той мѣстности, которая сохранила за собою старинное названіе Латинскаго квартала, также очень измѣнилась за послѣднія двадцать лѣтъ. Мюргэ не узналъ бы тамъ прежнихъ улицъ и напрасно сталъ бы отыскивать типъ прежней гризетки, которую замѣнилъ другой типъ продажныхъ женщинъ, посѣщающихъ Café Dogé или пивныя лавочки бульвара Сентъ-Мишель. А въ кварталѣ нищеты, пожалуй, произошла еще большая перемѣна.

Въ прежнее время нищета какъ бы широкимъ поясомъ охватывала весь низъ горы Сентъ-Женевьевъ, раскинувшись вдоль набережныхъ по мѣстностямъ, гдѣ прежде находился Кло-де-Лилл, называвшійся въ старину садомъ Палэ-де-Термъ, и тамъ, гдѣ находились Кло-де-Мовуазенъ и де-Гарландъ; это послѣднее названіе сохранилось и до сихъ поръ за одной улицей. Она тянулась еще далѣе позади строеній, принадлежащихъ къ отелю-Дьё, пересѣкаемая пустырями Halle des Vins, огибала гору и подымалась по крутымъ уступамъ вплоть до Сентъ-Этьенъ-дю-Монъ и до стариннаго аббатства, гдѣ впоследствии помѣщалась коллегія Генриха IV. Центромъ всего этого квартала была площадь. Моберъ, та самая старинная народная площадь, которая получила свое названіе отъ искаженнаго имени великаго ученаго: «мэтръ Альберъ», и которая имѣетъ не только свой собственный языкъ, извѣстный, какъ особенный французскій говоръ площади Моберъ, но также свою собственную литературу, такъ что на театрѣ Кмони, черезъ каждые два-три года, къ величайшему удовольствію жителей этого квартала, возобновляется на сценѣ представленіе старинной драмы, подъ заглавіемъ «Львица площади Моберъ». Во всемъ этомъ районѣ былъ полный просторъ для царства нищеты, которая была тамъ совершенно у себя дома и куда никто не заглядывалъ, кромѣ всюду проникающаго глаза благотворительности. Уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, видъ этого квартала совершенно преобразовался; проложеніе бульвара Сентъ-Этьенъ какъ бы вскрыло внутренность самаго квартала. Пройдя по самой серединѣ площади Моберъ, которую бульваръ почти совсѣмъ уничтожилъ, онъ какъ бы перерѣзалъ нищету пополамъ. Одна часть ея отброшена была вдоль берега Сены, на узкую полосу земли, находящуюся между бульваромъ и набережной; другая притиснута къ отлогостямъ горы Сентъ-Женевьевъ, гдѣ широкія пробойны, сдѣланныя въ улицѣ Манжъ, повлекшія за собою проложеніе еще другихъ новыхъ путей для столичнаго движенія, отодвинули ее еще далѣе. Высокій барьеръ домовъ, выстроенныхъ изъ дикаго камня, нижніе этажи, которыхъ заняты лавками торговцевъ, а верхніе—живущими тамъ семейными людьми-учителями и мелкими рабътѣ, раздѣляетъ въ настоящее время эти два скопища нищеты, о существованіи которой никогда не можетъ прійти въ голову тому, кто ограничился бы только проѣздомъ вдоль бульвара или улицы Монжъ. Но, поднявшись на ту высоту, гдѣ находятся Юліановы Термы или къ Колежъ-де-Франсъ, попробуйте свернуть въ сторону, въ какойнибудь изъ переулковъ, ведущихъ отъ бульвара къ набережной, и тогда, про-

шедши лишь нѣсколько шаговъ, вы очутитесь какъ бы за сто миль отъ всякой цивилизаціи и видимыхъ слѣдовъ прогресса. И вы, дѣйствительно, будете въ самомъ сердцѣ того квартала, въ которомъ перо Эжена Сю изобразило нѣкоторыя сцены романа *Mystères de Paris*; вы очутитесь въ цѣломъ лабиринтѣ переулковъ съ высокими домами, гдѣ скопилась масса нищеты, гдѣ укрывается порокъ, почти всегдашній ея спутникъ, имѣющій здѣсь любимые притоны для своихъ преступныхъ сходбищъ. Эти притоны, кромѣ тѣхъ, которые помѣщаются уже въ извѣстныхъ своею дурною репутаціею домахъ улицы Мэтръ-Альберъ (сохранившей свое названіе въ память знаменитаго доминиканца) и улицы Захари, находятся также въ Шато-Ружъ и Перъ-Люнетъ. Этотъ Шато-Ружъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ великолѣпнымъ Шато-Ружемъ въ Шоссэ—де-Клиньянкуръ, есть ничто иное, какъ обширный кабакъ, помѣщающійся въ улицѣ Галандъ, во дворѣ, и наружная стѣна котораго выкрашена краской цвѣта бычачьей крови. У воротъ всегда стоитъ толпа людей весьма подозрительной наружности, которые неприятно смотрятъ на всякаго посторонняго посѣтителя. Внутри этого кабака, въ первой залѣ, гдѣ продаются спиртные напитки, вся мебель состоитъ изъ столовъ и скамеекъ, и на ней всегда сидитъ множество пьяницъ. Затѣмъ идетъ другая зала, еще болѣе темная, гдѣ спятъ напившіяся до безчувствія женщины, будить которыхъ не слѣдуетъ, потому что онѣ съ просонья стали бы буянить. А кабакъ Перъ-Люнетъ, напротивъ, есть просто дрянная лавчонка, находящаяся въ вонючемъ закоулкѣ Rue des Anglais, которая получила свое трагическое названіе отъ вывѣски, на которой изображена пара очковъ самыхъ колоссальныхъ размѣровъ. Прилавокъ съ жестяными стаканами, изъ которыхъ пьютъ стоя и около котораго всегда толпится пропасть всякаго народа, желающаго выпить; въ глубинѣ лавчонки крохотная каморка, куда съ трудомъ можно пробраться,—вотъ и вся обстановка этого заведения, и притягательная сила такихъ неприглядныхъ мѣстъ можетъ объясниться единственно лишь тѣмъ, что люди, совѣсть которыхъ нечиста, всегда ищутъ мрачныхъ убѣжищъ въ этомъ родѣ, которыя по ночамъ бываютъ биткомъ набиты, такъ что на лавкахъ уже положительно негдѣ присѣсть.

Что же касается собственно нищеты, то она обитаетъ понемногу вездѣ, въ узкихъ, мрачныхъ и кривыхъ улицахъ, существованіе которыхъ скрывается за стѣнами высокихъ фасадовъ домовъ, выходящихъ на бульваръ и на набережную. Давнишнее существованіе этихъ улицъ доказывается самою вульгарностью ихъ названій, какъ напримѣръ: улица Гюшетъ, улица Бюшери, улица Паршеми-нери. Между прочимъ, есть также и такія названія улицъ, которыя связаны съ самыми древними историческими воспоминаніями, напримѣръ: улица Сень-Жюльенъ ле-Повръ, которая вела къ древней базиликѣ, часто посѣщавшейся Григоріемъ Турскимъ и посвященной покровителю заблудившихся путешественниковъ, гдѣ, судя по старинному описанію города Парижа:

Saint Julien
Qui héberge les chrétiens;

улица дю Фуаръ, гдѣ въ средніе вѣка находили убѣжище студенты, не находившіе себѣ квартиръ по отлогостямъ горы Сентъ-Женевьевъ; улица де-л'Отель Кольберъ, гдѣ еще до сихъ поръ существуютъ дугообразныя ворота, съ черной мраморной доской наверху, и гдѣ когда-то жилъ великій министръ со своимъ семействомъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ улицъ находятся шести или семи-этажные дома, куда нужно взбираться по лѣстницамъ съ покривившимися ступенями. Нѣкоторыя изъ комнатъ, гдѣ помѣщаются жильцы этихъ домовъ, выходятъ окнами на улицу, что, впрочемъ, не дѣлаетъ ихъ болѣе свѣтлыми; а другія окнами выходятъ на внутренній дворъ, имѣющій подобіе колодца, на дно котораго никогда не проникаетъ дневной свѣтъ. Всѣ эти дома переполнены жителями (въ одномъ изъ такихъ домовъ, находящемся въ улицѣ Галандъ, помѣщается до полутороста жильцовъ) и при этомъ нужно замѣтить, что никогда ни одна комната не остается незаятаю. По обыкновенію, онѣ занимаются довольно тихими людьми, работающими по близости, которые не хотятъ слишкомъ удалиться отъ мѣста своей работы, какъ-то: городскими подметальщиками (они цѣлою колонією занимаютъ одинъ домъ въ улицѣ Паршеминери), носильщиками и чернорабочими, призываемыми при переноскѣ тяжестей на набережныхъ или въ Halle des Vins, и вообще такими людьми, профессія которыхъ принадлежитъ къ самому низшему разряду, не требуетъ ничего, кромѣ физической силы, и не представляетъ для труженника никакихъ надеждъ на улучшеніе его положенія въ будущемъ. Эти бѣдняки помѣщаются скученными артелями въ крошечныхъ, тѣсныхъ квартирахъ, которыя состоятъ изъ одной комнаты, выходящей окнами на улицу, и маленькой кухни, куда свѣтъ проникаетъ изъ крошечнаго оконца, выходящаго на дворъ или на лѣстницу. А когда пойдутъ дѣти (которыя у нихъ обыкновенно рождаются во множествѣ), то кухня превращается въ спальню, гдѣ дѣти спятъ на полу на соломенныхъ тюфякахъ. За такіе гнилые углы платится непомѣрная цѣна. Невозможно имѣть такую квартиру въ двѣ комнаты дешевле, чѣмъ за 250 франковъ въ годъ. Иногда за одну комнату платится отъ 150 до 200 франковъ, смотря потому, въ какомъ этажѣ дома она находится и выходитъ ли она окнами на улицу, или на дворъ. Въ улицѣ Сентъ-Жюльенъ-ле-Повръ, за одну комнату, гдѣ въ два часа пополудни уже не возможно безъ огня сдѣлать ни одного стежка при швейной работѣ, платится въ годъ 160 франковъ, а за половину мансарды, перегороженной досками на двое,—гдѣ между кроватью и стѣною двоимъ уже негдѣ повернуться,—платится 120 франковъ. При внимательномъ осмотрѣ такихъ квартиръ, я узналъ, что только двѣ изъ нихъ отдаются не болѣе, какъ за 100 франковъ въ годъ. Одна изъ нихъ находилась на улицѣ Гюшетъ, въ шестомъ этажѣ, и входъ въ нее былъ не черезъ дверь, а черезъ какое-то низенькое отверстіе, куда пролѣзть нельзя было иначе, какъ согнувшись совершенно. Потомъ, выпрямившись, вы попадаете въ самую комнату. Я не знаю, впрочемъ, можно ли назвать этимъ именемъ нѣчто въ родѣ квадратнаго ящика или сундука, освѣщаемаго въ углу слуховымъ окномъ. Узенькая желѣзная кровать, очевидно, недавній даръ благотвори-

тельного бюро, трехногий стулъ, нѣсколько лохмотьевъ, повѣшенныхъ на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну,—вотъ и вся обстановка двоихъ стариковъ, которыхъ средства къ существованію представлялись положительной загадкой для всѣхъ остальныхъ жильцовъ этого дома. Другая, подобнаго рода, квартира находилась въ мансардѣ, въ улицѣ Метръ-Альберъ. Это были палаты, устроенныя подъ самой крышей, гдѣ на пространствѣ, какое бы могъ занять альковъ для кровати, жили: отецъ, мать и четверо дѣтей. Отецъ, служившій носильщикомъ тяжестей при одномъ магазинѣ, еще съ разсвѣтомъ дня ушелъ на свою работу; мать, захворавшая нѣсколько дней тому назадъ, отправилась посоветоваться съ докторомъ, состоящимъ при центральномъ бюро; а старшая сестра, оставшаяся одна, чтобъ присмотрѣть за прочими троими малютками, говоря со мною, выразила надежду, что мать ея будетъ бесплатно принята въ больницу.

Для того чтобы дать читателю понятіе еще о другаго рода нищѣ въ этихъ самыхъ кварталахъ, мы должны будемъ опять вернуться на бульваръ, начинающійся отъ площади Моберъ, и пойти вдоль улицы Монжъ до того мѣста, гдѣ она пересѣкается новою улицею Гобелэнъ. Дошедши до старинной церкви Сентъ-Медаръ, окруженной хорошенькимъ садикомъ, разведенномъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилось знаменитое кладбище, мы повернемъ направо и очутимся въ самомъ центрѣ этого квартала, называвшагося прежде предместьемъ Сентъ-Марсо, которое въ продолженіе многихъ лѣтъ считалось самымъ бѣднѣйшимъ кварталомъ во всемъ Парижѣ. Его какъ бы перерѣзываетъ во всю длину людная улица, которая вела прежде на самую вершину горы Сентъ-Женевьевъ и Монъ-Сетаръ, куда люди отправлялись на поклоненіе мощамъ св. Марсея. Безцеремонное искаженіе народнымъ говоромъ этого послѣдняго названія переименовало длинную артерію парижской жизни (улицу Монъ-Сезаръ) въ улицу Муфетаръ, которая сдѣлалась людною и торговою улицею, и которую можно было бы назвать улицею Рিশелье, или Вивьенъ этого квартала. По обѣимъ сторонамъ ея только и видѣлись лавочки мелочныхъ торговцевъ, винныя лавочки и трактиры. Около шести часовъ вечера,—то есть, въ ту минуту, когда мастеровые возвращаются со своей работы, а женщины, надѣвъ чепчикъ на голову и корзинку на руку, отправляются покупать съ лотковъ у разнощиковъ запасы провизии, необходимой для своего скромнаго обѣда, причемъ онѣ отчаянно торгуются изъ-за всякой бездѣлицы,—тутъ происходятъ неописуемый шумъ, гамъ и толкотня.

Вечеромъ лавочки винныхъ торговцевъ бываютъ переполнены посетителями, а два раза въ недѣлю собраніе дю - Вьё - Шенъ открываетъ свои salons (какъ гордо объявляется въ афишѣ) для увеселенія одѣтой въ отрепья толпы. Нищета обитаетъ понемногу вездѣ въ этомъ кварталѣ, начиная съ самой улицы Муфетаръ, хотя въ ней уже мало-по-малу начинаетъ преобладать полубуржуазное населеніе, но въ особенности нищета держится въ прилегающихъ къ ней переулкахъ, большинство которыхъ носить весьма живописныя названія, въ родѣ: улица Грасьезъ, улица Па-де-феръ-Сентъ

Марсель, улица Арбалетъ, улица Маршэ-де-Патріаршъ. Въ этихъ переулкахъ живетъ бѣдное населеніе, состоящее большею частію изъ поденщиковъ, торговцевъ подержанными вещами, лавочниками низшаго разряда и тряпичниками. Послѣдніе, впрочемъ, перебрались отсюда и въ другіе районы, гдѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить о нихъ, и въ настоящее время занимаютъ тутъ только одинъ узкій и грязный переулокъ, носящій названіе улицы Медаръ. Я не возьмусь рѣшить положительнымъ образомъ, при болѣе ли жалкихъ условіяхъ живетъ этотъ народъ, чѣмъ населеніе переулковъ, примыкающихъ къ Сенъ? Дома, гдѣ онъ живетъ, менѣе высоки, но зато онъ пользуется въ своихъ канурахъ нѣсколько большимъ количествомъ свѣта и воздуха. Но вообще комнаты въ этихъ домахъ гораздо меньше, и рѣдкая квартира состоитъ болѣе чѣмъ изъ одной комнаты, гдѣ семейство помѣщается въ ужасной тѣснотѣ, какъ попало. Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ находятся въ уровень съ почвой и получаютъ свѣтъ единственно лишь черезъ стеклянную дверь, разбитые переплеты которой весьма часто, вмѣсто стеколъ, биваютъ заклеены листомъ старой газеты; провѣтрить эту комнату можно только открывъ настежь дверь, а такъ какъ въ комнатѣ нѣтъ печной трубы, то нужно готовить пищу у самаго порога. За такого рода мрачныя подземелья, которыя во множествѣ выходятъ на дольшой дворъ, находящійся въ улицѣ Бертола, все таки платится не менѣе 150 франковъ въ годъ. Для того, чтобы имѣть двѣ комнаты, нужно заплатить 200 франковъ, а такую роскошь немногіе могутъ себѣ позволить. А, между тѣмъ, не смотря на всѣ тѣ условія бѣдности, тѣсноты и грязи, при которыхъ живетъ это населеніе, оно имѣетъ, относительно, довольно порядочный и приличный видъ. Если вы зайдете къ этимъ людямъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, то они всегда примутъ васъ съ почитительностью и непремѣнно выразятъ вамъ свою признательность за то терпѣніе, съ какимъ вы выслушаете длинную повѣсть ихъ несчастій. Когда же они являются въ мѣрю съ просьбою о пособіи, или въ благотворительное бюро, чтобы посоветоваться съ докторомъ, то, вмѣсто того чтобы выставить напоказъ свою нищету, они стараются, насколько возможно, скрыть ее. Мнѣ случилось однажды видѣть множество такихъ людей, которые одинъ по одному входили въ домъ раздачи пособій, находящійся въ улицѣ L'Épis-de-Bois гдѣ, полвѣка тому назадъ, сестра Розалія смѣло водрузила знамя благотворительности, которая, однако жъ, не смотря на уваженіе къ памяти покойной, не въ состояніи была удержаться на своей прежней степени высоты. Отправляясь на консультацію къ доктору, мужчины снимали свой рабочій костюмъ и замѣняли его другимъ, а женщины одѣвались въ самое опрятное платьѣ и на голову надѣвали чисто вымытый чепчикъ. Большинство являлось съ просьбою дать имъ именно такихъ лѣкарствъ, которыя въ сущности представляютъ для нихъ нѣчто въ родѣ лакомства, прибавляемаго ими къ своему скромному обычному обѣду, напримѣръ, отвара какой нибудь лѣкарственной травы, какого нибудь сиропа, лишь бы только онъ былъ сладкій, и почти всегда они просятъ дать имъ хиннаго вина, которое у нихъ въ большемъ почетѣ, собственно не за свойство самаго хинина, а потому что

онъ настоенъ на винѣ. При этомъ врачъ одному выдавалъ просимое, другому отказывалъ, руководствуясь личными свѣдѣніями о ихъ положеніи и нуждахъ. Изъ семидесяти человѣкъ явившихся къ доктору на консультацию, было всего только двадцать человѣкъ дѣйствительно больныхъ, а всѣ прочіе оказывались нищими. Весь этотъ людъ униженно просилъ, смиренно благодарилъ, но, появившись снова на улицѣ, ни видомъ своимъ, ни манерой, нимало не отличался отъ полудостаточнаго населенія этого квартала. Давнишняя нищета, привыкшая безпрестанно сталкиваться съ довольствомъ, всегда какъ будто стыдится самой себя и, если она умѣетъ ловко испрашивать себѣ пособія, если она отлично знаетъ всѣ ресурсы благотворительности, къ которой постоянно обращается, то у нея есть своего рода стыдъ, вслѣдствіе котораго она старается скрыть свое положеніе, а не выставлять его на улицѣ всякому встрѣчному на показъ.

Теперь перейдемъ, такъ сказать, въ самое сердце новой нищеты; но для этого намъ понадобится идти слишкомъ далеко. Отправимся же вдоль вновь проложенной улицы Гобеленъ, перейдемъ на другой берегъ Бьевора,—этой рѣчки, получившей всеобщую извѣстность, но съ неизвѣстнымъ теченіемъ, которая какъ будто рада скрыть подъ землею свои мутныя воды,—и, оставивъ въ сторонѣ направо старинную королевскую фабрику ковровыхъ обоевъ, которая называется по имени своихъ основателей Гобеленъ, а налѣво—большія красивыя и дубильныя заведенія, которыя, съ незапамятныхъ временъ, существуютъ на берегу рѣчки Бьевръ,—и мы очутимся на Пласъ-д'Итали, гдѣ въ прежнее время находилась застава, черезъ которую въѣзжали въ Парижъ дорожныя повозки лонскихъ и марсельскихъ провинціаловъ, и откуда выѣзжали почтовые коляски съ отправлявшимися въ Италію рѣдкими путешественниками, довольно богатыми и довольно смѣлыми, для того чтобы предпринять такую поѣздку въ столь отдаленные края. Но со времени присоединенія пригородныхъ деревень къ Парижу, отодвинушему городскіе предѣлы вплоть до самыхъ укрѣпленій, Пласъ-д'Итали сдѣлалась центромъ новаго округа, XIII-го, въ составъ котораго входятъ четыре квартала: Сальпетриеръ, Гаръ, Мезонъ-Бланшъ и Круль-Барбъ. Хотя XIII-й и V-й округъ граничатъ другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе невозможно представить себѣ двухъ районовъ, болѣе противоположныхъ по своимъ мѣстнымъ условіямъ. Пятый округъ населенъ густо и скученно, между тѣмъ какъ населеніе XIII-го округа широко раскинулось на просторѣ. V-й округъ имѣетъ въ окружности 249 гектаровъ на 104,373 жителей, чтó составляетъ 23 кв. м. и 86 долей на одного жителя; между тѣмъ какъ на просторствѣ XIII-го округа, занимающаго собою площадь въ 625 гектаровъ на 72,203 жителей, приходится по 86 кв. м. и 56 долей на cadaго жителя; вслѣдствіе чего нѣкоторыя части округа и, между прочимъ, кварталъ Мезонъ-Бланшъ, сохранили еще свой сельскій характеръ. Даже самыя улицы носятъ деревенскія названія, какъ напримѣръ: улица Муленъ-де-Прэ, улица Фонтенъ-Мюларъ, улица Бютъ-о-Каль. Я даже нисколько не удивился бы, еслибъ мнѣ сказали, что прилегающій къ послѣдней

пригорокъ еще до сихъ поръ служить мѣстомъ отдыха для перелетныхъ птицъ, отчего онъ собственно и получилъ свое названіе, потому что иногда, въ холодный декабрьскій или январскій день, мнѣ случалось видѣть, какъ на прудъ, образуемый въ довольно глубокой ложинѣ водами рѣчки Бьевръ, спускалась стая дикихъ утокъ и пряталась тамъ нѣсколько дней въ камышахъ. Этотъ прудъ окруженъ пустырями, на которыхъ свободно пасутся коровы, овцы, козы, подъ надзоромъ какого нибудь малолѣтка или старухи. Около домовъ нѣкоторыхъ буржуа, въ прилегающихъ садахъ, обнесенныхъ досчатыми заборами, выкрашенными бѣлою, рѣжущою глаза, краскою, еще сохранились цѣлыя рощи сирени, цвѣты которой наполняютъ своимъ благоуханіемъ весенній воздухъ. Если въ ясный вечеръ смотрѣть съ виадука, проложеннаго по улицѣ Толъбиакъ, на заходженіе солнца, спускающагося за обсерваторію Монсури,—куполь которой напоминаетъ собою куполь мечети, когда колокольная церковь Сень-Шьеръ дю Монъ Ружъ вырисовывается на румяномъ горизонтѣ своими красивыми очертаніями, придающими ей подобіе минарета,—то воображеніе переноситъ васъ невольно на востокъ и воспроизведеніе этой картины, достойной кисти хорошаго художника, уже во всякомъ случаѣ болѣе подходило бы къ природѣ, чѣмъ претендующія на реальность подлинныя изображенія восточныхъ видовъ, какими бывають переполнены выставки картинъ, устраиваемыя на бульварахъ и разныхъ базарахъ. Можетъ быть, впрочемъ, я слишкомъ увлекся въ моемъ описаніи, но все же я полагаю, что для тѣхъ людей, которые находятся подъ постояннымъ тяжелымъ гнетомъ нищеты, жизнь въ этихъ лачужкахъ, разсыпанныхъ по склону долины, спускающейся къ рѣкѣ Бьевръ, должна казаться легче, чѣмъ для обитателей тѣхъ высокихъ домовъ, которые были описаны нами на предшествовавшихъ страницахъ. Они, по крайней мѣрѣ, имѣють отраду пользоваться воздухомъ и свѣтомъ, и сидя у порога своихъ домовъ, могутъ погрѣться на солнцѣ въ хорошую погоду.

Теперь спустимся къ бульвару де-ла-Гаръ, по направленію Орлеанской желѣзной дороги. Въ уровень съ площадью, которую недавно окрестили именемъ Пласъ-Дорэ, между бульваромъ де-ла-Гаръ и бульваромъ де-л'Опиталь, находится участокъ земли, сданный на долгій срокъ разнымъ жильцамъ. Часть этого пространства понемногу стала разстраиваться лачужками и вся эта мѣстность получила названіе Ситэ-Дорэ, что можно было бы принять за насмѣшку, но что объясняется именно тѣмъ, что Дорэ — фамилія лица, дающаго этотъ участокъ земли. Эти, въ три ряда выстроенныя, лачуги или бараки состоятъ изъ двухъ этажей, подвального и верхняго, въ который ведетъ внутренняя лѣстница съ полусгнившими ступеньками. Онѣ почти всѣ заняты семействами лоскутниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ семействъ,—но такихъ очень немного,—живутъ въ верхнемъ этажѣ, а въ подвальномъ складываютъ въ кучу собранное ими тряпье. Выброшенные кости, старые лохмотья и обрѣзки, всякаго рода хламъ прѣютъ въ этой кучѣ и распространяють вокругъ себя какой-то кисло-прогорьклый запахъ, къ которому уже привыкли обитатели этихъ помѣщеній; злого-

ніе, грязь, неопрятность и унижительная гадость, посреди которой они живутъ, превосходятъ всякое описаніе. Тому, кто побывалъ въ Ситэ-Дорэ, можетъ показаться, что ему никогда не придется видѣть ничего болѣе ужаснаго; но это было бы съ его стороны большимъ заблужденіемъ. Параллельно съ этой колоніей и по направлению къ бульвару де-л'Опиталь находится еще другой пустырь, куда, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, жители Ситэ сваливали все свое негодное къ употребленію тряпье. Но мало-по-малу тѣ, которыхъ дороговизна квартирной платы (около 120 франковъ въ годъ) лишала возможности найти себѣ помѣщеніе въ самомъ Ситэ, поселились на этомъ пустырьѣ, въ шалашахъ, сколоченныхъ изъ досокъ или сдѣланныхъ изъ хвороста и глины, и за которые они платятъ не болѣе 70 или 80 франковъ въ годъ. Количество такихъ шалашей быстро увеличивается и народная фантазія изобрѣла для этого новаго поселка названіе колоніи Крумиръ. Посреди этого склада тряпья, мнѣ самому пришлось увидѣть одного старика съ женой, жившихъ въ передвижной, сколоченной изъ досокъ, крытой тельжкѣ. Вслѣдствіе такого замысловатаго способа, они платили только за мѣсто, занимаемой ихъ тельжкой, что составляло пространство не болѣе какъ въ нѣсколько метровъ. Мужъ былъ чело-вѣкъ уже почти совсѣмъ выжившій изъ ума, а жена была уже слишкомъ стара для того, чтобы работать. Но чѣмъ существовали они? Это для всѣхъ было тайной. Рядомъ съ этой тельжкой находилась какая-то полутворенная калитка; заглянувъ въ нее, я увидѣлъ дворъ, загроможденный тряпьемъ и всякимъ хламомъ, куда былъ выходъ изъ трехъ шалашей, положительно ничѣмъ не отличающихся отъ свиныхъ хлѣбовъ, какія мы видимъ въ деревняхъ. На порогѣ одного изъ этихъ хлѣбовъ сидѣла старуха; она занята была тщательнымъ соскабливаніемъ съ кости, найденной ею въ кучѣ навоза, тѣхъ крошекъ оставшагося мяса, которыми она потомъ посыпала кусокъ хлѣба, собиравшая его съѣсть: это была тряпичница. Я хотѣлъ вступить съ нею въ разговоръ, чтобы получить нѣкоторыя свѣдѣнія объ ея существованіи и о способѣ ежедневнаго заработка, но, вмѣсто отвѣта, она прошамкала нѣсколько совершенно безсвязныхъ словъ, причемъ я имѣлъ случая убѣдиться, что она была совсѣмъ пьяна.

Не желая продлить долѣе, чѣмъ нужно, такого рода грустную прогулку, которая можетъ утомить моихъ читателей своимъ однообразіемъ, я тѣмъ не менѣе попрошу ихъ перенестись вмѣстѣ со мною на другой конецъ Парижа,—въ тотъ обширный районъ, который тянется отъ мѣстности Пэръ-Лашэзъ до бассейна Вильеты, между вышними бульварами и укрѣпленіями. Прежде чѣмъ пригородныя селенія были присоединены къ Парижу, онѣ составляли собою особенный округъ, образуя деревушки и выселки, отдѣленные другъ отъ друга пустырями и называвшіеся: Шаронъ, Мениль-Монтанъ, Бельвиль, Вильеть. Впослѣдствіи изъ нихъ образовались два округа, XIX-й и XX-й. Хотя присоединеніе этихъ мѣстностей къ городу придадо имъ болѣе или менѣе однообразный видъ, но въ каждой изъ нихъ еще до сихъ поръ сохранились слѣды прежней фязіономіи. Шаронъ,—бывшій прежде большимъ селомъ, гдѣ

жили огородники,—сохранилъ совершенно деревенскій видъ со своими домиками, окруженными садами, гдѣ имѣется по нѣскольку плодовыхъ деревьевъ, и съ своей старою церковью, возвышающеюся на пригоркѣ, посреди кладбища. Мениль-Монтанъ и Вильеть какъ были, такъ и остались весьма многолюдными мѣстностями, обитаемыми почти исключительно рабочимъ людемъ. Но всего болѣе измѣнился видъ Бельвиля, который въ 1825 году былъ описанъ Дюлеромъ слѣдующимъ образомъ: «Вся мѣстность Бельвиля, называвшагося прежде Пуатроввилемъ, застроена улицами и переулками съ прекрасными домами и садами, примыкающими къ виноградникамъ, къ полямъ, на которыхъ растутъ кусты смородины и сирени. Тамъ есть много тѣнистыхъ тропинокъ для пріятныхъ прогулокъ, а съ выступа небольшой площадки передъ глазами раскидывается великолѣпнѣйшая панорама».

Но теперь уже нѣтъ болѣе ни виноградниковъ, ни кустовъ смородины и сирени, ни тѣнистыхъ тропинокъ; все это исчезло, но въ верхней части Бельвиля еще осталось нѣсколько улицъ, названіемъ своимъ вызывающихъ сельскія воспоминанія, какъ-то: улица де-Буа, улица де-Про, улица де-Лилъ, гдѣ у нѣкоторыхъ мелкихъ рантѣе есть даже теперь свои собственные дома, которые служатъ имъ дачей на лѣтнее время. Что же касается нижней части Бельвиля, то ресторанъ *l'He d'Amour* и спускъ Куртиль уже въ достаточной степени доставили ей неслестную извѣстность, которая оставалась за Бельвилемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не приобрѣлъ себѣ другаго рода славы, сдѣлавшись «Авентинскою горою демократіи».

Соединенное населеніе этихъ двухъ округовъ доходитъ до 198,450 жителей (цифра не всегда встрѣчающаяся даже въ населеніи отдѣльныхъ городовъ), а общее, занимаемое ими, пространство составляетъ 1,087 гектаровъ, слѣдовательно, на каждого жителя приходится 54 кв. м. и 77 долей. Изъ этого можно вывести заключеніе, что нуждающіеся люди живутъ здѣсь при такихъ условіяхъ, которыя представляютъ собою нѣчто среднее между скученностью и просторомъ XIII-го округа. Большіе шеститажные дома, въ которыхъ вездѣ, гдѣ только есть маленькій уголокъ, подѣланы комнаты для жильцовъ, попадаются тутъ рѣдко. Въ здѣшнихъ домахъ обыкновенно бываетъ не болѣе двухъ-трехъ квартиръ, вслѣдствіе чего улицы, которыя здѣсь гораздо шире, чѣмъ въ другихъ подобнаго рода кварталахъ, конечно, оказываются уже менѣ мрачными и содержатъ въ себѣ большее количество свѣжаго воздуха. Плата за квартиры также дешевле, такъ что за 150 или 200 франковъ въ годъ тамъ можно имѣть маленькую квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ. Нѣкоторыя изъ этихъ квартиръ находятся въ домахъ довольно опрятнаго вида, гдѣ въ прежнее время, очевидно, жили семейства какихъ нибудь буржуа. Таковъ, преимущественно въ Менильмонтанѣ, видъ улицы де-Каскадъ, сквозь почву которой постоянно просачиваются родники, отъ которыхъ она и получила свое названіе. Но особенную характеристическую черту этихъ двухъ округовъ составляютъ разныя отдѣльныя группы домовъ, разныя узенькіе проходы и глухіе закоулки, которые положительно могутъ быть названы гнѣздомъ нищеты. Обыкновенно всѣ эти

строения понемногу раскидывались по пустырямъ, причемъ сама земля не принадлежитъ собственнику выстроеннаго на ней дома. Владѣльцемъ такихъ построекъ почти всегда бываетъ главный квартирантъ, который, нанявъ весь этотъ участокъ земли на долгодѣтній срокъ, застраиваетъ его одноэтажными бараками безъ фундамента, прямо на землѣ, скотивъ ихъ изъ досокъ и потомъ обмазавъ глиной. Онъ отдаетъ въ наемъ помѣщенія въ такихъ баракахъ не на какой либо продолжительный извѣстный срокъ, и не помѣсячно, а понедѣльно, за непомѣрно высокую цѣну: 2 фр. 50 сантимовъ за одну комнату, что составляетъ 140 фр. въ годъ. Такимъ образомъ, онъ получаетъ ежегодно на свои деньги прибыль 25% на 100, и такъ какъ онъ всегда требуетъ уплаты впередъ, то, слѣдовательно, и не рискуетъ ничѣмъ. Онъ не требуетъ отъ своихъ жильцовъ никакой собственной мебелировки, ни предъявленія какого либо имущества, такъ что цѣлое семейство можетъ прийти въ нанятую комнату, — какъ это часто и бываетъ, — только съ одной охапкой соломы для своего сна. Этотъ главный квартирантъ нерѣдко присоединяетъ къ такому рода промышленности еще другую: онъ начинаетъ торговать виномъ, и если въ числѣ его жильцовъ, которымъ онъ сдаетъ квартиры, найдется случайно хотя одинъ непьющій человекъ, то онъ нисколько не стѣсняется выгнать его единственно лишь на томъ основаніи, что такой жилецъ мало приноситъ ему барыша. По истеченіи двадцатилѣтняго срока найма земельного участка, главный квартирантъ кончаетъ свое коммерческое предпріятіе, приобретаетъ довольно кругленькій капиталецъ и перепродаетъ съ небольшимъ барышемъ сдѣланныя имъ постройки владѣльцу этого участка земли, который, не желая заниматься такой жалкой отраслью коммерціи, обыкновенно приказываетъ сломать ихъ всѣ, и такимъ образомъ лишаетъ крова цѣлыя сотни нищенствующихъ семействъ, поставленныхъ въ необходимость искать себѣ новаго убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Эти семейства, которыхъ, впрочемъ, предупреждаютъ объ этомъ заранее, все таки до самой послѣдней минуты не ищутъ себѣ другой квартиры, лаская себя несбыточною надеждою, что ихъ оставить жить тутъ даромъ, и такимъ образомъ остаются нѣкоторое время совсѣмъ безъ пристанища. Тогда начинаются жалобы и вопли противъ безчеловѣчности землевладѣльца, противъ недружелюбности общественной благотворительности, причемъ не даютъ себѣ труда справиться о томъ, справедливы ли эти жалобы, ибо въ дѣйствительности (какъ это было доказано въ весьма недавнее время) владѣлецъ участка пользуется въ этомъ случаѣ своимъ законнымъ правомъ, котораго только не хотѣла признать рассчитанная беззаботность жильцовъ. Къ этому нужно еще прибавить, что еслибъ владѣлецъ земельного участка имѣлъ слабость согласиться на занятіе жильцами подобнаго рода лачугъ на неопредѣленное время, то онъ вскорѣ превратился бы въ такіе вертепы, которые необходимо понадобилось бы закрыть ради общественной безопасности. Подобнаго рода опыты былъ уже сдѣланъ въ одномъ изъ такихъ выселковъ въ Клиньянкурфъ, и послѣдствія уже самымъ нагляднымъ образомъ доказали его вредъ.

Такъ возникли и такъ уничтожатся, конечно, когда нибудь эти колоніи улицы Мо, еще не имѣющія репутаціи колоніи Дорэ, но которыя имѣютъ еще болѣе заброшенной и ужасный видъ, какъ напримѣръ, колонія Гентъ, колонія Филиппъ, колонія Тарнъ. Въ настоящее время онѣ представляютъ собою узкія и короткія улицы, по обѣимъ сторонамъ застроенныя какими-то чуланами въ родѣ хлѣбовъ, гдѣ, въ страшной тѣсотѣ живутъ цѣлыя семьи, не имѣющія у себя никакой другой мебели, кромѣ кровати (такъ какъ по закону кровать не можетъ быть отнята въ обезпеченіе долга, какъ всякое другое имущество), гдѣ всякій уголь биткомъ набить цѣлою массою самыхъ безпашашныхъ и не имѣющихъ никакого ремесла людей. Зимой здѣсь по щиколку вязнуть въ густой грязи; въ самомъ центрѣ этой трупцобы находятъ два кабака, которые, служа для увеселенія духа всей колоніи, всегда стоятъ съ растворенными настежь дверями, откуда несетъ страшнымъ зловоніемъ; ноги тонуть въ кучахъ навоза, помоевъ, всякихъ осколковъ, обломковъ и хлама, а внутренность домовъ своей грязью и неопрятностью не уступаетъ уличной грязи и навозу. Нищета не имѣетъ здѣсь того приличнаго вида, на который мы указали въ VIII-мъ округѣ, ни того простодушнаго нѣтыя, какое преобладаетъ въ характерѣ населенія XIII-го округа. Нигдѣ не выдалъ я болѣе оборвышей и болѣе нахальныхъ фizioномій, какъ здѣсь. Когда я спросилъ однажды консьержа такого большаго притона: какимъ ремесломъ занимаются постояльцы охраняемаго имъ дома, то онъ отвѣчалъ: «Половина изъ нихъ тряпичники, а всѣ другіе—воры». Впрочемъ, такого рода поясненіе оказалось совершенно излишнимъ, такъ какъ я и ранѣе подозрѣвалъ это. Въ настоящее время, эти два парижскіе округа населены самымъ низкимъ отрѣбкомъ общества. Уже съ давняго времени домъ разврата и публичные балы, во множествѣ находящіеся по обѣ стороны здѣшняго бульвара, привлекаютъ къ себѣ погрязшихъ въ тинѣ порока мужчинъ и женщинъ, царство которыхъ начинается съ наступленіемъ сумерекъ. Въ прежнее время, бродягъ и воровъ привлекали въ эту мѣстность получившія потомъ всеобщую извѣстность «Американскія каменоломни», гдѣ они находили себѣ убѣжище и по имени которыхъ названъ былъ даже одинъ изъ кварталовъ XIX-го округа. Теперь же большинство этихъ каменоломенъ не существуетъ, но тѣмъ не менѣе прежніе обитатели ихъ понемногу разошлись всюду и потому нисколько не удивительно, что эта гнилая закваска проституціи и воровства въ еще большей степени способствовала развращенію нравовъ населенія. Точно также я нигдѣ не встрѣчалъ столько печальныхъ примѣровъ нравственнаго паденія. Я хочу представить здѣсь одинъ фактъ, за непристойность котораго заранѣе прошу извиненія у моихъ читателей, но который тѣмъ не менѣе необходимъ для болѣе полноты описываемаго мною предмета. Мнѣ совершенно случайно пришлось навѣстить, вмѣстѣ съ контролеромъ учрежденій общественной благотворительности, одну женщину, которая, схоронивъ своего сына, умершаго отъ какой-то болѣзни, обратилась въ администрацію общества благотворительности съ просьбою о пособіи. Женщина эта,—которую постоянная хромата лишила возможности работать и мужъ которой былъ по-

сажень въ тюрьму, — жила со своимъ отцомъ и другимъ ребенкомъ въ крошечной каморкѣ, гдѣ недостаточность мебели и нѣкоторыя другія обстоятельства, въ описаніе которыхъ я не буду вдаваться, убѣдили насъ, не смотря на слабыя оправданія со стороны самой женщины, въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между нею и отцомъ. Мы навели справки насчетъ всегдашняго поведенія этой женщины и намъ сказали, что въ тотъ самый день, когда чиновникъ, присланный отъ мэри, пришелъ засвидѣтельствовать фактъ смерти ея ребенка, онъ нашелъ ее въ той самой комнатѣ, гдѣ лежалъ трупъ маленькаго покойника, въ обществѣ двоихъ мужчинъ. Но всего болѣе поразило меня, что эта женщина нисколько не имѣла наглаго вида «исчадія природы». Она, какъ мнѣ показалось, даже довольно заботливо относилась къ оставшемуся у нея въ живыхъ ребенку, и ея смиренный, почти приличный видъ съ перваго взгляда нисколько не изобличалъ въ ней порочной женщины. Должно полагать, что не столько испорченность ея натуры, какъ горе и полная безпомощность довели ее до такого низкаго нравственнаго упадка. О, нищета, нищета! До чего доводишь ты иногда людей!

IV.

Полагаю, что я въ достаточной мѣрѣ, — можетъ быть даже слишкомъ подробно, — описалъ печальныя условія помѣщеній, гдѣ живетъ бѣдный парижскій людъ; впоследствии я намѣренъ коснуться, такъ сказать, нравственной стороны такого способа помѣщенія. Но, въ настоящее время, я ограничусь лишь тѣмъ, что пополню нѣсколькими цифрами изображенное мною матеріальное положеніе бѣняковъ. Прежде всего, скажу два слова по поводу наемной квартирной платы. Изъ 46,815 квартиръ, занятыхъ неимущимъ населеніемъ, 1,815 нанимаются за самую низкую плату въ 100 франковъ. Можно легко себѣ представить, какъ помѣщаются жильцы этихъ 1,815 квартиръ; 24,262 квартиры нанимаются за 100 или за 200 франковъ, а 6,192 квартиры — за 200 и 300 франковъ. Оказалось не болѣе 972 квартиръ, плата за которыя была выше суммы въ 300 франковъ, причемъ остальные квартиры были даровыя (какъ-то: комната привратника и т. п.). Необходимо припомнить эти цифры, когда мы коснемся построекъ, воздвигаемыхъ для помѣщенія бѣдныхъ. Изъ 46,815 квартиръ, 24,633, т. е. болѣе половины, состоятъ только изъ одной комнаты, а 17,234 изъ двухъ, изъ которыхъ одна — крошечная кухня; 3,000 квартиръ были совершенно лишены какого-бы то ни было приспособленія для топки (въ нихъ нѣтъ ни камина, ни печки); 5,144 имѣли только по одному маленькому оконцу, а 1,514 квартиръ получали свѣтъ изъ окна, выходившаго на лѣстницу или на коридоръ. Вотъ образчикъ того, что сдѣлано для удобства и здоровья несчастнаго люда! Что же касается количества кроватей, приходившихся на каждую квартиру, то въ 11,505 оказалось ихъ по двѣ, въ 5,910 по три, въ 1049 по четыре, а въ 82 по пяти. По скольку же человекъ спать на одной кровати? Само собою разумѣется, что относительно такого рода вопроса не суще-

ствуется никакихъ статистическихъ свѣдѣній. Но тѣмъ, кто посѣщали квартиры такихъ бѣдняковъ, извѣстно, что, безъ всякаго различія возраста, пола и семейныхъ отношеній, на каждую кровать приходится среднимъ числомъ по два и по три человѣка. Вотъ образчикъ того, что сдѣлано для нравственности нуждающагося люда! Что же касается того вида, въ какомъ находится внутренность этихъ квартиръ, того невообразимаго беспорядка и царственности здѣсь неопрятности и грязи,—то я уже въ достаточной степени указалъ на нихъ выше... Но, чтобы читатели не заподозрили меня въ преувеличеніи, я приведу здѣсь въ подлинникѣ отрывокъ изъ ученаго труда по поводу нездоровыхъ жилищъ, прочитаннаго въ Медицинской академіи, человѣкомъ, имя котораго получило двоякую извѣстность,—какъ въ области мелицины, такъ и въ области благотворительности,—именно: докторомъ Маржоланомъ. Состоя председателемъ общества покровительства дѣтямъ, докторъ Маржоланъ осматривалъ тысячу шестьсотъ вышеупомянутыхъ квартиръ. Такимъ образомъ, читатель можетъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ свидѣтельство его гуманной опытности подтверждаетъ мой поверхностный обзоръ.

«Для того чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ отвратительной неопрятности и о возмущающемъ душу развратѣ, какой мнѣ пришлось видѣть въ нѣкоторыхъ изъ подобнаго рода квартиръ,—такъ пишетъ докторъ Маржоланъ,—нужно взойти туда въ тотъ самый моментъ, когда онѣ только что покинуты жильцами, которые едва въ состояніи платить за свою квартиру еженедѣльно 1 фр. 25 сантимовъ. Весьма часто случается, что новый, нанявшій эту квартиру, жилецъ,—столь же бѣдный, какъ и его предшественникъ,—находить оконныя стекла выбитыми и замѣненными бумагой. Что же касается камина или печки, то вмѣсто нихъ остаются только какія-то развалины. Плиты пола мѣстами провалились и онѣ весь покрыты всякаго рода нечистотами, остатками ѣды и оборванными лохмотьями одежды. А бумага, которой заклеены окна, уже до такой степени грязна и ветха, что даже невозможно опредѣлить ея первобытнаго цвѣта, и притомъ она вся испещрена пятнами отъ раздавленныхъ клоповъ, которыхъ тутъ цѣлыя мириады и съ которыми, очевидно, жильцы каждую ночь ведутъ отчаянную битву. Вотъ каковъ тотъ жалкій пріютъ, который, будучи занятъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль какой нибудь несчастной семьей, даетъ потомъ убѣжище другой семьѣ, поверженной въ еще большую нищету. Привыкшая въ свою очередь къ такому рода существованію, эта семья нисколько не бываетъ поражена видомъ новаго жилья,—этой грязной, приведенной въ такое ужасное состояніе, комнаты. Живя въ постоянной беспорядочности и неопрятности, не все ли ей равно жить въ той или другой канурѣ? Она тамъ родилась и тамъ же кончитъ свое существованіе. Но если, вслѣдствіе разныхъ неожиданныхъ несчастій, случится какому нибудь работнику, любящему порядокъ и привыкшему къ болѣе приличной обстановкѣ, очутиться по необходимости въ одной изъ такихъ кануръ, чтобы не ночевать подъ открытымъ небомъ, то каково же должно быть уныніе и безотрадное чувство матери, когда она не найдетъ даже нигдѣ воды, чтобы вымыть, по крайней мѣрѣ, то мѣсто, гдѣ она должна будетъ уло-

жить спать своихъ малолѣтнихъ дѣтей? Когда пять или шесть чело-
вѣкъ поставлены въ необходимость жить въ такомъ тѣсномъ и зло-
вонномъ углу, то послѣдствія такой скученности угадать нетрудно
и можно себя вообразить, какимъ воздухомъ будутъ дышать всѣ эти
люди, помѣщающіеся въ такомъ углу, гдѣ готовятъ ѣду въ чугу-
ной печкѣ, передъ которой зимою просушиваются старые тюфяки,
старое платье и бѣлье, и гдѣ часто на полу гниютъ отброски раз-
ныхъ веществъ, распространяющихъ удушающее зловоніе?»

Само собою разумѣется, что для всякаго понятны будутъ по-
слѣдствія такой скученности жильцовъ въ гигиеническомъ отноше-
ніи, и цифры, которыми я не желаю бы злоупотреблять безъ до-
статочнаго къ тому повода, имѣютъ здѣсь, впрочемъ, весьма важ-
ное значеніе. Во всѣ времена было доказано, съ какою быстротою
распространялись эпидемическія болѣзни въ кварталахъ, населен-
ныхъ бѣднымъ людемъ, и какое громадное количество жертвъ уно-
сили онѣ, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладала ску-
ченность народонаселенія. Виллермэ былъ однимъ изъ первыхъ
людей, пролившихъ свѣтъ на холерную эпидемію 1832 г. своимъ ста-
тистическими свѣдѣніями, которыя подтвердились въ еще большей
степени учеными трудами другихъ личностей по этой части; при-
чемъ мы прямо можемъ указать на весьма интересный докладъ
доктора Жюля Варла, врача при сенской префектурѣ, о ходѣ холер-
ной эпидеміи въ 1873 году. На развитіе холеры въ 1873 году по-
вляла не столько цифра нищеты, приходившейся на каждый округъ,
сколько именно скученность населенія. Изъ всѣхъ наиболее пострадав-
шихъ округовъ первое мѣсто занимаетъ округъ Отель-де-Виль,
который долженъ быть отнесенъ къ разряду кварталовъ, въ особен-
ности изобилующихъ узкими улицами и высокими домами; а затѣмъ
округа Монмартръ и Англо-Сенъ-Лоранъ, гдѣ, при страшной ску-
ченности населенія, болѣзнь похитила наиболѣе жертвъ. XIX-й и
XX-й округа,—гдѣ тоже много нищеты,—пострадали, однако жъ,
менѣе, безъ сомнѣнія, оттого что люди живутъ тамъ просторнѣе; а
XIII-й округъ,—самый бѣднѣйшій во всемъ Парижѣ, но гдѣ на-
селеніе относительно невелико по количеству и раскинулось на
большемъ пространствѣ земли,—почти совсѣмъ не пострадалъ отъ
эпидеміи, которая похитила тамъ только нѣсколько челоуѣкъ. Впро-
чемъ, ходъ эпидемическихъ болѣзней своими неожиданными скачками
изъ одной мѣстности въ другую, не поддается никакимъ положи-
тельнымъ научнымъ объясненіямъ и, съ точки зрѣнія вліянія ни-
щеты на здоровье, даетъ менѣе вѣрныя указанія, чѣмъ постоянная
и неизмѣнная пропорція смертей, происходящихъ отъ обыкновен-
ныхъ причинъ, такъ что сопоставленіе этихъ цифръ навѣрно
выяснить вопросъ лучше всякихъ коментарій. По послѣднему еже-
годному бюллетеню муниципальной статистики, пропорція смертей
въ VIII-мъ, Елисейскомъ, округѣ составляло 15,25 челоуѣкъ на
1,000 жителей; а въ XX-мъ — 35, 72 челоуѣка, на 1,000 жи-
телей, ¹⁾). Говоря другими словами, въ бѣдныхъ кварталахъ умираетъ

¹⁾ Самая высшая пропорція смертей приходится на XIII-й парижскій
округъ и составляетъ 33, 94 на 1,000 жителей. Но количество смертей, при-

вдвое болѣе, чѣмъ въ богатыхъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, причиною такой страшной смертности нужно считать не одну только нездоровость жилищъ; но этому много способствуютъ лишенія, какииъ человѣкъ подвергается вслѣдствіе нищеты и разврата. Но чему же дивиться, что люди, родившіеся и воспитанные въ труппахъ, которыя описаны докторомъ Маржоланомъ, выступаютъ на борьбу съ жизнью при такихъ жалкихъ условіяхъ, хилые, чахлые, неспособные къ серьезной работѣ, и что они преждевременно умираютъ, оставляя послѣ себя на землѣ хворое и безпомощное потомство, осужденное судьбою на такой же тернистый жизненный путь, какъ и ихъ отцы?

Но какія же приняты мѣры противъ столькихъ бѣдствій? Съ гигиенической точки зрѣнія, городъ сдѣлалъ то, что постановленіемъ 1850 года учреждена комисія для изслѣдованія нездоровыхъ жилищъ, которая весьма добросовѣстно исполняетъ свою обязанность и за каждыя пять-шесть лѣтъ представляетъ сенскому префекту общій отчетъ о своей дѣятельности. Изъ послѣдняго отчета, опубликованнаго этой комисіей, видно, что въ періодъ пяти съ половиною лѣтъ, — съ іюля 1871 года по 31-е декабря 1876 г., — она возбудила 17,434 судебныхъ дѣлъ. Съ перваго взгляда цифра эта кажется до невѣроятности громадной. Но, въ сущности, что же можетъ сдѣлать сама по себѣ эта комисія? Заставить домовладѣльца произвести нѣкоторыя работы для очистки и большаго оздоровленія мѣстности посредствомъ отвода сточныхъ грязной воды; убѣдить его замѣнить другой системой прежній способъ устройства ретирадниковъ (этой восьмой египетской язвы, какъ выразился однажды одинъ изъ членовъ этой комисіи), которые представляютъ собою гнѣздо для распространенія зловонія и заразы въ домахъ, населенныхъ бѣдными людемъ; принудить его иногда расширить помѣщеніе для привратника или разломать мансарду, находящуюся подъ самыми стропилами крыши, гдѣ кубическое количество воздуха недостаточно для дыханія помѣщающихся тамъ существъ, — вотъ и все. Что же касается энергичной мѣры, которою запрещалось бы нанимать такія помѣщенія въ виду сохраненія общественнаго здоровья, то къ ней прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Кромѣ того, приведеніе въ исполненіе такихъ мѣръ весьма часто парализуется упорствомъ домовладѣльцевъ, которые сначала испробуютъ всѣ юридическіе способы къ своему оправданію и, въ концѣ концовъ, все таки предпочтутъ подвергнуться фиктивной уплатѣ штрафа, чѣмъ рѣшатся предпринимать такого рода тягостныя для нихъ передѣлки. И въ заключеніе всего нужно сказать, что комисія оказывается положительно безсильной противъ нездоровости атмосферы, происходящей столько же отъ неопратности самихъ жилищъ, сколько отъ ихъ скученности.

Какимъ образомъ, напримѣръ, заставьте вы женщину, которой не противно жить во всякомъ навозѣ, оправить свою постель, вымести комнату и отереть окно для освѣженія воздуха? А, главнымъ

ходящееся на больницу Сальпетриеръ еще болѣе увеличиваетъ цифру смертности, вслѣдствіе чего я и ваялъ за пунктъ сравненія XX-й округъ.

образомъ, какое право имѣете вы приказать семейству, состоящему изъ шести или восьми человѣкъ и едва имѣющему средства нанять одну комнату, переимѣнить квартиру и нанять другую, въ которой было бы двѣ комнаты и гдѣ было бы просторнѣе? Впрочемъ, неопрятность и скученность, взятая въ смыслѣ устройства самихъ помѣщений, представляются уже сами по себѣ бичемъ немущаго люда. Поэтому разсчитывать слишкомъ на посредничество комисіи, учрежденной для наблюденія за нездоровыми жилищами, было бы напрасно. Даже въ такомъ случаѣ, если бы удалось (что было бы, конечно, весьма желательно) усилить ея власть, если бы сократили формальности процедуры, которой она подчинена и если бы ее освободили отъ зависимости и подчиненія муниципальному совѣту, гдѣ также утрачены были бы всѣ случаи избирательнаго кумовства, всегда вредящаго добросовѣстному веденію какого бы то ни было дѣла,—то и тогда трудно было бы добиться крупныхъ результатовъ. Такъ какъ самъ законъ оказывается тутъ почти безсильнымъ, то посмотримъ, что могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ разные приемы благотворительности.

Уплата квартирной платы за какого нибудь бѣдняка представляетъ собою одну изъ самыхъ обычныхъ и, безъ сомнѣнія, самыхъ полезныхъ формъ частной благотворительности, потому что многія семейства впадали въ окончательную нищету и, за неимѣніемъ денегъ, были выгнаны изъ квартиры, причемъ у нихъ, въ видѣ уплаты за нее, отнята была вся ихъ скудная мебелировка и пожитки. Въ особенности нужно признать дѣломъ крайне полезнымъ,—конечно, при правильной его организаціи,—чтобы самъ бѣдный на половину участвовалъ въ подаваемой ему помощи, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ приходскихъ благотворительныхъ обществахъ, которые выдаютъ пособія при уплатѣ за квартиру соразмѣрно той цифрѣ взносовъ, которые дѣлаются бѣднымъ въ кассу этого благотворительнаго общества. Если бы у этихъ квартирныхъ обществъ благотворительности было побольше обезпеченныхъ ресурсовъ, то онѣ, разумѣется, могли бы значительно расширить свою дѣятельность. Онѣ могли бы, войдя въ прямыя сношенія съ домовладѣльцемъ, поручиться за трудолюбиваго бѣняка въ исправной платѣ при переводѣ его въ лучшую квартиру, чѣмъ какую онъ въ состояніи нанять теперь, обязавшись вносить за него сумму, превышающую цифру настоящей платы за квартиру. Это была бы благотворительность, такъ сказать, предупредительнаго свойства, которая, для оказанія помощи бѣдному, не стала бы ожидать того времени, когда онъ впадетъ въ самую крайнюю нищету, а, напротивъ, дала бы ему возможность улучшить условія его жизни.

Но можно сдѣлать еще многое, гораздо лучшее, что,—какъ увидимъ далѣе,—уже и было сдѣлано.

Всякому извѣстно, сколько добра сдѣлало мюльгаузенское общество колоній для мастероватою люда, построивъ рабочимъ удобные и въ экономическомъ отношеніи хорошо устроенные дома, которые отдастъ имъ внаймы за умѣренную цѣну, причемъ, однако жъ, сверхъ дѣйствительной наемной платы, взимается извѣстный процентъ, долженствующій образовать собою сумму погашенія капи-

тала на первое устройство. Посредствомъ такой, ловко придуманной, комбинаціи рабочій дѣлается собственникомъ дома, занимаемаго имъ въ теченіе опредѣленнаго количества лѣтъ. Это филантропическое дѣло получило громкую извѣстность и нашло себѣ многихъ подражателей. Нѣсколько большихъ компаній, — каковы, напримѣръ, Анзэнъ и Крезо, и затѣмъ нѣкоторые фабриканты, въ числѣ которыхъ можно указать на гг. Гоуэна и Менье (хотя нашлось бы возразить кое-что противъ нѣкоторыхъ деталей въ организаціи фамилистера Гиза и колоніи рабочихъ въ Нуазелѣ)—устроили для работающихъ у нихъ мастеровыхъ жилища, которыя предоставляются послѣднимъ въ пользованіе на весьма выгодныхъ условіяхъ. Нельзя, впрочемъ, не удивиться съ перваго взгляда тому, что въ Парижѣ, гдѣ общественная благотворительность выказываетъ столько дѣятельности въ изобрѣтеніи всякихъ способовъ для подавія помощи, она не пошла далѣе на этомъ пути, но въ сущности она, можетъ быть, сдѣлала даже болѣе, чѣмъ мы предполагали. Въ періодъ существованія имперіи было выстроено довольно большое количество домовъ съ квартирами, представлявшими довольно удобное помѣщеніе для рабочихъ, съ платою въ 200 или 300 франковъ, на бульварѣ Мазаръ и въ другихъ мѣстахъ, вполне на счетъ правительства или съ его же субсидіей. Графъ де-Мадръ и парижское кооперативное общество недвижимыхъ имуществъ также выстроили дома съ квартирами, предназначенными для помѣщенія рабочихъ за ту же самую цѣну. Въ настоящее время, формируется еще общество въ XVI-мъ округѣ, которое въ ближайшемъ будущемъ надѣется предоставить въ пользованіе рабочихъ въ Пасси и Отэйлѣ по небольшому, окруженному садомъ, дому за плату 300 франковъ. Но Парижъ въ этомъ отношеніи значительно отсталъ отъ Лондона, гдѣ насчитываютъ до двадцати семи обществъ, задавшихся этою цѣлью ¹⁾.

Впрочемъ, такъ туго прививающееся развитіе этихъ обществъ и даже иногда полнѣйшая неудача въ ихъ устройствѣ въ Парижѣ объясняется двумя причинами совершенно различнаго порядка, изъ которыхъ одна — чисто матеріальнаго, а другая — нравственнаго свойства. Матеріальная причина заключается въ томъ, что въ Парижѣ возрастающая цѣнность земельныхъ участковъ и дороговизна построекъ дѣлаютъ почти невозможнымъ устройство новыхъ, отдѣльныхъ помѣщеній разнаго типа, какія мы видимъ въ Мюльгаузенѣ и въ Крезо. Въ Парижѣ почти неизбѣжно приходится, при сооруженіи построекъ, подниматься все выше и выше и воздвигать дома въ пять или шесть этажей. А затѣмъ (и въ этомъ-то именно заключается нравственная причина) рабочій питаетъ къ такимъ домамъ положительное отвращеніе; ему противенъ казарменный видъ однообразныхъ квартиръ, которыя всѣ похожи одна на другую, — и тѣ, что внизу, и тѣ, что наверху, и тѣ, которыя направо, и тѣ, которыя налево. Ему кажется, что его заперли тутъ, какъ въ тюрьму, что онъ находится подъ чьимъ-то надзоромъ и что отъ

¹⁾ «Вопросъ о помѣщеніяхъ для рабочихъ», трудъ гг. Мюллера и Каше, получившій золотую медаль на выставкѣ 1878 г.

этого страдают его независимость и человеческое достоинство. Но мы пойдемъ въ этомъ отношеніи даже еще далѣе и будемъ совершенно безпристрастны, если скажемъ, что даже отдѣльный домикъ, собственникомъ котораго онъ можетъ считать себя почти съ самаго начала водворенія въ немъ и мечту о которомъ такъ дѣлѣтъ мюльгаузенскій рабочій,—для парижскаго рабочаго имѣетъ мало привлекательности. Для него связать себя контрактомъ, чтобы прожить двадцать лѣтъ подъ одной кровлей, чтобы работать на одной и той же фабрикѣ; чтобы класть всё свои сбереженія въ устройство одного клочка земли,—это значитъ сковать себя цѣпами рабства, подрѣзывать крылья своимъ надеждамъ, отказаться отъ своихъ мечтаній о богатствѣ и знатности, которыми постоянно занято его воображеніе. «Онъ положительно не хочетъ,—какъ справедливо выразился г. Корбонъ въ своей книгѣ: *Тайна парижскаго народа*,—строить свой домъ такъ, какъ ему совѣтуютъ и на томъ участкѣ земли, который ему предлагаютъ приобрести. Онъ предпочитаетъ лучше вести кочевую жизнь въ какомъ нибудь шалапѣ, какъ будто его глазамъ постоянно представляется видѣніе, къ которому онъ пламенно стремится всѣми помыслами своей души,—лучезарное видѣніе той обѣтованной земли, гдѣ находится царство составленнаго имъ себѣ идеала справедливости».

Впрочемъ, дѣйствительно ли всё придумываемыя до сихъ поръ комбинаціи способны оказать существенную помощь неимущему люду? Если принять во вниманіе тотъ фактъ, что на 46,000 квартиръ занимаемыхъ бѣдными, только 7,000 жильцовъ въ состояніи заплатить болѣе 200 франковъ,—то невольнымъ образомъ является вопросъ: какую пользу могутъ принести для совсѣмъ бѣднаго человѣка дома, гдѣ нѣтъ квартиръ дешевле 300 франковъ? Людямъ, посвятившимъ себя вполнѣ достойному уваженія дѣлу устройства домовъ для колоній рабочихъ, не мѣшало бы серьезно подумать и разсудить о томъ, что если они желаютъ подать руку помощи не однимъ только рабочимъ, пользующимся нѣкоторымъ достаткомъ, а и тѣмъ, которые бѣдны въ полномъ смыслѣ этого слова,—то должны уже покориться необходимости извлекать изъ своего капитала наименьшую выгоду и довольствоваться весьма ничтожнымъ процентомъ. Поэтому слѣдовало бы разсчитывать на полученіе не 4-хъ процентовъ на 100, какъ это имѣлось въ виду у частнаго общества Пасси Отвѣйлъ, а ограничиться лишь 2-мя процентами на 100, при подобнаго рода предпріятіи. Итакъ, всякое частное общество, задавшееся цѣлью устроить квартиры для совершенно бѣднаго люда, волею-неволею,—по крайней мѣрѣ въ Парижѣ,—должно взять на себя отчасти роль благотворительнаго общества. Я знаю, что въ настоящее время это слово,—настоящій смыслъ котораго заключается все таки въ любви къ ближнему,—какъ-то рѣжетъ ухо людей нашего вѣка; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать той истины, что нѣкоторыя проблемы не получаютъ удовлетворительнаго разрѣшенія до тѣхъ поръ, пока въ дѣло благотворительности не вложено будетъ полное усердія и самопожертвованія. Относительно вопроса о помѣщеніяхъ для рабочихъ, всякое предпріятіе подобнаго рода, главнымъ двигателемъ котораго будетъ спекуляція,—

какъ бы ни была она законна сама по себѣ,—должно быть непременно обречено на неудачу и неуспѣхъ, и въ доказательство этой истины я приведу здѣсь, въ заключеніе, поразительный примѣръ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, владѣлецъ большаго участка земли, находившагося въ XIII-мъ округѣ, между улицей Насональ и улицей Жаннь-д'Аркъ, возымѣлъ самое безкорыстное намѣреніе застроить весь этотъ участокъ домами, предназначенными для квартиръ рабочаго люда. Съ этой цѣлью онъ выстроилъ восемь большихъ корпусовъ, въ которыхъ расположилъ тысячу двѣсти квартиръ, рассчитывая, по всей вѣроятности, для привлеченія жильцовъ, на дешевизну наемной платы этихъ квартиръ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько квартиръ не дороже 60 фразковъ въ годъ. Однако жъ, онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. То инстинктивное отвращеніе къ казарменной жизни, о которомъ я упоминалъ выше, отвлекло серьезныхъ работниковъ отъ желанія поселиться тутъ. Впрочемъ, говоря по правдѣ, можетъ быть, нѣкоторые принадлежности внутренняго хозяйственнаго устройства, слишкомъ экономически рассчитанное пространство помѣщенія, темнота лѣстницъ и коридоровъ, гдѣ приходилось ошупью отыскивать дверь, тѣснота самихъ комнатъ, и все это, взятое вмѣстѣ, не особенно располагало жильцовъ въ пользу такихъ домовъ. Вслѣдствіе этого, дома колоніи Жаннь-д'Аркъ понемногу стали наполняться бродячимъ населеніемъ праздношатающихся негодяевъ, которые приходятъ сюда, пріютиться на время, собственно потому, что не имѣютъ постояннаго пристанища, и притомъ всегда съ затаенною надеждою уйти, не заплативъ за квартиру. Еслибы всѣ семь вѣздныхъ воротъ этого дома, занимающаго цѣлый кварталъ, не были постоянно заперты и жильцы не принуждены были вслѣдствіе того выходить на улицу въ узенькую калитку,—отчего они всегда находятся на глазахъ у привратника,—то между ними, конечно, нашлось бы немало такихъ людей, которые не задумались бы передъ тѣмъ, чтобы уйти совсѣмъ втихомолку, перетаскавъ по одиночкѣ всѣ внутреннія принадлежности квартиры. Изъ двухъ тысячъ жильцовъ этой колоніи, только сто человѣкъ живутъ нормальнымъ заработкомъ и ведутъ опредѣленный образъ жизни. Одну часть такого большинства составляютъ бродяги, заходящіе сюда только на ночлегъ; другую—мужья съ женами или, правильнѣе говоря, пары, которыя случайно сошлись и также случайно разойдутся, и которыя пока плодятъ дѣтей съ беззаботностью, свойственною нищетѣ. Неопрятность и грубые нравы этого населенія, дошедшаго до степени скотства, въ особенности ускорили упадокъ, въ который пришло все зданіе, благодаря тому, что хозяинъ, очевидно не получающій тѣхъ барышей, на какія рассчитывалъ запустилъ домъ до крайности, такъ что всѣ водопроводныя трубы засорены, а дворъ заваленъ кучами всякаго навоза. Впрочемъ, жильцы сами виноваты въ томъ страшномъ зловоніи, какимъ полны всѣ дворы, куда они выбрасываютъ всякія нечистоты. Кромѣ того, они развѣшиваютъ въ окнахъ грязныя отрѣпья, а лѣстницы обливаютъ помоями. Они сломали даже перила лѣстницъ, двери ретирадниковъ, оконныя рамы въ незанятыхъ квартирахъ,

для того чтобы употреблять все это на топливо вмѣсто дровъ. Вслѣдствіе этого, внутренній видъ зданія, при неопрятности и скученности жильцовъ, превосходить все, что только можетъ создать воображеніе самаго грязнаго и отвратительнаго; я насчиталъ тамъ восемь человѣкъ жильцовъ, состоящихъ изъ отца, матери и шестерыхъ дѣтей, помѣщающихся въ канурѣ, длиною въ 6 метровъ, а въ ширину не болѣе 3-хъ, причѣмъ вся мебелировка этой кануры заключалась только въ одной кровати и двухъ тюфякахъ. Я зашелъ въ колонію Жаннѣ д'Аркъ въ понедѣльникъ. когда въ комнатахъ было еще болѣе народа, чѣмъ въ обыкновенное время, потому что большинство жильцовъ еще лежали на постеляхъ, не отрезвившись вполне отъ вчерашняго похмѣлья. Спускаясь внизъ по одной лѣстницѣ, которыхъ здѣсь безчисленное множество, я наткнулся на молодого парня, которому на видъ было семнадцать или восемнадцать лѣтъ и который входилъ на лѣстницу, спотыкаясь. За нимъ слѣдомъ шла цѣлая толпа мальчишекъ, приговаривавшихъ на распѣвъ: «глядите, вѣдь онъ пьяный!» Я прошелъ черезъ дверь, гдѣ играло человѣкъ пятьдесятъ одѣтыхъ въ отрепья дѣтей, которые притомъ кричали и толкали другъ друга. Одной дѣвчонкѣ, нѣсколько помилостивитѣе и одѣтой поопрятнѣе другихъ, товарка ея дала такого пинка, что она упала и, поднимаясь на ноги, послала ея вслѣдъ такое ужасное по своему цинизму ругательство, о какомъ я самъ получилъ понятіе лишь послѣ того, какъ прочелъ нѣчто подобное въ книгѣ Виктора Гюго: «Les misérables». Уходя отсюда, я невольно задумался надъ тѣмъ, какая матеріальная и нравственная судьба ожидаетъ большинство этихъ маленькихъ существъ. Относительно нѣкоторыхъ, — можетъ быть даже и многихъ, — не нужно было идти далѣе за отвѣтомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колоніи Жаннѣ д'Аркъ находится переулокъ, носящій названіе улицы Гарвей, весь состоящій изъ публичныхъ домовъ, гдѣ развратъ въ самой грубой своей формѣ продается съ молотка. Въ эту самую минуту туда вѣхалъ экипажъ, биткомъ набитый простоволосыми женщинами, одѣтыми въ истрепанныя и полинявшія полковныя платья. Немного подалѣе, на бульварѣ де-ла-Гаръ, находится одно изъ тѣхъ заведеній, гдѣ торгуютъ крѣпкими напитками: водкой, абсентомъ. Въ немъ была цѣлая толпа грязныхъ блузниковъ, которые всѣ спѣшили протискаться къ стойкѣ съ оловянными стаканчиками. Проституція для дѣвчонекъ, кабаки для мальчишковъ, — вотъ роковой конецъ, къ которому должны прийти всѣ эти дѣти, ребячество которыхъ протекло въ такой средѣ, и къ нимъ какъ нельзя болѣе примѣнимо мистическое изреченіе св. Августина: «Genitus per immunditiam, vivens in miseria, moriturus in angustia». (Рожденный въ порокѣ, живущій въ нищетѣ, онъ умретъ въ отчаяніи).

Въ этомъ очеркѣ я описалъ положеніе тѣхъ, которые живутъ на квартирахъ, имѣя свои собственныя, хотя бы самыя жалкіе пожитки. А въ слѣдующемъ я буду говорить о тѣхъ, которые, не имѣя ни крова, ни пожитковъ, мѣняютъ квартиру каждый день, или которые поставлены въ необходимость просить убѣжища въ какомъ нибудь благотворительномъ пріютѣ.

Бродячее населеніе, ночлежные пріюты и народная жизнь.

I.

Имѣть свою собственную постель, свой комодъ и, сверхъ того, еще два-три стула, считается уже извѣстной степенью зажиточности и относительной порядочности самого собственника. «Я пользуюсь не чужою мебелью; и кровать и картины принадлежатъ мнѣ», — скажете вамъ не безъ нѣкоторой гордости какая нибудь торгующая тряпьемъ старуха, показывая на полуразвалившуюся кровать съ выдвиннымъ ящикомъ, набитымъ разнымъ хламомъ, посреди котораго находится также нѣсколько плохенькихъ гравюръ, сѣженныхъ мухами. И, дѣйствительно, для многихъ людей фазисъ безысходной нужды и горя начинается съ того самаго дня, когда они, — доведенные крайностью до того минимума собственности, лишая котораго положительно воспрещено закономъ, при продажѣ за долги другихъ, принадлежащихъ имъ, вещей, — бывають поставлены въ необходимость перекочевывать изъ одной мебелированной комнаты въ другую, до самаго конца своей жизни, не имѣя передъ собою другой перспективы, кромѣ этого печальнаго странствованія. Если вамъ случайно придется заглянуть въ какой нибудь *cabinet meublé* (изстари установившееся названіе) имѣющій въ ширину не болѣе двухъ или трехъ метровъ, гдѣ въ такой тѣснотѣ помѣщается цѣлое семейство, состоящее изъ мужа, жены, четверыхъ или пятирѣхъ дѣтей, и если вы увидите тамъ повѣшенными на стѣнѣ или свадебный вѣнокъ изъ цвѣтовъ, или фотографическую карточку ребенка, какъ остатки спасенныхъ отъ разоренія пожитковъ, свидѣтельствующіе о былыхъ лучшихъ дняхъ, — то вамъ уже не нужно будетъ спрашивать этихъ людей объ исторіи ихъ жизни, такъ какъ она передъ вами на лицо и всегда оказывается одинаковаго содержанія. Это — семейство, выгнанное домохозяиномъ за долги и перебравшееся доканчивать свое жалкое существованіе въ мебелированной комнатѣ. Срокъ платежа за квартиру — всегдашній обычный кризисъ въ жизни нуждающагося люда. Въ подобныхъ роковыя минуты вы весьма часто встрѣтите на улицахъ Парижа множество семействъ, отыскивающихъ себѣ пріюта и перевозящихъ свой домашній скарбъ въ маленькой ручной тележкѣ, которую отецъ везетъ впереди, а дѣти подталкивають сзади, причемъ мать несетъ въ рукахъ прочія, не помѣстившіяся въ тележку, вещи. Четыре раза въ годъ, бѣдные кварталы представляютъ собою зрѣлище подобныхъ народныхъ перекочевываній, напоминающихъ собою «исходъ израильтянъ», и я никогда не могъ видѣть этихъ картинъ безъ особенно тяжелаго чувства.

Въ мебелированныя комнаты принимаются, кромѣ семействъ, которымъ отказано отъ квартиры, еще массы людей, которые никогда не нанимали и по всей вѣроятности никогда и не будутъ нанимать для себя отдѣльной квартиры, — одни оттого, что, не имѣя никакихъ семейныхъ обязанностей, работаютъ, ѣдятъ и живутъ

внѣ дома; другіе же оттого, что, не намѣреваясь надолго оставаться въ Парижѣ, не хотятъ тратиться на обзаведеніе собственной квартиры. Каждую весну въ Парижѣ оказывается громадный наплывъ уроженцевъ Лимузена, Коррѣзы, Крѣзо, которые приходятъ туда искать работы при всякаго рода строительныхъ сооруженіяхъ. Весь ихъ багажъ заключается въ принадлежащихъ имъ инструментахъ и необходимомъ платьѣ, которые привозятся ими или въ маленькомъ чемоданчикѣ, или въ холщевомъ мѣшкѣ, или просто завязанными въ платокъ. Если такихъ строительныхъ работъ оказывается много, то эти люди выручаютъ ежедневно довольно большія деньги, что могло бы дать имъ средства устроиться въ болѣе удобномъ помѣщеніи. Но, при свойственной французскому крестьянину склонности къ сбереженіямъ, которая собственно составляетъ всю его силу,—все, что остается у него отъ ежедневнаго заработка, отсылается имъ на родину для покупки на эти деньги хоть самаго крошечнаго клочка земли. Менѣе скупые изъ нихъ, считающіеся уже въ своей средѣ расточителями, позволяютъ себѣ роскошь найма такого *cabinet*, въ которомъ они обыкновенно спятъ по двое; но большинство ихъ довольствуется помѣщеніемъ въ *chambrée*, т. е. общемъ дортуарѣ, гдѣ бываетъ поставлено по пятнадцати или по двадцати кроватей. Существуетъ, впрочемъ, особенный характеристическій признакъ, по которому можно отличать, во время посѣщенія такихъ помѣщеній ночью, именно тѣхъ людей, которыхъ забросила сюда нужда, отъ тѣхъ, которые поселились здѣсь вслѣдствіе причинъ болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной экономіи. У нищаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ ничего, кромѣ одной рубашки и, чтобы она не изнашивалась слишкомъ скоро, онъ почти всегда,—зимомъ какъ и лѣтомъ,—спитъ совершенно голый.

Было бы весьма интересно узнать цифру такихъ нищихъ постояльцевъ подобнаго рода *cabinets*. Хотя полиція каждый день съ полнѣйшею точностью заноситъ въ свои списки имена всѣхъ личностей, которыя находятъ себѣ пріютъ въ 10,481 имѣющихся въ столицѣ домовъ съ меблированными комнатами, но, къ сожалѣнію, она не показываетъ, сколько именно находится постояльцевъ напримѣръ, въ *Hôtel Continental* или *Hôtel Bristol*, и сколько въ пріютѣ извѣстномъ подъ названіемъ *Matelus épatant*, или въ тому подобныяхъ притонахъ, не дѣлая никакого различія между ними и объединяя все количество въ общей статистической цифрѣ. Такого рода обобщеніе цифры, разумѣется, уже не можетъ удовлетворить любознательности человѣка, желающаго заняться точнымъ изслѣдованіемъ помѣщеній для бѣднаго люда; но мы все таки считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь, что въ 1880 году количество такихъ временныхъ постояльцевъ простиралось до 1.373,093 человѣкъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по запросу, сдѣланному комисіи, завѣдующей дѣлами по части улучшенія нездоровыхъ помѣщеній, дома съ меблированными комнатами, цифра которыхъ не превышала тогда 9,050, были раздѣлены на пять разрядовъ, смотря по цѣнѣ комнатъ, и послѣ ревизіи, произведенной въ такихъ комнатахъ 1-го іюля 1876 года, оказалось, что количество людей, на-

ходящихъ себѣ пріютъ въ подобнаго рода домахъ четвертаго и пятаго разряда (то есть, самаго низшаго сорта) доходило до 195,727. Нельзя не пожалѣть, что, послѣ такого перечня и однажды установленнаго различія, люди, завѣдующіе этимъ дѣломъ, не сочли полезнымъ сохранить эти списки. Тогда было бы возможно провѣрить: дѣйствительно ли увеличеніе количества подобнаго рода мебелированныхъ пріютовъ (тысяча четыреста тридцать одинъ въ четыре года) должно быть отнесено исключительно, — какъ я вполне убѣжденъ въ этомъ, — къ разряду двухъ послѣднихъ категорій и дѣйствительно ли постоянно возвышающаяся цѣна квартиръ является причиною того, что въ такихъ пріютахъ все болѣе и болѣе увеличивается наплывъ постояльцевъ, не находящихъ возможности пріютиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но какого свойства то убѣжище, которое они находятъ тамъ? Вотъ что слѣдуетъ выяснять или, правильнѣе говоря, напомнить читателямъ уже написанное по этому поводу.

Мнѣ, впрочемъ, какъ-то неловко и даже совѣстно сослаться въ этомъ случаѣ на то, что было писано мною же самимъ по поводу осмотра самыхъ грязныхъ помѣщений или пріютовъ такого рода въ столицѣ ¹⁾). Можетъ быть, нѣкоторые изъ моихъ читателей еще не забыли моего описанія этихъ *cabinets* безъ свѣта и воздуха, куда дневной лучъ проникаетъ только сквозь короткое, съ мелкими переплетами, оконце, выходящее на внутренній дворъ, а иногда и на лѣстницу, и тѣхъ *chambrées*, гдѣ въ каждомъ этажѣ нагромождено столько кроватей, сколько можетъ ихъ умѣститься на имѣющемся пространствѣ, отъ пятнадцати до двадцати кроватей въ низенькой комнатѣ и до четырехъ — на чердакѣ подъ самыми стропилами крыши. Я не буду передавать въ подробностяхъ того впечатлѣнія, какое производитъ на свѣжаго человѣка страшное зловоніе атмосферы, которое увеличивается до невыносимой степени въ жаркіе дни и ѣсть вамъ глаза, причѣмъ положительно захватываетъ дыханіе; не буду говорить о кроватяхъ, постельное бѣлье которыхъ никогда не мѣняется и на которыхъ куча наваленныхъ лохмотьевъ замѣняетъ тюфякъ; не стану описывать тѣхъ жильцовъ, которыхъ пускаютъ еще къ себѣ наниматели такихъ угловъ и которые спятъ какъ попало съ своими женами и дочерьми. Я былъ бы очень счастливъ, еслибъ могъ сказать, что такое, достойное сожалѣнія, положеніе вещей съ тѣхъ поръ измѣнилось къ лучшему и что эти готовые помѣщенія въ настоящее время подчинены болѣе серьезному надзору, въ смыслѣ охраны нравственности, соблюденія приличія и гигиеническихъ условий. Но, къ несчастію, оставаясь вѣрнымъ истинѣ, я долженъ сказать, что ничего этого нѣтъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія въ печати моихъ вышеупомянутыхъ сообщеній, комисія, въ вѣдѣніи которой находятся всѣ нездоровыя жилища помѣщенія, проникшись въ болѣе степени сознаніемъ своихъ правъ и своего долга, поручила одному изъ своихъ самыхъ заслуженныхъ членовъ, доктору

¹⁾ Смотри «Revue des deux Mondes», 1-го іюня 1878 года: «Le Dépôt central et la surveillance des garnis».

Дюменилю, представить ей докладъ о состояніи комнатъ, занимаемыхъ въ столицѣ жильцами, въ смыслѣ вліянія ихъ на здоровье. И вотъ въ какихъ именно словахъ г. Дюмениль сообщилъ результаты сдѣланнаго имъ осмотра: «Могу по совѣсти засвидѣтельствовать, что большая часть домовъ, въ которыхъ отдаются меблированные помѣщенія, находится въ самомъ плачевномъ состояніи, съ точки зрѣнія вліянія, какое они имѣютъ на здоровье. Сырость тамъ постоянная, притокъ свѣжаго воздуха и свѣта въ высшей степени недостаточный, грязь и неопрятность невообразимы. Такого рода кануры даже невольнѣ защищены отъ вліянія вѣтшной непогоды. Дворы и дворики полны зловонныхъ испареній, происходящихъ отъ цѣлыхъ кучъ валяющихся тамъ и разлагающихся отбросовъ и нечистоты, отъ застоя дождевой воды и помоевъ, которые никогда не высохали».

Какъ образчикъ подобнаго рода жилья, докторъ Дюмениль привелъ одинъ такой домъ, выстроенный въ улицѣ Сентъ-Маргеритъ-Сентъ-Антуанъ, неподалеку отъ заставы дю-Тронъ, гдѣ останавливались прежде разные проходимцы, развѣзжавшіе по парижскимъ базарнымъ площадямъ со своимъ звѣринымъ, вслѣдствіе чего одинъ изъ подваловъ этого дома, представившій собою углубленіе на 2 метра противъ почвы, до сихъ поръ сохранилъ за собою названіе «*Львиного рта*». Перемѣна произошла лишь въ томъ, что тамъ, гдѣ прежде запирали дикихъ звѣрей, теперь помѣщаютъ людей въ чуланахъ, кубическое пространство которыхъ не вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 5 или 7 метровъ воздуха. Вотъ каково было, подтвержденное официальнымъ образомъ три года тому назадъ, положеніе такого рода меблированныхъ помѣщеній низшаго разряда въ столицѣ!

Вслѣдствіе этого самаго донесенія, префектура полиціи разослала 7-го мая 1878 года приказъ, имѣвшій цѣлью опредѣлить правила для внутренняго устройства подобнаго рода жилыхъ помѣщеній. Я считаю дѣломъ крайне назидательнымъ—ознакомить читателей съ содержаніемъ самаго приказа полицейской префектуры. Комнаты и кабинеты въ каждомъ домѣ, доставляющемъ помѣщеніе жильцамъ, должны содержать по меньшей мѣрѣ 14 метровъ кубическаго пространства воздуха на каждого человѣка. Потолки, полы и лѣстницы должны быть содержимы въ безукоризненной чистотѣ; во всѣ этажи должно быть проведено обильное количество воды и т. д. Однимъ словомъ, все должно находиться въ совершеннѣйшемъ, не оставляющемъ ничего желать, порядкѣ. Но какое примѣненіе получилъ этотъ приказъ? Никакого! и я тѣмъ смѣлѣе могу сказать это (не впадая въ противорѣчіе), что никто собственно не отвѣчалъ за такое неисполненіе его. Самую первую мѣрою, которую слѣдовало бы принять противъ этого, должно быть назначеніе комисіи, составленной изъ архитекторовъ, которымъ нужно было бы поручить освидѣтельствовать всѣ 10,000 существующихъ въ столицѣ домовъ такого рода и предписать имъ, чтобы въ каждомъ изъ этихъ домовъ произведены были всѣ необходимыя улучшенія къ оздоровленію послѣднихъ. А для того, чтобы упрочить дѣятельность такого рода комисіи, нужно было бы предоставить ей извѣст-

ный кредитъ. Но на это дѣло, сколько мнѣ извѣстно, не только не испрошено было какой нибудь суммы денегъ, но даже никто и не вотировалъ этого вопроса. Нѣтъ денегъ, слѣдовательно нѣтъ и архитекторовъ, такъ что предпріятіе это рухнуло при самомъ своемъ началѣ. Къ тому же, нужно еще прибавить, что еслибъ этотъ приказъ былъ поддержанъ даже самими, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, жильцами, то и тогда онъ, по всей вѣроятности, не получилъ бы утвержденія въ государственномъ совѣтѣ, потому что едва ли послѣдній призналъ бы за префектомъ полиціи,—въ числѣ прочихъ данныхъ ему правъ относительно соблюденія гигиеническихъ условий,—право вмѣшиваться въ профессію людей, которая все таки считается свободною, и запрещать домовладѣльцу принимать къ себѣ въ одну комнату нѣсколькихъ жильцовъ, если тѣ находятъ это помѣщеніе для себя подходящимъ. Притомъ, нельзя не сознаться, что обстоятельства нисколько не способствовали успѣху предпріятія, настойчивое преслѣдованіе котораго встрѣтило бы много сопротивленія. Префектура полиціи очутилась тогда въ томъ критическомъ положеніи, которое совершенно погубило бы ее и противъ котораго она продолжаетъ бороться даже до сихъ поръ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, префектъ полиціи, считавшій за большую честь подписать свою фамилію подъ такимъ приказомъ, принужденъ былъ подать въ отставку; а самъ приказъ, оставшійся мертвой буквой, на другой же день послѣ своего рожденія, отправился въ складъ,—и безъ того громадный,—архивныхъ дѣлъ полицейской префектуры и которому можно было бы дать названіе *«архивнаго склада хорошихъ намъреній»*.

Но неужели вопросъ этотъ представляетъ собою неразрѣшимую проблему? Совсе нѣтъ. Оздоровить такія меблированныя помѣщенія въ Парижѣ было бы весьма легко. Если ужъ положительно не хотятъ предпринять мѣры, которую можно было бы счесть самою лучшею—подчинить профессію челоуѣка, отдающаго готовыя квартиры жильцамъ, предварительному разрѣшенію заниматься ею, чтѣ имѣло бы для него такое же значеніе, какъ патентъ для виннаго торговца,—то хоть бы взяли ужъ примѣръ съ того, чтѣ дѣлается въ другихъ иностранныхъ государствахъ. Много лѣтъ тому назадъ, такого рода жилия помѣщенія въ Лондонѣ были въ такой же степени нездоровы, какъ и парижскія. Тамъ точно также надъ ними не существовало никакого надзора, какъ относительно соблюденія гигиеническихъ условий, такъ и относительно благопристойности. Самая вредная для здоровья скученность жильцовъ въ одной комнатѣ и самое скотское смѣшеніе людей обоого пола царили тамъ безъ малѣйшаго контроля. Какъ же поступили въ этомъ случаѣ наши сосѣди? Начиная съ 1851 года, они издали цѣлую серію предписаній, получившихъ силу закона, которыя въ настоящую минуту уже привились совершенно, по крайней мѣрѣ, относительно метрополи, и которыя всѣ собраны въ одномъ *General Sanitary Act* 1875 года. Смыслъ этого акта не ограничился только опредѣленіемъ для каждаго дортуара кубическаго пространства воздуха, сообразно количеству жителей, но строго запретило содержателямъ меблированныхъ комнатъ пускать въ одну комнату

болѣе двухъ лицъ разнаго пола, еслибы это даже были дѣти, живущія при своихъ родителяхъ; исключенія въ такихъ случаяхъ допускаются только для дѣтей, которыя не достигли еще десятилѣтняго возраста. Такого рода предписанія, наклеенныя въ видѣ афишъ на стѣнахъ всѣхъ лондонскихъ домовъ подобнаго рода, соблюдаются,—какъ я самъ могъ въ этомъ убѣдиться,—съ неуклонною точностью. Для того чтобы имѣть возможность сообразоваться съ такими предписаніями, содержатели комнатъ должны были раздѣлить предназначенныя для снанья помѣщенія нѣсколькими деревянными перегородками, вышиною около 6 футовъ, что образуетъ извѣстное количество чуланчиковъ безъ потолка, вслѣдствіе чего соблюдается чувство благопристойности, а въ то же время даетъ возможность провѣтривать эти помѣщенія, и воздухъ дѣлается тамъ менѣе спертымъ. Наконецъ,—такъ какъ наши сосѣди не любятъ ничего оставлять недодѣланнымъ, въ особенности во всемъ, что касается гигиеническихъ предосторожностей,—то, когда въ такихъ помѣщеніяхъ появляется случай заболѣванія заразительной болѣзью, содержатель этихъ комнатъ обязанъ тотчасъ же дать знать окружающему врачу, по приказанію котораго больного немедленно отвозятъ въ одинъ изъ госпиталей, устроенныхъ спеціально для страдающихъ заразительными болѣзнями. Казалось бы, чего же проще, какъ послѣдовать такому примѣру и опредѣлить законнымъ порядкомъ всѣ пункты, касающіеся вопроса о наемныхъ комнатахъ, какъ рѣшенъ уже былъ законодательнымъ путемъ вопросъ о нездоровыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ, не предоставляя введенія такихъ правилъ частной администраціи? Въ этомъ случаѣ, слѣдовало бы отложить излишнюю деликатность въ сторону и прибавить немного барышей, получаемыхъ держателями такихъ помѣщеній, тѣмъ болѣе, что ихъ профессія (въ которой они присоединяютъ еще торговлю спиртными напитками) приноситъ имъ такую же прибыль, какую пользуется вышеупомянутые съемщики цѣлыхъ кварталовъ для помѣщенія всякихъ бродягъ и негодяевъ, о которыхъ я говорилъ въ предшествовавшемъ очеркѣ. Осмотрѣвъ тѣ мрачныя и сырыя подвалы, находящіяся въ уровень съ землею, куда свѣтъ и воздухъ проникаютъ только черезъ дверь, служащую въ то же время и окномъ, и которые отдаются бѣднымъ семействамъ внаймы за непомерно высокую цѣну (двадцать франковъ въ мѣсяцъ), а затѣмъ, имѣя понятіе о той грубой жестокости, съ которою отказываютъ въ какой нибудь смрадной *chambreé* тѣмъ, кто не въ состояніи заплатить впередъ за свой ночлегъ,—то не ощущаешь въ своемъ сердцѣ ни малѣйшей нѣжности къ подобнаго рода эксплуататорамъ. Положить предѣлъ такой спекуляціи на счетъ нищеты было бы задачею, вполне своевременною.

II.

Чтобы ночевать гдѣ нибудь,—хотя бы въ ночлежномъ пріютѣ,—нужно имѣть въ карманѣ нѣсколько су; чтобы имѣть эти нѣсколько су, нужно найти себѣ работу; а чтобы найти эту работу, нужно ее искать. Удовлетворить двумъ первымъ условіямъ можетъ не

всякій, кто только захочетъ; а о томъ, чтобы удовлетворить третьему условію, многіе и совсѣмъ не заботятся. Вотъ это самое большинство и составляетъ категорію бродягъ. Дѣйствительно, въ Парижѣ существуетъ цѣлое населеніе, не имѣющее никакой осѣдлости и которое ведетъ кочевую жизнь, рѣдко ночуетъ въ кровати, а чаще всего на скамейкахъ публичныхъ гуляній, въ строящихся домахъ, въ заброшенныхъ баракахъ или на откосахъ воздвигаемыхъ земляныхъ укрѣпленій. Это все потомки средневѣковыхъ *truands* (бродягъ) и они лишь изрѣдка заходятъ въ прилегающую къ центральному рынку улицу *Grande Truanderie* съ просьбою пустить ихъ переночевать въ какомъ нибудь изъ ночлежныхъ пріютковъ низшаго разряда. Но такіе *truands* уже не господствуютъ теперь на улицахъ, и время творимыхъ ими чудесъ уже давно прошло. Теперь ихъ гонять отовсюду, но тѣмъ не менѣе они вездѣ находятъ для себя пріюты, которые разнятся между собою, смотря по обстоятельствамъ и по времени года. Какой бы районъ Парижа они ни избрали для этого, они не замедлятъ дать знать о своемъ присутствіи то тамъ, то здѣсь какимъ нибудь воровствомъ, такъ что, вслѣдствіе жалобъ обывателей, полиція преизводитъ нѣсколько внезапныхъ ночныхъ захватовъ, о которыхъ такъ часто пишутъ въ газетахъ и зрѣлище которыхъ представляетъ хотя грустную, но достойную кисти художника живописную картину.

Зимомъ бродяги преимущественно избираютъ мѣстомъ своего убѣжища внутренность лодокъ, въ которыхъ привозятъ уголь и которыя стоятъ на якорѣ у береговъ Сены. Они прячутся тамъ подъ холщевыми мѣшками, которые въ то же время предохраняютъ ихъ отъ холода и гдѣ они лежатъ, съжившись подъ этимъ импровизированнымъ одѣяломъ, что впрочемъ нисколько не спасаетъ ихъ отъ зоркаго взгляда опытныхъ полиціантовъ, которые всегда вѣрно угадываютъ ихъ присутствіе на днѣ лодки. Лѣтомъ они иногда положительно наполняютъ собою Булонскій лѣсъ, гдѣ до самаго вечера прячутся въ густотѣ кустарниковъ, откуда по всей вѣроятности слѣдятъ любопытнымъ взоромъ за мелькающими фонарями экипажей, въ которыхъ катаются элегантныя дамы, убаюкиваемая ровной рысью бѣгущихъ лошадей и совершающія свою обычную прогулку вокругъ озера. Послѣ того какъ въ Булонскомъ лѣсу уже не останется ни одного экипажа и любимое мѣсто прогулки парижанъ опустѣетъ, постепенно погружаясь въ мракъ, и когда совершенно смолкнетъ всякій шумъ,—полиція, съ помощью конной стражи, приставленной для охраненія парка, предпринимаетъ настоящую загонщичью охоту на людей, которая, впрочемъ, почти всегда остается безуспѣшною, потому что послѣднимъ нетрудно скрыться отъ преслѣдованій въ ночной темнотѣ. Но любимымъ райономъ, который парижскіе бродяги съ нѣкотораго времени избрали мѣстомъ своего убѣжища, нужно считать центральный рынокъ, (*Galles Centrales*), представляющій ночью прекурьезное зрѣлище. До поздняго вечерняго часа, въ то время, когда всѣ прилегающія къ рынку улицы еще залиты яркимъ свѣтомъ и полны движенія, его красивые павильоны смѣлой архитектуры почти всѣ безъ исключенія погружены въ полнѣйшій мракъ. Кое-гдѣ только,

въ глубинѣ этихъ построекъ, чуть-чуть мелькаетъ мерцающій огонекъ: это свѣтъ сальной свѣчки, которую зажгла дѣятельная торговка, повѣряющая свою кассу и заботливо приготавливая выставку своего товара къ слѣдующему дню. Но, начиная съ полуночи,—по мѣрѣ того какъ въ лавкахъ начинаютъ гасить газъ, закрываются кафе-рестораны, а улицы постепенно пустѣютъ,—рынокъ начинается оживляться и деревенское населеніе заполняетъ собою широкіе тротуары по обѣ стороны внутреннихъ проѣздовъ рынка. Это крестьяне, выѣхавшіе изъ своей деревни съ нагруженными телѣгами около десяти часовъ вечера и привезшіе въ Парижъ свои огородническія произведенія. Они въ порядкѣ раскладываютъ на тротуарахъ свои продукты: овощи, плоды, цвѣты, и потомъ ложатся, кто на скамейку, кто на жесткій асфальтъ, вытянувъ ноги и подперши голову рукою или прислонившись къ своей корзинѣ, и засыпаютъ крѣпкимъ сномъ до разсвѣта. Вотъ въ это самое время тутъ и появляются бродяги, выходя изъ узенькихъ сосѣднихъ переулковъ, гдѣ они пропили въ кабакѣ свою послѣднюю копѣйку, въ надеждѣ спокойно провести ночь подъ крышею рыночныхъ павильоновъ, присаживаясь на тѣ же самыя скамейки или растянувшись на тротуарахъ, гдѣ расположились и честные труженики-крестьяне, у которыхъ они находятся на очень дурномъ счету. Но такъ какъ učinяемые ими воровства даютъ поводъ къ частымъ жалобамъ, то вслѣдствіе этого полиція, съ своей стороны, также часто дѣлаетъ тамъ ночные обходы, пока вся эта толпа погружена въ глубокій сонъ и, при первомъ взглядѣ на нее, съ безошибочностью, приобрѣтаемому опытомъ, *выуживаетъ* (sueille) бродягу изъ цѣлой группы огородниковъ, сонъ которыхъ такъ крѣпокъ, что они даже не слышатъ, какъ вокругъ нихъ производятся аресты мошенниковъ.

Обыкновенно бродяга встаетъ съ своего мѣста безъ всякаго сопротивленія и отдается въ руки полиціи съ беззаботностью, какая приобрѣтается продолжительною привычкою. Одного за другимъ, ихъ приводятъ въ ближайшій отъ хлѣбнаго рынка полицейскій участокъ, гдѣ имъ дѣлаютъ предварительный допросъ и подвергаютъ тщательному обыску. Такъ какъ они носятъ на себѣ все свое имущество и все свое денежное состояніе, то при нихъ почти всегда оказываются: или носовой платокъ, или гребень, или пустой кошелекъ и, сверхъ того, еще какія нибудь бездѣлушки, найденныя ими,—какъ они обыкновенно утверждаютъ,—на улицѣ (имъ, почему-то, всегда выпадаетъ особенное счастье на всякія находки), но которыя въ сущности украдены были ими съ выставки торговца. Глядя при тускломъ свѣтѣ начинающагося дня на этихъ выстроенныхъ въ рядъ негодяевъ, фізіономія которыхъ выражаетъ какую-то смѣсь дерзости, низости и равнодушія,—я невольно задавалъ себѣ вопросъ: сколько въ преступленіи cadaго изъ нихъ виновато было дурное воспитаніе, порочная среда, лѣность и неудачи жизни? Было бы крайне интересно провѣрить всѣ эти причины; но, къ сожалѣнію, это было бы весьма трудно, а правосудіе, въ руки котораго попадутъ эти несчастные, даже и не претендуетъ на точное изслѣдованіе побудительныхъ причинъ; оно огра-

ничивается, смотря по обстоятельствамъ, лишь двойкимъ рѣшеніемъ въ подобныхъ случаяхъ: однихъ отпускаетъ гулять на свободѣ, другихъ препровождаетъ въ дальнѣйшую судебную инстанцію. Читатели сами видятъ, насколько велика съ его стороны доля выказываемой къ этимъ людямъ снисходительности...

Цифра арестовъ за бродяжничество возвысилась въ 1880 году, въ Парижѣ или, правильнѣе говоря, въ сенскомъ департаментѣ, до 13,997 человекъ. Въ 1869 году, — послѣднемъ году въ періодъ правительства, приемы котораго, въ смыслѣ полицейскихъ мѣропріятій, имѣли совсѣмъ другой характеръ, — количество арестованныхъ бродягъ возрасло до цифры въ 14,095. Разница въ цифрахъ, впрочемъ, оказывается не особенно большая. Правда, что въ промежутокъ этого времени цифра значительно понизилась въ 1875 году, дойдя до 7,622 человекъ. Съ тѣхъ поръ она опять стала прогрессивно увеличиваться и снова дошла до прежней цифры ¹⁾. Поэтому, слѣдуетъ уже положительно отказаться отъ намѣренія вывести какое нибудь заключеніе въ пользу или во вредъ тому или другому правительству, и будетъ гораздо интереснѣе фактически доказать вліяніе, какое имѣли на увеличеніе или на уменьшеніе бродяжничества — не республиканское или императорское правительство, а просто времена года. Такимъ образомъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1880 года, который памятенъ всѣмъ своей жестокой стужей, было арестовано 1,339 бродягъ, тогда какъ въ іюнѣ такихъ арестовъ было только 949. Впрочемъ, времена года не могутъ служить для этого постояннымъ мѣриломъ, потому что въ сентябрѣ было арестовано 1,561 человекъ бродягъ, а въ декабрѣ всего только 993 человекъ. Колебаніе этихъ цифръ, въ теченіе извѣстнаго періода времени, можетъ зависѣть отъ болѣе или менѣе дѣятельности полиціи въ отправленіи своихъ обязанностей и отъ многихъ мелкихъ второстепенныхъ причинъ.

Изъ 13,997 арестованныхъ такимъ образомъ бродягъ 1,092 человекъ были отпущены на свободу самою полиціею; 9,609 — послѣ предварительнаго допроса, сдѣланнаго имъ чиновникомъ, служащимъ при полиціи, и 1,730 — послѣ предварительнаго слѣдствія, произведеннаго участковымъ судьей; такъ что въ судъ отправлено было только 1,568 человекъ. Изъ этого числа 135 были оправданы, 126 несовершеннолѣтнихъ, едва достигшихъ шестнадцатилѣтняго возраста, были возвращены ихъ родителямъ или отправлены въ исправительныя заведенія. Приговоренными къ наказанію оказались только 1,307 человекъ, изъ числа которыхъ 1,132 человекъ была уменьшена степень наказанія вслѣдствіе смягчающихъ вину обстоятельствъ, такъ что ихъ присудили только къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Изъ всего этого читатель, очевидно, можетъ убѣдиться, что правосудіе не относится къ бродягамъ слишкомъ строго. Но на это, конечно, намъ могутъ возра-

¹⁾ Вотъ самыя вѣрныя цифры: въ 1875 году — 7,622; въ 1876 — 9,265; въ 1877 — 11,730; въ 1878 — 12,896; въ 1879 — 13,143; въ 1880 — 13,997. Многочисленные аресты за бродяжничество, произведенные въ послѣднее время, по всей вѣроятности значительно увеличатъ эту цифру за 1881 годъ.

зять: неужели при такомъ значительномъ количествѣ бродягъ, выпущенныхъ полиціею на свободу или признанныхъ по суду заслуживающими снисхожденія, послѣдніе оказались личностями, захваченными полиціею безвинно, по ошибкѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Громадное большинство этого, попавшагося въ руки полиціи, люда состояло изъ дѣйствительныхъ бродягъ, подъ именемъ которыхъ кодексъ законовъ подразумѣваетъ именно людей, которые не имѣютъ ни опредѣленнаго жилища, ни средствъ къ существованію, и которые не занимаются никакой работой, не имѣютъ никакого ремесла. Бродяжничество не считается, какъ воровство или убійство, преступленіемъ, подлежащимъ обузданію; оно, напротивъ, признается виной, чисто условной, и притомъ такого свойства, что даже при составленіи кодекса законовъ нашли нужнымъ дать этому общественному явленію (въ статьѣ 269) такого рода странное опредѣленіе: «Бродяжничество есть *проступокъ*». Вслѣдствіе этого чиновники, служащіе при самой префектурѣ полиціи, даютъ дальнѣйшій ходъ арестамъ, произведеннымъ низшими чинами полиціи, только въ тѣхъ случаяхъ, когда по предварительному слѣдствію будетъ доказано, что бродяжничество уже вошло у арестованныхъ въ привычку. Можетъ быть, рѣдкіе случаи преслѣдованій и произнесенія приговоровъ надъ бродягами наводятъ, — и не безъ основанія, — нѣкоторыхъ судей на мысль, что совершенное пресѣченіе бродяжничества невозможно при существующихъ въ настоящее время способахъ. Вотъ что высказалъ по этому поводу, передъ комитетомъ національнаго собранія, республиканскій прокуроръ сенскаго отдѣленія суда: «Можно смѣло сказать, что въ Парижѣ не существуетъ серьезныхъ мѣръ къ прекращенію бродяжничества. Судьи, — зная по опыту, что двухъ - или трехлѣтнее пребываніе бродягъ въ тюрьмѣ, гдѣ ихъ не занимаютъ никакой работой, еще болѣе развращаетъ, а не исправляетъ ихъ отъ бродяжничества, за которое ихъ туда посадили, — по большей части приговариваютъ ихъ къ восьмидневному или двухнедѣльному тюремному заключенію. По отбытіи срока наказанія, арестантовъ выпускаютъ на свободу, не научивъ ихъ никакому ремеслу, не подчинивъ ихъ дисциплинѣ труда, не озаботившись даже тѣмъ, чтобы велѣть очистить отъ всякой гадости ихъ грязную рваную одежду. Въ такомъ видѣ, они или совсѣмъ не ищутъ потомъ никакой работы, или никто не даетъ имъ, такъ что они снова неизбежно попадаютъ въ руки полиціи, или даже нарочно стараются сдѣлать чтонибудь такое, за что бы ихъ арестовали, что въ особенности часто случается съ наступленіемъ зимы, такъ какъ при этомъ они имѣютъ свою цѣль: воспользоваться даровымъ пріютомъ, хотя бы въ тюрьмѣ, гдѣ имъ тепло и гдѣ ихъ кормятъ, не принуждая къ работѣ». Слова эти, авторитетъ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, объясняютъ тотъ фактъ, почему нѣкоторые бродяги стараются совершить какъ можно больше всякихъ преступленій, количество которыхъ доходитъ иногда до сорока на одного человѣка. Вслѣдствіе этого, высшій тюремный совѣтъ (я подразумѣваю тотъ, который былъ уничтоженъ), сжалившись надъ такимъ печальнымъ положеніемъ вещей, обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою: заняться разсмотрѣніемъ

представленнаго ему проекта закона, въ силу котораго бродяги, послѣ присужденнаго имъ наказанія, должны были бы еще на довольно долгое время оставаться въ устроенныхъ для того рабочихъ домахъ, для того чтобъ ихъ можно было научить тамъ разнымъ ремесламъ, приучить къ труду, который давалъ бы имъ возможность приобрести себѣ трудовую копѣйку. Однимъ словомъ, этотъ проектъ простиралъ также и на бродягъ примѣненіе тѣхъ правилъ, какія существуютъ для людей, просящихъ милостыню, именно правилъ такого рода, что, послѣ нѣсколькихъ приговоровъ за бродяжничество и нищенство, тѣ и другіе подвергаются обязательному переселенію въ другое мѣсто. Но такъ какъ тюремный совѣтъ нашелъ полезнымъ установить въ выработанномъ имъ проектѣ еще правило такого рода, которымъ воспрещалось тюремнымъ священникамъ во всякое время приходить въ кельи арестантовъ, — то проекту не было дано никакого хода и онъ до сихъ поръ находится въ дѣловыхъ картонкахъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Безспорно, что одною изъ самыхъ главныхъ причинъ бродяжничества является лѣнь. Нельзя придумать болѣе неправдоподобной исторіи бродяжничества вообще, какъ ее изобразилъ Беранжъ въ своихъ пѣсняхъ:

Aux artisans, dans mon jeune âge,
 J'ai dit: «Qu'on m'apprenne un métier.
 — Va! nous n'avons pas trop d'ouvrage,
 — Répondaient ils,—va mendier!

Впрочемъ, не обобщая указаннаго взгляда, нельзя также не признать того факта, что въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Парижъ, контингентъ бродяжничества въ значительной степени увеличивается еще нѣкоторыми жертвами нищеты. Одни очутились безъ крова, потому что, истративъ вслѣдствіе остановки работы свои послѣднія деньги, они не имѣли чѣмъ заплатить за свой обычный пріютъ, куда ихъ больше уже не пускали; другіе — потому что по выходѣ изъ больницы они находили свое мѣсто въ мастерской уже занятымъ другимъ работникомъ; третьи — потому что, будучи привлечены въ Парижъ надеждою получить болѣе высокую плату за свой трудъ, имъ пришлось разочароваться въ этомъ и, напротивъ, истративъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней весь свой скудный денежный запасъ въ негостепріимной столицѣ. Почти невозможно себѣ представить ту степень обаянія и притягательной силы, какую одно имя Парижа производитъ въ провинціи на умы и воображеніе нѣкоторыхъ людей. По ихъ понятіямъ, Парижъ — это такое мѣсто, гдѣ всегда можно найти себѣ работу и гдѣ существуетъ самая высокая поденная плата. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ туманныхъ надеждъ, человѣкъ покидаетъ свою родину и увѣзжаетъ въ Парижъ, забравъ съ собою свою жену, дѣтей и уложивъ всѣ свои пожитки въ маленькій чемоданъ. Путешествіе по желѣзной дорогѣ значительно убавляетъ его денежные ресурсы; а, по прошествіи нѣсколькихъ дней, плата за временную квартиру и обѣдъ въ трактирѣ поглощаютъ и весь остальной денежный запасъ. Затѣмъ онъ обращается уже въ ссудную кассу, которая вы-

дастъ ему нѣсколько франковъ подъ залогъ его носильнаго платья, котораго потомъ никогда ужъ не возвратитъ ему. Такимъ образомъ, когда уже истощены всевозможные ресурсы, все семейство остается безъ приставища, шатаясь по улицамъ день и ночь во избѣжаніе ареста, чтó продолжается до тѣхъ поръ, пока оно не упадетъ гдѣ нибудь въ углу, истощенное голодомъ и выбившись изъ силъ, или прямо пойдетъ, по доброй волѣ, отдать себя въ руки полиціи. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ четыре часа утра цѣлая семья фламандскихъ крестьянъ явилась въ полицейскій участокъ и требовала, чтобъ ее арестовали. Трое дѣтей плакали и едва держались на ногахъ, усталые, измученные; самъ отецъ находился какъ бы въ состояніи оупенія и столбняка; а лицо матери имѣло какое-то звѣрское выраженіе, какъ будто эта женщина замышляла совершить преступленіе или броситься въ рѣку. Въ подобныхъ случаяхъ арестованіе уже получаетъ значеніе добраго дѣла, и развязкой его является водвореніе на прежнее мѣсто жительства, т. е. отправка на родину. Количество выданныхъ префектурой полиціи паспортовъ и пособій на дорогу, также какъ и билетовъ на бесплатный провозъ по желѣзной дорогѣ, ежегодно доходитъ до шести или семи тысячъ. Но положеніе полиціи оказывается несравненно болѣе затруднительнымъ, когда приходится имѣть дѣло съ какимъ нибудь рязрядомъ парижской нищеты. Если это просто дряхлый старикъ, то есть еще возможность помѣстить его въ пріютъ для нищихъ, въ Сенъ-Дени или въ Вилье-Котера, предполагая, что тамъ есть вакантное мѣсто, чтó, впрочемъ, случается не всегда; но если нужно пристроить какого нибудь несчастнаго, доведеннаго до нищеты и оставшагося безъ крова вслѣдствіе болѣзни, забастовки работы или какихъ нибудь другихъ внезапныхъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя ни исчислить, ни предвидѣть,—чтó дѣлать тогда? какія мѣры принять противъ этого? Выпустить его на свободу? Но это значило бы отдалить только, а не разрѣшить самое затрудненіе, потому что человѣкъ, выпущенный такимъ образомъ на свободу вчера, непременно окажется снова арестованнымъ завтра. Представить его въ судъ,—значило бы только сбыть его съ своихъ рукъ. Въ этомъ случаѣ полиція чувствовала себя какъ бы въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго она никакъ не могла выбраться,—и тогда ей пришла на помощь частная благотворительность устройствомъ ночлежныхъ пріютовъ. Въ послѣднее время, много было говорено по поводу этихъ пріютовъ. Ихъ описывали въ романахъ, изображали на театральной сценѣ, и одно время на улицахъ появлялись даже наклеенныя, въ видѣ афишъ на стѣнахъ парижскихъ домовъ, картинки, представлявшія внутреннее устройство и видъ этихъ ночлежныхъ пріютовъ. Мы полагаемъ, что нѣкоторыя точныя свѣдѣнія по поводу дѣятельности этихъ учреждений не будутъ здѣсь неумѣстными и что, послѣ всякихъ вымышленныхъ рассказовъ, читатели, можетъ быть, поинтересуются изложеніемъ простой, неприкрашенной дѣйствительности.

(Окончаніе будетъ).

Передъ разлукой.

Еще не разошлись... еще идемъ мы рядомъ...
Еще все прежнее, все общее у насъ.
Зачѣмъ же меркнетъ взглядъ, съ твоимъ встрѣчаясь взглядомъ,
Какъ будто ночи тѣнь межъ нами пронеслась?

Твои слова еще звучать живымъ участьемъ,
Я слышу рѣчь твою, мнѣ милую давно;
Но въ сердце отчего жъ повѣяло безстрашьемъ,
И быть съ тобой иль нѣтъ,—какъ будто все равно?

Увы, тоску мучительной разлуки
Разсудку гордому я властно покорилъ,
И дней былыхъ и радости, и муки,—
Все, все заранѣе въ душѣ похоронилъ!..

Г. Арищенко.

ОДИНЪ ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ „КУЛЬТУРНЫХЪ“ ОБРЯДОВЪ.

I.

«Наблюдатель» въ февральской книжкѣ 1894 г., подробно изслѣдуя интересный и важный вопросъ о «Казенномъ раввинатѣ», касается отчасти и еврейскихъ обрядовъ. Онъ говоритъ о совершеніи архаическаго возмутительнаго обряда обрѣзанія, о бракосочетаніи, разводѣ и погребеніи, но онъ не упоминаетъ объ обрядѣ омовенія въ «миквѣ», — обрядѣ еще болѣе возмутительномъ, чѣмъ обрѣзаніе, и свидѣтельствующемъ, до какой степени можетъ доходить фанатизмъ лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся матеріальная и политическая сила еврейства. Формы этого обряда, — въ основу котораго была положена нѣкогда чисто гигиеническая цѣль, — сдѣлались нынѣ крайне тягостными и отвратительными даже для самихъ евреевъ, превративъ микву въ неизсякаемый источникъ всевозможныхъ простудныхъ и заразныхъ болѣзней, — преимущественно же сифилиса.

Вопросъ о *миквѣ*, — насколько мнѣ удалось прослѣдить, — не разу не появлялся на страницахъ «Наблюдателя», такъ живо интересующагося еврейскимъ вопросомъ, и неоднократно фигурировалъ лишь въ «Архивѣ судебной медицины и общественной гигиены», — журналѣ узко-спеціальному и врядъ ли читаемому большинствомъ нашей образованной публики.

Между тѣмъ, возмутительность этого обряда требуетъ непрестанной огласки, какъ требовали огласки и тѣ противорѣчія въ русскомъ законодательствѣ о евреяхъ, на которыя указалъ, въ своей цѣнной для юриста статьѣ, г. Тембе (Н. А. Туганъ-Барановскій); какъ требовали огласки основныя начала юдаизма, завѣщанныя талмудомъ и строго охраняемыя шулханъ-арухомъ; какъ требуютъ огласки всѣ вождѣленія «вреднаго сообщества» талмудистовъ, всѣ дѣйствія подпольнаго кагала — вопросы тяжелые, наболѣвшіе и все еще до сихъ поръ «открытые», благодаря ухищре-

нѣмъ недобросовѣстныхъ людей, наложившихъ строгій «херемъ» на оглашеніе всѣхъ зловердныхъ сторонъ талмудизма..

Въ настоящей замѣткѣ я постараюсь познакомить читателей съ миквой на основаніи замѣтокъ «Архива», «Юридической Газеты» и моихъ личныхъ наблюденій.

II.

Въ западныхъ губерніяхъ каждая замужня еврейская женщина ежемѣсячно обязана совершать обрядъ омовенія (миква), тотчасъ послѣ каждаго мѣсячнаго очищенія. Мы уже говорили, что въ основаніи этого обряда лежала цѣль чисто гигиеническая; но посмотримъ, отвѣчаетъ ли этой цѣли обрядъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ совершается теперь?

Обрядъ долженъ совершаться непременно въ определенной для него особой банѣ-купальнѣ, которая и носить названіе «миквы». Лучшія миквы въ большихъ и губернскихъ городахъ обыкновенно устраиваются въ баняхъ, недалеко отъ рѣки. Въ подвальный этажъ бани вырывается яма глубиною почти въ ростъ человѣка; въ нее проводится вода изъ рѣки посредствомъ простой трубы, такъ что высота воды въ этой ямѣ, имѣющей 5 аршинъ въ длину и 3 въ ширину, зависитъ отъ уровня воды въ рѣкѣ. Вотъ вамъ «миква» и готова.

Въ «аристократическихъ» миквахъ, претендующихъ на комфортъ, въ яму опускаютъ деревянный ящикъ съ лѣстницей и проводятъ иногда паровую трубу для нагрѣванія; чаще же просто ставятъ жаровню съ углями. Вода въ миквѣ, въ зависимости отъ высыханія рѣки или, наоборотъ, отъ прибыли воды въ рѣкѣ, вслѣдствіе проливныхъ дождей,—лѣтомъ то прибываетъ, то убываетъ, и глубина купальни колеблется отъ 2 до 2½ аршинъ. Зимой же глубина миквы не измѣняется, такъ какъ уровень замерзшей рѣки остается постояннымъ. Отсюда видно, что вода въ этой ямѣ *не мѣняется въ теченіе всей зимы*, а лѣтомъ обмѣнъ между рѣкой и миквой—очень незначительный. И такъ легко можно себѣ представить, что за вонючая темная жидкость замѣняетъ воду въ миквѣ, гдѣ за зиму *выкупалось нѣсколько сотъ евреекъ*, часто страдающихъ бѣдами, сифилисомъ и другими венерическими болѣзнями ¹⁾.

¹⁾ Въ Минскѣ есть три миквы, изъ которыхъ въ двухъ ванны очень малы и притомъ устроены весьма плохо. Если принять, что число замужныхъ женщинъ въ Минскѣ составляетъ ¼ часть всего еврейскаго городского населенія, то наберется около 3000 женщинъ, для которыхъ обявательно ежемѣсячно

Стѣны и очень низкій потолокъ миквы обшиты досками, черными полусгнившими, и отъ нихъ пахнетъ сыростью и гнилью. Въ нѣкоторыхъ миквахъ совершенно темно; другія освѣщаются керосиновыми лампами, такъ какъ время омовенія начинается въ сумерки и продолжается до ночи.

Почти также разрушительно дѣйствуютъ на организмъ еврейскихъ женщинъ, какъ вода и грязь миквы, температура купальни, температура воды и пола, и сквозной вѣтеръ.

«Одна изъ моихъ паціентокъ», говоритъ докторъ Гюбнеръ въ свой замѣткѣ, «молодая женщина лѣтъ 23-хъ, одержимая бѣлыми (fluor albus), на вопросы о причинѣ болѣзни, рассказала мнѣ, что заболѣла послѣ перваго купанія въ миквѣ. Первый дебютъ ея былъ крайне неудаченъ. Ей пришлось купаться зимою въ миквѣ, которая едва отапливалась. Стоя голыми ногами на *обледѣвшемъ* полу и дожидаясь очереди, она сильно продрогла; она даже увѣряла меня, что подошвы ногъ начали примерзать къ полу... Неумолимыя старухи ¹⁾ заставили ее долго пробыть въ ваннѣ и окунуться съ головою три раза»...

Другой докторъ А. Петровъ на страницахъ того же «Архива» рассказываетъ, что ему случилось видѣть миквы, въ которыхъ зимою вода замерзала и женщины, для того чтобы совершить обрядъ омовенія, принуждены были предварительно раскалывать ледяную поверхность ея.

«Еврейки рассказывали мнѣ», говоритъ тотъ же г. Гюбнеръ, «что въ деревняхъ самыя бѣдныя и неимущія купаются зимою въ прорубяхъ».

Вообще, по безобразію, еврейскую микву можно сравнить только съ мусульманской баней въ Баку, описаніе которой помѣщено въ одномъ изъ «протоколовъ засѣданій кавказскаго медицинскаго общества» за прежніе годы. Вотъ что говоритъ г. Бурхардъ, авторъ этого описанія: «меня подвели къ отверстію въ стѣнѣ, къ пролому, за которымъ мнѣ представилась темная безъ оконъ комната, наполненная на глубину болѣе аршина мутною, вонючею, теплою водою. Въ этой огромной ваннѣ-комнатѣ купалось въ тотъ день до ста женщинъ и дѣтей, всѣ вмѣстѣ: здоровыя и больныя, чистыя

купаніе. Затѣмъ, если принять, что каждая женщина въ теченіе года побываетъ въ миквѣ не болѣе десяти разъ, то на три миквы придется въ годъ тридцать тысячъ омовеній. Нѣтъ надобности въ очень пылкомъ воображеніи, чтобы представить себѣ, какова въ миквѣ вода и какое ощущеніе производить она на купающихся!»

Ю. Гюбнеръ. «Архивъ Суд. Мед. и Общ. Газ.».

¹⁾ О нихъ будетъ сказано ниже.

и нечистыя, богатыя и нищія, безъ обновленія воды; мылись онѣ, большею частію, вмѣсто мыла сѣрватою глиною (walkerde)»).

Это было уже давно; теперь мусульманскія бани въ Баку приведены стараніями полиціи въ болѣе соответствующій ихъ цѣлямъ видъ; много изъ миквъ въ большихъ городахъ также уничтожены, или упорядочены; но сколько еще миквъ ускользаетъ отъ полицейскаго надзора, какое огромное зло приносятъ еще онѣ и теперь, и какъ часто врачу, практикующему въ западныхъ губерніяхъ, приходится слышать отъ евреекъ-паціентовъ, что онѣ получили заразительную болѣзнь въ миквѣ!

Описавъ по мѣрѣ возможности устройство миквы, перехожу къ описанію самаго обряда омовенія у евреекъ западныхъ губерній.

III.

Почти всѣ еврейскія женщины молодыя и старыя, даже фанатично-настроенныя, съ ужасомъ вспоминаютъ о первомъ своемъ омовеніи и съ отвращеніемъ рассказываютъ о томъ, какъ имъ приходилось купаться и окутаться въ грязной вонючей водѣ, подъ надзоромъ фанатиковъ-старухъ, суровыхъ и непреклонныхъ блюстительницъ миквы.

У большинства изъ купающихся въ первый разъ къ физическимъ страданіямъ, каковы холодъ и болѣзни,—разсадницей которыхъ служатъ миквы,—присоединяются еще и страданія нравственныя: стыдъ, отвращеніе, досада и гнѣвъ на вѣдьмъ-старухъ, подъ надзоромъ которыхъ совершается обрядъ. Но необходимость исполненія этого обряда и невозможность идти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ раввиновъ, въ рукахъ которыхъ заключается вся матеріальная и политическая сила еврейскаго общества¹⁾, заставляютъ женщину побороть свой гнѣвъ, свое отвращеніе и часто повторять омовеніе въ миквѣ, хотя рѣдкая женщина не даетъ себѣ слова во время перваго посѣщенія миквы, что это первое ея омовеніе будетъ и послѣднимъ. Но послѣ нѣсколькихъ такихъ омовеній, женщина привыкаетъ къ нимъ, не замѣчаетъ всей грязи миквы, мирится съ вѣдьмами-старухами и научается ладить съ ними посредствомъ подарковъ; впрочемъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Господи, съ чѣмъ только не примиряется человѣкъ, къ чему только ни привыкаетъ онъ въ силу неотразимой необходимости!

¹⁾ Мы говоримъ, конечно, не о «казенномъ» раввинѣ, а о *настоящемъ*. Первый не имѣетъ у евреевъ никакого вѣса.

Самый обряд омовенія совершается такъ: вечеромъ (я уже говорилъ, что время омовенія въ миквѣ начинается вечеромъ и продолжается до ночи) еврейки, которыя послѣ извѣстнаго физиологическаго акта считаютъ себя нечистыми и спѣшатъ очиститься, собираются въ миквѣ или у входа въ микву. Наиболѣе изъ нихъ чистоплотныя, передъ посѣщеніемъ миквы, посѣщаютъ баню, потому что мыться послѣ очищенія въ миквѣ еврейки не смѣютъ. Но такъ какъ чистоплотныхъ изъ евреекъ средняго и низшаго класса очень мало, то большинство приходитъ грязными, немывыми.

Въ миквѣ уже сидитъ нѣсколько старухъ, профессиональных блюстительницъ закона. Безъ ихъ надзора купаніе въ миквѣ не дѣйствительно.

Съ ихъ разрѣшенія женщина раздѣвается, сходитъ по ступенькамъ лѣстницы въ ванну (или въ ящикъ, или въ яму), погружается съ головою въ воду и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока всѣ старухи не скажутъ: «коширъ». Если же онѣ говорятъ: «трефъ», даже если хоть одна изъ нихъ говоритъ «трефъ», значитъ купаніе не окончено, значитъ надо еще окунаться.

Послѣ ожидаемаго съ нетерпѣніемъ «кошира» старухъ, женщина имѣетъ право выйти изъ протухлой ванны, но одѣваться еще не имѣетъ права, пока старухи не остригутъ ей коротко ногти. Ногти стригутъ такъ коротко и такъ неосторожно, что часто отстригаютъ ихъ до мяса, до крови. Послѣ этой операціи, женщина имѣетъ право одѣваться. Но если хоть одной старухѣ взбредетъ въ голову желаніе сказать: «трефъ», очистившаяся должна начинать обрядъ омовенія снова, часто со слезами на глазахъ и съ дрожью во всемъ тѣлѣ.

Мало того: если женщина, уже совсѣмъ омывшаяся и одѣвшаяся, тотчасъ же при выходѣ изъ миквы встрѣтила мужчину, она должна вернуться и совершить очистительный обрядъ снова!

Не стоитъ и говорить, что мужчина, желающій зло подшутить надъ женщиной, или желающій наказать ее за что нибудь, — нарочно помѣщается при выходѣ изъ миквы, нарочно старается попасться на глаза несчастной жертвѣ его гнѣва или злой шутки.

При омовеніи совершаются очень часто вопіющія безобразія: старухи-надзирательницы — по большей части такія же фанатичныя поклонницы золотого тельца, какъ и миквы, — совершенно открыто даютъ себя подкупать посѣтительницамъ ихъ религіознаго заведенія.

Подкупленная старуха удовольствуется однимъ погруженіемъ въ воду миквы, спѣшитъ сказать «коширъ», не обстрижетъ ног-

тей до мяса или до крови, не придастъ значенія тому обстоятельству, что купальщица, вышедшей изъ миквы, встрѣтился мужчина, и т. д.—словомъ, можетъ сдѣлать сотню поблажекъ своей «паціенткѣ». Но горе той дѣвушкѣ, которая одарила какую нибудь изъ вѣдьмъ меньше, чѣмъ другихъ!

Своимъ безпощаднымъ «трефъ» она сгноитъ жертву, очищающуюся въ жидкой и вонючей грязи миквы; своими тупыми огромными ножницами она до крови раздеретъ пальцы; она допуститъ женщину одѣться, а потомъ своимъ «трефъ» снова раздѣнетъ и снова заставитъ ее совершить омовеніе.

Трудно приходится и тѣмъ женщинамъ, которыя не имѣютъ возможности, вслѣдствіе своей бѣдности, подкупить этихъ вѣдьмъ.

Онѣ заставляютъ женщину ждать раздѣтомъ, пока не выкупаются всѣ прочія болѣе состоятельныя паціентки.

При совершеніи обряда омовенія, соблюдается строгая очередь, причемъ болѣе богатая моются раньше бѣдныхъ, болѣе почетныя раньше полу-почетныхъ, и старыя раньше молодыхъ, какъ утверждаетъ г. Губнеръ.

Да! можетъ быть, это и было такъ раньше, но теперь воля этихъ вѣдьмъ измѣнила очередь и раньше моются тѣ, кто даль больше.

Воля этихъ блюстительницъ миквы—законъ. Если хоть одна изъ нихъ пожалуется раввину на неисполненіе женщиной, посетительницей миквы, ея требованія,—несчастной виновной житья не будетъ; мужъ провинившейся, какъ мнѣ говорили, имѣетъ право даже выгнать изъ своего дома жену, считая неповиновеніе мегерѣ миквы достаточнымъ поводомъ для развода, причемъ разводъ,—даже безъ совершенія обрядовъ, на которые указалъ въ январской книжкѣ «Наблюдателя» г. Тембе,—считается законнымъ.

Впрочемъ это право предоставляется мужу не всѣми раввинами, которымъ, очевидно, извѣстно до какой дикости можетъ иногда дойти требованіе жадной, злой и мстительной старухи.

IV.

Послѣ всего вышесказаннаго, врядъ ли стѣдуетъ распространяться о томъ вредѣ,—нѣизмѣримомъ вредѣ въ гигиеническомъ отношеніи,—который приноситъ миква. Разсказанныя гг. Губнеромъ, Петровымъ, Герлахомъ и отчасти мною факты краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Можетъ быть, нѣкоторые читатели упрекнутъ меня, что я воспользовался замѣткой г. Губнера, написанной 20 лѣтъ тому назадъ...

«Много воды утекло съ тѣхъ поръ», скажутъ они.

Да! отвѣчу я: много воды, утекло изъ миквѣ съ тѣхъ поръ, но не вся, далеко не вся вода.

Много воды или—вѣрнѣе—вонючей, жидкой грязи осталось въ миквахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта грязь даже сгустилась, ибо изъ явныхъ—миквы сдѣлались тайными...

Трудно, очень трудно заставить еврея отступить отъ тѣхъ грязныхъ обрядовъ, которые онъ считаетъ святыми!

Одинъ мой товарищъ-докторъ въ Минскѣ увѣряетъ, что ему признавались даже крещеныя еврейки, что онѣ получили свою болѣзнь въ миквѣ.

Я охотно вѣрю этому, такъ какъ вообще евреи поверхностно и легко относятся къ своему крещенію, а шулханъ-арухъ даже позволяетъ еврею «для пользы дѣла» мѣнять религію (конечно, только для виду).

Мѣняя для виду свою религію на христіанскую, еврей въ душѣ остается все тѣмъ же жидомъ...

Н. Ш.

Подражаніе древнимъ.

Ночь вся нѣги полна. О, зайдемъ же скорѣй!
О, зайдемъ же ко мнѣ,—и ты будешь моей.
Поджидая тебя, и томясь, и любя,
Много чудныхъ цвѣтовъ я собралъ для тебя.
Ароматный вѣнокъ стану плестъ я изъ нихъ,
Будеть ярко блистать на кудряхъ онъ твоихъ.
Обовью я цвѣтами дрожащій твой станъ...
О, зайдемъ же ко мнѣ!—отъ желаній я пьянъ,
Отъ тоски по тебѣ засушилася грудь,
Отъ безсонной тоски мнѣ пора отдохнуть.
Будемъ жадно съ тобой мы забвеніе пить:
Только въ жизни и есть чтѣ—желать и любить,
Только въ жизни и есть—обладанія часы!
Смерть идетъ, смерть летитъ, вихремъ мчится на насъ.
О, не медли, дитя, о, зайдемъ же скорѣй!
О, зайдемъ же ко мнѣ,—и ты станешь моей.

Д. Ратгаузъ.

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

(MATER DOLOROSA).

Романъ Джероламо Роветты.

(Переводъ съ итальянскаго).

XIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ благотворительнаго спектакля въ пользу погорѣльцевъ, Сандрино Фрасколини сидѣлъ со своимъ помощникомъ, деревенскимъ мальчикомъ, въ сторожкѣ около сѣтей, разставленныхъ для ловли птицъ.

— Вниманіе, Нандо! сова подала знакъ, — сказалъ онъ мальчику, — смотри не прозѣвай!.. Дергай нашихъ птицъ за лапки. Проклятые дрозды! Отчего это они не хотятъ сегодня свистѣть?.. — Молодой человѣкъ выглянулъ въ окошко, взялъ въ ротъ свистокъ и сталъ искусно подражать щебетанью птицъ; онъ старался дуть такъ сильно, что весь покраснѣлъ отъ усилія. Птичья охота разомъ оживилась; привязанные за лапки дрозды стали перепархивать съ мѣста на мѣсто, насколько имъ позволяли ихъ путы, и сначала робко, а потомъ все громче и громче откликались на свистокъ.

— Вотъ подлетаютъ... Это также дрозды, — съ азартомъ воскликнулъ Фрасколини.

Оба птицелова притаили дыханіе и замерли на мѣстѣ, выжидая удобнаго момента, чтобы дернуть за веревку и опустить западню. Жирные лѣсные дрозды все ближе и ближе подходили къ сѣтямъ, и Сандрино уже радовался такой хорошей добычѣ, какъ вдругъ сова рѣзко закричала и испуганные дрозды разомъ вспорхнули и улетѣли.

— Какая дрянь эта сова! Дождется того, что я сверну ей голову,—разозлился Фрасколини.

— Вѣрно кто нибудь близко подошелъ къ сѣтямъ,—замѣтилъ Нандо, поднимаясь съ полу и подкрадываясь къ окну.

— Чтobъ имъ пусто было, этимъ проходимъ!—продолжалъ сердиться Сандрино. Онъ наскоро нахлобучилъ шляпу и рѣзко открылъ дверь сторожки, чтобы выругать непрошенныхъ гостей, открылъ дверь и остолбѣлъ отъ удивленія, — передъ нимъ стояли Лалла и miss Dill.

— Герцогиня... *снтора miss*... чему я обязанъ такой чести?.. Милости просимъ, войдите... присядьте, — бормоталъ сконфуженный юноша, растерянно переминаясь съ ноги на ногу и стараясь отогнать вцѣпившуюся въ его штiblеты *Missette*. Но собака не унималась, громко лаяла, визжала и намѣревалась его укусить; Лалла отозвала ее прочь.

— Miss Dill никогда еще не видала, какъ ловятъ птицъ сѣтями, — сказала молодая дѣвушка, — вотъ я и привела ее! Надѣюсь, что мы вамъ не помѣшали?

— Ахъ, что вы... Это такая честь, помилуйте! Жаль только, что у насъ сегодня дѣло что-то не ладится... войдите же, войдите... Нандо, смахни живѣе пылъ со скамейки!.. Простите за беспорядокъ: вѣдь мы не знали, что вы пожалуете, а то приготовились бы встрѣтить васъ... А теперь ужь не обезсудьте, у насъ тутъ все очень просто, *sans façon*...

Miss Dill съ достоинствомъ, медленно и гордо, вошла въ сторожку, надѣла очки и остановилась посредиѣ, брезгливо оглядываясь по сторонамъ. Зато Лалла была очень развязна; она подробно осматривала все и задавала Сандрино тысячи вопросовъ насчетъ ловли птицъ. Молоденькая дѣвушка была очень авантажна въ это утро. Вся въ бѣломъ, съ кружевнымъ шарфомъ на шеѣ, она казалась неземнымъ созданиемъ, легкой воздушной феей. Свѣжее розовое личико кокетливо выглядывало изъ-подъ большой соломенной шляпки, красиво отдѣланной ярко-краснымъ фуляромъ; блестящiе плутовскiе глаза такъ и сверкали подъ громадными черными рѣсницами, а маленькая, по локоть обнаженная, бѣлая ручка то и дѣло вертѣлась передъ носомъ Сандрино, указывая ему тотъ или другой предметъ. Кокетка Лалла знала свою силу и нарочно надѣла въ этотъ день платье съ короткими рукавами и ажурныя вязаныя

перчатки. И она достигла своего: Сандрино стоялъ, какъ очарованный, и любовался ея маленькой стройной фигурой, чудными волосами и крошечной ножкой въ высокомъ сапожкѣ изъ свѣтложелтой кожи.

— А я боялась, что вы насъ прогоните; боялась, что мы будемъ лишними,—продолжала жантильничать Лалла.

— Вы-то лишними?.. Ахъ, что вы?..—воскликнулъ юноша, съ наслажденіемъ вдыхая тонкій запахъ духовъ молоденькой герцогини.

— Отчего же? Всегда можно прійти очень некстати... у васъ могли быть другіе гости. Вы и теперь, пожалуй, ждете кого нибудь?

— Я не принимаю гостей въ сторожкѣ, герцогиня... Да мнѣ и некого принимать.

— Пожалуйста, не скромничайте! Нена мнѣ все рассказала.

— Я, право, васъ не понимаю,—пробормоталъ Фрасколини, не зная, что отвѣтить. Онъ догадался, на что намекала Лалла, и былъ очень смущенъ.

— Бѣдныя птички! Какъ имъ, должно быть, тяжело все время быть въ неволѣ, со связанными лапками,—прервала его Лалла, быстро переменяя разговоръ.

Молодой человѣкъ подхватилъ налету этотъ брошенный ему мячикъ, облегченно вздохнулъ и принялся подробно объяснять своей гостьѣ всю систему ловли птицъ.

— Да, между прочимъ, благотворительный спектакль доставилъ мнѣ большое удовольствіе — продолжала Лалла,—вы играли очень, очень хорошо! Но, по моему, вамъ слѣдуетъ измѣнить костюмъ послѣдняго акта: я нахожу его... неподходящимъ для сцены. Донъ-Винченцо также вполне согласенъ со мной.

— Такого костюма требуетъ развязка драмы, герцогиня; было бы неестественно явиться на сцену въ другомъ видѣ!

— Какая это ужасная пьеса!.. Я весь вечеръ проплакала... (Молоденькая дѣвушка, по обыкновенію, говорила неправду: она не проронила ни одной слезинки). Вы всѣ такъ хорошо играли...

— О, герцогиня! Вы черезчуръ снисходительны; гдѣ намъ, бѣднымъ любителямъ, равняться съ настоящими артистами?

— А вамъ никогда не приходило въ голову поступить на сцену?

— Нѣтъ, я не думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Сандрино,— хотя церковный органистъ увѣряетъ, что у меня могъ бы развиться прекрасный теноръ.

— Этого мало; для настоящаго артиста нужны хорошія манеры, а у васъ ихъ нѣтъ, — вмѣшалась въ разговоръ miss Dill; она всегда говорила такого рода комплименты.

— «Жоржъ» Александра Дюма? Что это интересно?..—спросила Лалла, рассматривая брошенную на столъ и раскрытую книгу изъ *Летучей библіотеки*.

— Какое вамъ дѣло—интересно или не интересно? вы все равно ее не прочтете! — воскликнула суровая miss, вырывая книгу изъ рукъ дѣвушки.

Но Лалла не смутилась этимъ и продолжала весело разглядывать каждый уголокъ маленькой сторожки. Потомъ она остановилась у окна и лукаво улыбнулась, но ничего не сказала, а когда англичанка отвернулась зачѣмъ-то въ другую сторону, то знакомъ подозвала Сандрино и указала ему написанные на ставнѣ стихи.

— Это, вѣроятно, произведеніе синьоры Вероники, — съ насмѣшливой улыбкой шепнула бойкая дѣвушка.

Алессандро также улыбнулся, покраснѣлъ, но ничего не отвѣтилъ. Тогда Лалла громко прочитала слѣдующее сентиментальное стихотвореніе:

«Мой другъ, твой образъ чудный
Вездѣ, всегда со мной;
Тебѣ мой вздохъ послѣдній,
Всю жизнь, мой дорогой,
Отдать готова я.
Люби, люби меня!»

— Что это вы читаете, Лалла? Откуда вы выкопали эти стихи?—сердито заговорила miss Dill, подозрительно поглядывая на свою воспитанницу.

— Зяблики, зяблики,—прервалъ ее Нандо, подкрадываясь къ окну.—Наши-то зяблики какъ распѣлись! Чувствуютъ близость своихъ пріятелей.

Дѣйствительно, вся птичья рать такъ и заливалась.

— Ну, на этотъ разъ они отъ насъ не уйдутъ,—замѣтилъ Сандрино.

— Ахъ, какъ интересно, вотъ интересно!—весело болтала Лалла, хлопая въ ладоши, какъ ребенокъ.

— Наконецъ-то! — буркнула miss Dill,—я уже перестала надѣяться увидѣть вашу ловлю. У меня даже голова разболѣлась отъ этой грязи и духоты.

Чопорная miss протерла свое *pince-nez* платкомъ и встала на цыпочки, чтобы лучше видѣть, какъ все произойдетъ. Всѣ сгруппировались у окна и затаили дыханіе; Лалла взяла свою *Musette* подъ мышку, чтобы она не лаяла и не бросалась на довѣрчиво подлетавшихъ птичекъ.

— Тихе, тихе,—прошептала Сандрино и вдругъ, что есть силы, дернулъ за веревку и опустилъ западню на пойманныхъ птицъ. Miss Dill никакъ не ожидала этого и не успѣла даже ахнуть отъ испуга.

— Попались таки!—воскликнулъ Нандо и побѣжалъ къ сѣтямъ, а *Musette* съ лаемъ за нимъ.

— Подождите, подождите!.. Я также пойду съ вами; мнѣ хочется взглянуть на этихъ несчастныхъ птичекъ,—завопила старая дѣва и, подобравъ свое длинное платье, пустилась въ догонку за мальчикомъ.

Сандрино также собирался выйти изъ сторожки, но Лалла удержала его.

— Не можете ли вы одолжить мнѣ эту книгу? — сказала она, указывая на романъ Дюма.

— Съ удовольствіемъ, герцогиня, пожалуйста, возьмите.

— Смотрите только,—мамѣ и miss Dill ни слова про книгу!

— Не скажу, не беспокойтесь.

— Вы будете у насъ сегодня вечеромъ?

— Вѣроятно, приду.

— Приходите и потихоньку передайте книгу Ненѣ, такъ чтобы никто не увидѣлъ...

Фрасколини съ удивленіемъ взглянулъ на молоденькую дѣвушку; онъ хотѣлъ было спросить ее, къ чему дѣлать такую тайну изъ-за пустяковъ, но не успѣлъ—громкій лай *Musette* и отборныя ругательства чопорной англичанки отвлекли его вниманіе.

— Ахъ, ты, злодѣй! Негодяй, мерзавецъ... прочь, прочь отъ меня, я не могу больше смотрѣть на тебя, — бушевала англичанка.

Сандрино и Лалла поспѣшили на встрѣчу старой дѣвѣ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, и разомъ остановились, пораженные представившейся имъ картиной: miss Dill, вся зеленая отъ волненія, со стѣхавшей на затылокъ шляпой, прижала къ спинѣ бѣднаго Нандо и что есть силы колотила его зонтикомъ по спинѣ; онъ покорно выносилъ ея удары и даже не отгонялъ Musette, которая вцѣпилась ему въ ноги.

— Miss, что съ вами, что случилось? — спросила Лалла, еле удерживаясь отъ смѣха.

— Злодѣй, вотъ тутъ на моихъ глазахъ, свернуть головы несчастнымъ пойманымъ птичкамъ. Извергъ ты этакій, я тебя убью... — взвизгнула чувствительная англичанка и снова принялась тузить Нандо зонтикомъ по спинѣ.

Молодые люди не выдержали и громко расхохотались. Потомъ Лалла стала объяснять своей воспитательницѣ, что въ поступкѣ Нандо не было ничего необыкновеннаго.

— Онъ только исполнилъ свою обязанность, увѣряю васъ, miss, — начала говорить молоденькая дѣвушка и разомъ умолкла: со стороны замка къ сторожежѣ быстро бѣжала чья-то мужская фигура, и Лалла издали узнала въ ней Лоренцо. Молодой лакей летѣлъ во весь духъ и смѣло перепрыгивалъ встрѣчавшіеся ему заборы и канавы.

— Вѣдь это Лоренцо? — спросила гувернантка.

— Да, какъ будто онъ; вѣрно за нами...

— Барышня, воротитесь домой, — кричалъ лакей. — Ихъ свѣтлость послали меня за вами: баринъ пріѣхалъ.

— Папа, папа пріѣхалъ! — радостно воскликнула Лалла, и, въ порывѣ родственныхъ чувствъ, бросилась на шею англичанкѣ. Miss Dill заторопилась домой; Лаллѣ также не стояло на мѣстѣ, но, при прощаньѣ, она все таки успѣла шепнуть Сандрино: — Не забудьте вашего обѣщанія!

Марія неотступно слѣдила за каждымъ шагомъ своей дочери и всегда знала, гдѣ она и что дѣлаетъ; miss Dill только исполняла приказанія герцогини, но не имѣла права сама распоряжаться. Лалла не смѣла шагу ступить безъ позволенія матери, и въ этотъ день, какъ всегда, впередъ просила разрѣшенія Маріи пойти посмотреть, какъ Фрасколини ловить птицъ. Герцогиня безъ труда согласилась отпустить дѣвуху съ гувернанткой, не находя причины отказывать ей въ

этомъ невинномъ удовольствіи: старикъ Фрасколини былъ всегда вѣрнымъ слугою покойнаго графа, отца Маріи, а Сандрино выросъ во дворѣ и въ дѣвичьей замка. Могла ли герцогиня предположить послѣ этого, что между юношей-потомъ и ея Лаллой могутъ возникнуть какія нибудь другія отношенія, кромѣ глубочайшаго уваженія съ одной стороны и снисходительной вѣжливости съ другой?

XIV.

За послѣднее время, Анатолій снова сталъ чаще навѣщать Марію.

Герцогъ грустилъ и нуждался въ утѣшеніи: у него были неудачи по службѣ и одновременно съ ними, какъ на грѣхъ, баронесса Рената уѣхала въ Парижъ, куда ея мужъ былъ отозванъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; такимъ образомъ, бѣдный Анатолій разомъ получилъ два удара.

Мучимый честолюбіемъ, депутатъ Боргиньяно рѣшилъ создать новую политическую партію и назвать ее партией *католиковъ его величества*, или *консерваторовъ*, или еще какъ нибудь въ томъ же родѣ. Но изъ этого, конечно, ничего не вышло, или—вѣрнѣе—вышли большія неприятели для Анатолія. Современная партія осмѣяла намѣренія герцога и на слѣдующихъ выборахъ признала его направленіе вреднымъ и антиконституціоннымъ; приверженцы духовенства сначала было поддались на его предложенія, но скоро поняли всю ихъ несостоятельность и отстранились отъ Анатолія. Д'Эледа думалъ создать себѣ вѣчный памятникъ славы, а на самомъ дѣлѣ только напортилъ себѣ всей этой исторіей и потерялъ свое прежнее вліяніе...

Герцогъ долго и чистосердечно горевалъ, прощаясь съ баронессой Ренатой. Вынужденный обстоятельствами, разрывъ съ нею разомъ измѣнилъ весь строй его жизни; онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ обычной колеи и одиноко брошеннымъ на произволъ судьбы. Хорошенькая женщина такъ много способствовала его репутаціи великаго дѣятеля и такъ часто удовлетворяла его болѣзненно развитое самолюбіе! Кромѣ всего этого, Анатолій привыкъ къ Ренатѣ, какъ къ женщинѣ;

они прекрасно ладили между собою и часто понимали другъ друга съ полуслова.

— Кѣмъ замѣнить ее теперь?—вздыхалъ герцогъ.— Годъ мой уже не тѣ: трудновато стало ухаживать, а надо найти женщину интересную, вліятельную, имѣющую успѣхъ... Вотъ еслибы Марія захоуѣла!—И, движимый этими соображеніями, онъ сталъ все чаще и чаще ѣздить въ Санто - Фьоре, но попрежнему не добился своего.

Герцогъ не зналъ, чтó предпринять, и съ горя бросился за помощью къ донъ-Грегорио. Онъ былъ увѣренъ въ его вліяніи на Марію и съумѣлъ разжалобить его разными выдумками и склонить на свою сторону. Добрый старикъ принялъ все за чистую монету, расчувствовался и, обманутый фиктивной откровенностью Анатоля, обѣщаль ему свое содѣйствіе, чтобы уговорить Марію возобновить съ мужемъ прежнія отношенія. Но для этого надо было выждать пока представится удобный случай для разговора, и герцогъ, скрѣпя сердце, покорился этой проволочкѣ и уѣхалъ изъ Санто Фьоре, попрежнему сумрачный и недовольный.

Разставаясь съ отцомъ, Лалла обыкновенно разыгрывала бурныя сцены отчаянія и въ этомъ разѣ, какъ и всегда, долго заливалась слезами, судорожно вздрагивая всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ. Когда экипажъ герцога скрылся изъ виду, молодая, но опытная актриса усѣлась въ темномъ углу гостинной и, по заведенному обычаю, угрюмо молчала, завернувшись въ большой пуховый платокъ. Въ такіе дни она всегда жаловалась на холодъ и нездоровье и, пользуясь этимъ, уходила къ себѣ раньше обыкновеннаго, якобы ложиться спать. Но на этотъ разъ она осталась въ гостинной выжидать Сандрино и отправилась въ дѣвичью, лишь только услышала его голосъ за дверью.—Я хочу попросить Фрасколини поймать мнѣ самца-щегленка,—сказала она матери; но щегленокъ былъ, конечно, только предлогомъ: Лаллѣ хотѣлось поболтать съ Сандрино и постепенно приблизить его къ себѣ. Юноша пока еще былъ попрежнему застѣнчивъ и скромнень, и не могъ даже вообразить себѣ, какое счастье или—вѣрнѣе — несчастье ожидаетъ его. Молоденькая герцогиня ежедневно приходила въ дѣвичью, и ея странная манера держаться начинала смущать бѣднаго Сандрино. Она постоянно

подсмѣивалась надъ нимъ, иронически намекая на его любовныя похождения, и все время дразнила его. Лалла часто давала ему какія нибудь порученія въ городъ: напримѣръ, просила купить ей шерсти, бумаги, карандашей или переменить книгу въ *Летучей библиотекѣ*, причемъ каждый разъ неизмѣнно говорила: — Надѣюсь, что синьора Октавіа не разсердится на меня за это!—или: — Пожалуйста, не рассказывайте синьорѣ Октавіа про мои порученія; она способна мнѣ выпарапать глаза изъ ревности!

Сандрино не зналъ, что отвѣчать на это, и, потупившись, молчалъ, весь красный отъ смущенія. Но въ душѣ онъ былъ очень доволенъ: намеки Лаллы льстили его самолюбію; ему было пріятно, что молоденькая герцогиня считаетъ его опаснымъ сердцеѣдомъ. Молодые люди видѣлись ежедневно, но разговаривали между собою слишкомъ въ короткіе промежутки времени, чтобы успѣть лучше узнать другъ друга и подружиться. Вскорѣ сами обстоятельства устроили имъ болѣе продолжительное свиданіе и они провели цѣлый вечеръ вмѣстѣ на свадьбѣ старшей дочери кучера Амброджіо, — Пьерины, родной сестры Нены. Герцогиня д'Эледа очень любила и цѣнила старика Амброджіо; онъ одинъ напоминалъ ей покойную мать и прежнюю счастливую жизнь въ Санто-Фьоре. Бѣдная покойная графиня страшно боялась лошадей и рѣшалась кататься только съ кучеромъ Амброджіо, слѣпо довѣряя его искусству править лошадьми. Послѣ смерти матери, Марія щедро наградила этого вѣрнаго слугу; она всюду, гдѣ могла, оказывала ему свое благосклонное вниманіе и даже крестила обѣихъ его дочерей: Пьерину и Нену. Амброджіо поступилъ на службу въ замокъ еще маленькимъ мальчикомъ и провелъ всю свою жизнь въ его стѣнахъ. Тамъ онъ женился, тамъ родились его дочери и умерла его любимая и всѣми уважаемая жена... Теперь онъ доживалъ въ замкѣ послѣдніе дни и зналъ, что выдетъ изъ его стѣнъ только въ гробъ, чтобы послѣдовать за женой на мѣстное кладбище. Когда Пьерина сдѣлалась невѣстой, Марія сама позаботилась объ ея приданомъ и тогда же объявила всѣмъ, что позволяетъ праздновать свадьбу въ одной изъ залъ замка, и что Лалла и miss Dill будутъ присутствовать на этомъ маленькомъ семейномъ праздникѣ. Старикъ Амброджіо заплакалъ отъ умиленія: лучшаго подарка

«графинюшка» не могла ему сдѣлать, и онъ не зналъ, какъ отблагодарить ее за эту великую честь.

Въ день свадьбы, на угощенье въ замокъ были приглашены со стороны молодыхъ: мэръ Санто-Фьоре съ супругой, донъ Винченцо, отецъ и сынъ Фрасколини, докторъ, аптекаръ и красавица Октавія. Всѣ названныя лица представляли собою, такъ сказать, высшія мѣстныя власти и остальные гости (поваръ, Луиджа и Лоренцо) относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Громадная старинная зала замка была отдана въ полное распоряженіе Амброджіо и его семьѣ, и они устроили и украсили ее по своему: всюду развѣсили гирлянды изъ зелени и цвѣтовъ, мѣстами закрыли стѣны довольно старыми, но еще хорошими коврами, и ярко освѣтили все безчисленными канделябрами самыхъ разнообразныхъ формъ, лампами и свѣчами. Вокругъ всей залы, по стѣнамъ, на веревкахъ висѣли чисто-на-чисто вычищенные экипажные фонари; они блестяли, какъ серебряные. Гостямъ было приготовлено угощеніе: сладкій пирогъ, кофе, ликеры, красное вино, игристое Асти и вареные, и жареные каштаны. Кромѣ того, поваръ, пополамъ съ Луиджей, приготовили новобрачнымъ сюрпризъ:—громадную фаршированную индѣйку и слоеный паптетъ въ видѣ севастопольской башни, внутри которой, по обычаю, была посажена живая канарейка. Это былъ ихъ свадебный подарокъ. Для развлеченія гостей, отъ донъ-Винченцо былъ перевезенъ въ замокъ его шпинетъ ¹⁾ и органистъ (онъ же школьный учитель, ветеринаръ, другъ мэра, Амброджіо и синьора Низо, и отъявленный врагъ доктора) искусно исполнялъ на немъ всевозможные вальсы, польки и мазурки, играя всѣ эти танцы въ одинаковомъ темпѣ марша, чтобы «не вводить танцоровъ въ заблужденіе».

Пьерина была одѣта, какъ богатая невѣста, въ бѣлое шолковое платье съ фатой и цвѣтами. Это платье когда-то принадлежало герцогинѣ и она уже давно подарила его своей молоденькой служанкѣ, но экономная Пьерина до поры до времени припрятала богатый подарокъ, а теперь сама перешла на себя это платье и вѣнчалась въ немъ. Нарядъ очень шелъ къ хорошенькой и счастливой невѣстѣ, и старое бѣлое

¹⁾ Музыкальный инструментъ.

платье Маріи было такъ искусно передѣлано, что казалось совсѣмъ новымъ.

Но наряднѣе и красивѣе всѣхъ была величественная супруга аптекаря. Она сдѣлала себѣ къ свадьбѣ новое полушолковое платье моднаго огненнаго цвѣта, *крови дракона* съ широкимъ вырѣзомъ на лифѣ, изъ котораго выглядывала ея пышная классическая грудь. Такой груди могла бы позавидовать сама богиня Юнона! Мужчины такъ и кружились вокругъ Октавіи и заглядывались на нее со всѣхъ сторонъ; она притягивала ихъ, какъ магнитъ. Даже донъ-Винченцо былъ видимо взволнованъ близостью этой красивой молодой женщины; онъ потѣлъ, краснѣлъ и все поглядывалъ на открытый лифъ Октавіи, хотя, судя по его ухаживаніямъ за miss Dill, можно было предположить, что онъ предпочитаетъ другаго рода красоту. Успѣхъ красавицы видимо сердилъ Сандрино, онъ хмурился и упорно молчалъ; зато синьоръ Низо былъ наверху блаженства: ухаживанія за Октавіей льстили его самолюбію и онъ самодовольно усмѣхался, принявшись чистить большое блюдо варенныхъ каштановъ. Его длинные пальцы, съ почернѣвшими отъ разныхъ лѣкарствъ ногтями, особенно тщательно отдѣляли шелуху отъ каждаго каштана и онъ по очереди угощалъ ими всѣхъ дамъ, причемъ предварительно нанизывалъ каштаны на остріе ножа, а потомъ уже предлагалъ ихъ прекрасному полу. Октавія была поразительно мила и нѣжна со своимъ супругомъ въ этотъ вечеръ, — конечно, въ благодарность за новое дорогое платье. Она постоянно подходила къ нему, открывала свои пухлыя губки и, кокетничая, просила порцію каштановъ; синьоръ Низо тотчасъ же исполнялъ ея просьбу и съ трогательной заботливостью самъ клалъ ей каштаны въ ротъ, а если при этомъ на пышномъ бюстѣ его дрожайшей половины оставались какія нибудь крошки, — онъ акуратно вычищалъ ихъ и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, когда она удалялась. «Столько-то стоитъ матерія, столько-то работа и столько-то прикладъ; хоть и хорошо платье, а денегъ жалко!» — казалось, говорилъ его взглядъ.

Но еще больше его жалѣла этихъ затраченныхъ на платье денегъ синьора Вероника. Роскошный нарядъ соперницы, цвѣта «крови дракона», испортилъ ей весь вечеръ; къ довершенію бѣды, Фрасколини упорно избѣгалъ ее, не разговаривалъ съ

нею и не приглашалъ танцовать. Это непростительное невниманіе было замѣчено даже синьоромъ Доменикомъ и онъ успѣшилъ прочесть должную нотацію старику Фрасколини, пользуясь тройнымъ правомъ мужа, друга и мэра. Но Сандрино было не до окружающихъ; онъ ревновалъ Октавію, не спускалъ съ нея глазъ и не замѣчалъ злобно обиженныхъ взглядовъ Вероники и смущеннаго вида своего отца.

Этотъ вечеръ былъ сплошнымъ рядомъ неудачъ для супруги мэра:—все дѣлалось ей наперекоръ и даже, заключенная въ паптетной башнѣ, канарейка сыграла съ ней скверную шутку. Лишь только разрушили эту грандіозную и красиво разукрашенную постройку изъ тѣста, птичка весело выскочила изъ-подъ развалинъ, вспорхнула и полетѣла по залѣ среди всеобщихъ криковъ и взрывовъ смѣха. Дамы повскакали со своихъ мѣстъ и бросились ловить ее, а кавалеры остались сидѣть, чтобы всецѣло предоставить это удовольствіе прекрасному полу. Канарейка испуганно кидалась изъ стороны въ сторону, садилась на карнизы и на рамы картинъ, а на нее отовсюду сыпались платки и шелуха каштановъ. Въ общемъ весельѣ не принимали участія только сама молодая и красавица Октавія: первой было не до канарейки, и она пользовалась всей этой суматохой, чтобы лишній разъ поцѣловаться и пошептаться со своимъ возлюбленнымъ, а Октавія боялась измять свое драгоценное платье и издали наблюдала за ловлей бѣдной птички. Канарейка уже сотни разъ облетѣла вокругъ залы; никто не могъ ее поймать, и это еще болѣе усиливало всеобщія старанія. Но всему бываетъ конецъ... Чья-то шелуха каштана метко попала въ самую птичку, она испугалась и въ изнеможеніи забилась въ темный уголъ залы. Тогда Вероника, вся красная отъ волненія, съ крупными каплями пота на лбу и на носу, стала на цыпочкахъ подкрадываться къ ней и уже готовилась съ торжествомъ накрыть свою добычу платкомъ, когда канарейка очнулась, вспорхнула и такъ близко пролетѣла мимо красавицы Октавіи, что та успѣла схватить ее обѣими руками.

Это произвело сенсацію среди мужчинъ; всѣ зааплодировали, закричали и стали отпускать разныя шуточки довольно двусмысленнаго содержанія, не стѣсняясь присутствіемъ донъ-Винченцо. Вероника позеленѣла отъ злости и, одновременно

съ ней, ревнивый Сандрино поблѣднѣлъ, какъ полотно, а почтенный синьоръ Низо весь вспыхнулъ отъ самодовольнаго смущенія.

Лалла и miss Dill появились на свадебномъ праздникѣ довольно поздно; онѣ не хотѣли оставлять герцогиню одну цѣлый вечеръ и подождали, когда она уйдетъ къ себѣ спать. Кромѣ того, Лалла боялась стѣснить всю компанію своимъ присутствіемъ и рѣшила прійти позже, чтобы не мѣшать гостямъ спокойно лакомиться приготовленными яствами. Дѣйствительно, общество замѣтно присмирѣло, когда въ залу вошла молоденькая герцогиня въ сопровожденіи своей гувернантки. Всѣмъ стало не по себѣ; всѣ не знали, какъ себя держать и что говорить, и упорно молчали или шопотомъ переговаривались между собой, вызывающими взглядами поглядывая по сторонамъ: «Глядите, молю, я не стѣсняюсь этихъ барынь!» Только развязная Нена да сіяющая счастьемъ Пьерина нисколько не смутились и стали весело разговаривать съ вновь прибывшими. Амброджіо со слезами на глазахъ смотрѣлъ на дочь своей «барышни»; бѣдный старикъ не могъ выговорить ни слова отъ наплыва волнующихъ его чувствъ и воспоминаній, и съ блаженнымъ видомъ не отрывалъ своего восторженнаго взгляда отъ хорошенькой Лаллы. Досточтимый мэръ уже нѣсколько разъ встрѣчался въ замкѣ съ молоденькой герцогиней и, вслѣдствіе этого, набравшись храбрости, представилъ ей теперь свою супругу. Видя это, красавица Октавія стала усиленно щипать своего мужа, чтобы онъ послѣдовалъ его примѣру, но синьоръ Низо не рѣшился на такой смѣлый поступокъ и остался глухъ и нѣмъ на всѣ толчки и щипки своей жены.

Лалла обошлась поразительно-любезно съ синьорой Вероникой, конечно, отчасти для того, чтобы досадить ея соперницѣ; она очень долго разговаривала съ нею и нѣсколько разъ похвалила ея послѣдніе стихи, посвященные новобрачнымъ. Вероника опускала глаза и застѣнчиво краснѣла отъ удовольствія; милостивое обращеніе молоденькой герцогини сторицей вознаграждало ее за всѣ неудачи этого вечера. Лалла держала себя такъ непринужденно и съ такимъ тактомъ, что все общество скоро освоилось съ ея присутствіемъ и продолжало веселиться отъ души. Органистъ воспользовался

маленькимъ перерывомъ между танцами, чтобы подкрѣпиться краснымъ виномъ и игристымъ Асти, и теперь съ новыми силами разыгрывалъ на своемъ шпинетѣ всевозможные вальсы и польки. Miss Dill и ея воспитанница, конечно, не принимали участія въ этихъ танцахъ; къ англичанкѣ подсѣлъ ея неизмѣнный обожатель донъ-Винченцо и между ними началась интимная бесѣда, прерываемая томными вздохами старой дѣвы, когда толстякъ-аббатъ предлагалъ ей свою открытую табакерку. Теперь донъ-Винченцо уже не смотрѣлъ больше на соблазнительныя формы красавицы Октавіи, зато онъ услаждалъ себя старымъ краснымъ виномъ и усиленно угощалъ имъ чопорную miss. Танцующія пары сначала держались очень корректно и старательно выдѣлывали па, чтобы похвастаться своимъ умѣньемъ передъ молодой герцогиней, но вскорѣ онѣ позабыли о ней и думали только о своемъ удовольствіи и весельѣ. Выпитое вино, душная атмосфера и музыка опьяняли танцующихъ; кавалеры страстно прижимали дамъ къ своей груди, и пары носились по залѣ въ какомъ-то экстазѣ, забывая все окружающее. Синьора Вероника, въ своемъ потертомъ черномъ шелковомъ платьѣ, безъ усталости кружилась въ объятіяхъ повара Франческо. Ея сухая фигура, въ высокомъ, закрытомъ до ушей лифѣ, держалась прямо, какъ палка; она ничуть не поддавалась движеніямъ своего кавалера и даже какъ будто отстранялась отъ него, что было очень комично. Неизбѣжный букетикъ незабудокъ какъ-то безпомощно болтался на гладко причесанныхъ волосахъ супруги мэра и крупныя капли пота катились по ея желто-коричневому лицу. Вероника была помѣшана на комбильфотности и, какъ большинство сухихъ и некрасивыхъ дамъ, ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы надѣть открытаго платья, якобы изъ приличія, но на самомъ дѣлѣ потому, что ей нечего было показывать.

— Не всѣмъ же быть такими безстыжими, какъ эта жирная Октавія!—гадливо думала Вероника и съ достоинствомъ подымала еще выше свой, и безъ того высокой, воротникъ. Въ антрактахъ между танцами, поваръ Франческо рассказывалъ своей дамѣ, какъ надо дѣлать битыя сливки, чтобы онѣ хорошо стояли и были воздушными, но она пропускала его наставленія мимо ушей и все время внимательно слѣдила за своей ненавистной соперницей и за ея кавалеромъ Сандрино.

Молодые люди окончательно помирились во время танцевъ и, возбужденные бальной атмосферой, впивались другъ въ друга влюбленными глазами. Имъ не было дѣла до герцогини, до синьора Низо и до всей остальной компании; они кружились, кружились безъ конца, сливаясь въ одно цѣлое и наслаждаясь близостью своихъ переплетающихся рукъ и сталкивающихся ногъ. Синьоръ Низо не замѣчалъ непристойнаго поведенія своей жены: Амброджіо поручилъ ему положить сахаръ въ стаканы для пунша и онъ весь ушелъ въ это занятіе, стараясь распредѣлить сахаръ какъ можно равномернѣе съ математической точностью аптекаря. Кромѣ Сандрино и Октавіи, особенно влюбленно и страстно танцевала пара новобрачныхъ; увлекаясь своей любовью, они то и дѣло сбивались съ темпа и тогда въ смущеніи прятались въ какой нибудь темный уголъ или на нѣкоторое время исчезали изъ залы, а потомъ возвращались,—онъ блѣдный какъ смерть, а она растрепанная и красная, какъ піонъ, съ сильно помятымъ платьемъ, и съ виноватымъ видомъ подсаживались къ доктору и стараясь внимательно прислушиваться къ его разговору съ Лоренцо насчетъ войны сорокъ восьмага года.

Лалла не могла отказать старику Амброджіо и выпила за его здоровье нѣсколько глотковъ стараго выдержаннаго вина; отъ этого, съ непривычки, у нея кружилась голова, пересыхало горло и все горѣло внутри. Предъ глазами молоденькой дѣвухи стояла дымка сизаго тумана, а откровенныя ласки новобрачныхъ и черезчуръ страстныя движенія и взгляды Сандрино и Октавіи взволновали ея, по природѣ чувственную, натуру.

Нена все время нашептывала своей госпожѣ на ухо разные коментаріи по поводу танцующихъ паръ, и Лалла то краснѣла, то блѣднѣла отъ непонятнаго ей возбужденія.

— Чтò съ вами, барышня? вамъ дурно?—спросила, наконецъ, болтушка горничная.

— Нѣтъ... Мнѣ просто очень жарко!..

— Да, здѣсь можно задохнуться... надо открыть окна на террасу... Папаша...—И Нена подбѣжала къ Амброджіо. Когда старикъ узналъ, что «барышня» жарко, онъ открылъ настежь всѣ окна и двери, не спрашивая на это разрѣшенія у другихъ. Свѣжій воздухъ вольными струями ворвался въ душную залу, и общество встрѣтило его радостными криками и апло-

дисментами; многія парочки тотчасъ же вышли на балконъ, а оттуда спустились въ садъ и стали прогуливаться по его извилистымъ дорожкамъ. Вечеръ былъ далеко не теплый, можно даже сказать: прямо холодный, но разгорѣвшіеся отъ вина и любви танцоры не чувствовали этого холода; имъ показалось бы жарко и среди полярныхъ снѣговъ. Въ залѣ остались только Вероника да поварь. Гордая супруга мэра не отпускала его отъ себя, надѣясь этимъ возбудить ревность Фрасколини. Она съ нескрываемой досадой смотрѣла, какъ Сандрино прогуливается подъ руку съ величественной Октавіей; красавица гордилась своимъ кавалеромъ, гордилась и шелестомъ своего длиннаго новаго платья, и была вполне довольна собой. Но синьоръ Низо покончилъ съ распредѣленіемъ сахара по стаканамъ и, не зная, что дѣлать, вышелъ на террасу любоваться туалетомъ своей супруги.

— Онъ за мной подсматриваетъ, какъ это несносно!— сказала Октавія своему другу, — подождите меня здѣсь, я его выпровожу и сейчасъ вернусь.

Молодая женщина развязно подошла къ мужу, стала жаловаться ему на холодъ и съ кокетливой улыбкой попросила завязать ей теплый шарфъ сзади на талии.

Оставшись одинъ, Сандрино не зналъ, что ему дѣлать, и рѣшилъ подойти къ молоденькой герцогинѣ; онъ почти не разговаривалъ съ нею въ этотъ вечеръ и ограничился только нѣсколькими привѣтствіями при встрѣчѣ. На этотъ разъ, къ его удивленію Лалла была одна:—miss Dill еще въ залѣ жаловалась на начинающуюся мигрень и воспользовалась этимъ, чтобы пойти прогуляться по саду съ неизмѣннымъ донъ-Винченцо. Лалла не слышала разговора Октавіи съ Фрасколини, но по выраженію ихъ лицъ поняла, въ чемъ дѣло, и сильно разсердилась, когда, оставленный своей дамой, юноша, отъ нечего дѣлать, подошелъ къ ней.

— Bravo, синьоръ Алессандро...— сказала она съ усмѣшкой, — какъ вы любезны! даже не удостоили сдѣлать со мною одинъ туръ польки...

— О, еслибы я могъ предположить, что вы окажете мнѣ такую честь..

— Перестаньте, перестаньте, не сочиняйте понапрасну. Вамъ не было времени танцевать со мной!

— Вы шутите, герцогиня? Вы, конечно, подсмѣиваетесь надо мной!!.

— И не думаю шутить... Да, хоть бы одинъ туръ польки!

— Клянусь вамъ честью, герцогиня... мнѣ и въ голову не могло прийти предложить вамъ... А я былъ бы такъ счастливъ, такъ счастливъ...

— Довольно, довольно, вы и такъ очень счастливы, будете съ васъ!

Туманъ отъ выпитаго вина не испарился изъ головки Лаллы и придавалъ ей еще больше развязности и апломба; къ тому же она по природѣ была не изъ застѣнчивыхъ.

— О, синьорина Лалла, за одинъ туръ польки съ вами я, какъ Тристано-ди-Рокка-Бруно, готовъ былъ бы дать обѣтъ никогда въ жизни не танцовать больше!—воскликнулъ восторженный юноша. Тристано-ди-Рокка-Бруно былъ сантиментальнымъ героемъ его послѣдняго произведенія, — длиннѣйшей пятиактной трагедіи, которая въ скоромъ времени должна была замѣнить на сценѣ мѣстнаго театра знаменитыхъ *Деуль Сержантовъ*.

Лалла громко и звонко разсмѣялась.

— Смотрите, я поймаю васъ на словѣ, — сказала она.

— Пожалуйста, я не боюсь этого и клянусь, что сдержу обѣщаніе.

У Сандрино также кружилась голова отъ излишка выпитаго вина. Близость роскошнаго тѣла прекрасной Октавіи разожгла его кровь, и теперь у него двоилось въ глазахъ отъ страстныхъ и вызывающихъ взглядовъ молоденькой дѣвушки. Ея обаяніе, какъ электрическій токъ, пронизывало его насквозь, и онъ былъ почти искрененъ, давая ей эту клятву.

— Но... какъ же синьора Октавія?

— Причемъ тутъ синьора Октавія?

— А, она непричемъ? Неужели?.. Прекрасно... давайте мнѣ вашу руку въ залогъ нашего тура польки, и пойдете танцовать... Только не здѣсь, а туда въ садъ, на лужайку...

Оригинальная дѣвушка быстро побѣжала по дорожкѣ къ мраморной статуѣ Цереры, закрытой отъ замка кустами глицинь. Алессандро бросился за ней.

За нѣсколько шаговъ отъ статуи, Лалла вдругъ остановилась и знакомъ приказала Сандрино не трогаться съ мѣста и

не шумѣть. Кругомъ все было тихо и круглолицая луна ярко освѣщала своимъ серебристымъ свѣтомъ уснувшій садъ.

— Смотрите, тамъ, за кустами розъ... Пьерина!..—прошептала Лалла. Алессандро взглянулъ по направленію ея маленькой ручки и увидаль бѣлую фигуру Пьерины среди кустарниковъ дикихъ розъ; рядомъ съ нею мелькалъ темный силуэтъ ея молодого мужа. Лалла тихонько на ципочкахъ подошла ближе къ влюбленнымъ и съ жадностью прислушивалась къ ихъ страстному шопоту и жаркимъ поцѣлуямъ... Но новобрачные говорили такъ тихо, что молоденькая дѣвушка не могла слышать ихъ словъ; это разсердило ее и, въ порывѣ неудовольствія, она бросила въ кусты цѣлую горсть крупнаго песку. Раздался испуганный крикъ Пьерины и влюбленные голубки вспорхнули и полетѣли въ сторону замка.

— Какая вы жестокая!—съ улыбкой замѣтилъ Сандрино.

Лалла ничего не отвѣтила; она въ изнеможеніи опустилась на скамью около статуи Цереры, прижалась своимъ горячимъ лбомъ къ холодному мраморному пьедесталу и глубоко задумалась. Юноша также умолкъ и, прислонившись къ статуѣ съ другой стороны, любовался изящной, гибкой фигурой молоденькой дѣвушки, причудливо освѣщенной луннымъ свѣтомъ. Она, точно сказочная фея, выдѣлялась среди окружающаго мрака.

— Какъ должно быть хорошо любить другъ друга!—тихо прошептала Сандрино, договаривая вслухъ свои мысли.

— *Вы* должны это знать, — замѣтила Лалла, вздрагивая отъ холода и плотнѣе закутываясь въ свою мантилью.

— Нѣтъ, герцогиня, я могу только предполагать всю прелесть этого чувства, но самъ, повѣрьте, никогда еще не испытывалъ его.—Въ эту минуту Сандрино впервые ясно понималъ, что его влеченіе къ красавицѣ Октавіи нельзя было назвать любовью: это было чувственное возбужденіе, страстное желаніе обладать ея пышнымъ тѣломъ, дурманъ, но не любовь! Только теперь онъ сознавалъ, что въ настоящей любви не можетъ быть обмана и такого лихорадочнаго взвинчиванья нервъ; любовь—не мученіе: это благородное, святое, сладкое чувство, которое даетъ высшее въ свѣтѣ наслажденіе.

— Ай, ай, ай, что сказала бы на это красавица Октавія?—воскликнула Лалла.

— Вѣроятно, согласилась бы со мной... А какъ же обѣщанный туръ польки, герпогиня? Вы забыли про него,— Фрасколини хотѣлъ перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ не забыла, но здѣсь нѣтъ музыки... Этотъ лунный свѣтъ и звѣздное небо свободно могутъ вдохновить поэта и въ его ушахъ зазвучитъ дивная гармонія вселенной... такъ, кажется, говорится въ стихахъ?.. Но, къ несчастію, эта гармонія не можетъ замѣнить бальной музыки.

— Значить... вы не сдержите вашего обѣщанія?

— Ничего не подѣлаешь! Я не подумала о томъ, что отсюда не будетъ слышно музыки. Впрочемъ, мы квитъ, вы также не держите вашего слова:—вотъ ужъ мѣсяць, что вы не посылаете мнѣ книгъ.

— Но я... я... мнѣ...

— Вамъ некогда думать обо мнѣ, хотите вы сказать, да?

— Нѣтъ, нѣтъ, повѣрьте мнѣ, герпогиня!.. О, еслибы вы знали все, что я переживаю въ эту минуту... — У Сандрино оборвался голосъ. Лалла вопросительно взглянула на него своими блестящими глазами, но онъ ничего не отвѣтилъ.

— Если я пошлю къ вамъ завтра Нену, вы не забудете передать ей книгу для меня?—спросила молоденькая дѣвушка.

— Нѣтъ, не забуду.

— Въ самомъ дѣлѣ, не забудете? Обѣщайте мнѣ, что не забудете...

«На что она намекаетъ? Чего я не долженъ забывать?»—подумалъ Алессандро и тотчасъ же съ жаромъ отвѣтилъ:

— Клянусь исполнить ваше желаніе... будьте увѣрены... не забуду!

Оба снова умолкли, но на этотъ разъ, не отрываясь, смотрѣли другъ на друга.

— Развѣ синьора Октавіа можетъ ревновать ко мнѣ?—прошептала Лалла черезъ мгновеніе.

Юноша ничего не отвѣтилъ; онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ также пристально смотрѣть въ ея глаза.

— А вы... вы, дѣйствительно, влюблены въ эту даму?

— Не знаю.

— Не знаете? Какъ это мило!—Лалла громко расхохоталась, мѣняя тонъ, со свойственной ей живостью. — Какъ это

мило!.. Во всемъ Санто Фьоре только вы... да еще одинъ господинъ не знаетъ этого!

— Да, герцогиня, я не хочу вамъ лгать! Вчера еще, даже сегодня, часъ тому назадъ, я былъ почти увѣренъ, что влюбленъ въ Октавію, но любить ее, любить всѣмъ существомъ,—клянусь вамъ,—никогда не любилъ. Я не умѣю объяснить, ясно высказать мою мысль, но отлично понимаю и сознаю, что внушить это чудное поэтическое чувство можетъ только дѣвушка. Да, въ любви невинной чистой дѣвушки нѣтъ ничего грѣховнаго, дурнаго... Какъ сладко любить такую дѣвушку, какъ сладко уважать и боготворить ее! Какъ хорошо открыто гордиться своимъ чувствомъ передъ лицомъ всего свѣта... вѣдь настоящая любовь не терпитъ обмана и тайны!

— Вы хотѣли бы любить красивую и добрую дѣвушку!..—повторила Лалла:—такую, какъ Пьерина, напримѣръ?

— О нѣтъ!—горячо возразилъ ей Фрасколини.—Пьерина, можетъ быть, и хороша, но ея красота не волнуетъ моего сердца.

— Ну, такъ Ринальдини? Эта вамъ нравится?.. Неужели вы забыли кузину маркиза ди-Ро?

— Нѣтъ, нѣтъ, это не мой идеаль.

— Вы слишкомъ разборчивы, на васъ не угодишь! Пьерина не годится, Ринальдини также не хороша... Какую же вамъ надо?

— Какую мнѣ надо?—бѣдный Сандрино разомъ очнулся отъ этого вопроса; холодный вечерній воздухъ освѣжилъ его отуманенную голову и онъ испугался того, что чуть было не сорвалось съ его губъ.

— Смѣлѣе, смѣлѣе, что же вы замолчали? Или, можетъ быть, вы сами не знаете, кого могли бы полюбить?

— Нѣтъ, знаю, прекрасно знаю... Но она настолько выше, настолько неизмѣримо выше меня, что мнѣ не слѣдовало бы... что я не имѣю даже права на нее смотрѣть.

— Очень жаль, что вы не смотрѣли на нее и поэтому не можете судить объ ея наружности... Я бы хотѣла знать: хороша она или дурна?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не долженъ... я не долженъ говорить вамъ про это! Не лучше ли намъ вернуться въ замокъ, герцогиня? здѣсь становится холодно: какъ бы вы не простудились!

— Вы боитесь, что синьора Октавіа разсердится на ваше долгое отсутствіе?

— Что мнѣ синьора Октавіа? Я ея не боюсь, а боюсь самого себя, герцогиня; боюсь того огня, которымъ пылаеть все мое существо! Или, вѣрнѣе, я боюсь васъ...

— Меня?... Что я за пугало?... Благодарю за новую любовь.

— За что?... зачѣмъ вы все смѣтаете надо мною? Неужели такъ весело насмѣхаться надъ жалкимъ бѣднякомъ? Я самъ себя не узнаю и, кажется, теряю разумъ... Что вы со мной сдѣлали, Лалла? вы околдовали меня... Я все забылъ и знаю только то, что вы чудно хороши...

Чудно хороша! Лалла впервые услышала такой комплиментъ изъ устъ мужчины, и ея сердце радостно забилось отъ удовлетвореннаго тщеславія и отъ одержанной побѣды. Она вся вспыхнула отъ удовольствія и съ улыбкой потушилась, а Сандрино приписалъ ея яркій румянецъ дѣвичьей скромности и стыдливости.

Бѣдный, недалновидный Фрасколини, какъ онъ ошибался! Онъ переживалъ въ эту минуту одну изъ главъ чувствительныхъ романовъ *Летучей библиотеки* и весь предался своимъ мечтамъ:—«Какъ она покраснѣла отъ моего полупризнанія, чудная, чистая дѣвушка!—думалъ онъ.—Кругомъ все такъ располагаетъ къ любви, и ночная тишина, и лунный свѣтъ; можетъ быть, эта изящная бѣлокурая герцогиня также любитъ меня и, протянувъ мнѣ руку, довѣрчиво сойдетъ ко мнѣ со своего величественнаго пьедестала!»!—Наивный, неопытный, экзальтированный юноша былъ очень далекъ отъ истины.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совсѣмъ не хороша собой!—воскликнула Лалла въ отвѣтъ на восторженныя слова Сандрино.—Я даже скорѣе дурна... да, именно, дурна... и потому вамъ грѣхъ смѣяться надо мной...

— Ахъ, еслибъ это были не вы!..

— Конечно, еслибы на моемъ мѣстѣ была другая... она могла бы быть хороша!

— Вы меня не понимаете... еслибы вы не были такъ знатны, или я былъ бы также знатенъ и богатъ, какъ вы тогда...

Голосъ Фрасколини оборвался; Лалла также не прерывала

молчанія; она снова опустила голову и покраснѣла отъ непривычнаго ей волненія. Сандрино не спускалъ съ нея глазъ и мало-по-малу подвигался къ ней все ближе и ближе, пока его дрожащія колѣни не коснулись ея свѣтлаго платья. Волосы, одежда и свѣжее молодое тѣло хорошенькой дѣвушки благоухало тонкимъ, изысканнымъ ароматомъ дорогихъ духовъ; Сандрино опьянялся этимъ чуднымъ запахомъ; скромный и простой юноша не имѣлъ прежде никакого понятія о вкусахъ и привычкахъ, знати и мысленно содрогнулся теперь, сравнивая дебелую, вѣчно пахнувшую потомъ, супругу аптекаря съ этой холеной изящной дѣвушкой-аристократкой. Лалла стыдливо склонила голову на руки и закрыла ладонью свое лицо. Передъ глазами молодого человѣка мелькнула ея бѣлая точеная шея; онъ нагнулся, но не посмѣлъ поцѣловать ее, а еле коснулся губами душистыхъ волосъ и робко прильнулъ къ маленькой нѣжной ручкѣ съ розовыми ноготками... По простотѣ сердечной, онъ не предполагалъ, что въ это мгновеніе за нимъ слѣдятъ два зоркихъ и спокойныхъ глаза изъ-подъ этихъ длинныхъ, тонкихъ пальчиковъ!

Лалла громко вскрикнула и рѣзко вскочила со своего мѣста.

— Пресвятая Богородица!.. чтѣ я надѣлалъ, чтѣ я надѣлалъ!—воскликнулъ Сандрино, приходя въ себя.—Бога ради, простите мнѣ мою дерзость, герцогиня! Недаромъ я вамъ говорилъ, что у меня голова кружится и я самъ не свой...

Лалла ни слова не отвѣтила ему; еще плотнѣе закуталась въ свою мантилью и медленно направилась къ замку; пристыженный юноша также молча слѣдовалъ за нею и всю дорогу упрекалъ себя въ своемъ дурномъ поступкѣ. Теперь у него не хватало храбрости даже извиниться передъ молоденькой дѣвушкой и онъ весь холодѣлъ отъ страха, задумываясь о томъ, чтѣ можетъ произойти изъ-за его несдержанности. «Какъ я могъ такъ обезумѣть?—думалъ Сандрино.—Герцогиня Лалла съ такой добротой относилась ко мнѣ, болтала и шутила, какъ съ равнымъ, а я, глупецъ, воспользовался ея довѣріемъ и оскорбилъ ее!.. И отчего мнѣ показалось, что между нами можетъ зародиться любовь?.. Какая нелѣпость, какое безмысліе! Но вѣдь она краснѣла, дрожала, улыбалась въ отвѣтъ на мое признаніе; я самъ это видѣлъ... Нѣтъ, нѣтъ, какое безуміе!..

Развѣ это возможно? У меня, вѣрно, тогда въ глазахъ помутилось отъ выпитаго вина... Да, вотъ теперь она сердится, придетъ домой, расскажетъ все герцогинѣ Маріи, и меня со стыдомъ выгонятъ изъ замка и никогда уже не впустятъ больше. Какой позоръ!..—Раздумывая такимъ образомъ, молодой человѣкъ незамѣтно дошелъ за Лаллой до балкона замка и со страхомъ ждалъ, что будетъ. Нена и ея новобрачная сестра выбѣжали изъ залы навстрѣчу своей барышнѣ. У Сандрино сперлось дыханіе въ груди:—«Вотъ, вотъ, она сейчасъ имъ все расскажетъ»,—промелькнуло у него въ головѣ. Но Лалла, какъ ни въ чемъ не бывало, окликнула обѣихъ дѣвушекъ по имени своимъ веселымъ, звонкимъ голосомъ и, обернувшись къ Фрасколини, успѣла ему шепнуть:—Не забудьте вашего обѣщанія не танцовать больше съ синьорой Октавіей.

Сандрино остановился, какъ вкопанный, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ—у него судорожно сжалось горло. А Лалла тѣмъ временемъ весело шутила съ Пьериною и Неной, и расспрашивала ихъ, куда скрылась Miss Dill. Никто не могъ ей отвѣтить на это; всѣ думали, что англичанка гуляетъ съ нею вмѣстѣ, и теперь, по просьбѣ молоденькой герцогини, Амброджіо, поварь, докторъ и оба Фрасколини отправились разыскивать исчезнувшую гувернантку. Сандрино охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы не показываться больше въ залѣ и избавиться отъ упрековъ Октавіи и пронизательныхъ взглядовъ синьоры Вероники. Супруга мэра въ душѣ торжествовала, видя безпокойство своей соперницы по поводу долгаго отсутствія молодаго человѣка; она надѣялась, что между ними произойдетъ бурная сцена, ссора—и ошиблась въ расчетѣ.

Всѣ поиски за miss Dill оказались тщетными. Ее напрасно звали и искали по всему саду—отвѣта не послѣдовало. На самомъ дѣлѣ, Амброджіо и синьоръ Доменикъ чуть было не накрыли гувернантку съ преподобнымъ аббатомъ, но эти черные голубки успѣли вспорхнуть при ихъ приближеніи и, для большей безопасности, скрылись въ теплицѣ. Черезъ нѣсколько времени чопорная miss осторожно вышла оттуда, предусмотрительно оглядѣлась по сторонамъ и медленно направилась къ замку, а донъ-Винченцо остался одинъ стоять на крылечкѣ. Тамъ его застали возвращающіеся обратно Амброджіо и синьоръ Доменикъ.

— Ага! вотъ и донъ-Винченцо...—воскликнулъ старикъ-кучерь.—Вы не слыхали, какъ мы звали синьору miss?

— Нѣтъ, ничего не слыхаль.

— Ужь болѣе часа, что мы ее разыскиваемъ... Куда она могла запропасться?...

— Она проходила тутъ мимо очень недавно и спрашивала меня, гдѣ ея воспитанница...

— Вотъ потѣха! Герцогиня Лалла сама ее разыскиваетъ все это время...

— Да неужели? Вотъ такъ случай!!

Они втроемъ вернулись въ замокъ и, конечно, застали уже тамъ англичанку; она усиленно жаловалась на головную боль и говорила, что нарочно сидѣла одна въ саду, вдали отъ шума и свѣта, чтобы успокоиться и освѣжиться.

Всѣ повѣрили этому разсказу; только Лалла чуть замѣтно усмѣхнулась и какъ-то странно взглянула на свою воспитательницу.

Гости начинали мало-по-малу прощаться и расходиться по домамъ. Молоденькая герцогиня также ушла къ себѣ съ англичанкой, Нена послѣдовала за ними.

Выходя изъ залы, Лалла чувствовала на себѣ вопросительный взглядъ Сандрино, но нарочно прошла мимо него, не поднимая головы. Всѣ поднялись на лѣстницу молча; только англичанка что-то бормотала себѣ подъ носъ и, прежде чѣмъ удалиться въ свою комнату, кисло объявила Лаллѣ, что на слѣдующій день у нея, вѣроятно, будетъ мигрень. Молоденькая дѣвушка снова лукаво усмѣхнулась на это.

— Мнѣ кажется, что вы простудились,—довольно дерзкимъ тономъ замѣтила она, пристально вглядываясь въ выпѣтшее лицо старой дѣвы,—вамъ не слѣдовало такъ долго сидѣть въ саду... Это было неблагоразумно!

— Очень можетъ быть, что простудилась... Покойной ночи,—сухо отрѣзала англичанка.

— Подождите еще мгновение, miss... дайте мнѣ хорошенько рассмотреть... Вотъ странно!.. Что это у васъ на щекахъ?

— У меня на щекахъ?

Лалла вынула носовой платокъ и обтерла имъ поблѣднѣвшее лицо своей воспитательницы.

— Вѣрно пыль попала,—пробормотала miss Dill.

— Да, да... табачная пыль!

Англичанка повременѣла отъ злости.

— О... это... конечно, да... мнѣ сказали, что табакъ очень помогаетъ отъ мигрени...—залепетала она.

— Напрасно только вы рассыпали его по щекамъ... и подъ глазами... и даже по шеѣ!

Лалла, конечно, тотчасъ же догадалась, что желтыя пятна на лицѣ miss оставилъ носъ донъ-Винченцо, и страшно обрадовалась этому открытію: суровая, непоколебимая гувернантка была теперь въ ея рукахъ!

— По моему, тутъ что нибудь да не такъ, это невозможно...— англичанка все еще старалась оправдаться.

— Да, miss, по моему это также очень странно, но тѣмъ не менѣе это такъ...

Miss Dill окончательно растерялась и не знала, что ей дѣлать. Закутанная въ свой сѣрый пледъ, она стояла, какъ вкопанная, съ раскрытымъ отъ испуга ротомъ и пристально вглядывалась въ свою воспитанницу, не выпуская изъ рукъ подсвѣчника и молитвенника.

— Покойной ночи, miss. Не беспокойтесь понапрасну, я не изъ болтливыхъ. Спите хорошенько, желаю вамъ пріятныхъ сновидѣній...—Лалла снова лукаво усмѣхнулась, еще разъ на прощанье кивнула головой пораженной англичанкѣ и вслѣдъ за Неюй ушла къ себѣ въ спальню...

Сандрино сдержалъ обѣщаніе и отправился домой тотчасъ же по уходѣ молоденькой герцогини, хотя въ началѣ вечера намѣревался проводить Октавію домой; Вероника отъ души порадовалась этой внезапной переменѣ и въ избыткѣ чувствъ, за неимѣніемъ лучшаго, всю дорогу обнимала и цѣловала своего законнаго супруга, достопочтеннаго мэра.

Выдя изъ замка, Сандрино сдѣлалъ большую прогулку по окрестнымъ полямъ и вернулся домой уже подъ утро, совершенно разбитый и усталый. Онъ наскоро раздѣлся, бросился на кровать, но не могъ заснуть и продолжалъ раздумывать о самыхъ необыкновенныхъ вещахъ. Онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться впоследствии знаменитымъ артистомъ или поэтомъ и нажить себѣ большое состояніе. Длинные нервные пальчики молоденькой герцогини затронули въ его душѣ всемогущія струны любви и честолюбія. Онъ безумно радовался

одержанной побѣдѣ, а въ дѣйствительности самъ былъ побѣжденъ и навѣки потерялъ свою самостоятельность и покой! «Вѣдь добился же я любви этой дѣвушки, не смотря на всѣ препятствія, и, конечно, съумѣю составить себѣ имя и состояніе, и сдѣлаться достойнымъ ея»,—фантазировалъ сбитый съ толку юноша. «Достойнымъ» ея, конечно, только въ глазахъ семьи и свѣта... О самой Лаллѣ не могло быть и рѣчи: она любила его и теперь!..

— Да, Лалла, *моя* Лалла ревновала меня сегодня и краснѣла отъ любви!—шепталъ безумецъ и, основываясь на этомъ, сталъ думать о томъ, какъ хорошенькая бѣлокурая герцогиня будетъ отказывать всѣмъ своимъ богатымъ претендентамъ, для того чтобы впослѣдствіи сдѣлаться женой «знаменитаго» Фрасколини!.. Мечтая такимъ образомъ, Сандрино мало-по-малу перерождался и терялъ свою легкомысленную двадцатилѣтнюю веселость; теперь онъ уже былъ недоволенъ самимъ собою и окружающими лицами, и считалъ себя глубоко-несчастливымъ человѣкомъ. Еще недавно юноша былъ искренно благодаренъ графамъ ди-Санто-Фьоре за то, что они допускали его въ людскія и дѣвичью своего замка, а теперь онъ проклиналъ всѣ *безсмысленные предразсудки и несправедливости знати*, которые хотѣли ему помѣшать войти въ спальню герцогини Лаллы д'Эледа. Въ эти минуты онъ презиралъ всѣми уважаемое имя своего отца и ропталъ на судьбу за то, что родился скромнымъ плебеемъ, а не важнымъ бариномъ. Прежнія радости и надежды потеряли всю свою прелесть для этого бѣднаго и никому неизвѣстнаго юноши; онъ мечталъ сдѣлаться богачемъ и знаменитостью, и разомъ потерялъ представление о томъ, что возможно и что невозможно. Онъ чувствовалъ себя сбитымъ съ толку, вырваннымъ изъ прежней жизни и брошеннымъ въ пучину житейскаго моря... Что ждало впереди этого сына и внука секретарей общины Санто-Фьоре? Прежде онъ надѣялся занять отцовское мѣсто и съ честью исполнять его обязанности, а теперь?..

А Лалла?... Лалла проснулась на слѣдующій день очень поздно и первымъ дѣломъ подумала: не сказала ли она, или не сдѣлала ли наканунѣ чего нибудь предосудительнаго, что могло бы ее скомпрометировать. Потомъ задумалась объ Октавіи и Вероникѣ, и самодовольно улыбнулась при мысли объ одер-

жанной побѣдѣ. Немало думала она въ это утро и о Сандрино, о его красивой мужественной красотѣ, блѣдномъ лицѣ, страстныхъ жгучихъ губахъ и о дрожащемъ отъ волненія голосѣ... Вспомнила, что Нена должна была утромъ сходить къ нему за книгами и, предполагая, что въ этихъ книгахъ будетъ отъ него письмо, покраснѣла отъ удовольствія.

— Но я тебѣ не отвѣчу, красавчикъ мой! — воскликнула она, заигрывая съ Musette. Собачка вскочила на кровать къ своей госпожѣ, лишь только она проснулась, и съ радостнымъ визгомъ и лаемъ прыгала по разбросаннымъ простынямъ и одѣялу. — Нѣтъ, нѣтъ! — Лалла разговаривала съ собачкой, какъ будто бы на ея мѣстѣ былъ самъ Сандрино, — нѣтъ, нѣтъ; ты сердисься совершенно понапрасну; не зачѣмъ кусать меня, я не желаю отвѣчать на твое письмо и не отвѣчу... не злись, а то нахлопаю, вотъ такъ! — Молоденькая дѣвушка перешла отъ словъ къ дѣлу и шлепнула собачонку. — Письменнаго отвѣта ты не получишь, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — продолжала она. — Ты очень красивъ, я это знаю, но ты можешь показать мое письмо своимъ друзьямъ и мнѣ будетъ плохо... Ага, понялъ? Соглашаешься со мною?.. — Musette утвердительно тявкнула и Лалла громко расхохоталась на это случайное совпаденіе. — Изъ-за такой неосторожности ты могъ бы причинить мнѣ много слезъ и страданія, — когда я разлюблю тебя и захочу выйти замужъ за болѣе знатнаго и красиваго, чѣмъ ты!.. Пошелъ прочь отъ меня, мнѣ не надо твоихъ поцѣлуевъ... Стыдись, безстыдникъ!.. Вѣдь я не такая, какъ miss Dill. Пошелъ прочь, прочь отъ меня!.. — Дѣвушка обѣими руками отстраняла отъ себя собачку, которая хотѣла лизнуть ей лицо. — Ахъ, ты, дрянъ этакая! Такъ и лѣзетъ! Да что вы, милостивый государь, хотите разорвать мнѣ рубашку, что ли?.. Вамъ здѣсь не мѣсто, уходите!.. Я вамъ все равно ничего не скажу; вы гадкій, злой, нехорошій человекъ... Гадкій, да, да, гадкій! — Маленькая Musette однимъ прыжкомъ вскочила Лаллѣ на плечи и съ радостнымъ визгомъ стала лизать ей шею, лицо и уши. При этомъ молодая дѣвушка часто вскрикивала отъ удовольствія и, наконецъ, въ экстазѣ схватила собачку и, закрывшись съ нею вмѣстѣ съ головой подъ одѣяло, такъ крѣпко сжала ее въ своихъ объятіяхъ и съ такою страстью начала ее цѣловать, что бѣдное животное чуть было не задохлось.

XV.

Донъ-Грегорио, также какъ и Марія, былъ «не отъ міра сего»; онъ самъ былъ слишкомъ хорошимъ и нравственнымъ человѣкомъ, чтобы видѣть недостатки другихъ и судилъ своихъ ближнихъ по себѣ, вслѣдствіе чего, при врожденной правдивости, не допускалъ въ окружающихъ его людяхъ обмана и лжи. Этотъ по истинѣ святой человѣкъ хорошо изучилъ людское сердце и зналъ всѣ его слабости и недостатки, потому и относился къ людямъ снисходительно, всегда стараясь имъ помочь и утѣшить ихъ. Въ каждой неудачѣ онъ видѣлъ предопредѣленіе и жалѣлъ всѣхъ несчастныхъ безъ исключенія, хотя часто эти несчастные оказывались очень дурными и испорченными людьми и были сами виноваты въ своихъ жизненныхъ неудачахъ. Говорятъ, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ бываетъ наказанъ; но на самомъ дѣлѣ это не всегда такъ, и донъ-Грегорио часто заступался за недостойныхъ и каралъ ни въ чемъ неповинныхъ. Такъ было и съ герцогомъ д'Эледа: при помощи нѣкоторой хитрости и искуснаго вранья, онъ сумѣлъ сдѣлать изъ добраго священника слѣпое и покорное орудіе для выполненія своихъ замысловъ.

Въ это время Анатолій сталъ очень часто ѣздить въ Санто-Фьоре; со станціи онъ прямо отправлялся въ приходъ къ донъ-Грегорио и долге бесѣдовалъ съ нимъ, а потомъ уже ѣхалъ къ женѣ въ замокъ. Планъ дѣйствій герцога былъ очень простъ и практиченъ: онъ рѣшилъ чистосердечно покаяться аббату въ своихъ прегрѣшеніяхъ по отношенію къ Господу Богу и Маріи, и этимъ отчасти обвинить герцогиню въ чрезмерной строгости за то, что бросила его одного и разлучила съ семьей.—Еслибы Марія всегда была любящей женой, я самъ не поддался бы искушенію и сумѣлъ бы побороть его,—говорилъ Анатолій,—но она отстранилась отъ меня, когда я былъ на краю гибели и уѣхала, не выслушавъ моего оправданія и просьбъ... Да, жена точно нарочно толкнула меня на грѣхъ... Ея поступками, вѣроятно, руководила какая нибудь сердечная тайна; она, безъ сомнѣнія, сама полюбила другаго и уѣхала тогда въ деревню, чтобы бѣжать отъ меня... Время, повидимому, не изгладило этого чувства въ ея душѣ; она и

теперь любить этого незнакомца; онъ стоитъ поперекъ дороги между нами и мѣшаетъ нашему сближенію... Я съ горемъ переносилъ все это, какъ мужъ; но, какъ отецъ, не могу дольше терпѣть: мы не имѣемъ права приносить нашу бѣдную Лаллу въ жертву этой размолвкѣ... Ради нея надо помириться и начать новую жизнь! Повинуясь своимъ эгоистическимъ чувствамъ, Марія заживо похоронила нашу дочь въ Санто-Фьоре, но развѣ это хорошо?.. Лалла уже не дѣвочка; ей пора появляться въ свѣтъ подъ материнскимъ покровительствомъ, пора повеселиться въ кругу сверстницъ, а потомъ съ божьяго благословенія выйти замужъ за добраго и хорошаго человѣка...

Герцогъ Анатолій случайно говорилъ правду о сердечной тайнѣ Маріи. Этотъ слѣпецъ-мужъ не повѣрилъ тогда признанію жены и рѣшилъ, что вся ея любовь къ Джорджіо была пустѣйшей выдумкой; вѣрь онъ серьезно въ ея чувство, онъ, конечно, не сталъ бы рассказывать о немъ донъ-Грегорию. Но теперь выдумка герцога должна была сослужить ему службу и привести его къ давно желанному результату—примиренію съ Маріей. Да, ему было необходимо примириться съ женой вслѣдствіе многихъ и многихъ причинъ, и онъ смѣло рассчитывалъ на помощь добраго и справедливаго аббата.

Достопочтенный депутатъ Боргиньяно громогласно объявилъ, что не желаетъ больше вмѣшиваться въ политическія дѣла, когда вся власть перешла на *твою* сторону; послѣ смерти Виктора Эммануила, онъ еще болѣе упалъ духомъ, предсказывая странъ самое ужасное будущее и совѣтуя всѣмъ удалиться отъ дѣлъ и выжидать, пока гроза не утихнетъ. Герцогъ подавалъ такіе совѣты, конечно, не безъ задней мысли, хотя и на самомъ дѣлѣ онъ былъ далеко не спокоенъ. Прежде онъ боялся для Италіи революціи *девяносто третьяго года*, а теперь на него нагоняло страхъ *нигилистическое* и *интернаціональное* направленіе общества. Что же касается его добровольнаго отреченія отъ политики, то это, конечно, были только фокусы; на самомъ дѣлѣ, во время выборовъ гласные оставили его за флагомъ и вмѣсто него послали въ Римъ графа делла-Валле, который пріобрѣталъ все болшую и болшую извѣстность въ средѣ политическихъ дѣятелей, но по прежнему оставался сторонникомъ *твоей* стороны. Всѣ эти обстоя-

тельства страшно интересовали посѣтителей кафе Боргиньяно и во время выборовъ они по два раза въ день, утромъ передъ завтракомъ и вечеромъ послѣ театра, собирались тамъ всѣ вмѣстѣ и обсуждали дѣла монархіи и республики, перерѣшая ихъ по своему.

Послѣ всѣхъ этихъ горькихъ неудачъ, герцогъ д'Эледа снова задумалъ вернуть къ себѣ Марію и для этого рѣшилъ выставить на первый планъ несчастное положеніе Лаллы, принужденной жить съ разсорившимися родителями. Марія съ каждымъ днемъ все хорошѣла и расцвѣтала, а Анатолій замѣтно старился и хотѣлъ напоследокъ воспользоваться своими правами законнаго супруга и вторично пережить медовый мѣсяцъ съ красавицей-герцогиней... Были и другія причины, которыя заставляли его желать этого сближенія: послѣднее время герцогъ исправлялъ обязанности мэра Боргиньяно и страшно хотѣлъ быть утвержденнымъ въ этой должности, чтобы такимъ путемъ скорѣе снова попасть въ палату; при этомъ онъ сильно надѣялся на балы и обѣды, которые намѣревался дать въ Боргиньяно, зная по своему флорентинскому опыту, какъ много они дѣлаютъ для репутаціи каждаго политическаго дѣятеля.

Довѣрчивый и наивный донъ-Грегорио, конечно, даже не могъ предположить всѣхъ этихъ мелочныхъ честолюбивыхъ расчетовъ и эгоистическихъ интересовъ герцога д'Эледа; онъ видѣлъ въ Анатоліѣ хорошаго семьянина, сердечно преданнаго мужа и горячо любящаго отца, и вполне раздѣлялъ его желаніе помириться съ женой и исправить свои вины относительно ея. Добрый священникъ всѣми силами старался утѣшить и помочь своему кающемуся духовному сыну, и долгое время съ непоколебимымъ упорствомъ уговаривалъ и мучилъ бѣдную герцогиню, чтобы заставить ее помириться съ мужемъ. Онъ всегда имѣлъ громадное вліяніе на сердце молодой женщины и умѣлъ затронуть самыя сокровенныя струны ея души; теперь онъ больше всего напиралъ на будущность ея дочери съ одной стороны и на ненормальную жизнь герцога—съ другой, и бѣдная Марія съ каждымъ днемъ теряла свои силы въ этой борьбѣ и съ ужасомъ допрашивала себя: имѣетъ ли она право долѣе противиться и не прощать? Чего только не передумала она за это время и какъ боялась, что ея тайная,

скрытая отъ всѣхъ, любовь помѣшаетъ ей быть хорошей женой и образцовой матерью!

Донъ-Грегорио еще ни разу не касался труднаго и щекотливаго вопроса о сердечной тайнѣ Маріи. Онъ не хотѣлъ, по свойственной ему деликатности, разспрашивать молодую женщину, и отчасти приберегалъ этотъ разговоръ до того времени, когда Марія будетъ готова сдатьса на его убѣжденія, чтобы нанести ей рѣшительный ударъ. Но, выведенный изъ терпѣнія, герцогъ съ каждымъ прїѣздомъ становился все раздражительнѣе и раздражительнѣе и, чтобы добиться своего, сталъ пугать добраго старика окончательнымъ разрывомъ съ женой и крупнымъ скандаломъ на всю округу. «Куй желѣзо пока горячо»,—думалъ Анатолій и, придерживаясь этой поговорки, торопилъ донъ-Грегорио, пугая его разными ужасами, чтобы заставить поскорѣе объясниться съ Маріей и этимъ ускорить свое примиреніе съ ней.

Однажды онъ прїѣхалъ въ Санто-Фьоре рано утромъ и просидѣлъ въ приходѣ у донъ-Грегорио нѣсколько часовъ къ ряду, все время настраивая его на объясненіе. Въ этотъ день Марія выѣхала кататься послѣ завтрака и даже не предполагала о прїѣздѣ мужа; она еще не возвращалась съ прогулки, когда онъ прибылъ въ замокъ. Былъ чудный іюньскій день; послѣ сильныхъ и продолжительныхъ дождей, снова засіяло солнце, и освѣженная зелень травы и деревьевъ казалась особенно блестящей и нарядной; яркое лазурное небо ласкало взоръ, а дома, колокольни церквей и далекія горы на горизонтѣ поразительно отчетливо и ясно выступали въ прѣзрачномъ, какъ кристалль, воздухѣ. Все кругомъ благоухало послѣ дождя, дышалось легко и привольно. Донъ-Грегорио также захотѣлъ насладиться этимъ свѣжимъ душистымъ воздухомъ и, когда герцогъ уѣхалъ отъ него, онъ вышелъ изъ дома и медленно, шагъ за шагомъ, побрелъ по маленькому приходскому кладбищу; съ полчаса посидѣлъ тамъ на одной изъ могильныхъ плитъ и, выходя изъ ограды, встрѣтилъ Марію въ экипажѣ; она возвращалась домой, но при видѣ своего духовника, велѣла кучеру остановиться и привѣтливо поздоровалась со старикомъ-аббатомъ.

— Садитесь ко мнѣ, донъ-Грегорио, я доведу васъ до дома,—сказала она ему.

— Нѣтъ, благодарю васъ, дитя мое; мнѣ хочется пройти, я давно не выходилъ и нуждаюсь въ моціонѣ.

— Въ такомъ случаѣ, и я съ удовольствіемъ пройду съ вами.

Герцогиня вышла изъ экипажа и велѣла кучеру медленно ѣхать впередъ къ деревнѣ. Донъ-Грегорио скрылъ отъ Маріи пріѣздъ Анатолія и свой длинный разговоръ съ нимъ, но съ первыхъ же словъ сталъ горячо убѣждать молодую женщину въ необходимости примиренія.

Онъ ясно далъ понять ей, что для будущаго спокойствія и счастья Лаллы надо теперь же прійти къ тому или другому рѣшенію.—Лалла уже не дѣвочка, она не можетъ дольше жить въ деревнѣ,—говорилъ старикъ,—и вамъ необходимо переселиться въ Боргиньяно, а тамъ немислимо продолжать жить въ ссорѣ съ мужемъ; такого рода положеніе было бы слишкомъ тяжело для васъ обоихъ, да и Лалла сама въ концѣ концовъ замѣтитъ неестественность отношеній между своими родителями, станетъ доискиваться ея причины и, конечно, пойметъ, въ чемъ дѣло. Какъ грустно и тяжело будетъ ей тогда переживать одной все это и какъ вредно можетъ отразиться на ея нравственности все подмѣченное и передуманное ею!.. Помиритесь, дитя мое, вѣдь герцогъ чистосердечно кается въ своей винѣ и умоляетъ простить его. Онъ уклонился отъ прямого пути и виноватъ предъ вами, я знаю; но подумайте хорошенько: не способствовали ли и вы сами этому? Можетъ быть, вы сами оттолкнули его отъ себя чрезмѣрной строгостью и неподатливостью? Супружеская жизнь вся основана на обоюдныхъ уступкахъ и нельзя требовать отъ другаго того, чего самъ не исполняешь, а долгъ каждаго человѣка—умѣть прощать! Ваша Лалла обожаетъ отца и, если вы не помиритесь, она впоследствии будетъ упрекать васъ въ чрезмѣрной строгости и жестокости... Да вы и не имѣете права дольше разлучать герцога съ дочерью и должны простить ему причиненную вамъ обиду; повѣрьте мнѣ, онъ давно искупилъ свою вину! *Не судите, да не судимы будете!*—заклучилъ донъ-Грегорио свою рѣчь словами Христа.—Спаситель самъ, своимъ святымъ примѣромъ, научилъ насъ умѣть прощать; старайтесь слѣдовать его заповѣдямъ, чтобы заслужить себѣ царствіе небесное въ будущей жизни.

— Я прощаю ему; я уже давно его простила,—пробормотала Марія, сконфуженная строгими словами своего старого духовника.

— Этого мало... надо любить его... онъ твой мужъ, дитя мое, ты дала клятву Господу Богу—всю жизнь любить его.

— Любить?.. нѣтъ, любить его я не могу, не могу...

— Не можешь? Отчего? Неужели твое сердце такъ зачерствѣло, что ты уже не можешь простить и любить? Или, можетъ быть... признайся мнѣ, дитя мое, можетъ быть, ты скрыла отъ меня всю правду и тайкомъ любишь другаго?

Донъ-Грегорио остановился и пристально посмотрѣлъ на Марію, а она вся вспыхнула, задрожала и робко потупилась.

— Неужели я угадалъ?.. Да, ты любишь другаго! Знаю, знаю впередъ все, что ты мнѣ скажешь: ты бѣжала отъ этого человѣка, чтобы не пасть, и потому не считаешь себя виноватой... Но вѣдь ты унесла съ собой въ сердцѣ дорогой тебѣ образъ и хранишь его, какъ святыню, хотя должна бы забыть его и навѣки изгнать изъ памяти. Любимый тобою человѣкъ даже и теперь становится помѣхой между тобою и твоимъ домомъ.

Да! Несчастливая недаромъ боялась за свое чувство: ей ставили въ вину ея жалкую, истерзанную любовь...

— О, нѣтъ, нѣтъ, донъ Грегорио,—воскликнула Марія,— не обвиняйте меня, вѣдь я не знала, что люблю; любовь тихо подкралась ко мнѣ, какъ сонъ, и когда я проснулась, то уже не могла совладать со своимъ сердцемъ и должна была бѣжать, бѣжать скорѣе прочь отъ любимаго человѣка. Онъ не знаетъ о моемъ чувствѣ... я счумѣла быть съ нимъ равнодушной и холодной, какъ ледъ; я обидѣла его! Онъ упрекалъ меня въ томъ, что я перемѣнилась къ нему, потомъ позабылъ обо мнѣ и уже не вспоминаетъ больше. Правда, здѣсь въ деревнѣ, вдали отъ всего міра, я много и часто думала о немъ и не предполагала, что это грѣшно... Эти мысли поддерживали меня; онъ дѣлалъ меня лучше, добрѣе, и давали мнѣ силы жить... Не отнимайте у меня это единственное утѣшеніе; вѣрьте, я не грѣшу, думая о немъ. Я только успокоиваюсь и

набираюсь силъ... вѣдь мнѣ такъ трудно, такъ невыносимо трудно жить!..

— Ты мать и говоришь, что тебѣ нужно искать утѣшенія на сторонѣ? Опомнись, Марія! Взгляни на свою дочь, въ ней ты найдешь и утѣшеніе, и силы, и покой... Плачешь? Да, да, плачь, Марія, ты оскорбила Провидѣніе своими грѣшными жалобами...

У молодой женщины сжалось сердце отъ жестокости этихъ словъ, но она сознавала ихъ справедливость. Крупныя слезы катились по лицу несчастной и, стараясь оправдать себя, она робко бормотала:—Я не вижу его больше... Я даже не пишу ему. Онъ не имѣетъ обо мнѣ никакихъ извѣстій!

— И ты думаешь, что этимъ уже все сдѣлано?—перебилъ ее донъ-Грегорио дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—ты считаешь себя безупречно честной? Да, ты чиста передъ людьми, но не передъ Богомъ... Какъ женщина, ты не согрѣшила фактически, но любила возможность грѣха, а, какъ жена, ты нарушила самыя святыя клятвы вѣрности и любви, отдавая другому лучшее, что мы имѣемъ—душу и сердце.

Бѣдная женщина продолжала горько плакать; нѣмыя, безсильныя слезы катились одна за другой изъ ея измученныхъ глазъ. Она каялась въ своихъ грѣхахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оплакивала ту жертву, которую отъ нея требовали, оплакивала свою дорогую свободу, свою горькую, одинокую, но спокойную жизнь. Бороться дальше было немислимо; приходилось сдаться на убѣжденія донъ-Грегорио; будущее мучило и пугало плачущую Марію; но, вмѣстѣ со страхомъ, въ ея сердце невольно закрадывалась смутная надежда снова увидѣть *его*. Эта надежда явилась ей новымъ утѣшеніемъ, хотя она старалась отогнать отъ себя прочь даже мысль о ней.

Въ эти минуты Марія переживала тяжелую и мучительную борьбу съ самыми разнородными чувствами, которыя волновали ее; оглядываясь на все пережитое и припоминая долгіе года, проведенные въ деревнѣ, она съ болью въ сердцѣ оплакивала прошлое. Оно дало ей тихій покой взамѣнъ бурнаго отчаянія, но этотъ покой казался ей теперь навѣки потеряннымъ счастіемъ.

Видя волненіе молодой женщины, донъ-Грегорио еще настойчивѣе уговаривалъ ее согласиться на примиреніе; онъ

взывать къ ея сердцу и разуму, то объщая ей награды въ будущемъ, то страшая разными угрозами, и въ концѣ концовъ добился своего: запуганная и измученная герцогиня формально объщала ему смириться и покорно исполнить свой долгъ. Тогда только старикъ-священникъ понялъ, какой громадной жертвы онъ требовалъ отъ этой несчастной, и ему стало отъ души жаль ее:—Мужайтесь, мужайтесь дитя мое,—пробормотали его дрожащія отъ волненія губы и онъ съ отцовской нѣжностью и лаской пожалъ маленькую, холодную ручку Маріи.

Оба умолкли и, не проронивъ больше ни слова, дошли до Санто-Фіоре. Встрѣчаясь съ нарядной и богатой герцогиней, измученные работой, оборванные и голодные крестьяне роптали на Провидѣніе...

— Счастливыцы эти *испода!*—говорили они, — здѣсь живутъ въ земномъ раю, а тамъ ихъ ждетъ небесный!

Герцогъ д'Эледа давно уже поджидалъ жену у ограды сада,—но встрѣтилъ пустую коляску. Зная, что она придетъ пѣшкомъ, онъ рѣшился выйти къ ней на встрѣчу.

— О. Боже!—пробормотала Марія, вся содрогаясь при видѣ мужа. Ей не давали времени вздохнуть свободно, передумать и перестрадать все одной...

— Мужайтесь, мужайтесь,—шопотомъ повторилъ ей еще разъ донъ-Грегорио.

Герцогъ Анатолій снялъ шляпу и, радостно размахивая ею, издали привѣтствовалъ Марію; она отвѣтила ему кивкомъ головы.

— Обнимите вашу жену; она вамъ простила, — сказалъ герцогу донъ-Грегорио, когда они вошли въ садъ.

Анатолій вскрикнулъ отъ удивленія и крѣпко прижалъ молодую женщину къ своей груди, осыпая ея ротъ и щоки страстными поцѣлуями.

Марія съ отвращеніемъ чувствовала на своемъ лицѣ его горячія губы; она такъ отвыкла отъ всѣхъ этихъ нѣжностей и поцѣлуевъ! Ей казалось, что герцогъ позоритъ ее своимъ прикосновеніемъ; она хотѣла отстраниться отъ него и не могла, не смѣла... Съ каждымъ поцѣлуемъ этихъ толстыхъ мужскихъ губъ, молодая женщина чувствовала на себѣ новое клеймо и боялась, что станетъ недостойной того чистаго

идеала, который, не смотря ни на что, по прежнему жилъ въ ея сердцѣ. Ничто не могло изгладить изъ ея памяти образа любимаго человѣка, — ни просьбы, ни угрозы, ни ея собственныя старанія; буря пронеслась, не коснувшись его, и онъ, какъ драгоценная жемчужина на днѣ морскомъ, еще ярче и прекраснѣе горѣлъ теперь, омытый грозными волнами. У герцога затряслись губы и руки; онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и началъ заикаться отъ наплыва чувственнаго волненія. Мало-малыски наблюдательный человѣкъ понялъ бы, что въ этомъ волненіи сердце не играетъ главной роли, но донъ-Грегорио былъ не отъ міра сего: онъ со слезами на глазахъ любовался христіанской покорностью Маріи и радовался, что могъ сдѣлать доброе дѣло.

Обыкновенно герцогъ Анатолій провожалъ старика-аббата вплоть до границы его прихода, но на этотъ разъ онъ даже не двинулся съ мѣста, когда донъ-Грегорио собрался уходить домой. Онъ рѣшилъ досыта насладиться своимъ семейнымъ счастьемъ и не хотѣлъ разлучаться съ женой даже на полчаса! Примирившіеся супруги оставались въ саду вплоть до обѣда и все время гуляли подъ руку, — Анатолій не выпускалъ руки Маріи и страстно прижималъ ее къ себѣ. Оставшись наединѣ съ женою, герцогъ сначала былъ очень разговорчивъ и осыпалъ молодую женщину самыми изысканными ласкательными именами, выученными имъ отъ баронессы *de Haute-cour*. Но, мало-по-малу, разговоръ сталъ прерываться длинными паузами и, наконецъ, гуляющіе совсѣмъ умолкли. Пылкій Анатолій то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, и съ беспокойствомъ, озабоченно поглядывалъ по сторонамъ. Въ его глазахъ вспыхнулъ огонь животной страсти, а на щекахъ появились багрово-синія пятна; онъ какъ-то дѣланно улыбался женѣ, глупо подмигивалъ ей и старался завести ее въ какойнибудь укромный уголокъ. На одной изъ лужаекъ красиво возвышалась небольшая бесѣдка, вся обвитая ползучими растеніями и душистымъ горошкомъ; герцогъ увлекъ туда Марію, прижалъ ее къ скамейкѣ и, какъ безумный, сталъ осыпать ея лицо, губы и шею своими сладострастными поцѣлуями.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! — молила несчастная, тщетно стараясь высвободиться изъ его объятій и отстраниться отъ его назойливыхъ губъ.

— Ты... м...м...моя... теперь... Ты мнѣ п-п-п-п-п...—забор-мotalъ заика и такъ и не выговорилъ:—«*простила*».

Марія съ отвращеніемъ нагнула голову, чтобы не чувствовать на своемъ лицѣ его воспаленнаго дыханія, но Анатолій не потерялся и жадно впился въ ея наклоненную шею за ухомъ.

— Папа, папа!... — раздался въ это мгновеніе громкій крикъ Лаллы; она съ балкона замка замѣтила отца и бѣжала поздороваться съ нимъ.

— Лалла!..—съ воплемъ вырвалось изъ наболѣвшей груди Маріи; она, что было силы, оттолкнула герцога отъ себя и, освободившись, вышла изъ бесѣдки на встрѣчу дочери. Къ прежней гадливости и гнѣву въ ея душѣ примѣшивался еще страхъ за то, что молодая дѣвушка могла застать эту ужасную, безобразную сцену.

Въ этотъ день Лалла только что вернулась съ богомолья и порядочно устала. Она ходила поклониться Мадоннѣ ди-Вальсанта; пришлось идти безъ остановки въ продолженіе четырехъ часовъ сряду туда и столько же назадъ, и все время громко читать и пѣть молитвы и литаніи. Молоденькая герцогиня основала въ Санто-Фіоре *христіанскую школу* для дѣвушекъ и вмѣстѣ съ донъ-Винченцо придумала это богомолье и приказала всѣмъ принять участіе въ немъ.

Покорныя ученицы школы всѣ собрались въ назначенный часъ у супруги мэра и оттуда отправились въ путь. Среди богомольекъ отсутствовала только красавица Октавія. Последнее время Лалла обращалась далеко недоброжелательно съ женою аптекаря, иногда не разговаривала съ ней, часто даже не кланялась и, чтобы разсердить ее, особенно любезничала при ней съ синьорой Вероникой. Вслѣдствіе всего этого, красивая блондинка наотрѣзъ отказалась принять участіе въ богомольѣ; она не хотѣла понапрасну портить себѣ кровь и старалась по возможности не встрѣчаться съ своей соперницей, чтобы не видѣть ея торжества.

Весь персоналъ школы заблаговременно готовился къ этому богомолью; донъ-Винченцо приказалъ всѣмъ поститься и наложилъ разныя эпитеміи. Во время пути, Лалла, miss Dill и донъ-Винченцо громко запѣвали священные псалмы, а остальной хоръ дружно подхватывалъ ихъ; многія дѣвушки

лакомились по дорогѣ вишнями и съ полными ртами произносили очень неразборчиво слова псалмовъ. Среди участницъ этой процессіи было много хорошенькихъ, и мѣстные молодые люди собирались на улицахъ большими группами посмотреть на нихъ; болѣе отважные часто даже присоединялись къ процессіи сзади и долго слѣдовали за ней, не обращая вниманія на грозные взгляды синьоры Вероники, которая считала долгомъ взять на себя обязанности своего почтеннаго супруга-мэра и достойно исполняла его роль.

Молоденькая герцогиня была также непоколебимо-строга въ дѣлѣ общественной нравственности и часто, изъ-за всякой бездѣлицы, выключала молодыхъ дѣвушекъ изъ состава *Христіанской школы*; необходимо замѣтить при этомъ, что она сама подавала имъ прекрасный примѣръ образцоваго поведения. Она не дѣлала исключеній ни для кого, ради соблюденія наружнаго благочинія, и сердито взглянула даже на Сандрино Фрасколини за то, что онъ осмѣлился выйти изъ дому, чтобы посмотреть на проходящую процессію. Наканунѣ богомолья, Лалла исповѣдывалась у себя въ приходѣ и должна была пріобщиться въ церкви Мадонны ди-Вальсанта. По дорогѣ молодая дѣвушка все время каялась въ своихъ грѣхахъ и давала торжественныя обѣщанія больше не грѣшить... вплоть до вечера этого самаго дня, когда она, по обыкновенію, надѣялась увидѣться съ Сандрино въ дѣвичьей. Лалла еще утромъ узнала отъ донъ-Винченцо о неожиданномъ пріѣздѣ герцога къ донъ-Грегорию, но нарочно отказала себѣ въ удовольствіи пробыть съ отцомъ нѣсколько лишнихъ часовъ, и не преминула рассказать объ этомъ всѣмъ ученицамъ, чтобы похвастаться своей жертвой; при этомъ она объяснила неожиданный пріѣздъ отца первымъ чудомъ Мадонны въ благодарность за ихъ богомолье.

На этотъ разъ Лалла, по обыкновенію, страшно обрадовалась герцогу и бурно высказывала эту радость, ежеминутно обнимая и лаская его. Предвкушая прелесть своего свиданія съ Сандрино, она была очень весела за обѣдомъ и одна все время поддерживала умолкающій разговоръ. Марія ограничивалась односложными отвѣтами, когда къ ней обращались, и, грустно опустивъ голову, задумывалась обо всемъ пережитомъ, а чопорная англичанка упорно молчала и дулась на Анато-

лія за то, что онъ не сказалъ ей при встрѣчѣ ни одного комплимента. Бѣдная miss Dill! Она не знала еще тогда, какое горе ждетъ ее впереди. Только во время десерта герцогъ громогласно объявилъ, что черезъ два дня вся семья переедетъ въ Боргиньяно... Лалла такъ обрадовалась этому извѣстію, что вскочила съ мѣста, захлопала въ ладоши и, какъ безумная, бросилась въ объятія «своего дорогаго, любимаго папочки».

Въ это мгновеніе она совершенно забыла о существованіи Фрасколини. Глядя на нее, Марія глубоко вздохнула, а miss Dill окаменѣла на мѣстѣ съ раскрытымъ, наполненнымъ конфетами, ротомъ. Она испуганно вытаращила глаза на герцога Анатолія, но отъ волненія не могла сказать ни слова, а только мѣнялась въ лицѣ, переходя изъ зеленого въ желтый цвѣтъ и изъ желтаго—снова въ зеленый.

XVI.

Судя по бурной и на этотъ разъ вполнѣ искренней радости Лаллы, выраженной ею по поводу переезда въ городъ, не слѣдуетъ думать, что ея капризь съ Сандрино Фрасколини прошелъ; наоборотъ, Лалла продолжала кокетничать съ нимъ, но все время держалась на поверхности воды, тогда какъ юноша ушелъ въ нее съ головой.

Этотъ флиртъ служилъ для молоденькой дѣвушки предисловіемъ къ ея городской жизни и она не отпускала отъ себя Сандрино только потому, что боялась, какъ бы онъ снова не сталъ ухаживать за Октавіей. Такая измѣна была бы черезчуръ неприятнымъ ударомъ для ея самолюбія. «Пусть ухаживаетъ за мной, пока я здѣсь,—говорила себѣ Лалла,—а уйду, такъ мнѣ и горя мало, что станется со всѣми Фрасколини и компаніей!» Она съ самаго начала прекрасно понимала, что эта сантиментальная интрига не можетъ длиться вѣчно, и поэтому относилась къ ней очень легко. Лалла хотѣла жить, поселиться, покорять сердца и первенствовать въ высшемъ свѣтѣ; поэтому она обрадовалась извѣстію о переездѣ въ городъ, что давало ей возможность появиться въ обществѣ и естественнымъ образомъ развязывало ея довольно таки запутанныя отношенія съ Сандрино.

Но двадцатилѣтній юноша-поэтъ думалъ совершенно иначе; онъ, по врожденной сентиментальности и наивности, вѣрилъ въ томные взгляды и нѣжныя улыбки краснѣющей дѣвушки и мечталъ объ ея любви... «Онъ обезумѣлъ отъ любви,—говорила себѣ Лалла,—что же? тѣмъ хуже для него. Когданибудь образумится»!..—Да и что могла отвѣтить на всѣ просьбы и увѣренія Сандрино *божественная* дѣвушка? Она позволяла себя любить и этимъ уже оказывала ему особенную милость.

Сандрино, дѣйствительно, «обезумѣлъ» отъ любви; онъ потерялъ сонъ, не ѣлъ, не пилъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ и жилъ только для своей Лаллы. Юноша цѣлыми днями бродилъ по полямъ, строилъ самые невѣроятные воздушные замки и проклиналъ свое настоящее. Его здоровье разстроилось отъ этой ненормальной жизни; онъ чувствовалъ себя усталымъ, больнымъ и тѣломъ, и душой. Когда онъ приходилъ въ себя отъ этого оцѣпененія и не поддавался игрѣ своей фантазіи, ему становилось страшно за то, что ждетъ его впереди; тогда онъ видѣлъ въ будущемъ длинную вереницу несбывшихся желаній и тяжелыхъ, горькихъ разочарованій. Но молодой человѣкъ скоро отгонялъ прочь отъ себя эти грустныя мысли и снова предавался своимъ безумнымъ радужнымъ мечтамъ. Онъ пересталъ работать, избѣгалъ товарищей и никогда уже болѣе не показывался на общественныхъ праздникахъ и вечерахъ, гдѣ еще такъ недавно поражалъ всѣхъ своей веселостью и блисталъ своимъ остроуміемъ. Теперь онъ сторонился своихъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, а при встрѣчѣ обращался съ ними презрительно и свысока, чѣмъ, конечно, нажилъ себѣ немало недоброжелателей и враговъ.

Ни одна душа въ Санто-Фьоре не могла догадаться о настоящей причинѣ этой перемѣны въ Сандрино Фрасколини. Даже горничная Лаллы, Неня, не подозрѣвала о его романѣ съ молоденькой герцогиней; правда, она постоянно приносила своей госпожѣ книги отъ Сандрино, но не могла даже предполагать, что вмѣстѣ съ этими книгами она передаетъ Лаллѣ любовныя записки. Синьора Вероника приписывала меланхолію молодаго поэта пресыщенію въ любви, а Октавія вообразила себѣ, что Фрасколини пересталъ за ней ухаживать, чтобы не сердить супруги мэра. «Вѣдь мэръ—прямой начальникъ секре-

таря общины,—говорила она себѣ, а Сандрино, какъ почти-тельный сынъ, не хочетъ вредить своему отцу». Органистъ,—онъ же школьный учитель и ветеринаръ, — увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что молодой Фрасколини пристрастился къ азартнымъ играмъ; втихомолку этотъ органистъ занимался ростовщичествомъ, чтобы легче зарабатывать на свою жизнь, и нѣсколько разъ снабжалъ Сандрино маленькими суммами денегъ за громадные проценты.

Всѣ эти предположенія,—даже послѣднее и самое правдоподобное,—были очень далеки отъ истины. Сандрино никогда не игралъ въ карты и не имѣлъ никакого понятія о бильярдѣ; онъ дѣлалъ долги потому, что жилъ не по средствамъ, а жилъ не по средствамъ изъ-за Лаллы. Молоденькая герцогиня, конечно, не брала у него денегъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но, исполняя ея капризы и фантазіи, Сандрино тратилъ больше, чѣмъ могъ, и вслѣдствіе этого влѣзалъ въ долги. Какъ отказать любимой дѣвушкѣ въ какихъ нибудь пустякахъ? А эти пустяки обыкновенно стоятъ большихъ денегъ и все накопленное въ теченіе долгихъ лѣтъ быстро уходитъ на нихъ. Когда личные ресурсы Алессандро истощились, онъ обратился за деньгами къ отцу, и старикъ нѣсколько разъ давалъ ему довольно солидныя суммы. Но просьбамъ молодаго человѣка не было конца; папѣ Фрасколини разсердился и, выведенный изъ терпѣнія, наотрѣзъ отказался давать сыну деньги и прочелъ длиннѣйшую и строгую нотацию. Онъ выбралъ его за бездѣльничанье, за нежеланіе работать и бессмысленное швыряніе денегъ на совершенно ненужную роскошь.

— Помни, что ты сынъ простаго деревенскаго секретаря общины,—говорилъ онъ Сандрино,—и «по одежкѣ протягивай ножки», а не разыгрывай изъ себя богатаго и знатнаго барина. Вгляни на себя въ зеркало; вѣдь ты разодѣлся, какъ модная картинка... стыдись, бездѣльникъ!

Дѣйствительно, въ одеждѣ и наружности юноши-поэта произошла громадная перемѣна. Прежде небрежный и неряшливый, онъ слѣдилъ теперь за своимъ туалетомъ, какъ любая барышня-кокетка, и свято исполнялъ всѣ причуды своей возлюбленной. Стоило Лаллѣ сказать, что ей нравится, если мужчины носятъ бархатные пиджаки, и Сандрино дѣлалъ себѣ таковой пиджакъ; на другой день она восторгалась какимъ нибудь

суконнымъ костюмомъ и онъ тотчасъ же лѣтъ къ портному заказывать себѣ точно такой костюмъ. Вкусы избалованной и вѣтряной дѣвушки мѣнялись чуть не ежедневно; ей хотѣлось видѣть Сандрино то въ сѣромъ, то въ синемъ, то въ зеленомъ, то въ клѣтчатомъ или полосатомъ платьѣ, и онъ безпрекословно исполнялъ ея желанія, нашивая себѣ десятки самыхъ разнообразныхъ костюмовъ, причѣмъ нерѣдко ему приходилось надѣвать ихъ всего разъ или два. Привыкшая къ роскоши Лалла тотчасъ же замѣчала малѣйшій пробѣлъ въ туалетѣ своего возлюбленнаго и требовала отъ него изящества даже въ самыхъ мелочахъ. Такъ напримѣръ, она не выносила духовъ и мыла какой нибудь мало извѣстной итальянской фабрики и признавала только Пино, Виолѣ или Аткинсона. Конечно, все это были только мелочи, но такія мелочи стоили страшныхъ денегъ!

Лаллу нельзя было особенно винить въ такихъ безразсудныхъ требованіяхъ: она съ дѣтства привыкла *плавать* въ золотѣ и не знала цѣны деньгамъ. Молодая дѣвушка имѣла очень смутное и неясное понятіе о такъ называемомъ «презрѣнномъ металлѣ»; для нея подъ словомъ *деньги* подразумѣвалось что-то неопрятное и противное, къ чему она еле прикасалась кончиками своихъ розовыхъ пальчиковъ, когда раздавала милостыню нищимъ. Она не задавала себѣ вопроса, откуда онѣ берутся и трудно ли ихъ достать, и по наивности думала, что всякому, какъ и ей, стѣдуетъ только захотѣть, чтобы имѣть ту или другую сумму. Лалла никогда не платила сама за свои вещи и всегда имѣла все, что желала, потому и не задумывалась о средствахъ Сандрино. Она знала, что у него нѣтъ своего личнаго большаго состоянія, но ей казалось невозможнымъ, чтобы у кого нибудь не хватало денегъ на нужды обыденной жизни. Такихъ людей она считала нищими и съ презрѣніемъ относилась къ нимъ. «Можно смѣло не имѣть ста тысячъ годоваго дохода и, не смотря на это, пользоваться большимъ успѣхомъ у женщинъ, но не имѣть ста лиръ въ карманѣ и претендовать на ухаживанья,—это даже смѣшно»!..—такъ рассуждала молодая дѣвушка и Алессандро Фрасколини готовъ былъ бы скорѣе умереть, нежели сознаться ей въ плачевномъ состояніи своихъ финансовъ.

Кромѣ платья и принадлежностей туалета, наиболѣе крупную статью расхода молодаго человѣка представляла покупка книгъ

для Лаллы. Легенскіе и банальныя романы *Летучей библиотеки* уже не представляли теперь никакого интереса для молоденькой герцогини; она зѣвала надъ Февалемъ и Понсонъ-дю-Терайлемъ и предпочитала болѣе серьезныхъ авторовъ, въ родѣ Мюссэ, Фэлье и Додэ, а особенно интересовалась произведеніями Золя. Раза два или три въ мѣсяцъ, Сандрино получалъ отъ Лаллы длиннѣйшіе списки романовъ и долженъ былъ покупать ихъ для нея въ городѣ по четыре лиры за штуку. На это уходила страшная масса денегъ и юноша нерѣдко со злобой бросалъ къ себѣ въ сундукъ маленькіе желтенькіе томики, которые молоденькая дѣвушка всегда акуратно возвращала ему по прочтеніи. Она часто даже не читала этихъ, съ трудомъ добытыхъ, книгъ; а только разрѣзывала ихъ, просматривала начало, находила его скучнымъ и отсылала книгу обратно. Чтобы покупать для Лаллы книги, Сандрино дѣлалъ долги за долгами... Но могъ ли онъ отказать любимой дѣвушкѣ въ этой маленькой услугѣ?.. Она никогда ничего не просила у него для себя, кромѣ этихъ книгъ, и, не смотря на все свое богатство и роскошь, не могла достать ихъ иначе, какъ черезъ своего возлюбленнаго. Кромѣ того, молодой человѣкъ пользовался пересылкой книгъ, чтобы имѣть возможность писать своей повелительницѣ восторженно-страстные письма. Осторожная дѣвушка никогда не отвѣчала ему на нихъ, но, по условленной между ними азбукѣ, подчеркивала карандашемъ нѣсколько буквъ въ отсылаемомъ ею романѣ и обыкновенно назначала часъ и мѣсто свиданія или отмѣняла свои первоначальныя распоряженія.

Часто у Сандрино не было буквально ни одного гроша, когда онъ получалъ отъ Лаллы списки книгъ, которыя она просила его купить. Тогда онъ приходилъ въ полнѣйшее отчаяніе, тѣмъ болѣе, что молоденькая герцогиня требовала, чтобы ея просьбы исполнялись немедленно, и всегда очень сердилась въ случаѣ малѣйшей задержки или неточности. Однажды, во время подобнаго безденежья, влюбленный юноша вспомнилъ о существованіи одного изъ своихъ прежнихъ школьныхъ товарищей и поѣхалъ къ нему—попросить у него денегъ взаймы. Но у этого товарища денегъ не оказалось, зато онъ далъ Сандрино благой совѣтъ обратиться съ такою же просьбою къ ростовщику-органисту и обѣщалъ ему поставить

свой бланкъ на векселѣ. Алессандро, конечно, послѣдовалъ этому совѣту и такимъ образомъ впервые сдѣлалъ настоящій долгъ втихомолку отъ отца. Въ эту ночь онъ ни на мгновение не сомкнулъ глазъ, точъ въ точъ какъ послѣ своего перваго любовнаго разговора съ Лаллой... Вѣдь долги и любовь почти одинаково волнуютъ человѣка и лишаютъ его сна! Вскорѣ послѣ этого, бѣдняга привыкъ дѣлать долги, хотя каждый разъ мучился въ душѣ отъ сознанія своихъ дурныхъ поступковъ. Но что было дѣлать? Сандрино готовъ былъ согласиться на все, чтобы только имѣть деньги, и находилъ, что пріятнѣе подписывать векселя, нежели закладывать или продавать свои вещи.

Синьора Лалла заказала ему тогда привести ей три романа Фелье: *Monsieur de Camors*, *Sibille* и еще одинъ новый, разборъ котораго она читала въ газетѣ *Perseveranza*. Сандрино подсчиталъ, чего могутъ стоить книги и съ грустью увидаль, что, съ поѣздкою въ городъ, капризь молоденькой дѣвушки обойдется ему приблизительно въ тридцать лиръ, а денегъ у него не было. Такъ прошло два дня; влюбленный юноша бродилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ мрачнѣе ночи, и тщетно старался придумать, гдѣ бы достать денегъ. Отъ волненія и бессонницы, у него нестерпимо ныла грудь и кололо сердце, и онъ положилъ руку къ боку, чтобы послушать его удары. Вдругъ, вмѣсто сердца, онъ услышалъ въ боковомъ карманѣ ровное и слабое тиканье своихъ часовъ.

— Вотъ они тридцать лиръ, нашель! — съ радостью воскликнулъ онъ и сталъ обдумывать, какъ онъ продастъ часы.

Сандрино тогда же рѣшилъ, что отправится въ городъ на слѣдующее утро въ омнибусѣ; послѣднее время онъ презиралъ этотъ далеко не аристократическій способъ передвиженія, но на этотъ разъ приходилось покориться нуждѣ, — денегъ на желѣзную дорогу у него не было. Ночь прошла спокойно; влюбленный юноша всталъ очень рано, вполне спокойный и довольный своимъ рѣшеніемъ. Но, во время переѣзда въ омнибусѣ, его радужное настроеніе постепенно проходило, и онъ началъ беспокоиться объ удачномъ результатѣ своей поѣздки. Сандрино плохо зналъ городскіе магазины и не имѣлъ по-

нятія, куда ему обратиться, чтобы повыгоднѣе продать свои часы. Онъ уже заранѣе краснѣлъ и смущался, раздумывая о томъ, какъ онъ войдетъ въ магазинъ, вынетъ свои часы и, протягнувъ ихъ покупщику, спросить его:—Сколько вы мнѣ дадите за нихъ?—«Что подумала бы обо мнѣ моя герцогиня, еслибы знала объ этомъ?—промелькнуло у него въ головѣ.—Какъ низко упалъ бы я въ ея мнѣніи изъ-за одного такого поступка. Но въ городѣ мнѣ некого стыдиться: меня никто не знаетъ; это не то, что у насъ!

— Тридцать лиръ! Дадутъ ли они мнѣ тридцать лиръ?..— мучилъ себя Алессандро новыми сомнѣніями. Вѣдь съ ними спорить не станешь: чтò дадутъ, то и бери!

Въ глубинѣ души ему было ужасно жалко продавать свои старыя, но любимыя часы... Онъ такъ привыкъ къ нимъ... Вѣдь это была память объ его покойной матери и онъ никогда не разставался съ ними. Когда она умерла, часы лежали рядомъ съ нею на ночномъ столикѣ... Теперь Сандрино вынулъ ихъ изъ кармана и долго разсматривалъ оправу и механизмъ. Никогда еще они не казались ему такими красивыми, какъ въ настоящую минуту... У бѣдняги болѣзненно сжалось сердце: на маленькой крышкѣ старинныхъ часовъ ему почудился образъ бѣдной больной матери, и крупныя слезы невольно закапали на стекло циферблата. «Нѣтъ, нѣтъ, я не долженъ продавать часовъ моей дорогой покойницы,—прошепталъ онъ,— это принесетъ мнѣ несчастье... Но какъ же Лалла? Вѣдь она будетъ ждать своихъ книгъ; она такъ просила поскорѣе прислать ей *Monsieur de Camors*, *Sibille* и тотъ другой, новый романъ.

Легко сказать: «я не хочу продавать часовъ», но выполнить это очень трудно:—у Сандрино не хватало денегъ на обратный билетъ, а вернуться въ Санто-Фьоре было необходимо. Къ тому же, ему страшно хотѣлось ѣсть, а заплатить за ѣду было нечѣмъ!.. Тогда онъ вспомнилъ, что былъ однажды у какого-то часовыхъ дѣлъ мастера на Торговой площади, по порученію синьора Доменика, и твердо рѣшилъ отправиться туда. Всѣ его волненія и тревоги почему-то разомъ разлетѣлись; онъ сталъ мечтать о томъ, какъ разбогатѣетъ впоследствии и тогда, во что бы то ни стало, выкупить скромныя часики своей покойной матери.

Приѣхавъ въ городъ, Фрасколини тотчасъ же вышелъ изъ омнибуса:—ему не хотѣлось, чтобы городскіе жители видѣли его рядомъ съ простыми рабочими и мастеровыми. Въ прежнія времена онъ охотно разговаривалъ и шутилъ съ этимъ трудовымъ людомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ влюбился въ герцогиню, онъ сталъ считать себя аристократомъ и свысока относился ко всѣмъ окружающимъ. Юноша съ мѣста отправился къ Торговой площади; но, по мѣрѣ того какъ приближался къ ней, замедлялъ шаги; онъ постоянно останавливался у витринъ магазиновъ, машинально разглядывалъ выставленные предметы и думалъ въ это время совершенно о другомъ. Разстояніе отъ первой остановки омнибуса до Торговой площади казалось Сандрино прежде вдвое длиннѣе, и у него не хватило храбрости войти въ часовой магазинъ, когда онъ подошелъ къ двери. Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ; потомъ снова прошелъ мимо двери и все не могъ заставить себя войти. — Посмотрю сначала въ окно: тамъ ли хозяинъ? — подумалъ бѣдняга и снова подошелъ къ магазину; но въ окнѣ были спущены шторы, такъ что пришлось отложить надежду увидѣть внутренность магазина.

«Еще разъ обойду вокругъ площади; потомъ прямо поверну къ магазину и войду, а если не войду, такъ буду подлый трусъ»,—рѣшилъ молодой человѣкъ. «Чего мнѣ бояться? Я иду не красть и не милостыню просить; иду продавать мое добро... Пусть купецъ покупаетъ, я его не обману; онъ лучше меня знаетъ, сколько дать за часы».

На этотъ разъ Сандрино набрался храбрости и, дѣйствительно, вошелъ въ магазинъ. Самъ часовщикъ сидѣлъ передъ столикомъ за прилавкомъ и перебиралъ щипчиками какія-то колесики. Алессандро тотчасъ же узналъ въ немъ того самаго торговца, къ которому онъ ѣздилъ по порученію синьора Доменика. Это былъ откормленный бѣлобрысый нѣмецъ съ чисто выбритымъ лицомъ; онъ былъ одѣтъ въ длинную полосатую хламиду, нѣчто въ родѣ подрясника, съ засученными рукавами. При видѣ вошедшаго юноши, нѣмецъ вскочилъ со своего мѣста, спряталъ пружинки и колесики подъ маленькій стеклянный колпакъ, вынулъ изъ глаза небольшую лупу, вставленную туда въ видѣ монокля, и, торжественно раскланявшись, сказалъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— *Страфствуйте!*

— Вы, можетъ быть, не помните меня, — началъ Сандрино, подбодренный тѣмъ, что въ лавкѣ, кромѣ него, никого не было. — Какъ поживаете?

Часовщикъ устремилъ на юношу свои маленькіе безцвѣтные глаза, слегка подслѣповатые отъ постоянного употребленія лупы, и все также медленно отвѣтилъ:

— *Очень карашо! Плагодару фазз!*

— Я Фрасколини изъ Санто-Фьоре. Вы помните меня?

— Нѣтъ, сударь, не помню. У насъ *маказина пальшая*, народъ *прокодитъ мнока...* Чѣмъ могу служить?

— Я былъ у васъ въ прошломъ году...

— О!.. Порошломъ *кату...* *Нефазможно* помнить такъ *тафно!* — И нѣмецъ махнулъ рукою, точно отгоняя несуществующихъ назойливыхъ мухъ.

— Я прїѣзжалъ по порученію синьора Доменика, нашего мэра..

— *Карашо, карашо!..* Чѣмъ могу служить?

— Мнѣ бы хотѣлось... еслибы вы были такъ добры... я думалъ было... — Сандрино замаялся и вынулъ изъ кармана свои маленькіе часики, но въ это мгновеніе стеклянная входная дверь отворилась и въ магазинъ вошла красивая и очень элегантно одѣтая дама. У юноши снова не хватило храбрости объяснить, въ чемъ дѣло, и онъ рѣшилъ подождать, когда дама уйдетъ. Но нѣмецъ не обращалъ никакого вниманія на пришедшую особу и продолжалъ все также внимательно разглядывать Сандрино, точно внушая ему своимъ взглядомъ: «Ну же объясняйся поскорѣе, въ чемъ дѣло!»

— Я хотѣлъ бы *перемѣнить* мои часы на другіе... — пробормоталъ, наконецъ, Фрасколини, — но мнѣ не къ спѣху, я могу зайти въ другой разъ; теперь вы заняты, отпустите сначала эту даму...

— О, эта дама — моя жена!

У сконфуженнаго юноши захолонуло сердце отъ этого отвѣта; теперь у него уже не было предлога выйти изъ магазина и онъ не зналъ, какъ ему выпутаться изъ нечаянно сорвавшейся фразы: «Я хотѣлъ бы перемѣнить мои часы».

Тѣмъ временемъ красивая и нарядная жена часовщика прошла за прилавокъ, сняла шляпку и перчатки, и стала вы-

кладывать на зеленую бархатную салфетку всевозможные золотые и серебряные хронометры и ремонтuary, бойко объясняя Алессандро ихъ особенности, достоинства и цѣнность. При этомъ она кокетливо улыбалась и стрѣляла своими красивыми глазами. Ея бѣлые, покрытые драгоценными камнями, пальцы ловко перебирали разложенные на прилавкѣ часы и то и дѣло щелкали футлярами. Нѣмецъ не вмѣшивался въ разговоръ; онъ предоставлялъ полную свободу своей женѣ и флегматично чистилъ маленькой полотняной тряпочкой потускнѣвшіе отъ прикосновенія часы.

Сандрино, съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ, рассматривалъ разложенныя передъ нимъ сокровища и, конечно, даже не вынималъ изъ кармана своихъ скромныхъ часиковъ. Онъ еще не пришелъ въ себя отъ неожиданности всего случившагося и чувствовалъ, что попалъ въ очень неловкое положеніе. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, ему постоянно слышался за спиною звонкій и насмѣшливый хохотъ молоденькой герцогини и у него кружилась голова отъ громкаго тиканья развѣшанныхъ по всему магазину стѣнныхъ часовъ. Эти часы тикали на разные лады, — одни громко, другіе тихо, одни басомъ, другіе дискантомъ, но всѣ они ясно твердили молодому человѣку одно и то же слово: Лал-ла, Лал-ла, Лал-ла...

«Это, право, даже смѣшно, — подумалъ Фрасколини, — я прѣхалъ сюда безъ гроша за душою, чтобы продать часы моей бѣдной мамы и выручить за нихъ около тридцати лиръ, а они предлагаютъ мнѣ эти великолѣпные хронометры по шестисотъ лиръ за штуку!.. Видать, что хорошо одѣтъ, ну, и думаютъ, что богачъ. Она-то разсыпается, а я стою, какъ болванъ, и ничего не говорю... Уйти бы прочь... да какъ уйти? для этого надо выдумать какой нибудь предлогъ, сказать напримѣръ, что эти часы слишкомъ дороги... она покажетъ подешевле... Предложить развѣ за дорогіе часы черезчуръ маленькую цѣну?.. А вдругъ они на грѣхъ согласятся и уступятъ? что тогда дѣлать?»

Въ концѣ концовъ, онъ собрался съ духомъ и, вынувъ материнскіе часики изъ кармана, робко спросилъ:

— Во что вы оцѣните мои часы?— Нѣмецъ медленно отцѣпилъ толстую цѣпочку изъ искусственнаго золота, всунулъ себѣ въ глазъ лупу, открылъ крышку протянутыхъ ему часовъ.

и долго разглядывалъ ихъ механизмъ; потомъ осмотрѣлъ крышки снаружи и что-то шепнулъ своей женѣ.

— Да ваши часы годятся только въ ломъ,—сказала красивая женщина, презрительно поджимая губки:—они слишкомъ стары, ихъ не стоитъ чинить. Оставьте ихъ лучше у себя въ воспоминаніе той особы, которая вамъ ихъ подарила. Пусть себѣ лежать гдѣ нибудь на столѣ, какъ античная древность; они не помѣшаются, а для ношенія купите себѣ другіе.

Въ это время, въ магазинъ вошли два новыхъ покупателя,—оба, повидимому, хорошо извѣстные и нѣмцу, и его женѣ; они не торопились покупать, сказали, что подождутъ, когда незнакомый имъ *пріязній* покончитъ со своей покупкой и разсматривали выставленныя вещи, бойко перемигиваясь съ хорошенькой женщиной.

— Мнѣ эти часы, право, некуда дѣвать, — пробормоталъ Сандрино, — не стоитъ сохранять у себя всякую рухлядь и дрянь; скажите, во что вы ихъ дѣните...

Мужъ взглянулъ на жену и молча посовѣтовался съ нею.

— Самое большее, что я могу вамъ предложить, это тридцать... пожалуй, даже тридцать двѣ лиры, — сказала она,—и то намъ очень невыгодно принимать ихъ за эту сумму.

«Тридцать двѣ лиры,—мысленно повторилъ за нею Фрасколини, весь содрогаясь отъ радости:—на эти деньги мнѣ слава богу, удастся купить ей всѣ три книги»...

Но нельзя было тянуть такъ долго съ часами; надо было кончать такъ или иначе. Подбодрившись обѣщанной суммой, Сандрино набрался храбрости и дрожащимъ голосомъ объяснилъ, чего онъ хочетъ.

— Сдѣлаемте такъ,—сказалъ онъ часовщику: — возьмите покамѣстъ мои часы, я хочу поскорѣе отъ нихъ избавиться, и отдайте мнѣ за нихъ деньги, а завтра *съ почтовымъ* я приѣду къ вамъ вмѣстѣ съ отцомъ, и тогда рѣшу, которые часы купить: эти или тѣ.—При этомъ наивный юноша показалъ на два самыхъ дорогихъ ремонтуара.

— О!.. — воскликнулъ на это нѣмецъ, заблагоразсудивъ вмѣшаться въ разговоръ,—мѣнять или *пратафать* часы—дѣло совсѣмъ *трукое!*—И оба супруга рѣзко повернулись къ Сандрино спиною и стали услуживать двумъ другимъ покупателямъ. Бѣдный Алессандро окончательно потерялся и смущенно смотрѣлъ на

брошенный на прилавкѣ раскрытый старенькій футляръ своихъ простенькихъ часовъ.

Прошло нѣкоторое время, и молодой человѣкъ началъ терпѣніе отъ этого полного невниманія къ нему часовщика и его супруги.

— Говорите же толкомъ, что вы мнѣ дадите теперь за эти часы?—рѣзко обратился онъ къ нѣмцу.

— *Двадцать* лиръ и вы должны быть мнѣ *плакотарны* на это.

— Берите за двадцать лиръ,—глухо промычалъ Фрасколини; въ это мгновеніе онъ готовъ былъ убить поганого нѣмца. Но дѣлать было нечего: не ходить же по всѣмъ магазинамъ торговаться изъ-за грошей! Чего добраго, кончится тѣмъ, что никто часовъ не купитъ, а какъ тогда возвращаться въ Санто-Фьоре?.. Къ тому же бѣдняку страшно хотѣлось ѣсть...

Часовщикъ еще пошептался о чемъ-то со своей женой, послѣ чего она вынула изъ шкатулки два грязныхъ засаленныхъ десятилирныхъ билета и, какъ подаваніе, бросила ихъ на прилавокъ.

Сандрино молча взялъ деньги и, не снимая шляпы, твердою поступью вышелъ изъ магазина, но на порогъ его окликнула бойкая и красивая нѣмка.

— Молодой человѣкъ, а молодой человѣкъ, потрудитесь-ка расписаться!..

— Сандрино съ удивленіемъ вытаращилъ на нее глаза. Но пришлось покориться и написать свое имя, фамилію и адресъ на маленькомъ печатномъ бланкѣ. И пока молодой человѣкъ писалъ, хорошенькая женщина объясняла двумъ другимъ *настоящимъ* покупателямъ, что, по требованію полиціи, они очень строго слѣдятъ за исполненіемъ этой маленькой формальности, которая ограждаетъ ихъ отъ непріятностей, въ случаѣ, если они, сами не зная того, купятъ ворованную вещь. Отъ этихъ словъ, у бѣднаго Сандрино сдавило грудь отъ сдержанныхъ рыданій, и онъ торопливо выбѣжалъ изъ магазина, чтобы какъ нибудъ не расплакаться.

— Краденые!.. Они думаютъ, что я укралъ часы моей бѣдной покойной мамы!—съ воплемъ воскликнулъ онъ.

Вернувшись въ Санто Фьоре, Фрасколини въ тотъ же вечеръ увидѣлся съ Лаллой и черезъ Нену передалъ ей при-

везенныя книги. Не смотря на всё его старанія, пришлось купить только двѣ книги: на *Monsieur de Camors* не хватило денег! При видѣ своей возлюбленной, Сандрино позабылъ всё мученія этого тяжелаго дня и радовался, что ему удалось исполнить капризъ хорошенькой дѣвушки.

— Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ *Monsieur de Camors*, — наивно воскликнула Лалла въ благодарность за всё его страданія.

— Этихъ двухъ томиковъ мнѣ не надо; можете ихъ взять обратно, я ихъ нашла въ маминой библіотекѣ и уже прочитала... Мнѣ хотѣлось имѣть только *Monsieur de Camors*... Очень жаль, что его-то вы и не привезли...

И, говоря это, молоденькая дѣвушка принялась разсѣянно разрѣзывать новыя книги дорогимъ фигурнымъ ножичкомъ, стоимость котораго могла бы съ лихвою заплатить всё долги бѣднаго Фрасколини.

XVII.

Неожиданный прїѣздъ герцога д'Эледа и придуманное Лаллой богомолье къ Мадоннѣ ди-Вальсанта разсердили и опечалили Сандрино Фрасколини. Онъ тщетно ждалъ въ этотъ вечеръ молоденькую дѣвушку въ дѣвичьей и по разстроенному виду miss Dill понялъ, что произошло что-то необычайное. Англичанка тотчасъ же послѣ обѣда вызвала донъ-Винченцо изъ дѣвичьей, усѣлась съ нимъ въ углу на галереѣ, и они долго и горячо бесѣдовали о чемъ-то.

У Сандрино болѣзненно сжалось сердце отъ тяжелаго предчувствія и тысячи самыхъ ужасныхъ предположеній, тысячи страховъ закрались къ нему въ душу. Онъ, кажется, никогда еще такъ не страдалъ отъ различія своего общественнаго положенія съ Лаллой, какъ въ этотъ вечеръ, и безумно ревновалъ молодую дѣвушку ко всему и ко всѣмъ. Этотъ поэтъ-мечтатель и прежде временами сердился на капризные причуды молоденькой герцогини и нерѣдко испытывалъ смутное желаніе не поддаваться ей больше, а противиться и дѣлать все по своему. Но въ такія минуты стоило Лаллѣ войти въ комнату и устремить на него свои громадныя, дѣтски-ясныя

и чистые глаза, чтобы его гнѣвъ мигомъ прошелъ и онъ снова сдѣлался покорнымъ рабомъ своей повелительницы.

«Могла бы хоть на мгновение показаться мнѣ сегодня,— думала Алессандро въ этотъ фатальный день:—вѣдь знаетъ, что я успокоиваюсь отъ одного ея взгляда; такъ нѣтъ же—не пожелала выйти! Бросила меня здѣсь въ этой дѣвичьей, точно ненужнаго пса среди своей челяди... Очень мнѣ весело слушать, какъ препирается Лоренцо съ поваромъ и какъ храпятъ облѣнившіяся горничныя! Нѣтъ, чортъ возьми, пора кончить со всѣми этими аристократическими деликатесами и присѣданіями... Она меня любитъ, значитъ — она моя и я имѣю право никому не отдавать ее! Пускай попробуетъ еще разъ вывести меня изъ себя; я ей покажу, кто изъ насъ господинъ.

Но, часа черезъ два послѣ этого, Нена передала ему отъ имени своей барышни романъ *L'affair Clemenceau*, и Сандрино тотчасъ же успокоился, позабылъ всѣ свои неудовольствія и побѣжалъ къ себѣ въ комнату, чтобы, запершись, поскорѣе разобрать подчеркнутыя Лаллой буквы и узнать, въ чемъ дѣло.

— Любимая ты моя краля,—съ нѣжностью шепталь онъ въ приливѣ любви,—я тебя не стою; я такой гадкій, неровный, а ты, не смотря ни на что, всегда добра ко мнѣ. Ты настоящій ангелъ!

Онъ сталъ выписывать подчеркнутыя буквы на отдѣльную бумажку и составлять изъ нихъ слова, и чѣмъ дальше читаль, тѣмъ больше блѣднѣлъ и измѣнялся въ лицѣ.

— Боже, Боже мой,—съ отчаяннымъ воплемъ вырвалось у влюбленнаго юноши, когда онъ разобраль и прочелъ всю записку Лаллы.

«Жду тебя сегодня вечеромъ попозже,—телеграфировала ему молоденькая дѣвушка,—надо подлѣниться съ тобой большимъ горемъ. Я проплакала сегодня весь вечеръ. Пожалуй-ста, будь осторожнѣе, чтобы никто тебя не увидаль!»

Тысячи опасеній, какъ молніи, промелькнули въ головѣ бѣднаго Сандрино, а потомъ всѣ его мысли сосредоточились на одномъ, самомъ худшемъ и самомъ ужасномъ, подозрѣніи: онъ вообразилъ себѣ, что герцогъ просваталь свою дочь и пріѣхаль теперь за нею, чтобы везти ее на свадьбу. Отъ этой

мысли вся кровь бросилась въ голову молодаго человѣка и у него потемнѣло въ глазахъ. Передъ нимъ съ такою быстрою стали проноситься самыя разнообразныя картины и образы, что онъ боялся сойти съ ума. Но вслѣдъ за этимъ нервнымъ возбужденіемъ послѣдовалъ полный упадокъ силъ и Алессандро залился горячими слезами, неотступно думая все объ одномъ и томъ же. Вся его поѣтическая, нѣжная любовь къ Лаллѣ возмущалась противъ самаго факта ея замужства и онъ жестоко страдалъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ Лалла выдетъ замужъ и отдастся другому, а не ему, и разстраивала свои, безъ того натянутые, нервы разными волнующими воображеніе картинами. Да, эта нѣжная, хрупкая, какъ саксонская куколка, дѣвушка, которую онъ обожалъ, какъ святыню и у которой еле осмѣливался цѣловать тонкую, прозрачную ручку,—его Лалла, его божество, въ скоромъ времени будетъ принадлежать какому нибудь развратному кутилѣ! Незнакомецъ грубо сорветъ этотъ дѣвственный цвѣтокъ и, отбросивъ его въ сторону, даже не насладится его идеальной чистотой и прелестью. Сандрино съ ужасомъ закрылъ глаза и ясно представилъ себѣ пышную спальню новобрачныхъ и чудную фигуру своей возлюбленной въ объятіяхъ чужаго, почти незнакомаго ей, мужчины... Потомъ эта картина смѣнилась другой; онъ видѣлъ Лаллу печальною, въ слезахъ, въ припадкѣ отчаянія... или, наоборотъ, торжествующую, веселую, страстно-любящую своего молодаго мужа и истомленную его ласками и поцѣлуями...

— О, Боже! — рыдалъ Фрасколини, задыхаясь отъ ревности и чувствуя въ это мгновеніе, что онъ скорѣе убьетъ, задушитъ молоденькую дѣвушку своими собственными руками, нежели отдастъ ее другому.

«Я могъ бы увезти ее изъ дому, бѣжать съ нею куда нибудь дѣлеко, далеко,—начиналъ онъ фантазировать, когда припадокъ ревности успокоивался.—Какое безуміе!.. Она бы никогда на это не согласилась... Она слишкомъ скромна и слишкомъ хорошо воспитана, чтобы рѣшиться на такой смѣлый шагъ... Настоящая аристократка, что и говорить!.. Ее пугаетъ мнѣніе свѣта... Предположимъ даже, что мы убѣдимъ вмѣстѣ, но куда?.. и чѣмъ будемъ жить?.. Насъ, конечно, сейчасъ же вернуть, Лаллу наскоро выдадутъ замужъ за перваго

попавшагося претендента, а я сгнѣю гдѣ нибудь въ тюрьмѣ. Для бѣдняковъ нѣтъ справедливости на свѣтѣ... Что я такое? плебей, ничтожество!.. Знать можетъ расправляться со мной какъ ей угодно, на то она и знать, а мы должны все терпѣть и не смѣемъ роптать».

И въ душѣ молодаго человѣка снова поднималось глухое негодованіе на людскую несправедливость; онъ былъ готовъ на все, даже на преступленіе, чтобы только вырвать свою возлюбленную изъ объятій ея будущаго мужа, — конечно, равнаго ей по положенію, важнаго и знатнаго барина. «Эхъ, хотъ бы намъ революцію, республику, коммуноу!.. — воскликнулъ Сандрино, — мы съумѣли бы тогда посвоему расправиться со всей этой аристократической шушерой... Плохо пришлось бы барамъ... ихъ бы живыми сожгли, какъ факелы. Не стали бы они тогда воротить свои рожи отъ бѣднаго и темнаго люда!» — Алессандро нарочно мучилъ себя подобными мыслями, ожесточался и доходилъ до полнаго нравственнаго и физическаго изнеможенія. Тогда онъ чувствовалъ въ себѣ необъятную и чрезвычайно болѣзненную пустоту и долго лежалъ безъ движенія, не имѣя силы даже шевельнуть рукой. Будущее представлялось молодому человѣку въ видѣ безконечной вереницы однообразно грустныхъ часовъ; съ отъѣздомъ Лаллы изъ Санто-Фьоре, вся жизнь теряла для него свой интересъ; теперь онъ ежедневно еле могъ дожидаться часа своего свиданія съ нею и этотъ часъ былъ для него центромъ всего дня, драгоценнымъ брилліантовымъ фермуаромъ, которымъ, точно въ жемчужномъ ожерельѣ, скрѣплялись всѣ остальные, одинаковые, какъ двѣ ровныя жемчужины, часы его жизни. И, вотъ, разомъ рухнули всѣ его мечты о будущемъ и сладкія грезы о славѣ и богатствѣ...

«Къ чему мнѣ дальше жить? — съ отчаяніемъ твердилъ себѣ Сандрино, — не лучше ли разомъ прекратить всѣ страданія выстрѣломъ изъ револьвера и не влечить понапрасну эту проклятую, безцѣльную жизнь!»

Любовь не дала ему счастья и покоя; она разсорила его съ родными и отстранила отъ него всѣхъ друзей, а взамѣнъ дала только рядъ горькихъ и непрерывныхъ мукъ и волнецій. Сандрино чувствовалъ себя разстроенымъ, разбитымъ, больнымъ и тѣломъ, и душой; но всѣ эти болѣзни и непріят-

ности исчезали, точно по мановенію волшебнаго жезла, при одномъ звукѣ голоса Лаллы и при взглядѣ ея громадныхъ, дѣтски-чистыхъ глазъ. Съ какимъ обожаніемъ смотрѣлъ онъ на молодую дѣвушку, когда она красѣла подъ его взглядами, и какое безконечное блаженство доставляли ему ея ласковая улыбка и сердечное пожатіе руки. За эти минуты счастья онъ готовъ былъ всю жизнь благословлять свою возлюбленную и, чтобы по прежнему видѣться съ нею, радъ былъ бы терпѣть въ десять разъ больше неудачъ и непріятностей.

Алессандро давно уже не мечталъ болѣе о томъ, чтобы создать себѣ имя и положеніе, и жениться на молоденькой герцогинѣ. Сама Лалла разбила однажды всѣ его планы и надежды на этотъ счетъ, а когда онъ осмѣливался заговорить съ нею о будущемъ, она всегда сухо отвѣчала ему, что *никогда* не выдетъ замужъ. Фрасколини всѣмъ своимъ существомъ вѣрилъ въ это *никогда*, но не переставалъ смутно надѣяться на что-то и жилъ однимъ настоящимъ, стараясь не думать о будущемъ. Рѣшительное *никогда* молоденькой дѣвушки, какъ искра надежды, опьяняло его и онъ, какъ во снѣ, переносился отъ одной мечты къ другой со своей возлюбленной Лаллой въ объятіяхъ.

— Какъ добиться извѣстности?— часто допрашивалъ себя юноша. — Я даже не знаю, съ чего начать и какому труду отдаться. Рѣшиться на что нибудь очень трудно, а потомъ ужъ дѣло пойдетъ само собой. Вотъ органистъ говоритъ, что у меня замѣчательный голосъ, а синьора Вероника восхваляетъ мой драматическій талантъ; кому изъ нихъ вѣрить? Да, впрочемъ, это безразлично! Герцогъ д'Эледа никогда не отдастъ мнѣ руки своей дочери, если даже я сдѣлаюсь впоследствии вторымъ Киномъ или Тиберини! Литературный трудъ? Нѣтъ, ни за что, — думалъ Сандрино, — въ немъ все основано на взяткахъ и протекціи... Кто богатъ, тому удается добиться извѣстности; его произведенія съ удовольствіемъ печатаютъ, о нихъ говорятъ, ихъ восхваляютъ, а бѣдняку— всюду отказъ и двери редакцій для него закрыты.

Съ нѣкотораго времени маленькій Данте мѣстечка Санто-Фьоре жестоко разочаровался въ редакторахъ, писателяхъ и журналистахъ. Обуреваемый жаждой авторской славы, онъ послалъ однажды въ редакцію большаго литературнаго жур-

нала одну изъ своихъ новеллъ подъ заказною бандеролью и, три мѣсяца спустя, ее напечатали. Сандрино, конечно, получилъ этотъ номеръ, а вмѣстѣ съ нимъ извѣщеніе о томъ, что онъ въ видѣ гонорара будетъ цѣлый годъ получать журналъ. Глядя на свое имя, красиво напечатанное дважды, готическими буквами, въ началѣ и въ концѣ новеллы, Сандрино улетѣлъ въ своихъ мечтахъ очень далеко. Онъ представлялъ себѣ это «*A. Фрасколини*» на всѣхъ другихъ журналахъ и на отдѣльныхъ изданіяхъ, въ витринахъ книжныхъ магазиновъ; вообразилъ, что его произведенія получаютъ всемірную извѣстность и что ихъ переведутъ на всѣ европейскіе языки... Съ этого дня онъ задумалъ написать большой романъ, нѣчто въ родѣ знаменитыхъ «*Promessi Sposi*», которые, по его словамъ, «уже отжили свой вѣкъ». Лалла сильно поддерживала Алессандро въ этой мысли и увѣряла, что долго плакала надъ его грустной новеллой; юноша повѣрилъ этой выдумкѣ; похвалы молодой герцогини подбодрили его и онъ съ жаромъ принялся за работу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Лалла получила отъ молодаго автора, черезъ посредство Нены, громадную рукопись и, конечно, не дала себѣ труда прочитать ее, а только перелистовала. При свиданіи со своимъ возлюбленнымъ, хитрая дѣвушка превозносила его произведеніе до небесъ и Сандрино вполне увѣрился, что написалъ нѣчто замѣчательное.

Но вскорѣ наступило разочарованіе: ни одна редакція не взялась печатать этого *chef-d'oeuvre*. Какой-то литературный журналъ продержалъ у себя рукопись довольно долго; но, въ концѣ концовъ, вернулъ ее, говоря, что романъ безспорно хорошъ, но слишкомъ длиненъ. Тогда Фрасколини сталъ вѣрить во всеильное могущество денегъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало разбогатѣть, а потомъ уже составить себѣ имя. Для этого онъ написалъ въ Венецію къ одному изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, подрядчику, и просилъ взять его къ себѣ въ помощники, тѣмъ болѣе, что подрядчикъ уже однажды предлагалъ старику Фрасколини заняться карьерой его сына. Сандрино не зналъ тогда, что этотъ дальній родственникъ хотѣлъ его приблизить къ себѣ только для того, чтобы черезъ него выманивать деньги отъ стараго секретаря общины. Юноша слышалъ, что подрядчики наживаютъ большія деньги въ самое короткое время, и надѣялся разбогатѣть этимъ путемъ. Сан-

дрино всюду чудились миллионы, и онъ, какъ донъ-Кихоть, принималъ простыя харчевни за рыцарскіе замки и мечталъ найти богатство тамъ, гдѣ была нищета.—Займусь торговыми предпріятіями года три, четыре, а потомъ, конечно, брошу ихъ,—говорилъ себѣ юный мечтатель.—Какъ всѣ будутъ завидовать моему богатству! И съ какой гордостью я явлюсь къ герцогу д'Эледа просить руки Лаллы... Къ тому времени республика, вѣроятно, конфискуетъ все его имущество, а я предложу ему мое состояніе, чтобы выкупить его... — Алессандро часто разглагольствовалъ на эту тему, припоминая одну изъ видѣнныхъ имъ комедій Скриба, такого же сюжета.

— Но какъ быть теперь?—обыкновенно говорилъ онъ себѣ, спускаясь съ облаковъ своей фантазіи на землю. — Вдругъ Лалла выдетъ замужъ?.. Тогда всему конецъ... Прощай, богатство, слава, мечты о республикѣ и конфискованныхъ имуществахъ! Все пойдетъ прахомъ...

— Но вѣдь она сказала: «Я *никогда* не выду замужъ»... Вѣрить ли этому обѣщанію? Лалла безспорно любитъ меня, но у нея очень сдержанный и скрытный характеръ, и она никогда не посвящаетъ меня въ свои планы на будущее.

Молоденькая дѣвушка держалась очень осторожно со своимъ возлюбленнымъ и не позволяла ему буквально ничего лишняго:—она такъ боялась чѣмъ нибудь скомпрометировать себя! Сандрино разрѣшалось лишь изрѣдка, въ видѣ особенной милости, поцѣловать ея маленькую бѣлоснѣжную ручку. Днемъ молодые люди видѣлись обыкновенно въ саду и разговаривали при другихъ, какъ посторонніе; послѣ обѣда Лалла иногда заходила въ дѣвичью, но оставалась тамъ очень недолго; придетъ, отдастъ какое нибудь приказаніе одной изъ горничныхъ, повернется и уйдетъ. Вообще она всюду старалась дать почувствовать Фрасколини, какая громадная разница была между ними въ общественномъ положеніи. Въ церкви или на прогулкѣ онъ не смѣлъ даже смотрѣть на нее; однажды рискнулъ подойти на улицѣ, но Лалла такъ разсердилась на него, что разомъ отбила охоту когда нибудь повторить это. Впрочемъ, изрѣдка молоденькая герцогиня назначала своему возлюбленному свиданія ночью и тогда проводила съ нимъ около часа съ глазу на глазъ. Для этого Лалла выжидала, когда всѣ въ домѣ улягутся спать, спускалась въ потемкахъ съ лѣстницы

и пробиралась въ маленькую, выходящую въ садъ, гостинную перваго этажа. Сандрино всегда заранѣе поджидаль ее въ саду, спрятавшись за деревьями, и, по условленному знаку, подходилъ къ открытому окну.

Молодыхъ людей раздѣляла массивная чугунная рѣшетка, сквозъ которую еле проходила тонкая бѣлая ручка Лаллы... Съ какимъ безумнымъ счастьемъ приникалъ къ этой маленькой ручкѣ своими горячими губами бѣдный Сандрино!.. Въ эти краткія мгновенія онъ забывалъ все на свѣтѣ и чуть не за недѣлю впередъ мечталъ о слѣдующемъ свиданіи. Лаллѣ доставляло удовольствіе мучить влюбленнаго юношу; она часто нарочно отмѣняла свиданіе или опаздывала, а онъ томился, тщетно поджидая ее.

Въ этотъ разъ Сандрино ждалъ свиданія съ Лаллой еще съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели обыкновенно. Онъ боялся предстоящаго разговора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смутно надѣялся на что-то хорошее.

— По крайней мѣрѣ, увижу ее, поговорю съ ней обо всемъ!—твердилъ онъ себѣ,—буду умолять не бросать меня, не выходить замужъ за другаго...—Ослѣпленный юноша вѣрилъ въ чистосердечіе и доброту эгоистичной дѣвушки и, въ простотѣ душевной, думалъ, что сумѣетъ растрогать ее своими слезами и просьбами.

Онъ забрался въ садъ, какъ только стемнѣло, и долго просидѣлъ за деревьями, выжидая, пока все въ замкѣ утихнетъ и тамъ потушатъ огни. Отъ времени до времени, Сандрино вынималъ изъ кармана маленькій футляръ, открывалъ его и любовался небольшимъ бирюзовымъ колечкомъ, осыпаннымъ мелкими розами. Онъ уже давно приготовилъ этотъ подарокъ своей возлюбленной, но все не осмѣливался его отдать, хотя и носилъ футляръ постоянно въ карманѣ. Чтобы купить это кольцо, Сандрино снова занялъ у органиста; онъ, какъ ребенокъ, радовался, что ему удалось достать эти деньги, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся, какъ бы молоденькая герцогиня не разсердилась на него.

Когда въ замкѣ заснули и Лалла осторожно раскрыла ставни у завѣтнаго окна, она чуть было не вскрикнула отъ ужаса и не разбудила этимъ весь домъ:—у окна, прислонившись къ рѣшеткѣ, стоялъ Сандрино, блѣдный, какъ мертвецъ

(онъ такъ измучился за весь этотъ день!) и задыхающимся отъ волненія голосомъ прошептала ей:

— Ну, что же, что случилось?

Лалла, конечно, тотчасъ же пришла въ себя и совершенно спокойно рассказала бѣдному юношѣ о желаніи герцога перевезти семью въ Боргиньяно и о томъ, что отъѣздъ назначенъ черезъ день. Сандрино молча выслушалъ подробный разговоръ молоденькой дѣвушки и вмѣсто отвѣта глухо зарыдалъ, когда она замолчала. Лалла стала его успокаивать, просила быть благоразумнымъ, не отчаиваться, и въ концѣ концовъ, понятно, добилась своего.

— Рано или поздно, намъ все равно пришлось бы разстаться,—вѣчно такъ продолжаться не могло! Вамъ также слѣдуетъ уѣхать въ Венецію, чтобы позаботиться о будущемъ и устроить свою карьеру.

Такъ говорила хитрая дѣвушка и, слушая ее, Сандрино постепенно успокаивался; чортъ уже не казался ему такимъ страшнымъ, какъ его малюютъ. Всѣ его сомнѣнія и тревоги насчетъ замужства Лаллы постепенно разсѣивались; теперь ему хотѣлось только уговорить свою возлюбленную отсрочить отъѣздъ на нѣсколько дней.

— Къ чему вамъ ѣхать съ герцогомъ, поѣзжайте лучше съ герцогиней,—упрашивалъ онъ ее. (Марія должна была выѣхать изъ Санто-Фьоре двумя днями позже).

Но Лалла энергично запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, папу не упростишь! Ему нельзя идти наперекоръ; надо во всемъ повиноваться, а не то бѣда... Съ нимъ шутки плохи...

Въ этотъ послѣдній вечеръ Сандрино былъ смѣлѣе и предпримчивѣе обыкновеннаго; ему хотѣлось схватить Лаллу въ своихъ объятіяхъ и унести ее съ собою далеко, далеко... Изящная бѣлая фигура молоденькой дѣвушки красиво выдѣлялась на темномъ фонѣ комнаты, точно мадонна старой итальянской школы изъ темной деревянной рамы... Съ какою вѣрою и мольбою смотрѣлъ Алессандро на эту мадонну... Онъ съ трудомъ просунулъ руки сквозь толстые прутья чугунной рѣшетки и одной рукой ласкалъ маленькую похолодѣвшую ручку Лаллы, а другой—старался дотронуться до ея пышныхъ волосъ... Это была необычайная смѣлость и дерзость съ его

стороны, о которой онъ еще недавно не могъ даже мечтать!.. Лалла прислонилась къ рѣшеткѣ своей поэтической головкой и молча смотрѣла на юношу громадными вызывающими глазами. Она не прерывала его страстную, несвязную рѣчь, а когда онъ потребовалъ отъ нея клятвеннаго обѣщанія никогда не выходить замужъ, отвѣтила: «да *никогда* не выду», но не поклялась. У Сандрино кружилась голова; онъ мало-по-малу терялъ самообладаніе. «Одинъ только поцѣлуй, молю васъ», безсвязно шептала влюбленный, но молоденькая дѣвушка тихо покачала головой, а вмѣсто отвѣта взяла его руку и прижалась къ ней своей горячей бархатной щечкой.

— У меня къ вамъ просьба, Лалла, большая просьба...— безсвязно пробормоталъ Фрасколини, опьяненный этой нѣмой, но страстной лаской.

Лалла вопросительно подняла на него свои томные, потемнѣвшіе отъ волненія, глаза и продолжала все также медленно водить своей щекой по его рукѣ. Она сознавала, что дѣйствуетъ этимъ на нервы Сандрино и злоупотребляла своей силой.

— Мнѣ бы хотѣлось... пожалуйте... примите эту бездѣлушку на память обо мнѣ!..

Сконфуженный юноша покраснѣлъ, какъ піонъ, вытащилъ свободной рукой кольцо изъ кармана и хотѣлъ самъ надѣть его на тонкій пальчикъ дѣвушки.

— Ахъ, какая прелесть!.. Какое хорошенькое!..—радостно воскликнула Лалла, очень довольная этимъ неожиданнымъ подаркомъ и, въ приливѣ благодарности, такъ близко прижалась къ молодому человѣку, что онъ могъ коснуться губами ея золотистыхъ волосъ.

Время быстро летѣло; надо было разставаться. Молодые люди замолкли... Горячая волна страсти охватила ихъ обоихъ и передалась отъ Сандрино къ Лаллѣ. Алессандро нервно сжималъ руку молоденькой дѣвушки въ своихъ рукахъ... У Лаллы пылала голова, и вся она была точно въ огнѣ; передъ ея глазами проносились красноватые круги; она начинала терять сознание и, не имѣя силы сдерживать дольше приливъ своей страсти, высунулась, насколько могла, изъ-за рѣшетки, и въ первый разъ въ жизни прильнула своими горячими чувственными губами къ такимъ же чувственнымъ мужскимъ губамъ; все ея тѣло трепетало отъ этого безконечно-длиннаго и

страстного поцѣлуя. Сандрино, внѣ себя отъ счастья, все крѣпче и крѣпче прижималъ ее къ своей груди; чугунные прутья рѣшетки впивались въ обнявшихся влюбленныхъ, но они не чувствовали боли, не сознавали ничего окружающаго и долго, долго простояли такъ въ полузабытѣи, стараясь еще тѣснѣе прижаться одинъ къ другому и слиться въ одно цѣлое... Наконецъ, Лалла въ изнеможеніи выскользнула изъ объятій Фрасколини и, истомленная всѣмъ пережитымъ, упала на колѣни передъ окномъ.

На слѣдующій день, во дворѣ графскаго замка собралась цѣлая свита приближенныхъ—проводить молоденькую герцогиню и пожелать ей счастливаго пути. Заблаговременно поданный экипажъ ожидалъ, у крыльца, герцога Анатолия, Лаллу и miss Dill. Нена, Лоренцо и поваръ Франческо были отсланы въ Боргиньяно рано утромъ, съ первымъ поѣздомъ. Въ группѣ провожающихъ находился синьоръ Доменикъ; онъ всецѣло зависѣлъ отъ герцога и потому изъ личныхъ выгодъ всегда старался оказать особенное вниманіе, какъ ему, такъ и всѣмъ членамъ его семьи. Около мара виднѣлась грузная фигура мѣстнаго доктора; пользуясь свободной минутой, miss Dill напоследокъ совѣтовалась съ нимъ насчетъ своего здорovia; при этомъ старая дѣва томно поглядывала на донъ-Винченцо, который все время отъ волненія потиралъ свои жирныя лоснящіяся руки. Старикъ Амброджіо уныло смотрѣлъ на поданный экипажъ; его сморщенное лицо распухло и покраснѣло отъ слезъ. Фрасколини (отецъ) подбадривалъ старика, а Сандрино угрюмо молчалъ, засунувъ руки въ карманы, и блѣдный, какъ смерть, смотрѣлъ куда-то вдалѣ тупымъ, бессмысленнымъ взглядомъ. Рядомъ съ нимъ стояла Луиджа и съ трудомъ держала подъ мышкой отчаянно выбивавшуюся *Musette*. Бѣдное животное чуюло разлуку со своей госпожей и тщетно старалось вырваться изъ рукъ горничной и броситься къ Лаллѣ. По временамъ *Musette* такъ жалобно и пронзительно визжала, что всѣ присутствующіе съ содроганіемъ зажимали себѣ уши.

Герцогъ Анатолій терпѣть не могъ собакъ и приказалъ дочери оставить *Musette* въ деревнѣ, обѣщая подарить ей въ награду верховую лошадь. Хитрая Лалла, конечно, сдумала бы уговорить отца и могла бы увезти собаку, а въ городѣ

получить лошадь, но она рѣшила, что ей выгоднѣе не настаивать на своемъ и покорно исполнила волю герцога. Зато все утро передъ отъѣздомъ въ замкъ только и было разговоровъ, что про *Musette*: Лалла ежеминутно цѣловала собачку, увѣряя, что *Musette* все понимаетъ, что *Musette* плачетъ, что *Musette* не станетъ больше ѣсть и навѣрное умретъ отъ тоски! При этомъ она такъ искренно горевала, что всѣ домашніе отъ души жалѣли ее, называя ангеломъ доброты и кротости, а тирана-герцога упрекали въ жестокосердіи. Лалла и miss Dill уже сѣли въ экипажъ,—ждали только прихода самого герцога. Донъ-Винченцо воспользовался его запозднаніемъ, подошелъ къ коляскѣ со стороны гувернантки и сталъ любовно шептаться со старой дѣвой. У miss Dill распухло и покраснѣло лицо отъ слезъ,—волненіе душило ее, и она съ трудомъ отвѣчала своему обожателю; но въ порывѣ разстроенныхъ чувствъ англичанка до того забылась, что впервые, передъ лицомъ всего свѣта, запустила свои длинные желтые пальцы въ протянутую ей открытую табакерку.

Старикъ Амброджіо съ грустью смотрѣлъ на молоденькую герцогиню; Лалла обидѣла его:—она даже не подошла проститься съ нимъ, даже не кивнула ему головой... Онъ тщетно молилъ ея улыбки своимъ взглядомъ; она не смотрѣла въ его сторону и старый слуга горько вздыхалъ, раздумывая о томъ, что ему уже недолго жить и вѣрно не придется больше увидѣть Лаллу. Чтобы обратить на себя ея вниманіе, онъ сталъ отдѣльно отъ группы провожающихъ, между Сандрино и Луиджей, и все время любовался граціозной фігурой хорошенькой дѣвушки. Лаллѣ не сидѣлось на мѣстѣ; она вертѣлась во всѣ стороны, спрашивала: все ли готово? шутила то съ тѣмъ, то съ другимъ, безъ умолку болтала и безопасно заливалась своимъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ. Старикъ Амброджіо все еще надѣялся, что она взглянетъ на него передъ отъѣздомъ,—онъ не зналъ, что Лалла рѣшила не смотрѣть въ его сторону только потому, что рядомъ съ нимъ стоялъ Сандрино. Молоденькая дѣвушка точно и не замѣчала присутствія влюбленнаго въ нее юношу; она со всѣми разговаривала, всѣмъ улыбалась, а его вполне игнорировала. Наконецъ, появился герцогъ д'Эледа, а вслѣдъ за нимъ и Марія. Всѣ еще разъ простились, усѣлись на свои мѣста и замолкли.

— Можно ѣхать, ваша свѣтлость? — спросилъ Анатолія кучеръ.

— Да, трогай, трогай...

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите еще... Прости, папочка! — воскликнула Лалла, ловко выскакивая изъ экипажа.

— Куда ты, куда?.. — окликнула ее Марія съ площадки подъѣзда. Но дѣвушка не отвѣтила ей и побѣжала къ Луиджѣ. У Амброджіо замерло сердце... Бѣдный старикъ вообразилъ себѣ, что молоденькая герцогиня бѣжитъ проститься съ нимъ! Сандрино также былъ пораженъ. «Она не справилась со своимъ чувствомъ, — съ ужасомъ думалъ онъ, — сейчасъ вѣрно бросится ко мнѣ въ объятія... Боже мой, Боже мой, что-то будетъ, что-то будетъ?» — Но и юноша, и старикъ оба одинаково заблуждались: Лалла не обратила на нихъ никакого вниманія, а схватила *Musette* въ свои объятія, крѣпко поцѣловала ея пушистую головку, снова отдала собачку Луиджѣ и въ нѣсколько прыжковъ очутилась въ коляскѣ. *Miss Di* что-то буркнула на эту выходку, герцогъ улыбнулся, а Лалла приложила къ глазамъ кружевной платокъ и не отнимала его отъ лица, пока коляска не скрылась за воротами.

Черезъ два дня послѣ этого, тронулась въ путь и герцогиня Марія. Ей было ужасно тяжело покидать Санто-Фьоре и, чтобы избѣжать лишнихъ проводовъ, прощаній и слезъ, она рѣшила уѣхать втихомолку, не предупреждая никого о днѣ и часѣ своего отъѣзда. Несчастливая женщина стыдилась своего горя и боялась показать его передъ посторонними; она, какъ подстрѣленная птичка, хотѣла забиться куда нибудь въ темный уголь, чтобы тамъ умереть одной, вдали отъ чужихъ любопытныхъ глазъ. Объ отъѣздѣ герцогини знали только донъ-Грегорио, Амброджіо и Луиджа. Она вышла изъ замка пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего стараго духовника, который хотѣлъ проводить ее до станціи. Молодая женщина вела добраго старика подъ руку; оба молчали и шли очень медленно, шагъ за шагомъ, по узенькой улицѣ между стѣнами душистыхъ акацій. Худая сгорбленная фигура священника, его лицо, изрытое глубокими морщинами и обрамленное длинными прядями серебристо-сѣдыхъ волосъ, своимъ контрастомъ еще болѣе выдѣляли яркую классическую красоту Маріи. Но громадные темные глаза красавицы и тусклые выцвѣтшіе глаза

старика одинаково выражали беспредѣльную грусть и тоску; имъ обоемъ было очень тяжело на сердцѣ. Марія тосковала о прошломъ и съ безпокойствомъ ожидала будущаго. Ей было жаль своей свободы и тихой безмятежной жизни въ Санто-Фьоре. Впереди предстояли приемы, выѣзды и весь водоворотъ свѣтской жизни. Молодая женщина уже теперь содрогалась при мысли объ этомъ; она боялась неизвѣстнаго будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ смутно радовалась ему, надѣясь снова увидѣться со своимъ возлюбленнымъ Джорджію. Дорогій идеаль по прежнему жилъ въ ея сердцѣ и, не смотря на постоянную душевную борьбу, теперь еще сильнѣе заполнялъ все ея существо. Марія видѣла его всегда передъ собою, — всегда, даже въ объятіяхъ своего мужа, — и вся краснѣла отъ поцѣлуевъ Анатолія; ей казалось, что они клеймятъ, оскверняютъ ее и дѣлаютъ недостойной любви дорогаго ей человѣка. Теперь герцогиня была не въ силахъ дольше бороться сама съ собой и рѣшила во всемъ признаться донъ-Грегорию, чтобы найти себѣ поддержку въ немъ и избѣгнуть опасности, къ которой сознательно стремилась. Она шопотомъ рассказала старику о своей послѣдней борьбѣ и безумныхъ надеждахъ, вылила все, что у нея накопилось на душѣ; но, по своему прирожденному такту и деликатности, скрыла имя графа дельла-Валле.

Донъ-Грегорию внимательно выслушалъ молодую женщину, а когда она замолкла, то съ отеческой лаской пожалъ ей руку и тихо сказалъ:

— Мужайся, дорогое дитя мое; жизнь не праздникъ, а постоянное испытаніе, полное горя и борьбы; ты знаешь это... Вѣруй въ помощь Всевышняго: Онъ поможетъ тебѣ выйти побѣдительницей изъ борьбы... У тебя хватитъ силы устоять противъ искушенія!

— О нѣтъ, донъ-Грегорию, я больше не въ силахъ бороться... помогите мнѣ, прошу васъ; сжальтесь надо мной, я такъ одинока и несчастна, а вы — святой...

— Нѣтъ, дитя мое, я не святой, — прервалъ ее старикъ-священникъ, — я самый простой, обыкновенный человѣкъ и не грѣшилъ только потому, что всегда жилъ вдали отъ міра и его страстей. Видя мою душевную немощь и слабость, Господь, вѣрно, нарочно устранилъ съ моего пути всякое искушеніе,

чтобы я не поддался ему, и послалъ мнѣ тихую, спокойную жизнь. Повѣрь, мнѣ нетрудно было быть добрымъ и остаться честнымъ, не то что тебѣ:—ты боролась и побѣдила! Не падай духомъ и теперъ: Господь не допуститъ твоей гибели; Онъ создалъ тебя по подобію ангеловъ, честную и чистую сердцемъ. Мужайся; борьба трудна, придется пострадать; зато впереди тебя ждетъ высшее блаженство и награда!

— Но если когда нибудь у меня не хватитъ силъ?.. Вѣдь я одинокая, слабая женщина. Тамъ мнѣ даже не съ кѣмъ будетъ совѣтоваться...

— Вернись сюда ко мнѣ, въ это спокойное убѣжище, а если я умру, то буду ждать тебя тамъ, — донъ-Грегорию указалъ Маріи на старинное кладбище Санто-Фьоре, гдѣ между густою зеленью деревьевъ мелькала ярко освѣщенная маленькая бѣлая церковь.—Да, я буду ждать тебя въ могилѣ,—продолжалъ священникъ, — приди тогда помолиться къ моему кресту и вспомни о старикѣ, который любилъ тебя также крѣпко и горячо, какъ любилъ свою вѣру; вспомни о своей покойной матери... Эти мысли дадутъ тебѣ забвеніе и покой, и ты снова выдешь побѣдительницей изъ борьбы...

— Нѣтъ, нѣтъ, донъ-Грегорию, не говорите о смерти; вы не должны умирать!

— Состарился, дитя мое; пришлось немало пережить; усталъ; пора и на покой...

Смеркалось; кругомъ все было тихо, только листья деревьевъ таинственно перешоптывались между собой, да изрѣдка слышалось жужжаніе пчелъ и стрекотаніе кузнечиковъ, — и вдругъ, среди этой вечерней тишины, раздалась чудная мелодія торжественнаго и грустнаго священнаго гимна: это крестьянскія дѣвушки пѣли старинный канонъ въ честь Пресвятой Богородицы, и ихъ свѣжіе, молодые голоса съ наивною мольбою и вѣрою твердили простые, святые слова. Всѣ прихожане маленькой скромной церкви вторили пѣвцамъ и хоромъ повторяли за ними строфы молитвы.

При первыхъ же звукахъ, Марія остановилась, какъ вкопанная.

— Слушайте,—прошептала она донъ-Грегорию,—сама Богородица говоритъ и утѣшаетъ меня своей молитвой... благословите меня, благословите меня скорѣе, отецъ мой! — Не-

счастливая вся дрожала от волненія; она склонилась передъ сгорбленной фигурой старика и, обливаясь слезами, припала къ его морщинистой худой рукѣ.

Донъ-Грегорио поднялъ глаза къ небу и сталъ тихо молиться про себя, а изъ маленькой церкви еще громче и торжественнѣе раздавались слова священнаго гимна вѣрующихъ:

«*Sancta Maria,
Sancta Dei Genitrix,
Sancta Virgo Virginum
Ora pro nobis*».

— Молитесь, молитесь за меня! — просила молодая женщина.

— Твое горе и скорбь помогутъ тебѣ лучше всякой молитвы, дитя мое; плачь, плачь; слезы—это молитва сердца.

— Обѣщайте мнѣ пріѣхать благословить меня на смертномъ одрѣ, гдѣ бы я ни была, — тогда только я умру спокойно...

— Пріѣду, дитя мое, пріѣду...

— А если мнѣ не удастся забыть... если дорогой мнѣ образъ по прежнему останется жить въ моемъ сердцѣ — что мнѣ дѣлать тогда?

— Тогда любовь сдѣлаетъ изъ тебя не грѣшницу, а мученицу, и ты послужишь примѣромъ другимъ.

— О, донъ-Грегорио, какъ я вамъ благодарна за эти слова утѣшенія! Теперь я чувствую, что Господь не оставитъ меня до конца моей жизни и найду въ себѣ силы побороть искушеніе.

Марія встала съ колѣнъ, утѣшенная и успокоенная молитвой. Въ вечерней темнотѣ по прежнему звучала гармоничная мелодія священнаго гимна; красивые торжественные звуки сопровождали молодую женщину, какъ дорогой прощальный привѣтъ. Старческій дребезжащій голосъ донъ-Грегорио невольно присоединился къ хору молодыхъ дѣвушекъ.

«*Regina Compessorum,
Regina Virginum,
Regina Sanctorum*»—

запѣлъ онъ заодно съ пѣвцами, а Марія вмѣстѣ съ хоромъ молящихся закончила этотъ гимнъ въ честь Богородицы словами: *Ora pro nobis*.

XVIII.

Семья герцога д'Эледа провела только нѣсколько дней въ Боргиньяно; Марія не дѣлала визитовъ, а потому не видѣла никого изъ своихъ, прежнихъ знакомыхъ и, вмѣстѣ съ мужемъ, Лаллой и miss Dill, уѣхала въ Пельи, на морскія купанья.

Пельи было тогда однимъ изъ самыхъ модныхъ морскихъ курортовъ. Туда собиралось все высшее общество свѣта и полусвѣта, и среди представителей итальянской знати былъ, между прочимъ, дядя Джорджіо, графъ Луиджи-да-Кастильоне. Послѣ смерти жены, онъ бросилъ службу въ дипломатическомъ корпусѣ, находя излишнимъ утруждать себя понапрасну; теперь ему не нужно было удирать изъ дому подъ видомъ службы; смерть жены сняла съ него супружескія оковы и онъ остался свободенъ, какъ вѣтеръ. Не смотря на свои преклонныя лѣта, графъ Луиджи былъ страстнымъ поклонникомъ и любителемъ прекраснаго пола; онъ старался молодиться и разыгрывалъ изъ себя покорителя сердець, хотя его непривлекательная наружность мало способствовала этому: большаго роста, жирно-рыхлый, съ обвисшимъ, изрытымъ оспой лицомъ и рѣдкими крашенными волосами на лысой головѣ, онъ вызывалъ у женщинъ только жалость и смѣхъ. Дѣйствительно, его молодящаяся фигура была чрезвычайно комична: длинные, пестрые отъ краски волосы были зачесаны съ затылка на лобъ и точно склеены между собою, чтобы скрыть предательскую лысину; беззубый ротъ беспомощно памкалъ при видѣ каждаго хорошенькаго личика, а громадный сизо-красный носъ напоминалъ собой распухшую въ водѣ губку. Однимъ словомъ, въ общемъ старый графъ былъ далеко не привлекателенъ, но зато страшно богатъ, и съ помощью своихъ денегъ добивался успѣха у женщинъ. Онъ умѣлъ ухаживать съ такимъ упорствомъ и терпѣніемъ, что изъ десяти женщинъ восемь падали въ его объятія. Впрочемъ, всѣ эти побѣды покупались за деньги, хотя старый селадонъ воображалъ себя донъ-Жуаномъ. Онъ проводилъ цѣлые дни и ночи въ увеселительныхъ домахъ, среди дѣвиць легкаго поведенія, и, какъ мотылекъ, порхалъ между ними. Опереточныя пѣвицы, балерины и начинающія свою карьеру кокетки—всѣ поголовно

звали его «дядей» и пользовались его милостями. Слостолюбивый старичокъ чуть не ежедневно мѣнялъ своихъ фаворитокъ, но никогда не бросалъ ихъ окончательно; удовлетворивъ свой чувственный капризъ, онъ, какъ пріятель, продолжалъ навѣщать свои прежнія пассіи, подносилъ имъ цвѣты и конфекты, расспрашивалъ о дѣлахъ и давалъ благоразумные совѣты о выборѣ «покровителей». Графъ Луиджи часто даже самъ справлялся о состояніи того или другаго лица и серьезно обсуждалъ съ какой нибудь дѣвицей: выгодно ей или невыгодно идти къ нему на содержаніе? Въ случаѣ ссоры, онъ часто являлся посредникомъ между любовниками, умѣлъ ихъ помирить, а иногда и поссорить, ѣздилъ съ ними заказывать и примѣрять платья, нанималъ горничныхъ и вообще жилъ ихъ жизнью.

Когда старая графиня покинула грѣшную землю, ея мужъ графъ Луиджи, съ облегченіемъ вздохнулъ: съ этого дня кончились его странствованія изъ Парижа въ Вѣну и изъ Вѣны въ Берлинъ; онъ понялъ, что можно вездѣ одинаково веселиться и рѣшилъ не уѣзжать изъ Италіи. Но злая судьба сыграла съ нимъ скверную шутку: въ самый разгаръ веселой холостой жизни къ нему въ домъ, точно на зло, свалилась съ неба девятнадцатилѣтняя племянница покойной жены и своимъ пріѣздомъ, конечно, снова связала его по рукамъ и ногамъ. Онъ былъ опекуномъ синьорины Джуліи ди-Рокка-Віанарда и не могъ отказать ей въ своемъ покровительствѣ, когда она осиротѣла. Молодая дѣвушка была очень хороша собою, бѣла и румяна, какъ наливное яблочко, съ чудными въоцмисия черными волосами, какъ у цыганки, и громадными страстными глазами. Она принадлежала къ одной изъ самыхъ старинныхъ и знатныхъ фамилій Италіи, но, къ несчастію, у нея не было ни гроша за душой, и графъ Луиджи, тщетно стараясь найти ей жениха, переѣзжалъ съ этой цѣлью изъ одного морскаго курорта въ другой, начиная отъ Санта-Марія до Віареджіо. Молодые люди наводили справки о состояніи хорошенькой Джуліи и тотчасъ же переставали за ней ухаживать, когда узнавали, что она небогата. Бѣдный опекунъ, графъ Луиджи, не зналъ, что и дѣлать; съ отчаянія онъ сталъ даже рѣже краситься и, по временамъ, совершенно искренно оплакивалъ свою покойную супругу: при ея жизни онъ пользовался го-

раздо ббольшей свободой, нежели теперь, и могъ безконтрольно кутить за границей.

— Да, не въ-время она умерла, — могла бы теперь при-смотреть за племянницей!.. Нѣтъ, точно нарочно она сдѣлала мнѣ напоследокъ такую неприятность, такую неприятность... — чуть не ежедневно твердилъ себѣ старый графъ (у него была привычка по нѣскольку разъ повторять одно и то же слово).

Не зная, какъ избавиться отъ Джуліи, онъ рѣшилъ женить на ней своего племянника Джорджіо делла-Валле и, чтобы устроить это дѣло, вызвалъ Джорджіо письмомъ въ Пельи. «Пусть они познакомятся, а тамъ дѣло само пойдетъ на ладъ» — говорилъ онъ себѣ и, чтобы не испугать племянника, даже не упомянулъ въ письмѣ о существованіи графини Джуліи. Чтобы имѣть хоть относительную свободу, старый селадонъ обыкновенно старался пристроить свою племянницу въ семью какихъ нибудь знакомыхъ и, прибывая въ новое мѣсто, тотчасъ же принимался внимательно изучать списки вновь пріѣзжающихъ. Если среди нихъ встрѣчалась, на его счастье, какая нибудь болѣе или менѣе подходящая дама, онъ моментально сплавлялъ къ ней Джулію. Бывали случаи, когда графъ Луиджи даже почти не былъ знакомъ раньше съ такой дамой, но всегда умѣлъ очень скоро сблизиться съ ней, найти общихъ знакомыхъ и часто даже вывести довольно проблематическую степень родства. Но въ Пельи ему не повезло: туда съѣхалось много его знакомыхъ дамъ, но всѣ онѣ сами хотѣли веселиться, кокетничать, танцовать, а не сопровождать молоденькихъ дѣвушекъ. Графъ Луиджи начиналъ уже отчаиваться и терять всякую надежду на свободу, когда въ одно прекрасное утро, къ своему величайшему удивленію и радости, прочиталъ въ спискѣ путешественниковъ, вновь прибывшихъ въ его гостиницу, фамилію герцога д'Эледа *съ семействомъ*.

Не помня себя отъ радости, графъ, какъ сумашедшій, бросился наверхъ по лѣстницѣ и точно вихрь ворвался въ комнату Джуліи. Отъ быстрого движенія всѣ его склеенные и напомаженные волосы разомъ поднялись, и въ родѣ раскрытой раковины устрицы, стояли надъ его совершенно лысой головой, что имѣло очень странный и смѣшной видъ.

— Пріѣхала герцогиня д'Эледа, пріѣхала! — бормоталъ онъ, потирая руки.

— Герцогиня д'Эледа? Я не знаю ея,—спокойно замѣтила Джулія, но, взглянувъ на возбужденное лицо своего опекуна, невольно улыбнулась.

— Какъ? ты не знаешь? Ты должна ее знать; это дочь брата опекуна моего племянника, дочь... Значить, мы, можно сказать, на половину родня съ ней. Пойдемъ поскорѣ сейчасъ же привѣтствовать герцогиню, поздравимъ ее съ пріѣздомъ; она была очень дружна съ твоей бѣдной покойной теткой, а я— въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ. Увидишь, какъ мы славно заживемъ всѣ вмѣстѣ, заживемъ...

— На дняхъ пріѣзжаетъ Джорджіо...

— Тѣмъ лучше, веселѣе будетъ.

Герцогиня Марія съ Лаллой и мужемъ собирались сойти внизъ въ столовую къ обѣду, когда ей доложили о приходѣ графа да-Кастильоне съ Джуліей; она, конечно, тотчасъ же велѣла просить и встрѣтила гостей очень любезно. Молоденькія дѣвушки быстро оглядѣли другъ друга съ ногъ до головы, мысленно оцѣнивая одна другую: Лалла нашла, что Джулія слишкомъ толста, а Джулія рѣшила, что Лалла невозможно худа, и обѣ остались очень довольны собой. Обмѣнявшись нѣсколькими церемонно-вѣжливыми фразами, онѣ вышли на балконъ любоваться моремъ и тамъ ждали звонка къ *table d'hot*; за обѣдомъ разговоръ былъ общій, перебирали знакомыхъ, говорили о Флоренціи, Римѣ, Боргиньяно... Марія почти не принимала участія въ разговорѣ; она казалась не то разсѣянной, не то взволнованной, и вяло отвѣчала на разспросы графа Луиджи; болѣе внимательный собесѣдникъ, конечно, обратилъ бы вниманіе на ея слегка поблѣднѣвшее лицо и дрожащій отъ волненія голосъ, но старый селадонъ мысленно перенесся уже къ проектируемымъ имъ кутежамъ и не замѣчалъ ничего окружающаго. Бѣдная Марія предчувствовала неминуемые разспросы о Джорджіо делла-Валле и боялась какънибудь выдать себя. Молодая женщина не ошиблась.

— Не имѣете ли вы извѣстія о моемъ племянникѣ, герцогиня?—спросилъ ее графъ Луиджи, послѣ маленькой паузы.

Анатолій никакъ не ожидалъ этого вопроса и сразу нахмурился, а Марія безсвязно пробормотала: — нѣтъ, не имѣю...

— Мы съ женою поспорились съ делла-Валле и должны

свести съ нимъ старыя счеты, прежде чѣмъ помириться, — быстро прервалъ ее герцогъ д'Эледа.

— Онъ — добрый-малый, но политика портитъ его, — замѣтилъ графъ Луиджи: — его слѣдуетъ женить. Я уже нѣсколько разъ замѣчалъ, что кто уменъ и разсудителенъ холостымъ, тотъ глупѣетъ при женитьбѣ и наоборотъ: кто глупъ, — тотъ умнѣетъ и становится разсудительнымъ, становится... Я на дняхъ жду Джорджию сюда...

Услышавъ это, Марія поблѣднѣла, какъ полотно, а Анатолий дѣланно улыбнулся, — ему также было не особенно приятно встрѣчаться съ дельла-Валле. На мгновеніе всѣ приумолкли, потомъ снова возобновился оживленный разговоръ, и обѣдъ окончился также весело, какъ и начался. Молодые дѣвушки очень скоро сошлись и за десертомъ уже смѣялись и болтали между собой, какъ давнишнія подруги.

— Какъ я радъ, что мы встрѣтились съ вами, герцогиня! — воскликнулъ графъ Луиджи. — Моя бѣдняжка Джулія ужасно скучала въ Пельи; вѣдь она была здѣсь совершенно одна... Теперь я осмѣливаюсь разсчитывать на вашу ангельскую доброту и надѣюсь, что вы поможете мнѣ воспитывать сиротку; я такъ неопытенъ въ этомъ дѣлѣ! Не позволите ли вы мнѣ отдать Джулію подъ начальство miss Dill?

Желтое лицо англичанки перекосилось отъ недовольной гримасы: — ей было трудно справиться и съ одной воспитанницей, гдѣ же тутъ возиться еще съ двумя! Но герцогиня любезно согласилась на все и, для начала, да-Кастильоне въ тотъ же вечеръ оставилъ Джулію на попеченіе семьи д'Эледа, а самъ укатилъ въ Геную.

Можно смѣло сказать, что въ Пельи общество скучало отъ избытка развлеченій: днемъ устраивались гулянья на виллу Паллавичини, или катанья по морю, а вечеромъ бывали спектакли, концерты и балы. Герцогиня Марія, — какъ всегда и вездѣ, — тотчасъ же заняла первое мѣсто среди съѣхавшихся красавицъ, но это не радовало ея; она скучала и оплакивала свою прежнюю спокойную и тихую жизнь въ Санто-Фьоре. Молодая женщина нашла, что свѣтское общество нисколько не измѣнилось за все проведенное ею въ деревнѣ время: — вокругъ нея была все та же пустота, развратъ и пороки. Передъ нею, какъ и прежде, всѣ заискивали и, чтобы добиться

ея взаимности, даже самые умные и всѣми уважаемые люди шли на разные компромиссы и старались войти въ дружбу съ герцогомъ Анатолиемъ; но ни одинъ изъ нихъ не далъ ей доказательствъ настоящаго, чистаго и безкорыстнаго расположенія! Да, ни одинъ, кромѣ *него*... Зато она и любила *его* съ такою силой и страстью, и такъ невыносимо страдала отъ этой любви. Марія и Джорджіо встрѣтились въ Пельи, какъ совершенно посторонніе люди. Они оба были слишкомъ тактичны и хорошо воспитаны, чтобы вспоминать прошлое и разбирать неприятныя и невыясненныя недоразумѣнія. — А, здравствуйте, графъ, пріѣхали купаться въ Пельи? Надолго? — спросила Марія своего возлюбленнаго при первой встрѣчѣ съ нимъ. — Нѣтъ, я только проѣздомъ здѣсь, герцогиня... — спокойно отвѣтилъ ей Джорджіо, и, глядя на нихъ, можно было подумать, что они видѣлись чуть ли не наканунѣ, хотя на самомъ дѣлѣ, со дня послѣдняго пріѣзда делла-Валле въ Санто-Фьоре, прошло немало лѣтъ. Марія заставила себя говорить ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, но разомъ измѣнившееся лицо выдавало ея волненіе графу Джорджіо. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на вспыхнувшія щеки молодой женщины, на ея разгорѣвшіеся глаза, и нашель что она очень похорошѣла и стала по прежнему любезна и мила; а бѣдная Марія почувствовала, что любить Джорджіо еще больше прежняго и уже не въ силахъ будетъ его разлюбить.

Старый дипломатъ, графъ да-Кастильоне тотчасъ же по пріѣздѣ племянника сталъ заводить съ нимъ рѣчь о женитьбѣ, надѣясь сплавить ему Джулію. Онъ при первой же встрѣчѣ началъ совѣтовать Джорджіо «бросить *твую* партію и предложить свою *правую* руку какой нибудь хорошенькой барышнѣ, которая сдѣлала бы его счастливымъ мужемъ и отцомъ». При этомъ онъ замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ понапрасну терять золотаго времени, что тридцатипятилѣтній возрастъ уже очень солидежь и пора подумать о женитьбѣ и продолженіи своего славнаго рода, тѣмъ болѣе что женитьба буквально необходима для здоровья.

На все это делла-Валле отвѣтилъ вполне откровенно, что онъ уже много думалъ о женитьбѣ, но рѣшилъ жениться не иначе, какъ по любви, а, пока не полюбитъ, ни за что не женится.

— Ты вѣрно рассчитываешь выдать за меня свою Джу-лию?—замѣтилъ онъ съ улыбкой.—Послушайся моего благаго совѣта и женись на ней самъ!

— Я? Я?.. Какъ такъ?... — забормоталъ озадаченный се-ладонь.

— Да такъ, очень просто; по крайней мѣрѣ, тогда ты избавишься отъ нея.

— Да... Видишь, мнѣ это еще не приходило въ голову... Что жъ, въ крайнемъ случаѣ, пожалуй, женюсь!..

Въ Пельи веселились всѣ, исключая молоденькихъ дѣвушекъ,—кавалеры игнорировали ихъ и они смертельно скучали. Всѣ блестящіе и мало-мальски интересные молодые люди ухаживали исключительно за дамами, а на долю барышень оставалось только нѣсколько старыхъ, больныхъ подагрою, сенаторовъ или генераловъ, да совершенно юные *пижоны*, усердно обдирающіе бритвой свою нѣжно-розовую кожу на лицѣ, чтобы заставить скорѣе расти усы и бороду. Впрочемъ, изрѣдка съ ними танцовали также старые капитаны въ золотыхъ очкахъ и неуклюже-широкихъ мундирахъ, а настоящіе танцоры обмѣнивались двумя-тремя вѣжливыми фразами и тотчасъ же уходили къ группѣ дамъ. Барышни тщетно старались заманить къ себѣ кавалеровъ всякими хитростями и уловками: онѣ пускали въ ходъ скромность, наивность, англійскій языкъ, игру на роялѣ,—ничто не помогало: блестящая молодежь точно не замѣчала ихъ присутствія и оставляла ихъ сидѣть однѣхъ цѣлыми вечерами около чайнаго стола.

На видъ Лалла страдала гораздо меньше своихъ подругъ отъ этого невниманія къ ней молодежи, но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ. Она только изъ самолюбія представлялась вполнѣ равнодушной, а въ душѣ страшно сердилась и завидовала всѣмъ дамамъ, а больше всѣхъ—своей красавицѣ-матери. Ея прежнія мечты о выѣздахъ и блестящихъ успѣхахъ въ свѣтѣ теперь разсѣялись, какъ дымъ. Она поняла, что для того, чтобы имѣть поклонниковъ, надо во что бы то ни стало выйти замужъ. Замужней женщинѣ всѣ пути открыты, и мужъ, какъ привратникъ, распахиваетъ передъ ней двери въ настоящую веселую свѣтскую жизнь.

Слѣдовало выйти замужъ!.. Лалла была богата, знатна, очень недурна собою,—чего же еще больше?.. «Женихи, ко-

нечно, найдутся,—утѣшала себя молодая дѣвушка, — придется только выбирать...—И Лалла внимательно присматривалась къ окружающей ее молодежи. Зоркіе и красивые глаза молодой дѣвушки прекрасно видѣли и понимали все, что происходитъ вокругъ нея, хотя обыкновенно она скромно опускала ихъ, разговаривая съ молодыми людьми; кокетка знала, что это ей очень идетъ; ей не разъ говорили, что съ опущенными рѣсницами она очень напоминаетъ поэтичныхъ мадоннъ Мурильо.

Такъ обстояли дѣла, когда однажды вечеромъ въ Пельи состоялся большой балъ съ благотворительной цѣлью и, по обыкновенію, скучающія и всѣми оставленныя барышни собрались всѣ вмѣстѣ въ кружокъ, чтобы обсудить, что дѣлать и какъ помочь общему горю.

— Пора предпринять что нибудь и отомстить этимъ противнымъ мужчинамъ,—съ жаромъ замѣтила Джулія.

— Да, да, но что же сдѣлать?

— Отомстить бы слѣдовало, но какъ?

— Очень просто,—женить ихъ на себѣ.

Всѣ дѣвушки заплодировали на это и съ веселымъ смѣхомъ выбѣжали за Джулію изъ залы на террасу.

— Давайте женимъ ихъ на себѣ, но какъ бы это сдѣлать?

— Прежде всего, каждая изъ насъ должна выбрать себѣ счастливаго смертнаго, которому она согласилась бы вручить свое сердце въ полное распоряженіе, а потомъ ужъ надо будетъ приступить къ атакѣ и дѣйствовать быстро и рѣшительно, такъ чтобы непріятель съ перваго же удара упалъ замертво влюбленнымъ... Поняли?

— Да, да, да! — закричали дѣвушки хоромъ со всѣхъ сторонъ.

— Слушайте меня и идите за мной!—продолжала командовать Джулія; она медленно и торжественно подошла къ одному изъ оконъ бальной залы, стала въ ораторскую позу и, указывая на пары танцующихъ, гнусавымъ голосомъ начала свою рѣчь, удачно передразнивая графа да-Кастильоне:

— Милостивыя государыни! Взгляните на этого звѣря бѣлаго внутри и чернаго снаружи, скорѣе противнаго нежели привлекательнаго, противнаго!.. Этотъ звѣрь называется мужчиной!.. Итакъ, мужчины всѣ поголовно глупы, потому что не

хотять обращать на насъ вниманія... Передь Богомъ всѣ мужчины равны, но мы, женщины, относимся къ нимъ не одинаково: одѣмъ изъ насъ нравятся блондины, другимъ брюнеты, третьимъ шатѣны съ волосами цвѣта *marrons*...

— *Glacés!*

— Молчи, Лалла!

— Не прерывай ея!

— Итакъ, названные мною звѣри всегда бываютъ двуногими,—продолжала Джулія,—впрочемъ, иногда отъ болѣзни у нихъ отнимаются ноги... Эти звѣри умѣютъ говорить, но, къ несчастью, имъ очень трудно выговорить короткое и рѣшительное *да* свадебнаго обряда....

Со всѣхъ сторонъ раздалися бурные аплодисменты, но Джулія снова водворила тишину и продолжала свою рѣчь:

— Каждая изъ насъ должна выбрать себѣ такого звѣря въ законные супруги. Это, конечно, большое несчастье, но бываютъ несчастья еще больше, когда, напимѣрь, избранный нами звѣрь-мужчина почему либо отказывается жениться...

— Что же тогда дѣлать?—прервала оратора маленькая блондинка съ пикантно-вздернутымъ носикомъ; затѣянная Джуліей игра, видимо, сильно заинтересовала ее.

— Тогда остается одно: или идти въ монастырь, или покончить съ собою, а еще лучше—выбрать себѣ другаго звѣря и начинать все дѣло сначала.

— Bravo, Джулія!

— Bravo!!

— Давайте выбирать, давайте выбирать.

— Прекрасно; но вопросъ: кому изъ насъ приступить первой къ выбору?

— По моему, надо предоставить это право самой старшей изъ насъ и продолжать такъ по старшинству,—предложила дочь полковника мѣстнаго пѣхотнаго полка.

— Хорошо!

— Въ такомъ случаѣ первая будетъ выбирать Джулія.

— Отчего это? Развѣ я старше васъ всѣхъ?.. вы, кажется, ошибаетесь...

— Тебѣ сколько лѣтъ, Иза?

— Восемнадцать.

— А тебѣ?

- Семнадцать.
- Восемнадцать.
- Девятнадцать.
- А тебѣ, Лалла?

— Мнѣ?.. Мнѣ только шестнадцать, но, не смотря на это, я впередъ предупреждаю васъ, что если вы выберете того, кто мнѣ понравится, я все равно отобью его и никому не уступлю.

— Ого! Откуда прыть взялась у малютки?

— Приступайте, приступайте къ дѣлу, къ чему попусту разговаривать. Джулія, начинай!

— Хорошо, я принимаю ваше предложеніе, хотя не считаю себя самой старшей.

— Да не разглагольствуй!—воскликнула Лалла;—значить у Джуліи будетъ номеръ первый, у Изы второй, у Клары третій и у Адели четвертый.

— А у меня? А у насъ?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Потерпите немножко, вѣдь я же терплю, — отвѣтила Лалла, — справедливость требуетъ отдать преимущества тѣмъ, которыя старше и дольше терпѣли.

Въ это время, изъ залы стали доноситься первые звуки мелодичнаго вальса Ровера; дѣвушки еще тѣснѣе столпились у окна и стали внимательно смотрѣть на бальную залу. Тамъ, за стекломъ, передъ ними то и дѣло мелькали танцующія пары, развѣвались нарядныя платья, пестрѣли цвѣты и ленты, сверкали брилліанты, а шарканье ногъ и шуршанье длинныхъ шелковыхъ шлейфовъ почти заглушали игру маленькаго оркестра.

— Номеръ первый, вниманіе!—крикнула Лалла Джуліи.

Къ окну приближалась первая пара танцующихъ: пожилая и неимовѣрно-толстая и красная дама въ объятіяхъ маленькаго, худенькаго и розоваго, какъ барышня, кавалерійскаго поручика. Онъ казался карликомъ передъ своей гигантской дамой.

— Кто беретъ себѣ поручика Пипполи?.. Номеръ первый отвѣчай?

— Отказываюсь.

— Номеръ второй?

— Отказываюсь.

— Номеръ третій?

— *Idem...*

— Номеръ четвертый?

— Какъ и предыдущіе.

— Въ такомъ случаѣ, если можно, я возьму его себѣ,— скромно замѣтила маленькая блондинка съ пикантнымъ носи-комъ.

— Милостивыя государыни, уступаете ли вы поручика Пипполи этой особѣ?—обратилась Лалла ко всѣмъ остальнымъ дѣвушкамъ.

— Уступаемъ, уступаемъ,—отвѣтили онѣ хоромъ.

— А теперь вниманіе; вотъ и вторая пара!

Къ окну приближалась худенькая брюнетка съ высокими, красивымъ и стройнымъ блондиномъ. Его вьющіеся волосы были прекрасно причесаны, фракъ сидѣлъ безукоризненно, а въ петличкѣ красовалась пышная горденія. Онъ танцоваль торжественно и важно, точно рѣшалъ какое нибудь государственное дѣло, держался прямо, дышалъ въ тактъ съ музыкой и такъ былъ занятъ собой, что почти не обращалъ вниманія на свою даму.

— Вниманіе, Джулія!—шепнула Лалла,—это превосходный экземпляръ звѣриной породы.

— Ахъ, какой красавецъ, вотъ красавецъ! какъ хорошъ!— заахали молоденькія дѣвушки съ притворнымъ восторгомъ.

— Номеръ первый, бери же себѣ этого красавца.

— Благодарю покорно; я не заслуживаю такого совершенства и охотно уступаю его второму номеру.

— Къ несчастью, придется отказаться — мой выборъ уже сдѣланъ.

— Я также заранѣе намѣтила себѣ другаго, — сказала Джулія.

— Отдадимъ красавца третьему номеру,—замѣтила Лалла.

— Не могу принять его; мое сердце принадлежитъ другому; не удастся выйти за него, такъ пойду въ монастырь.

— Это невозможно, господа; наши правила не допускаютъ секретнаго выбора.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что за насиліе?—раздалось со всѣхъ сторонъ,—можно выбирать кого угодно. Итакъ, мы всѣ уже нашли себѣ жениховъ. Только одна Лалла еще вполне свободна.

— Успѣю еще выйти замужъ; я не тороплюсь и выберу себѣ того, кто понравится большинству изъ васъ.

— Прекрасно, браво, брависсимо! Вотъ будетъ потѣха!— развеселившіяся дѣвушки громко смѣялись, кричали и аплодировали; ихъ шумное веселье начинало привлекать вниманіе танцующихъ.

Нѣкоторые молодые люди стали все чаще и чаще поглядывать на красивую группу этихъ разгорѣвшихся молодыхъ лицъ; даже молчаливый и задумчивый графъ делла-Валле на мгновеніе приподнял голову и взглянулъ на террасу, но по-прежнему остался стоять въ одномъ изъ угловъ залы. Зато стоящій рядомъ съ нимъ маленькій, круглый, какъ шаръ, адвокатикъ бурно сорвался съ мѣста, засѣменилъ своими коротенькими ножками и выбѣжалъ на террасу, побрякивая развѣшенными на груди медалями.

— Ага, вотъ гдѣ скрываются наши лучшія украшенія бала,—любезно началъ онъ,—вы здѣсь смѣтаетесь, а мы тамъ...

— Умираемъ,—съ апломбомъ вставила одна изъ барышень и тотчасъ же спряталась за подругами, чтобы адвокатъ не могъ ее рассмотреть. Раздались взрывы сдержаннаго смѣха.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, чѣмъ вызвано ваше дезертирство изъ бальной залы?—продолжалъ кругленькій человѣчекъ.—Мы всѣ оплакиваемъ тамъ исчезновеніе такихъ очаровательныхъ цвѣтковъ, какъ вы...

— О, милый, вотъ прелесть!—замѣтила Лалла вполголоса, такъ чтобы ее слышали только подруги, и стала быстро вертѣться вокругъ адвоката; остальные молодые дѣвушки присоединились къ ней; раздались взрывы смѣха и веселые возгласы:—Номеръ первый, отдаемъ его тебѣ!—Не принимаю.—Номеръ второй!—Отказываюсь!—Номеръ третій?—Не желаю.—Номеръ четвертый?—Уступаю другимъ!—Смѣющіяся дѣвушки разсѣпались во всѣ стороны и оставили кругленькаго адвоката одного на террасѣ. Онъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся, что-то пробормоталъ и, переваливаясь, покотился снова въ бальную залу. Тогда веселая компанія опять собралась у окна.

— Итакъ, милостивыя государыни, каждая изъ насъ уже выбрала себѣ мужа,—снова начала Джулія,—теперь слѣдуетъ всѣмъ по очереди громогласно объявить имена счастливыхъ избранниковъ, чтобы избѣжать впоследствии какихъ нибудь

недоразумѣній и непріятностей и прійти къ полюбовному соглашенію, если, не дай Богъ, выборъ нѣсколькихъ изъ насъ встрѣтится на одномъ и томъ же субъектѣ...

Но это предположеніе было встрѣчено всей компаніей очень холодно и большинство не одобрило его. Джулія стала настаивать, но это ей не удалось; при первыхъ же ея словахъ, всѣ единогласно запротестовали. Лалла предложила выбрать одну общую повѣренную и поочередно открывать ей свою тайну съ глазу на глазъ; тогда ужъ будетъ ея дѣло устранить всякія недоразумѣнія и привести всѣхъ къ миролюбивому соглашенію. Всѣ согласились на это предложеніе.

— Хорошо, — сказала Джулія, — но кому же мы довѣримъ наши тайны?

— Лаллѣ; она очень добра, моложе всѣхъ насъ и сама еще никого не выбрала себѣ въ мужья.

Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали; молоденькія дѣвушки поочередно стали подходить къ маленькой герцогинѣ и на ухо шептали ей имя избранника своего сердца; при этомъ онѣ часто прикрывали свой ротъ рукой, чтобы другія не услышали какънибудь ихъ тайны. Только маленькая блондинка съ пикантнымъ носикомъ снова объявила во всеуслышанье, что остается вѣрна своему поручику Пипполи. Лалла равнодушно выслушала первое признаніе, на второмъ улыбнулась, на третьемъ удивленно пожала плечами, а на четвертомъ глубоко задумалась и такъ до конца все что-то соображала.

Подруги съ недоумѣніемъ смотрѣли на ея серьезное сосредоточенное лицо.

— Что съ тобой? — спросила Джулія.

— Говори?

— Чтò случилось?

— Да отвѣчай же поскорѣе!

— Не торопите меня... Вы не услышите ничего пріятнаго...

— Все равно, говори въ чемъ дѣло?

Лалла медленно и торжественно произнесла одно имя. Всѣ поняли ее, на мгновеніе замолкли и разразились дружнымъ хохотомъ.

Къ великому удивленію Лаллы, всѣ ея подруги, точно сговорившись, выбрали себѣ одного и того же мужа, — графа Джорджіо дела-Валле.

— Вот такъ случай! — воскликнула Джулія, — по моему нашу участь должна теперь рѣшить сама судьба; напишемте наши имена на билетикахъ и сложимте ихъ въ урну, какъ въ *Ballo il Maschero*; кого первую вынуть, та и будетъ графиней делла-Валле.

— Нѣтъ, — совершенно серьезно запротестовала Лалла, — лучше всего пожертвуйте вашимъ избранникомъ въ мою пользу, отдайте его мнѣ!

— Тебѣ? Ни за что!

— Съ какой стати? Ни за что!

— Послушайте, я его не выбирала и не была вашей соперницей; вы смѣло можете отдать мнѣ его, — это будетъ гораздо лучше, нежели довѣрять свою участь слѣпой судьбѣ.

— Лалла, да что ты? Опомнись! Что ты ему за жена? — у тебя еще молоко на губахъ не обсохло.

— Не бѣда, молодость не порокъ, этому горю легко поможетъ время.

— Не особенно поможетъ! Ты такъ мала ростомъ, что делла-Валле придется подтягивать тебя къ верху на блокѣ, когда ему вздумается тебя поцѣловать, — насмѣшливо замѣтила Джулія, горделиво выпрямляя свой пышный и высокій станъ. Вслѣдъ за этой насмѣшкой, на Лаллу посыпались язвительныя шуточки. Она съ улыбкой выслушивала ихъ и, повидимому, нисколько не сердилась, но происшествіе этого вечера произвело на нее неизгладимое впечатлѣніе и она серьезно призадумалась о будущемъ.

Съ этого дня молоденькая герцогиня стала внимательно присматриваться къ делла-Валле, чтобы понять, чѣмъ онъ могъ покорить сердца всѣхъ ея подругъ; она нашла его очень симпатичнымъ, элегантнымъ, даже красивымъ; къ тому же онъ былъ очень богатъ...

— Его всѣ уважаютъ, имъ всѣ восторгаются, а, по знатности, родъ делла-Валле ничуть не ниже д'Эледа. Отчего бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ не попробовать женить его на себѣ, — думала самолюбивая дѣвушка. — Вотъ разозлилась бы тогда Джулія!

Выполнить дѣло, задуманное Лаллой, было далеко не легко, но именно эта трудность и подстрекала молоденькую герцогиню; она собралась съ силами и начала свою атаку на Джорджию.

Придя къ такому рѣшенію, Лалла разомъ почувствовала полнѣйшее отвращеніе къ своей первой любви. Оставшійся въ Санто-Фьоре Сандрино казался ей теперь неуклюжимъ и неотесаннымъ, рядомъ съ настоящими свѣтскими молодыми людьми. Испорченная дѣвушка забыла уже, что она сама, чуть не насильно, вскружила ему голову и въ душѣ упрекала его за то, въ чемъ сама была кругомъ виновата. Она стыдилась своихъ прежнихъ отношеній къ этому *плебею* и сознавала, что въ глазахъ *общества* его любовныя признанія, ласки и поцѣлуи клеймили и позорили ее. Теперь она ненавидѣла этого жалкаго бѣдняка за то, что онъ не во-время подвернулся ей на пути и своей смазливой внѣшностью заставилъ ее сдѣлать нѣсколько непоправимыхъ ошибокъ.

Передъ отъѣздомъ, молоденькая герцогиня взяла съ Сандрино обѣщаніе писать ей непременно разъ въ недѣлю и адресовать письма на имя Нены. Нена умѣла читать только по печатному, а потому просила всегда свою госпожу читать ей письма. Такимъ образомъ, Лалла могла имѣть извѣстія о молодомъ человѣкѣ и между строчками его писемъ читать то, что относилось къ ея личнымъ любовнымъ дѣламъ. Хитрая дѣвушка придумала все это сама передъ отъѣздомъ и рѣшила даже, что будетъ отвѣчать на письма своего возлюбленнаго, но заставить Нену подписываться подъ своими письмами. Дѣйствительно, въ началѣ своего пребыванія въ Пельи она разъ отвѣтила Фрасколини и, конечно, приказала Ненѣ подписаться.

— Имя-то сумѣешь написать? вѣдь это не такъ трудно, — сказала она горничной.

Нена охотно исполнила волю своей госпожи. Она не подозрѣвала ничего дурнаго въ этой перепискѣ и, въ простотѣ сердечной, вообразила себѣ, что молодой поэтъ и гений Санто-Фьоре заинтересованъ ею; дѣвушка гордилась этимъ открытіемъ, Сандрино всегда ей очень нравился и она втайнѣ давно мечтала о его любви.

Послѣднее письмо Фрасколини было послано имъ изъ Венеціи. Сандрино поступилъ помощникомъ къ своему двоюродному брату, но писалъ, что очень недоволенъ своимъ новымъ положеніемъ и вообще чувствуетъ себя не созданнымъ для торговыхъ дѣлъ. «Все мое существо еще слишкомъ полно воспоминаніями и поэзіей всего пережитаго, — писалъ юноша-

мечтатель;—я не могу сидѣть цѣлыми днями взаперти, въ маленькой лавчонкѣ, безъ воздуха и свѣта! Да, жизнь далеко не такъ прекрасна, какъ я представлялъ ее себѣ, разгуливая по зеленымъ лугамъ и лѣсамъ Санто-Фьоре. Сколько мелочныхъ неприятностей, неудачъ и преградъ посылаетъ намъ судьба,—я прежде и не воображалъ себѣ ничего подобнаго! Я не стану дальше тянуть эту несносную скучную ляжку; я созданъ для искусства; я поэтъ въ душѣ, а не купецъ; мнѣ не подъ силу вся эта ариеметика и торговые расчеты... Да, я буду бороться не на жизнь, а на смерть, и добьюсь своего, составлю себѣ имя и состояніе! Лучше умереть съ голоду, но на свободѣ, подъ яркими солнечными лучами, мечтая о любимой дѣвушкѣ, нежели продолжать влачить здѣсь взаперти свое жалкое существованіе»...

Лалла громко читала это письмо, а бѣдная наивная Нена плакала отъ этихъ трогательныхъ строкъ. Зато молоденькая герцогиня осталась вполнѣ спокойной и равнодушной, и въ этотъ же вечеръ, отъ имени Нены, отвѣтила Сандрино слѣдующее: «Вы должны думать и заботиться только о своемъ личномъ будущемъ,—писала Лалла;—жизнь вообще для *всѣхъ* складывается не такъ, какъ о ней мечтаютъ; поэтому не стремитесь напрасну къ недостижаемому счастью и довольствуйтесь тѣмъ, что есть; а лучше всего возвращайтесь въ Санто-Фьоре и живите со своей семьей прежней мирной жизнью.

— Ваша свѣтлость, я, право, хорошенько не понимаю, что собственно я совѣтую Сандрино,—осмѣлилась спросить Нена свою госпожу, прежде чѣмъ подписать это письмо.

— Ты совѣтуешь ему образумиться и увѣряешь его въ своемъ сердечномъ расположеніи.

— Но если синьоръ Алессандро разсердится на меня за это?

— Ахъ, какъ ты глупа! Ты ровно ничего не понимаешь, Нена! Не упрямясь, подписывай скорѣе свое имя и носи письмо на почту.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, былъ полученъ отъ Фрасколини отвѣтъ на письмо. «Я всегда ждалъ этого удара,—писалъ онъ,—но не предполагалъ, что онъ обрушится на меня такъ скоро и думалъ, что вы относитесь ко мнѣ не такъ жестоко и безсердечно. Во всякомъ случаѣ, теперь же преду-

преждаю васъ, что вы напрасно надѣетесь такъ легко отдѣлаться отъ меня. Нельзя безнаказанно сводить человѣка съ ума и, поигравъ, бросать его въ сторону, какъ никому ненужную вещь! Да, зачѣмъ вырвали вы меня изъ моей прежней тихой, безмятежной жизни? Я былъ такъ счастливъ раньше и никогда не мечталъ о славѣ и любви... Но теперь уже поздно раскаиваться въ этомъ: вы насильно втянули меня въ вашу жизнь и теперь—клянусь вамъ всѣми святыми! — я никогда уже не сойду съ вашего жизненнаго пути. Запомните это хорошенько и знайте, что я не намѣренъ отказываться отъ моихъ *правъ* и не позволю играть мною, какъ бессловесной жертвой. Я васъ любилъ, люблю и, вѣроятно, буду любить, но это не помѣшаетъ мнѣ быть жестокимъ съ вами и отомстить за все сдѣланное мнѣ зло!

Кто знаетъ, что подумала бы Нена, еслибы Лалла прочитала ей все это письмо! Но хитрая дѣвушка предварительно пробѣжала его глазами, а потомъ уже передѣлала и рассказала его содержаніе по своему. Послѣ этого письма, Лалла рѣшила разъ навсегда покончить всякія сношенія съ Алессандро и объявила своей горничной, что считаетъ излишнимъ продолжать переписку съ нимъ.—Если Фрасколини еще разъ напишетъ тебѣ, отошли ему тотчасъ же письмо обратно, не распечатывая его,—приказала она Ненѣ.—Не стѣдуетъ писать такому гадкому и безсердечному человѣку; дружба съ нимъ можетъ только повредить тебѣ; для него нѣтъ ничего святаго и онъ ни во что не вѣритъ!

Сандрино написалъ еще три письма, все въ такомъ же родѣ; но его страданія, гнѣвъ и угрозы, не подѣйствовали на Лаллу; ей было отъ нихъ, что называется, ни холодно ни жарко.

«Хорошо, что я всегда была такъ осторожна съ этимъ безумцемъ, — думала она, — и у него въ рукахъ нѣтъ ничего что могло бы меня скомпрометировать! Я, право, не понимаю, отчего онъ такъ разсвирѣпѣлъ? Вѣдь я же никогда не общалась ему сдѣлаться со временемъ *Madame* Фрасколини! Желала бы я знать: на какія такія *права* онъ намекаетъ?.. Да, я виновата только въ томъ, что была къ нему слишкомъ добра. Слѣдовало всегда обращаться съ нимъ свысока, какъ съ низкимъ:—тогда онъ не посмѣлъ бы писать мнѣ всѣ эти дерзости; этакій грубіань!»

Что же дѣлалъ въ это время графъ делла-Валле?..

Онъ съ нѣкотораго времени чувствовалъ надъ собою тяготивніе какого-то удара судьбы, — крупной неудачи или опасной болѣзни. И болѣзнь, дѣйствительно, подкралась къ нему, болѣзнь мучительная, опасная, часто даже неизлѣчимая... ее звали любовью. При первой встрѣчѣ съ Лаллой въ Пельи, онъ почти не обратилъ на нее вниманія, хотя замѣтилъ ея стройную фигурку и громадныя выразительныя глаза. Но черезъ нѣсколько дней, при новыхъ встрѣчахъ, онъ сталъ на нее смотрѣть гораздо внимательнѣе: живой, оригинальный характеръ молодой дѣвушки и ея скромная, но не застѣнчивая манера держаться заинтересовали Джорджию. Ему особенно нравились глаза молоденькой герцогини. Громадныя, чудныя, постоянно мѣняющіеся глаза!.. Въ общемъ Лаллу нельзя было назвать ни красивой, ни хорошенькой; но эти глаза дѣлали ее буквально неотразимой, по мнѣнію графа делла-Валле. Хитрая дѣвушка въ совершенствѣ управляла ими и, въ присутствіи Джорджию, почти всегда скромно опускала ихъ, чтобы онъ могъ полюбоваться ея пушистыми рѣсницами. Впрочемъ, иногда она медленно подымала свои тяжелыя вѣки и ея глаза казались еще больше, еще, лучистѣе, когда она устремляла ихъ на делла-Валле. Тогда въ ихъ прозрачно-синей глубинѣ мелькало что-то особенное, отъ чего сладко замирало сердце бѣднаго Джорджию и онъ не разъ мысленно допрашивалъ себя, почему открыто-наивныя глаза герцогини Лаллы всегда такъ странно мѣняють свое выраженіе, когда она смотритъ на него. Такимъ образомъ, делла-Валле не могъ не обратить вниманія на упорный и вызывающе-нѣжный взглядъ оригинальной дѣвушки и, въ свою очередь, сталъ постоянно смотрѣть на нее и добиваться ея взгляда.

— Какъ тебѣ нравится молоденькая герцогиня д'Эледа?— спросилъ онъ однажды вечеромъ своего дядю, графа Луиджи. За послѣднее время Джорджию, самъ того не замѣчая, что-то слишкомъ часто заводилъ разговоръ о Лаллѣ.—По моему она удивительно мила и симпатична, не правда ли?

— Да, да, я также нахожу, что на нее пріятно смотрѣть; она очень мила, хоть я лично предпочитаю герцогиню Марію, — отвѣтилъ старый селадонъ съ видомъ знатока. — Видишь ли, въ Лаллѣ мало тѣла; она жидка... да милый мой,

жидка... хотя такого рода маленькія и худенькія созданія часто доставляютъ еще больше наслажденія, нежели пышныя красавицы. Онѣ всѣ сотканы изъ нервъ, въ нихъ масса электричества... Но это мало цѣнится въ моемъ возрастѣ! Да, у Лаллы много породы, ея руками можно залюбоваться. Жаль, что до сихъ поръ мнѣ еще не удалось хорошенько разглядѣть ея ногу; вѣдь ноги обыкновенно не соотвѣтствуютъ рукамъ, а это очень жаль... не соотвѣтствуютъ! Впрочемъ, на этотъ разъ возможно исключеніе; вѣдь руки у нея пухленькія, особенно выше локтя, къ плечу, хотя врядъ ли ноги хороши; вѣрно худы, какъ палки: она такъ мала ростомъ!

Ноги Лаллы д'Эледа давно уже сильно интересовали графа Луиджи. Онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ ихъ разглядѣть, — также ли онѣ круглы и хороши, какъ ея руки. Съ этой цѣлью старый селадонъ всегда становился около винтовой лѣстницы гостинницы, когда Лалла всходила по ней на бельведеръ; но молодая дѣвушка скорѣ замѣтила его маневры и такъ ловко подбирала платье, такъ плотно прижимала къ себѣ, что графу не удавалось ничего рассмотреть. Впрочемъ, кокеткѣ нравилось разжигать любопытство сластолюбиваго старичка, и она часто нарочно объявляла въ его присутствіи кому нибудь изъ своихъ подругъ, что на слѣдующій день собирается взять первый урокъ плаванія. Тогда графъ Луиджи буквально цѣлый день просиживалъ у моря, тщетно поджидая коварную дѣвушку. Лалла не признавала купанья въ морѣ; она считала это грѣховнымъ занятіемъ и къ тому же боялась соленой воды.

Циничный отвѣтъ дяди не на шутку разсердилъ Джорджіо делла-Валле; онъ вспыхнулъ и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Детальный разборъ тѣла Лаллы д'Эледа оскорбилъ въ немъ зарождающееся чувство къ ней.

У Джорджіо установились прежнія товарищескія отношенія съ Лаллой; онъ проводилъ съ молодой дѣвушкой цѣлые дни: доставалъ ей марки для альбома и, чтобы имѣть самые рѣдкіе экземпляры, часто даже выписывалъ ихъ черезъ одного изъ своихъ товарищей, служащаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; на вечерахъ онъ всегда танцевалъ съ Лаллой котильонъ, во время котораго шутилъ, смѣялся и дразнилъ ее разными допотопными старичками. Онъ самъ молодѣлъ и обнов-

лялся душой въ обществѣ всегда веселой юной герцогини. Они никогда не скучали вмѣстѣ, болтали, какъ старые друзья, какъ два товарища... Мало-по-малу ихъ разговоры изъ шути-ливыхъ становились серьезными; дельла-Валле заводилъ рѣчь о политикѣ и старался внушить свои взгляды молодой дѣ-вушкѣ; нерѣдко разгорались споры, во время которыхъ Лалла говорила всегда такъ дѣльно и умно, что графъ восторгался ея развитіемъ, начитанностью и умомъ. Онъ ежедневно съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда молодая дѣвушка сойдетъ въ садъ или въ залу гостинницы, и выходилъ изъ себя, если она за-паздывала. Часто они даже не разговаривали между собой, но взглядами понимали другъ друга и молча обмѣнивались замѣчаниями, упреками и просьбами. Оставаясь наединѣ, они разомъ переставали шутить и смѣяться, и нерѣдко даже за-молкали. Джорджио чувствовалъ себя смущеннымъ въ присут-ствіи Лаллы, а Лалла, при видѣ его, всегда краснѣла и опу-скала глаза...

На вечерахъ и на прогулкахъ по берегу моря или на виллу Паллавичини, они оба старались быть какъ можно ближе другъ къ другу; дельла-Валле всегда водилъ Лаллу подъ руку и, поджидая его, она нарочно шла отдѣльно отъ своихъ подругъ и другихъ кавалеровъ, чтобы ктонибудь другой не предло-жилъ ей своей руки. Вскорѣ они совсѣмъ перестали разго-варивать и уже не останавливались, какъ прежде, любоваться яркой лазурью моря и свѣжей зеленью луговъ и лѣсовъ... Молодая дѣвушка перестала дразнить графа его революціон-нымъ направлениемъ въ политикѣ и, когда она медленно под-нимала свои тяжелыя вѣки съ густыми рѣсницами и смотрѣла ему въ глаза,—онъ забывалъ все на свѣтѣ, любуясь ихъ глу-бокой синевою, и, въ сладкомъ экстазѣ, мечталъ о новомъ, никогда еще не испытанномъ имъ раньше, счастьѣ.

XIX.

Въ это лѣто стояли страшные жары, и поэтому морскихъ купаній продолжался очень долго, такъ что даже въ концѣ августа никто еще и не думалъ уѣзжать изъ Пельи.

Марія, или «Ледяная богиня», какъ ее продолжали назы-вать, по прежнему занимала первое мѣсто среди съѣхавшихся

красавицъ и вызывала всеобщее поклоненіе мужчинъ. Глядя на ея всегда спокойное и безстрастное лицо и увѣренную манеру держаться, нельзя было даже и предположить той страшной муки, которую переживала несчастная женщина; только прозрачная блѣдность лица да темные круги подъ глазами отчасти выдавали переживаемое ею волненіе. Но герцогъ Анатолій никогда не обращалъ вниманія ни на физическое, ни на нравственное состояніе здоровья своей жены и продолжалъ обходиться съ делла-Валле довольно сухо, только потому, что завидовалъ разрастающейся популярности и славѣ этого именитаго депутата Боргиньяно. Когда герцогъ разговаривалъ съ Джорджіо о политикѣ, онъ всегда разыгрывалъ роль усталого и извѣрившагося челоуѣка — и старался дать ему понять, что не обстоятельства заставили его удалиться отъ его прежней дѣятельности, а онъ самъ не пожелалъ дальше трудиться и рѣшилъ отдохнуть; въ дѣйствительности же онъ страшно тосковалъ отъ своего бездѣйствія и сожалѣлъ, что уже не играетъ въ политикѣ никакой роли. Кромѣ того, Анатолій сердился на делла-Валле за то, что онъ не представилъ его своимъ друзьямъ въ министерствѣ, какъ кандидата, на послѣднихъ сенатскихъ выборахъ. «Всякій благородный и честный челоуѣкъ сдѣлалъ бы это на его мѣстѣ,—говорилъ онъ себѣ: — вѣдь нельзя отрицать, что въ сенатѣ герцогъ д'Эледа былъ бы какъ разъ на своемъ мѣстѣ!»—Но *«quod differtur non aufertur»*, и Анатолій продолжалъ еще надѣяться попасть въ число сенаторовъ. Въ послѣднее время онъ все чаще и чаще заводилъ съ графомъ Джорджіо разговоры о политикѣ, часто поддакивалъ ему, ида въ разрѣзъ со своими прежними мнѣніями и, по системѣ Луиджи да-Кастильоне, начиналъ считать его полуродней.

Марія не могла понять страннаго поведенія своего мужа относительно графа делла-Валле и съ изумленіемъ слѣдила за его поступками. Впрочемъ, вскорѣ ей стало не до него: — въ ея сердцѣ снова поднималась тяжелая мучительная борьба съ самой собой. Съ нѣкотораго времени, въ отношеніяхъ Джорджіо и молодой женщины произошла большая перемѣна: онъ сталъ удивительно нѣженъ и внимателенъ съ нею и постоянно искалъ ея общества. На прогулкахъ онъ часто водилъ герцогиню подъ ручку, шопотомъ разговаривалъ съ ней и нѣжно

глядѣлъ ей въ глаза; иногда онъ такъ близко наклонялся къ ней и такъ сильно прижималъ къ себѣ ея руку, что она слышала ускоренное бѣненіе его сердца. Въ прежнее время онъ никогда не позволялъ себѣ ничего подобнаго... Но что еще больше поражало и печалило Марію—это постоянное любезничанье и ухаживанье дельла-Валле за герцогомъ Анатоліемъ и за Лаллой. Это ухаживанье могло бы даже компрометировать молоденькую дѣвушку, еслибы она не была такимъ ребенкомъ въ сравненіи съ графомъ Джорджіо. Вообще, лучезарный идеаль Маріи замѣтно тускнѣлъ и темнѣлъ съ каждымъ днемъ, и несчастной обманывающейся женщиной казалось, что любимый ею человекъ наряду со всѣми другими старался соблазнить ее и совратить съ пути истиннаго.

— Неужели онъ такой же, какъ и всѣ другіе?—говорила она себѣ. Но высоко-честный и нравственный Джорджіо не могъ ухаживать изъ мимолетнаго каприза или чувственнаго увлеченія: онъ слишкомъ давно и хорошо зналъ Марію, чтобы надѣяться на малѣйшую поблажку съ ея стороны. Не капризь,—такъ, значить, что нибудь серьезное?.. Да, вѣроятно, бурная и непреодолимая сила овладѣла всѣмъ его существомъ и лишила его и разума, и воли! Какъ онъ долженъ былъ страдать отъ этого чувства и какъ тоскливо и горько у него было на душѣ! А она его обвиняла, упрекала, вмѣсто того чтобы жалѣть... Покамѣстъ дельла-Валле не сдѣлалъ ей еще ни одного обиднаго намека, но его ухаживанья становились съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе и Марія рѣшила снова бѣжать отъ него. Нечего было дольше медлить; она собралась съ духомъ и сказала мужу, что ей хотѣлось бы вернуться въ Боргиньяно.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ дорогая, поѣдемъ куда хочешь... завтра пятница... да, поѣдемъ послѣзавтра!—отвѣтилъ ей герцогъ Анатолій.

Мѣстное общество пришло въ отчаяніе, когда узнало о внезапно-рѣшенномъ отъѣздѣ семьи д'Эледа и, чтобы хоть немножко утѣшиться, рѣшено было дать большой балъ въ честь герцогини Маріи и этимъ баломъ закончить всѣ празднества лѣтняго сезона. Но многіе неполнѣ утѣшались такими пустяками, а Джорджіо дельла-Валле даже совсѣмъ не утѣшился и былъ, что называется, ошеломленъ неожиданнымъ для него

извѣстіемъ. Онъ долго и съ грустью смотрѣлъ на Марію, нѣсколько разъ, повидимому, собирался ей что-то сказать и все не могъ рѣшиться.

Герцогиня, конечно, замѣтила замѣшательство молодого человека; она по своему поняла, что именно онъ хочетъ сказать ей, и рѣшила, во что бы то ни стало, избѣжать этого разговора. Несчастливая женщина провела послѣдній день въ Пельи, запершись въ своей комнатѣ, чтобы только не видѣть графа Джорджію и не встрѣчаться съ нимъ; но послѣ обѣда ей пришлось сойти внизъ и присутствовать на балѣ, который давался въ ея честь... При такихъ условіяхъ, оставаться одной въ спальнѣ было невыносимо; Марія сдѣлала надъ собой сверхъестественное усиліе и заставила себя насильно танцовать весь вечеръ... На этомъ балу она была очаровательно любезна со всѣми, и старалась окружить себя цѣлымъ сонмомъ поклонниковъ, чтобы какъ нибудь не очутиться съ Джорджію наединѣ. Онъ видимо сердился на это, постоянно ходилъ вокругъ нея и съ нетерпѣніемъ ждалъ кадрили, отъ которой молодая женщина не могла отказаться. Послѣ этой кадрили, во время прогулки въ буфетъ, дельла-Валле дрожащимъ отъ волненія голосомъ попросилъ Марію назначить ему какой нибудь часъ на слѣдующій день, въ который онъ могъ бы увидѣть ее наединѣ и серьезно поговорить съ нею объ одномъ важномъ дѣлѣ. Услышавъ это, несчастная поблѣднѣла, какъ полотно, и строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ невыразимой грустью, взглянула на своего возлюбленнаго; она ни слова не отвѣтила ему, вырвала свою руку изъ его руки и моментально уѣхала съ бала, оставивъ обиженнаго графа дельла-Валле въ полномъ недоумѣніи.

— Да, *онъ* такой же какъ и всѣ другіе! — продолжала повторять себѣ Марія и, не будучи въ состояніи дальше бороться со своей любовью, она всю ночь проплакала надъ своимъ поверженнымъ кумиромъ; бѣдняжка не сознавала, что ея горе и слезы лучше всякихъ словъ и увѣреній доказывали всю силу ея любви къ нему; теперь она любила Джорджію во сто, въ тысячу разъ больше, нежели раньше, и за это, проведенное вмѣстѣ, время воздвигла его на такой пьедесталь, откуда уже ничто и никогда не могло его низвергнуть. На слѣдующій день она не выходила изъ своихъ комнатъ даже

къ обѣду, но делла-Валле все еще не терялъ надежды на объясненіе. Онъ выждалъ, когда Лалла ушла въ церковь вмѣстѣ со своей англичанкой, и, убѣдившись, что герцогъ Анатолій уѣхалъ читать газеты внизу, въ кабинетъ для чтенія, поднялся по лѣстницѣ и храбро вошелъ въ апартаменты герцогини. Дверь въ будуаръ Маріи была слегка отворена; молодая женщина сидѣла у окна, спиною къ входу... При видѣ ея, Джорджію на мгновеніе остановился. Потомъ вспомнилъ, что провелъ почти всю свою молодость вмѣстѣ съ этой женщиной, что она росла съ нимъ, какъ родная сестра, и, набравшись мужества, вошелъ въ комнату, окликнувъ Марію по имени. Герцогиня машинально смотрѣла на море, думая свои горькія думы; услышавъ голосъ Джорджію, она громко вскрикнула и съ ужасомъ обернулась.

— Что вамъ нужно?.. Зачѣмъ вы здѣсь? Зачѣмъ?.. Какъ вы сюда вошли?—безсвязно бормотала она.

— Я пришелъ безъ доклада, потому что боялся, что вы меня не примете,—не безъ горечи отвѣтилъ ей делла-Валле.

— Простите, но...

— Марія, вспомните бывшее, вѣдь мы съ вами знакомы не со вчерашняго дня; мы выросли вмѣстѣ, какъ родные братъ и сестра. Зачѣмъ же такъ чуждаться другъ друга теперь?.. будемте, по крайней мѣрѣ, друзьями...

— Но...

— Отчего вы постоянно избѣгаете меня? Я просилъ васъ вчера меня выслушать, а вы мнѣ даже не отвѣтили...

Отъ волненія Марія была не въ состояніи дольше стоять на ногахъ; она въ изнеможеніи опустила въ кресло около окна и нечаянно выпустила штору, которую придерживала рукой, такъ что въ комнатѣ разомъ сдѣлалось почти совершенно темно.

— Вотъ уже много лѣтъ, что вы такъ перемѣнились ко мнѣ,—продолжалъ делла-Валле.—За что?.. Что я вамъ сдѣлалъ? Ничего, ровно ничего, могу сказать по чести! Вспомните, какъ мы вмѣстѣ росли, вмѣстѣ радовались и вмѣстѣ горевали; вспомните, что я звалъ мамой вашу мать. Я всегда васъ любилъ, какъ родную сестру, Марія, и, если теперь въ мою душу закралось новое, болѣе сильное чувство къ вамъ, клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что въ немъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для васъ и вамъ не на что сердиться на

меня за это. Скрывать этого чувства я не хочу, Марія; оно также чисто и свято, какъ и моя прежняя любовь къ вамъ!

Слова Джорджіо дышали страстью, и несчастная нравственно-измученная женщина была не въ силахъ заставить его замолчать. Она была не приготовлена къ этому разговору: онъ засталъ ее врасплохъ. Въ минуту слабости, и побѣжденная своей любовью, она въ экстазѣ слушала эту страстную рѣчь и упивалась ею. Марія слѣпо вѣрила словамъ своего возлюбленнаго; она знала, что ложь не можетъ закрасться въ его честную, открытую душу, и въ это мгновеніе ни въ чемъ не упрекала Джорджіо. Ей было только жаль его; глубоко, безконечно жаль и его, и себя... Несчастная еле сдерживала рыданія, которыя ее душили; она съ отчаяніемъ взглянула на делла-Валле и въ порывѣ горя безмолвно протянула ему руку. Графъ разомъ опустился на колѣни, рядомъ съ ея кресломъ, захватилъ своими дрожащими руками эту чудную точеную руку и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Идите прочь, идите прочь!—пробормотала Марія.

— Вы простили меня?.. Простили, да?..—еле слышно прошептала Джорджіо;—о дорогая, вы были мнѣ сестрою, согласитесь теперь быть... отчасти... моею матерью?..

Герцогиня вскочила, какъ ужаленная, отъ жгучей боли въ сердцѣ, и тотчасъ же, снова безъ движенія, точно мертвая, упала въ кресло.

На ея счастье, въ комнатѣ было такъ темно, что делла-Валле не могъ разглядѣть ея лица.

— Лалла?—съ воплемъ вырвалось, наконецъ, изъ груди несчастной.

— Лалла, да!.. Я люблю ее, люблю, какъ безумный!..

— Вы... Любите?..

— О, умоляю васъ, Марія, не ревнуйте ко мнѣ вашей дочери. Если Лалла полюбитъ меня, повѣрьте, эта любовь не исключитъ изъ ея сердца той нѣжной и глубокой привязанности, которую она питаетъ къ вамъ... Напротивъ, вмѣсто одного ребенка, теперь у васъ ихъ будетъ двое... Мы оба будемъ обожать и боготворить васъ.

— Но я... я не могу...

— Нѣтъ, вы все можете, Марія, потому-то я и обратился

прямо къ вамъ. Будьте доброй и простите мнѣ, если я когданибудь обидѣлъ васъ или оскорбилъ... Повѣрьте, я желалъ вамъ тогда только добра и ради васъ же самихъ, ради вашего будущаго, горячо защищалъ передъ вами того, кто былъ дѣйствительно виновенъ. Простите мнѣ теперь, какъ добрая сестра, и согласитесь сдѣлаться впослѣдствіи моей любимой, дорогой матерью... Да, какъ сестру, я умоляю васъ сегодня формально просить за меня у герцога и герцогини д'Эледа руку ихъ дочери. Я люблю Лаллу, какъ никогда еще никого не любилъ и даже не предполагалъ, что можно такъ любить. Въ этой любви теперь весь смыслъ, вся цѣль и все счастье моей жизни; безъ нея я готовъ умереть хотъ сейчасъ...

Съ этими словами делла-Валле еще разъ поцѣловалъ холодную, какъ ледъ, руку несчастной женщины, всталъ съ колѣнъ, низко, низко поклонился и вышелъ изъ комнаты, чтобы не нарушить своимъ присутствіемъ торжественности этой важной и горькой для материнскаго сердца минуты.

Оставшись одна, Марія схватилась за голову обѣими руками, чтобы привести въ порядокъ свои мысли и вернуть себя къ дѣйствительности. Да, ея идеаль снова возвышался такимъ же чуднымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ и раньше, но какою горькою цѣною заплатила она теперь за эту увѣренность! «Что мнѣ дѣлать, Боже, что мнѣ дѣлать?»—съ ужасомъ твердила себѣ несчастная и сгоряча рѣшила наотрѣзъ отказать делла-Валле... Но чѣмъ могла она мотивировать этотъ отказъ?..

Всякая мать съ радостью отдала бы свою дочь за графа делла-Валле. Можно было гордиться такой блестящей партией. Отказать ему... но подъ какимъ предлогомъ? Не могла же она признаться въ своей любви къ нему, выдать тайну своего сердца!

«Я грѣшна и преступна, какъ женщина и жена,—сказала она себѣ,—а теперь могу сдѣлаться преступной матерью, если принесу въ жертву моей любви будущность и счастье Лаллы»... «Мужайся, мужайся, дитя мое», говорилъ ей донъ-Грегорио: «борись со своей любовью и ты послужишь всѣмъ примѣромъ смиренія и сердечной чистоты».

Мужаться, снова бороться? Но гдѣ взять силы на новую борьбу? Ихъ, можетъ быть, хватило бы у нея для того, чтобы

у́хать, бѣжать отъ него, чтобы больше не видѣться и постепенно умертвить свою любовь, а вмѣстѣ съ нею убить и сердце... Но отдать этому человѣку свою родную дочь? нѣтъ, она слишкомъ любить его и не можетъ принести этой громадной, этой чудовищной жертвы! Ея разумъ, сердце, кровь,— все существо противилось этому поступку и имѣло полное право ему противиться. Но что же дѣлать, что дѣлать?.. Несчастливая женщина долго мучилась и терзалась разными сомнѣніями. «О, еслибы я могла умереть теперь!»—шептала она съ глухими рыданіями... Но мало-по-малу ея бурное горе успокоилось и перешло въ тихую грусть; она спокойно обдумала происшедшее и рѣшила, что все само собою устроится, потому что герцогъ Анатолій никогда не согласится на этотъ бракъ. Не могъ же онъ отдать руку Лаллы своему сопернику, чуть ли не врагу? Вѣдь делла-Валле замѣстилъ его въ палатѣ и герцогъ Анатолій, конечно, никогда не проститъ ему этого! Марія ухватилась за эту неожиданную возможность спасенія и велѣла просить своего мужа къ себѣ, чтобы поскорѣе выяснить мучительный вопросъ. Она сдѣлала сверхъестественное усиліе надъ собой, поборола свое волненіе и почти спокойно сообщила Анатолію о предложеніи графа делла-Валле.

— Что же ты ему отвѣтила, дорогая моя?

— Я?.. пока еще ничего... Я думала... боялась, что... что ты...

— Думала, боялась... Чего? Моего согласія или отказа?..

Говоря это, герцогъ иронически улыбнулся; онъ не безъ ехидства намекнулъ Марія своимъ насмѣшливымъ тономъ на ея давнишнее признаніе въ любви къ Джорджию.

— Эта партія была бы, конечно, вполне подходящей для Лаллы,—холодно прервала его молодая женщина (насмѣшка мужа вернула къ ней все самообладаніе и она рѣшила вступить въ открытую борьбу съ нимъ),—но я боялась, что помѣхой этой свадьбѣ послужитъ разность вашихъ взглядовъ и мнѣній, и та обоюдная антипатія, которая всегда была между вами.

— Антипатія—это не чувство, а впечатлѣніе, голубушка моя, и она можетъ очень легко и скоро измѣниться. Делла-Валле былъ мнѣ страшно антипатиченъ, какъ политическій

дѣятель, но я нахожу его вполне подходящимъ и желательнымъ зятемъ. Что за бѣда, что мы расходимся съ нимъ во взглядахъ? Надо умѣть уважать взгляды другаго, хотя бы они и шли въ разрѣвъ съ собственными взглядами... Снисхожденіе—это великая вещь; снисходительные люди много выигрываютъ въ общественномъ мнѣніи... А, кромѣ того, теперь вѣдь не тѣ времена, что прежде; трудненько стало жить... власть народа все растетъ и растетъ съ каждымъ днемъ... Того и гляди, что демократія сброситъ монархію съ престола и тогда, повѣрь, будетъ очень пріятно имѣть среди представителей республики такую опору, какъ делла-Валле!.. Впрочемъ, можетъ быть, у тебя есть какія нибудь особенныя причины не желать этого брака? Скажи мнѣ, дорогая, не бойся, я всегда съ уваженіемъ отнесусь къ твоему желанію...

— Нѣтъ; я вполне съ тобой согласна.

— Вотъ и прекрасно! Такъ-то гораздо лучше... Надо радоваться такому зятю; само Провидѣніе посылаетъ намъ его!

Говоря это, Анатолій подумалъ про себя:

— Она сказала: «я вполне согласна съ тобой», значить она его не любитъ и никогда не любила!

Но онъ ошибочно растолковалъ себѣ увѣренность и спокойствіе Маріи, — въ ея сердцѣ зародилась новая надежда на спасеніе. «Между Лаллой и Джорджіо слишкомъ большая разница въ годахъ, темпераментахъ и вкусахъ,—думала она.— Лалла не могла влюбиться въ такого серьезнаго человѣка, въ такого философа, какъ делла-Валле; вѣдь онъ почти на двадцать лѣтъ старше ея... и, если она скажетъ мнѣ, что не можетъ быть счастлива съ такимъ мужемъ, я, какъ мать, буду имѣть право воспротивиться этой свадьбѣ. Мой долгъ — спасти родную дочь отъ роковаго шага.

— Итакъ, все зависитъ теперь отъ согласія самой Лаллы,—громко сказала она въ заключеніе своего разговора съ мужемъ.—Въ такомъ дѣлѣ ея желаніе должно быть закономъ для насъ. Надѣюсь, что ты со мной согласишься?

— Еще бы! Какъ захочетъ, такъ пускай и будетъ... хотя, конечно, ей не слѣдовало бы идти противъ нашего желанія, Да, да, надо непременно спросить ее саму; поговори съ ней, дорогая, ты можешь ласково убѣдить ее, если она станетъ слишкомъ долго раздумывать... Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ,

но мы обязаны направить ее и позаботиться объ ея дальнѣйшемъ счастьѣ. Сейчасъ пришлю эту милую дѣвочку къ тебѣ; я буду страшно радъ, если она согласится и еще разъ прошу тебя уговорить ее не отказывать; добромъ все можно сдѣлать, а заупрямится, такъ я приду на помощь и съумѣю настоять на своемъ.

Герцогъ, точно маленькій мальчикъ, весело подпрыгивая, вышелъ изъ комнаты жены, стремглавъ спустился съ лѣстницы и бросился разыскивать свою дочь. Предложеніе графа д'елла-Валле страшно обрадовало Анатолія; этотъ бракъ прекрасно устраивалъ его дѣла: онъ возвращалъ ему популярность въ Боргиньяно, раскрывалъ ему двери сената и, смягчая рѣзкость его политическихъ взглядовъ, обезпечивалъ ему тихую и спокойную жизнь въ будущемъ. «Теперь Марія уже не напугаетъ меня своей любовью къ Джорджіо; всѣ эти глупости навсегда покончены»,—радостно думалъ онъ, и его уязвленное самолюбіе и тщеславіе мужчины и мужа были вполнѣ удовлетворены.

Лалла никогда еще не была ему такъ дорога, какъ въ эту минуту; онъ вызвалъ ее къ себѣ изъ кабинета для чтенія, нѣжно прижалъ къ своей груди и осѣпалъ поцѣлуями.

— Хорошо ли ты помолилась, дорогая моя?—выговорилъ онъ, наконецъ.

— Да, папочка; я молилась за тебя и за маму.

— Спасибо; мама тебя ждетъ; ей надо поговорить съ тобой объ одномъ очень важномъ и серьезномъ дѣлѣ. Бѣги скорѣй къ ней, голубка, и помни, что хорошая дочь никогда не должна идти наперекоръ родительской волѣ; вѣдь мы тебя любимъ до обожанія; мы готовы всѣмъ пожертвовать, чтобы только видѣть тебя счастливой...

Лалла съ первыхъ же словъ отца поняла, въ чемъ дѣло; но, конечно, представилась, что ровно ничего не понимаетъ, и побѣжала къ матери. Кто много любилъ и много страдалъ, тотъ пойметъ, съ какимъ волненіемъ ждала Марія свою дочь; вѣдь отъ отвѣта Лаллы зависѣло все ея будущее счастье, вся ея будущая жизнь... Несчастливая женщина дрожащимъ голосомъ рассказала молодой дѣвушкѣ о предложеніи Джорджіо; ея губы пересохли; она была блѣдна, какъ смерть, но ея лихорадочно-горящіе глаза не проронили ни одной слезы.

Лалла молча выслушала мать до конца и съ громкимъ плачемъ бросилась въ ея объятія. Вѣрная себѣ комедіантка, даже въ эту минуту, разыграла комедію и, граціозно понуривъ свою хорошенькую головку, представилась дѣтски-наивной и смущенной.

Тогда Марія поняла, что ей уже не на что больше надѣяться и что все погибло. Герцогъ Анатолій на цыпочкахъ подкрался къ будуару жены и все время подсматривалъ въ замочную скважину, чтобы быть *au courant* разговора Маріи съ дочерью и всегда успѣть войти во время. Увидя слезы Лаллы, онъ съ сіяющей фізіономіей распахнулъ двери и остановился на порогѣ. Тогда Лалла вторично разыграла ту же комедію, — т. е. стремительно бросилась въ объятія своего «дорогаго папочки» и со слезами стыдливо спрятала свою головку у него на плечѣ...

XX.

Помолвка Лаллы нисколько не измѣнила плановъ семейства д'Эледа, и они въ заранѣ назначенный день уѣхали въ Боргиньяно. Джорджіо не поѣхалъ вмѣстѣ съ ними; свѣтскія приличія не допускали этого; онъ долженъ былъ остаться въ Пельи еще около недѣли и тогда уже послѣдовать за невѣстой.

Эти нѣсколько дней отдыха были болѣе, чѣмъ необходимы для Маріи. Она уже не надѣялась успокоиться, но хотѣла, по крайней мѣрѣ, собраться съ мыслями и прійти въ себя послѣ перенесеннаго ею страшнаго удара; такъ точно каждый, кто теряетъ сознание, у кого кружится голова, хочетъ на мигновеніе остановиться и закрыть глаза, чтобы отдохнуть.

Во время длиннаго и скучнаго переѣзда, семья д'Эледа мало разговаривала между собой. Маріи было не до разговоровъ; Лалла всю дорогу съ удовольствіемъ раздумывала о той зависти, спорахъ и толкахъ, которые поднимутся въ обществѣ при извѣстіи объ ея свадьбѣ, и заранѣе радовалась, что ей удастся разсердить Джулію; герцогъ Анатолій мысленно приготовлялъ свою первую рѣчь въ сенатѣ, а miss Dill, съ вѣчной мигренью, молча злилась на всѣхъ за то, что ей до сихъ поръ еще не объявили, что съ нею станется послѣ свадьбы ея вос-

питанницы: оставить ли ее на тѣхъ же условіяхъ, какъ и раньше, или дадутъ пожизненную пенсію и отпустятъ на всѣ четыре стороны? А, можетъ быть, и ничего не дадутъ и вышвырнуть вонъ, какъ ненужную вещь?.. «Вѣдь съ этими эгоистами всего можно ожидать!» — шипѣла она про себя и въ душѣ надѣялась найти въ Боргиньяно письмо отъ донъ-Винченцо, которому она уже успѣла сообщить о случившемся и просила дать ей совѣтъ.

Герцогъ Анатолій телеграфировалъ изъ Пелли о радостномъ событіи графу Эрипрандо, и въ Боргиньяно невѣсту ожидали уже съ поздравленіями вся родня и многіе знакомые. Сенсационная новость молніей облетѣла весь городъ и въ кафе только и было разговоровъ, что про жениха и невѣсту. Поздравленія и пожеланія этого празднаго, пустаго люда болѣзненно кололи сердце бѣдной Маріи. Всѣ, точно сговорившись, считали своимъ долгомъ восхвалять ей жениха, его нравственныя качества, наружность, умъ и громадное состояніе.

— Прекрасная будетъ парочка, они такъ подходятъ другъ къ другу!— раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Если могущество *твоей* стороны еще долго продлится, делла-Валле будетъ, конечно, министромъ, или, по крайней мѣрѣ, первымъ секретаремъ палаты,—торжественно пророчилъ одинъ изъ рьяныхъ поклонниковъ Джорджіо.

— Какъ онъ красивъ; хоть и не очень молодъ, но замѣчательно красивъ!—твердили дамы.

— Да, у этой попрыгунки Лаллы прекрасный вкусъ!

— Счастливица!

— Жениху также можно позавидовать: у него будетъ прехорошенькая жена и, вдобавокъ, красавица *belle-mère*,—замѣтила одна изъ «подругъ» Маріи, ласково похлопывая ее по рукѣ.

— А черезъ годикъ наша герцогиня, пожалуй, будетъ бабушкой и, конечно, заткнетъ за поясъ своей наружностью всѣхъ внучатъ!—прибавилъ съ хитрой улыбкой домашній докторъ семьи д'Эледа.

— О, еще бы! Еще бы!—Такіе разговоры продолжались безъ конца и мучили несчастную женщину, не давая ей ни на мгновеніе свободно вздохнуть. Она окончательно выбилась изъ силъ, поблѣднѣла, похудѣла и такъ сильно перемѣнилась,

что даже Анатолий обратил на это вниманіе и спросилъ ее: не больна ли она? Марія отвѣтила, что нѣтъ, и эгоистъ-герцогъ успокоился и былъ очень доволенъ, что ничто не смущаетъ его радужнаго настроенія.

Съ какимъ трудомъ удавалось Маріи скрывать свои страданія ото всѣхъ!.. Ей было особенно тяжело притворяться передъ дочерью, и вѣчная нравственная пытка съ каждымъ днемъ подтачивала ея, и безъ того слабый, организмъ. Всякое волненіе уносило съ собою частичку ея жизни, а эти волненія встрѣчались теперь чуть не на каждомъ шагу. Неожиданный пріѣздъ Джорджіо на сутки раньше былъ также немалымъ ударомъ для несчастной женщины. Въ этотъ день вся семья, по обыкновенію, сидѣла послѣ обѣда въ гостинной: Анатолий читалъ газеты, Марія безцѣльно смотрѣла куда-то вдаль, съ грустью раздумывая о будущемъ, а Лалла играла на роялѣ нѣжный ноктюрнъ Шопена... Вдругъ раздался рѣзкій звонокъ и черезъ мгновеніе, почти безъ доклада, вошелъ графъ делла-Валле.

Онъ былъ слегка смущенъ тѣмъ, что не сдержалъ своего обѣщанія, пріѣхавъ сутками раньше, и, раскланявшись съ Маріей, виновато прошепталъ: «вы простите меня»? а самъ не отрывалъ своихъ влюбленныхъ глазъ отъ Лаллы. При появленіи своего жениха, молодая дѣвушка вся вспыхнула, но не поднялась съ мѣста; miss Dill также застыла въ своей корректной, строгой позѣ. Только герцогъ Анатолий, дѣйствительно, искренно обрадовался гостю, бросился къ нему на шею и осѣпалъ его самыми нѣжными родственными поцѣлуями. Начался общій разговоръ; делла-Валле вскорѣ удалось затѣять споръ о событіяхъ дня и, когда герцогъ и англичанка вошли въ азартъ, онъ потихоньку отошелъ отъ нихъ и подсѣлъ къ *своей* Лаллѣ, якобы для того, чтобы перевертывать страницы ея нотъ. Но пальцы жениха почему-то съ большимъ трудомъ переворачивали эти тоненькія страницы и перерывы между игрой становились все чаще и длиннѣе, а въ концѣ концовъ музыка совершенно прекратилась, т. е. вѣрнѣе не прекратилась, а измѣнила свой жанръ:—нѣжная мелодія Шопена смѣнилась не менѣе нѣжной и красивой мелодіей двухъ влюбленныхъ голосовъ. Подали чай... Лалла принуждена была встать и пойти разливать его. Джорджіо вызвался ей помочь, но вмѣ-

сто помощи только мѣшалъ, — онъ все время любовался хорошенькой дѣвушкой и, по разсѣянности, подавалъ ей ситечко, когда она просила щипцы для сахара, и наоборотъ.

Лалла сама отнесла чай отцу и матери, а потомъ также сама подала чашку и жениху; этою любезностью она хотѣла показать ему, что уже считаетъ его членомъ семьи. Марія невольно слѣдила за каждымъ движеніемъ делла-Валле и замѣтила, какъ онъ любовно пожалъ длинные бѣлые пальчики молодой дѣвушки, когда бралъ у нея чашку; замѣтила нѣжный, выразительный взглядъ, которымъ они обмѣнялись при этомъ... А когда Лалла отошла, она обратила вниманіе на блѣдность Джорджіо и его взволнованное всей этой сценой лицо.

Послѣ чаю, для жениха ужъ не было предлога оставаться дольше и приходилось идти домой. Делла-Валле началъ медленно прощаться; онъ старался выгадать еще нѣсколько минутъ, заводилъ со всѣми длиннѣйшіе разговоры, и даже снова пустился въ споръ съ герцогомъ. Они простояли около получаса у двери въ переднюю, и Джорджіо терпѣливо выслушивалъ длиннѣйшія тирады Анатолія, за что Лалла наградила его ласковой улыбкой. Д'Эледа былъ также, повидимому, тронутъ вниманіемъ и любезностью своего будущаго зятя, и на радостяхъ пригласилъ его обѣдать на слѣдующій день. Молодые люди о чемъ-то поворковали между собою и рѣшили, что имъ *необходимо* увидѣться также и днемъ *по дѣлу*; поэтому Лалла приказала своему жениху явиться до завтрака. Джорджіо еще немного помялся на мѣстѣ; онъ все надѣялся пробыть нѣсколько лишнихъ минутъ со своей возлюбленной, но герцогъ не былъ расположенъ дольше разговаривать; графъ попробовалъ было заговорить съ miss Dill и бросилъ ей вызовъ насчетъ красоты природы въ Ирландіи; но старая дѣва не пожелала распространяться объ этомъ; она сухо взглянула на делла-Валле поверхъ своего золотого *pince nez* и представилась усталой и сонной, такъ что жениху пришлось по неволѣ окончательно распрощаться и уйти.

Гостинная выходила на длинную стеклянную галерею, которая спускалась прямо на лѣстницу. Лѣтомъ подъѣздъ бывалъ открытъ и въ галерею проникалъ свѣжій воздухъ, такъ что тамъ было очень пріятно сидѣть. Джорджіо медленно вышелъ изъ гостиной и по галереѣ направился къ лѣстницѣ.

Его высокая фигура уже почти исчезла въ темнотѣ, когда Лалла вдругъ вспомнила о какомъ-то забытомъ порученіи и бросилась за нимъ въ догонку. При первыхъ же звукахъ ея веселаго оклика, делла-Валле, конечно, вернулся. Изъ гостинной были прекрасно видны фигуры влюбленныхъ, и герцогъ Анатолій знакомъ подозвалъ къ себѣ Марію, чтобы полюбоваться на нихъ. Молодые люди не предполагали, что за ними подсматриваютъ; они взяли другъ друга за руки и нѣжно ворковали о чемъ-то, послѣ чего Джорджио прильнулъ губами къ пышнымъ волосамъ молодой дѣвушки и долго не отрывался отъ нихъ. Видя это, Анатолій кашлянулъ и громко разсмѣялся, а спугнутый женихъ поспѣшилъ скрыться на лѣстницѣ.

— И вѣдь говорили же, что ты однажды хотѣла заставить меня ревновать къ нему!—обратился герцогъ къ женѣ;—какъ это смѣшно теперь, а? Ревновать къ сыну,—это совсѣмъ нелѣпо!

Лалла смѣло могла назвать себя счастливой. Ей нечего было больше желать: — она добилась своего и была любима тѣмъ, на кого съ такимъ искусствомъ повела атаку въ Пельи. Ея самолюбіе было вполне удовлетворено, также какъ и сердце: вѣдь молодая дѣвушка думала въ то время, что серьезно любить своего жениха. Но въ одинъ прекрасный день, когда она менѣе всего ожидала этого, ея жизнерадостное настроеніе разомъ омрачилось. Фамиліи д'Эледа и делла-Валле принадлежали къ высшей аристократіи, а потому извѣстіе о предстоящей свадьбѣ герцогини Лаллы разнеслось по всей Италіи и, между прочимъ, проникло также въ Венецію, гдѣ оно поразило Алессандро Фрасколини. Въ это время аферистъ, двоюродный братъ Фрасколини, окончательно разорился и, не расплатившись со своими кредиторами, тайкомъ уѣхалъ въ другія страны. Сандрино остался непричемъ, безъ денегъ и безъ дѣла; за послѣднее время онъ окончательно разсорился съ отцомъ и теперь не зналъ, что предпринять, чтобы добиться славы и нажить себѣ состояніе. Юноша не рѣшался писать Лаллѣ о своихъ невзгодахъ; онъ по прежнему безумно любилъ ее, но зналъ ея жестокость и боялся, что она безсердечно отнесется къ его горю. Онъ могъ бы поступить на сцену и добиться извѣстности своимъ красивымъ теноромъ, но это значило навѣки потерять Лаллу, а юноша съ каждымъ днемъ лю-

билъ ее все больше и больше, хотя и старался увѣрить себя, что его чувство къ ней уже прошло. Онъ такъ много и долго страдалъ послѣ своего письменнаго разрыва съ молодой дѣвушкой, но въ душѣ, самъ того не замѣчая, оправдывалъ возлюбленную передъ самимъ собою. Душою Сандрино былъ вѣчно съ Лаллой; онъ думалъ, что ненавидитъ ее, какъ ненавидѣлъ всѣхъ людей, клялся ей отомстить и, дѣйствительно, ненавидѣлъ весь свѣтъ, а въ особенности знать; но молоденькую герцогиню любилъ съ прежней страстью. Когда пришло извѣстіе о предстоящей свадьбѣ Лаллы, въ душѣ Сандрино впервые поднялось нехорошее чувство къ ней, и жажда мести охватила его. Припоминая все прошлое, — ея ласки, поцѣлуи, послѣднее прощанье съ нимъ, — онъ вторично переживалъ все, чѣмъ наслаждался тогда и что ему пришлось выстрадать теперь, послѣ ея грубаго, презрительнаго разрыва съ нимъ! Эти воспоминанія подлили масла въ огонь; Фрасколини потерялъ голову и рѣшился все высказать обманувшей его дѣвушкѣ.

Съ этой цѣлью онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ Венеціи и, приѣхавъ въ Боргиньяно, отправился прямо съ вокзала въ палаццо д'Эледа. Обезумѣвшій юноша не раздумывалъ о послѣдствіяхъ того скандала, который онъ собирался учинить.

Сандрино вошелъ съ чернаго хода и черезъ кухню поднялся въ гардеробную, гдѣ Нена гладила что-то на столѣ; она такъ смутилась при видѣ молодаго человѣка, что чуть не уронила горячій утюгъ себѣ на ноги.

— Пресвятая Богородица! вы ли это, синьоръ Алессандро? — воскликнула горничная и застыла на мѣстѣ отъ удивленія. Но Фрасколини не обратилъ вниманія на волненіе молодой дѣвушки; онъ даже не поздоровался съ нею и, вмѣсто всякаго привѣта, сурово буркнулъ: «гдѣ синьорина»? — чѣмъ еще больше озадачила бѣдную Нену.

— Моя барышня? — переспросила она, — она сидитъ въ залѣ съ герцогиней Маріей и графомъ делла-Валле, видѣть ее теперь нельзя.

Сандрино разразился проклятіями и такъ стукнулъ кулакомъ объ столъ, что даже стѣкла задребезжали въ окнахъ, а у Нены подкосились ноги отъ ужаса и болѣзненно заняло сердце.

— Ступайте сейчасъ же за нею и приведите ее сюда... —

грозно сказала онъ молодой дѣвушкѣ и при этомъ такъ сжалъ ей руку, что она чуть не вскрикнула отъ боли.— Съ кѣмъ бы она тамъ ни была, хоть съ самимъ всемогущимъ Богомъ, мнѣ все равно, идите къ ней и скажите, что я... я, Алессандро изъ Санто-Фьоре, жду ее здѣсь и хочу сказать нѣсколько словъ... Такъ и скажите; пусть знаетъ, что я отсюда не уйду, пока не переговорю съ нею.

Нена боязливо выбѣжала изъ комнаты. Она была такъ перепугана, что не сознавала: сонъ это или дѣйствительность. По временамъ ей казалось, что Фрасколини сошелъ съ ума, но какое-то смутное, еще неполнѣ опредѣлившееся, подозрѣніе больно кололо ей сердце: въ это мгновеніе она впервые поняла, какъ жестоко ошибалась, когда льстила себя надеждою, что Сандрино любить ее и скучаетъ въ разлукѣ съ нею. Но бѣдная дѣвушка неполнѣ потеряла присутствіе духа,—она не послушалась приказанія Фрасколини и не побѣжала за своей барышней, а бросилась прямо въ комнату англичанки и, найдя ее у себя, въ нѣсколькихъ словахъ рассказала обо всемъ случившемся.

Miss Dill мирно сидѣла въ креслѣ и, по обыкновенію, что-то вязала крючкомъ, когда къ ней вбѣжала горничная; при первыхъ же словахъ Нены, она швырнула свое вязанье на столъ, сняла очки и испуганно взглянула въ лицо молодой дѣвушкѣ.

— Идите, идите со мной,—твердила Нена.

Англичанка вскочила съ мѣста и покорно побѣжала успокоивать Сандрино.

— Прощай пенсія и единовременное пособіе; прощай все, на что я надѣялась... Меня выгонять, какъ собаку, если герцогиня узнаетъ о романѣ своей дочери съ этимъ Фрасколини,—шептала себѣ старая дѣва по дорогѣ:

— Молчите, пожалуйста; я не желаю слушать вашихъ разсужденій,—прикрикнулъ Алессандро на гувернантку, когда она стала его увѣщевать.—Я хочу видѣть Лаллу, хочу видѣть ее сейчасъ же, понимаете?..

— Теперь нельзя, право нельзя. Будьте благоразумны, не дѣлайте ей зла...

— Око за око, зубъ за зубъ; она обо мнѣ не заботилась, когда дѣлала мнѣ зло.

— О, будьте христианиномъ!.. Сжальтесь надо всѣми нами, сжальтесь надъ бѣдной Лаллой! — чувствительная miss взяла молодого человѣка за руку и нѣжно пожимала ее, съ мольбою глядя ему въ глаза.

— Не утруждайте себя понапрасну,—прервалъ ее Фрасколини, — повѣрите, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до васъ... Къ тому же я прекрасно помню всѣ неприятности, которыя вы мнѣ дѣлали тамъ въ Санто-Фьоре... Я все терпѣлъ тогда изъ любви къ *той*, но теперь довольно. Всему приходитъ конецъ!.. Да бросьте же мою руку... На меня ваши ласки не подѣйствуютъ, я не донъ-Винченцо! Зовите мнѣ сейчасъ сюда синьорину!

Невзначай упомянутое юношей, имя донъ-Винченцо произвело сильное впечатлѣніе на бѣдную miss. Она разомъ выпустила руку Алессандро и уже не пробовала больше прельщать его.

— Проведите его въ мою комнату, — сказала англичанка Ненѣ и шопотомъ прибавила, — и ждите меня тамъ.

— Да вы поторапливайтесь, — настаивалъ Фрасколини, — скажите, что мнѣ некогда здѣсь долго прохладиться, пусть приходитъ поскорѣе сюда, а не то я самъ пойду къ ней... Теперь кончилось владычество знати, законы для всѣхъ равны!

...Внизу въ гостиной никто и не предполагалъ какой страшный ураганъ ворвался въ верхнія комнаты въ лицѣ Сандрино Фрасколини и какая бурная сцена разыгралась тамъ. Войдя въ гостинную, miss Dill на мгновеніе остановилась; женихъ съ невѣстой сидѣли въ одной изъ оконныхъ нишъ и любовно обсуждали: какими тонами шерстей лучше вышить набросанный Лаллой по канвѣ узоръ; въ нишѣ другаго окна сидѣла закутанная въ большой платокъ Марія и внимательно читала номеръ «*Revue des deux Mondes*»; послѣдніе дни она страдала постоянными лихорадками и не знала, какъ спастись отъ холода. Сквозь спущенныя шторы, мѣстами, еле прокрадывались солнечные лучи; въ вазахъ благоухали роскошныя цвѣты и все кругомъ дышало миромъ, спокойствіемъ и счастьемъ. При видѣ англичанки, Джорджіо вскочилъ съ мѣста и пошелъ къ ней навстрѣчу, любезно освѣдомляясь объ ея здоровьѣ.

— Мнѣ, по обыкновенію, очень нехорошо, — сухо отвѣтила

ему старая дѣва, а когда онъ отошелъ, она наклонилась надъ вышиваніемъ Лаллы, какъ бы для того, чтобы разсмотрѣть узоръ, и скороговоркой шепнула ей:

— Пріѣхалъ Фрасколини.

Лалла сильно поблѣднѣла, но не потерялась и довольно спокойно спросила:

— Гдѣ онъ?

— Наверху въ моей комнатѣ; Нена его сторожитъ.

— Скажите, что сейчасъ приду.

Чопорная miss покопалась для виду въ рабочей корзинкѣ своей воспитанницы, вынула оттуда ножницы и торопливо вышла изъ гостиной, чтобы поскорѣе успокоить расхолодившагося юношу. Лалла вышила еще нѣсколько крестиковъ, бросила нитку, медленно встала и направилась къ двери.

— Ты куда это?—остановила ее Марія.

— Я сейчасъ вернусь: мнѣ надо голубой шерсти, а она осталась тамъ... въ моей комнатѣ.

— Можешь сходить за нею и потомъ... вѣдь это не къ спѣху!

Лалла громко разсмѣялась.

— Какая ты потѣшная, мама!—воскликнула она.—Ты точно боишься всегда остаться наединѣ съ Джорджио; онъ тебя не укуситъ! Вѣдь я сейчасъ вернусь,—и съ этими словами она вышла изъ комнаты.

Молодая дѣвушка очень медленно поднималась по лѣстницѣ; она старалась, насколько возможно, оттянуть моментъ непріятной встрѣчи съ Сандрино. Лалла не боялась Фрасколини, но ей было противно встрѣчаться съ нимъ, противно нарушать свое безоблачное счастье воспоминаніями о сдѣланной оплошности. У нея ускоренно забилося сердце, когда она взошла на верхнюю площадку лѣстницы, и презрительное отвращеніе къ Алессандро разрослось въ ея душѣ до глубокой ненависти. Въ коридорѣ Лалла встрѣтила miss Dill и попросила ее на всякій случай посторожить у входа. Испуганная и озадаченная Нена убѣждала къ себѣ, чтобы не видѣть и не слышать того, что должно было произойти.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?.. Что вамъ нужно отъ меня?—высокомѣрно обратилась къ Сандрино молоденькая герцогиня, входя въ комнату своей гувернантки.

— Что мнѣ нужно?— злобно воскликнулъ раздраженный этимъ дерзкимъ вызовомъ Фрасколини; горячая волна крови ударила ему въ голову и у него помутилось въ глазахъ при видѣ изящной фигуры Лаллы, ея наивнаго полудѣтскаго личика и кокетливаго, дѣвственнаго-бѣлаго кисейнаго платья.— Что мнѣ нужно? Тебя, тебя нужно... Тебя, которая покаялась принадлежать только мнѣ одному! Да, да... ты клялась быть моею.

— Вашей?.. Когда же это было, синьоръ Фрасколини?

Насмѣшливый голосъ дѣвушки снова уязвилъ самолюбіе Сандрино.

— Не беспокойтесь... У меня прекрасная память, ваша свѣтлость,—колео отвѣтилъ онъ ей,—я пришелъ, чтобы доказать вамъ это... и вамъ, и всѣмъ остальнымъ...

Въ ласковыхъ и наивно застѣнчивыхъ глазахъ молодой герцогини вспыхнулъ злой огонекъ; ея густыя брови на мгновение сурово нахмурились, но тотчасъ же снова разгладились и все лицо приняло свое обычное привѣтливое выраженіе.

— Вы хотите погубить меня... За что?..—тихо спросила она уже совершенно другимъ тономъ, съ нѣжною ласкою въ голосѣ.—Что я вамъ сдѣлала дурнаго?

— Что ты мнѣ сдѣлала?—глухо повторилъ Фрасколини и, скрестивъ руки на груди, подошелъ совсѣмъ близко къ молодой дѣвушкѣ.— Ты спрашиваешь: что ты мнѣ сдѣлала? Ты обманула, осмѣяла меня, выпшвырнула, какъ старый башмакъ, и измѣнила мнѣ... Да, ты играла мной и моею любовью, а я ради тебя поссорился съ семьей, разошелся съ друзьями и нажилъ себѣ всюду враговъ... Ты отравила мнѣ всю жизнь:—вѣдь я былъ счастливъ прежде, у меня было будущее, ко мнѣ всѣ относились съ уваженіемъ, а теперь я жалкій неудачникъ, бѣднякъ безъ крова и куска хлѣба. И ты такъ просто, съ улыбкой, спрашиваешь меня: *что ты мнѣ сдѣлала дурнаго?* О, Боже мой! Неужели тебѣ мало всего этого?.. Вѣдь за такое зло я имѣлъ бы право задушить тебя вотъ этими руками!

Крупныя жгучія слезы покатались по щекамъ несчастнаго влюбленнаго; онъ глубоко страдалъ въ эту минуту и, не задумываясь, готовъ былъ отдать всю свою жизнь за одно ласковое слово этой хорошенькой и поэтичной, но безсердечной дѣвушки.

Но Лалла не поняла своей власти надъ этимъ человѣкомъ.

— Неужели я сдѣлала вамъ столько зла?.. Я?..— Она усмѣхнулась. — Нѣтъ, синьоръ Алессандро меня можно упрекнуть только въ томъ, что я была слишкомъ снисходительна... слишкомъ добра къ вамъ.

— Это не была доброта съ твоей стороны, это былъ капризь, удовлетвореніе самолюбія. Ты хотѣла поиграть со мной и, вѣроятно, забыла, что у меня, какъ и у другихъ, есть сердце,—не «благородное», а плебейское сердце, правда,—но, повѣрь, оно страдало также глубоко и болѣзненно, какъ и всякое другое; да, я жалкій бѣднякъ, Лалла, но я человѣкъ, а ты это забыла...

— Синьоръ Алессандро, я право не виновата, что вы вообразили себѣ то, чего никогда не было...

Эти слова до того разсердили Фрасколини, что у него даже потемнѣло въ глазахъ; онъ окончательно потерялъ всякое самообладаніе и выругалъ Лаллу самыми грубыми, самыми площадными ругательствами. Молодая дѣвушка вся съежилась, поблѣднѣла и задрожала отъ страха, — она никакъ не ожидала такого поворота дѣла.

— Ахъ ты проклятая, подлая тварь,—продолжалъ Сандрино послѣ маленькой паузы: злоба душила его. — Я вообразилъ себѣ то, чего не было? Дрянъ ты этакая!.. А кто меня соблазнялъ, кто меня чуть не насильно заманивалъ въ свои сѣти разными чарами, томными взглядами да похвалами? Ты, первая, захотѣла моихъ поцѣлуевъ и пристала ко мнѣ, какъ продажная дѣвка... Да, да, я не вѣрю твоей дѣвственной чистотѣ и наивности; ты уже родилась развратной и чувственной женщиной и искусно разожгла мою страсть своими умѣлыми поцѣлуями... И послѣ этого ты осмѣливаешься мнѣ сказать, что я вообразилъ себѣ то, чего не было?? Да вспомни же, вспомни наконецъ, какъ ты обвивалась вокругъ меня, точно змѣя?.. Вспомни, какъ ты цѣловала меня въ послѣдній вечеръ нашего свиданія въ Санто-Фьоре! Неужели ты все это уже забыла? Взгляни на это кольцо; видишь, ты его не сняла, а когда я дарилъ его тебѣ, ты со слезами обѣщала мнѣ никому не принадлежать, кромѣ меня, и быть моей, только моей... Да, ты плакала тогда, фальшивая лгунья, а я, безумецъ, вѣрилъ твоимъ слезамъ!..

Сандрино былъ вполнѣ правъ: Лалла носила на пальцѣ подаренное имъ кольцо съ бирюзой, окруженной розочками; она совершенно позабыла, кто подарилъ ей это кольцо и при какихъ обстоятельствахъ, а просто носила его всегда только потому, что оно нравилось ей и было очень красиво.

— Ахъ ты, безсовѣстное, проклятое созданье!—продолжалъ кричать Фрасколини, захлебываясь отъ слезъ...

— Ради бога, потише!—взмолилась не на шутку испуганная Лалла,—не кричите такъ, не дѣлайте скандала!

— Хочу и буду кричать!.. Да... Пусть всѣ сбѣгутся, я расскажу имъ, какая ты безстыжая дрянъ.

— О, не кричите такъ, прошу васъ... потише, закливаю васъ всѣмъ святымъ, потише...

— Нѣтъ... Я хочу, чтобы меня услышали другіе и буду еще громче кричать... Пусть твой женихъ прибѣжитъ тебя спасать, я ему выложу всю правду, а начнетъ мнѣ противорѣчить, такъ укоюшу его. Теперь вѣкъ равенства и свободы!..

— Сжальтесь надо мною, молю васъ, я такъ страдаю; сжальтесь, не кричите такъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Ты не достойна сожалѣнья. Я бросилъ отца для тебя, поѣхалъ въ Венецію, работалъ тамъ, какъ шальной, безъ воздуха, безъ свѣта, а ты въ это время кокетничала тамъ вдаль съ прилизанными и нарумяненными аристократами и устраивала свою свадьбу... Тебѣ не было дѣла до меня, твой капризъ прошелъ, и ты отбросила меня, какъ ненужную вещь... О проклятая!..—Фрасколини кричалъ все громче и громче; онъ увѣрялъ, что пойдетъ внизъ въ залу отомстить *тому негодю* и дать ему пощечину при всѣхъ... Лалла до того перепугалась, что уже не обращала вниманія на его оскорбленія и не возражала ему больше; она бросилась на колѣни между дверью и молодымъ человѣкомъ, рыдая, умоляла его успокоиться, простить ей, обнимала его колѣни и покрывала слезами и поцѣлуями его красныя рабочія руки. Но все это нисколько не подѣйствовало на разсвирѣпѣвшаго Сандро; онъ не хотѣлъ простить молодой дѣвухѣ.

— Пора покончить всю эту комедію и ложь,—грубо воскликнулъ онъ;—теперь ты уже больше никого не обманешь, я всѣмъ расскажу, что ты за человѣкъ!..

— Алессандро, Алессандро, дорогой мой, сжался надо мной, не губи меня ради Христа!

— У меня нѣтъ для тебя состраданья,пусти... я хочу пройти внизъ, увидѣть твоего возлюбленнаго и сообщить ему все, что знаю про тебя.

— О Боже, Боже... къ чему это? Вѣдь я не люблю его... клянусь тебѣ, я не могу его любить...

— Не лги, обманщица!

— Нѣтъ, я не лгу... все это правда. Я не хотѣла выходить за него замужъ, но отецъ заставилъ меня согласиться...

Лалла добилась своего этими простыми словами: онѣ подействовали лучше ея слезъ, просьбъ и поцѣлуевъ. Сандрино разомъ успокоился точно по волшебству.

— Зачѣмъ же ты выходишь за него замужъ? — спросилъ онъ ее гораздо тише и мягче, и, пытливо глядя ей въ глаза, сжалъ въ своихъ рукахъ ея похолодѣвшую ручку.

Молодая дѣвушка вздохнула съ облегченіемъ; она поняла, что побѣдила, и уже не боялась больше за будущее.

— Что же мнѣ дѣлать?—начала она притворно-жалобнымъ тономъ:—отецъ настаивалъ, я не могла противиться... У меня нѣтъ силъ больше страдать, я такъ изстрадалась за эти два мѣсяца!.. О, Алессандро, вѣдь вы не знаете моего отца и не можете понять его... а мнѣ пришлось очень тяжело! Я перестала ѣсть, перестала спать, никуда не ходила и все время плакала, но отецъ былъ непреклоненъ. Онъ грозилъ увести меня въ Бельгію и навѣки постричь тамъ въ какой-то монастырь, если я не исполню его воли... Тогда у меня не хватило силъ дольше бороться и я сдалась... «Алессандро никогда не узнаетъ того, что мнѣ пришлось пережить», говорила я себѣ въ эти горькія минуты, «но, можетъ быть, мнѣ удастся хоть изрѣдка видѣться съ нимъ»...

— А мнѣ сказали, что ты любишь этого графа дельла-Валле и что вашъ романъ начался еще тамъ, въ Пельи.

— Мало ли что говорятъ! Нельзя же запретить разговаривать... пойди спроси у Нены или у miss Dill, какъ все произошло, если не вѣришь мнѣ.

Сандрино чувствовалъ ложь въ словахъ молодой дѣвушки, но эта ложь доставляла ему такое громадное удовольствіе, что у него не хватило духу изобличить Лаллу. Измученный всѣмъ

пережитымъ, онъ съ радостью ухватился за эту ложь и видѣлъ въ ней послѣднюю надежду на спасеніе.

Наступило долгое и мучительное молчаніе. Влюбленный и задыхающійся отъ волненія Фрасколини пристально и упорно смотрѣлъ въ глаза молодой дѣвушкѣ. Лалла встала съ колѣнъ и, потупившись, перебирала дрожащими пальцами цѣпочку отъ своихъ часовъ; отъ времени до времени, она поднимала свою хорошенькую головку и смотрѣла на молодаго человѣка съ нѣжной любовью и ласковымъ упрекомъ; потомъ снова застѣнчиво опускала глаза; при этомъ у нея слегка дрожали губы. Побѣжденный Сандрино также весь дрожалъ отъ волненія.

— Поклянись мнѣ еще разъ, что я буду видѣться съ тобою потомъ... послѣ свадьбы,—прошепталъ онъ, наконецъ.

Хорошенькая дѣвушка снова удивительно-нѣжно и застѣнчиво взглянула ему прямо въ глаза и еле слышно прошептала: «да».

— Смотри... запомни хорошенько, что если ты меня еще разъ обманешь, то я уже не прошу тебѣ больше и тогда берегись! берегись!.. — Говоря это Сандрино схватилъ Лаллу въ свои объятія и покрылъ ея ротъ, щеки и глаза безумно-страстными поцѣлуями. Въ этихъ поцѣлуяхъ вылилась вся любовь, злоба и ревность несчастнаго влюбленнаго. Молодая дѣвушка почти не противилась; она такъ обрадовалась счастливому окончанію пугавшей ее исторіи, что готова была все отдать, лишь бы онъ только поскорѣе ушелъ и не смущалъ больше ея покой. Опьяненный Сандрино продолжалъ осыпать поцѣлуями ея лицо, волосы, уши, щеки, глаза. Кровь прилила ему въ голову и онъ лихорадочно сжималъ въ своихъ объятіяхъ тонкое, стройное и горячо любимое имъ тѣло Лаллы. Онъ начиналъ терять сознаніе отъ этихъ поцѣлуевъ.. Тогда молодая дѣвушка слегка отстранилась отъ него и съ нѣмымъ упрекомъ взглянула ему прямо въ глаза; въ этомъ краснорѣчивомъ взглядѣ было столько мольбы, что Алессандро въ послѣдній разъ крѣпко прижалъ къ груди свою возлюбленную, впился губами въ ея пунцовыя губки безконечно-долгимъ поцѣлуемъ и оттолкнулъ ее отъ себя. Онъ справился съ собой, поборолъ искушеніе, выбѣжалъ, какъ безумный, изъ комнаты, прыжками спустился съ лѣстницы и въ тотъ же день уѣхалъ изъ Боргиньяно.

Когда Сандрино выбѣжалъ изъ комнаты и Лалла, наконецъ, почувствовала себя свободной, она гадливо выпрямилась и, вся блѣдная отъ негодованія, долго провожала его своимъ взглядомъ, горѣвшимъ злобой. Глухія рыданія душили молодую дѣвушку; она съ отвращеніемъ обтерла рукой свои еще влажныя отъ поцѣлуевъ губы и нѣсколько разъ громко крикнула: «Подлецъ, подлецъ, подлецъ!» Какъ она ненавидѣла Фрасколини въ это мгновеніе за всѣ перенесенныя ею оскорбленія! Ей хотѣлось ударить, убить его на мѣстѣ... Но нельзя было дольше медлить; Лалла вспомнила, что ее ждутъ внизу и побѣжала къ себѣ въ комнату оправиться; по дорогѣ она даже не обратила вниманія на поджидавшую ее въ коридорѣ англичанку и ничего не отвѣтила на ея разспросы. Молодая дѣвушка съ наслажденіемъ вымыла лицо холодной водой, поправила свое измятое и скомканное платьѣ, причесала волосы, перевязала галстукъ, наскоро поблагодарила Господа Бога за то, что Онъ спасъ ее отъ гибели, взяла голубую шерсть, за которой она якобы ходила къ себѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно и увѣренно вернулась въ гостинную. Въ дверяхъ она столкнулась съ делла-Валле; онъ уже шелъ ее разыскивать.

— Ого, какъ вы нетерпѣливы, милый графъ!—съ граціозной улыбкой замѣтила ему Лалла.—Это нехорошо, надо быть терпѣливымъ...

— Ради бога не сердитесь на меня, Лалла!—И Джорджіо съ виноватымъ видомъ улыбнулся своей невѣстѣ.

— А гдѣ же мама? спросила Лалла.

— Она вышла сейчасъ же вслѣдъ за тобой... Точно, дѣйствительно, боится оставаться со мной наединѣ!..

«Какое счастье, что мама не вздумала меня разыскивать»—промелькнуло въ головѣ молодой дѣвушки.

Женихъ и невѣста остались одни въ гостинной, что случилось очень рѣдко. Лалла взяла изъ вазы цвѣтокъ и, приподнявшись на цыпочки, стала втыкать его въ петличку сюртука Джорджіо. Толстый стебель не повиновался молодой дѣвушкѣ и долго не пролѣзалъ въ узкую петлю; Лалла сердилась на него и дѣлала при этомъ такія забавныя и соблазнительныя рожицы, что Делла-Валле съ трудомъ удерживался, чтобы не расцѣловать ее. Онъ нѣжно обнялъ тонкую и строй-

ную талию своей невѣсты и, наклонившись къ ея пушистымъ волосамъ, сталъ молить о поцѣлуѣ. Джорджио съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе влюблялся въ кокетливую и хорошенькую дѣвушку. Лалла ничего не отвѣтила ему; она приподняла свое свѣжее личико фарфоровой куколки и, любовно взглянувъ на жениха, съ комической серьезностью поднесла свои, вмѣстѣ сложенные, ладони къ его губамъ. «Такъ и быть, даю тебѣ обѣ мои руки; цѣлуй ихъ сколько хочешь, но помни, что всегда и во всемъ распоряжаться буду я!»—казалось, говорилъ ей величественный жестъ. Делла-Валле съ благодарностью перецѣловалъ всѣ эти десять длинныхъ тонкихъ пальчиковъ съ острыми розовыми ноготками. Лалла не мѣшала ему и, повидимому, думала о чемъ-то другомъ.

— Я знаю, о чемъ ты задумалась въ эту минуту,—обратился къ ней влюбленный графъ.

— Неужели?—Молодая дѣвушка иронически улыбнулась.

— Да, да... Ты думаешь о томъ, какъ сильно и горячо я тебя люблю...

— Нисколько! я думала совершенно о другомъ.

— Ахъ ты, маленькая лгунья!.. Смотрите, пожалуйста: говорить неправду и даже не краснѣть!

Лалла не стала оправдываться, но на этотъ разъ она, противъ обыкновенія, сказала правду:—«Какое счастье, что мама не вздумала прийти меня разыскивать!»—вторично подумала хитрая дѣвушка.

(Продолженіе будетъ).

Послѣдній пріютъ.

~~~~~

Печаленъ путь, трудна дорога,
Ни зги не вижу предъ собой.
Я изнемогъ, прошель я много;
Моя душа больна, убога,—
Мнѣ нуженъ отдыхъ и покой.

Кругомъ пустырь, не видно крова;
Мое блужданье—горькій трудъ;
Нигдѣ мнѣ нѣтъ угла роднаго:—
Гдѣ примуть странника чужаго?
Кто дастъ несчастному пріютъ?

Вотъ шумный городъ. У порога
Стучу съ надеждою въ груди:
«О, пріютите, ради бога»!
Но мнѣ кричатъ за дверью строго:
«Самимъ намъ тѣсно,— уходи»!

Иду печальный и суровый.
Пріютъ зловѣщій впереди;
Стучу, расплакаться готовый,
И откликъ слышится гробовый:
«У насъ просторно здѣсь—входи»!

В. Чуфаринъ..

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Минувшій недородь. — Всероссийское равнодушіе къ голоднымъ. — Отчетъ главнаго управленія краснаго Креста. — Сколько пожертвовали 120.000,000 сытыхъ гражданъ въ пользу голодныхъ?—Россійская скупость и причины ея по объясненію фарисеевъ и фарисействующихъ.—Отсутствие потребности творить добро. — Почему и когда нашъ купецъ благотворитъ? — Печальное существованіе нашихъ благотворительныхъ обществъ.—Отсутствие *дѣлательной* любви въ русскомъ обществѣ.—Любовь російскихъ толстосумовъ—*благотворитъ* заграничнымъ артистамъ и кафешантаннымъ «пѣвичкамъ».—Къ вопросу о самообложеніи въ пользу нуждающихся.—Сколько можетъ веселиться Петербургъ прокормить голодныхъ, еслибы каждый посѣтитель загороднаго ресторана ухлѣилъ по 1 копейкѣ въ ихъ пользу?—Итоги неурожая и эпидемій: чыяги и сыпваго тифа.—Три періода борьбы съ голодомъ.—Истинно-христіанское подвижничество двухъ фельдшерцевъ.—Голосъ крестьянина-земледѣльца о причинахъ недородовъ.—Дѣятельность маленькихъ тружениковъ и труженицъ среди голодающихъ.—Довладъ казанскихъ проф. Любимова и Высоцкаго въ казанскомъ отдѣленіи Краснаго креста. — Дикій лукъ, щавель, дягиль—въ роли пищи для казанскаго крестьянина. — «Мерзость залустѣнія» деревни. — Крестьянскіе толки: зачѣмъ и для чего имъ помогаютъ?—Признаки голода на югѣ.—Эпидемія въ волынской губ.—Отказы крестьянъ допустить фельдшеровъ къ дезинфекціи ихъ жилищъ и принимать лѣкарства.—Почему народъ боится докторовъ?—Обружная и желѣзнодорожная больницы.—Народъ умѣетъ цѣнить полезныхъ людей.—Проводы друга народа, доктора Юцевича.—Положеніе фельдшеровъ въ деревнѣ.—Малая обезпеченность ихъ.—Отношеніе докторовъ къ фельдшерамъ. — Имѣетъ ли право замужняя женщина, по возрѣнію помехонскаго земства, быть учительницею? — Наличныя культурныя силы въ деревнѣ и ихъ роли. — Чего жадеетъ народъ отъ священника?—Пастырѣ и овцы.—Трагизмъ положенія священника въ деревнѣ.—Необезпеченность православнаго духовенства сравнительно съ представителями другихъ инославныхъ и языческихъ исповѣданій.—Къ чему ведетъ предоставленное православному духовенству право питаться отъ прихода?—Полная обезпеченность нашего духовенства въ старости.—Что вышло бы, еслибъ чиновнику, вмѣсто жалованья, предоставлено было право питаться отъ своихъ кліентовъ? — Финляндскіе отголоски. — Отвѣты генераль-лейтенанта Шипова сотруднику копенгагенской газеты «Vort Land».—«Финляндія—балованный ребенокъ въ русскомъ государствѣ».—Финляндскія «тяготы» сравнительно съ русскими.—Травля русскихъ корабельниковъ финляндцами.—Циркуляръ генераль-адъютанта Н. И. Вобрикова мѣстнымъ губернаторамъ.—Конецъ періода броженія въ финляндскомъ обществѣ и начало русской созидательной политики.—«Начало конца» въ разрѣшеніи у насъ еврейскаго вопроса. — Строгое примѣненіе мѣръ къ сокращенію «еврейскаго процента» въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Запрещеніе принимать евреевъ въ спб. технологическій институтъ.—Распоряженіе министра финансовъ.—Рѣшеніе кассационнаго сената, мало согласующееся съ этими мѣрами.—«Церковный Вѣстникъ» о нашемъ провѣтѣ отреченія евреевъ отъ талмуда и шулханъ-аруха.

Голодный 1898—99 годъ окончился. Новый, довольно хорошій урожай дастъ возможность, хоть до нѣкоторой степени, оправиться,

голодному и разорившемуся крестьянину. Мы говоримъ: *до нѣкоторой степени*, потому что рушившееся крестьянское хозяйство возможно возстановить, привести въ норму, въ теченіе минимум 10-ти лѣтъ. Легко обѣднѣть, разориться, а поправиться крайне тяжело! Для этого нужны громадная энергія, благопріятныя обстоятельства и хорошій урожай въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Трудно представить себѣ, до какого мучительнаго напряженія доходилъ народъ въ борьбѣ съ голодомъ и цынгой. Нищета вездѣ была невѣроятная. Хлѣба ни у кого не было. Въ каждой деревнѣ встрѣчалось не болѣе 2—3 домовъ, которые имѣли свой хлѣбъ, остальные прямо голодали.

Голодъ былъ страшный! Сытое же общество оставалось въ теченіе цѣлаго года крайне равнодушнымъ къ голоду. Тамъ, гдѣ-то на востокѣ, голодный народъ ѣстъ лебеду и кору, болѣетъ цынгой, мретъ отъ тифа,—это обстоятельство насъ мало беспокоило и волновало. Мы оставались глухи къ крикамъ голодныхъ и больныхъ. До насъ долетали отголоски о той страшной, невѣроятной нуждѣ, постигшей нѣсколько милліоновъ людей, нашихъ братьевъ. Голодные тщетно просили у насъ хлѣба, помощи; но мы только жалкіе крохи удѣлили имъ...

Публикуемыя главнымъ управленіемъ краснаго креста, свѣдѣнія о поступающихъ пожертвованіяхъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая наводятъ на грустныя и тяжелыя размышленія: въ теченіе года (къ 25 іюня) было собрано 3.631,130 р. 97 к. Но въ этой суммѣ находится крупное пожертвованіе Государя Императора—перваго радѣтеля о благѣ народа—въ 1.500,000 р. Слѣдовательно, 120.000,000 жителей россійской имперіи пожертвовали въ пользу голодныхъ и больныхъ своихъ согражданъ, числомъ въ 10—15 мил., всего 2.131,130 р. 97 коп. Если раздѣлить эти 2.131,130 р. 97 к. на 120 милліоновъ, то окажется, что за годъ каждый россійскій житель пожертвовалъ въ среднемъ около 1,75 к. въ пользу пострадавшихъ отъ недорода. Нечего сказать: распедрился россійскій обыватель! Можетъ быть, нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что «лепта, дескать, вдовицы» и пр... Выводъ изъ этого подсчета очевиденъ: помощь, оказанная нашимъ голоднымъ собратьямъ, крайне ничтожна и прямо таки позорна. Причина этого грустнаго явленія,—лучше сказать, этой нашей жадности,—та, что мы черствы и жестоки сердцемъ. Другаго объясненія нѣтъ и не можетъ быть. Вѣдь нельзя же считать за причину тѣ объясненія, которыми сытые люди объясняютъ свою скупость и свое нежеланіе удѣлить нѣсколько рублей въ пользу голодныхъ. «Мы охотно-де пожертвовали бы, еслибъ были увѣрены, что пожертвованные нами рубли дойдутъ

по адресу... Вѣдь, вотъ въ 1892 г. были злоупотребленія»... и т. д. Все это прекрасно. Но, если вникнуть въ смыслъ этихъ разсужденій, то нетрудно прийти къ заключенію, что эти отговорки продиктованы не сердцемъ, а лукаво мудрствующимъ и фарисействующимъ умомъ. Злоупотребленія всегда и вездѣ были, есть и будутъ. Тамъ, гдѣ люди,—тамъ возможны и злоупотребленія. Нѣтъ, здѣсь останавливала отъ пожертвованій не боязнь, что деньги не всё дойдутъ по адресу, а наша жадность, наша скупость, наше жестокосердіе. Постыдно было бы «разглагольствовать», когда мы видимъ, что люди тонуть, погибають, а мы преспокойно стоимъ на берегу: помочь тутъ нужно, но вотъ бѣда — нужно сдѣлать приспособленія, а для этого нужны деньги. Деньги же могутъ попасть въ руки недобросовѣстныхъ людей, такъ что часть ихъ можетъ прилипнуть къ рукамъ. Конечно, крайне жаль, что не всё деньги дойдутъ по адресу. Но что дѣлать?! Пусть лучше часть денегъ не попадетъ по адресу, нежели допустить, чтобы часть голодныхъ и нуждающихся совсѣмъ погибла. Лихоимство въ благотворительности—это страшная язва; съ нимъ нужно бороться другими путями и способами, а не тѣмъ, чтобы *перестать благотворить*. Намъ кажется, что причина нашего равнодушія къ голодающимъ кроется совсѣмъ не въ боязни, что не всё деньги дойдутъ по адресу. Черствы мы стали—вотъ въ чемъ причина!.. У насъ нѣтъ потребности творить добрыя дѣла, а есть большая потребность—бросать лишнія деньги на винтъ, на флиртъ, на пропойство и т. п.

Отсутствіе потребности творить добро—явленіе весьма печальное, и съ нимъ приходится встрѣчаться чуть не на каждомъ шагу. Чтобы нашъ «толстосумъ» расщедрился, пожертвовалъ что либо на доброе дѣло, для этого необходимо создать извѣстную обстановку. Купецъ строить церковь, жертвуетъ на школу — въ надеждѣ или орденъ получить, или почетное гражданство. Не будь у него этой надежды, онъ гроша мѣднаго не дастъ на доброе дѣло. Конечно, есть и купцы, которые жертвуютъ деньгами не ради почестей и орденовъ. Но это исключенія, а мы не говоримъ объ исключеніяхъ. Недалеко ушелъ отъ купца и культурный человѣкъ. Послѣдній состоитъ членомъ нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ лишь потому, что его записалъ какой либо пріятель; но онъ, по обыкновенію, очень мало интересуется дѣятельностью общества и его клиентами, и забываетъ вносить членскіе взносы. Равнодушіе къ обществу полное, и онъ, при первой возможности, удираетъ изъ него. На нашихъ глазахъ нѣсколько благотворительныхъ обществъ,—задачи которыхъ весьма симпатичны,—влачатъ жалкое существованіе и доживаютъ послѣдніе свои дни. Члены-благотворители,

внесши 3 — 5 р., успокаиваются и вспоминают о существованіи общества не болѣе одного раза въ годъ, когда получаютъ повѣстки съ просьбою внести членскій взносъ. Всѣмъ, кто когда либо стоялъ близко къ какому нибудь благотворительному обществу, извѣстны многіе факты, свидѣтельствующіе о любви нашего общества къ благотворительности.

Но странное явленіе: тотъ же самый, равнодушный къ чужому бѣдствію, обыватель почти ежедневно посѣщаетъ театръ, клубъ, загородные рестораны, гдѣ охотно швыряетъ десятки рублей и охотно даетъ рубли и полтинники на чай прислугѣ. За границею русскій человекъ—синонимъ богача, и притомъ богача, швыряющаго деньги направо и налево. Заграничные артисты, артистки и кокотки не находятъ въ цѣломъ мірѣ людей добрѣе русскихъ. Недавно одна петербургская газета чуть не съ гордостью дѣлилась со своими читателями пріятною вѣстью, что одна французенка, кафешантанная «пѣвичка», подвизавшаяся нынѣшнимъ лѣтомъ на подмосткахъ одного загороднаго театра, оставляя Петербургъ, увозитъ съ собою массу цѣнныхъ,—золотыхъ и брилліантовыхъ,—подарковъ и пару чудныхъ русскихъ рысаковъ съ русскою упряжью, которыми она будетъ удивлять катающихся въ Булонскомъ лѣсу парижанъ. Пріятное извѣстіе!.. Дарить пѣвицамъ и кафешантаннымъ танцовщицамъ брилліанты—мы большіе мастера. Но когда населеніе пѣлаго края постигло страшное бѣдствіе, мы безчувственны и не въ состояніи справиться со зломъ, именуемымъ голодомъ.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ нѣкто А. Л. посвятилъ этому вопросу весьма интересную статью. По мнѣнію автора, раньше всего въ людяхъ должно укорениться сознаніе необходимости помогать ближнему; затѣмъ уже нетрудно справиться даже и съ такимъ бѣдствіемъ, какъ голодъ. Онъ предлагаетъ принять слѣдующій проектъ:

«Посмотрите,—говоритъ онъ,—напримѣръ, цифры посѣтителей увеселительныхъ мѣстъ Петербурга. 3-го іюня во всѣхъ этихъ мѣстахъ официально зарегистрировано 14,700 посѣтителей, 4-го—10,528, 6-го—13,580, 7-го—33,968, 15-го—15,241, 19-го—18,012; 20-го—125,341, 21-го—11,548, 27-го—63,850, 28-го—9,831, 1-го іюля—13,299, 4-го—121,611 и т. д.! Чтò, еслибы каждый веселящійся петербуржець обложилъ себя хоть одною копѣйкою въ тотъ день, когда онъ развлекается? Вѣдь это дало бы въ теченіе хотя бы 11-ти дней 5,618 руб. 09 к., или по 510 р. въ день. Считая по 4½ к въ день на человекъ, можно было бы, слѣдовательно, ежедневно кормить на эти деньгі 11,300 человекъ. Цифра внушительная! А для жертвсвателей это было бы, конечно, сущими пустяками.

Надѣяться, что каждый веселящійся петербуржецъ добровольно обложитъ себя грошевымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, крайне трудно. Вопросъ этотъ можно рѣшить гораздо проще, обложивъ каждый пропитый и пробѣденный рубль въ загородномъ саду или ресторанѣ 10% налогомъ. На каждомъ подаваемомъ счетѣ должна быть наклеена марка, составляющая одну десятую часть суммы, проставленной на счетѣ. Обложилъ же себя поѣздитель добровольнымъ 10% налогомъ въ пользу ресторанныхъ лакеевъ!..

Далѣе, по свѣдѣніямъ, собраннымъ авторомъ, въ лѣтніе мѣсяцы изъ Петербурга ежедневно выѣзжаютъ по всемъ желѣзнымъ дорогамъ не менѣе 450 человекъ, берущихъ билеты I класса; не менѣе 1,000 человекъ, берущихъ билеты II класса, и не менѣе 2,500 пассажировъ III класса. Для человека, затрачивающаго, напр., 19 руб. 50 к. (стоимость билета I класса до Москвы), конечно, не обременительно внести полтинникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая; пассажиръ II класса безъ ущерба внесетъ 25 к., пассажиръ III класса—гривенникъ. 30,000 дачниковъ, ежедневно путешествующихъ съ дачи на дачу, думаю, не затруднились бы внести ежедневно по 2 к. Такое необременительное обложеніе или, вѣрнѣе, самообложеніе дало бы слѣдующіе результаты: съ пассажировъ I класса получалось бы ежедневно 225 руб., съ пассажировъ II класса—200 руб., съ пассажировъ III класса—250 руб., съ отправляющихся въ дачныхъ поѣздахъ—600 руб., а всего 1,275 руб. въ день. Слѣдовательно, за 4 лѣтнихъ мѣсяца можно было бы собрать 163,000 руб., т. е. *сумму, вполне достаточную для прокормленія 11,000 человекъ въ теченіе круглаго года* (считая по 14 руб. 50 коп. въ годъ на человека).

Еслибы каждый петербургскій обыватель ежедневно вносилъ въ кассу главнаго управленія русскаго общества Краснаго креста по *одной* копѣйкѣ, то на собранныя деньги можно было бы ежедневно кормить около *270 тысячъ* человекъ!

Но если примѣру столицы послѣдуютъ и прочіе города, то ежегодно можетъ составиться колоссальная сумма, при помощи которой явится возможность успѣшно бороться съ голодомъ и его страшными спутниками.

Подобное самообложеніе, однако, лишь тогда возможно и дастъ благоприятные результаты, когда нашъ «культурный» обыватель пойметъ, что, трата почти ежедневно по нѣсколькимъ рублямъ въ театрахъ и ресторанахъ, онъ можетъ, безъ особаго ущерба для своего кармана, дать гривеникъ въ пользу нуждающихся.

Мы пережили тяжелый годъ не въ томъ только смыслѣ, что нѣсколько милліоновъ нашихъ согражданъ голодало и болѣло цынгой и

тифомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Оказалось, что мы больны... своею скупостью и жидовскою жадностью...

Г. Шмурло, въ своей прекрасной статьѣ: «На исходѣ голоднаго года», пытается подвести итоги какъ размѣровъ неурожая, цынги и сыпнаго тифа, такъ и организаціи помощи пострадавшему населенію.

«Тяжелая година еще не завершила полнаго своего кругооборота, но уже подходить, слава богу, къ концу. Зимняя стужа смѣнилась весеннимъ теплотомъ; радостно зазеленѣли деревья; расцвѣтились унылыя поля, до сихъ поръ скрытыя подъ бѣлымъ покровомъ; отоцалый скотъ давно уже набираетъ силы на свѣжемъ подножномъ корму; яровая пахота закончена, черная пашня одѣлась зеленымъ ковромъ, а озимый посѣвъ уже заколосился. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ сѣнокосъ, скоро начнется и уборка радостнаго, давно жданнаго, хлѣба. Однако, нужда и теперь еще тяжела и безспорна, и борьба съ нею продолжается по прежнему напряженная и непрерывная. Хотя острый періодъ цынги уже миновалъ, но больныхъ считаютъ еще тысячами; хотя теплое время и позволило раскрыть двери и окна, освѣжить душиныя и зараженныя избы, но оно не уменьшило этимъ ни на щепоть пустоту крестьянскихъ кадлушекъ: населеніе по прежнему все еще безъ своего хлѣба».

Отъ этихъ общихъ разсужденій г. Шмурло переходитъ къ подробному изложенію хода борьбы съ голодомъ 1898—99 г.г. Борьба эта распадается на три періода. Въ первый, осенній, дѣйствуетъ исключительно одно только правительство; забота сосредоточена на такъ называемомъ казенномъ (земскомъ) 35-ти-фунтовомъ пайкѣ, на закупкѣ и доставкѣ хлѣба, на обмѣненіи озимыхъ и яровыхъ полей, организаціи общественныхъ работъ и прокормкѣ крестьянскаго скота. Всего этого, однако, оказалось недостаточно: степень нужды уже въ концѣ осени была констатирована значительно большая, чѣмъ предполагалось вначалѣ; къ тому же формы ея были столь разнообразны и индивидуальны, что и формъ помощи требовались болѣе гибкія и разностороннія, чѣмъ тѣ, какія могло предложить правительство. И вотъ на подмогу ему выступаетъ Красный крестъ, отмѣчая собой второй періодъ, которому можно придать названіе періода зимняго: это—время столовыхъ, раздачи теплой одежды, добавочныхъ порцій муки и сѣна. Подобно правительству, и Красный крестъ пытался было организовать общественныя работы, выходя изъ вполне справедливой мысли о желательности придать оказываемой помощи характеръ не милостыни, а вознагражденія за трудъ; но, какъ раньше, такъ и теперь, обще-

ственные работы не имѣли широкаго примѣненія на практикѣ, и, въ общемъ, ихъ нельзя назвать удавшимися.

«Нужда, между тѣмъ, росла не по днямъ, а по часамъ; къ голоду присоединились еще и болѣзни: тифъ, цынга; правительство, съ Краснымъ крестомъ, хотя и продолжаютъ развивать свою благотворительную дѣятельность, но даже и ихъ совмѣстныя усилія оказываются недостаточными: спросъ помощи превышаетъ ея предложеніе,—и вотъ тогда-то, съ цѣлью восполнить дѣйствія правительства и Краснаго креста, выступаетъ на сцену само общество. Борьба принимаетъ особенно интенсивный и симпатичный характеръ въ этотъ третій, весенній, періодъ. Одно время позволительно было опасаться, что общественныя силы останутся безучастными къ народной бѣдѣ, и это порождало толки самые разнообразныя: съ одной стороны, утверждали, будто общество устранило противно своему желанію, а съ другой—говорили, будто бы оно добровольно устранилось отъ участія. Толки, очевидно, были одинаково неблагоприятны какъ для устранителей, такъ и для устранявшихся. Слава богу, опасенія оказались напрасными, и общество явилось на помощь несчастнымъ, не только денежными средствами, но и личнымъ трудомъ; теперь едва ли не на всемъ, пораженномъ неурожаемъ, пространствѣ можно наблюдать сотни лицъ,—гдѣ маленькими, гдѣ многочисленными группами, а гдѣ и совсѣмъ въ одиночку,—которыя безкорыстно участвуютъ въ общемъ дѣлѣ, самоотверженно забывъ личные интересы или удобства домашней обстановки».

Если,—какъ мы говорили выше,—наше сытое, богатое общество не откликнулось на помощь голоднымъ и больнымъ, то встрѣчаются и противоположные факты. Намъ нерѣдко приходится читать, что мрачная картина голода и сопровождающихъ его цынготной, тифозной и иныхъ эпидемій нерѣдко освѣщается отрадными фактами истинно-христіанскаго подвижничества лицъ, отдавшихъ себя дѣлу помощи страдающему населенію. «Спб. Вѣдомости» рассказываютъ о двухъ фельдшерцахъ.

«На первомъ планѣ,—говоритъ онъ,—поставлю одну фельдшерницу казанскихъ курсовъ, служившую въ отрядѣ Краснаго креста. Я познакомился съ нею въ то время, какъ нашъ отрядъ открывалъ столовую въ той деревнѣ, гдѣ она жила. Она — еврейка, но это не помѣшало ей въ январѣ мѣсяцѣ, когда извѣстія о народномъ горѣ начали повторяться съ особенной силой, бросить курсы и отправиться туда, гдѣ страдалъ народъ. Далекая всякой племенной и религіозной розни (слава богу!)—она пошла къ этому страдающему народу только потому, что этотъ народъ страдалъ, а она,

какъ фельдшерица, могла помочь ему. Съ января до іюля прожила она среди народа, принося ему посильную помощь. Ни ужасы нужды, ни неудобства жизни не остановили ея. Приходилось подчасъ самой мерзнуть, самой голодать, приходилось, весной, ходить изъ деревни въ деревню; но это не воспрепятствовало ей дѣлать свое высоко-честное и глубоко-прекрасное дѣло. Лѣкарствъ, случилось, не было, кромѣ буры да бертолетовой соли; часто она сознавала свое безсиліе помочь страдающему, но она не падала духомъ отъ неудачъ, не складывала рукъ. Въ ея маленькой комнаткѣ, нанятой въ избѣ одного татарина, все говорило о безкорыстїи, самоотверженности, искренности, и невольно думалось, какъ сильна Русь, имѣя такихъ людей...

«Другая работница, запомнившаяся мнѣ,—курсистка петербургскихъ бестужевскихъ курсовъ. Она прїѣхала на эпидемію, въ апрѣлѣ, волонтеркой въ Красный крестъ, и все свое время провела въ деревнѣ, завѣдуя столовыми и ухаживая за больными. Часто она жаловалась, какую громадную ошибку сдѣлала, поступая не на медицинскіе курсы. «Какая громадная нужда въ деревнѣ въ медицинскихъ силахъ,—говорила она,—какую громадную пользу приносятъ всѣ, кто примѣняетъ свои медицинскія позванія именно въ деревнѣ». И если ей было до боли жаль, что она не могла лѣчить народъ, зато она прилагала всѣ усилія, чтобы хоть ухаживаніемъ за больными возмѣстить сдѣланное упущеніе. Съ утра до ночи я видѣлъ ее только около больныхъ: то она хлопотала въ больничкѣ, смазывая десны больнымъ и сама дѣлая имъ массажъ, то обходя избы, гдѣ были больные, заставляя ихъ пить лѣкарства, слѣдя, все ли они получаютъ изъ столовой, все ли ѣдятъ сами и не отдаютъ ли другимъ семейнымъ. Ее можно было бы смѣло назвать фанатичной сестрой милосердія. Кромѣ больныхъ, она ничего знать не хотѣла. Какъ ее, такъ и фельдшерицу крестьяне очень любили. При мнѣ одинъ больной изъ деревни,—гдѣ фельдшерица служила раньше,—увидѣвъ ее прїѣхавшей навѣстить подругу, такъ обрадовался, что чуть не заплакалъ».

Часто повторяющіеся недороды—это одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей экономической жизни, и поэтому немудрено, что вопросъ этотъ горячо обсуждается въ нашей печати, причѣмъ нерѣдко высказываются крайне противорѣчивыя мнѣнія о причинахъ этого прискорбнаго явленія. Особенно интересны по этому вопросу мнѣнія самихъ земледѣльцевъ, которымъ приходится переносить на себѣ всѣ ужасы недорода и сопряженныя съ нимъ послѣдствія. Въ «Биржевыхъ Вѣдом.» по этому важному предмету высказывается крестьянинъ Коваленко. Онъ находитъ, что «главная причина не-

дородовъ—малоземелье». Да, малоземелье! Эта причина такъ вѣрна, что оспаривать ее нѣтъ данныхъ. Фактъ, что недороды, при настоящемъ положеніи дѣла, съ каждымъ годомъ будутъ все больше и больше увеличиваться, нельзя отрицать потому, что съ каждымъ годомъ народонаселеніе увеличивается, и тѣмъ дальше, тѣмъ все въ бблшемъ количествѣ, а, слѣдовательно, ежегодно увеличивается и потребность въ землѣ, которая, конечно, ни откуда не прибываетъ, а, напротивъ, все больше истощается.

Не останавливаясь на причинахъ недородовъ, онъ пытается дать отвѣтъ и на вопросъ: какъ же помочь горю?

«Для того чтобы избѣжать недородовъ и оскуденія крестьянской общины,—необходимо увеличить и усовершенствовать ремесленность и промышленность, которыя безспорно будутъ большимъ подспорьемъ и поддержкой крестьянской общины. Для увеличенія ремесленности и промышленности необходимо прежде всего устройство въ городахъ и большихъ слободахъ, смотря гдѣ нужно, въ достаточномъ количествѣ ремесленно-промышленныхъ училищъ, съ обученіемъ въ нихъ воѣмъ тѣмъ специальностямъ, которыя могутъ дать кусокъ хлѣба».

Слѣдовательно, крестьянинъ-земледѣлецъ находитъ, что недороды происходятъ отъ истощенія земли, вслѣдствіе того, что изъ нея извлекается соковъ больше, чѣмъ слѣдовало бы, а дѣлается это потому, что у крестьянъ нѣтъ никакихъ другихъ источниковъ доходовъ, кромѣ обработки земли; поэтому, по его мнѣнію, необходимо создать эти источники въ промышленныхъ занятіяхъ. Но этого мало: необходимо научить нашего крестьянина интенсивной культурѣ, чтобы онъ лѣзъ въ глубь земли, а не въ ширь, какъ онъ теперь дѣлаетъ.

Въ нынѣшній тяжелый годъ бѣдные маленькіе труженики,—учителя и учительницы, фельдшера и фельдшерицы, сестры милосердія и пр., — съ честью послужили на пользу русскаго крестьянина. Провинціальные газеты полны извѣстіями о работѣ этихъ скромныхъ и невидимыхъ подвижниковъ и подвижницъ во имя общаго блага. Въ газетѣ «Волынъ» напечатаны извлеченія изъ частнаго письма сестры милосердія М., рисующія дѣятельность этихъ тружениковъ и труженицъ.

«Мы всѣ развѣхались и живемъ верстахъ въ 30—20 другъ отъ друга,—говорится въ письмѣ. Сестра Лаврова отъ насъ верстъ 50, а С. Будзинская отъ меня въ 15 верстахъ. Лаврова проѣхала прямо на свое мѣсто и съ нами не видалась. Въ моемъ вѣдѣніи—3 многолюдныхъ татарскихъ деревни, гдѣ я уже устроила двѣнад-

цать столовыхъ и кормится въ нихъ 1,000 человекъ, а прежде было четыре и кормилось 250 человекъ. Нужда страшная; всё избы безъ крышъ, хлѣба рѣшительно ни у кого; всё—истощенные, исхудалые,—ходятъ въ лохмотьяхъ, а ребятишки совсѣмъ голые. Не разъ приходится плакать надъ ними. На такія картины насмотришься! Въ особенности жалки несчастныя больныя дѣти. Еслибы Лаврова хоть что нибудь дала намъ изъ того платья, что везла съ собою, хоть бы голыхъ одѣть. Ахъ, какъ они живутъ, просто смотреть страшно! Дѣла много; встаю въ 4 часа утра и развѣзжаю по столовымъ; слѣжу за приготовленіемъ каши, хлѣба и за добросовѣстностью выдачи; потомъ прѣвѣзжаю домой,—здѣсь возня съ кашеварами, хлѣбопеками: надо высчитать, сколько имъ выдать, принять продукты изъ склада, провѣрить, записать приходъ и расходъ. Еще больныя приходятъ; къ вечеру я совершенно безъ ногъ. Бѣсть нечего, спать негдѣ, изба у меня страшная: въ ней столько таракановъ, прусаковъ, клоповъ, что мнѣ нѣтъ мѣста, и я только жду съ нетерпѣніемъ разсвѣта. Жара здѣсь все время невыносимая, и я ежедневно по солнцу должна сдѣлать версть 30. Загорѣла такъ, какъ уголь. А все таки рада, что сюда попала, такъ какъ только здѣсь—настоящее дѣло милосердія!»

Какой искренностью, какою неподдѣльной любовью къ нуждающимся, бѣднымъ и сирымъ, дышетъ это простое письмо сестры милосердія, трудящейся на пользу ближняго самоотверженно, безъ всякаго шума о своихъ подвигахъ.

Голодовка еще не окончилась, какъ это можно видѣть изъ сдѣланнаго въ казанскомъ отдѣленіи Краснаго креста доклада профессоровъ мѣстнаго университета: И. М. Любимова и Н. Θ. Высоцкого, посѣтившихъ въ іюль мѣсяцѣ шесть наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ казанской губ. и побывавшихъ въ 200 семьяхъ. Заключенія докладчиковъ сводятся къ слѣдующему. Во всѣхъ селеніяхъ, которыя были осмотрѣны гг. Любимовымъ и Высоцкимъ, голодь еще въ полной силѣ и больныхъ цынгою множество, вслѣдствіе чего продовольственная помощь голодающимъ, по ихъ мнѣнію, еще не должна быть прекращена; объ общемъ впечатлѣніи, вынесенномъ ими изъ этой поѣздки, говорится въ докладѣ слѣдующее:

«Для того, кто видѣлъ наши голодающія деревни въ концѣ зимы, картина тѣхъ же деревень въ настоящее время представляется чрезвычайно отрадной. Эти деревни зимой имѣли крайне зловѣщій видъ, представлялись какъ бы вымершими. Не смотря на то, что была масляница (когда совершался первый объѣздъ этихъ деревень профессоромъ Н. Θ. Высоцкимъ), деревенскія улицы были

почти пусты, Не видно было праздничнаго разгула, не слышно было веселой пѣсни. Народъ считалъ великимъ грѣхомъ пѣсни во время такой тяжкой божьей кары, какъ голодъ, да и некому было пѣть. Большинство женщинъ лежало въ тяжелой цынгѣ, а тѣмъ, которыя оставались еще здоровыми, не въ чемъ было выйти. Большинство мужчинъ разбрелось на заработки или за милостыней. Проѣхавши около 800 верстъ, мы всего два раза слышали собачій лай: всѣ собаки передохли съ голоду или разбѣжались въ другія, болѣе счастливыя, мѣста. Уцѣлѣвшій кое-гдѣ скотъ, походившій болѣе на скелеты, обтянутые кожей, понуро бродилъ повсюду, тщетно отыскивая себѣ пищу. Въ настоящее время деревня ожила, населеніе вышло изъ душныхъ, вонючихъ избъ на чистый воздухъ; тѣ, которые не могутъ ходить, вынесены или выползли на травку и грѣются на животворномъ солнышкѣ. Дѣти и женщины собираютъ въ лугахъ дикій лукъ, щавель, дягили, ѣдятъ ихъ и кормятъ своихъ больныхъ. Голодное время оканчивается, цынга повсюду прекращается».

Среди населенія голодающаго района, неурожай, болѣзни, столовыя и пожертвованія служатъ предметомъ непрерывныхъ разговоровъ и обсужденій. Въ высшей степени характерный образчикъ такого рода разговоровъ находимъ въ письмѣ г-жи Нелидовой, напечатанной въ іюльской книгѣ «Міра Божьяго».

— Слышали: барину въ Грибовкѣ привезли возъ хлѣба во дворъ ночью—для крестьянъ тайное пожертвованіе?

— А въ Зеленовкѣ барыня каждый день щами и кашей кормить...

— И чай съ сахаромъ даетъ...

— А бабамъ, слышь, по сарафану подарила...

— Барыня, а ты отъ кого будешь?—спрашиваютъ меня.

— Ни отъ кого, сама пріѣхала.

— А жалованье кто тебѣ даетъ?

— Никто.

Молчать, но, видимо, не вѣрять. Черезъ нѣсколько времени возобновляютъ разговоръ.

— Въ Грязнухѣ, говорятъ, всѣмъ, и старымъ, и малымъ, кто въ столовыхъ обѣдаетъ, оспу будутъ прививать.

— Не однимъ обѣдающимъ, а и всѣмъ, чтобы не хворали.

— Нѣтъ, однимъ только имъ. Бляхи имъ, вишь, мѣдныя даютъ тамъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

Послѣ нѣкотораго молчанія, начинаютъ съ осторожностью.

— Слуги антихристовы, говорятъ, жалованья не получаютъ, а кормятъ, одежду выдаютъ, на сѣмена, на хозяйство... Что больше раздадутъ, то больше крещенаго люда къ антихристу въ рабство попадетъ.

— Пустое болтаютъ!—соглашаются они послѣ многихъ убѣжденій и усовѣщиваній. Очевидно, въ ихъ умѣ плохо укладывается мысль о добровольномъ желаніи помочь имъ. Они объясняютъ это принужденіемъ властей или темныхъ таинственныхъ силъ, въ родѣ антихриста или «англичанки», пускавшей отраву въ колодцы во время холерной эпидеміи.

Кругомъ невѣроятныя лохмотья, горькія слезы и тихія, хватающія за душу, причитанья... «Горя рѣченька бездонная»... Кто и когда исчерпаетъ ее до дна? Поэтому и не удивительно, что на почвѣ горя и страданій создаются подобныя невѣроятныя разговоры и рассказы. У голоднаго народа всегда и вездѣ развивались и развиваются суевѣрія.

Нашему благодатному югу, съ его неистощимымъ черноземомъ, съ его тучными пастбищами, угрожаетъ также недородъ. Южныя газеты забили уже тревогу о помощи. Дай Богъ, чтобы въ-время пришла туда помощь, чтобы мы не прозѣвали тамъ голода, какъ чуть было не прозѣвали его въ восточныхъ губерніяхъ. Въ волынской губ. развивается уже тифъ, какъ предвѣстникъ голодовой. Правда, въ послѣднее время тифъ началъ понемногу уменьшаться, идти на убыль. Такъ, съ 11 іюня по 6 іюля, движеніе сыпныхъ тифозныхъ заболѣваній представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 11 іюля всего больныхъ было 259, за отчетную недѣлю зарегистрировано больныхъ 378 чел.; умерли 29 и осталось 153 больныхъ. Проценты смертности по отношенію къ общему числу больныхъ—6 проц., что для сыпнаго тифа слѣдуетъ считать крайне незначительнымъ. Распредѣлялось общее число заболѣваній по 56 пунктамъ; къ 6-му іюля число пунктовъ составляло лишь 33, и такимъ образомъ въ 23 пунктахъ эпидемія прекратилась. По отдѣльнымъ пунктамъ больные распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ *житомірскомъ* уѣздѣ, въ Маломъ Братоловѣ, 8 больныхъ; въ *дубенскомъ* уѣздѣ, въ Грановѣѣ, 5 случаевъ; въ *кремenceцкомъ* уѣздѣ—въ Вербовцѣ 7 больныхъ, въ Рыдомлѣ 11, въ с. Вязовцѣ—19, въ Гавриловѣ—9, въ Одератовѣ 13 и въ Новоставѣ 7 больныхъ; въ *староконстантиновскомъ* уѣздѣ: въ Мосчинцахъ 7 случаевъ, въ селѣ Свиной 7 и въ Кульчинѣ — 7 больныхъ. Во всѣхъ остальныхъ, пораженныхъ тифомъ, 5 пунктахъ губерніи число больныхъ ниже 5.

Возвратившійся 5-го іюля изъ поѣздки по кремenceцкому и дубенскому уѣздамъ помощникъ врачебнаго инспектора Д. С. Моро-

зовъ рисуеъ въ «Воляни» положеніе осмотрѣнныхъ имъ селъ и деревень мрачными красками. Для успѣшной борьбы съ заразой, большимъ препятствіемъ является крайнее невѣжество и совершенная дикость крестьянскаго населенія. Не вѣря въ заразительность болѣзни, питая также недовѣріе къ врачамъ, крестьяне, благодаря своему первобытному суевѣрію, дѣлаютъ невозможнымъ своевременную дезинфекцію.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, напр., крестьяне ни за что не позволяютъ дезинфицировать вещей умершаго раньше 9-го дня, а дома—раньше 40. Конечно, дезинфекція производится, но для этого приходится прибѣгать къ властямъ и переносить глухой протестъ суевѣрнаго населенія. Что же касается изоляціи, то съ этимъ обстоятъ еще хуже. Не смотря на то, что въ селахъ почти вездѣ прекрасные стодола и клуны, здоровое населеніе даже въ жаркіе лѣтніе дни ни за что не соглашается опять тамъ, предпочитая духоту избъ, въ которыхъ лежатъ бокъ-о-бокъ съ больнымъ, подчасъ накрываясь однимъ «кожухомъ»... Дождливая погода явилась настоящимъ бѣдствіемъ, такъ какъ крестьянское населеніе, благодаря ей, и днемъ скоплялось по хатамъ. Не отказываются также крестьяне отъ пирушекъ и другихъ общественныхъ собраній, и никакія увѣщанія въ этомъ направленіи не помогаютъ; приходится разгонять ихъ силой. Чтобы хоть сколько нибудь вліять на крестьянъ въ смыслѣ болѣшей изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось посадить въ селахъ волостныхъ старшинъ на жительство въ селѣ. Въ другихъ случаяхъ Д. С. Морозовъ настоялъ на томъ, чтобы деревни организовали караулы для прекращенія доступа изъ зараженнаго села въ ближайшее здоровое село. Такъ напр., въ селѣ Одерадовкѣ свирѣпствуетъ сильнѣйшій тифъ, тогда какъ въ ближайшемъ громадномъ селѣ—Тылевкѣ—тифа нѣтъ; пришлось въ Тылевкѣ образовать изъ парней караулъ, на обязанности котораго лежитъ—не пропускать въ село никого изъ Одерадовки.

Но этого мало: есть цѣлыя села, которыя совершенно отказываются принимать лѣкарства.

Вся бѣлокриницкая волость сплошь отъ нихъ отказывается; крестьяне не признаютъ тамъ никакихъ медикаментовъ, кромѣ, впрочемъ, кастороваго масла... Чѣмъ дальше отъ центровъ, тѣмъ больше поражаетъ васъ темнота и дикость населенія. Есть такія мѣста въ еременецкомъ уѣздѣ, которыя совершенно лишены всякаго сообщенія; такъ напр., деревня Кинаковцы расположена въ ущельѣ среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ, въ чудной мѣстности, но туда доѣхать невозможно: приходится версту—двѣ проходить пѣшкомъ, по

узкой и крутой тропинкѣ. Горы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько высоки, что ихъ южный склонъ покрытъ одной породой лѣса, а сѣверный—другой; почва вездѣ плохая, для земледѣлія неудобная, и среди крестьянъ царить нищета и глубочайшая тьма духовная. При такихъ условіяхъ, немудрено, если самыя энергичныя мѣры для борьбы съ эпидеміями оказываются подчасъ неэффективными.

При такихъ условіяхъ, бороться съ тифомъ нѣтъ никакой возможности. Въ невѣжествѣ крестьянина эпидемія имѣетъ большаго помощника для своего быстрого распространенія. Когда же наступитъ конецъ этому невѣжеству, этой дикости, этому непониманію самыхъ обыкновенныхъ вещей? Нужны школы, школы и школы... Побольше свѣта въ деревенскую тьму! Безъ школы нашъ крестьянинъ не скоро выберется на путь свѣта и знаній. Благодаря своему невѣжеству, а отчасти и благодаря плохой постановкѣ медицинскаго дѣла въ деревнѣ, народъ избѣгаетъ больницы и неидетъ къ доктору. Онъ предпочитаетъ лѣчиться своими домашними «средствами» и у своихъ деревенскихъ лѣкарей:—знахарей и знахарокъ. Народъ боится идти въ больницу не въ одной только деревнѣ, но даже и въ столицахъ. Въ Петербургѣ, напр., рабочій съ неохотой идетъ въ больницу. Онъ идетъ туда или по принужденію своего хозяина, или уже въ крайности. Причина этого—не одно невѣжество крестьянина... Петербургскій акушеръ скоро отучитъ отъ больницъ и интеллигентныхъ людей. Прежде чѣмъ обращаться къ доктору, нужно серьезно подумать, чтобы не попасться въ руки къ такому акушеру, который не столько будетъ лѣчить, сколько мучить васъ. Иногда крестьянинъ съ упорствомъ избѣгаетъ одной больницы и охотно идетъ въ другую. Очевидно, тутъ играетъ роль не одно невѣжество. «Есть у насъ,—пишетъ корреспонд. «Казбека»,—окружная больница, но, къ сожалѣнію, существованіе ея составляетъ какую-то непроницаемую тайну для жителей. Основалась она почти уже годъ и мѣстопребыванія ея — Русскій Стандартъ. Само собой, что при больницѣ этой есть и докторъ, и фельдшеръ, и аптека, и амбулаторная, и пріемный покой для постоянныхъ больныхъ, но нѣтъ только одного—больныхъ. Нѣтъ и не было! Всѣ точно сговорились избѣгать ее и не потому, что она пользуется дурной репутаціей, а просто потому, что больница эта покрыта мракомъ неизвѣстности. И если она кому нибудь попадетъ на глаза, то онъ увидитъ въ ней голыя стѣны, простыя койки, безмолвныя склянки съ лѣкарствомъ—и все. Впрочемъ, онъ можетъ еще увидѣть въ ней, (хотя и не всегда) сторожа, который скажетъ, что «больныхъ у насъ не полагается», а потому фельдшеръ и врачъ живутъ въ городѣ и навѣщаютъ сюда лишь на часокъ-другой утромъ, а затѣмъ боль-

ница, или, вѣрнѣе, больничное имущество, окончательно переходитъ на попеченіе его, сторожа. Въ больницу не обращаются даже въ самыхъ экстраординарныхъ случаяхъ, хотя бы эти случаи произошли въ двухъ шагахъ отъ нея. Недавно нѣкая женщина облила въ саду трехъ посѣтителей сѣрной кислотой. Казалось бы, что потерпѣвшихъ слѣдовало отправить именно въ окружную больницу, такъ какъ она была подъ бокомъ. Но объ этомъ никто даже и не подумалъ, и пострадавшихъ сначала повезли въ желѣзнодорожную больницу, а затѣмъ, подъ утро, въ городскую, въ которой, въ сущности говоря, жителямъ округа при существованіи окружной больницы и лежать не подобало бы. А вотъ и другой аналогичный случай: въ томъ же саду одна женщина разбила другой камнемъ голову, причемъ потерпѣвшей пришлось сдѣлать операцію. Объ окружной больницѣ опять никто не вспомнилъ, и больную направили въ ту же желѣзнодорожную больницу».

Очень жаль, что корреспондентъ не указываетъ причинъ, почему крестьяне охотно ѣдутъ въ желѣзнодорожную и избѣгаютъ окружной больницы. Вѣдь не безъ причинъ же больные отдають предпочтеніе одной больницѣ предъ другой?!

Русскій народъ не отворачивается огульно отъ докторовъ; онъ любитъ и цѣнитъ, но только достойныхъ и полезныхъ для него докторовъ. Недавно въ елисаветградскомъ уѣздѣ были проводы доктора, искренняго друга народа. Вотъ какъ корреспондентъ «Орловскаго Вѣстника» описываетъ эти проводы.

«Въ м. Малой-Выськѣ, елисаветградскаго уѣзда, поселился, 13 лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ земскаго врача д-ръ О. А. Юцевичъ. Земство въ то время еще очень мало тратило на медицину, и приемные покои врачей обставлялись самымъ жалкимъ образомъ, ютятся въ наемныхъ—гѣсныхъ и низкихъ—лачугахъ. «Клинически» воспитанный и съ городскими наклонностями человѣкъ обыкновенно удиралъ отъ такой обстановки, проклиная и земство, и народъ, и медицину. Въ такія условія попалъ и г. Юцевичъ. Его приемный покойчикъ помѣщался на берегу плохой рѣчки, М. Выси, и представлялъ заурядную бѣдную крестьянскую хату съ низкими потолками, съ мазанными полами и крошечными окнами. Въ этой-то хатѣ развилась широкая дѣятельность врача, который самъ оперировалъ своихъ больныхъ, въ особенности слѣпыхъ. Бывало и такъ, что не хватало мѣста ни въ клунѣ, ни въ хатѣ; тогда оперированные размѣщались по сосѣднимъ избамъ. Результаты были прекрасныя, и къ врачу начали стекаться больные съ далекихъ окраинъ. Больше всего привлекало сюда доброе, чисто родственное, обращеніе врача съ больными. Когда въ прошломъ году была окончена

постройкой новая елисаветградская земская больница, то мѣсто хирурга въ ней, и по старшинству служенія въ уѣздѣ, и по выдающимся способностямъ, было единогласно предоставлено съѣздомъ врачей д-ру Юцевичу. Населеніе участка со слезами на глазахъ просило доктора не уходить, а продолжать жить съ ними и работать для нихъ, но настойчивыя и частыя напоминанія управы взяли верхъ, и О. А. послѣ долгихъ колебаній переѣхалъ въ Елисаветградъ. Все населеніе Маловысковской волости рѣшило выразить свою признательность любимому доктору. И оно сдѣлало это въ высокой степени трогательно, во всей чистотѣ хорошаго народнаго чувства. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ обѣдни, у церковной ограды собрались почти всѣ жители М. Выськи, — и дѣти, и бабы, и старики, и русскіе, и евреи, и интеллигенты, и простецы. На ограду взобрались ребятишки и унизали ее цѣлымъ рядомъ головъ. Всѣ смотрѣли на средину, гдѣ почти выше всѣхъ выдавалась преждевременно посѣдѣвшая голова любимаго доктора, стоявшаго въ глубокомъ волненіи и сдерживавшаго порывы слезъ. Подъ прекрасное пѣніе хора и священно-служителей, умиленіе толпы достигло высокой степени, и къ концу молебна явно раздавались рыданія многихъ и многихъ. Послѣ адреса былъ переданъ г. Юцевичу образъ св. великомученика Пантелеймона. Старосты селъ поднесли врачу хлѣбъ-соль, называя имя своего общества. Такихъ хлѣбовъ было десять. Послѣ этого наступилъ непередаваемый моментъ, который надо было видѣть, чтобы сознать его во всей трогательности. Заговорилъ докторъ. Съ мокрымъ отъ слезъ, взволнованнымъ лицомъ говорилъ онъ о своей любви къ покидаемымъ друзьямъ. По умиленнымъ лицамъ стоявшихъ ясно видна была та родственная близость, какая установилась въ средѣ простаго люда съ этимъ хорошимъ человѣкомъ».

Вотъ какъ народъ,—этотъ «невѣжественный и грубый» русскій народъ,—умѣетъ провожать своихъ истинныхъ друзей и благодѣтелей! Дѣло, значить, не въ одномъ невѣжествѣ и грубости русскаго крестьянина...

Главная тягость деревенской медицины лежитъ на фельдшерахъ. Докторъ изрѣдка только видитъ больныхъ. Фельдшеръ, стоя ближе къ крестьянину, несомнѣнно можетъ принести и больше пользы крестьянину. Но положеніе сельскихъ фельдшеровъ, въ матеріальномъ отношеніи, крайне неудовлетворительно. Переходя отъ одного больного къ другому, онъ рискуетъ очень часто своимъ здоровьемъ и даже своею жизнью. А, между тѣмъ, онъ мало обезпеченъ; въ случаѣ же его смерти семья его должна идти прямо «по міру». Скопить

на черный день, при скудномъ жалованьѣ, немислимо, пенсіи же имъ не полагается. «Тифлискій Листокъ», разбирая дѣятельность фельдшеровъ, находитъ аналогичныя черты въ ихъ службѣ со службою въ войскахъ.

«Долгъ военныхъ—защищать отечество отъ враговъ; медики тоже защищаютъ своихъ согражданъ отъ враговъ, называемыхъ болѣзнями. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково рискуютъ своей жизнью. Если война представляетъ множество опасностей для военныхъ, то эпидемія, въ сущности, та же война. Смерть ко-сить направо и налево, и нужно большое мужество открыто вступать съ нею въ борьбу. Въ этой борьбѣ съ эпидеміей фельдшера также подвергаютъ свою жизнь опасности, какъ солдаты на войнѣ. И развѣ мы не знаемъ примѣровъ, когда врачи или фельдшера, подавая помощь больному, сами опасно заболѣвали и умирали, какъ солдаты на войнѣ? Были такіе случаи и во время холеры 1892 года, и въ нынѣшнемъ году, — въ борьбѣ съ цынгой, тифомъ и другими болѣзнями въ неурожайныхъ губерніяхъ; были смертные случаи отъ зараженія среди медицинскаго персонала».

Но наше общество слишкомъ мало цѣнить тѣ услуги, которыми оно пользуется хотя бы со стороны фельдшеровъ. А, между тѣмъ, къ послѣднимъ предъявляются большія требованія: они должны быть и знающими, и дѣтельными, и расторопными. Сколько же получаютъ фельдшера въ деревняхъ за свой трудъ, сопряженный со столькими опасностями? Всего отъ 12 руб. 25 коп. до 16 руб. Это слишкомъ скромно, чтобы не сказать болѣе. Въ центральныхъ губерніяхъ для фельдшеровъ существуютъ, такъ называемыя, «пятилѣтки», пятилѣтніе промежутки, черезъ которые идетъ правильное увеличеніе жалованья—рублей до 40 и выше. Какъ прожить на такое скудное жалованье въ деревнѣ, да еще человѣку семейному? Тяжесть положенія фельдшеровъ увеличивается еще тѣмъ презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ врачей, которымъ они низводятся почти на степень крѣпостнаго. Врачъ для фельдшера—непосредственное начальство и въ своей начальнической важности онъ рѣдко когда снисходитъ до позатія руки своему подчиненному. Понятно, что при такихъ условіяхъ жизнь фельдшеровъ далеко не красна. Лучшіе изъ нихъ,—знающіе, дѣтельные, — при первой открывшейся возможности, оставляютъ свою службу и соглашаются охотно поступить конторщикомъ, лишь бы имъ немного больше платили и по человѣчески обращались. Институтъ фельдшеровъ все таки приноситъ большую долю пользы, и было бы грѣшно не подумать объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта.

Дѣйствительно, объ этихъ малыхъ и незамѣтныхъ, но полезныхъ труженикахъ нужно позаботиться.

Участью маленькихъ тружениковъ у насъ, вообще, мало интересуются. А если иногда и вздумаютъ поинтересоваться, то непременно выдумаютъ что нибудь такое, отъ чего прямо приходится открепчиваться. Въ «Сѣверномъ Краѣ», напримѣръ, вотъ что пишутъ о пошехонскомъ земствѣ: «Въ нашемъ уѣздномъ земствѣ существуетъ странный обычай, запрещающій замужнимъ женщинамъ быть учительницами въ начальныхъ школахъ. По поводу такого устнаго закона, ходитъ немало «крылатыхъ словечекъ». Замѣчательны и мотивы, послужившіе основаніемъ для введенія такого обычая. Замужнія женщины, изволите видѣть, могутъ быть беременными и, во имя нравственности, не должны показываться передъ дѣтьми. Но, чтобы быть послѣдовательными, пошехонскіе земцы должны распорядиться, чтобы дѣти, у которыхъ есть беременныя матери, сестры и тетки, также были удаляемы изъ дома, во избѣжаніе соблазна».

Такъ разсуждаютъ и не одни пошехонцы...

Всѣ бѣдствія и страданія нашего народа происходятъ, съ одной стороны, отъ его невѣжества и безграмотности, а съ другой—отъ того, что среди него почти нѣтъ интеллигентныхъ людей, которые помогли бы ему дѣломъ и совѣтомъ, у которыхъ онъ могъ бы учиться и съ которыми могъ бы раздѣлить и радость, и горе. Наша деревня бѣдна «культурными» силами. Священникъ, изрѣдка учитель и фельдшеръ, еще рѣже помѣщикъ — вотъ и весь наличный составъ деревенской культурной силы. Мы не говоримъ о деревенскихъ волостныхъ старшинахъ и писаряхъ,—это тоже своего рода «интеллигенція», но скорѣе гибельная и вредная для народа. Что же дѣлаетъ деревенская интеллигенція? Священникъ исправляетъ требы и хозяйствуетъ; учитель учить ребятишекъ читать и писать; фельдшеръ, по мѣрѣ силъ и средствъ, лѣчитъ. По отношенію къ крестьянину, всѣ эти лица являются «начальниками», а онъ—ихъ подчиненнымъ. Пока эти культурныя силы почти не имѣютъ никакого практическаго значенія въ деревенской жизни. Особенно важна роль священника въ деревнѣ. Чего же желаетъ народъ отъ священника? Остановившаяся на этомъ любопытномъ вопросѣ, «Подольскія епарх. Вѣдомости» даютъ на него такой отвѣтъ:

«Для достиженія близкихъ и добрыхъ отношеній со своимъ духовнымъ пастыремъ, крестьянинъ желалъ бы, чтобы священникъ не ставилъ себя въ приходѣ такъ, какъ начальникъ среди подчиненныхъ, а относился бы къ народу за просто, чтобы не гордился

своимъ преимущественнымъ положеніемъ предъ прихожанами, а былъ бы доступенъ для каждаго человѣка, не дѣлалъ бы различія между бѣдными и богатыми, а со всѣми былъ одинаковъ, не отказывался бы раздѣлять съ ними хлѣбъ-соль въ ихъ же домахъ, гдѣ крестьянинъ можетъ высказывать священнику свои недоумѣнія, по вопросамъ вѣры и жизни, и слышать отъ него соотвѣтственныя разъясненія. Кромѣ простоты въ обращеніи съ народомъ, крестьянинъ желалъ бы, чтобы священникъ былъ чуждъ строптивости, капризовъ и такого презрительнаго и унижительнаго обращенія съ народомъ, какое особенно становится обиднымъ для крестьянъ, когда священникъ называетъ ихъ мужиками, хамами, быдломъ и т. п.».

«Если священникъ обращается грубо и гордо съ прихожанами, то и послѣдніе отвѣчаютъ ему нерасположенностью, а иногда и такою же грубостью, каковую допускаетъ ихъ пастырь; концомъ же этого являются враждебныя отношенія прихожанъ къ священнику.

«Если священникъ справедливъ и находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами то послѣдніе, во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ своей жизни, охотно идутъ къ своему пастырю за руководствомъ и добрымъ совѣтомъ; бѣдные люди, притѣсняемые богатыми, ищутъ защиты и покровительства у священника; находящіеся во враждѣ и ссорѣ обращаются къ своему пастырю за примиреніемъ. Это можно видѣть на многихъ примѣрахъ, извѣстныхъ всякому. Если священникъ добръ и снисходителенъ, то разныя спорныя дѣла, особенно по хозяйству, онъ не доводитъ до суда, а оканчиваетъ ихъ въ приходѣ обоюднымъ соглашеніемъ, за что прихожане всегда бывають ему благодарны».

Но, главнымъ образомъ, простой народъ желалъ бы находить въ своихъ пастыряхъ больше сочувствія и снисхожденія при вознагражденіи за требоисполненія.

«Крестьяне сознають, что надо вознаграждать священника за труды по требоисправленію, и развѣ ужъ крайняя нищета заставляетъ бѣднаго человѣка просить исполнить потребу даромъ. Только крестьяне желали бы, чтобы священникъ не допускалъ при этомъ произвола, а довольствовался бы тѣмъ вознагражденіемъ, какое кто изъ нихъ можетъ предложить по своему состоянію. Денежныя средства простаго крестьянина въ большинствѣ случаевъ бывають крайне скудны, такъ какъ, при настоящемъ многолюдствѣ и плохихъ заработкахъ въ селлахъ, съ трудомъ достаются крестьянину деньги, которыхъ у него ежегодно немало расходуется въ уплату разныхъ повинностей и удовлетвореніе своихъ необходимыхъ по-

требностей. Кто не знает, что очень часто бѣдный крестьянинъ дѣлаетъ свадьбу и похороны на занятые деньги, и отъ этихъ долговъ не можетъ освободиться по нѣсколькимъ лѣтамъ? Въ такомъ случаѣ вполне понятно, почему крестьянинъ желаетъ видѣть въ лицѣ священника—человѣка, съ участіемъ и снисходительностью относящагося къ бѣднымъ людямъ при требоисправленіяхъ. Вымогательство духовенства при требоисправленіяхъ, главнымъ образомъ, служитъ причиной раздора между прихожанами и священникомъ, который въ такомъ случаѣ лишается любви и уваженія со стороны своихъ прихожанъ».

Вопросъ о вознагражденіи за требоисполненія—это трагическій вопросъ въ отношеніяхъ пастыря и пасомыхъ. Выраженіе «пастырь и овцы» нерѣдко замѣняется: «волкъ и овцы».

Въ нашемъ православномъ государствѣ духовные представители всѣхъ вѣроисповѣданій, языческихъ и христіанскихъ, получаютъ жалованье отъ казны. Бурятскій лама, татарскій мулла, еврейскій раввинъ, католическій есеудъ и протестанскій пасторъ, всѣ получаютъ опредѣленное жалованье изъ государственнаго казначейства. Только одни представители православной, господствующей, религіи не получаютъ жалованья, — мы не говоримъ о тѣхъ слишкомъ немногихъ счастливицахъ, которымъ полагается жалованье. Православному духовенству предоставлено кормиться и питаться отъ паствы, отъ прихода... Въ этомъ правѣ и заключается весь трагизмъ положенія православнаго духовенства. Сколько взять за потребу? Здѣсь возможенъ полный произволъ и взаимное неудовольствіе. Священникъ хочетъ взять больше, а мужикъ — меньше дать. Почему священникъ хочетъ взять больше—это понятно каждому. Священникъ — такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы, притомъ зачастую обремененный кучей дѣтей. Ребятишкамъ нужно дать образованіе, поставить ихъ на ноги, а дочерей выдать замужъ. Все это стбить не дешево: священника ожидаетъ полная необеспеченность въ старости, — мы не говоримъ уже о другихъ членахъ причта: псаломщикѣ и дьяконѣ: послѣднихъ ожидаетъ прямо нищета. Пенсія въ духовномъ вѣдомствѣ крайне ничтожная. Вдова священника, прослужившаго 50 лѣтъ, получаетъ что-то около 30 руб. въ годъ. Псаломщикъ, за 50-лѣтнюю службу, получаетъ 30 руб. въ годъ, а жена его, послѣ смерти мужа, —единовременное пособіе въ 30 руб. Вотъ какъ обезпечены представители господствующей въ государствѣ религіи! Если сравнить матеріальное положеніе бурятскаго ламы и еврейскаго раввина съ матеріальнымъ положеніемъ православнаго духовенства, то превосходство будетъ не на сторонѣ послѣдняго. Поэтому неудивительно, что, будучи совер-

шенно не обезпечено, а въ особенности въ старости, православное духовенство нерѣдко и злоупотребляетъ предоставленнымъ ему правомъ «питаться отъ паствы». Наше духовенство обвиняютъ въ лихоимствѣ. Не намъ защищать его: всякому безпристрастному наблюдателю хорошо извѣстно это *лихоимство*, — мы только проведемъ маленькую параллель между духовенствомъ и чиновничествомъ: еслибы нашему чиновничеству предоставлено было право питаться отъ дѣлъ, отъ своихъ кліентовъ, — какъ нашему духовенству предоставлено питаться отъ паствы, — то не оказался ли бы лихоимцемъ и чиновникъ? Разъ нѣтъ таксы на извѣстную работу, трудно удержаться, чтобы не взять въ полтора или два раза болѣе. При такомъ способѣ вознагражденія чиновника или вообще какаго либо служащаго, навѣрное возникъ бы и вопросъ о лихоимствѣ.

Съ «финляндскимъ вопросомъ» русское правительство покончило. Теперь не можетъ быть болѣе разговоровъ на тему: что такое Финляндія и въ какихъ отношеніяхъ она находится къ Россіи? Въ этомъ вопросѣ замѣтно затишье. Изрѣдка только доносятся отголоски взволнованныхъ журналистовъ и политическихъ дѣятелей. Вздумавшее не въ мѣру бурлить, финское озеро преспокойно начинаетъ входить въ свои маленькіе берега. Синицѣ, не смотря на всѣ свои потуги, не удалось зажечь моря. Финляндіей, финляндскимъ вопросомъ заинтересовались было и заграничная печать, и «не удѣлы стоящіе» министры. Попытки иностранцевъ вмѣшаться въ русскія внутреннія дѣла не имѣли никакого успѣха. Но на этомъ иностранцы не успокоились. Имъ захотѣлось интервьюировать и русскихъ государственныхъ дѣятелей касательно ихъ взглядовъ на финляндскія дѣла.

Въ Копенгагенской газетѣ «Vort Land» обнародованы интересные отвѣты исполняющаго теперь должность финляндскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Шипова, данные имъ отчасти письменно, отчасти устно, на вопросы сотрудника этой газеты Карла Муусмана, который недавно имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ по поводу русской политики въ финляндскомъ краѣ.

На первый вопросъ журналиста: «Какого вы мнѣнія о финляндской прессѣ?» — генераль-лейтенантъ Шиповъ далъ слѣдующій письменный отвѣтъ:

«По моему мнѣнію, финляндская пресса, вызывая недовольство общества Россіей и русскими, *оказываетъ своей странѣ весьма плохую услугу*. Какъ предсѣдатель комитета печати, я считаю своимъ долгомъ, насколько мнѣ возможно, препятствовать этой тен-

денци, такъ какъ я предвижу, что, если пресса достигнетъ того, что Финляндія забудетъ свой долгъ по отношенію къ нашему монарху, то она этимъ вызоветъ принятіе такихъ мѣръ, о которыхъ теперь правительство пока и не думаетъ» (sic.).

Къ этому письменному отвѣту генераль-лейтенантъ Шиповъ прибавилъ устно:

«Финляндская печать иногда причиняетъ намъ затрудненія; это происходитъ отчасти отъ того, что она слишкомъ односторонняя. Она полагаетъ, что государь и его правительство, не смотря на обширность русскаго государства, ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ только о Финляндіи; она усматриваетъ во всякой мѣрѣ, хотя бы самой естественной и являющейся прямымъ слѣдствіемъ связи края съ Россіей,—обиду и придирку. Ошибка финляндской печати состоитъ именно въ томъ, что она не понимаетъ лучше общихъ интересовъ обоихъ народовъ».

На второй вопросъ: «Какого вы мнѣнія о международной депутаціи и о проѣздѣ ея черезъ Финляндію?»—генераль-лейтенантъ Шиповъ отвѣтилъ письменно:

«Мы ничего не знаемъ о международной депутаціи, за исключеніемъ того, что она пробыла нѣсколько часовъ въ Гельсингфорсѣ, и что администрація не интересовалась ею, такъ какъ мы даже не допускали возможности того, чтобы кто либо вмѣшивался въ дѣла, касающіяся исключительно нашей собственной страны».

«Я видѣлъ, что здѣсь было нѣсколько туристовъ, которые были приняты мѣстнымъ населеніемъ чрезвычайно любезно. Между извѣстными мнѣ лицами выдается имя Норденшельда. Мы всѣ питаемъ глубокое уваженіе къ этому выдающемуся ученому и знаменитому путешественнику. Когда онъ въ свое время посѣтилъ насъ, онъ былъ у насъ предметомъ того вниманія, котораго такой человекъ заслуживаетъ. И Государь Императоръ въ С.-Петербургѣ удостоилъ его любезнаго приѣма. Дорога къ Царю вообще не длинна. Онъ охотно желаетъ, въ свободное отъ занятій государственными дѣлами время, принимать и чтить выдающихся лицъ въ областяхъ науки и искусства. Но онъ не желаетъ принимать неофициальной депутаціи, которая въ его же собственномъ домѣ хочетъ совѣтовать Ему: какъ, по ея мнѣнію, Ему слѣдуетъ править своимъ государствомъ».

Наконецъ, на третій вопросъ журналиста о томъ: «какія будутъ послѣдствія, въ случаѣ, если финляндцы не послѣдуютъ указанію царя, выраженному имъ въ послѣднемъ рескриптѣ?»—генераль-лейтенантъ Шиповъ письменно отвѣтилъ:

«Я не могу допустить, чтобы финляндцы, которые считаются интеллигентнымъ народомъ, совершили такую глупость (la folie), какъ сопротивляться волѣ, выраженной въ рескриптѣ его величества, и этимъ компрометировать (compromettre) всѣ тѣ привилегіи, которыми они обязаны исключительно щедрости (générosité) нашихъ монарховъ. Я прошу васъ, милостивый государь, принять во вниманіе, что мы—русскіе, и не можемъ допускать возможности того, чтобы кто нибудь,—кто бы онъ ни былъ,—могъ сопротивляться волѣ нашего могущественнаго монарха».

Въ устной бесѣдѣ генераль-лейтенантъ Шиповъ развилъ свои послѣднія слова такъ:

«Финляндія всегда была любимымъ, балованнымъ ребенкомъ въ русскомъ государствѣ (l'enfant gâté), и она пользуется многими особыми правами и преимуществами. *Теперь они дружатъ со шведами и рады имъ. Но какова была эта страна, когда мы приняли ее послѣ шведовъ?* Она была разорена до конца, и населеніе только и желало освободиться отъ нихъ. *Мы принесли много жертвъ, для того чтобы привести страну въ то состояніе, въ какомъ она теперь находится.* Въ то время какъ Финляндія доставляетъ одного человѣка для общей обороны, мы пропорціонально даемъ 3¹/₂ человѣка; въ то время, какъ она даетъ 1 руб. на налоги и подати, мы даемъ 3 рубля. Поводомъ къ конфликту пока служить только вопросъ о военномъ провѣктѣ. Агитація указываетъ на то, что царь якобы противорѣчитъ самому себѣ, создавъ, съ одной стороны, конференцію мира, а съ другой—предложивъ военную реформу для Финляндіи. Между тѣмъ, здѣсь дѣло вовсе не въ вооруженіи или въ новыхъ военныхъ расходахъ, а во введеніи практическаго для военной администраціи и цѣлесообразнаго для обоихъ народовъ порядка. Въ случаѣ же, если финляндцы, дѣйствительно, будутъ оказывать сопротивленіе волѣ Государя,—да сохранить ихъ Богъ отъ этого! — *ихъ привилегіи будутъ упразднены, уничтожены, разрушены (détruire, démolir, gaser)*».

«Новое Время» передаетъ, со словъ финляндскихъ газетъ, что мѣстный генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Н. И. Бобриковъ обратился ко всѣмъ губернаторамъ съ предписаніемъ, въ которомъ онъ «поручаетъ личному покровительству губернаторовъ» русскихъ крестьянъ-торговцевъ, оперирующихъ въ предѣлахъ финляндскаго княжества.

Распоряженіе это вызвано болѣе чѣмъ страннымъ отношеніемъ финляндцевъ къ русскимъ торговцамъ. Въ предписаніи, между прочимъ, говорится:

«Изъ имѣющихъ у меня свѣдѣній видно, что *преслѣдованіе рус-*

скихъ крестьянъ-торговцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ великаго княжества, за последнее время, приняло особенно большіе размѣры, благодаря неумѣстной агитаціи газетъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, на русскихъ торговцевъ учиналось прямо гоненіе, выразившееся въ отказѣ имъ отъ ночлега и пищи, въ установленіи премій за ихъ поимку, причѣмъ деньги для этой цѣли брались изъ суммъ, предназначенныхъ для выдачи наградъ за истребленіе вредныхъ животныхъ (!). *Идти далѣе въ выраженіи своего нерасположенія къ русскимъ торговцамъ, конечно, трудно.* Къ тому же, достаточно уважительныхъ основаній для такого преслѣдованія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не оказалось».

Нетерпимость къ мирнымъ торговцамъ—самая нежелательная и прискорбная нетерпимость въ цивилизованной странѣ! Русский торговецъ—не политикъ, не шовинистъ; онъ вѣчный сторонникъ и упорный консерваторъ. Онъ на людей смотритъ, какъ на покупателей, а на страну—какъ на рынокъ. Ему не до политики. Русскіе кочующіе торговцы всюду ходятъ, и ихъ нигдѣ не притѣсняють и нигдѣ они не занимаются политикой. Только однимъ финляндцамъ они мѣшаютъ почему-то.

Нужно надѣяться, что періодъ броженія въ финляндскомъ,—а, одинаково, и въ русскомъ—обществѣ окончился. Теперь настало время для созидательной культурной работы. Цѣлое почти столѣтіе мы мирволили и баловали финляндцевъ: — немудрено, что изъ нихъ выработались enfants! gâtés! Они зазнались, какъ жида, и тоже вообразили себя государствомъ въ государствѣ. Высочайшимъ рескриптомъ на имя финляндскаго генераль-губернатора положенъ конецъ всякимъ сепаратистическимъ помышленіямъ финляндскихъ гражданъ. «*Финляндія есть единая и нераздѣльная составная часть русской Имперіи*»,—эта фраза, раздавшаяся съ высоты русскаго престола, указываетъ тотъ путь, по которому отнынѣ должна идти неизмѣнно русская политика въ финляндскомъ вопросѣ.

На первую очередь, — какъ сообщаютъ газеты, — поставленъ вопросъ о преобразованіи финляндскаго кадетскаго корпуса во Фридрихсгамѣ.

Финляндскій кадетскій корпусъ почему-то до сихъ поръ, при всѣхъ преобразованіяхъ въ области военно-учебныхъ заведеній, оставался въ сторонѣ и все болѣе обособлялся въ какое-то особое учебное заведеніе, служащее исключительно для пополненія офицерскаго состава финской арміи. При преобразованіяхъ 70-хъ годовъ,—когда спеціальныя классы были отдѣлены отъ корпусовъ, а послѣдніе переименованы въ вольныя гимназіи,—корпусъ во Фридрихсгамѣ остался на прежнемъ основаніи.

Связь съ русской арміей была окончательно порвана, когда финляндская армія обособилась.

Теперь измѣнена воинская повинность въ Финляндіи,—она приравнена къ общей въ имперіи. Это подняло вопросъ и о финляндскомъ корпусѣ. Новый проектъ положенія для послѣдняго уже выработанъ,—чего нельзя не привѣтствовать:—единая армія обуславливаетъ и единый офицерскій составъ. Главныя измѣненія, выработанныя особой комисіей, заключаются прежде всего въ томъ, что спеціальныя классы при корпусѣ упраздняются, и воспитанники его будутъ получать спеціально-военное образованіе, на общемъ основаніи, въ военныхъ училищахъ; а затѣмъ—важная мѣра!—устанавливается допущеніе, въ размѣрѣ 50%, воспитанниковъ изъ уроженцевъ Россіи, преимущественно изъ числа дѣтей тѣхъ офицеровъ, которые служатъ въ русскихъ войскахъ, расположенныхъ въ предѣлахъ княжества. Такое допущеніе особенно знаменательно, такъ какъ, при наличности его и при *установленіи обязательнаго знанія разговорнаго русскаго языка*, военное заведеніе во Фридрихсгамѣ потеряетъ свою обособленность и будетъ носить характеръ кадетскаго корпуса общаго типа.

Расхищеніе подземныхъ и надземныхъ русскихъ богатствъ идетъ быстрыми шагами. Героями его являлись доселѣ иностранцы, которые скупили почти весь нашъ югъ. Ихъ духомъ заразились и нѣкоторые ловкіе предприниматели изъ русскихъ. За послѣднее время газеты подняли шумъ по поводу подвиговъ г. Кожина, липецкаго предводителя дворянства. Онъ буквально сдѣлался героемъ!.. Не проходитъ и одного дня, чтобы газеты не оповѣстили своихъ читателей о его подвигахъ. Въ обществѣ произошелъ расколъ въ оцѣнкѣ подвиговъ г. Кожина: одни его порицаютъ, другіе хвалятъ.

«Орловскій Вѣстникъ» командировалъ даже спеціальнаго корреспондента въ Липецкъ для ознакомленія съ подвигами мѣстнаго предводителя дворянства.

Сообщенія свои корреспондентъ, г. Лукашевъ, дѣлитъ на три отдѣла, соотвѣтственно дѣйствіямъ и положеніямъ рудной эпопеи: объ ея героѣ, объ его сподвижникахъ и объ ихъ дѣйствіяхъ въ уѣздѣ и въ г. Липецкѣ.

Герой эпопеи — г. Кожинъ. Въ своемъ владѣніи онъ имѣлъ 6,000 десятинъ хорошей земли и занимался сельскимъ хозяйствомъ самъ, но такъ какъ, по пословицѣ, «большому кораблю большое и плаваніе» (обширное пространство обрабатываемой земли требовало и обширныхъ затратъ, и приносило обширныя иногда потери или невыгоды), а, съ другой стороны, общественное его положеніе не

допускало остановокъ предъ требованіями личныхъ привычекъ, то для г. Кожина все болѣе и болѣе увлекательнымъ (чтобы не сказать—обязательнымъ) становился вопросъ о томъ: какъ бы восполнить все это такъ, чтобы ему было пріятно. Уродливой формы буровато-синіе комья, валявшіеся по оврагамъ его собственныхъ владѣній, и преданіе о томъ, что въ г. Липецкѣ еще во времена Петра I производилась добыча изъ нѣдръ земли и обработка желѣзной руды,—по неизвѣстнымъ причинамъ прекратившіяся впоследствии,—навели его на рискъ порыться въ своей землѣ. Г. Кожинъ порылся. Скоро онъ достигъ такихъ результатовъ, что въ августѣ 1897 года вошелъ со слѣдующимъ письменнымъ заявленіемъ къ липецкому городскому головѣ, г. Покровскому: «Предлагая инициативу изслѣдованія минеральныхъ залежей въ городскихъ земляхъ,—если городское общество согласится на это,—и przeprowadя при семъ планъ договора на эксплуатацію ископаемыхъ минераловъ, прошу васъ, м. г., предложить не далѣе 15 будущаго сентября, на обсужденіе городской думы мое заявленіе относительно производства изысканій и эксплуатаціи желѣзной руды на землѣ городского общества, на условіяхъ, указанныхъ въ прилагаемой программѣ».

Основные условія предложены были такія: 1) г. Кожинъ желаетъ взять у города всю землю, въ количествѣ 3,600 десятинъ для развѣдокъ и эксплуатаціи, гдѣ только онъ найдетъ нужнымъ, 2) срокъ для развѣдокъ—3 года, для эксплуатаціи—30 лѣтъ; 3) вознагражденіе за занятую подъ развѣдки и эксплуатацію землю—20 р. ежегодно, а за добытую изъ нѣдръ земли руду—по $\frac{1}{4}$ к. за пудъ. Въ засѣданіи липецкой городской думы, состоявшемся въ сентябрѣ того же года, на заявленіе г. Кожина послѣдовало такое постановленіе: предложеніе г. Кожина о принятіи имъ на себя развѣдокъ руды въ Липецкѣ принять, а выработку условій со стороны города на сдачу земли для эксплуатаціи и обсужденіе предложенныхъ г. Кожинимъ условій поручить комисіи изъ гласныхъ: г.г. Замятина, Егунова, Ракова, Степанова, Фадѣева и Покровскаго (3-й—врачъ, а 5—горсд. голова), съ тѣмъ чтобы выработанныя условія представлены были на обсужденіе думы въ ея очередное засѣданіе 19 октября. Заключение комисіи было благопріятно для г. Кожина и въ засѣданіи думы, 19 октября, по этому вопросу постановлено: «предложеніе г. Кожина на предоставленіе ему исключительнаго права на развѣдки и эксплуатацію желѣзной руды на землѣ, принадлежащей липецкому городскому обществу, съ измѣненіемъ предложенныхъ имъ условій, согласно замѣчаніямъ, заключающимся въ докладѣ комисіи—принять, предоставивъ ему право, если пожелаетъ, присту-

пить къ изысканію и—въ случаѣ находенія руды—къ эксплуатаціи немедленно».

Герой, какъ и подобаеть «ироямъ», не ограничился арендой 1,300 дес., а занялъ цѣлую версту такъ называемой еледкой проселочной дороги подъ свои предпріятія. На столбовой лебедянской дорогѣ онъ занялъ мѣсто въ 300 саж. и загромоздилъ дорогу свалкой руды, привозимой сюда крестьянами.

Оборудовавъ ловко дѣло съ городской землей, г. Кожинъ обратилъ свое благосклонное вниманіе и на крестьянскія земли. Онъ призываетъ къ себѣ на помощь—одному, вѣроятно, не подъ силу!—изъ Одессы нѣкоего инженера Г—ва, а изъ Кіева—юриста Р—го. На крестьянскія земли онъ дѣлаеть прямо таки геройскій натискъ.

Ознакомившись обстоятельно со свойствомъ земли и запасшись печатными договорами, имѣвшими значеніе общественныхъ приговоровъ и составленными умѣлою рукой, г. Кожинъ направляетъ куда слѣдуетъ и кого слѣдуетъ въ старосты, а бывшаго недавно слугу своего, — уменьшительное имя котораго извѣстно чуть ли не всему Липецку, — пристраиваетъ въ званіи старшины той волости, гдѣ имѣется благопріобрѣтенная земля послѣдняго, и... хотя и не безъ препятствія, въ видѣ упрямства со стороны «зипуновъ»—ровы безъ шиповъ не бывають!—оказывается контрагентомъ-горнопромышленникомъ на землю въ количествѣ 20,000 десятинъ, а затѣмъ обладателемъ 2.000,000 рублей, выданныхъ ему отъ бельгійскаго общества горнозаводчиковъ, въ видѣ ли «отступнаго» за передачу права арендованія, или въ видѣ преміи за хлопоты по приобрѣтенію такого права бельгійцами—неизвѣстно; говорятъ только, что самъ г. Кожинъ рассказывалъ передъ этимъ нѣкоторымъ лицамъ, что г. Г—въ «будетъ стоить» 300,000, а между тѣмъ г. Г—въ вопіялъ о неблагодарности г. Кожина, выразившейся всего въ 25 или даже 20,000 руб. Упрямство крестьянъ слишкомъ характерно, чтобы не быть извѣстнымъ, а способы дѣйствій г. Кожина... тоже, пожалуй, характерны.

Руда въ крестьянскихъ земляхъ оказалась прекрасная. Желѣзосодержимость ея,—по отзывамъ мѣстныхъ штейгеровъ,—колеблется между 75% и 90%. Бельгійцы, переарендовавши земли у Кожина, не остались въ убыткѣ. Они удивляются, что Кожинъ переуступилъ имъ земли *только* за 2.000,000 руб., тогда какъ они могли бы дать за нихъ въ шесть разъ больше. Вѣдь десятина-сороковка даетъ 4.000,000 пудовъ руды, да еще такой богатой!..

При арендованіи крестьянскихъ земель, г. Кожинъ поступалъ очень просто. Г. Лукашевъ приводитъ нѣсколько примѣровъ *умнья* г. Кожина обдѣлывать свои дѣла.

Вотъ, напр., Сокольская волость. Въ селѣ *Кузьминскомъ*, гдѣ жительствоуетъ бывшій кожинскій лакей,—нынѣ сокольскій волостной старшина,—сбракуются люди съ 4-хъ сельскихъ обществъ, и старшина говорить имъ, что сюда прійдетъ прикащикъ г-на Кожина и что имъ нужно будетъ отдать ему свои земли подъ руду, причемъ,—какъ утверждаютъ,—«горлопанамъ» даются деньги по 10 и по 20 рублей или лошадь, а одному дана пара. Поставили 4 ведра водки, по одному на общество. Мужики выпили и дали прикащику приговоръ—сдать свои земли г. Кожину для развѣдокъ. Но когда прибылъ сюда земскій начальникъ, чтобы завѣрить приговоры и, вновь собравъ общества, сталъ читать имъ приговоры, въ которыхъ сказано, что крестьяне дозволили сдѣлать развѣдку на ихъ поляхъ и если окажется руда, то Кожинъ пользуется землею на 30 лѣтъ за плату по одной четверти коп. съ пуда руды, а за землю, занятую шахтными колодцами по 20 р. съ десятины въ годъ (приговоры такого рода были заранѣе изготовлены печатно, въ видѣ бланковъ, и къ нимъ приглядывались печати старостъ...),—то крестьяне возражали, что они вино попили,—это правда,—но приговоровъ такихъ не давали и что они допускаютъ только сдѣлать развѣдку, а законтрактовывать землю на 30 лѣтъ не намѣрены и не желаютъ. Земскій начальникъ прибѣгаетъ къ баллотировкѣ вопроса такимъ способомъ: кто за отдачу земли и руды, согласно «состоявшимся приговорамъ», тотъ направо, а кто противъ отдачи—налѣво. Результатъ получился такой: 6 человекъ стали направо, а остальные направились по своимъ домамъ и земля ихъ осталась не закабаленной»...

Такія средства и способы г. Кожинъ практиковалъ почти всюду гдѣ ему приходилось, при заарендованіи, соприкасаться съ крестьянами. Какъ просто у насъ обдѣлываются дѣла и наживаются милліоны! А говорятъ еще, что русскій человекъ не предприимчивъ... Но, кажется, пора уже и положить предѣлъ подобной «предприимчивости» г.г. Кожинныхъ.

Изъ провинціи всего чаще приходятъ къ намъ горькія жалобы на заположеніе ея жидами и о трудности борьбы съ ними.

Мы говорили уже много разъ въ нашемъ журналѣ о безотлагательной необходимости покончить разъ навсегда съ неотвязнымъ и назойливымъ «еврейскимъ вопросомъ»,—покончить безъ всякихъ колебаній и двусмысленностей, дающихъ евреямъ только возможность укореняться въ странѣ, распространяя въ ней свою гангренозную язву; добывать и парализовать всѣ лучшія качества русскаго народа и общества, относиться съ нахальнымъ неуваженіемъ къ кореннымъ

основамъ нашего государственнаго устройства и народнаго быта, — словомъ, играть роль какого-то «правительства въ правительствѣ», подчиненнаго только велѣніямъ «всемирнаго израильскаго союза», т. е. международнаго жидовскаго кагала, дѣйствующаго зловредіе и смѣліе всякой анархической «интернаціоналки»... При этомъ мы невольно припоминали мудрыя слова министра юстиціи Г. Р. Державина, что *«за жидовъ надо приниматься за вѣсьхъ разомъ»*.

Какъ ни старались сбить съ толку наше правительство «любвеобильные» и «либеральные» талмудисты, — приберегающіе и «любовь», и «свободу» только *pro domo sua*, — но основная точка зрѣнія нашего законодательства на талмудизмъ и его приверженцевъ осталась, въ сущности, неизмѣнной до сихъ поръ, а частичныя исключенія, — всего же болѣе поблажки со стороны второстепенныхъ и даже первостепенныхъ агентовъ, — только подтверждаютъ незыблемость общаго правила и необходимость строже держаться его въ практическомъ примѣненіи.

По общему взгляду, усвоенному нашимъ законодательствомъ еще со временъ Петра Великаго и Елизаветы Петровны, талмудизмъ есть вредная антигосударственная секта и отнюдь не можетъ пользоваться общегражданскою равноправностію. Эти права, — и то съ нѣкоторыми ограниченіями, — даны жидамъ - талмудистамъ только по присоединеніи къ намъ нѣкоторой части Царства польскаго, гдѣ жидаы, что называется, «кишмя—кишили», и отсюда ихъ нельзя было выпроводить по добру, по здорову; да и то даны только *въ чертѣ осыдлости, безъ распространенія этихъ правъ на коренныя русскія губерніи*, никогда прежде не вѣдавшія еврейскаго нашествія. Правда, что фальсифицированный «либерализмъ», пользуясь общественной сумятицей и смѣшеніемъ элементарныхъ понятій, успѣлъ понадѣлать у насъ много брешей въ чертѣ еврейской осыдлости, черезъ которыя сыны Израиля благополучно проползаютъ и въ наши банки, и въ торговый міръ, и въ бюрократію, а—всего болѣе—въ ожидавшую прессу; но есть еще время дать «задній ходъ» машинѣ и вернуться къ благимъ традиціямъ Петра I, Елизаветы, отчасти Екатерины II, Николая I и Александра III-го—изгонявшаго, какъ извѣстно, гуртомъ изъ Москвы еврейскихъ псевдо-ремесленниковъ, прикрывавшихъ ремесленническимъ патентомъ свои всемирно-израильскія деспотическія затѣи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы должны отмѣтить, что этотъ поворотъ на старый «петровскій шляхъ» продолжаетъ выражаться у насъ многими серьезными правительственными мѣрами. Такъ напр., по министерству народнаго просвѣщенія «еврейскій процентъ» въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — превратившійся было въ пустой звукъ, — снова подтвержденъ и строго соблюдается на

практикѣ (соблюдайся онъ прежде, не произошло бы и дерзкаго вторженія «киевского союзнаго совѣта» въ нашу университетскую жизнь!); а въ петербургскій технологическій институтъ, переполненный жидами, приѣмъ ихъ и совсѣмъ воспрещенъ. Такимъ образомъ, русская интеллигенція ограждается... хотя бы отъ дальнѣйшаго безпрепятственнаго вторженія въ нее враждебнаго, — анти-народнаго и анти-государственнаго — элемента.

Въ то же время надзоръ за евреями, прибывающими толпой на нижегородскую ярмарку, будетъ производиться съ небольшою строгостью, чѣмъ въ прошломъ году, а *проверка ремесленныхъ профессій евреевъ*, по всей вѣроятности, значительно поубавитъ ихъ численность... Министръ финансовъ, обуздавшій уже еврейскіе аппетиты по винной торговлѣ, добирается теперь до отношеній евреевъ-фабрикантовъ къ ихъ христіанскому «быдлу», и желаетъ установить болѣе правильный учетъ праздничныхъ дней, не считая въ ихъ числѣ *спеціально-жидовскихъ праздниковъ*.

Съ этими мѣрами, однако, въ странномъ разногласіи находится недавнее постановленіе кассационнаго департамента сената, отмѣнившее распоряженіе бывшаго с.-петербургскаго градоначальника, обязавшаго евреевъ-талмудистовъ писать на вывѣскахъ торговыхъ заведеній *свои подлинныя* (а не фальсифицированныя на христіанскій ладъ) *жидовскія имена*. Смыслъ этого распоряженія состоялъ въ томъ, чтобы покупатель, прежде чѣмъ обращаться въ ту или другую лавку, зналъ точно, съ какимъ хозяиномъ онъ имѣетъ дѣло, и не попадалъ въ жидовскій маскарадъ, затѣянный именно съ цѣлью обморочить покупателя, никакъ не ожидающаго очутиться въ еврейскихъ объятіяхъ... Да и, наконецъ, какое же право имѣютъ жида именовать *отмыщенными именами*? Мы не видѣли еще подлиннаго текста сенатскаго рѣшенія и основываемся покуда только на однихъ газетныхъ слухахъ, быть можетъ, и распускаемыхъ съ цѣлью «позондировать почву» и косвенно повліять на мнѣніе г.г. сенаторовъ; но во всякомъ случаѣ и такихъ слуховъ нельзя оставлять безъ вниманія, въ виду полнаго противорѣчія ихъ съ обнародованными правительственными мѣрами, клонящимися къ тому, чтобы сократить предѣлы еврейскаго навожденія... Такое рѣшеніе неблагопріятно оозвалось бы и на провинціи, гдѣ жида, представляя сплоченную злонамѣренную шайку, еще легче могутъ издѣваться надъ русскимъ обществомъ, къ тому же пребывающемъ въ такомъ постыдномъ разединеніи. Если это рѣшеніе произошло вслѣдствіе неполноты или несогласованности законовъ, то слѣдуетъ пополнить или согласовать ихъ...

Къ слову о «еврейскомъ вопросѣ», мы считаемъ нужнымъ отмѣ-

тить то сочувствіе, съ которымъ «Церковный Вѣстникъ» (№ 29) отнесся къ нашему предложенію, сдѣланному евреямъ (см. «Наблюдатель», № 6, «По блѣу свѣту») — *отречься* формально отъ ихъ чело-вѣконенавистническаго талмуда и держаться настоящаго, не фальсифицированнаго, «моисеева закона» (изложеннаго въ Пятикнижii), подобно караимамъ, которые пользуются, на этомъ основаніи, всеми правами русскаго гражданства еще со временъ министерства графа Н. П. Игнатъева.

«Мысль журнала — говорить «Церковный Вѣстникъ» — тѣмъ болѣе удобопріемлема, что она не исключаетъ и прямаго обращенія евреевъ въ христіанство, *подъ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы оно было исполнъ искренно*. Впрочемъ, насчетъ этой «искренности» почтенный журналъ сильно сомнѣвается, также какъ и «Наблюдатель», ибо кому же неизвѣстно, что принятіе христіанскаго крещенія зачастую обращается евреями въ одинъ только *гешефтъ* для пріобрѣтенія гражданской равноправности, — гешефтъ, одобряемый и самимъ талмудомъ, если еврей, принявшій христіанство лишь номинально (какъ это обыкновенно и бываетъ), продолжаетъ служить въ овечьей шкурѣ интересамъ своего волчьяго стада. На этомъ основаніи, «Церковный Вѣстникъ» справедливо говоритъ: «Было бы, повтому, цѣлесообразно *построже относиться къ оглашенію новокрещаемыхъ и усилить требованія отъ евреевъ, принимающихъ христіанство*. И, прежде чѣмъ устанавливать съ этою цѣлью что нибудь новое, *следовало бы обратить вниманіе на тщательное исполненіе правилъ, предписанныхъ указомъ св. синода отъ 1840 г., уставомъ духовныхъ консисторій и уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій*. Этими правилами требуется, при крещеніи иновѣрцевъ, изслѣдовать: *нѣтъ ли обстоятельствъ, наводящихъ сомнѣніе на нравственность ищущаго крещенія, а также и на чистоту его намъренія*. Даже при самомъ актѣ крещенія, до начала священнаго обряда, отъ священнослужителей, долженствующихъ совершить его, и отъ мѣстнаго начальства, обязаннаго присутствовать при немъ, *требуется удостовѣриться, что иновѣрецъ принимаетъ св. крещеніе добровольно и съ должнымъ разумніемъ*. Но всѣ эти *предосторожности* забыты или превращены въ пустую форму».

Если подтолбтія назадъ эти «предосторожности» считались уже не лишними, — дабы оградить нашу церковь отъ наплыва ненавидящихъ ее въ душѣ прозелитовъ, — то сколько новыхъ причинъ появилось нынѣ къ тому, чтобы эти предосторожности перестали быть лишь простою формальностью? Наша провинція въ особенности страдаетъ отъ этихъ «моченыхъ жидовъ», всеу именующихся христіанами и продолжающихъ свои позорныя дѣла подъ новою «маркою»...

Александръ Петровичъ Пятковскій.

Къ сорокалѣтнюю литературную дѣятельности.

(1859—1899 г.г.).

А. П. Пятковскій.

(Съ портретомъ).

Александръ Петровичъ Пятковскій, литературная дѣятельность котораго началась 40 лѣтъ тому назадъ, родился въ Тамбовѣ въ 1840 г., 20 сентября, и первые годы своей жизни провелъ въ деревнѣ рязанской губерніи, сапожковского уѣзда (какъ онъ и рассказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, печатающихся въ «Наблюдателѣ» текущаго года).

Окончивъ курсъ въ тамбовской гимназій, по классическому ея отдѣленію (съ латинскимъ языкомъ), А. П., въ томъ же 1857 г., поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ, въ 1861 г.

Литературная дѣятельность А. П. началась въ 1859 г. въ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія» (подъ редакцію проф. А. В. Никитенки), въ августовской книжкѣ котораго появилась его первая критическая статья о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» И. С. Тургенева. Затѣмъ литературная дѣятельность его продолжалась: въ «Сѣверной Пчелѣ» (подъ редакцію П. С. Усова), въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» (Краевского), въ «Русскомъ Мирѣ» (Тероглифова), въ «Современномъ Словѣ» (Писаревскаго), въ «Современникѣ», «Недѣлѣ», «Отеч. Запискахъ» (Некрасова и Салтыкова), «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (В. О. Корша), «Дѣлѣ» (Благосвѣтлова), «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Искрѣ», «Будильникѣ» и пр.

Журнальнымъ издательствомъ А. П. занялся съ 1878 г., когда, вмѣстѣ съ извѣстнымъ педагогомъ В. А. Евтушевскимъ, принялъ на себя продолженіе «Народной Школы», по смерти ея основателя О. Н. Мѣдника. Въ 1882 г. А. П. сталъ издавать «Наблюдатель», а въ то же время г. Евтушевскій передалъ ему одному изданіе «Народной Школы», продолжавшееся до конца 1890 г. Въ 1897 и 1898 г.г. А. П. издавалъ ежедневную газету «Гласность», приостановленную имъ до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ...

Въ 1862 г. А. П. выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ «Полное

собрание сочинений Д. В. Веневитинова» (третье по счету) съ биографическою статью объ авторѣ; въ 1863 г. издалъ сборникъ стихотвореній разныхъ авторовъ подъ названіемъ: «Гражданскіе Мотивы»; въ 1870 г.—рядъ своихъ публицистическихъ статей, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: «Живые Вопросы» (сюда вошла, между прочимъ, статья: «По окраинамъ», написанная по поводу послѣдняго польскаго возстанія), а въ 1876 г.—два тома своихъ историко-литературныхъ монографій: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», поднесенныхъ имъ въ Аничковомъ дворцѣ Наслѣднику Престола Александру Александровичу. Въ 1888 г., эта книга вышла вторымъ изданіемъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ статей. Во время управленія Кавказомъ Великаго Князя Михаила Николаевича, эта книга была рекомендована, особымъ циркуляромъ попечителя округа Я. М. Невѣрова, для приобрѣтенія по всемъ учебнымъ заведеніямъ округа. Въ 1880 г. издана отдѣльной брошюрой статья А. П. о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ, напечатанная сначала въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Къ послѣднему (глазуновскому) изданію сочиненій Фонтъ-Визина, приложена критико-биографическая статья А. П.

Государственная служба А. П. началась съ 1862 г. въ Маринскомъ Институтѣ, состоявшемъ подъ личнымъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. Рекомендованный Великой Княгинѣ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ для преподаванія русской словесности, А. П. пробылъ въ институтѣ до 1874 г., когда, по приглашенію Государственнаго Секретаря Д. М. Сольскаго, перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію. Въ первые два года новой службы, А. П., числясь въ отдѣленіи дѣлъ Государственнаго Секретаря, исполнялъ порученіе Д. М. Сольскаго по приведенію въ порядокъ и по описи дѣлъ Архива Государственнаго Совѣта (бумаги Потемкина по управленію Новороссійскимъ краемъ, дѣла по учрежденію Госуд. Совѣта и пр.), а затѣмъ 6 лѣтъ состоялъ по отдѣленію государственной экономіи во время управленія статс-секретаря М. П. Веселовскаго. Одновременно со службою въ Государственномъ Совѣтѣ, А. П. издавалъ «Народную Школу», по особому разрѣшенію бывшаго предсѣдателя Совѣта, В. К. Константина Николаевича, дѣлавшаго такое же исключеніе и для издателя «Русской Старины» М. И. Семевскаго. Въ 1882 г. А. П. оставилъ службу въ Государственномъ Совѣтѣ, награжденный чиномъ дѣйств. ст. совѣтника, и посвятилъ себя исключительно литературной и журнальной дѣятельности, съ началомъ изданія «Наблюдателя».

Общественно-филантропическая дѣятельность А. П. по С.-Петербуржскому Тюремному Комитету началась одновременно со службою

въ Маринскомъ Институтѣ, когда онъ, въ званіи директора комитета, былъ призванъ, въ 1872 г., къ завѣдыванію только что учрежденнымъ «Пріютомъ арестантскихъ дѣтей мужскаго пола». Въ организованномъ затѣмъ «Попечительствѣ надъ Пріютомъ» А. П. исполнялъ обязанности предсѣдателя. Около 15-ти лучшихъ лѣтъ своей жизни А. П. посвятилъ организаціи и увеличенію матеріальныхъ средствъ Пріюта, находившагося, во все время его предсѣдательства, въ ближайшемъ завѣдываніи опытной и любящей свое дѣло начальницы, Р. И. Казанской, и ея помощницы, Н. О. Калугиной. Въстѣ съ членомъ Попечительства А. С. Стишинскимъ (нынѣ Товарищъ Государственнаго Секретаря) А. П. выработалъ уставъ этого Пріюта, утвержденный тогдашнимъ Товарищемъ Министра Вн. Дѣлъ (нынѣ Предсѣдатель Комитета Министровъ) И. Н. Дурново. По образцу петербургскаго Пріюта, такое же заведеніе учреждено въ Тамбовѣ Э. Д. Нарышкинымъ, а въ настоящее время они существуютъ уже во всѣхъ многолюдныхъ губернскихъ городахъ. За все время попечительства А. П., изъ нѣсколькихъ сотъ воспитанниковъ Пріюта *ни одинъ не пошелъ по дорогѣ своихъ преступныхъ родителей* и всѣ своевременно пристроены были или въ разныя учебныя заведенія, или на обученіе къ надежнымъ мастерамъ. Радѣя о снабженіи Пріюта матеріальными средствами, А. П. выхлопоталъ ему ежегодную субсидію отъ города въ 600 р., столько же—отъ бывшаго Высочайше учрежденнаго Попечительства надъ Исправительною Тюремною, и собралъ нѣсколько десятковъ тысячъ р. частныхъ пожертвованій. Пользуясь горячимъ содѣйствіемъ блестящаго персонала С.-Петербургскаго Тюремнаго Комитета 70-хъ годовъ (кн. К. А. Суворова, О. И. Квиста, кн. С. Д. Эристова, Ф. Н. Смирного, А. Ф. Кони, гр. В. А. Солмогуба, графа М. М. Корфа, К. Ф. Харгуляри, В. Н. Никитина и др.), А. П. устраивалъ не разъ, съ благотворительною цѣлью, музыкальные вечера, съ участіемъ знаменитыхъ артистовъ (А. Г. Рубинштейна, Д. М. Леоновой, Паска и др.), что и давало Пріюту возможность развивать свою полезную дѣятельность. Въ 1874 г. А. П. былъ назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго Попечительства надъ Исправительною Тюремною, а въ 1881—82 г.г. (при министрахъ: гр. Н. П. Игнатьевъ и гр. Д. А. Толстомъ) предсѣдательствовалъ въ этомъ Попечительствѣ. По представленію гр. Толстаго, А. П. получилъ за свою тюремно-филантропическую дѣятельность орденъ св. Влад. 4-й ст., въ 1887 г. Особенныя заботы А. П. прилагалъ къ устройству школы въ Исправительной Тюрмѣ и къ организаціи тюремныхъ работъ, приносившихъ значительный доходъ казнѣ, причемъ нѣкоторые арестанты выходили изъ тюрьмы съ причитавшимся на ихъ долю значительнымъ заработкомъ отъ 100 до 300 р. Во время

предсѣдательствованія А. П. въ этомъ Попечительствѣ, произведено внутреннее раздѣленіе камеръ малолѣтнихъ арестантовъ отъ взрослыхъ, что привело къ сокращенію весьма неприглядныхъ явленій въ тюремной жизни. Подъ его редакціей составлено и напечатано «Обозрѣніе дѣятельности Попечительства» (за 11 лѣтъ—съ 1871 по 1882 г.).—Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ статьи В. Р. Зотова: «Одинъ изъ праздниковъ русскаго слова» («Наблюд.» 1885 г. № 1) и изъ біографическихъ очерковъ, напечатанныхъ въ «Историч. Вѣстникѣ» 1897 г., № 7, въ «Живописномъ Обзорѣніи» 1892 г., № 8, «Всемирной Иллюстраціи» того же года, № 1, «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 1895 г., № 6664, «Звѣздѣ» 1891 г., «Русскомъ Трудѣ» 1897 г., № 18, и пр.

Свой юбилей А. П. справлялъ уже два раза: въ 1894 г., по поводу истекшаго 25-лѣтія его литературной дѣятельности, и въ 1897 г.—по поводу такого же юбилея тюремно-филантропической службы. Портреты его печатались въ разныхъ русскихъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ біографическими очерками. Кромѣ того, портретъ А. П. былъ помѣщенъ въ венгерскомъ иллюстрированномъ журналѣ: «Madjar Salon» (1894 г.).

Въ 1880 г., на Славянской педагогической выставкѣ въ Чехіи, журналъ «Народная Школа» былъ удостоенъ отъ комисіи экспертовъ почетнаго диплома.

Юньскія ночи ¹⁾.

Отцвѣтають послѣднія кисти сирени
И ужь тонкая зелень березы темна...
Какъ теплы на закатѣ пурпурныя тѣни!..
Умираетъ въ объятіяхъ лѣта весна.

Но, въ пахучемъ пріютѣ дубравъ утоная,
При златистомъ сіяньѣ юньской луны,—
Будто блестятъ еще полнолуніе мая,
Соловей все поетъ про восторги весны.

Вдохновенная ночью, и свѣтомъ, и страстью,
Раздробляется пѣсня, какъ въ брызгахъ волна...
И не знаетъ пѣвецъ, что—конецъ его счастью,
И не хочетъ онъ знать, что не вѣчна весна!

Гр. П. Бутурлинъ.

---

¹⁾ Мы только что нашли затерявшееся было въ нашихъ бумагахъ стихотвореніе (увы, посмертное!) даровитаго графа П. Д. Бутурлина и съ удовольствіемъ печатаемъ его въ нашемъ журналѣ. Ред.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Опереточный король и его попытки заплучить права настоящаго короля.— Подвиги Милана внутри и внѣ Сербіи.—Разореніе и развращеніе страны.— «Сочиненный» или «раздутый» заговоръ? — Министры и посланники, привлеченные къ шемякину суду. — Необходимость иностраннаго вмѣшательства.—Заигрываніе Германіи съ Франціей.—Что можетъ дать франко-германскій союзъ Франціи?—Подкопы подъ франко-русскій союзъ. — Двучинность новаго французскаго кабинета.—Галлифэ, увольняющій генераловъ и заступающійся за армію. — Принцъ Монакскій, предлагающій убѣжище Дрейфусу.—Женскій конгрессъ въ Лондонѣ.—Сообщеніе А. А. Сабурова.— Мѣры, предложенныя имъ для прекращенія торговли новыми «невольниками». — Новоизобрѣтенныя англійскія пули въ годину мирной конференціи.

«Злобою дня» всего славянскаго міра, а въ особенности Россіи, служатъ событія, происходящія въ Бѣлградѣ.

Пошлая траги-комедія, подстроенная «господиномъ изъ Парижа», — какъ его однажды записали сербскіе студенты при входѣ на благотворительный спектакль, — разоблачена вполне. Теперь и за границей уже не сомнѣваются, что никакого заговора не было, а если и было покушеніе, то главнымъ зачинщикомъ и заговорщикомъ былъ никто иной... какъ самъ Миланъ, которому это было необходимо сдѣлать для поднятія своего престижа среди сербскаго народа.

Ех-король Миланъ — это *enfant terrible* сербскаго народа. Фигура Милана носитъ характеръ полу-демонической, полу-комической личности въ исторіи сербскаго народа. Это интриганъ, руководящійся въ своей дѣятельности нечистыми стремленіями. На пути своемъ онъ не щадитъ никого и ничего: для него цѣль оправдываетъ всякія средства. А цѣль его — уврѣпить свою незаконную власть въ Сербіи. Онъ хочетъ узурпировать власть своего роднаго сына, короля Александра. Доселѣ Миланъ прославилъ себя рядомъ позорныхъ поступковъ. Онъ развелся со своею женою, королевою Наталіей; онъ — врагъ искреннихъ друзей

сербскаго народа (напримѣръ, Россіи—естественной защитницы балканскихъ славянъ) и искренній другъ всѣхъ враговъ сербскаго народа. Бывшій правитель страны позорно развращалъ народъ во время своего царствованія и проматывалъ народные капиталы послѣ удаленія изъ Сербіи. Онъ—пріятель французскихъ кокотокъ и другъ австрійскихъ жидовско-банкирскихъ домовъ. Австрійскимъ жидамъ онъ продалъ свою родину и заложилъ себя самого. Жиды-банкиры, конечно, знаютъ, что цѣна ему мѣдный грошъ, но они также хорошо знаютъ, что въ Сербіи царствуетъ сынъ его Александръ. Черезъ Милана они протягиваютъ свои цѣпкія лапы къ народнымъ сербскимъ богатствамъ: къ желѣзнымъ дорогамъ и всевозможнымъ рудникамъ. И этотъ человекъ задумалъ насильственно снова присвоить себѣ власть и начать править... во славу Австріи и австрійскихъ жидовъ, и на погибель сербскаго народа. На его кровавомъ и позорномъ пути поперекъ дороги стояли такъ называемые «радикалы». Въ то время какъ сербскіе радикалы мирно работали дома въ ожиданіи, что самый ходъ событій понудитъ Милана къ скорому отъѣзду изъ Сербіи, въ это же время эскъ-король занялся вопросомъ: какъ расправиться съ ненавистными ему вождями радикаловъ? «Спб. Вѣдомости», со словъ сербскихъ газетъ, дѣлаютъ такую характеристику Милана и его взгляда на радикаловъ.

«Онъ хочетъ, чтобы страной правили люди, не имѣющіе никакой программы и не опирающіеся на партію: хочетъ править самъ. Своимъ же положеніемъ Миланъ злоупотребляетъ до крайности. Нѣтъ въ Сербіи ни одного общества, ни одного товарищества, ни одной корпораціи, которыя не обязаны были бы принести ему свои поздравленія. Ненависть же его къ радикаламъ остается по прежнему безпредѣльной. Недавно, напримѣръ, онъ сказалъ: «разбойники образовали радикальную партію, а радикалы породили разбойниковъ. Всякій радикалъ — разбойникъ». При каждомъ удобномъ случаѣ, Миланъ повторялъ: «я—тяжелъ; на кого я налягу, того придавлю». Какъ Миланъ относится къ разнымъ частнымъ обществамъ,—прекрасно видно изъ того приѣма, какой встрѣтили у него члены бѣлградскаго общества взаимнаго страхованія, во главѣ котораго стоялъ Таушановичъ. Пришедшимъ къ нему съ поздравленіями, членамъ общества Миланъ сказалъ, что всѣ они въ его глазахъ будутъ измѣнниками, пока предсѣдателемъ общества останется Таушановичъ, и добавилъ при этомъ, чтобы они не смѣли показываться ему на глаза. Тогда члены названнаго общества немедленно поторопились удалить изъ своей среды неприятнаго Милану Таушановича».

Желая поскорѣе расправиться съ радикалами, Миланъ подобралъ себѣ довѣренныхъ лицъ: Тодоровича и Стефановича. Перваго онъ отправилъ въ Петербургъ на пушкинскія празднества съ цѣлью вывѣдать, что тамъ дѣлаетъ генералъ Савва Груичъ и что говорятъ въ славян-

ских кружках о Миланѣ. Второго, т. е. Стефановича, отличившагося кровавой расправой съ радикалами еще въ 1883 г. и разстрѣлявашаго тогда 22 народныхъ представителей,—онъ назначилъ министромъ юстиціи (!) Теперь ему понадобился еще одинъ человѣкъ, который могъ бы осуществить задуманный планъ.

И такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Кнежевича, бывшаго лакея, потомъ пожарнаго,—вообще человѣка, способнаго на всякое темное дѣло. Компанія вокругъ Милана составилаь хоть куда. Роли были распределены; осталось только разыграть комедію.

Кнежевичу было поручено произвести «покушеніе» на драгоценную жизнь Милана. Ему дали въ руки старый заржавленный револьверъ, заряженный холостыми зарядами. Кнежевичъ стрѣлялъ четыре раза въ Милана. Но ни одной изъ 4 пуль, якобы угрожавшихъ жизни Милана, не найдено; также не найдено и слѣдовъ отъ нихъ на стѣнахъ сосѣднихъ домовъ. Да и трудновѣко найти пули отъ холостыхъ зарядовъ! Самъ Миланъ, конечно, остался цѣль и невредимъ; адъютантъ его Лукичъ тоже здоровехонекъ.

Смыслъ покушенія—это, отчасти, укрѣпить сильно загрязненный престижъ Милана въ Сербіи и упрочить его династію на сербскомъ престолѣ. Но нужно думать, что онъ сильно ошибся въ своемъ расчетѣ. «Говорятъ,—воскликаетъ «Народъ»,—что Миланъ стремится утвердить династію Обреновичей. Плохую услугу оказываетъ онъ репутаціи этой старой княжеской сербской фамиліи. Да и кто повѣритъ, что недавнимъ игрокомъ рулетки руководятъ какія-либо государственныя соображенія? Не слава и укрѣпленіе династіи Обреновичей, не интересы сербскаго народа, не счастье родины, не свѣтильникъ православной вѣры дороги самозванному властителю, поддерживаемому фондами, имѣющими цѣлью захватъ славянскихъ провинцій чуждыми народами. Нѣтъ, Миланъ это—жалкій, притиснутый своими кредиторами должникъ, обязанный ежемѣсячно уплачивать 30,000 франковъ однихъ процентовъ за долгъ, сдѣланный имъ, благодаря своей веселой жизни, по курортамъ Европы. Для него кредитоспособность, обеспечивающая его новые займы, основана на довѣрїи къ твердости его положенія въ Сербіи. Узнаютъ кредиторы, что не нынче-завтра придется Милану ухажать изъ Сербіи, — и пропала надежда на будущіе займы! Значить, нужно поддержать свой престижъ, нужно утвердить свое самозванство и тогда... тогда, быть можетъ, учтутъ еще одинъ вексель эскъ-короля Милана, — вексель, на бланкѣ котораго *кровью лучшихъ гражданъ будетъ написана гибель славянской православной Сербіи*».

Первыя слова Милана по выходѣ изъ коляски были: «Хвала Богу, братья! Онъ спасъ меня отъ смерти, которую для меня нрїготовило русское орудіе—Пашичъ и его друзья: Таушановичъ, Стоянъ Протичъ,

редакторъ «Odjek» Аца Станоевичъ, д-ръ Весничъ, полковникъ Влайко Николитчъ». И онъ сталъ перечислять всѣхъ радикаловъ.

Телеграммы оновѣстили міръ о покушеніи на «драгоцѣнную жизнь» эскъ-короля Милана и «30,000 курьеровъ» поскакали во всѣ стороны съ радостнымъ (для кого?) извѣстіемъ о спасеніи Милана.

Первымъ дѣломъ Миланъ приказалъ арестовать всѣхъ радикаловъ. Боста Таушановичъ былъ арестованъ при выходѣ изъ театра. Обыскъ въ его домѣ продолжался до 4 час. утра, но не нашлось ничего подозрительнаго. По сообщенію «Народныхъ Листовъ», Таушановичу еще ранѣе, когда онъ былъ въ Загребѣ, на юбилей Ювановича, 3 мая, совѣтовали не возвращаться въ Бѣлградъ, гдѣ ему грозитъ опасность. Но онъ сказалъ, что вернется на родину, такъ какъ не знаетъ за собою ничего преступнаго. Стоянь Протичъ, редакторъ «Odjek», Станоевичъ, полковникъ Николитчъ были арестованы въ своихъ квартирахъ. Не смотря на самые тщательные обыски, ни у кого ничего подозрительнаго не найдено. Впрочемъ, у отставнаго полковника Николитча нашли письмо генерала Саввы Груича. Письмо представляетъ собою отвѣтъ Груича на просьбу Николитча похлопотать и принять его сына въ одно изъ русскихъ военныхъ училищъ.

У бывшаго министра,—какъ передаетъ «Свѣтъ»,—д-ра Веснича нашли также письмо Груича, въ которомъ сказано, что онъ былъ у государя императора для поднесенія поздравленія съ Новымъ годомъ, что государь пожелалъ всего добраго Сербіи и народу сербскому. О королѣ же Александрѣ ни слова не упомянуто. За это Груичъ отозванъ (!!) вычеркнуть изъ списка генераловъ и приглашенъ явиться въ Бѣлградъ. Бѣлградскій протоіерей и бывший предсѣдатель консисторіи Алекса Иличъ, «напреднякъ», арестованъ просто за то, что онъ — открытый другъ Россіи (sic!) Онъ, въ качествѣ предсѣдателя консисторіи, отвергнулъ нѣкогда прошеніе Милана о разводѣ его съ королевой Наталіей. Наканунѣ отъѣзда русскаго военнаго агента изъ Сербіи, протоіерей Иличъ, въ домѣ котораго жилъ русскій агентъ, угостилъ его обѣдомъ. Въ этомъ вся его вина!

Протоіерей Василий Миличъ, либераль, предсѣдатель духовнаго суда въ Бѣлградѣ, проводилъ русскаго военнаго агента на станцію,—за это онъ былъ низложенъ, но пока не арестованъ. Іосифъ Садомскій, еврей изъ Царства Польскаго, долженъ послужить доказательствомъ, что Россія замѣшана въ заговорѣ.

Но арестомъ однихъ радикаловъ Миланъ не ограничился. Ему захотѣлось раздуть это комическое покушеніе въ «международное» событіе. Чтобы раздуть «заговоръ», Миланъ пытался набросить тѣнь на черногорскаго князя Николая. Эскъ-король сталъ усиленно распространять слухи, будто Цетинье — есть центръ преступныхъ замысловъ противъ

Милана и выдумалъ сплетню о причастности къ «покушенію» князя Петра Карагеоргиевича. Всѣ эти живыя обвиненія теперь безусловно опровергнуты.

Но—странное дѣло!—«покушеніе» на эксъ-короля Милана совершилось, а въ это нигдѣ не вѣрятъ, ни въ Сербіи, ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ. По поводу этого «покушенія», въ «Journal des Débats», одной изъ серьезнѣйшихъ французскихъ газетъ, помѣщена интересная статья г. Эбрэ.

Авторъ доказываетъ, что правительство напрасно раздуваетъ это дѣло, переворачивая вверхъ дномъ всю Сербію и ловя, кого попало, подъ предлогомъ соучастія. Во-первыхъ, *Миланъ не король*, а потому дѣло о покушеніи на его жизнь должно имѣть ходъ обычныхъ уголовныхъ дѣлъ. Во-вторыхъ, онъ вторгся въ Сербію насильственно, ненавидимый почти всѣмъ населеніемъ, и уже одно это дѣлало пребываніе его въ Сербіи несомнѣнно безопаснымъ, о чемъ ему должно было быть хорошо извѣстно. Теперь покушеніе на Милана стараются сдѣлать предлогомъ для уничтоженія сочувствующихъ Россіи радикаловъ.

«Изъ этого,—пишетъ г. Эбрэ,—можетъ получиться настоящій терроръ. Но мы надѣемся,—столько же въ интересахъ Сербіи, какъ и Милана, непопулярность котораго грозитъ возродиться,—что правительство остановится на этомъ пути, полномъ великихъ опасностей».

Вотъ положеніе!—«Покушеніе» совершилось, а никто не вѣритъ въ это. Сербское правительство, т. е. Миланъ, чувствуя, что онъ уподобился гоголевской унтеръ-офицершѣ, выдравшей саму себя, разослало по газетамъ такое милое сообщеніе:

«Въ виду того, что въ послѣднее время большая часть извѣстій изъ Сербіи основана на крайне неточныхъ свѣдѣніяхъ, сербское посольство принуждено заявить: покушеніе на жизнь совершенно было не только умышленно, но и съ подготовкою. Это фактъ, который ничѣмъ нельзя опровергнуть. Чрезвычайный, но не военный судъ ведетъ слѣдствіе сообразно и строго по закону. Никто изъ радикальной партіи не арестованъ изъ-за политическихъ убѣжденій. Арестованы не радикалы, но люди, которые обвиняются не на основаніи простыхъ догадокъ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить, что главные изъ вождей радикальной партіи, какъ-то: С. Груичъ, Симичъ, Вуичъ, Велимировичъ, Милосавкевичъ, Јосимовичъ, Андра Николитчъ, П. Михайловичъ — не только не арестованы, но и не привлекались ни къ какой отвѣтственности. Равнымъ образомъ, не тронутъ никто изъ членовъ бывшаго центрального радикальнаго комитета, а также почти никто изъ выдающихся вождей радикальной партіи внутри страны».

Официальность этого сообщенія придаетъ ему особенное значеніе. Покушеніе совершилось... Откуда же, однако, взялись голоса печати всего

міра, усомнившіеся въ покушеніи? Отчего такіа сомнѣнія не появлялись при печальныхъ извѣстіяхъ о покушеніяхъ на другихъ государей? Миланъ, хотя и не офіціальныи глава государства; но во всякомъ случаѣ, онъ, какъ отецъ сербскаго короля, играетъ извѣстную роль въ государствѣ. Но разъ всюду и вездѣ не вѣрятъ этому покушенію, то должны же быть для этого какія либо серьезныя основанія. Поэтому нельзя не согласиться съ «Новымъ Вр.», что сообщеніе сербскаго посольства, хотя и написанное въ категорическихъ выраженіяхъ, оставляетъ открытыми нѣкоторые весьма существенные вопросы.

Такъ напримѣръ, — справедливо замѣчаетъ газета, — сказано, что «главные вожди радикальной партіи не только не арестованы, но и не привлекались ни къ какой отвѣтственности», а, между тѣмъ, генераль Груичъ, занимавшій постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при російскомъ дворѣ, былъ отозванъ и лишенъ генеральскаго чина. Это фактъ, который теперь не составляетъ секрета. Разжалованіе Груича и внезапное его отозваніе изъ Петербурга является для него несомнѣнной карой, которая послѣдовала безъ всякаго «чрезвычайнаго суда», о которомъ упоминается въ полученномъ нами сообщеніи, и даже вовсе безъ суда.

Серьезная политическая газета «Темпс» говоритъ: «въ Бѣлградѣ царствуетъ «порядокъ», но тамъ же царитъ и терроръ. Сербское правительство не заговоръ разслѣдуетъ, но преслѣдуетъ дѣлую партію». Заговоръ противъ Милана мудрено и разслѣдовать: его нѣтъ и не было. Въ этомъ единогласно сходятся всѣ газеты, не исключая и австрійскихъ. Бнежевичъ былъ близокъ къ Милану и ничего общаго не имѣлъ съ радикалами. «Заговоръ, если угодно, и есть, — говоритъ «Свѣтъ», — но не тотъ, котораго доискивается сербская полиція. Все, что совершается теперь въ Сербіи, а главное, что готовится тамъ въ видѣ суда надъ «заговорщиками», можно назвать заговоромъ главнокомандующаго сербской арміей Милана Обреновича противъ короля Александра и, можетъ быть, противъ династіи Обреновичей въ Сербіи. Бывшій король, отрехшись отъ сербскаго престола, а потомъ и отъ сербскаго гражданства, позже очевидно раскаялся въ этомъ. Онъ вернулся въ Сербію, взявъ въ руки сербскую армію формально, по званію главнокомандующаго, взявъ въ руки всю власть въ странѣ безъ всякихъ формальностей, въ силу своего родительскаго вліянія на короля Александра. Перейдетъ ли къ нему власть формально, вмѣстѣ съ королевской короной, мы не знаемъ; но едва ли можно отвергать, что печальныя событія, совершающіяся теперь въ Сербіи, отнюдь не содѣйствуютъ укрѣпленію трона Обреновичей».

Арестованныхъ радикаловъ посадили въ тюрьму. Бѣлградскій корреспондентъ, сербъ, утверждаетъ, что закованныхъ радикаловъ мучаютъ и жадюю, и голодомъ. Семействамъ арестованныхъ не позволили принести

родителямъ ни подушекъ, ни одѣялъ, ни матрацевъ. Префектъ полиціи Риста Бодемичъ сказалъ семействамъ арестованныхъ: «молитесь Богу, что они еще лежатъ на землѣ». Но что представляютъ изъ себя сербскія тюрьмы? Появившаяся въ Австріи брошюра описываетъ ихъ въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ.

Винovníка иногда сажаютъ въ особое помѣщеніе, полъ котораго имѣеть всего 60 кв. сантиметровъ. *Помѣщеніе безъ оконъ.* Въ самомъ полу къ тому же выкопана яма, и заключенный не можетъ даже стоять въ ней, какъ слѣдуетъ. Ему приходится одною ногою упираться въ одинъ край ямы, а другою ногою—въ противоположный. *Лечь онъ не можетъ* и долженъ днемъ и ночью вдыхать въ себя отравленные пары изъ ямы. *Ноги его скованы.* *Бствъ дають ему столько, сколько необходимо для того, чтобы продлить его мученія.* Такъ какъ, при такихъ условіяхъ, заключенный немедленно предпочтетъ лишиться себя жизни, то, чтобы предупредить это, его связываютъ извѣстнымъ образомъ, лишая возможности наложить на себя руки. Обыкновенно такіе заключенные умирають отъ истощенія силъ довольно скоро, хотя бываютъ случаи, что мученики остаются въ живыхъ по 5 и 6 мѣсяцевъ.

Болѣе мягкимъ наказаніемъ, въ сравненіи съ указаннымъ, надо считать раздробленіе рукъ, ногъ и другихъ частей тѣла. Тутъ несчастный, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что мучиться долго не будетъ, такъ какъ преступникамъ, наказаннымъ такимъ образомъ, не полагается пищи и они умирають съ голода (!!). Преступники, совершившіе менѣе тяжкія преступленія, подвергаются разстрѣлянью или просто убиваются. За болѣе тяжкія преступленія виновнаго *вѣшаютъ за волосы*, и онъ остается въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не умретъ.

Можно себѣ представить, какъ бояться въ Сербіи заключенія въ тюрьму. Даже предварительное заключеніе внушаетъ ужасъ и часто бываетъ причиной смерти. Драгоманъ русскаго посольства въ Бухарестѣ Якобсонъ умеръ отъ одного страха попасть въ сербскую тюрьму.

Въ такую-то вивизиторскую тюрьму Миланъ приказалъ посадить лучшихъ и почтенныхъ людей страны! Стоило ли освобождать Сербію изъ-подъ турецкаго ига, чтобы подвергнуть ее не менѣе тяжкому милановскому игу?

13 минувшаго іюля начался въ Бѣлградѣ шемакинъ «судъ» надъ радикалами. Предъ военнымъ судомъ предстали: Пашичъ, Таушановичъ, протоіерей Миланъ Дьюричъ, Леотичъ, Живковичъ и многіе другіе сербскіе граждане. Военный судъ надъ радикалами во всемъ напоминаетъ легендарный шемакинъ судъ. Въ безпристрастность этого суда никто не вѣритъ въ Сербіи. Даже австрійскія газеты, прежде всегда мирволившія Милану,—«Neue Freie Presse» и «Pester Lloyd»,—теперь шлютъ ему укору и предостереженія. Мюнхенская «Всеобщая Газета» заявляетъ, что если

бѣлградскій судъ вздумаетъ вмѣсто правосудія увлечься мстительностью,—тяжелая отвѣтственность падеть не только на Сербію, но и на Австрію, какъ покровительницу Милана.

«Добрая слава Австро-Венгріи, ея собственный интересъ, требуютъ, чтобы судебнымъ дѣломъ о покушеніи на жизнь Милана руководила не личная и партійная мстительность, а правда и справедливость».

Главный поводъ къ осужденію радикаловъ—это списокъ, найденный въ карманѣ Кнежевича. Въ этомъ списокѣ перечислены всѣ выдающіеся радикалы, и тамъ же приписано, что они «наняли его убить Милана». Вотъ и весь «документъ», на основаніи котораго обвиняются радикалы. По словамъ «Народныхъ Листковъ» Кнежевичъ едва умѣетъ писать и упорно заявляетъ, что онъ никого изъ вождей радикальной партіи не знаетъ, ни съ кѣмъ изъ нихъ никогда не встрѣчался и ни о какомъ заговорѣ понятія не имѣетъ. Пробовали его пытаться, но и пытка не помогла. Милановскіе агенты пробовали добыть улики противъ радикаловъ, но и это ни къ чему не привело.

Положеніе Сербіи и сербскаго народа—прямо таки критическое. Нужно найти выходъ изъ него. Но гдѣ его найти? Въ одной газетѣ напечатано письмо нѣкоего Србина, заключающее въ себѣ слѣдующее воззваніе къ «сербамъ въ Россіи».

«Милошъ Обреновичъ отрубилъ голову Карагеоргиевичу, подославъ мужика съ топоромъ, и послалъ ее султану; новый палачъ хочетъ отрубить сразу много головъ и получить за нихъ новый авансъ. Вмѣсто того чтобы его самого судили и казнили тѣ, которые сидятъ въ тюрьмѣ,—судили по закону и на основаніи государственныхъ правъ, утвержденныхъ молодымъ королемъ, на что они имѣли бы полное законное право,—онъ дерзнулъ вторгнуться въ нашу страну, измѣнивъ своему слову, опрокинувъ всѣ государственные законы, оставивъ только себя и законъ Джака. Дорогие земляки! Не оставьте это вопіющее дѣло безъ протеста: телеграммой, письмомъ, печатнымъ словомъ. Въ данную минуту молчаніе—ничѣмъ неизвиняемое преступленіе».

Обсуждая положеніе Сербіи, «Гражданинъ» находитъ, что дѣйствія Милана, *принявшія характеръ средневековаго бышества*, возбуждаютъ даже въ Вѣнѣ извѣстное смущеніе. Вѣрно ли это, или нѣтъ—рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ въ Европѣ есть государство, которому, по видимому, не должно быть совсѣмъ все равно, *для чего оно, кровью и жертвами, изъ дикой Сербіи сдѣлало королевство*: для того ли, чтобы Милану облегчить возможность, заковывая въ кандалы лучшихъ людей Сербіи, забирать въ свои руки ихъ имущество, вводить инквизицію, дѣлать изъ законнаго короля—раба своихъ гнусныхъ замысловъ и палача для своихъ намѣченныхъ жертвъ, или для того, чтобы дать сербскому народу возможность развивать свое благосостояніе спокойно и

прочно подъ властью законнаго короля? Государство это, кажется, Россія. Смѣшно было бы думать, что эта Россія призвана вмѣшиваться во внутреннія дѣла сербскаго королевства. Но мнѣ кажется, что пришла минута для Россіи дѣйствовать согласно завѣтамъ, мудро установленнымъ императоромъ Александромъ III по отношенію къ Болгаріи. Въ настоящее же время, казалось бы, умѣстнымъ и согласнымъ съ прежними завѣтами русской политики, въ знакъ презрѣнія ко всему, что тамъ творится, предоставить сербское королевство своей новой собственной судьбѣ. Представителямъ Россіи въ данную минуту въ Бѣлградѣ врядъ ли возможно, *безъ оскорбленія ея достоинства*, быть свидѣтелями тираніи Милана и ему кланяться. Врядъ ли также было бы удобно Россіи перейти отъ пассивной къ активной роли и потребовать удаленія Милана изъ предѣловъ Сербіи. *Слѣдовательно, мысль не имѣть вовсе представителей въ Бѣлградѣ является для Россіи въ настоящую минуту, повидимому, самую удобоисполнимую и согласную съ ея достоинствомъ и съ преданіями ея политики».*

Едва ли можно согласиться съ рекомендуемымъ «Гражданиномъ» образомъ дѣйствій. Такой способъ былъ бы не только недостойнъ Россіи, но и не былъ бы выгоденъ для нея, какъ славянской державы. Бросить все, уйти съ своего поста—легко. Но бѣда въ томъ, что этотъ постъ не останется незаятымъ и вакантнымъ. Его съ большимъ удовольствіемъ займетъ Австрія.

Наши интересы въ Сербіи—не случайные и не фиктивные: они приобрѣтены сотнями милліоновъ рублей и десятками тысячъ человѣческихъ жертвъ, которыя положила «освободительная война» 1876—1878 г.г.

Задачи Россіи на Балканскомъ полуостровѣ слишкомъ серьезны, чтобы она могла отказаться отъ нихъ изъ-за неприличныхъ затѣй и поступковъ заштатнаго короля Милана. Миланъ—это прыщъ на здоровомъ тѣлѣ сербскаго народа. Прыщъ этотъ лопнетъ рано или поздно, и отъ него слѣда не останется...

Эксъ-король Миланъ, нравственно вліяя на своего сына, короля Александра,—благодаря его молодости и неопытности,—является *фактическимъ господиномъ сербскаго народа*. Ждать, когда Миланъ добровольно уйдетъ изъ Сербіи или когда народъ выгонитъ его—очень долго. Добровольно онъ не уберется, сербскому же народу едва ли удастся скоро его выгнать. Армія и полиція—въ рукахъ Милана, а безъ этихъ двухъ силъ ничего нельзя съ нимъ подѣлать. Но, однако, такъ или иначе надо разрѣшить этотъ гордіевъ узелъ для блага сербскаго народа. Необходимо вмѣшательство иностранныхъ державъ въ это вопіющее дѣло—судъ надъ радикалами, затѣянный Миланомъ изъ личной мести. Россія, какъ имѣющая наибольшіе интересы въ Сербіи, должна сдѣлать первый шагъ къ обузданію узурпатора

На политическомъ горизонтѣ представляется новая группировка державъ. Съ тѣхъ поръ какъ императоръ Вильгельмъ побывалъ на французскомъ кораблѣ, французскія газеты заговорили о возможности устроенія между Франціей и Германіей близкихъ, дружескихъ и чуть ли даже не союзныхъ отношеній. Французскіе государственные дѣятели обсуждаютъ этотъ вопросъ и уже подсчитываютъ тѣ «выгоды», которыя Франція можетъ извлечь изъ союза съ Германіей.

Альфредъ Рамбо, извѣстный историкъ, призываетъ своихъ соотечественниковъ забыть старую обиду, примириться съ потерю Эльзаса и Лотарингіи и идти въ Берлинъ за... помощью противъ Англіи. Германія отняла у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, а Англія—Фашоду. Первые двѣ уступки можно, по мнѣнію А. Рамбо, забыть, а за третью — необходимо отомстить. Но неужели Фашода дороже для Франціи Эльзаса и Лотарингіи?! На Германію г. Рамбо надѣется, какъ на каменную гору. Во-1-хъ, она кажется ему «хозяйкой положенія», которая можетъ повелѣвать всѣмъ міромъ; а, во-2-хъ, сдѣлавши уступки Германіи въ Африкѣ, Франція можетъ получить удовлетвореніе въ Европѣ. Конечно, Германія нанесла обиду Франціи, но чувство боли успѣло уже притупиться, тогда какъ Англія еще недавно оскорбила тяжело Францію, и обида чувствуется еще во всей силѣ. Фашода кричить объ отомщеніи.

Но едва ли вѣренъ расчетъ Франціи по отношенію къ Германіи. Германія съ Англіей живетъ въ мирѣ и не думаетъ ссориться. Въ Африкѣ нѣмцы съ англичанами размежевались безъ обиды для себя; въ Китаѣ нѣмцы идутъ рука объ руку съ Англіей... противъ Франціи и Россіи, усиленно стараясь подорвать ихъ престижъ въ глазахъ Небесной имперіи. Чтб, наконецъ, можетъ предложить Франція Германіи, чтобы сдѣлать ее своей помощницей противъ Англіи. Есть только одна жертва, которую охотно примутъ нѣмцы; это отказъ Франціи отъ союза съ Россіей. Но эта жертва настолько невыгодна для самой Франціи, что едва ли какой нибудь французъ, искренно любящій свою родину, согласится предать свою родину въ объятія Германіи. Франція напрасно думаетъ, что Германія является «хозяйкой положенія» въ Европѣ. Это было при Бисмаркѣ. Но это время прошло и, можетъ быть, даже совсѣмъ не вернется. *Хозяиномъ міроваго положенія* является въ дѣйствительности русско-французскій союзъ. Напрасно французы увлекаются мыслью о тройственномъ союзѣ—Франціи, Россіи и Германіи. Въ эту тройственную колесницу Германія войдетъ только тогда, когда будетъ увѣрена, что ея союзницы, будутъ вынимать для нея каштаны изъ огня. Нѣмецъ—слишкомъ практической человѣкъ, чтобы онъ могъ увлекаться одними надеждами и обѣщаніями. Цѣль же заигрыванія Германіи съ Франціей вполне понятна: это *отереться между Россіей и Фран-*

цией и со временем расторгнуть тотъ русско-французскій союзъ, который всюду говоритъ Германіи:—«руки прочь»!

Французы уже начинаютъ понимать, что увлекаться идеей сближенія съ Германіей совсѣмъ не стоитъ. Люсьенъ Мильвуа,—пламенный французскій патриотъ и вѣрный другъ Россіи,—убѣдительно доказываетъ, что посѣщеніе германскимъ императоромъ «Ифигеніи» совсѣмъ не заслуживаетъ восторговъ. Въ газетѣ «Patrie» онъ говоритъ, что увлеченіе идеей союза съ Германіей и дрейфусіада происходитъ изъ одного источника. Лондонъ и Берлинъ съ одинаковымъ усердіемъ, хотя и съ противоположными дѣлами, стараются *лишить Францію той гарантіи*, которую обезпечили за нею предусмотрительность и истиннеть ея вѣрныхъ сыновъ. Плоды десятилѣтнихъ добросовѣстныхъ усилій и сердечнаго приглашенія, теперь обрѣтаются въ опасности; *франко-русскому союзу угрожаютъ враги*. Для Берлина франко-русскій союзъ является препятствіемъ къ осуществленію нѣмецкихъ мечтаній о западной имперіи, о нѣмецкомъ преобладаніи отъ береговъ Вислы до Атлантическаго океана. Для Лондона франко-русскій союзъ — плотина, о которую разбивается британская волна,—великая мечта объ англійской имперіи въ Азіи и Африкѣ. И вотъ, въ то время какъ Россія вступила въ союзъ съ Франціей,—Англія и Германія ведутъ переговоры съ дрейфусарами. Франко-русскій союзъ былъ залогомъ мира, ибо миръ обезпеченъ только при условіи равенства правъ и равновѣсія силъ. Франко-нѣмецкій или франко-англійскій союзъ могутъ дать только сомнительный, шаткій миръ, ибо они потянутъ Францію на буксиръ двусмысленныхъ, безчестныхъ комбинацій, и не примутъ въ уваженіе ея правъ, ослабятъ ея силы. Подчиненная Франція уже не можетъ служить противовѣсомъ для неумѣренныхъ притязаній ея сосѣдей по ту сторону Рейна или Ламааша. Намѣсто надеждъ, внушенныхъ празднествами Кронштадта и Шалона, у всѣхъ народовъ, радовавшихся возстановленію Франціи, появится безпокойство. Франціи, униженной до... Дрейфуса, Франціи, захваченной дрейфусарами, Франціи разжалованной—не останется ничего, кромѣ позора. Какъ назвать тогда этотъ крайній позоръ? Союзъ съ Англіей? Союзъ съ Германіей? Не все ли равно? То и другое значить: — конецъ Франціи».

Эти искреннія строки французскаго патриота-публициста глубоко справедливы. Франко-русскій союзъ выдвинулъ Францію впередъ послѣ тяжелаго пораженія 1870 г. и далъ ей прочное положеніе среди другихъ европейскихъ державъ. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы превращеніе франко-русскаго союза во франко-германскій принесло пользу Франціи, не видимъ также пользы и для Россіи, еслибы возникъ новый союзъ. Подобная группировка была бы на руку только нѣмцамъ, для которыхъ страшнѣе франко-русскій союзъ. Германія при Бисмаркѣ болѣе всего

боялась именно возможности этого союза. «Желѣзный канцлеръ» опасался сближенія Россіи съ Франціей и Австріей. Онъ сказалъ однажды: «Тройственный союзъ между Россіей, Франціей и Австріей возможенъ, и разъ онъ состоится въ области политики и народнаго хозяйства, онъ станетъ для Германіи несравненно губительнѣе, нежели былъ для Франціи четвертой союзъ послѣ семилѣтней войны» (sic!) Сближеніе Россіи съ Австріей началось уже съ 1897 г. Сначала эти державы сблизились по балканскимъ дѣламъ, но имъ ничто не мѣшаетъ сблизиться и по другимъ вопросамъ. Этого-то сближенія нѣмцы и боятся теперь.

Поэтому нельзя не согласиться съ французскими патриотами, которые избѣгаютъ сближенія съ Германіей. Жюльетта Аданъ въ «Nouvelle Revue» говоритъ, что французское правительство «дозволило нѣмцамъ вонзить въ бокъ «Ифигеніи» бомбу, начиненную «думь-думомъ» или «бумь-бумомъ» для того, чтобы взорвать союзъ съ Россіей». Далѣе она обвиняетъ французскихъ правителей въ томъ, что они «сначала, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ, противились русскому союзу, предпочитая ему союзъ нѣмецкій, а потомъ видѣли въ русскомъ союзѣ только предлогъ для привѣтственныхъ кликовъ, только средства для усиленія собственной популярности. Теперь же, въ то самое время, какъ могущество русско-французскаго союза доказано съ поразительною силою удивленіемъ Германіи,—то же самое правительство республики подготавливаетъ насъ официальными сообщеніями къ сближенію съ Германіей».

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Делькассэ, посѣтившій во второй половинѣ іюля Петербургъ, встрѣтилъ въ русской столицѣ радушный, сердечный и дружескій приемъ, подобающій представителю правительства дружественной и союзной державы. Значеніе этого пріѣзда далеко, конечно, не исчерпывается желаніемъ «отдать визитъ» нашему министру иностранныхъ дѣлъ, графу М. Н. Муравьеву. Г. Делькассэ имѣлъ возможность теперь ближе узнать, что узы, связывающія русскій народъ съ французскимъ, все также сердечны, какъ и были два года назадъ при Феликсѣ Форѣ и Ганото. Радикальная газета «Siccle» находитъ, что визитъ въ Петербургъ г. Делькассэ представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ простой актъ вѣжливости, и имѣетъ крупное политическое значеніе.

На обѣдѣ, данномъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ честь французскаго министра, графъ М. Н. Муравьевъ произнесъ слѣдующій тостъ.

«Messieurs, en souhaitant la bienvenue à mon cher collègue de France, je lève mon verre à sa santé et je remercie notre aimable hôte d'avoir par son rapide voyage, prouvé une fois de plus, à quel point les liens qui unissent si étroitement la France à la Russie, ont rapproché Pétersbourg de Paris».

(Господа! Привѣтствуя моего сотоварища во Франціи, я поднимаю бокалъ за его здоровье и приношу нашему гостю благодарность за его скорый приѣзд, еще разъ доказавшій, до какой степени узы, столь тѣсно соединившія Францію съ Россією, сблизили Петербургъ съ Парижемъ).

Г. Делькассе, въ отвѣтъ на этотъ тостъ, сказалъ слѣдующее:

«Messieurs, je suis profondément reconnaissant de l'accueil, qui est fait au ministre des affaires étrangères de France; et, très heureux d'avoir à constater, après vous, Monsieur le comte, que les liens formés pour le bien commun de nos deux pays, se sont resserrés encore et ne peuvent que se multiplier, je vous demande la permission de porter votre santé et d'exprimer la conviction, que, par un échange fréquent de visites amicales, se réduira de plus la distance entre St.-Petersbourg et Paris».

(Господа! Я глубоко признателенъ за приемъ, оказанный министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, и счастливъ, что могу, — по вашему, графъ, примѣру, — удостовѣрить, что узы, связующія обѣ наши страны для взаимнаго блага, сблизились еще болѣе и могутъ только преумножаться. Позволяю себѣ поднять бокалъ за ваше здоровье, убѣжденный, что чрезъ частый обмѣнъ нашихъ дружескихъ посѣщеній все болѣе и болѣе будетъ сокращаться разстояніе между Петербургомъ и Парижемъ),

Дѣятельность кабинета Вальдека-Руссо, съ момента его образованія, встрѣтила оппозицію и въ палатѣ, и въ народѣ. Первое проявленіе дѣятельности кабинета выразилось въ увольненіи генерала Цурлиндена отъ исполненія обязанностей парижскаго генералъ-губернатора. Эта мѣра вдвойнѣ интересна, такъ какъ она, во—1-хъ, оказываетъ давленіе на процессъ Дрейфуса и является нарушеніемъ обязательствъ, данныхъ палатѣ. Кроме того, она является репрессивною мѣрою противъ Цурлиндена, какъ противъ бывшаго военнаго министра, единственная вина котораго заключалась въ томъ, что онъ вѣрилъ и вѣрить въ виновность Дрейфуса. Изъ всѣхъ бывшихъ военныхъ министровъ, одинъ Цурлинденъ состоялъ на службѣ, — оттого его одного и постигла кара. Цѣлая группа генераловъ, популярныхъ въ арміи и въ публикѣ, находится въ опалѣ или «въ подозрѣніи». Къ именамъ генераловъ Буадѣфра, Гонза, Цурлиндена, Пелье, Мерсье, Бильо и Галлиени прибавилось недавно имя генерала Негрію, героя тонкинской компаніи. Французская печать почти единогласно, — кроме социалистскихъ и радикальныхъ газетъ, — горячо обсуждаетъ увольненіе генерала Негрію отъ должностей: члена верховнаго военнаго совѣта и инспектора полевыхъ войскъ. Всѣ парижскіе органы высказываютъ глубокое сожалѣніе по поводу той суровой мѣры, къ которой прибѣгнулъ генералъ Галифе, лишившій армію, въ угоду дрейфусистамъ, талантливаго и весьма популярнаго дѣятеля. «Journal des Débats» говоритъ, что ни одно французское сердце не возрадуется при извѣстіи, что одинъ изъ

самых храбрых и блестящих генералов французской армии, который много раз проливал свою кровь за отчизну, устраненъ съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ на стражѣ государства. Многие военные генералы сами выходятъ въ отставку, не желая служить подъ начальствомъ Галлифа, а другихъ увольняетъ военный министр. Послѣдній, т. е. Галлифе, высказался, что онъ стоитъ за армию и любитъ ее, но жаль, что не добавитъ, что онъ любитъ... офицеровъ à la Дрейфусъ.

Новое министерство, управляется Вальдекомъ-Руссо и Галлифа, при содѣйствіи социалистовъ Мильерана и Бодена, которые ненавидятъ армию, потому что она, по выраженію г. Мелина, является «серьезнымъ препятствіемъ къ осуществленію плана революціи и раздѣла имуществъ». Это же министерство играетъ въ двойную игру: оно стремится къ союзу съ Германіей и къ разрыву съ Россіей. Вопросъ о посѣщеніи французскаго корабля германскимъ императоромъ и вопросъ о франко-германскомъ соглашеніи оно эксплуатируетъ въ свою пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ боится открыто выступить противъ союза съ Россіей.

Недовольство современной третьей французской республикой день ото дня усиливается. Вопросъ о плебисцитарной республикѣ настойчиво ставится на очередь. Главнымъ выразителемъ его является извѣстный патріотъ Поль Деруладъ. Недавно въ «Театрѣ Республики» онъ сказалъ предъ 4,000 человекъ рѣчь, которая была восторженно встрѣчена слушателями. Большая зала театра была биткомъ набита членами и гостями лиги патріотовъ. Рѣчь Дерулада настолько интересна, что мы находимъ нужнымъ кратко познакомить съ нею.

«Французы и француженки!—началь онъ громкимъ голосомъ.—Я васъ такъ называю, такъ какъ вы сюда пришли, чтобы доказать вашу любовь къ Франціи. Вы привѣтствуете меня крикомъ «да здравствуетъ армія», который не только напоминаетъ о прошломъ, но говоритъ и о будущемъ... «Да здравствуетъ армія» означаетъ самопожертвованіе нѣкоторыхъ за всѣхъ, и тотъ, кто произноситъ этотъ крикъ, говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ: прочь позоръ, долой мошенники, долой негодяи... Вы знаете, что я не противъ республики; я только противъ нынѣшней республики. Я чувствую себя какъ бы представителемъ парижанъ. Ваши привѣты санкціонируютъ меня въ этой роли. Я—слуга честныхъ людей и больше ничего. Въ средѣ моихъ избирателей я открыто объявилъ, что сдѣлаю все возможное, дабы уничтожить конституцію 1875 года. Для этого есть три средства: воля одного человека, т. е. государственный переворотъ; воля народа, т. е. революція; весь парламентъ, т. е. земскій соборъ (конгрессъ). Я стою за второй: но я, такъ сказать, законный революціонеръ: я хочу возстановить порядокъ тамъ, гдѣ царствуетъ безпорядокъ,—честность, гдѣ царствуютъ безчестіе и позоръ, и я составилъ планъ союза армии и народа».

Деруладъ восторженно говорилъ объ арміи, а о парламентаризмѣ отзывался съ отвращеніемъ. Имена нѣкоторыхъ министровъ подвергались шikanью.

«Мнѣ грозятъ, — продолжалъ Деруладъ, — что меня арестуютъ. Я отвѣчаю на это вызовомъ и презрѣніемъ. Францію хотятъ убить, и нужно ее спасти; вотъ задача. Мой лозунгъ слѣдующій: *республика для народа и посредствомъ народа*, противъ парламентарной республики. Необходима конституція, основанная на плебисцитѣ.

Умы французскаго народа все еще заняты постыднымъ процессомъ Дрейфуса. Реннъ, гдѣ происходитъ судебное разбирательство, переполненъ пріѣзжей публикой.

Если признать печать за вѣрный отголосокъ общественнаго мнѣнія, то разгорѣвшіяся страсти противниковъ и приверженцевъ пересмотра процесса Дрейфуса дошли до бѣлаго каленія. Характерное исключеніе въ общей картинѣ бушующаго моря страстей представляютъ жители города Ренна:—они сравнительно очень спокойны и даже довольны, по той понятной причинѣ, что громадный наплывъ пріѣзжихъ принесетъ имъ немало матеріальныхъ выгодъ. Квартіры вздорожали до баснословныхъ размѣровъ и 500 франковъ въ мѣсяцъ за маленькую комнату считается еще умѣренной цѣной. Многіе изъ прибывшихъ въ Реннъ иностранцевъ и парижскихъ гостей поселились, за недостаткомъ помѣщенія, въ окрестныхъ деревняхъ.

Судьбою Дрейфуса волнуются не одни французы, но, по ошибкѣ, и въ другихъ странахъ. Измѣнникомъ Дрейфусомъ заинтересовался и «игорный князь» Монако. Онъ предложилъ пресловутому жителю Чортова острова, въ случаѣ обвиненія его въ измѣнѣ, убѣжище въ своемъ микроскопическомъ княжествѣ и большомъ игорномъ домѣ. Жоржъ Берри считаетъ письмо князя Монако «самымъ невѣжливымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Франціи и истиннымъ оскорбленіемъ независимости правосудія». Группа «національной защиты», собравшись по этому поводу, вотировала «протестъ во имя достоинства Франціи, противъ политики, павшей ниже всякаго безчестія». Депутатъ де-Вастеланъ написалъ слѣдующее письмо князю Монако:

«Монсенъоръ! Вы написали m-me Дрейфусъ письмо, вызывающее негодованіе всѣхъ добрыхъ французовъ, — не потому, что вы пишете письмо несчастной женщинѣ (чувство это достойно уваженія), но потому, что вы вмѣшиваетесь въ дѣла, которыя отнюдь не касаются вашего высочества. Если вы, въ качествѣ иностраннаго государя, думаете повліять на французскихъ офицеровъ, въ виду серьезнаго рѣшенія, которое имъ предстоитъ вынести, то я прошу васъ замѣтить, что партіи не равны, ибо никто изъ насъ не вызоветъ на дуэль принца, состоящаго

подъ опекой. Быть можетъ, монсеньоръ, вы находитесь въ родствѣ съ Дрейфусомъ, но въ такомъ случаѣ вы ликуете преждевременно. Если же, наоборотъ, вы виѣшиваетесь въ качествѣ протектора игорнаго дома, то позвольте вамъ замѣтить, что самъ Дрейфусъ обойдется безъ вашего вниманія. Примите, монсеньоръ, увѣренія въ чувствахъ, съ которыми имѣю честь быть вашего высочества покорный слуга *графъ Бони де-Кастеланъ, депутатъ*.

Добавимъ, что въ тотъ же день въ «Figaro» помѣщена слѣдующая замѣтка:

«Нѣкоторые изъ нашихъ собраній печатаютъ отвѣты, адресованные принцу Монако. Во всякомъ случаѣ, письма эти не имѣютъ шансовъ достигъ князя, совершающаго въ данную минуту морское путешествіе, которое продолжится недѣль 5—6. Импровизированные корреспонденты князя въ особенности мѣтять, въ данномъ случаѣ, въ его титулъ иностраннаго государя. Они не знаютъ, конечно, что это уже второй случай, когда князь Монако не хочетъ знать, что онъ государь и иностранецъ. Это было тогда, когда въ дни нашего разгрома онъ поступилъ простымъ солдатомъ и служилъ Франціи до конца войны 1870 г.»

Урокъ, данный французами князю Монако, настолько серьезенъ, что «игорный князь» едва ли когда нибудь его забудетъ.

Женское движеніе въ западной Европѣ дѣлаетъ очень замѣтные успѣхи. Борьба женщинъ на западѣ за свои права началась гораздо позже, чѣмъ у насъ, но результаты оказались тамъ существеннѣе. Все, чего женщины добились у насъ, начиная съ 60-хъ годовъ, сводится, въ общемъ, къ очень немногому: къ праву получать высшее образованіе и притомъ съ весьма ограниченной возможностью примѣнять свои знанія на дѣлѣ. Женщины рѣдко попадаютъ въ земства на службу и лишь недавно только три женщины-врача попали на службу въ медицинскій департаментъ.

Успѣхи же, достигнутые западно-европейскими женщинами въ борьбѣ за эмансипацію, можно считать довольно крупными. Во Франціи женщины имѣютъ право заниматься медициной и адвокатурой; въ Англіи нижняя палата ввела въ законопроектъ о новомъ лондонскомъ самоуправленіи статью, разрѣшающую женщинамъ быть не только членами муниципалитета, но и ольдерманами. Въ Германіи женщины имѣютъ право участвовать въ различныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ и пр.

Засѣдающій теперь въ Лондонѣ конгрессъ представляетъ собою важный шагъ на пути къ женской эмансипаціи. На этотъ конгрессъ съѣхались женщины буквально со всего міра. Сюда съѣхались представительницы прекраснаго пола не только изъ Европы и Америки, но и изъ Китая, Палестины, Австраліи, Персіи и Африки. Всѣ они пріѣхали съ одною цѣлью—выразить свои симпатіи къ женскому движенію. Собраніе

открылось подъ предѣдательствомъ графини Эбердинъ. Но центральною фигурой на женскомъ конгрессѣ была миссъ Сузанна Антони, 80-лѣтняя старушка. Она — «мать» женскаго движенія.

«Эмансипація женщинъ», — заявила она корреспонденту «С. О.», — лежить не въ интересахъ одного пола, а въ интересахъ всего человѣчества. Мы можемъ осуществить великія культурныя задачи, лежащія на насъ, только тогда, когда наравнѣ съ мужчинами мы будемъ участвовать въ управленіи дѣлами родной страны. Въ юности я была народной учительницей. Женскаго движенія еще совсѣмъ не было. Полвѣка тому назадъ, вся жизненная энергія женщины тратилась на приготовленіе обѣда и на веденіе домашняго хозяйства. Всѣ профессіи, кромѣ фабричной работы да проституціи, были для нихъ закрыты. Но въ этой атмосферѣ онѣ задыхались. И когда одна изъ женщинъ того времени начала агитацію въ пользу трезвости, скрытая энергія женщинъ прорвалась наружу, и черезъ короткое время всѣ Соединенные Штаты были охвачены огнемъ ихъ пламенной агитаціи. Мы устраивали митинги противъ самыхъ кабаковъ, мы ходили изъ дома въ домъ и проповѣдывали трезвость; мы составили, наконецъ, гигантскую петицію и представили ее въ парламентъ. То было какъ бы пробужденіе женщинъ послѣ долгаго вѣковаго сна! Конечно, пробужденіе это было одностороннее, но жизнь скоро окончательно раскрыла намъ глаза. Когда парламентъ приступилъ къ разсмотрѣнію нашей петиціи, одинъ изъ депутатовъ всталъ и осмѣялъ ее отъ начала до конца. «Что это за петиція?! — воскликнулъ онъ съ презрѣніемъ. — Кто ее подписалъ? — Однѣ только женщины и дѣти!» Мы поняли тогда, что въ интересахъ самаго прогресса мы должны быть прежде всего свободными людьми, полноправными членами нашей родины. Вотъ почему вы видите меня теперь президентомъ «Сѣверо-американской лиги борьбы за политическія права женщинъ».

Эта старушка, въ теченіе полвѣка, боролась за права своихъ сестеръ и добилась въ своихъ родныхъ штатахъ, Іалонингъ и Колорадо, полного равенства женщинъ съ мужчинами.

На женскомъ конгрессѣ былъ поднятъ любопытный вопросъ о «торговлѣ женщинами въ цѣляхъ разврата». Эта торговля пустила глубокіе корни, благодаря тому, что она почти вся цѣликомъ сосредоточилась въ жидовскихъ рукахъ. На конференціи особымъ интересомъ отличались доклады русскихъ делегатовъ: сенатора (нынѣ члена государственнаго совѣта) статсъ-секретаря А. Сабурова и князя С. Волконскаго.

Сенаторъ Сабуровъ познакомилъ конгрессъ съ русскимъ законодательствомъ, касающимся защиты малолѣтнихъ, проституціи и совращенія женщинъ, и перешелъ затѣмъ къ изложенію вопроса о торговлѣ «бѣлыми рабынями» въ Россіи. Въ договорахъ о выдѣлѣ преступниковъ, заключенныхъ между Россіей и другими государствами, *торговля жен-*

щинами не предусмотрена, но въ нихъ имѣются пункты о предупрежденіи растленія лицами, специально занимающимися доставленіемъ женщинъ для такихъ цѣлей. Конвенціи съ Бельгіей, Швейцаріей, Монако и Люксембургомъ болѣе ясны по этому вопросу, чѣмъ тѣ, которыя заключены Россіей съ Австріей, Испаніей, Италіей, Голландіей и Португаліей; во всѣхъ этихъ конвенціяхъ, однако же, не упоминается о лицахъ, профессионально занимающихся торговлею женщинами.

Вывозъ женщинъ изъ Россіи за границу производился, главнымъ образомъ, черезъ Одессу. Строгій полицейскій надзоръ, установленный тамъ, сдѣлалъ дальнѣйшій вывозъ невозможнымъ, за исключеніемъ случаевъ, когда женщины выбываютъ за границу добровольно. Судьба этихъ жертвъ,—какъ справедливо замѣтилъ почтенный докладчикъ,—зависитъ не столько отъ бдительности мѣстной полиціи, сколько отъ властей тѣхъ государствъ, куда женщины направляются. Агенты-сводники, проживающіе въ Аргентинской республикѣ и Бразиліи, пріѣзжаютъ въ Россію по три и четыре раза въ годъ. Главными рынками, поставляющими женщинъ, являются губерніи варшавская и калишская, а главные агентства находятся въ Генуѣ, Бордо, Гаврѣ, Шербургѣ, Сууттемптовѣ и другихъ портахъ.

Русское правительство—бесильно въ борьбѣ со сводниками въ виду того, что по закону такіа лица, въ большинствѣ случаевъ иностранцы, подлежатъ лишь высылкѣ изъ предѣловъ страны и, конечно, въ скоромъ времени снова пріѣзжаютъ въ Россію съ тою же цѣлю. Случаи «добровольнаго» эмигрированія подъ разными законными видами весьма часты, и хотя полиція нерѣдко имѣетъ основаніе сомнѣваться въ bona fide «отцовъ» и «матерей», выѣзжающихъ за границу съ двумя или тремя взрослыми дочерьми, или «мужей» съ молодыми женами; тѣмъ не менѣе она не считаетъ себя вправѣ арестовать такихъ сводниковъ-агентовъ, въ виду того, что съ формальной стороны все обставлено вполне безупречно. Такимъ образомъ, усилія отдѣльныхъ государствъ зачастую бываютъ бесполезны. *Мѣры, направленные противъ торговли женщинами, должны быть международными.* А. А. Сабуровъ различаетъ двѣ отдѣльныхъ группы преступныхъ дѣяній, которыя съ юридической точки зрѣнія должны быть рассмотрѣны независимо другъ отъ друга. Первая группа состоитъ изъ дѣяній, направленныхъ на то, чтобы, путемъ обмана или другихъ уголовныхъ актовъ, совратить женщину въ дождь терпимости противъ ея воли, или, иначе говоря, поработить ее.

Г. Сабуровъ выразилъ мнѣніе о необходимости обезпечить путемъ международныхъ конвенцій *выдачу лицъ, виновныхъ въ доставленіи женщинъ*, если послѣднее сопровождается насиліемъ (физическимъ или нравственнымъ), обманомъ и проч. Такія формы доставленія должны

быть включены въ число преступленій, наказуемыхъ во всѣхъ государствахъ. Необходимо также установить правильную международную систему *обмена всякаго рода съдѣній съ цѣлью выслѣживанія сводника.*

Что же касается порабощенія женщинъ въ домахъ терпимости, то г. Сабуровъ рекомендуетъ принять, какъ основанія для общаго международного закона, конвенціи, заключенныя между Германіей, Бельгіей и Голландіей въ 1889 и 1890 годахъ. *Удержаніе женщинъ хозяевами публичныхъ домовъ должно быть признано уголовнымъ преступленіемъ*; возбужденіе преслѣдованія необходимо сдѣлать возможнымъ, помимо жалобъ самихъ женщинъ. Только такимъ образомъ можно успѣшно бороться съ современнымъ женскимъ рабствомъ.

Вполнѣ ясно, что, еслибы хозяева домовъ терпимости лишены были возможности удерживать попавшихъ въ ихъ руки женщинъ, помимо ихъ воли, они не стали бы платить за ихъ доставленіе, и, слѣдовательно, существованіе *международнаго сводничества* зависитъ исключительно отъ законовъ отдѣльныхъ государствъ, оставляющихъ акты насилія противъ личности женщинъ—безнаказанными.

Конгрессъ вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе г. Сабурова и единодушно принялъ предложеніе русскаго делегата: о назначеніи *постояннаго международнаго комитета*, съ цѣлью добиться принятія всѣми государствами мѣръ, имѣющихъ быть выработанными особою комисіею экспертовъ.

Дай Богъ, чтобы народы и правительства обратили, наконецъ, вниманіе на вопіющее зло—проституцію, которая губитъ и тѣло, и душу своихъ жертвъ. Какіе бы строгіе законы ни были установлены для кары торговцевъ «живымъ товаромъ», всё они будутъ слишкомъ легки въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое вносятъ въ міръ эти безстыдные преступники!

Объ англійской культурности мы говорили уже въ іюльскомъ политическомъ обзорѣ, а именно—объ англійскихъ пуляхъ «думъ-думъ». Когда на гаагской конференціи зашелъ вопросъ объ упраздненіи разрывныхъ пуль во время войны, просвѣщенные англичане наотрѣвъ отказались присоединиться къ общественному мнѣнію противъ этихъ пуль. Они отрицали сначала даже существованіе въ ихъ арміи этихъ милыхъ пуль. Но французская печать первая забила въ набатъ и оповѣстила весь свѣтъ о томъ, что англичане въ войнѣ съ афридіями пользуются пулями «думъ-думъ». Англичане, по обыкновенію, сначала отрицали, а потомъ объяснили, что для войны съ дикими народами эти пули необходимы, такъ какъ онѣ, входя въ тѣло, разрываются и производятъ раны, всегда смертельныя. Англичане немного смутились разоблаченіями французскихъ газетъ... Но только «смутились». На гаагской конференціи англійскіе делегаты отказались принять на себя какія либо обязательства по отно-

шенію къ этимъ пулямъ, а англійскіе полководцы роздали пули думъ-думъ англійскимъ солдатамъ, собраннымъ въ южной Африкѣ.

На югѣ Африки англичане сосредоточили пять батарей, съ 30 митральезами. Всѣ заряды къ этимъ митральезамъ состоятъ изъ пуль думъ-думъ. Гаагская конференція признала эти пули разрывными и постановила, что онѣ пригодны лишь для охоты на дикихъ животныхъ. «Просвѣщенные мореплаватели» видно и афридіевъ считаютъ за дикихъ животныхъ, для истребленія которыхъ они и приспособили свои митральезы, выбрасывающія 400 разрывныхъ пуль въ минуту. Эти «гуманныя» пули изготовлены въ Англии въ знаменитомъ Вульвичскомъ арсеналѣ.

Въ «Pall-Mall Gazette» напечатанъ любопытный отзывъ одного подполковника британской службы объ этихъ пуляхъ. По его мнѣнію, человекъ, который преслѣдуетъ раненаго тигра, не имѣя пуль «думъ-думъ»,—идіотъ. Что же солдаты будутъ думать о людяхъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, которые ихъ посылаютъ противъ врага, столь же опаснаго, какъ и раненый тигръ, но не снабжая для борьбы съ нимъ подходящимъ оружіемъ?

Свою апологію разрывнымъ пулямъ полковникъ кончаетъ очень характернымъ воззваніемъ: «Дайте англійскимъ солдатамъ пулю, которая при самой маленькой ранѣ причиняетъ ужасающія страданія,—и тогда враги Великобританіи вдвойнѣ будутъ бояться войти въ столкновение съ англійскими войсками».

Поэтому не удивительно, что когда въ англійскомъ парламентѣ по поводу этихъ пуль кто-то употребилъ выраженіе, что такое поведеніе «постыдно», то онъ немедленно былъ призванъ къ порядку и ему было внушено, что слово «постыдно» нельзя употреблять въ парламентѣ.

Но, право же, довольно таки постыдно и глупо, что въ то время какъ въ Гаагѣ шелъ вопросъ о сокращеніи вооруженій и уменьшеніи ужасовъ войны,—англичане никакъ не хотятъ отказаться отъ варварскаго способа веденія войны, хотя бы и съ дикими народами...

НОВЫЯ КНИГИ.

И. Н. Потапенко. Свѣтлый лучъ. Повѣсти и рассказы, т. XII-й. Спб., 1899 г.

Г. Потапенко — одинъ изъ плодовитѣйшихъ молодыхъ или — вѣрнѣе — среднихъ лѣтъ беллетристовъ. Характеръ его творчества разнообразенъ и, такъ сказать, эластиченъ. Имя г. Потапенки читатель всюду встрѣтитъ. Онъ съ одинаковою охотою работаетъ въ «Новомъ Времени», «Русскомъ Богатствѣ», «Нивѣ» и «Мирѣ Божьемъ», и его вездѣ принимаютъ, какъ желаннаго гостя. Чѣмъ же выяснить этотъ фактъ обширнаго «гостепрѣимства», повсюду оказываемаго г. Потапенкѣ? Здѣсь возможны два объясненія: во-1-хъ, г. Потапенко слишкомъ эластиченъ, умѣетъ «попасть» на всякаго и каждому угодить своими писаніями; а, во-2-хъ, наши редакторы и издатели слишкомъ неразборчивы по отношенію къ предлагаемому имъ «оригиналу». На самомъ дѣлѣ, что общаго между такими чуть не діаметрально-противоположными органами, какъ «Новое Время» и «Русское Богатство»? Однако, г. Потапенко вездѣ и всюду желанный гость. Каждый согласится, что по характеру своего писательства г. Потапенко всего больше принадлежитъ «Новому Времени». Такъ зачѣмъ же его принимаютъ въ «Русскомъ Богатствѣ»? спроситъ читатель. Объ этомъ нужно будетъ узнать у г.г. Короленки и Михайловскаго.

Прочитавъ вышеназванныя книги, мы пришли къ горькому заключенію: талантъ г. Потапенко, — а талантъ у него несомнѣнно былъ — постепенно падаетъ; вмѣсто того чтобы расширяться, онъ все суживается. У него нѣтъ уже того писательскаго «священнаго» огонька, которымъ отличались его первыя произведенія; нѣтъ прежней картинности и свѣжести колорита. Когда читаешь послѣднія его произведенія, то недоумѣваешь, куда же дѣвалась его прежняя художественность, сжатость и колоритность. Теперь онъ расплывчивъ и многорѣчивъ. Приходитъ неволью на мысль, что г. Потапенко пишетъ для того только, чтобы написать извѣстное число строкъ, извѣстное количество листовъ, и получить за все это извѣстный «кушъ». Съ этою цѣлью то, что можно было сказать — и хорошо сказать — на одной страницѣ, размазы-

вается на цѣлый листъ (рыночная мѣрка стоимости литературнаго «товара»). Намъ кажется, что упадокъ таланта г. Потапенки объясняется именно желаніемъ написать — *soûte que soûte*—побольше строкъ и листовъ... Не будь у автора подобнаго соблазна, онъ не былъ бы такъ плодовитъ и водянистъ.

Впрочемъ, деньги и въ самыхъ романахъ г. Потапенки играютъ крупную роль. Начиная съ его разсказа: «На дѣйствительной службѣ», деньгамъ отводится почетное мѣсто во всѣхъ дѣяніяхъ его героевъ и егероинь. Герои его, большею частію, какіе-то нищіе духомъ и карма номъ. Но на помощь къ этимъ героямъ почти всегда являются таинвенныя феи съ крупными деньжищами, у которыхъ герои пользуются безграничнымъ кредитомъ. Герою въ «Свѣтломъ лучѣ», Барвинскому, благодѣтельствуетъ нѣкая Нина Александровна съ толстымъ карманомъ. Г. Потапенко обвинчалъ его съ этой феей, и у героя явилась естественная охота, вмѣсто того чтобы писать диссертацию, устраивать попойки и кутежи...

У нашего автора есть, впрочемъ, и стремленіе повѣдать читателю «новое слово», обрисовать характеры «реальными штрихами», затронуть «психологию» дѣйствующихъ лицъ. Но все это выходитъ крайне неудачнымъ и непомерно тенденціознымъ. Видно, что онъ недурно знаетъ жизнь и людей, понимаетъ импульсы человѣческой дѣятельности; но, не смотря на все это, толку выходитъ мало. Въ XII т. помѣщенъ разсказъ «Сфинксъ», ранѣе прошедшій на газетныхъ столбцахъ. Сюжетъ разсказа крайне интересенъ и въ высшей степени благодаренъ: взаимныя отношенія между интеллигентомъ, попавшимъ въ деревню на дачу, и мужикомъ, живущимъ тамъ. Но авторъ плохо справился съ нею. Причина неудачи, по нашему мнѣнію,—это желаніе написать какъ можно скорѣе и больше строкъ. Отсюда—растянутость, недоуѣлка въ обрисовкѣ персонажей, какъ результатъ спѣшной работы.

Мы искренно сожалѣемъ, что послѣднія работы г. Потапенки ниже прежнихъ его трудовъ. Будемъ надѣяться, что отмѣченные нами недостатки работы этого, вообще, довольно симпатичнаго писателя не повторятся, для его же пользы, въ послѣдующихъ работахъ. «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»!

Изъ Порошинъ. Русалка. Спб. 1899 г.

Почему книга эта названа «Русалкой»—это, вѣроятно, секретъ автора. Только не думаемъ, чтобы онъ этимъ *секретомъ* могъ заинтриговать читателей. Въ книгѣ 10 разсказовъ, и изъ нихъ «Русалка» занимаетъ 48 стр. Почему отдано авторомъ предпочтеніе «Русалкѣ», а не другому какому либо разсказу, хотя бы, напр. «Татаркѣ», «Вѣщимъ снамъ» и пр.? Тутъ возможны два предположенія: авторъ въ данномъ случаѣ руководствовался или естественнымъ, или количественнымъ мѣриломъ. Вѣроятно,

по его мѣнню, «Русалка» — лучший рассказъ, или онъ отдалъ ей предпочтеніе на томъ основаніи, что въ ней 48 стр., тогда какъ въ другихъ рассказахъ всего по 20—40 стр. Остановимся на «Русалкѣ». Но что же сказать объ этомъ рассказѣ? Право, крайне трудно. Содержаніе его слѣдующее. Сравнительно молодой человѣкъ (35 лѣтъ) Веригинъ отправился въ Подѣсье погостить къ пріятелю. Отъ нечего дѣлать, будучи страстнымъ охотникомъ, Веригинъ частенько съ ружьемъ уходилъ въ «древлянскіе» лѣса, гдѣ было очень много всякой дичи. Въ одно изъ такихъ путешествій онъ случайно набрелъ на совершенно другую дичь. Около полуночи онъ увидѣлъ выходящую изъ маленькаго пруда молодую женщину. Веригинъ видалъ на своемъ вѣку красивыхъ, хорошо сложенныхъ женщинъ, гордившихся стройностью своего стана, пластичностью формъ; но онъ никогда еще не встрѣчалъ ничего подобнаго. Стоявшая на берегу женщина, съ гибкимъ стройнымъ станомъ и густыми темными волосами, спускавшимися почти до земли, показалась ему такой красавицей, что онъ замеръ отъ восторга на мѣстѣ. Онъ не сомнѣвался ни на одно мгновение въ томъ, что это была живая женщина, а не галлюцинація, не продуктъ разстроеннаго или больнаго воображенія. Веригинъ ежедневно началъ навѣщать пруды и любоваться купающейся нимфой, которую онъ прозвалъ «настоящей русалкой». Наконецъ, ему удалось заговорить съ ней. — «Простите, я испугалъ васъ, — виновать! — проговорилъ Веригинъ, приподнимая шляпу, — но я, право, не виновать... — Я не изъ трусливыхъ и не знаю, что такое страхъ, — отвѣтила Русалка. Вы, вѣроятно, потеряли дорогу и попали не туда, куда слѣдовало? — Результатъ встрѣчъ для читателя ясенъ: Русалка влюбилась въ Веригина и бѣжала съ нимъ въ Кіевъ. Влюбленные зажили счастливо и весело. Но на Русалку по временамъ находила какая-то грусть. Она становилась угрюмой и суровой. На вопросъ Веригина: что съ нею? она не давала опредѣленнаго отвѣта. Но однажды она не выдержала и рассказала ему свою біографію. Русалка — дочь сосланнаго на Кавказъ поляка — воспитывалась въ Варшавѣ на средства богатой родственницы. Вышла она замужъ. Мужъ, разорившись, хотѣлъ было торговать ею. Она его задушила и отъ кары правосудія бѣжала къ Кагызманову. Поселившись въ его имѣніи, она чрезъ нѣсколько дней сдѣлалась его любовницей. «О, — говоритъ она, — это была самая гнусная связь, какая когда либо могла существовать на землѣ. Кагызмановъ не внушалъ мнѣ другаго чувства, кромѣ отвращенія, и я все таки отдавалась ему: насъ связывало вмѣстѣ тяготившее каждаго изъ насъ преступленіе». Убійца своей жены, казалось, только и отдыхалъ въ объятіяхъ любовницы, только что задушившей своего мужа. Веригина «Русалка» скоро бросила и возвратилась къ Кагызманову. Вотъ и все содержаніе рассказа, довольно литературно написаннаго.

Современные беллетристы отличаются однимъ пріятнымъ достоинствомъ:

ихъ произведенія «легки для чтенія»... Это первое достоинство, но есть и другое не менѣ прекрасное: по прочтеніи повѣсти или разсказа, ихъ немедленно забываешь. Голова по прежнему остается свѣжею и не обремененной содержаніемъ прочитаннаго. Легко читаются работы современныхъ беллетристовъ, и еще легче забываются. «Философствовать», «проводить идеи», «поучать» — нынѣшній беллетристъ не любитъ. У теперѣшнихъ романистовъ любовь къ женщинѣ основывается... на гибкомъ ея станѣ, на чудныхъ, длинныхъ волосахъ, на изумрудныхъ глазахъ и пр. Внутренній же міръ женщины рѣдко ими затрагивается. *Это правда!*

И. М. Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб. 1898 г.

«Еслибы можно было, — говорить авторъ, — всю нашу журнальную литературу за истекшій годъ обозрѣть съ птичьяго полета, то обозрѣватель вынесъ бы крайне ограниченное количество впечатлѣній, частью грустнаго, частью смутнаго свойства». Съ этими словами автора пельзя не согласиться. Наши журналы тощакъ годъ отъ году все болѣе и болѣе. «Заглянемъ, — говорить авторъ, — въ «Вѣстникъ Европы»; тамъ, конечно, мы встрѣтимъ на первомъ мѣстѣ всепрославленнаго російскаго доморощеннаго философа, Елифу Мокіевича, или то жъ Владимира Соловьева, который, подражая своему alter ego, Н. Я. Корейшѣ, изрекаетъ на страницахъ этого журнала достопамятныя «кололацы» объ искусствѣ, о политической экономіи, о нравственности, о добрѣ и т. п. Недаромъ г. Лесевичъ причисляетъ Соловьева къ тѣмъ нашимъ глубокимъ философамъ, у которыхъ за плечами, кромѣ нищенскаго багажа, ничего не имѣется. Для такихъ философвъ, опоздавшихъ со своей византийско-замоскворѣцкой философіей, по крайней мѣрѣ, на двѣсти лѣтъ, «Вѣстникъ Европы» несомнѣнно представляеть теперь единственное подходящее мѣсто: журналъ пережилъ свою славу и заснулъ въ преданьяхъ старины глубокой. Во многихъ вопросахъ онъ даже сталъ относиться безразлично, и нерѣдко въ двухъ сосѣднихъ книжкахъ вы встрѣчаете статьи съ противоположными на предметъ взглядами. Это значить — *audiatur et altera pars*. Защищая отъ мракобѣсія *fin de siècle*'я завоеванія цѣлаго вѣка во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли, онъ тутъ же рядомъ заявляетъ: «Вотъ почему, намъ кажется, что современный научный духъ могъ бы съ пользой для себя подчиниться вліянію античнаго». Благодарю — не ожидажь, въ особенности послѣ того, когда съ научнымъ античнымъ духомъ порвана даже всякая связь преемственности. Рядомъ со старыми столпами западно-европейскаго либерализма, — Пыпинимъ, Арсеньевымъ, Герье и Слонимскимъ, — появляются въ Вѣстникѣ Европы и такіе *homines novi* либерализма, какъ упомянутый Владимиръ Соловьевъ, — въ то же время постоянный обитатель метафизическихъ дебрей, называемыхъ «Вопросами философіи и психологіи», — и г. г. Случевскій, Головинъ и Салиасъ, пере-

кочевавшіе на костыляхъ изъ охранительнаго «Русскаго Вѣстника». Ждемъ сюда же Льва Тихомирова и Розанова изъ лампаднаго «Русскаго-Обозрѣнія». Да, смѣшались пашки!

Въ общемъ, авторъ не отрицаетъ существованія у насъ цѣнной литературы. Скучность, по его мнѣнію, выражается не въ томъ, что у насъ нечего читать, не надъ дѣмъ подумать, не у кого поучиться, а въ томъ, что въ настоящее время вновь обнаруживающіяся явленія и требованія жизни не находятъ истиннаго выраженія и освѣщенія въ литературѣ «Вопросы этики и экономки ставятся не ребромъ, а плашмя или наклонно, а около нихъ топчутся такіе доморощенные философы, какъ В. Соловьевъ, Розановъ, Мешиковъ, Мещерскій, Волынский. Отъ одного перечисленія такихъ именъ тошно становится».

«Литературная критика!.. Одно время, годовъ пять-шесть назадъ, мы были совсѣмъ лишены литературной критики, не эстетической, а публицистической, которою со времени Бѣлинскаго справедливо можемъ гордиться. Казалось, что критическая литература доживаетъ у насъ послѣдніе дни въ лицѣ какихъ нибудь двухъ-трехъ представителей прежняго золотого вѣка. Видя такое оскуденіе, откровенная пресса совсѣмъ заликовала. «Наконецъ-то (развязывая и потирая руки, радовалась она) перевелись на Руси эти говоруны, сняли съ насъ эту аналитическую узду, которою они, матеріалисты и утилитаристы, осмѣливались внуздывать чистые духовные порывы нашихъ Кусковыхъ, этихъ первыхъ провозвѣстниковъ декантентства (да будутъ почтены имена ихъ!). Теперь мы, эстетики и символисты (и лунатики), покажемъ, какъ ловко умѣемъ ѣздить на неосѣданномъ пегасѣ и другъ дружку подталкивать да подхвалявать!»... Восторгъ этихъ господъ нельзя сказать, чтобъ и теперь заповдалъ, и теперь критическими писателями русская литература не можетъ похвастать. Нѣкоторые журналы совсѣмъ не имѣютъ критическаго отдѣла. Дѣятельность г. Михайловскаго въ «Русскомъ Богатствѣ» не можетъ быть отнесена къ критической; вообще, онъ давно уже распался на разные разности», «случайныя замѣтки», «литературу и жизнь», гдѣ, однако, нѣтъ ни литературы, ни жизни. Примѣняясь къ выраженію Репетилова, можно сказать: «Михайловскій пишетъ... о чемъ, бишь, пишетъ? — Обо всемъ, все знаетъ; мы его на черный день пасемъ». Критическій отдѣлъ «Новаго Слова», до перехода его къ неомарксистамъ, велъ Сябичевскій; но, ахъ, еслибы онъ этого не дѣлалъ! Вотъ оглавленіе его статей: «Павель Васильевичъ Засодимскій» — Содержаніе этой статьи такое, что, молъ, Павель Васильевичъ честный писатель и доброй души человекъ. Затѣмъ — «Марья Всеволодовна Крестовская». «И тоже: Марья Всеволодовна очень занятная писательница, хотя про честность ея мы изъ статьи ничего не узнаемъ. Но если генія приважете назвать, такъ это, по г. Ска-

бичевскому, — «Дмитрій Наркисович Маминъ-Сибирякъ»; это уже со-всѣмъ необыкновенный писатель. Сравнить его съ другими писате-лями можно только посредствомъ фигуры уподобленія, примѣрно такъ: онъ будетъ все равно, что чернобурая лисица его родины — Сибири, а остальные писатели — поддѣльные котики. Сочиненія его или — точнее — творенія настолько распренасовершенны, что, прочтя статью г. Скаби-чевскаго, мы боялись и прикоснуться къ нимъ, какъ бы не осквернить ихъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Рѣшились, скрѣпя сердце, никогда не читать онаго славнаго романиста».

Современный писатель одновременно пишетъ въ нѣсколькихъ журна-лахъ и газетахъ. Если г. Потаненко одновременно пишетъ и въ «Рус-скомъ Богатствѣ», и въ «Мірѣ Божьемъ», и въ «Новомъ Времени», и въ «Нивѣ», то гдѣ же кончается г. Короленко и начинается Маресь?

Г. И. М. бросаетъ упрекъ «Наблюдателю», что онъ не имѣетъ кри-тического отдѣла. Но это онъ говоритъ напрасно. Критическій отдѣлъ былъ въ нашемъ журналѣ, пока было что критиковать.

Не критика порождаетъ новые литературные таланты, а литератур-ныя произведенія вызываютъ къ жизни и критику.

Въ общемъ, брошюрка производитъ пріятное впечатлѣніе на чита-теля вѣрностью и безпристрастіемъ нѣкоторыхъ характеристикъ нашихъ «толстыхъ» журналовъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Домовладѣльческіе апетиты и мѣры къ ихъ обузданію. — Проектъ *нормального контракта*. — Нынѣшній «хозяйскій» контрактъ — ловушка для квартиронанимателя. — Беспомощность жильца предъ лицомъ домохозяина. — Ненаказуемое квартирное ростовщичество. — Проектъ объ участіи квартиронанимателей въ городскихъ выборахъ. — Полная несостоятельность нынѣшнихъ городскихъ якобы-самоуправленій. — Домовладѣльцы, какъ неумѣлыя хозяева городовъ. — «Хозяйственный способъ» веденія городскихъ дѣлъ. — О чемъ заботятся наши «отцы города»? — Дикія попытки думы обложить повременныя изданія налогомъ, въ видѣ наказанія за грамотность. — Отповѣдь «Новаго Времени» думскимъ апетитамъ. — Что сдѣлала дума для печати и печать для думы? — Необходимость переоцѣнки домовъ и возвышенія, сообразно съ новою цѣною, городскихъ налоговъ. — Обратный пріемъ студентовъ въ университетъ. Зловѣщій «Кіевскій союзный совѣтъ», — состоявшій на половину изъ жидовъ. — Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, исключенныхъ за учиненіе скопомъ безпорядковъ. — Законная репрессія противъ репрессіи подпольной. — Низшая университетская инспекція. Что такое университетскій «педель»? — Заботы А. С. Ермолова объ улучшеніи кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Нашъ журналъ неоднократно говорилъ о чисто-рабскомъ и ненормальномъ положеніи квартиронанимателей и указывалъ средства, при помощи которыхъ тяжелую участь квартиронанимателей можно было бы облегчить хоть до нѣкоторой степени. Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, установленіе *нормального контракта* между домовладѣльцами и квартиронанимателями, и дарованіе послѣднимъ избирательныхъ правъ въ городѣ. Это тотъ *минимумъ*, безъ котораго квартиронаниматель не можетъ въ настоящее время обойтись и отсутствіе котораго держитъ въ домовладѣльческой кабалѣ всѣхъ, кто не можетъ жить въ пещерахъ или въ шатрахъ и подъ «кущами».

Прогрессирующее возрастаніе городского населенія, въ связи съ недостаточно развитымъ и несоотвѣтствующимъ даже естественному приросту населенія домостроительствомъ; равнодушное отношеніе нашихъ городскихъ «самоуправленій», — большинство членовъ которыхъ состоитъ изъ малограмотныхъ и невѣжественныхъ толстосумовъ, — къ интересамъ квартиронанимателей приводятъ къ тому, что господа домовладѣльцы наложили свою тяжелую лапу на бѣдныхъ квартиронанимателей и не даютъ имъ ни «отдыха, ни сроку». Страшная дороговизна квартирныхъ помѣщеній поглощаетъ льви-

ную долю заработка бѣдныхъ тружениковъ. Жалованья чиновнику не прибавляютъ, и если онъ ранѣ занималъ 4 комнаты, то теперь долженъ уже по капризу какого нибудь Ицки или Китъ-Китыча, жить въ трехъ или двухъ комнатахъ, потому что получаемого имъ жалованья далеко не хватаетъ на оплату домовладѣльческой жадности.

Газеты сообщили радостный слухъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разсматривается проектъ *нормальнаго контракта* между домохозяевами и квартиронанимателями. Государственная власть справедливо беретъ на себя инициативу установить справедливость въ отношеніяхъ между квартиронанимателями и домохозяевами, и оградить въ матеріальныхъ сдѣлкахъ слабую сторону. Поэтому нормальный контрактъ является наиболѣе неотложнымъ и своевременнымъ. Этотъ послѣдній взываетъ о вниманіи къ себѣ ежедневно и ежеминутно. Заключаемые теперь насильственнымъ образомъ контракты между хозяевами и квартиронанимателями представляютъ собою фактъ, чуждый малѣйшаго намека на юридическую сдѣлку, въ которой двѣ *равноправныя стороны* входятъ во взаимныя отношенія для обоюдной выгоды. Хозяева, по контракту, являются *господами* и владыками, а квартиронаниматели—ихъ *рабами* и подчиненными. При наймѣ квартиры, домовладѣлецъ не предлагаетъ проектъ контракта для совмѣстнаго обсужденія съ квартиронанимателемъ, а просто пристаеъ съожемъ къ горлу подписать заранѣе составленный имъ контрактъ. Въ такомъ контрактѣ *всѣ выгоды и гарантіи на сторону хозяина*, всѣ неудобства и рискъ на сторонѣ квартиронанимателя. Обязанности жильца по отношенію къ домовладѣльцу и квартирѣ безчисленны. Онъ обязуется въ указанный срокъ платить впередъ за одинъ—три мѣсяца за квартиру, не производить шума и безпокойства, не имѣть собакъ и кошекъ, не портить ничего въ квартирѣ, не передавать квартиры безъ согласія хозяина и, при выѣздѣ, оставить квартиру въ томъ видѣ, въ какомъ она была сдана жильцу. Послѣднее требованіе, конечно, бессмыслица, но оно поставлено въ каждомъ контрактѣ.—Всѣ эти, невольно взятая на себя, обязанности жилецъ долженъ нести безпрекословно и безропотно и исполнять ихъ «свято и ненарушимо». Въ случаѣ столкновеній, домовладѣлецъ «воленъ» отказать отъ квартиры, а жилецъ долженъ за это удовольствіе еще и заплатить квартирные деньги по срокъ контракта(!) Ему даже и обжаловать нельзя самоволіе и самоуправство домовладѣльца: во-1-хъ, въ «хозяйскомъ» контрактѣ это самоволіе и самоуправство предусмотрены и скрѣплены вынужденной подписью самого жильца, а во-2-хъ, еслибы жилецъ и вздумалъ обратиться къ мировому судѣ, то изъ этого никакого толку не выдетъ, такъ какъ г.г. «мироны» избираются для отправленія «правосудія» тѣми же самыми господами домовладѣльцами, которые и сочиняютъ *ловушки* для жильцовъ. Въ контрактѣ и слова не говорится о чемъ либо, избавляющемъ жильца отъ обязанности жить въ квартирѣ, которая окажется сырой, холодной, дымящейся, со старыми прогнившими рамами. Обо всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова въ контрактѣ!! Не говоримъ уже о томъ, что если жилецъ не досмотрѣлъ какой нибудь неисправности при выѣздѣ въ

квартиру или положился на обѣщанія хозяина, то онъ, по силѣ контракта, обязанъ будетъ ремонтировать заново всю квартиру.

Квартиронаниматель является безусловной жертвой алчности и грубости хозяина. Благодаря отсутствію конкуренціи между представителями домовладѣнія и всякихъ законодательныхъ постановленій ограждающихъ интересы съемщиковъ жилыхъ помѣщеній, контракты домовладѣльцевъ,—этогь плодъ якобы «свободнаго» договора,—представляютъ собой какія-то кабалныя запродажи себя квартиронанимателями. Такіе контракты не могутъ быть терпимы законодательствомъ, твердо держащимся выработаннаго юридической наукой принципа: *нѣтъ правъ безъ обязанностей и обязанностей безъ правъ*.

Квартиронаниматель во все время найма живетъ при всѣхъ неудобствахъ и недочетахъ квартиры, ежедневно обращается къ дворнику или управляющему, которые или пожимаютъ плечами, или отдѣлываются обѣщаніями; затѣмъ кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ поправки,—конечно, поверхностныя,—на свой счетъ, но вычесть стоимость поправокъ изъ квартирной платы не смѣетъ, такъ какъ этого въ контрактѣ не сказано; а, напротивъ, плату нужно вносить полностью, въ указанный срокъ, подъ страхомъ изгнанія... Богъ знаетъ, что за безобразіе!!

И жилецъ кипитъ, угрожаетъ, а... все таки платитъ, не добившись ничего и не имѣя возможности бросить квартиру, въ которой жизнь становится невозможной. А все потому, что нынѣшній контрактъ есть своего рода ерѣсистое право домовладѣльца надъ жильцомъ. Подписывая этотъ контрактъ, жилецъ, нѣкоторымъ образомъ, *отрекнется отъ своей личности*, обязывается платить, быть всѣмъ довольнымъ, да еще отвѣчать за всѣ тѣ недочеты квартиры, какіе домовладѣльцу вздумается отнести на его счетъ. Въ наймахъ краткосрочныхъ, мѣсячныхъ, жилецъ не обезпеченъ отъ неожиданнаго и произвольнаго повышенія цѣны на квартиру, отъ отказа въ квартирѣ, подъ предлогомъ ремонта или необходимости въ этой квартирѣ для нуждъ хозяина. И все это выносятся; ко всему этому наниматель привыкъ, какъ къ порядку неизбѣжному, почти нормальному. А между тѣмъ: дѣйствительно ли хозяинъ есть полный, неограниченный собственникъ квартиры? Вѣдь квартира есть такой же предметъ пользованія для публики, какъ лавки, питейныя заведенія, общественныя развлеченія и пр. Если существуетъ государственный и общественный контроль надъ всѣмъ этимъ, для огражденія потребителя отъ злоупотребленій и фальсификаціи,—то почему бы не урегулировать правъ и обязанностей домовладѣльца и не оградить квартиронанимателя? «Необходимость въ такомъ огражденіи—справедливо говорить одна провинціальная газета—давно чувствуется, и появленіе *нормальнаго контракта* для найма квартиръ явятся серьезнымъ благодѣяніемъ и будетъ встрѣчено общими симпатіями».

Жизнь давно уже выдвинула на первый планъ необходимость регулированія наемнаго договора между домовладѣльцемъ и жильцемъ; необходимо также положить предѣлъ квартирному растовщичеству. На западѣ, напр., въ Германіи, дѣйствительность вызвала,

съ одной стороны, союзы квартиронанимателей, стремящихся къ разрѣшенію квартирнаго вопроса при содѣйствіи общины и государства, и союзы домовладѣльцевъ, отстаивающихъ свое преимущественное положеніе—съ другой.

Если квартиронаниматели, *de jure* и *de facto*, безпомощны по отношенію къ домовладѣльцамъ, то послѣдніе, напротивъ, объединены тѣмъ *tacito consensu*, тѣмъ молчаливымъ соглашеніемъ, о которомъ говорилъ еще Адамъ Смитъ. Съ другой стороны, наше законодательство даетъ домовладѣльцамъ и юридическую возможность отстаивать свои интересы. Нынѣ дѣйствующее городское положеніе 1892 г., въ болѣе даже степени, чѣмъ положеніе 1870 г., отводитъ домовладѣльческому элементу самую видную и почти исключительную роль въ городскомъ самоуправленіи. Другіе слои населенія и, между прочимъ, квартиронаниматели не имѣютъ почти никакого участія въ общественномъ управленіи. Невыгодная сторона такого положенія вещей въ городской жизни даютъ себя знать на каждомъ шагѣ. Въ печальномъ и безпомощномъ положеніи квартиронанимателей по отношенію къ домовладѣльцамъ слѣдуетъ видѣть лишній аргументъ въ пользу предоставленія квартиронанимателямъ самаго широкаго участія въ городскомъ самоуправленіи. Такое участіе,—какъ то доказываетъ богатый опытъ западныхъ странъ,—дастъ благотворные результаты вообще и, въ частности, облегчитъ тяжелыя жилищныя условія огромной массы городского населенія.

Нужно надѣяться, что этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ правительствомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Какъ бы ни оказался неполонъ имѣющій быть созданнымъ нормальный уставъ, какъ бы ни незначительны были гарантированы въ немъ интересы жильцовъ, все таки это будетъ *законъ*, а не *произволъ* лицъ, очень часто лишенныхъ всякой элементарной порядочности.

Другимъ средствомъ, регулирующимъ отношенія квартирантовъ къ домохозяйствамъ, является вопросъ о *расширеніи городского представительства* въ Петербургѣ и др. городахъ, путемъ дарованія избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ.

Въ газетахъ уже промелькнуло извѣстіе о томъ, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ будетъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ предстоящую осеннюю сессію, *проектъ предоставленія избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ*. При этомъ передаются даже нѣкоторыя подробности проекта. Напр., въ столицахъ избирательныя права будутъ предоставлены тѣмъ квартиронанимателямъ, которые платятъ за одно помѣщеніе не менѣе 1,600 р. въ годъ. Участіе же въ выборахъ представляется квартиронанимателю въ томъ лишь случаѣ, если онъ платилъ вышеуказанную сумму въ послѣдніе два года. Въ провинціальныхъ городахъ, разумѣется, избирательный цензъ будетъ значительно пониженъ. Конечно, ежегодная плата за квартиру въ 1,600 р., дающая право на избирательство, слишкомъ велика; ее свободно можно было бы понизить до 1,000 руб. Каковы бы ни были подробности этого проекта, но уже самъ по себѣ онъ представляетъ очень отрадное явленіе. Съ его существованіемъ мало того, что прекращается монополія домовладѣльцевъ въ дѣлахъ городского самоуправления,—монополія, да-

вавшая себя знать съ отрицательной стороны,—но и явится свѣжій и здоровый притокъ новыхъ элементовъ, который оживить «мертвое царство» нашего городского самоуправления.

Въ самомъ дѣлѣ: справедливо ли, логично ли, что *только* домовладѣлецъ можетъ хорошо *думать* и прекрасно *хозяйничать* въ общественныхъ дѣлахъ?.. Если мы поприсмотримся къ контингенту нашихъ «отцовъ города», то увидимъ, что все это—случайные элементы, которые проникли въ думу или «почета ради», или для поддержанія своего престижа, или прямо таки изъ желанія пристроиться къ «общественному пирогу». «Авось, молъ, на какую нибудь платную должность попаду» или въ комисію съ жирнымъ «кладомъ»...

— Помилуйте!—говорилъ одинъ кандидатъ въ думу.—Какъ же мнѣ не стремиться попасть въ городскую думу, коль скоро гласному всегда можетъ быть открытъ большой кредитъ въ городскомъ банкѣ? Потому — хозяинъ города, а банкъ то чей?—тоже города!

Подобные-то молодцы попадаютъ въ думу и начинаютъ тамъ «хозяйничать». Мы не будемъ говорить, какъ хозяйничаютъ наши отцы города. Печальные факты ихъ самоуправления у всѣхъ на лицо. Мы только напомнимъ нѣсколько примѣровъ. Всѣмъ, вѣдь, еще памятны скандалы съ петербургскимъ водопроводнымъ обществомъ, съ постройкою Троицкаго и проваломъ Дворцоваго мостовъ; всѣмъ также хорошо извѣстны работы, производимыя такъ называемымъ *хозяйственнымъ* способомъ. Этотъ *хозяйственный* способъ производства работъ называется такъ не потому, что онъ ведется экономно, *хозяйственно*, но потому, что распорядитель-гласный орудуетъ этими работами, какъ полный *хозяинъ*, не обязанный никому и ни предъ кѣмъ отдавать отчетъ въ своихъ расходахъ; здѣсь происходитъ обыкновенно смѣшеніе частнаго и общественнаго дѣла, въ силу пословицы: «рука руку моетъ».

Почему наше городское хозяйство никуда не годится,—это всякому понятно. Гласный избирается кучкою своихъ друзей не потому, что онъ образованъ, честенъ, энергиченъ и предприимчивъ, а *единственно потому, что онъ—домовладѣлецъ*. Въ большинствѣ случаевъ наши гласные заботятся не объ увеличеніи больницъ и школъ, не о благоустройствѣ города. Имъ, по крайнему невѣжеству,—мы говоримъ о большинствѣ гласныхъ,—эти заботы совсѣмъ не важны и не интересны. Единственно, гдѣ «работаютъ» усердно наши отцы города—это въ сферѣ отысканія новыхъ доходовъ и новыхъ обложеній. Да не подумаетъ читатель, что эти обложенія падаютъ на самихъ отцовъ города,—нѣтъ, они всецѣло ложатся или на лицъ, которыя непричастны къ городскому самоуправленію,—т. е. квартиранимателей,—или,—право, даже стыдно сказать!—представляютъ налогъ на образованіе, на просвѣщеніе. Мы не шутимъ. Городская ревизіонная комисія предполагаетъ «ходатайствовать объ обложеніи повременныхъ петербургскихъ изданій извѣстнымъ налогомъ». «Новое Время» по этому поводу дало прекрасную отвѣдь самодурамъ города.

«Конецъ нашего столѣтія будетъ отмѣченъ въ русской исторіи величайшимъ изобрѣтеніемъ, идея котораго зародилась въ нѣдрахъ петербург-

ской думы,—столичнаго городского самоуправленія,—именно налогомъ на просвѣщеніе, въ видѣ сбора съ періодическихъ изданій въ пользу города. Налогъ этотъ придумала городская ревизіонная комісія, которая предполагаетъ «ходатайствовать объ обложеніи повременныхъ изданій, выходящихъ въ Петербургѣ, въ пользу города сборомъ въ размѣрѣ 5% съ подписной цѣны изданія, взимая таковой сборъ лишь начиная съ трехмѣсячнаго абонемента». Если проэктъ этого фантастическаго налога перейдетъ въ дѣйствительность,—вы будете *вносить въ пользу города извѣстную подать за чтеніе газетъ и журналовъ (!)*, вы должны будете платить за свою естественную любознательность, за свое желаніе узнать о событіяхъ на земномъ шарѣ, о прогрессѣ человѣческой мысли, о новыхъ открытіяхъ, о новыхъ изобрѣтеніяхъ, о ходѣ мировой литературы; за свое желаніе приобщиться къ жизни мыслящаго человѣчества, стоять на умственномъ уровнѣ своего вѣка. Интересуйтесь, занимайтесь публицистикой, литературой, искусствомъ, наукой—добрая воля ваша, но за такое удовольствіе вы должны платить установленный сборъ. Такую думушку думаетъ наша дума... Но правильно ли она думаетъ, основательно ли она рассуждаетъ? Подумаемъ и мы, остановимся немного на этомъ вопросѣ. Дѣло тутъ не въ рублѣхъ или гривенникахъ, конечно, а въ томъ, что домовладѣльческая фантазія, скрывающаяся подъ постановленіями думы,—это одно, а интересы просвѣщенія—это совсѣмъ уже другое. По существу дѣла, еще вопросъ: кто кому обязанъ—печатать ли думѣ, или дума печатаетъ? И если разобраться въ этомъ вопросѣ, то окажется, что у думы накопился уже нѣкоторый долгъ передъ печатью. Что сдѣлала петербургская дума для печати, что поставило бы послѣднюю въ извѣстныя обязательства передъ нею? Ровно ничего. Печать неустанно работаетъ круглый годъ, и ея труженики принуждены томиться лѣтомъ въ душномъ, пыльномъ городѣ, исковерканномъ самымъ безалабернымъ лѣтнимъ ремонтомъ, лишенномъ канализаціи, отличающемся невозможными санитарными условіями, ставящими его на второе мѣсто въ статистикѣ смертности среди европейскихъ столицъ. Если къ обычной мизерности бюджета журналиста присоединить еще и антигигіеническія прелести петербургскаго житья-бытья, дороговизну этого житья, непомѣрную, удивительную алчность домовладѣльцевъ,—избранники которыхъ, къ слову сказать, призваны руководить городскими дѣлами,—то получится картина, говорящая далеко не въ пользу тѣхъ, кто вздумалъ облагать печать налогомъ».

Но если печать не видѣла добра отъ думы, зато сама она приноситъ ей много пользы. Она постоянно указываетъ на городскія нужды, безпристрастно освѣщаетъ на своихъ страницахъ вопросы городского хозяйства, облегчая своимъ искреннимъ участіемъ работу и задачи нашихъ градоправителей. Она удѣляетъ городскимъ дѣламъ и вопросамъ свое вниманіе, наравнѣ съ дѣлами общегосударственными и человѣческими. Нельзя не признать, что городъ многимъ обязанъ печати. Но что сдѣлала дума для печати?

«Если у города нѣтъ денегъ—нужно поискать источникъ доходовъ, и поискать разумно. Обложите налогомъ, взыскивайте сборы, но взаменъ ихъ вы тоже должны что нибудь дать. Правительство установило извѣстные налоги и установленіе этихъ налоговъ имѣетъ солидное основаніе. Но на какомъ разумномъ основаніи создается думою налогъ на періодическія изданія:—сказать очень трудно, да и прямо таки невозможно. Пожалуй, возвра-

зять, что петербургская печать, процвѣтающая въ полуторамилліонномъ городѣ, поддерживается въ своемъ существованіи обитателями столицы,—обязана, значить, этому же городу. На первый взглядъ, такое мнѣніе какъ будто и вѣрно, но въ дѣйствительности это—большое заблужденіе: петербургская современная печать живетъ не на счетъ одного Петербурга,—ее читаетъ вся грамотная Россія. Правда, въ послѣднее время появилось немало провинціальныхъ газетъ, но эти газеты, за скудостью собственнаго оригинальнаго матеріала, въ значительной мѣрѣ пользуются перепечатками изъ столичныхъ газетъ, а что касается журналовъ, то изданіе почти всѣхъ ихъ,—во всякомъ случаѣ самыхъ распространенныхъ, самыхъ популярныхъ,—сосредоточено въ Петербургѣ. Обложите городскимъ сборомъ повременныя изданія—и вы этимъ налогомъ обремените всю читающую, мало того—всю грамотную Россію. Спрашивается, почему подписчикъ газеты или журнала, живущій постоянно въ Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Кременчугѣ, Херсонѣ, Астрахани или Темрюкѣ, долженъ платить такой сборъ въ пользу Петербурга? Какое ему дѣло до прорѣхъ въ петербургскомъ городскомъ карманѣ? Вотъ ужъ, дѣйствительно, въ чужомъ пиру похмѣлье! Неужели сельскій «батюшка», заолустный помѣщикъ, деревенскій учитель, уѣздный канцеляристъ, безвыѣдно проживающіе въ родныхъ палестинахъ, должны помогать своими сбереженіями думѣ въ постройкѣ моста черезъ Охту или въ проведеніи электрической желѣзной дороги по Невскому проспекту? И гдѣ нашли петербургскіе домовладѣльцы право распространять свои налоги на города и веси нашей великой страны? Столичная печать есть *всероссійская пресса*, а въ дѣлахъ всероссійскихъ петербургская дума лишена всякаго авторитета. Она можетъ распорядиться въ своемъ хозяйствѣ, ограниченномъ чертою Петербурга, а дальше уже не смѣетъ совать своего носа. Петербургская дума можетъ пользоваться своими полномочіями, своею властью,—пользоваться, но не *превышать* ихъ,—только въ предѣлахъ своей мѣстности».

Въ городской кассѣ нѣтъ денегъ! Но ихъ надобно искать въ другомъ мѣстѣ, обложить что либо другое, а не печать. По поводу безденежья городской кассы въ петербургской думѣ, «Новое Время» основательно указываетъ на нѣкоторыя стороны думскаго хозяйничанья.

„За временную отдачу въ аренду мѣста для рождественскаго (елочнаго) и вербнаго торгова у Гостиннаго двора въ городскую кассу поступало *тысячъ восемнадцать* ежегодно; въ нынѣшнемъ же году, съ переводомъ такой торговли на Сенатскую площадь, поодаль отъ центра города, выручено по этой статьѣ городскихъ доходовъ *немногимъ болѣе десяти тысячъ рублей*, т. е. всего одна треть прежней суммы. Городъ лишился двѣнадцати тысячъ, лишился—смѣшно сказать!—по капризу гостиннодворцевъ, принятому близко къ сердцу недалевою думою. По словамъ аристократіи «аршина и прилавка», елочный и вербный торгъ наносилъ-де убытокъ гостиннодворскимъ магазинамъ, скрывая ихъ фасады отъ публики и загромождая собою свободный доступъ къ нимъ. А затѣмъ думскія гуси забренчали что-то жалостное и сладостное насчетъ эстетики: елочная и вербная торговля портила-де красоту Невскаго. И вотъ въ жертву гостиннодворскимъ толстосумамъ наша дума принесла петербургскую бѣдноту, подрѣзавшую елочными да вербными грошами свои скудные заработки, и кромѣ того, принесла въ жертву городскіе интересы, выразившіяся, какъ мы видѣли,

*

не пустяною суммою 12 тысяч рублей. Ну, на этомъ потеряли,—угодивъ зато друзьямъ-сосѣдамъ,—такъ нужно наверстать на чемъ нибудь другомъ. Попалась на глаза газета. «Стой!—крикнулъ кто-то изъ думскихъ созерцателей глубины тощаго чрева городской денежной Данаидовой бочки: — печать не обложена сборомъ?» — Нѣтъ! — «Прекрасно, будешь обложена!» И подъ ретивымъ перомъ думскихъ борзописцевъ вырастаетъ умопомрачительный проектъ налога на печать,—налога на мысль, налога на простыненіе, замаскированнаго нищенскимъ причитаніемъ: «подайте копѣчку въ пользу неимущаго города». Но мы прекрасно знаемъ, чѣмъ пахнутъ всѣ эти копѣчки“...

Нельзя не согласиться съ «Новымъ Временемъ», что печать должна себя считать совершенно свободной отъ всякихъ корыстныхъ поползновеній на нее со стороны. Установить налогъ на печать—значитъ обложить налогомъ грамотность!

Наше городское самоуправленіе требуетъ радикальныхъ реформъ и преобразованій. Такъ дѣло не можетъ долѣе оставаться. Нужны реформы, и чѣмъ скорѣе онѣ будутъ произведены, тѣмъ лучше.

«Пора очистить думскія авгіевы конюшни», — какъ два-три года назадъ выразился инженеръ-гласный.

Настоящій составъ гласныхъ отличается не однимъ только невѣжествомъ, но и феноменальною жадностью, — конечно, не въ пользу города. Отцы города несутъ налоги и всякіе сборы, установленные нѣсколько десятилѣтій назадъ.

Теперь же цѣнность домовъ и недвижимыхъ имуществъ возрасла приблизительно въ два-три раза съ послѣдняго обложения недвижимостей. Слѣдовательно, городскіе налоги и сборы должны быть также увеличены въ 2—3 раза. Вотъ вамъ, отцы города, гдѣ достать средства на обогащеніе городской кассы! Пора, давно пора уже сдѣлать переоцѣнку зданій и домовъ. Этого требуетъ не только недостаточность городскихъ средствъ, но и простая справедливость: квартиронанимателей обдираютъ, а въ городскую кассу не хотятъ вносить, пропорціонально увеличившемуся доходу съ домовъ.

Можно быть увѣреннымъ, что серьезная, честная переоцѣнка домовъ и недвижимостей будетъ произведена только тогда, когда въ числѣ гласныхъ будутъ состоять и квартиронаниматели. Наша интеллигенція въ настоящее время, не имѣя возможности «обзавестись своимъ домкомъ», никакъ не можетъ попасть въ думу, не смотря на то, что въ ея средѣ, во всякомъ случаѣ, можно было бы найти больше полезныхъ и безкорыстныхъ работниковъ на общественной аренѣ, чѣмъ среди тѣхъ гласныхъ, которые нынѣ засѣдаютъ въ городскихъ думахъ, и главное преимущество которыхъ состоитъ въ томъ, что они имѣютъ дома. Когда же интеллигенты-квартиронаниматели войдутъ въ думу, то они потребуютъ немедленной переоцѣнки обывательскихъ домовъ и недвижимыхъ имуществъ. И это будетъ вполнѣ справедливо.

Печальная студенческая исторія окончилась. Учащаяся молодежь можетъ теперь успокоиться, такъ какъ всѣмъ участникамъ

бывшихъ безпорядковъ дано милостивое снисхожденіе. Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 10 іюля сего года, говорится слѣдующее:

Во исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ правительственномъ сообщеніи, 25-го мая сего года, по совѣщаніи съ попечителями учебныхъ округовъ и начальниками высшихъ учебныхъ заведеній, я призналъ возможнымъ оказать снисхожденіе всѣмъ участникамъ бывшихъ въ текущемъ году безпорядковъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, пребываніе коихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ признано вреднымъ для правильнаго хода учебныхъ занятій и которые, поѣтому, не должны быть принимаемы ни въ какое учебное заведеніе. Всѣ же прочіе уволенные изъ высшихъ учебныхъ заведеній должны быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) тѣ, которые могутъ быть обратно приняты въ то же учебное заведеніе въ августѣ текущаго года; еслибы, по числу мѣстъ въ учебномъ заведеніи или инымъ соображеніямъ, лица этой категоріи не могли быть всѣ приняты въ число студентовъ, то возможно зачислить ихъ съ января будущаго года или допускать прямо къ испытаніямъ въ маѣ 1900 года, съ зачисленіемъ ихъ, по выдержаніи испытанія, въ студенты; 2) тѣ, которые могутъ быть приняты обратно въ то же учебное заведеніе въ августѣ 1900 года. Сюда, между прочимъ, могутъ быть отнесены и тѣ, которые во время безпорядковъ были исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое либо учебное заведеніе, если будетъ признано, по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, что отъ нихъ нельзя ожидать вреднаго вліянія на товарищей и на правильный ходъ учебныхъ занятій.

Самое распредѣленіе лицъ на эти категоріи я предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства, по соглашенію съ начальствомъ учебнаго заведенія и мѣстною администраціею. Всѣ желающіе быть принятыми должны подать прошеніе въ то учебное заведеніе, изъ котораго были удалены, и быть поставлены въ извѣстность, что, въ случаѣ новаго ихъ участія въ безпорядкахъ, они будутъ исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое-либо учебное заведеніе.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для надлежащаго исполненія.

Взволнованное студенческое море теперь спокойно можетъ войти въ свои берега и заняться своимъ настоящимъ дѣломъ. Студенческое же дѣло—это прежде всего *наука*, а не *политика*. Для послѣдней наша студенческая молодежь слишкомъ еще млада и неопытна, да къ тому же испорчена наплывомъ карьеристовъ и бродягъ изъ «черты еврейской осѣдлости». Нужно сначала научиться, а потомъ уже заниматься политикой. Увлеченіе молодежи текущей политикой никогда не приносило и не можетъ принести ей пользы.

Въ послѣдней студенческой исторіи былъ видвинутъ политическій вопросъ.

Чисто семейное студенческое дѣло получило совершенно нежелательную окраску, и изъ-за университетскихъ стѣнъ было вынесено на площадь. Какова же эта политика, которая такъ нахально примѣшалась къ чисто студенческому научному дѣлу? Эта «политика» была разъяснена подробно въ правительственномъ сообщеніи, отъ 3 апрѣля сего года.

Университетское брожение находило для себя пищу в тех прокламациях и воззваниях, которые издаваемы были стоявшим во главе движения «Исполнительным Комитетом», а также присылались в Москву из других университетских городов. Особенно вредное в этом отношении влияние имли: воззвание «Киевскаго Союзнаго Совета объединенных землячеств и организаций», от 12 февраля, и появившаяся в Москвѣ прокламация: «Къ учащейся молодежи», от имени «Союза социалистов-революционеров». Первое воззвание указывало на дѣли студенческаго движения, признавая такое «не минутною, быстро гаснущею, вспышкой возмущеннаго (?) чувства, а сознательнымъ и стойкимъ протестомъ противъ общаго режима», и на «близость того дня, когда изъ студенческихъ протестовъ вырастетъ общественное движение», а упомянутая прокламация «къ учащейся молодежи» выражала сочувствіе студентамъ со стороны революціонеровъ и указывала на важность движения в смыслъ политическаго воспитанія молодежи, которая несомнѣнно должна затѣмъ прийти къ сознанию необходимости примкнуть къ активной борьбѣ съ правительствомъ.

Далѣе? Киевскій союзный совѣтъ выпустилъ пѣсколько воззваній противоправительственнаго характера направленныхъ къ порицанію памяти графа Муравьева и къ восхваленію революціонной дѣятельности Мицкевича.

Къ студенческому дѣлу примазались поляки и жидаы, желающіе унижить въ глазахъ русской молодежи высоко-полезную для Россіи дѣятельность графа Муравьева и возвысить дѣятельность Мицкевича, именно какъ яраго врага Россіи и всего русскаго. Многие изъ благоразумныхъ студентовъ киевскаго университета поняли, что они стоятъ на ложномъ пути ¹⁾, вслѣдствіе этого они образовали особую группу, присвоивъ ей наименованіе «Русское общество націоналистовъ». Русское студенчество не должно забывать, что въ стѣнахъ нашихъ университетовъ слишкомъ много инородческихъ элементовъ, готовыхъ, при первомъ удобномъ случаѣ ратовать за свои инородческія мечтанія, а вовсе не за научные интересы. Студенческое дѣло — для русскаго одно, а для поляка еврея и др. — совершенно другое дѣло. Послѣдніе на студенческое дѣло смотрять съ своей чисто инородческой точки зрѣнія. Поэтому, нечего и удивляться, что всегда къ чисто студенческому дѣлу примѣшивается политика. Отвѣтчиками же за эту инородческую политику, по своей неопытности и довѣрчивости, является панургово стадо номинально-русскихъ студентовъ, вынимающихъ изъ печи жареные каштаны для другихъ. Инородцы-студенты въ этомъ случаѣ держатся такой тактики: «намъ, полякамъ, дескать, неудобно поносить Муравьева и возвышать революціонную дѣятельность Мицкевича, а для васъ, русскихъ, это гораздо безпристрастнѣе. Вы, какъ незаинтересованные дѣятельностью этихъ лицъ, явитесь, во имя «свободы человѣческой личности и народовъ», нелицеприятными судьями и т. д. Русскіе и лѣзутъ на эту удочку.

Не примѣшайся къ чисто внутренней университетской жизни,

¹⁾ Въ нашу редакцію былъ доставленъ разумно-написанный протестъ этой части студентовъ, но мы не могли напечатать его вслѣдствіе вѣнскихъ причинъ.

къ чисто семейному домашнему дѣлу посторонніе элементы, — «студенческая исторія» не имѣла бы такихъ печальныхъ послѣдствій, какъ для самихъ студентовъ, такъ для ихъ родителей и родственниковъ. Обнародованныя «Временныя Правила» объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемыми за «учиненіе скопищъ безпорядковъ» являются результатомъ того, что къ студенческой исторіи примѣшалась «политика», явилась даже дерзкая попытка запугивать смирныхъ людей. Не будь этой «политики», можно думать, что и не было бы этихъ «Временныхъ Правилъ». Правила же эти слѣдующія:

Ст. 1. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, — хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вынуди по жеребью нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ.

Примѣчаніе. Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ.

2. Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ, — при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ: предсѣдателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдательствуютъ попечители мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній — особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащими министрами особо назначеннымъ ими лицамъ.

3. Особыя совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министерствъ.

4. Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе, по выслушаніи словесныхъ или къ разсмотрѣнію представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ объясненій обвиняемаго. Неявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ совѣщанія.

5. Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, *въ размѣръ одного или двухъ лѣтъ.*

Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ *размѣръ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо ередное въ безпорядкахъ участіе.*

6. Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министрамъ.

стру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе. Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ.

7. Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности (ст. 1) передается немедленно въ распоряженіе военного начальства.

8. Подлежащій зачисленію въ войска (ст. 7), оказавшійся, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевья.

9. Военному министру предоставляется всеподданѣйше ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по засвидѣтельствованію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга.

10. Проступки (ст. 1) исправно отбывшихъ службу въ войскахъ на основаніи настоящихъ правилъ, предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

По поводу этихъ «Временныхъ Правилъ» «Новое Время» высказываетъ слѣдующія соображенія:

„Нечего и говорить, что правительствомъ принята исключительная мѣра съ цѣлью предупредить повтореніе такихъ же стачекъ, какія происходили прошлою весною въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учащейся молодежи поставлена дилемма: или, подчиняясь дисциплинѣ учебной, отказаться отъ дѣйствій „скопомъ“, или же проходить гораздо болѣе суровую и строгую школу военной дисциплины.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что новая мѣра выработана *въ особомъ совѣщаніи шести министровъ*: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго и управляющаго министерствомъ юстиціи. Въ вѣдѣніи всѣхъ этихъ министровъ находятся высшія учебныя заведенія различныхъ типовъ, и не можетъ возникать ни малѣйшаго сомнѣнія въ рѣшимости правительства примѣнять исключительныя „Временныя правила“ во всей ихъ полнотѣ и строгости, если только повторятся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и внѣ ихъ безпорядки, совершаемые учащимися „скопомъ“, или обнаружатся „упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій“. Въ этихъ случаяхъ каждое отдѣльное вѣдомство будетъ примѣнять «Временныя правила» согласно рѣшеніямъ «особаго совѣщанія», учреждаемаго при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ участіемъ представителей министерствъ: военнаго внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, причемъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было борьбѣ вѣдомствъ.

Полагаемъ, что стачки не составляютъ органической черты въ жизни университетовъ. На первой стачкѣ, разыгравшейся прошлой весной, можно было бы и покончить съ этимъ нововведеніемъ, принесяшимъ столько горя и страданій многимъ юношамъ, множеству семействъ и всему образованному обществу. Какъ и учащаяся молодежь, общество въ массѣ своей испытывало глубокія нравственныя муки во время послѣдней смуты. Не должно быть новыхъ жертвъ; должна начаться новая жизнь въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Благодаря другимъ мѣрамъ, выработаннымъ на совѣща-

ніяхъ попечителейъ учебныхъ округовъ, дана новая почва, на которой могутъ развиваться и новые, лучшіе порядки. Все зависитъ отъ такта профессоровъ, инспекціи и самой учащейся молодежи. *Впервые разрешено образованіе студенческихъ кружковъ съ образовательными и эстетическими задачами, профессорамъ предоставлена почетная роль направить эти кружки учащейся молодежи, поставить ихъ на ноги, разумеется, не для политическаго агитаціи, которая будетъ на руку только врагамъ молодежи, врагамъ просвѣщенія.* Читая не по канцелярски циркуляры министра народнаго просвѣщенія, написанные обычнымъ слогомъ официальныхъ документовъ, мы видимъ въ нихъ явное отраженіе стремленій правительства *не только упорядочить университетскую жизнь, но также обновить и оживить ея основы.* За предѣлами студенческихъ стачекъ,—гдѣ нѣтъ мѣста и примѣненію исключительныхъ „Временныхъ правилъ“,—остается широкое поле, на которомъ и учебное начальство, и профессорская колегія могутъ оказать искреннюю и дѣятельную помощь учащейся молодежи въ ея стремленіяхъ къ гуманности, къ всестороннему развитію“.

«Новости» замѣчаютъ, что «Временныя правила» и заключаютъ въ себѣ одну изъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ устраненія, которыя принимаются правительствомъ только въ крайне исключительныхъ случаяхъ».

«Направленная непосредственно по адресу молодыхъ людей, упорно уклоняющихся отъ подчиненія порядкамъ, существующимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мѣра эта, — говорятъ «Новости», — вмѣстѣ съ тѣмъ является предостереженіемъ родителямъ, мало заботящимся о воспитаніи дѣтей въ духѣ терпимости и разсудительности или считающимъ свою воспитательную миссію оконченной со вступленіемъ учащагося въ высшее учебное заведеніе.

И далѣе:

Подобныя мѣры никому не доставляютъ удовольствія, ни тѣмъ, къ кому онѣ примѣняются, ни тѣмъ, на долю кого выпадаетъ тяжелая задача ихъ примѣненія, но отъ первыхъ вполне зависитъ устраненіе печальной необходимости ихъ примѣненія и даже достиженіе полнаго ихъ забвенія. Для этого требуются лишь побольше самоотверженной любви къ наукѣ и поменьше суетной заботливости о внѣшнихъ условіяхъ и порядкахъ. Многое въ этомъ отношеніи, конечно, могутъ и должны сдѣлать родители, положившіе на воспитаніе и обученіе дѣтей слишкомъ много труда, заботъ и средствъ, чтобы для нихъ было безразлично, какимъ результатомъ завершится ихъ многотрудная задача: благополучнымъ окончаніемъ образованія сына или отдачей его въ солдаты въ назиданіе прочимъ».

Но газета «изъ насихъ» не прочь и поинсинуировать по какому-то безымянному адресу:

«Мы не станемъ также, говорятъ глубокомысленно «Новости», вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими братьями, радоваться этой мѣрѣ, такъ какъ это значило бы радоваться и тому положенію, которое вызвало ея опубликованіе». — Мы не знаемъ, однако, ни одной русской газеты, которая бы злорадствовала по поводу всей этой студенческой исторіи. Мы знаемъ органы, которые разжигали студенческія страсти, но не знаемъ такихъ, которые радовались бы постигнутому студентамъ несчастью. Затѣмъ «Новости» совершенно напрасно *обнадеживаютъ* молодежь, что «временныя правила» могутъ быть, чѣмъ-то

тайнственной рукою (?) или *«совсѣмъ устранена»*, или *«предана забвенію»*. Ужь не дрейфусистской ли командой, не подпольнымъ ли жидовскимъ кагаломъ будетъ произведено это «устраненіе»? Къ счастью, въ дѣйствіяхъ нашего правительства видна очень твердая рука, которая можетъ,—если понадобится,—смести съ лица земля и самый этотъ гнусный жидовскій кагалъ, уже распаряжающійся во Франціи, какъ въ завоеванной странѣ. Во всякомъ случаѣ, не къ лицу было бы нашей государственной власти отступать передъ наглыми затѣями иноплеменниковъ, воровскимъ образомъ вторгнувшихся въ русскую семью и желающихъ обратить наши университеты въ какое-то стѣнбитное орудіе противъ «черты жидовской осѣдлости» и противъ опредѣленнаго «процента» талмудистовъ въ университетскихъ стѣнахъ... *A bon entendeur demi mot.*

Въ заботахъ объ упорядоченіи университетской жизни дошла очередь и до университетской инспекціи. Это—большое мѣсто въ университетской жизни. Въ циркулярѣ, напечатанномъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» объективно указано на злоупотребленія низшихъ агентовъ инспекціи. Циркуляръ предполагаетъ сблизить отношенія между студентами и членами инспекціи. Въ настоящее время, особенную роль въ жизни студента играетъ такъ называемый «педель». По своему образованию и по своей бывшей должности *педель*—это, обыкновенно, фельдфебель или унтеръ-офицеръ. Но ему дано маленькое, повидимому, назначеніе—это записывать студентовъ, посѣщающихъ и непосѣщающихъ лекцію. *De jure*—это микроскопическая должность, а *de facto*—крупная власть, съ которою—особенно бѣдному—студенту приходится считаться. Дѣло въ томъ, что студентъ, благодаря «любезности» *педеля*,—любезности, оплачиваемой 3—5 руб. въ мѣсяцъ, можетъ мѣсяцами не показываться въ аудиторіи, и онъ все таки въ спискѣ *педеля*, а потому и въ спискѣ инспекціи, будетъ значится усерднымъ посѣтителемъ лекцій. На нѣкоторыхъ, многолюдныхъ факультетахъ *педели* зарабатываютъ болѣе иныхъ профессоровъ. Пользы эти бывшіе унтеръ-офицеры не причиняютъ никакой, но вредъ—страшный. Въ университетскую жизнь вводится какой-то обманъ, ложь. Если нужно слѣдить, чтобы студенты непременно посѣщали лекціи, то для этого нужно прибѣгнуть къ какимъ нибудь другимъ, болѣе рациональнымъ мѣрамъ. *Педели*—плохіе надсмотрщики...

Задача циркуляра—сблизить студенчество съ инспекціей, кажется намъ крайне трудною. Гдѣ найти точку соприкосновенія между двумя этими элементами, стоящими теперь особнякомъ? Добиться, чтобы инспекція имѣла нравственное воздѣйствіе и вліяніе на молодежь,—это прямо таки невозможно. Функции инспекціи всегда были и останутся чисто полицейскими. Инспекція не можетъ быть воспитательницей юношества; она можетъ быть надзирательницей, начальницей, чѣмъ хочете, но нравственнаго вліянія на умы молодежи она не въ состояніи имѣть.

Мысль, безспорно, благая, но окажется ли она посильною для инспекціи, со всѣми ея сложными функциями и обязанностями? Пожалуй, пришлось бы инспекцію прямо переродить, чтобы отъ нея даже не отдавало внѣшнимъ полицейскимъ надзоромъ.

Дай богъ, чтобы студенческая жизнь поскорѣ вошла въ мирную колею и чтобы поскорѣ были забыты всѣ ея прегрѣшенія, воинственные и невоинственные. Мы всѣ были молоды и всѣ увлекались, хотя и несовсѣмъ такъ, какъ нынѣ...

Наше молодое министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, на долю котораго выпала тяжелая обязанность привести въ порядокъ не только земледѣліе, но и связанные съ ними промыслы и владѣнія, энергично принялось за переустройство кавказскихъ минеральныхъ водъ. Нашъ Кавказъ славится своими водами (особенно Нарзаномъ) на весь міръ. Но, не смотря на это, кавказскія воды мало эксплуатируются, мало даютъ дохода и посѣщаются большими совсѣмъ не въ такомъ количествѣ, какого бы онѣ заслуживали. Русскій человѣкъ предпочитаетъ отечественнымъ водамъ заграничныя. Причина та, что отчасти русскій человѣкъ привыкъ къ «заграницѣ», а отчасти его страшитъ и та феноменальная неблагоустроенность, которая царитъ на отечественныхъ курортахъ. Нѣтъ хорошихъ, удобныхъ и недорогихъ помѣщеній для жительства; страшныя неудобства на водахъ, дороговизна провизіи и наглая эксплуатація «курсовыхъ» врачей. Проживешь на отечественныхъ водахъ больше средствъ и притомъ съ большими неудобствами, чѣмъ за границей. О неблагоустройствѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ и о тамошней дороговизнѣ много и давно толкуютъ. Говорилось объ этомъ и въ «Наблюдателѣ» еще 10 лѣтъ тому назадъ.

Министерство земледѣлія внесло въ Государственный Совѣтъ проектъ переустройства кавказскихъ водъ, касающійся наиболѣе неотложныхъ мѣръ для приведенія кавказскихъ курортовъ въ возможное благоустройство,—въ такое состояніе, которое отвѣчало бы наиболѣе настоятельнымъ и насущнымъ потребностямъ лѣчащейся въ нихъ публики. Къ термальнымъ станціямъ, очевидно, призваннымъ играть выдающуюся роль въ дѣлѣ врачеванія человеческихъ недуговъ, предъявляются все новыя и новыя требованія. Надобно выразить надежду, что, удовлетворивъ насущнымъ требованіямъ, они и далѣе будутъ идти въ уровень съ вѣкомъ, въ уровень съ наукою, и на этомъ пути не останутъ отъ заграничныхъ курортовъ. Соперничать съ ними они должны и могутъ, потому что имѣютъ для этого всѣ данныя. Необходимо представить русскимъ людямъ возможность пользоваться кавказскими минеральными водами, а не заграничными. Въ этомъ и заключается вся ближайшая задача кавказскихъ курортовъ.

Но, кромѣ этой ближайшей задачи,—есть еще другая задача—это *экспортъ водъ*. Здѣсь нужна реклама, нуженъ кредитъ, нужно умѣнье находить рынки. Нужно согласится, что министерство испугалось этой второй задачи и передало исполненіе ея въ частныя, и притомъ иностранныя, руки. Оно заключило контрактъ съ одной франко-русской компаніей, которой сданы *разливка и продажа* всѣхъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, съ тѣмъ чтобы контрагенты построили на всѣхъ 4-хъ группахъ гостинницы съ 600 номерами и курзалы. Договоръ этотъ вступитъ въ дѣйствіе съ 1 января

будущаго года. Провительство взяло на себя врачебный и техническій контроль за разливомъ и экспортомъ водъ.

«Кто не былъ вѣсколько лѣтъ, говорить «Преднепревскій Край», на кавказскихъ курортахъ, тотъ ихъ не узнаетъ, такъ ушли они за послѣдніе годы впередъ. Въ *Пятигорскъ* появилось электрическое освѣщеніе, появился телефонъ. строится электрическій трамвай, строится новое ванное заведеніе близъ Елизаветинской галлерей и новое гидропатическое заведеніе рядомъ съ зданіемъ теплосѣрныхъ ваннъ, и наконецъ, будетъ выстроена грязелечебница на самомъ озерѣ Тамбихень. Въ *Ессентукахъ* также введено электрическое освѣщеніе, а главное—закончено постройкой новое роскошное ванное зданіе, обошедшееся въ 300 т. р. Строится новый водопроводъ, разбить новый паркъ и сдаются въ аренду на 99 лѣтъ участки земли съ торговь, подъ постройку квартиръ. Въ *Кисловодскъ* строится роскошное гидропатическое заведеніе, на которое ассигновано казною 350 р., а управление владикавказской желѣзной дороги выстроило уже превосходный курортъ и театр. Въ Ессентукахъ организуется благотворительное общество «Санаторій», имѣющее цѣлью дать помѣщеніе и содержаніе несостоятельнымъ больнымъ. На дняхъ, на кавказскія воды пріѣзжалъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, чтобы выбрать мѣсто подъ санаторій для учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства императрицы маріи. Въ Ессентукахъ санаторій послѣдняго рода откроется уже съ будущаго года, пока въ наемномъ помѣщеніи.

Все это прекрасно. Но жаль только, что наши «толстосумы» сидятъ на своихъ сундукахъ и ежеминутно упускаютъ изъ своихъ рукъ русскія дѣла... За распродажею горныхъ богатствъ послѣдовала аренда кавказскихъ водъ; за кавказскими водами наступитъ очередь кавказскихъ лѣсовъ. Нефтепромышленность почти вся уже въ рукахъ иностранцевъ, а тамъ, можетъ быть, не за горами и время, когда производствомъ ржи и пшеницы, вмѣсто русскаго мужика, займутся иностранцы. А мы все будемъ поживать на своихъ сундукахъ, да поругивать басурманъ...

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюателя»).

П О Б Ъ Л У С В Ъ Т У.

(Замѣтки и наблюденія).

Финансовый гигантъ, павшій къ подножію «Золотога тельца».—Феерія г. фонъ-Дервиза и его послѣдніе счеты съ конкурсною комисіей.—Горькій напитокъ, поднесенный ему «управителемъ».—Самые крупныя кредиторы.— Кто сядетъ на мѣсто Дервиза?—С. Мамонтовъ, шествующій по его стопамъ.— Разъясненіе и предостереженіе министерства финансовъ.—Невинный узникъ «Чортова острова», надѣвшій снова капитанскій мундиръ.—Долго ли онъ будетъ носить его?—Трогательная солидарность между нашими и парижскими дрейфусистами.—Сколько ихъ? куда ихъ гонять? что такъ жалобно поють?—Угрозы жидовъ и угрозы жидамъ.—*Quousque tandem?*..

I.

На алтарѣ «Золотога тельца» совершилось недавно одно крупное, хотя и безкровное жертвоприношеніе... Закланію на сей разъ подвергся легендарный богачъ, о которомъ составилъ мнѣніе, что его же царствію не будетъ конца, и баснословныя прихоти котораго исполнялись всѣми безъ малѣйшаго возраженія и проволочки. Если П. П. фонъ-Дервизъ не кушалъ тѣста, замѣшаннаго на «птичьемъ молокѣ», то единственно потому, что такого молока ни откуда не могъ достать ему «управитель» г. Померанцевъ; а если онъ падалъ «соловьиные языки» и не приготовлялъ изъ нихъ рагу для своихъ лукулловскихъ завтраковъ,—то, вѣроятно, на томъ лишь основаніи, что не считалъ ихъ особенно вкусными. Во всякомъ случаѣ, серьезныхъ затратъ на это блюдо онъ отнюдь не боялся.

И вдругъ—вмѣсто птичьяго молока и соловьиныхъ языковъ—г. Померанцевъ угостилъ его такой горькой «померан-

девкой», что у г. фонъ-Дервиза сразу разстроилось все капиталистическое пищевареніе и наступилъ неожиданнымъ образомъ параличъ желудка. Впрочемъ, несовсѣмъ неожиданно! Въ Петербургѣ давно уже ходила молва, что пресловутый богачъ, — который «на серебрѣ... не то — на золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ», — до такой степени разбросался въ своихъ грандіозныхъ комерческихъ предпріятіяхъ, что еле сводить концы съ концами. Какой-то острословъ говорилъ даже, что для сведенія этихъ концовъ и для счастливаго балансируванія между «активомъ» и «пассивомъ» г. Дервизу надобно все шириться да шириться, а не сокращать свои предпріятія, которыя только и могли существовать на почвѣ взаимнаго одолженія и домашняго замазыванія дыръ. Такъ на примѣръ, г. Дервизу, для упроченія своихъ дѣлъ, слѣдовало настоятельно хлопотать предъ подлежащимъ вѣдомствомъ о проложеніи желѣзной дороги на луну, съ концессіей, гарантирующей процентъ со 100 миллионѣвъ на каждую версту фаптастическаго пути.

Умъ помрачается, если мы только бѣглымъ взглядомъ окинемъ весь внушительный фасадъ комерческихъ предпріятій Дервиза. Ему принадлежала огромная и самостоятельная желѣзнодорожная сѣть (Рязанско-уральская); громадная транспортная флотилія на Волгѣ, цѣлый паровой флотъ на Каспійскомъ морѣ, первоклассный машиностроительный и судостроительный заводъ («Сормово»), солидное страховое общество («Сѣверное»), огромный цементный заводъ, «Общество подъѣздныхъ путей» и, наконецъ, обслуживающій всѣ эти сложныя предпріятія свой собственный «Торгово-промышленный Банкъ». Словомъ, чего хочешь, того и просишь. Не просишь только г. Дервизъ коцессіи на луну или на Марсъ; не позаботился объ этомъ «округленіи предпріятій» и вездѣсущій г. Померанцевъ. На томъ они и погибли! У всѣхъ предпріятій не хватало неистощимаго «питательнаго центра», откуда миллионы и даже билліоны притекали бы съ безостановочностью *regretum mobile*. Безпечное довѣріе, оказанное г. Дервизомъ своему несравненному управителю, равнялось только грандіозности и безчисленности самихъ предпріятій. И гдѣ-гдѣ только не фигурировалъ этотъ г. Померанцевъ, въ качествѣ *alter ego* своего патрона и довѣрителя?! Его гешефтмахерскій формуляръ крайне любопытенъ. Онъ участвовалъ чуть ли не въ сотнѣ разныхъ промышленныхъ и комерческихъ «дѣловъ» — то въ званіи директора, то члена правленія, то члена совѣта. Устраненный разомъ ото всего этого грондерства, онъ оставилъ много пустыхъ мѣстъ въ разныхъ «обществахъ» и «товариществахъ», не покидая своимъ попеченіемъ даже «дешевыхъ столовыхъ». Но, въ концѣ концовъ, это дешевое съѣхало на

дорогое, а расплатился за все несчастный довѣритель. По справкамъ, уже наведеннымъ конкурсною комисіей, г. Дервизъ остался должнымъ по вексямъ: государственному банку—ни много, ни мало—1.775,000 р., банкирскому дому г. Вавельберга—575,000 р.; русскому торгово-промышленному банку—200,000 р. (до цѣлаго милліонна не успѣли дотянуть малость!); с.-петербургскому учетному и ссудному банку—550,000 р. и «русскому для внѣшней торговли банку» — ровно полмилліона. Правда, имущества у г. Дервиза оказалось, при ликвидаціи, чуть ли не на 10 милліоновъ больше долговъ; но его погубили обязательные «срочные платежи», которые не справляются ни съ какими активами и пассивами, а лѣзутъ на проломъ и приставляютъ должнику ножъ къ горлу. «Клади деньги объ это мѣсто»—и все тутъ, а въ активѣ и пассивѣ разберемся ужъ послѣ, по объявленіи несостоятельности и по обезцѣненіи всѣхъ предприятий!.. Кому нужно это обезцѣненіе предприятий?—рѣшить нетрудно. Стѣить только взглянуть на имена достопочтенныхъ членовъ конкурса. Это—съ одной стороны г.г. Вавельбергъ и Ротштейнъ, чистѣйшіе сыны израиля, а съ другой—г. Петрококино («онъ турокъ или грекъ»? но, во всякомъ случаѣ, покорный рабъ Израиля). Такимъ образомъ, г. Дервизъ очистилъ мѣсто для всесвѣтной жидовско-финансовой клики, а самъ, вмѣстѣ съ г. Померанцевымъ, окупился въ Лету. Приходится, пожалуй, и сожалѣть...

II.

Покойный Некрасовъ — опытный журналистъ и замѣчательно-умный человекъ—частенько говаривалъ своимъ сотрудникамъ, что, воздвигая публицистическіе громы противъ какаго нибудь общественнаго дѣятеля, всегда слѣдуетъ имѣть въ виду: а кто просится на его мѣсто? ради кого вынимаются каштаны изъ разоженной печки, съ рискомъ спалить себѣ руки? Этотъ завѣтъ Некрасова слѣдуетъ вспомнить, ad hoc, и нашимъ теперешнимъ публицистамъ. Г. Дервизъ широко размахнулся и... упалъ навзничъ отъ этого самаго размаха. Но, во время этихъ манипуляцій, за спиною финансоваго богатыря ехидно прятались финансовыя акулы, которыя только и ждали, чтобы сказочный богатырь покачулся и далъ имъ себя въ руки. Великодушія и отсрочки отъ нихъ, конечно, нечего было и ждать; нельзя было разсчитывать даже и на простое житейское благоразуміе—не взрѣзывать живота курицѣ, несущей золотыя яйца. Финансовымъ акуламъ нужны не живые люди, а *ихъ съдобныя тѣла*; имъ нужно *сбить съ позиціи* противоборствующую силу, еще не попавшую всецѣло въ кабалу ко всесвѣтной бандѣ, и самимъ стать на ея мѣсто, чтобы затѣмъ распоряжаться фи-

нансовыми дѣлами по своей вольной волюшкѣ. На этомъ пунктѣ всѣ евреи изумительно-солидарны, какъ вѣсковые заговорщики: «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!» Уклоненія отъ этого принципа они не допускаютъ, и если «Самуиль Поляковъ не оказалъ во-время кредита добродушному и довѣрчивому Моисею Варшавскому, то тутъ уже дѣйствовала личная зависть и честолюбивое желаніе: не дѣлиться ни съ кѣмъ своимъ денежнымъ могуществомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, еврейскій синедріонъ можетъ поучить насъ своей солидарности и единомыслію. Въ то время какъ російскіе толстосумы и лоботрясы даже не подумаютъ о взаимной помощи въ критическую минуту и равнодушно посмотрятъ на мертвую петлю, въ которой бьется и издыхаетъ ихъ собратъ, — «всемирный израильскій союзъ» всегда стоитъ на стражѣ общеврейскихъ интересовъ и всегда обезпечить ихъ широкимъ кредитомъ, давая возможность вырваться изъ петли неосторожному предпринимателю. Государственные же банки, — попавшіе чуть ли не вездѣ въ еврейскія лапы, — не вмѣшиваются въ эти дѣла, не регулируютъ кредита къ общенародной выгодѣ, а дѣлаютъ его какой-то жидовской привилегіей, только прикрытой государственной санкціей...

Нашъ государственный банкъ оказалъ, правда, наибольшій кредитъ г. Дервизу; но и онъ не захотѣлъ продолжать свою поддержку до минованія остраго кризиса, и отнял помогающую руку въ самый тревожный моментъ... Мы не знаемъ, насколько основательны были опасенія государственнаго банка «зарваться» въ кредитъ, открытомъ имъ для промышленныхъ негодій г. Дервиза; но прекращеніе этого кредита, повлекшее за собою такой громкій крахъ, едва ли не создало еще болъшую опасность для русскаго торгово-промышленнаго дѣла вообще. Вычеркиваются изъ правильнаго оборота десятки милліоновъ; другіе десятки, заключающіеся въ процентныхъ бумагахъ фирмы на ея депозитъ, должны подвергнуться усиленной продажѣ; соединенной съ быстрымъ паденіемъ цѣнъ; происходитъ общее смятеніе на биржѣ, уже вынудившее министерство финансовъ къ успокоительному объясненію, что «госудаственное казначейство и государственный банкъ находятся въ отличномъ состояніи». Не превышаютъ ли неудобныя стороны этого «краха» того риска, которому подвергся бы государственный банкъ, усиливъ свою финансовую поддержку? Мы нисколько не заступаемся за «излишнее увлеченіе биржевою игрою и учредительствомъ», противъ котораго предостерегаетъ министерство финансовъ въ своемъ послѣднемъ сообщеніи; не думаемъ отрицать и «несоотвѣствія имущественной состоятельности учредителей съ размѣрами предпріятія»: — все это вѣрно, но не менѣе вѣрно и то, что возбужденное крахомъ недовѣріе къ цѣлому ряду

другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, дѣль не можетъ способствовать оздоровленію и оживленію нашей торговли и промышленности... Вѣдь это тоже чего нибудь да стоитъ!

Вслѣдъ за крахомъ Дервиза въ Петербургѣ, послѣдоваль уже крахъ солидной фирмы С. Мамонтова въ Москвѣ, а затѣмъ:—кто можетъ предвидѣть, на чемъ останутся эти злополучные крахи? Московское «именитое» купечество и то уже разсыроплено въ ужасающей мѣрѣ, еврействомъ. Въ его средѣ, вмѣсто Боткиныхъ, появился уже нѣкто Буде; Вишняковыхъ замѣнилъ еврей Вишнякъ; Крашенинникова—Китаевичъ, Лепешкина—Липшицъ, Найденовыхъ—Найдичъ, Немирова—Немировский, Урусова—Урысонъ, Слѣпухина—Слѣпнякъ и пр., и пр. Подъ чисто русскими фамиліями прячутся тѣ же «вѣчные жида»: Бѣлоусова Виктора Андреевича замѣнилъ Бѣлоусовъ *Хаимъ Мейеръ*; Бѣлкина Сергѣя Ивановича—Бѣлкинъ *Лейба Вульфовъ*; Полякова П. Ив.—Поляковъ *Лазарь Соломоновичъ* и т. п. Чистѣйшій жидовскій маскарадъ! Кто займетъ мѣсто Мамонтова? покуда еще неизвѣстно; но, по всей вѣроятности, какой нибудь Ицка Мамельштейнъ...

III.

Въ небольшомъ городѣ Реннѣ разыгрывается послѣдній актъ той гнусной трагикомедіи, которая до тошноты надоѣла всей Европѣ и называется «дрейфусіадой». Предъ военнымъ судомъ явился опять, въ капитанскомъ мундирѣ съ иголки, пресловутый Альфредъ Дрейфусъ, уже осужденный въ 1894 г. за торговлю военными секретами и усердно обѣляемый своими достойными соплеменниками и единовѣрцами, по естественному животному чувству самосохраненія. Осужденіе Дрейфуса, какъ извѣстно, дало поводъ возбудить вопросъ: насколько, вообще, талмудисты могутъ быть терпимы во Франціи—не только въ военной, но и въ гражданской государственной службѣ? Вопросъ шелъ, такимъ образомъ, о серьезномъ ограниченіи такъ называемой «равноправности» евреевъ, неблагоразумно *выкрикнутой* совершенно невѣжественными въ талмудъ или прямо подкупленными фразерами первой французской революціи. «Равноправность» пришельцевъ послужила во Франціи,—какъ и вездѣ,—только къ систематическому угнетенію и къ безправности кореннаго населенія, путемъ финансоваго закабаленія, политическихъ подтасовокъ и подкупа прессы, парламента и бюрократіи. Выступивъ на этотъ путь, жида, конечно, уже не могутъ на немъ остановиться и продолжаютъ подкапываться подо всѣ національные устои страны и подо ея христіанскую религію, сохраняя *только для себя* и свою бродяжническую національность, и свою варварскую псевдо-религію.

Въ настоящее время, посредствомъ прямого подкупа и политическаго шуллерства, — которому такой широкій просторъ даетъ во Франці конституція Ривэ, низведшая президента на степень марionетки въ рукахъ банкировъ и раввиновъ, — жида уже успѣли деморализировать политическій бытъ страны и не успѣли еще только подорвать ея національную военную силу, обративъ ее въ какую-то преторіанскую стражу для охраненія специально-жидовскаго владычества. Президентъ республики (извѣстный панамистъ) уже открыто держитъ ихъ сторону, насколько онъ можетъ вліять на дѣла, а президентъ совѣта министровъ, — совершенно заслоняющій собой номинальнаго главу государства, — и рветъ, и мечетъ противъ пробудившагося честнаго патриотическаго чувства. Также панамистъ по своей прошлой репутации, Вальдекъ-Руссо арестуетъ во *второй* разъ самоотверженнаго Поля Дерулёда, никакъ не подчиняющагося жидовской гегемоніи, (и, вѣроятно, съ такою же точно предстоящею удачею на судѣ присяжныхъ, какъ и въ первый разъ!); пробуетъ онъ арестовать и другаго антисемита, Герена, но вызываетъ уже открытое сопротивленіе, которое неизвѣстно еще чѣмъ можетъ кончиться... «Супротивные» генералы, не желающіе надѣвать на себя жидовскаго ярма, увольняются или перемѣщаются — храбрымъ въ мирное время — генераломъ Галлифэ, а военному суду даютъ явно понять всѣми этими предвѣстіями, что здѣсь нужно не правосудіе, а только угодничество передъ еврейскимъ кагаломъ. Дрейфусъ ведетъ себя на судѣ гордо и самоувѣренно, какъ бы приготовляясь уже получить вѣнокъ за добродѣтель, и не унываетъ даже тогда, когда свидѣтели: Мерсье, Рожэ и др. бьютъ его наповаль своими показаніями, а безпристрастный предсѣдатель только изумляется наглости его «защирательства».

Кстати, припомнимъ одно важное обстоятельство, ярко характеризующее *нравственную личность* «невиннаго узника» Чортова острова. Въ январѣ 1891 года (за три года до процесса Дрейфуса), въ Парижѣ разбиралось громкое дѣло по обвиненію русскаго эмигранта Владимірова въ убійствѣ. Убитая, г-жа Дида, была очень богатая женщина, не первой уже молодости, но весьма и весьма пылкихъ страстей. Она *покупала* любовь и щедро платила своимъ альфонсамъ. Владиміровъ тоже пользовался ея даяніями и, наконецъ, будто бы ухлопалъ ее, желая разбогатѣть сразу, по объясненію обвинителя. Въ свою защиту, Владиміровъ говорилъ, однако, на судѣ, что г-жа Дида имѣла много другихъ поклонниковъ и въ числѣ ихъ *указалъ прямо на Дрейфуса*, который тоже находился у нея на содержаніи. (Въ скобкахъ замѣтимъ, что Дрейфусъ хотя и числился «въ племянникахъ» у парижскаго Ротшильда, но дяденька не очень-то поощрялъ его эпикурейскія

похожденія и потрянулъ свою кагальную мошную только уже тогда, когда съ вопросомъ о виновности Дрейфуса фатально связался и вопросъ о жидовской равноправности). «Невинный страдалецъ», какъ видно, еще до продажи военныхъ секретовъ, находилъ и другіе неблаговидные ресурсы для своего безпечальнаго существованія... Любопытно, что на этомъ же процессѣ защитникомъ Владимірова явился *тотъ самый Деманжъ*, который нынѣ обѣляетъ Дрейфуса, и въ своей рѣчи жестоко опрокинулся тогда на неявившагося въ судъ альфонса, называя его «*человѣкомъ, нравственность котораго представляется весьма сомнительною*». Теперь же, конечно, Деманжъ убѣжденъ въ голубиной чистотѣ племянника Ротшильда!.. Еще болѣе нелестно отозвался въ то время о Дрейфусѣ нашъ военный агентъ въ Парижѣ, генераль-адыютантъ баронъ Фредериксъ, назвавъ его прямо «*гадиной*» (ше старуле). Графъ Л. Н. Толстой тоже, какъ извѣстно, не допускалъ ошибки въ дѣлѣ перваго суда надъ Дрейфусомъ.

Натурально, что вся жидовская и холопствующая передъ жидами пресса,—какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи,—лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы всячески возвеличить этого альфонса. Старая поговорка покладливыхъ людей: «*чье я пью-кушаю, того я и слушаю*», примѣняется, воочію, на практикѣ и въ наши дни. За «*Figaro*» и другими, явно-дрейфусистскими, органами, «*пѣтушкомъ-пѣтушкомъ*» подпрыгиваютъ и петербургскія «*Новошты*», и «*Сынъ (израильскаго) Отечества*», и московскія «*Новошты Дня*», и ростовская «*Донская Пчела*», и виленское «*Сѣверо-западное Слово*», и «*Одесскій Листокъ*», и газета «*Волынъ*»... Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, эти жидовскія рептиліи продолжаютъ воздавать Дрейфусу чуть не божескія почести, а его противниковъ (какъ напр., честнаго Кенэ-де-Борепера,—вышедшаго въ отставку, чтобы не сидѣть рядомъ съ продажными судьями,—или всѣхъ военныхъ министровъ Франціи, кромѣ, конечно, провансальскаго жида Галлифэ)—обзываютъ, съ безшабашною наглостью, «*ослами*», «*сумашедшими*» и т. д.

Жида грозятъ Франціи—обратить ее въ свое «*быдло*», но и жидамъ французы угрожаютъ тоже, и «*кто... кого смога, тотъ того и въ рога*!» Если жена генерала Мерсье,—одного изъ главныхъ свидѣтелей противъ Дрейфуса,—не выходитъ изъ кухни, чтобы жида не отравили пищи ея мужа, то и адвокатъ Лабори поплатился своими боками за Дрейфуса... Впрочемъ, эта исторія также загадочна, какъ и стрѣльба въ короля Милана: въ Бѣлградѣ никакъ не могутъ найти пулю, будто бы выпущенныхъ Кнежевичемъ, а въ Реннѣ невѣдомо куда скрылся, среди бѣла дня, таинственный преступникъ, будто бы похитившій у раненаго аблаката какіе-то «*важные документы*» для оправданія Дрейфуса.

Тѣмъ не менѣе,—не смотря на подкупы и застрачиванье,— въ военномъ судѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, слагается убѣжденіе въ несомнѣнной виновности жида-предателя. Не смотря на предписаніе кассационной палаты—держаться въ рамкахъ, уже установленныхъ прежнимъ судопроизводствомъ—новый судебный трибуналъ вызываетъ и выслушиваетъ новыхъ свидѣтелей, не стѣсняясь помянутымъ предписаніемъ. А новые свидѣтели, очевидно, не повинуются кагалу.

Да и вообще, такъ называемая, «Великая Молчальница»,— т. е. французская армія in cogroge,—осыпаемая гнусною бранью и инсинуаціями всесвѣтныхъ проходимцевъ, начинаетъ тяготиться своимъ вынужденнымъ молчаніемъ, и весьма возможно, что она не только заговорить, но и приступить отъ словъ къ дѣлу...

Надо же, наконецъ, Франціи выйти изъ того кабальнаго положенія, въ которомъ она очутилась, благодаря жидовской равноправности и своему чуждому—не республиканскому и не монархическому—режиму!!

Князь Tenerifскій.

—

Въ августѣ.

I.

Августъ. Свѣжъ замѣтно воздухъ.
Дачный мужъ, какъ вѣчный жидъ,
Не успѣвъ дать силамъ роздыхъ,
Вновь по городу бѣжить.
Августъ. Вновь домовладѣлецъ
Крокодила слезы льетъ:
Плачетъ самъ изъ-за бездѣлицъ,
А съ жильца семь шкуръ деретъ.
Августъ. Дачи алчнымъ взоромъ
Озирая каждый мигъ,
Ходятъ возлѣ нихъ дозоромъ
Зеленьщикъ, рыбакъ, мясникъ...
Августъ. Блещутъ свѣтомъ яснымъ
Отъ заката до зари,
Въ пику думскимъ соннымъ гласнымъ,
«Гелиоса» фонари.
Августъ. Фрукты въ сильномъ спросѣ.
Дешевъ плодъ любой и спѣлъ.
Массу дачъ, трусливость броса,
Обокрасть «босякъ» успѣлъ...
Августъ. Въ знакахъ зодіака
«Дѣвой» онъ изображенъ.
Но податливыхъ, однако,
Мало зримъ мы дѣвъ и женъ.
Дѣвы холодны, какъ рыбы,
Презирая страсти рѣчь;
Мы «законнымъ» лишь могли бы
Только бракомъ ихъ увлечь.
Но на этотъ шагъ рѣшится

Лишь шамьная голова:—
 По карману бьютъ въ столицѣ
 И квартиры, и дрова...

II.

Точить дочку мамаша суровая:
 — «Чтобъ конторщика-франта кормить,
 Заложила я ложки столовые,
 Заложила съ брильянтами нить.
 Нынче дачные строги хозяева:
 Къ мировому грозятся упечь...
 Франтъ твой скрылся. Ужели нельзя его
 За три мѣсяца было увлечь?»
 — Онъ клялся мнѣ въ любви упоительно...
 — «Ну, такъ дѣло пошло ужъ на ладъ?
 Что жъ въ итогѣ? скажи мнѣ рѣшительно!»
 — Онъ, мамаша... лѣтъ восемь женатъ...

III.

Подъ осень мы, квартирѣ рабы,
 Отъ нихъ большой несемъ убытокъ,
 Но августъ, волею судьбы,
 Зато плодовъ даетъ избытокъ.
 Въ началѣ лѣта, каждый годъ,
 Цѣной васъ сильно огорошивъ,
 Ассортиментъ ихъ, въ свой чередъ,
 Становится подъ осень дешевъ,
 И, зря средь общей кутерьмы
 «Переселеніе народовъ»,
 На рынкахъ въ массѣ видимъ мы
 Плоды садовъ и огородовъ.
 Сезоннымъ всѣмъ плодамъ не въ счетъ,
 Утративъ интересъ новинки,
 «Любви несчастной тайный плодъ»—
 Въ избыткѣ... на житейскомъ рынкѣ.

Невскій Житель.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

на новый ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„ЖИВОЕ СЛОВО“

выходящій во Львовѣ книжками въ 4—5 листовъ каждая.

«Живое Слово» будетъ вмѣщать все, что касается или должно бы касаться народной жизни Прикарпатской Руси, все живое, что происходитъ изъ нея, и что слѣдовало бы въ нее внести. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія; въ научномъ—разсужденія, статьи и материалы, преимущественно изъ области исторіи, исторіи литературы и этнографіи; въ политическомъ—статьи и обзорнія политико-общественной жизни, письма и корреспонденціи изъ края, Россіи и другихъ славянскихъ земель; наконецъ, особенное вниманіе будетъ обращено на литературную критику, которая находилась у насъ до сихъ поръ въ полномъ запустеніи.

Подписная цѣна: за годъ (12 книжекъ) — 12 коронъ, или 6 рублей; за 1/2 года (6 книжекъ) — 7 коронъ, или 3 руб. 50 коп.; отдѣльныя книжки по 1 кор. 60 геллеровъ, или 80 коп.

Всѣ посылки для «Живаго Слова»: рукописи, материалы, періодическія изданія и книги въ обмѣнъ или для отзыва, какъ и подписныя деньги, слѣдуетъ посылать: *въ контору редакціи «Живаго Слова», во Львовѣ, ул. Гауснера д. н-ръ 18, кв. 10.*

Редакторъ: Ю. А. Яворскій.

Издатель: О. А. Момчловскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“.

Подписная цѣна: на 1 годъ—7 руб., на 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., на 6 мѣс.—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., на 1 мѣс.—1 руб.

Газета выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльникомъ.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Въ предѣлахъ разрѣшенной программы, въ «Донской Рѣчи» ежедневно будутъ помѣщаться: 1) правительственныя распоряженія; 2) передовыя статьи; 3) внѣшнія извѣстія; 4) внутреннія извѣстія; 5) телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства; 6) мѣстная жизнь: дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи, хроника гг. Новочеркасска, Ростова, Таганрога, Александровска-Грушевскаго, Азова, станицъ, селъ и хуторовъ Донской области; 7) изъ залы суда; 8) маленкій фельетонъ (мѣстныя злобы дня); 9) большой фельетонъ (статьи критико-публицистическія, журнальное обзорніе и обзорніе періодической печати, беллетристика оригинальная и переводная); 10) театр и музыка; 11) библиографія; 12) новости науки, литературы и искусства; 13) мелочи жизни; 14) разныя замѣтки.

Адресъ редакціи и конторы: Новочеркассъ, Платовскій проспектъ.

За Редактора *Ал. Шепкаловъ.*

СОДЕРЖАНІЕ № 8-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАВ.
I. Въ семьѣ Востоковыхъ. Романъ А. Мартынова	7
II. Лѣтній вечеръ. Стихотвореніе Л. Афанасьева.	96
III. Очерки Средней Азіи. (Путевыя впечатлѣнія). Николая фонъ-Гука	97
IV. Сафо. (Изъ П. Верлена). Стихотвореніе К. В. Иванова.	126
V. «По закону». (Изъ южно-русской жизни). Д. Ф. Федорова.	127
VI. Пауперизмъ въ Парижѣ. (По изслѣдованіямъ д'Оссонвиля).	144
VII. Передъ разлукой. Стихотвореніе Г. Арищенки	181
VIII. Одинъ изъ еврейскихъ «культурныхъ» обрядовъ. Н. Ш.	182
IX. Подражаніе древнимъ. Стихотвореніе Д. Ратгауза	189
X. Разбитая жизнь. (Mater Dolorosa). Романъ Джероламо Роветты	190
XI. Послѣдній пріютъ. Стихотвореніе В. Чуфарина	301
XII. Провинціальная жизнь. X.	302
XIII. Іюньская ночь. Стихотвореніе гр. П. Д. Бутурлина	333
XIV. А. П. Пятковский. Къ сорокалѣтію литературной дѣятельности. (Съ портретомъ)	334

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника	1
XVI. Новыя книги.	21
XVII. Наши внутреннія дѣла	27
XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «По бѣлу свѣту». (Замѣтки и наблюденія). Енязя Тенерифскаго.	43
2) Стихотвореніе Невскаго Жителя	51
XIX. Объявленія	1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы вѣрно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія идущей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, действительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *неосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику, заказной бандеролью, за 1 руб. 25 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его номеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семисотъчныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 1 р. Перемѣны адресовъ общаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи *не иначе, какъ четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, — если не будутъ потребованы обратно, — уничтожаются. *Статьи менѣе 200 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются.* По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей (свыше 200 листовъ) иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія *точныхъ* условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи (съ платою за всю рукопись). Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *казанными* (а не простыми) *письмами* и бандерольями. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленные на нѣсколько книгъ, рассчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го октября по 1-е мая — отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года — до 3 час., *кроме праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи — по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу — 25 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. — 13 руб., и за $\frac{1}{4}$ стр. — 7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счета въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія*: иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни.* Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то

ГОДЪ XVIII. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XVIII.

Вступивъ въ осьмнадцатый годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-национальномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 руб. съ годовой платы. Въ слѣдующемъ же году редакція нашла возможнымъ сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить иллюстраціи.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою иногороднымъ; за границу—14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—4 руб. **За одинъ мѣсяць:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. 50 к. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годов. экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за текущій годъ (№№ 1—7) помѣщены портреты: статсъ-секретаря *Ө. П. Корнилова*, члена Государственного Совѣта *М. Н. Галкина-Враскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусицкаго* (основателя «Дома призрѣнія» въ Петербургѣ) и *А. П. Пятковскаго* (къ сорокалѣтню литературной дѣятельности).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи: Колокольная ул. (на углу Николаевской) д. № 18/19; въ конторѣ «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «Нов. Времени».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

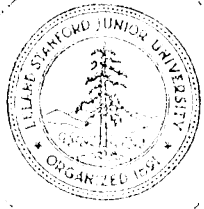
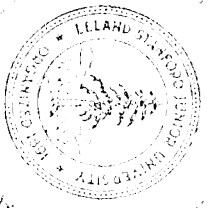
Возобновленіе газеты «ГЛАСНОСТЬ» отлагается. Право на возобновленіе газеты продолжено до 1-го мая 1900 г. Подписчики, не приславшіе до 1-го апрѣля своихъ отвѣтовъ на запросъ редакціи, получаютъ журналъ «НАБЛЮДАТЕЛЬ», со скидкою 2 р. съ годовой платы.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ**

AP

50

N33

v.18

no. 8

1899

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

